Агата Кристи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В тринадцатым том Собрания сочинении А Кристи вошли романы «Багдадская встреча» (1951), «Миссис МакГинти с жизнью рассталась» (1952), «После похорон» (1953).

- Кристи Агата
  - БАГДАДСКАЯ ВСТРЕЧА
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
  - МИССИС МАКГИНТИ С ЖИЗНЬЮ РАССТАЛАСЬ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9

- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Эпилог

○ ПОСЛЕ ПОХОРОН

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24

- Глава 25
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261

- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279

Кристи Агата
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

БАГДАДСКАЯ ВСТРЕЧА
They Came to Baghdad 1951©
Перевод Бернштейн И

Посвящается всем моим багдадским друзьям

Глава 1

1

Капитан Кросби вышел из банка с довольным видом — как вкладчик, который снял деньги со счета, а там, оказывается, еще осталось больше, чем он предполагал.

У капитана Кросби часто бывал довольный вид. Такой характер. Собой он был невысок, коренаст, румян, и усы армейские, щеточкой. Походка тоже отчасти армейская, ать-два. Одевался разве что немного пестровато. Зато обожал слушать чужие рассказы. Однополчане его любили. Эдакий бодрячок, звезд с неба не хватает, но душевный. И холост. В общем, человек ничем не примечательный. Таких на Востоке сколько угодно.

Улица, на которую вышел капитан Кросби, именовалась Банк-стрит — по той простой причине, что на ней были расположены чуть ли не все банки города. В помещении банка стояла полутьма и прохлада и немного пахло затхлостью. В тишине раздавался только стрекот пишущих машинок.

А вот на улице сияло солнце, ветром кружило сор и воздух дрожал от оглушительной разноголосицы. Настырно гудели автомобили. Орали всевозможные разносчики. Люди, сбившись в кучки, отчаянно бранились, казалось, готовые перерезать друг другу глотки, хотя на самом деле были добрыми приятелями; торговцы мужчины, подростки, детишки — сновали по мостовой, перебегали через улицу, держа подносы, заваленные деревянными поделками, сластями, апельсинами и бананами, банными полотенцами, гребенками, бритвами и прочим товаром. Постоянно кто-нибудь зычно отхаркивался и смачно сплевывал. И, пробираясь среди машин и пешеходов, тонко, жалобно вопили погонщики ослов и лошадей: «Балск-Балск!»[1]

Было одиннадцать часов утра в городе Багдаде.

Остановив мальчишку, бегущего с охапкой газет, капитан Кросби купил у него свежий номер. И свернул за угол на улицу Рашид[2], главную городскую магистраль, тянущуюся параллельно берегу Тигра[3] на добрых четыре мили.

Капитан Кросби на ходу скользнул взглядом по газетным заголовкам, скрутил газету трубкой, сунул под мышку и, прошагав ярдов[4] двести, очутился на углу узкого переулочка, который привел его на широкое подворье, по-местному — «хан». Он пересек открытый двор и толчком отворил одну из дверей, украшенную медной дощечкой. Внутри оказалась контора.

Навстречу с приветливой улыбкой поднялся аккуратный молодой клерк, местный уроженец.

— Доброе утро, капитан Кросби, чем могу быть полезен?

— Мистер Дэйкин у себя? Хорошо, я пройду к нему.

Он открыл еще одну дверь, поднялся на несколько ступенек, прошел в конец довольно грязного коридора, постучался. Из-за двери ответили:

— Войдите.

Комната с высоким потолком была просторна и почти пуста, — только керосинка, на которой грелась в миске вода, низкая оттоманка[5], перед ней кофейный столик, поодаль — массивный, довольно обшарпанный письменный стол. Горело электричество, а окна были тщательно зашторены. За обшарпанным столом сидел человек, тоже довольно обшарпанный, у него было усталое, равнодушное лицо неудачника, который сам сознает, что ничего в жизни не добился, но давно уже махнул на все рукой.

Эти двое: бодрый, самоуверенный Кросби и понурый, скучливый Дэйкин — посмотрели друг на друга.

Дэйкин произнес:

— Хэлло, Кросби. Прямо из Киркука?[6]

Гость кивнул. Тщательно закрыл за собой дверь. Она была тоже обшарпанная, плохо выкрашенная, но обладала одним неожиданным свойством: закрывалась плотно, ни щелки, ни зазора ни снизу, ни с боков.

Дело в том, что это была звуконепроницаемая дверь.

Как только она закрылась, в облике обоих действующих лиц произошли некоторые перемены. Капитан Кросби смотрел уже не так вызывающе-самодовольно. Мистер Дэйкин перестал так безнадежно сутулиться, во взгляде его появилась твердость. Присутствуй в комнате кто-то третий, он бы, к своему изумлению, увидел, что главный здесь — Дэйкин.

— Есть новости, сэр? — спросил Кросби.

— Да, — со вздохом ответил Дэйкин. Перед ним на столе лежала бумага, которую он только что кончил расшифровывать. Он обвел две последние буквы и сказал: — Местом назначен Багдад.

Чиркнув спичкой, он поджег листок, выждал, пока *бумага* вся прогорит, а затем легонько дунул и развеял пепел.

— Да, — повторил он еще раз. — Остановились на Багдаде. Двадцатого числа будущего месяца. Нам предписано «соблюдать полнейшую секретность».

— Об этом на базарной площади уже три дня идут разговоры, — сухо заметил Кросби.

Его долговязый собеседник устало усмехнулся:

— Полнейшая секретность! На Востоке полнейшей секретности не бывает, как мы с вами знаем, Кросби.

— Совершенно справедливо, сэр. Да ее и нигде не бывает, на мой взгляд. Во время войны я часто замечал, что парикмахер в Лондоне знает больше, чем верховное командование.

— В данном случае это не так уж и важно. Раз принято решение, что встреча состоится в Багдаде, все равно скоро будет объявлено официально. И вот тут-то начнется наша с вами забава.

— А вы полагаете, она действительно состоится, сэр? — с сомнением спросил Кросби. — По-вашему, дядя Джо[7](так неуважительно у них именовался глава одной из великих европейских держав) всерьез согласен приехать?

— По-моему, на этот раз да, Кросби, — посерьезнев, ответил Дэйкин. — Я считаю, что да. И если встреча произойдет — и пройдет без помех, — это может быть спасением для… для всех. Только бы добиться хоть какого-то взаимопонимания… — Он замолчал.

— Простите, сэр, вы полагаете, что взаимопонимание, хоть в каком-то виде, все же возможно?

— В том смысле, как вы это понимаете, Кросби, может быть, и нет. Если бы речь шла просто о встрече двух человек, представляющих две совершенно разные идеологии, вполне возможно, что дело бы опять кончилось ничем, только еще усилились бы с обеих сторон отчуждение и подозрительность. Но тут есть еще и третий фактор. Если то, что сообщает Кармайкл, при всей невероятности, правда…

— Но, сэр, это не может быть правдой! Это фантастика.

Шеф задумался и молчал. Ему ясно, как вживе, вспомнилось серьезное, встревоженное лицо, тихий невыразительный голос, рассказывающий невероятные, фантастические вещи. И опять, как тогда, он сказал себе: «Одно из двух: либо мой самый лучший, самый надежный агент сошел с ума, либо то, что он говорит, — правда».

А вслух прежним печальным голосом ответил:

— Кармайкл поверил. И все данные только подтверждают его гипотезу. Он решил отправиться в те края и привезти доказательства. Не знаю, прав ли я был, что отпустил его. Если он не вернется, в моем распоряжении будет только то, что Кармайкл рассказал мне, а ему — кто-то еще. Убедительно ли это прозвучит? Вряд ли. Фантастика, как вы говорите. А вот если двадцатого числа он сам окажется в Багдаде и выступит как прямой очевидец и предъявит доказательства…

— Доказательства? — переспросил Кросби.

Дэйкин кивнул.

— Да, он раздобыл доказательства.

— Откуда это известно?

— Условная фраза. Получена через Салаха Хассана. — Он вдумчиво произнес: — «Белый верблюд с грузом овса прошел через перевал».

Он помолчал. Потом продолжил:

— Так что Кармайкл добыл то, за чем отправился, но навлек на себя подозрения. По его следу идут. Какой бы маршрут он ни избрал, за ним будет вестись наблюдение, и, что самое опасное, здесь ему подготовлена встреча. И не одна. Сначала на границе. А если он все же через границу проберется, то в городе все посольства и консульства будут взяты в кольцо, чтобы не дать ему доступа внутрь. Вот смотрите.

Дэйкин перебрал пачку бумаг на столе и зачитал одну:

— «Застрелен, — по-видимому, бандитами, — англичанин, путешествовавший на собственной машине из Персии в Ирак». «Курдский купец, спустившийся с гор, попал в засаду и был убит». «Другой курд, Абдул Хассан, расстрелян в полиции по подозрению в контрабанде сигарет». «На Ровандузской дороге обнаружен труп мужчины, впоследствии опознан: армянин, водитель грузовика». И все жертвы, заметьте, объединяет некоторое приблизительное сходство. Рост, вес, волосы, телосложение примерно соответствуют описанию Кармайкла. Так что там не полагаются на авось. Их действия имеют целью перехватить его во что бы то ни стало. В Ираке же его ждет еще больше опасностей. Садовник в посольстве, прислуга в консульстве, служащий в аэропорту, в таможне, на железнодорожном вокзале… Все гостиницы под наблюдением… плотное, неразрывное кольцо.

Кросби вздернул брови.

— Вы думаете, такая широкая организация, сэр?

— Без сомнения. А утечки происходят даже в нашем ведомстве. И это самое ужасное. Могу ли я быть уверен, что предпринимаемые нами меры для благополучного прохода Кармайкла в Багдад уже не стали известны той стороне? Самый простой шаг в игре, как вы знаете, — перекупить кого-нибудь в чужом лагере.

— И у вас есть… э-э… подозрения?

Дэйкин медленно покачал головой.

Кросби перевел дух.

— Ну, а пока, — проговорил он, — мы продолжаем выполнять приказ?

— Да.

— А как насчет Крофтона Ли?

— Он согласился приехать в Багдад.

— Все съезжаются в Багдад, — сказал Кросби. — Даже дядя Джо, как вы сказали, сэр. Но если здесь что-нибудь случится с президентом, аэростат, как говорится, взовьется на недосягаемую высоту.

— Не должно ничего случиться, — сказал Дэйкин. — На то здесь мы. Чтобы ничего не случилось.

Кросби ушел, а Дэйкин остался сидеть, горбясь над столом.

— В Багдад съезжаются гости… — пропел он себе под нос.

Он нарисовал на промокательной бумаге круг, подписал: «Багдад», вокруг точечками изобразил верблюда, самолет, пароход, паровозик с дымом. А в углу — нечто вроде паутины, в середине паутины — имя: «Анна Шееле». И снизу большой вопросительный знак.

Затем надел шляпу и вышел из конторы. На улице Рашид один прохожий спросил у другого, кто это.

— Вон тот? Да это же Дэйкин. Служит тут в одной нефтяной компании. Вообще он ничего. Но размазня. Всегда будто со сна ходит. И, говорят. Безнадежный случай. В здешних краях кто не напорист ничего не добьется.

2

— Данные по имуществу Кругепхорфа у вас готовы, мисс Шееле?

— Да, мистер Моргепталъ.

Мисс Шееле, невозмутимая и безупречная, положила на стол боссу требуемые бумаги.

Он прочитал и удовлетворенно крякнул.

— По-моему, неплохо.

— Я тоже так думаю, мистер Моргенталь.

— Шварц уже здесь?

— Дожидается в приемной.

— Давайте его сюда.

Мисс Шееле нажала соответствующую кнопку — одну из шести.

— Я вам не нужна, мистер Моргенталь?

— Как будто бы нет, мисс Шееле.

Анна Шееле бесшумно выскользнула из кабинета.

Она была платиновая блондинка — но совсем не видная из себя. Льняные волосы гладко зачесаны со лба назад и сколоты валиком на затылке. Умные голубые глаза загорожены толстыми

стеклами очков. Личико аккуратное, но невыразительное. Нет, положения в жизни она добилась не женским обаянием, а исключительно высокой компетентностью. Она держала в голове все: имена, даты, сроки — и не нуждалась ни в каких записях. Деятельность крупного учреждения она организовала так, что оно у нее работало как хорошо смазанный механизм. Воплощенная ответственность, она обладала неисчерпаемой энергией, была всегда сдержанна и безукоризненно владела собой.

Отто Моргенталь, глава международной банкирской фирмы «Моргенталь, Браун и Шипперке», отлично сознавал, что обязан Анне Шееле очень многим, чего ни за какие деньги не купишь. Он доверял ей безоговорочно. Ее память, опыт, ее хладнокровный, четкий ум не имели цены. Он платил ей высокое жалованье и готов был надбавить еще по первому ее намеку.

Она знала досконально не только его бизнес, но и его личную жизнь. Он советовался с ней, когда возникли сложности со второй миссис Моргенталь, — это она порекомендовала развод, и она же назвала сумму алиментов. И ни соболезнований, ни любопытства. Не в ее характере, так считал мистер Моргенталь. Он вообще не представлял себе, чтобы у нее могли быть какие-то личные чувства, и никогда не задавался вопросом, о чем она думает. По его понятиям, у нее и мыслей никаких быть не могло — то есть, конечно, посторонних мыслей, не связанных с компанией «Моргенталь, Браун и Шипперке» и с его, Отто Моргенталя, личными трудностями.

Потому не было предела его изумлению, когда, направляясь к двери, она сказала:

— Я хотела бы, если можно, получить отпуск на три недели, мистер Моргенталь. С будущего вторника.

Он вылупил глаза и смущенно пробурчал в ответ:

— Э-э-э, это было бы крайне некстати. Крайне.

— Не возникнет ни малейших затруднений, мистер Моргенталь. Мисс Уайгет вполне со всем справится.

Я оставлю ей свои записи и подробные указания. А слиянием компаний Эшера займется мистер Корнуолл.

Все так же растерянно мистер Моргенталь осведомился:

— Вы ведь… это… м-м-м… не по болезни?

Что мисс Шееле способна заболеть, казалось ему немыслимым. Даже микробы должны из почтения держаться от нее в стороне.

— О нет, мистер Моргенталь. Я хочу съездить в Лондон повидаться с сестрой.

— С сестрой? — Он и не знал, что у нее есть сестра. По его понятиям, у мисс Шееле вообще не могло быть родных и близких.

И она ни о чем таком до сих пор никогда не заикалась. А вот теперь, пожалуйста, сестра в Лондоне. В прошлом году осенью она сопровождала его в поездке в Лондон, и тогда ни о какой сестре речи не было.

Со справедливой укоризной в голосе он сказал:

— Первый раз слышу, что у вас есть сестра в Англии.

— Есть, мистер Моргенталь, — чуть-чуть улыбнувшись, ответила мисс Шееле. — Замужем за англичанином, сотрудником Британского музея[8]. Ей предстоит серьезная операция, и она просит, чтобы я находилась при ней. Я хочу поехать.

Иными словами, как понял Отто Моргенталь, она уже твердо решила, что поедет.

— Хорошо, хорошо, — ворчливым тоном сказал он. — Но возвращайтесь по возможности скорее. Рынок еще никогда так не лихорадило. Всё они, коммунисты. Того гляди, война разразится. Мне иногда вообще представляется, что это единственный выход. Здесь от них уже просто житья не стало, совершенно житья не стало. А теперь президент надумал ехать к ним на конференцию в Багдад. На мой взгляд, это обыкновенный обман. Они его заманивают. Багдад, видите ли! Жутче места не нашли!

— Ничего, я уверена, что его будут очень бдительно охранять, — попыталась успокоить его мисс Шееле.

— В прошлом году они захватили иранского шаха, помните? В Палестине захватили Бернадотта[9]. Безумие, вот что это такое. Чистое безумие. Весь мир сошел с ума, честное слово, — сумрачно заключил мистер Моргенталь.

Глава 2

Виктория Джонс грустно сидела на скамейке в сквере Фиц-Джеймс Гардене, с головой уйдя в скорбные — даже, пожалуй, покаянные — мысли о том, как нехорошо свои природные таланты пускать в ход где не надо.

Виктория, как и все мы, обладала и достоинствами и недостатками. Из положительных ее свойств назовем великодушие, добросердечие и храбрость. Некоторый природный авантюризм можно рассматривать и так и эдак — слишком высоко ценится в наш век стабильность и надежность. Главным же пороком ее была склонность лгать, причем и в подходящие, и в совершенно не подходящие моменты. Вымысел для нее всегда был неизмеримо соблазнительнее правды. Виктория лгала гладко, непринужденно и вдохновенно. Если она опаздывала на работу (что случалось достаточно часто), ей мало было пробормотать в свое оправдание, что у нее, мол, часы остановились (хотя так оно нередко и бывало) или что долю не приходил автобус. Она предпочитала рассказать, что поперек улицы на пути у автобуса лежал сбежавший из зоопарка слон или что в магазин, куда она забежала по дороге, ворвались налетчики и пришлось помогать полиции в их поимке. Если бы по Стрэнду[10] рыскали тигры, а в Тутинге[11] бесчинствовали кровожадные бандиты, — вот это была бы жизнь по ней.

Виктория — тоненькая девушка, у нее неплохая фигурка и красивые, стройные ноги, а личико хоть и аккуратное, но, надо признать, довольно простенькое. Зато она умеет корчить самые невероятные, уморительные гримасы и очень похоже изображать кого угодно. Один поклонник даже прозвал ее «Резиновая мордашка».

Именно этот талант и довел ее до неприятностей. Она работала машинисткой у мистера Гринхольца в конторе «Гринхольц, Симмонс и Лидербеттер», что на Грейсхолм-стрит, W. C. 2, и однажды утром на досуге развлекала остальных трех машинисток и конторского мальчика, показывая в лицах, как миссис Гринхольц навещает мужа на работе. Уверенная, что опасаться нечего, поскольку мистер Гринхольц отбыл к своему поверенному, Виктория пустилась во все тяжкие.

— Почему, папочка, нам не купить такое хорошенькое канапе[12], как у миссис Дивтакис? — тонким визгливым голосом вопрошала она. — Знаешь, у нее стоит с голубой атласной обивкой? Ты говоришь, с деньгами туго, да? Зачем же ты тогда водишь свою блондинку в ресторан обедать и танцевать? А-а,

думаешь, я не знаю? То-то. Раз ты водишь блондинку, то я покупаю канапе, обивка лиловая и золотые подушечки. И очень даже глупо с твоей стороны, папочка, говорить, что это был деловой обед, да. И являться домой обмазанным губной помадой. Так что я покупаю канапе, и еще я заказываю себе меховую накидку — очень прекрасную, под норку, просто не отличишь, совсем-таки дешево и выгодно…

Тут странное поведение публики, только что завороженно ей внимавшей и вдруг дружно схватившейся за работу, побудило Викторию оборвать представление и обернуться к дверям — на пороге стоял мистер Гринхольц и взирал на нее.

Виктория не нашлась что сказать и только произнесла: «О!»

Мистер Гринхольц крякнул.

Он сбросил пальто, ринулся к себе в кабинет и хлопнул дверью. И сразу же заработала его жужжалка: два коротких звука и один протяжный. Это он вызывал Викторию.

— Тебя, Джонси, — без надобности уточнила одна из подружек по работе, и глаза ее вспыхнули злорадством. Две другие разделили это благородное чувство, выразив его одна восклицанием: «Ну и влетит тебе, Джойс», — а другая повторным призывом: «На ковер, Джонси». Конторский мальчик, несимпатичный подросток, ограничился тем, что провел пальцем себе поперек шеи и зловеще прищелкнул языком.

Виктория прихватила блокнот с карандашом и явилась в кабинет мистера Гринхольца, мобилизовав всю свою самоуверенность.

— Я вам нужна, мистер Гринхольц? — поинтересовалась она, устремив на него невинный взор.

Мистер Гринхольц шуршал тремя фунтовыми бумажками и шарил по карманам в поисках мелочи.

— Ага, пришли, — заметил он. — Так вот, моя милая, с меня довольно. Я намерен немедленно выплатить вам выходное в размере недельного жалованья и прямо сейчас отправить вас отсюда на все четыре стороны. Попробуйте на это что-нибудь возразить, если сможете.

Виктория, круглая сирота, открыла было рот, чтобы приступить к рассказу о том, что ее бедная мамочка ложится на операцию, и она, Виктория, так расстроена, что почти ничего не соображает, а ее маленькое жалованье — единственный для нее и вышеупомянутой мамочки источник существования… Как вдруг, взглянув в квелое лицо мистера Гринхольца, передумала и вместо этого радостно и убежденно произнесла:

— Совершенно, совершенно с вами согласна, мистер Гринхольц. По-моему, вы абсолютно, ну абсолютно правы.

Мистер Гринхольц немного опешил. Он не привык, чтобы изгоняемые им служащие так приветствовали и одобряли его решение. Пряча растерянность, он пересчитал монеты у себя на столе и со словами: «Девяти пенсов не хватает», — снова взялся угрюмо шарить по карманам.

— Ну и Бог с ними, — любезно сказала Виктория. — Можете сходить на них в кино или купить шоколадку.

— И марки тоже, по-видимому, кончились.

— Не имеет значения. Я все равно писем не пишу.

— Я мог бы послать вам по почте, — неуверенно предложил мистер Гринхольц.

— Не беспокойтесь, — ответила Виктория. — А вот как насчет отзыва о работе?

Мистер Гринхольц снова ощутил прилив негодования.

— С какой стати я буду писать вам отзыв? — возмущенно спросил он.

— Принято так, — пожала плечами Виктория.

Мистер Гринхольц притянул к себе листок бумаги, начертал несколько строк и пододвинул к ней.

— Устроит вас?

«Мисс Джонс два месяца работала у меня секретарем-машинисткой. Стенографирует неточно, пишет с ошибками, оставляет службу из-за напрасной траты рабочего времени».

Виктория поморщилась.

— Что-то не похоже на рекомендацию, — заметила она.

— А я и не собирался вас рекомендовать.

— По-моему, вы должны, по крайней мере, написать, что я честная, непьющая и порядочная, потому что это чистая правда. И может быть, еще, что не болтаю лишнего.

— Это вы-то?

— Именно я, — тихо ответила Виктория, невинно глядя ему в глаза.

Мистер Гринхольц припомнил кое-какие письма, писанные Викторией под его диктовку, и решил, что осторожность — лучшее оружие мести.

Он разорвал первый листок и написал на втором:

«Мисс Джонс два месяца работала у меня секретарем-машинисткой. Оставляет службу по причине сокращения штата».

— Так годится?

— Могло быть и лучше, — сказала Виктория, — но сойдет.

И вот теперь, с недельным жалованьем (минус девять пенсов) в сумочке, Виктория сидела на скамейке в сквере Фиц-Джеймс Гардене, представляющем собою обсаженный чахлым кустарником треугольник с церковью в середине и большим

магазином сбоку.

У Виктории была привычка, если только не шел дождь, купив себе в молочном баре один сандвич с сыром и один — с помидором и листиком салата, съедать свой скромный обед здесь, как бы на лоне природы.

Сегодня, задумчиво жуя, она опять и опять ругала себя — могла бы, кажется, знать, что всему свое место и время и совсем не стоит передразнивать на работе жену начальника. Впредь надо научиться обуздывать свой темперамент и не скрашивать такими шуточками скучную работу. Ну, а пока, освободившись от «Гринхольца, Симмонса и Лидербеттера», Виктория с удовольствием предвкушала, как поступит на новое место. Она всегда обмирала от радости, в первый раз выходя на работу, — мало ли что там тебя ждет.

Она только что раздала последние хлебные крошки трем бдительным воробьям, которые тут же затеяли из-за них отчаянную драку, когда заметила, что на другом конце скамейки сидит невесть откуда взявшийся молодой человек. Собственно, она видела, что кто-то к ней подсел, но, поглощенная добродетельными намерениями на будущее, не обратила внимания. Зато теперь хоть и краешком глаза, но рассмотрела и восхитилась. Парень был безумно хорош собой, кудри как у херувима, волевой подбородок и ярко-голубые глаза, и, кажется, он тоже украдкой вполне одобрительно поглядывал на нее.

Виктория вовсе не считала зазорным знакомиться с молодыми людьми в общественных местах. Как большой знаток человеческой природы, она не сомневалась, что легко даст своевременный отпор любой наглости с их стороны.

Так что она открыто улыбнулась, и херувим сразу отреагировал, словно марионетка, которую дернули за веревочку.

— Привет, — сказал он. — Славный здесь уголок. Ты часто сюда приходишь?

— Почти каждый день.

— А я вот в первый раз, надо же. Это весь твой обед был — два сандвича?

— Да.

— По-моему, ты мало ешь. Я бы с такой кормежки умер от голода. Пошли поедим сосисок в закусочной на Тоттенхэм-Корт-роуд?

— Нет, спасибо. Я уже наелась. Сейчас больше не влезет.

Она втайне ожидала, что он скажет: «Тогда в другой раз». Но он не сказал. Только вздохнул. А потом представился:

— Меня Эдвард зовут. А тебя?

— Виктория.

— Твои предки назвали тебя в честь железнодорожного вокзала?[13]

— Виктория — это не только вокзал, — возразила образованная мисс Джонс. — Есть еще и королева Виктория[14].

— Д-да, верно. А фамилия?

— Джонс.

— Виктория Джонс, — повторил Эдвард, как бы пробуя на язык. И покачал головой: — Не сочетается.

— Правильно, — горячо подхватила Виктория. — Если бы, например, я была Дженни, получилось бы хорошо: Дженни Джонс. А для Виктории фамилия нужна пошикарнее. Скажем, Виктория Сэквилл-Уэст. В таком роде. Чтобы подольше во рту подержать.

— Можно подставить что-нибудь перед «Джонс», — с пониманием посоветовал Эдвард.

— Бедфорд-Джонс.

— Кэрисбрук-Джонс.

— Сент-Клер-Джонс.

— Лонсдейл-Джонс.

Но тут этой приятной игре пришел конец, потому что Эдвард взглянул на часы и ужаснулся:

— Черт!.. Я должен мчаться к хозяину, чтоб ему!.. А ты?

— Я безработная. Меня сегодня утром уволили.

— Вот тебе раз. Очень жаль! — искренне огорчился Эдвард.

— Можешь меня не жалеть, я, например, нисколько не жалею. Во-первых, я запросто устроюсь на другую работу. А во-вторых, это вышло очень забавно.

И Виктория, еще дольше задержав опаздывавшего Эдварда, с блеском воспроизвела перед ним всю давешнюю сцену, включая свою пародию на миссис Гринхольц, чем привела его в полнейший восторг.

— Ну, Виктория, ты просто чудо, — сказал он. — Тебе бы в театре выступать.

Виктория приняла заслуженную похвалу с улыбкой и напомнила Эдварду, что ему надо бежать со всех ног, иначе он тоже окажется без работы.

— Точно. А мне-то устроиться снова будет потруднее, чем тебе. Хорошо тому, кто стенографирует и печатает на машинке, — с завистью заключил Эдвард.

— Ну, честно сказать, я стенографирую и печатаю довольно неважно, — призналась Виктория. — Но сейчас даже самая никудышная машинистка легко найдет работу — на худой конец в сфере образования или общественного призрения, они там много платить не могут, вот и нанимают таких, как я. Мне больше

нравится работа научная. Разные там ученые термины и фамилии, они такие заковыристые, их все равно никто не знает как правильно писать, поэтому не так стыдно, если сделаешь ошибку. А ты где работаешь? Ты демобилизованный? Из авиации, да?

— Угадала.

— Военный летчик?

— Опять угадала. О нас, конечно, заботятся, работу подыскивают, и всякое такое, да только мы ведь не очень башковитая публика, нас не за то в пилоты зачисляли, верно? Определили меня в учреждение, а там бумажки, цифирь разная, ну, я и не выдержал, запросил пардону. Бестолковое какое-то занятие. Но все равно неприятно сознавать, что ты плохой работник.

Виктория понимающе кивнула. А Эдвард с горечью продолжал:

— Вот и остался не у дел. Выпал из обоймы. На войне-то хорошо было, там знаешь, чего от тебя требует солдатский долг, — я, например, медаль «За доблесть в авиации» заработал, — а вот теперь… похоже, надо ставить на себе крест.

— По должно же быть что-то…

Виктория не договорила. У нее не нашлось слов, чтобы выразить горячее убеждение в том, что талантам, которые увенчаны медалью «За доблесть в авиации», должно найтись применение и в мирном 1950 году.

— Сильно мне это поджилки подрезало, что вот я ни на что не гожусь, — со вздохом сказал Эдвард. — Ну, мне все-таки пора. Послушай… можно я… ты не будешь считать меня последним нахалом, если я…

Виктория, замирая и краснея, посмотрела на него в смятении, а он меж тем извлек на свет миниатюрный фотоаппарат.

— Я бы очень хотел сиять тебя на память. Понимаешь, я завтра улетаю в Багдад.

— В Багдад! — разочарованно пискнула Виктория.

— Да. Теперь уж и сам не рад. А еще сегодня утром был на седьмом небе. Я для того и поступил на эту работу, чтобы уехать из страны.

— А что за работа?

— Да жуть какая-то. Культура — поэзия там разная, в таком духе. Под началом некоего доктора Ратбоуна. У него после фамилии еще хвостом буквы идут, целая строчка всяких званий, и пенсне на носу. Работает над подъемом духовности и насаждает ее по всему миру. Открывает книжные магазины на краю света, за этим и в Багдад летим. Всегда в продаже переводы Шекспира[15] и

Мильтона[16] на арабский, курдский, персидский, армянский и прочие языки. Глупо, по-моему, ведь этим же вроде занимается за границей Британский совет[17]. Но вот так. И мне работка досталась, так что я не в претензии.

— А какие у тебя обязанности? — спросила Виктория.

— Да, так, в сущности, я просто у старика на подхвате, сумку ношу да подлаиваю. Покупка билетов, заказ мест в гостинице, заполнение бланков, присмотр за упаковкой поэтических хрестоматий, вообще беготня туда-сюда. Потом, когда мы прибудем на место, я должен брататься с разной публикой — молодежное движение, знаешь? — нации и народы, объединяйтесь в борьбе за всеобщую духовность! — В голос Эдварда закрались тоскливые нотки. — Гадость, если честно сказать, правда?

Виктория ничего не смогла на это возразить.

— Ну, и вот, — сказал Эдвард, — ты… это… если только можно… я щелкну тебя? Один снимок в профиль, и еще один… смотри прямо на меня… Чудно.

Фотоаппарат дважды цвиркнул. Виктория слегка разомлела от самодовольства, как это свойственно молодым представительницам прекрасного пола, когда они видят, что произвели впечатление на симпатичного мужчину.

— Досадно, что я должен теперь уезжать, когда познакомился с тобой, — вздохнул Эдвард. — Я даже думаю, может отказаться? Но, наверно, сейчас уже нельзя, в последнюю минуту, когда все эти чертовы анкеты заполнены, визы получены… Нехорошо. Так не делают, верно?

— Еще, глядишь, и работа окажется не такая уж плохая, — утешила его Виктория.

— Кто ее знает, — с сомнением ответил Эдвард. — И что странно, скажу я тебе, у меня такое чувство, что там вроде бы не все ладно.

— Не все ладно?

— Ну да. Подозрительное что-то. А почему, не спрашивай. Не могу объяснить. Бывает такое, как бы шестое чувство. У меня один раз было — ну, беспокоит меня левое сопло, и все. Стал разбирать, а там тряпка в насосе застряла.

Технические подробности в его рассказе были ей недоступны, но идея понятна.

— Думаешь, он не тот, за кого себя выдает, твой Ратбоун?

— Да нет, едва ли, с чего бы ему? Человек всеми уважаемый, ученый, член всяких там обществ, с архиепископами и ректорами университетов на короткой ноге. Нет, просто ощущение у меня такое… Ладно… Время покажет. Ну, пока. Жаль, что ты с нами не

летишь.

— Мне тоже, — честно призналась Виктория.

— А ты что собираешься делать?

— Поеду в Агентство по найму на Гауэр-стрит, поищу какое-нибудь место, — с тоской ответила Вик тория.

— Прощай, Виктория. Партир, сэ мурир он пё[18] — добавил Эдвард с типично британским выговором. — Французы, они знают, что говорят. А наши англичане несут всякую чепуху про сладкую боль расставания[19], олухи.

— Прощай, Эдвард, удачи тебе.

— Ты обо мне небось и не вспомнишь никогда.

— Вспомню, — сказала Виктория.

— Ты совсем не похожа на других девушек, я таких не видел… Эх, если бы… — По тут на часах отбило четверть, и Эдвард, пробормотав: «Черт. Надо бежать!» — торопливо зашагал прочь. Его поглотила огромная пасть Лондона. А Виктория осталась сидеть на скамейке, и мысли ее текли сразу по двум направлениям.

С одной стороны, она думала о Ромео и Джульетте. Она и Эдвард очутились, на ее взгляд, приблизительно в том же положении, что и знаменитая трагическая пара, разве что только те выражали свои чувства поизысканнее. А так — одно к одному. Встретились — с первого взгляда потянулись друг к другу, — но непреодолимые преграды — и два любящих сердца разлучены. Виктории вспомнился стишок, который любила приговаривать ее старая няня:

Говорил Алисе Джумбо: я в тебя влюблен.
А ему Алиса: ах ты, пустозвон!
Да если б ты взаправду всерьез меня любил,
Ты б тогда в Америку без меня не укатил!

Подставить вместо Америки Багдад — и как будто про нее написано!

Виктория встала со скамейки, отряхнула крошки с подола и, выйдя из сквера, деловито зашагала в сторону Гауэр-стрит. Она пришла к двум очевидным выводам. Во-первых, что она (как Джульетта) влюбилась и должна добиться торжества своей любви.

А во-вторых, что, поскольку Эдвард уезжает в Багдад, ей ничего не остается, как отправиться туда же. С этим все ясно. Но теперь ее занимал вопрос: как осуществить принятое решение? Что в принципе это возможно, Виктория не сомневалась. Она была оптимистка и девица с характером.

«Сладкая боль расставания» устраивала ее не больше, чем

Эдварда.

— Мне *надо* в Багдад, — сказала себе Виктория.

Глава 3

1

В отеле «Савой» мисс Айну Шееле как давнюю и уважаемую клиентку встретили с подобострастием: осведомились о здоровье мистера Моргенталя, выразили готовность немедленно сменить ее номер «люкс» на другой, если этот не вполне устраивает, — ведь Анна Шееле олицетворяла собой доллары.

Мисс Анна Шееле приняла ванну, привела себя в порядок, позвонила по кенсингтонскому[20] номеру телефона и на лифте спустилась в холл. Пройдя через вращающуюся дверь на улицу, она попросила подозвать такси. Шоферу было велено ехать в магазин «Картье[21]» на Бонд-стрит[22].

Едва ее такси свернуло за угол на Стрэнд, как тщедушный смуглый господин, упоенно разглядывавший витрину, спохватился, взглянул на часы и поспешно сел в свободное такси, которое как раз тут же и подвернулось, а всего минуту назад проехало, будто сослепу, мимо взывавшей о помощи женщины с покупками.

Господин поехал по Стрэнду, не упуская из виду первое такси. Когда обе машины задержались у светофора на Трафальгар-сквер[23], он высунулся в оконце с левой стороны и слегка взмахнул рукой. Стоявшая в переулке у арки Адмиралтейства[24] частная автомашина сразу тронулась с места, влилась в поток уличного движения и пристроилась в хвост первому такси.

Дали зеленый свет. Машина Анны Шееле была в крайнем ряду и вместе со всем потоком свернула влево на Пэл-Мэл[25]. Такси со смуглым господином поехало направо, продолжая движение вокруг Трафальгар-сквер. А частник в сером «стандарде» шел почти вплотную за Анной Шееле. В нем сидели двое: слегка рассеянного вида блондин за рулем и подле него нарядная молодая дама. Преследуя такси Анны Шееле, они проехали по Пикадилли[26], свернули на Бонд-стрит. Здесь «стандард» притормозил, нарядная дама выпорхнула на тротуар. Она любезно бросила через плечо «Благодарю!» — и блондин в «стандарде» тронулся дальше. А дама пошла по Бонд-стрит, то и дело заглядывая в витрины. На улице тем временем снова образовалась пробка. Так что, обогнав и «стандард», и такси Анны Шееле, дама первой дошла до ювелирного магазина фирмы «Картье» и скользнула внутрь.

Анна Шееле расплатилась с таксистом и тоже вошла в магазин «Картье». Там она провела какое-то время, разглядывая украшения. В конце концов выбрала кольцо с сапфиром и бриллиантами. Выписала чек на один лондонский банк. Прочтя название банка, продавец и вовсе изогнулся от подобострастия.

— Счастлив видеть вас снова в Лондоне, мисс Шееле. Мистер Моргенталь тоже пожаловал?

— Нет.

— Я подумал, у нас есть один превосходный «звездный» сапфир — я знаю, он интересуется крупными сапфирами. Может быть, вы согласитесь взглянуть?

Мисс Шееле выразила согласие, полюбовалась сапфиром и обещала непременно доложить о нем мистеру Моргенталю. После чего снова вышла из магазина на Бонд-стрит, и тогда нарядная молодая дама, разглядывавшая клипсы, пробормотав, что прямо не знает, на чем остановить выбор, тоже вышла следом за нею.

Серый «стандард» к этому моменту сделал круг по Графтон-стрит и по Пикадилли и как раз снова оказался на Бонд-стрит. Но дама его даже не заметила.

Анна Шееле свернула под Аркаду и вошла в цветочный магазин. Заказала три дюжины роз на длинных стеблях, чашу крупных душистых фиалок, дюжину веток белой сирени и вазу мимозы. И дала адрес, куда доставить.

— Двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов, мадам.

Анна Шееле расплатилась и ушла. Посетительница, вошедшая следом за ней, только справилась о цене букета примул, но купить ничего не купила.

Анна Шееле перешла через улицу, свернула сначала на Берлингтон-стрит и еще раз — на Сэвил-роу[27]. Здесь она вошла в портняжное ателье, где шили, вообще говоря, на мужчин, но в порядке исключения иногда снисходили до того, чтобы скроить костюм для особо привилегированных представительниц женского пола.

Мистер Болфорд приветствовал мисс Шееле с сердечностью, причитающейся самым дорогим заказчикам, и на обозрение были представлены разнообразные ткани для костюма.

— К счастью, я могу гарантировать вам экспортное исполнение. Вы когда едете обратно, мисс Шееле?

— Двадцать третьего.

— К этому сроку мы вполне успеем. Морем, надеюсь? — Да.

— А как обстоят дела в Америке? У нас тут очень прискорбно, очень прискорбно. — Мистер Болфорд покачал головой, как врач у постели пациента. — Все, понимаете ли, делается без души. Люди разучились гордиться хорошей работой.

Знаете, кто будет кроить ваш костюм, мисс Шееле? Мистер Лэнтвик. Ему семьдесят два года, но он у меня единственный, кому можно доверить раскрой для наших лучших заказчиков. Все же остальные…

Мистер Болфорд решительно отвел «остальных» своими пухлыми ручками.

— Качество! — продолжал он. — Вот чем славилась эта страна. Качеством! Никакой дешевки, безвкусицы. Когда мы беремся за массовую продукцию, у нас не получается, что верно, то верно. На этом специализируется ваша страна, мисс Шееле. А наше дело, не устаю повторяться, — качество. Не жалеть времени, не жалеть труда и создавать такие изделия, которым во всем мире не сыскать равных. Так когда назначим первую примерку? Ровно через неделю? В одиннадцать тридцать? Благодарю вас.

Чуть не ощупью пробравшись в архаичном сумраке между штуками сукна, Анна Шееле снова вышла на свет Божий, остановила такси и возвратилась в отель «Савой»[28]. Другое такси, стоявшее на противоположной стороне улицы, уже занятое смуглым тщедушным пассажиром, двинулось следом, но к парадным дверям «Савоя» не свернуло, а объехало здание по Набережной и здесь подобрало коротконогую толстуху, вышедшую из служебного входа.

— Ну как, Луиза? Обыскала номер?

— Да. Ничего нет.

Анна Шееле пообедала в ресторане. Для нее был резервирован столик у окна. Метрдотель любовно справился о здоровье мистера Моргенталя.

Пообедав, Анна Шееле взяла у портье ключ и поднялась в свой номер «люкс». Постель была застлана, полотенца в ванной свежие, нигде ни пылинки. Анна подошла к двум легким чемоданам, составлявшим весь ее багаж. Один был заперт, другой нет. Она бросила взгляд на содержимое незапертого чемодана, потом достала ключик и отперла второй. Все аккуратно уложено, все на своих местах, ничего не сдвинуто, не потревожено. Поверх вещей — кожаный портфель. В нем — маленькая «лейка» и две кассеты с пленкой. Обе коробочки запечатанные, не вскрытые. Анна провела ногтем по крышке футляра, открыла фотоаппарат. И слегка усмехнулась. Почти невидимый светлый волос, который она там положила, исчез. Она ловко насыпала на блестящий кожаный бок портфеля белого порошка, сдула — кожа осталась блестящей и чистой. Ни одного отпечатка пальцев. А ведь она сегодня утром, после того как смазала брильянтином свои гладкие льняные волосы, бралась за портфель. На нем должны были остаться отпечатки пальцев, ее собственных.

Она усмехнулась еще раз.

«Хорошая работа, — пробормотала она про себя. — Но не слишком…»

Быстро уложив в сумку вещи для ночевки, она снова спустилась вниз, подозвала такси и дала водителю адрес: Элмсли-Гарденс, 17.

Это оказался маленький, довольно невзрачный домик в районе Кенсингтона. Анна заплатила таксисту и взбежала по ступенькам к облупленной парадной двери. Нажала кнопку звонка. Прошла минута, другая. Наконец дверь отперла пожилая женщина, у которой было настороженное выражение лица, тут же сменившееся приветливой улыбкой.

— То-то мисс Элси будет рада вас видеть. Она в кабинете. Только тем и держится, что вас ждет.

Анна быстро прошла по полутемному коридору в глубь дома и открыла одну из дверей. Комната была тесная, уютная, с большими старыми кожаными креслами. В одном из кресел сидела женщина. При появлении Анны она вскочила.

— Анна, родная.

— Элси.

Они нежно расцеловались.

— Все уже условлено, — сказала Элси. — Я ложусь сегодня. Будем надеяться, что…

— Спокойнее, Элси, — ответила ей Анна. — Все будет в полном порядке.

2

Тщедушный смуглый господин в макинтоше[29] вошел в будку телефона-автомата на станции метро «Кенсингтон — Хай-стрит» и набрал номер.

— Граммофонная фирма «Валгалла»?

— Да.

— Говорит Сэндерс.

— «Сэндерс, Начальник реки»?[30] А какой реки?

— Реки Тигр. Докладываю про А. Ш. Прибыла из Нью-Йорка сегодня утром. Отправилась к «Картье». Купила кольцо с сапфиром и бриллиантами на сумму сто двадцать фунтов. Посетила цветочный магазин Джейн Кент, покупка на двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов, цветы велела доставить в больницу на Портланд-Плейс[31]. У «Болфорда и Эйвори» заказала юбку и жакет. Ни одна из названных фирм в подозрительных связях не замечена, но в дальнейшем они будут находиться под

пристальным наблюдением. Номер А. Ш. в «Савое» подвергнут тщательному осмотру. Ничего подозрительного не обнаружено. В портфеле, уложенном в чемодан, находятся документы, относящиеся к слиянию с фирмой Вольфенштейнов. Все подлинные. Фотоаппарат и две катушки пленки, по виду не использованной. На случай если пленки содержали фотостатические материалы, они были заменены другими, но проверка показала, что это действительно неиспользованная фотопленка, и ничего больше. А. Ш. взяла небольшую сумку и поехала к сестре по адресу Элмсли-Гарденс, 17. Сестра сегодня вечером ложится на операцию в больницу на Портланд-Плейс. Подтверждено служащими в больнице, а также записями в книге хирурга. Приезд А. Ш. выглядит вполне естественным. Слежки не заметила, нервозности не выказала. Сегодня, по-видимому, ночует в больнице. Номер в «Савое» оставила за собой. Обратный билет на пароход до Нью-Йорка забронирован на двадцать третье число.

Человек, назвавшийся «Сэндерсом, Начальником реки», помолчал и добавил как бы в виде постскриптума, от себя:

— На мой взгляд, ничего тут нет, если хотите знать! Просто швыряется деньгами дамочка. Двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов за цветы! Надо же!

Глава 4

1

Жизнерадостный нрав Виктории наглядно сказался в том, что она не допускала даже и мысли о невыполнимости своего намерения. Что это еще за разговоры: «Разошлись, как в море корабли»? Обидно, конечно, что парень, который, честно признаться, ей здорово понравился, что этот парень, оказывается, как раз собрался уезжать за три тысячи миль[32] отсюда. Ведь мог же просто в Абердин[33] или в Брюссель. Или вообще в Бирмингем[34]. Но нет, в Багдад, видите ли. Везет же ей! Однако трудно или легко, а надо и ей ехать в Багдад, это ясно.

Виктория энергично шагала по Тотнем-Корт-роуд[35], на ходу обдумывая, как это сделать. Что там вообще-то в этом Багдаде? Эдвард сказал — культура. Что, если как-то разыграть эту карту? Юнеско?[36] Юнеско постоянно командирует людей во все концы света, иногда в самые изумительные места. Но только не просто так абы кого, вынуждена была признать Виктория, а высокообразованных молодых женщин, которые успели обзавестись университетскими дипломами и вообще примазались к делу заблаговременно.

В конце концов, решив, что начинать надо с главного, она зашла в транспортное агентство и навела справки. Выяснилось, что доехать до Багдада проще простого. Можно самолетом, можно всю дорогу морем до Басры[37], можно поездом до Марселя, оттуда на пароходе в Бейрут и через пустыню на автомобиле. Можно через Египет. А можно, если кому охота, вообще по железной дороге до самого места — только с визами теперь морока, бывает, пока получишь, ей уже срок истек. С деньгами тоже без проблем, так как Багдад находится в стерлинговой зоне[38]. Все просто. С точки зрения агента. Короче говоря, если у тебя есть от шестидесяти до ста фунтов наличными, добраться до Багдада не составит труда.

Но поскольку у Виктории в настоящее время имелось три фунта десять шиллингов (без девяти пенсов) да плюс пять фунтов двенадцать шиллингов в сберегательном банке, о том, чтобы просто сесть и поехать в Багдад, не могло быть и речи.

Она на всякий случай поинтересовалась насчет места стюардессы на авиалинии, но оказалось, что на эту работу много желающих, надо записаться и ждать, пока дойдет очередь.

Затем Виктория посетила Бюро по трудоустройству при

Святом Гилдрике, где деловая мисс Спенсер за рабочим столом приветствовала ее уже как старую знакомую:

— Бог ты мой, мисс Джойс! Опять без работы? Право, я надеялась, что уж последнее-то место…

— Совершенно неприемлемое, — заверила ее Виктория, — Если б вы только знали, с чем там девушке приходится мириться!..

Сладострастный румянец разлился по бледным щекам мисс Спенсер.

— Но не?.. — забормотала она. — Надеюсь от души, что не… Он показался мне совсем не таким мужчиной, но, правда, он немного грубоват… и я надеюсь…

— Ничего, ничего, — успокоила ее Виктория. И через силу мужественно улыбнулась. — Я умею постоять за себя.

— Да-да, конечно, но это так неприятно!

— Приятного мало, — подтвердила Виктория и опять изобразила мужественную, улыбку. — И тем не менее…

Мисс Спенсер заглянула в свой гроссбух.

— У Святого Леонарда в Обществе поддержки матерей-одиночек нужна машинистка, — сказала она. — Правда, конечно, жалованье небольшое…

— А нет ли случайно, — деловито осведомилась Виктория, — какого-нибудь места в Багдаде?

— В Багдаде? — переспросила мисс Спенсер в полном недоумении.

Для нее это явно было все равно что попроситься на Камчатку или на Южный полюс.

— Да, я очень хочу в Багдад, — подтвердила Виктория.

— Право, не знаю… То есть секретарем-машинисткой?

— Не важно кем. Нянькой, поварихой. Или ухаживать за умалишенным. Все равно.

Мисс Спенсер покачала головой.

— Боюсь, что ничего не могу вам обещать. Была вчера дама с двумя девочками, так ей нужна спутница в Австралию.

Австралию Виктория отвергла. И встала.

— Вдруг вы что-нибудь услышите… Только проезд туда, больше мне ничего не надо. — И, удовлетворяя любопытство во взоре мисс Спенсер, с ходу выдала объяснение: — У меня там… м-м-м… родные. И я слышала, там легко устроиться на хорошую работу. Надо только как-то доехать.

«Да, — повторила самой себе Виктория, выйдя из Бюро по трудоустройству при Святом Гилдрике. — Надо как-то доехать».

А тут еще, к ее досаде, как всегда бывает, когда чем-то заняты мысли, все словно сговорились постоянно напоминать ей о

Багдаде.

В вечерней газете, которую она купила, в маленькой заметке сообщалось, что известный археолог профессор Понсфут Джонс приступил к раскопкам древнего города Мурика, в ста двадцати милях от Багдада. А на другой странице — объявление о пароходной линии на Басру (а оттуда поездом до Багдада, Мосула[39] и далее). Когда она доставала чулки из комода, в газете, выстилавшей дно ящика, оказалось что-то напечатано про учащуюся молодежь в Багдаде. В кинотеатре по соседству шел «Багдадский вор». А в витрине дорогого и ученого книжного магазина, на которую она всегда по пути бросала взгляд, была выставлена книга «Новое жизнеописание Харуна ар-Рашида, Багдадского халифа».

Весь мир словно только и думал, что о Багдаде. А ведь еще сегодня, примерно до без четверти два, сама Виктория ни о каком Багдаде, можно сказать, знать ничего не знала и уж конечно не помышляла.

Виды на то, чтобы попасть в Багдад, были крайне неблагоприятные, но Виктория, конечно, отступаться не собиралась. Она обладала деятельным умом и придерживалась оптимистического убеждения, что, если чего-то сильно захотеть, всегда найдется способ добиться цели.

Вечер ушел на составление списка возможных подходов. Он имел такой вид:

Сунуться в Министерство иностранных дел?

Опубликовать объявление?

Обратиться в Иракское представительство?

А что, если попробовать фирмы, торгующие финиками?

Или пароходные компании?

Британский совет?

Информационное бюро Селфриджа?

«Гражданские консультации»?

Ни один вариант, увы, нельзя было признать обнадеживающим. И Виктория приписала еще одну строчку:

Как-нибудь исхитриться раздобыть сто фунтов?

2

По причине титанического напряжения ума с вечера или из-за подсознательной радости, что не надо торопиться к девяти на

работу, но факт таков, что утром Виктория проспала. Проснулась в пять минут одиннадцатого, сразу же выскочила из постели и бросилась одеваться. Когда она раздирала гребешком свои буйные кудри, раздался телефонный звонок.

Она протянула руку и подняла трубку.

Послышался безумно взволнованный голос мисс Спенсер:

— Слава Богу, что застала вас, милочка. Потрясающее совпадение.

— Да-да? — нетерпеливо воскликнула Виктория.

— Говорю вам, просто удивительное совпадение. Некто миссис Гамильтон Клинпс должна через три дня ехать в Багдад, но сломала руку, ей нужен кто-то, чтобы помогать в дороге, я сразу же позвонила вам. Не знаю, может быть, конечно, она обратилась и в другие агентства…

— Уже еду, — сказала Виктория. — Куда это?

— В «Савой».

— И как, вы сказали, ее дурацкая фамилия? Трине?

— Клиппс, милочка. Как клипсы, только через два «п», уж не знаю почему. Правда, она американка, — добавила мисс Спенсер, словно этим все объяснялось.

— Миссис Клиппс. «Савой».

— Мистер и миссис Гамильтон Клиппс. Собственно, звонил муж.

— Вы ангел, — сказала Виктория. — До свидания.

Она второпях почистила на себе костюм, которому, мелькнула у нее мысль, не грех бы выглядеть хоть чуточку поприличнее, еще раз причесалась, чтобы волосы лежали по возможности гладко в согласии с образом заботливой сиделки и бывалой путешественницы. Потом достала рекомендательное письмо мистера Гринхольца, просмотрела еще раз и покачала головой.

Нет, тут требуется что-то более убедительное, сказала себе Виктория.

На автобусе № 19 она доехала до Грин-парка[40] и вошла в отель «Ритц»[41]. Одного взгляда, брошенного через плечо дамы, читавшей в автобусе газету, Виктории оказалось достаточно. Она пересекла вестибюль, прошла в почтовый салон и написала себе на гербовой бумаге «Ритца» весьма похвальную характеристику от имени леди Синтии Брэдбери, которая, как сообщалось в газете, только что отбыла из Великобритании в Восточную Африку, *«… незаменима во время болезни*, — не поскупилась на похвалу себе Виктория, — *и вообще весьма умелая во всех отношениях…»*

Затем, выйдя из «Ритца», она перешла на другую сторону, прошла по Албермаль-стрит до отеля «Болдертон», где, как

известно, останавливаются высшие церковные иерархи и старые провинциальные барыни.

Здесь почерком помельче, с аккуратными греческими эпсилонами, Виктория написала себе рекомендацию от епископа Ллангоуского.

Снарядившись таким образом, она села в автобус № 9 и приехала в «Савой». Дежурному за стойкой сообщила, что она из Агентства Святого Гилдрика и ей нужна миссис Гамильтон Клиппс. Тот потянулся было к телефону, но взглянул куда-то за ее спину и сказал:

— Вон мистер Гамильтон Клиппс.

Мистер Гамильтон Клиппс оказался необыкновенно долговязым и тощим американцем с седыми волосами, добрым выражением лица и медленной, раздельной, манерой речи.

Виктория назвала ему свое имя и сослалась на Святого Гилдрика.

— Конечно, конечно, мисс Джонс, пойдемте скорее наверх к миссис Клиппс. Она еще в номере. По-моему, она как раз беседует с одной девушкой, но, возможно, та уже ушла.

Сердце Виктории охватил холодный ужас. Неужели теперь, когда цель так близка, все сорвется?

Они поднялись в лифте на четвертый этаж.

Когда они шагали по коридору, выстланному мягкой ковровой дорожкой, вдруг открылась дверь одного номера, из нее вышла молодая женщина и двинулась им навстречу. У Виктории возникло фантастическое ощущение, что это идет она сама. Наверно, из-за костюма, сказала она себе, как раз вот в таком отлично сшитом костюме ей сейчас хотелось бы быть. «И размер бы мне подошел. Мы с ней одинаковые. Прямо хоть сдери с нее», — думала Виктория, впав в первобытное женское дикарство.

Молодая женщина прошла мимо. Бархатная шляпка, сильно сдвинутая набок, почти скрывала ее лицо, но мистер Гамильтон Клиппс все равно обернулся ей вслед и недоуменно пробормотал:

— Ну и ну! Кто бы мог подумать? Анна Шееле!

Виктории он объяснил:

— Простите меня, мисс Джонс. Я очень удивился, так как узнал молодую особу, которую всего неделю назад видел в Нью-Йорке, она секретарь одного из наших крупнейших международных банкиров…

Говоря это, он остановился перед дверью. Ключ торчал в замке. Мистер Гамильтон Клиппс коротко постучал, открыл дверь и пропустил Викторию вперед.

Миссис Гамильтон Клиппс сидела у окна в кресле с высокой спинкой. При их появлении она вскочила. Это была востроглазая,

маленькая женщина, похожая на птицу. Правая рука у нее была в гипсе.

Супруг представил ей Викторию.

— Такая неприятность! — чуть не всхлипывая, залепетала миссис Клиппс. — У нас уже все путешествие спланировано, расписано по дням, и в Лондоне мы так интересно проводили время, и билет мне уже куплей. Я, мисс Джонс, еду в Ирак в гости к замужней дочери. Мы не виделись почти два года. И надо же мне было упасть — понимаете, я оступилась на лестнице в Вестминстерском аббатстве[42] — и вот пожалуйста. Меня тут же отвезли в больницу, кость вправили, наложили гипс, и ничего бы страшного. По понимаете, я совсем беспомощна, и как в таком виде ехать, просто не представляю. А у Джорджа как раз совершенно неотложные дела, ближайшие три недели, самое малое, он не может тронуться с места. Он предложил мне взять с собой медсестру для ухода, но дело в том, что там, когда я приеду на место, мне медсестра не понадобится, все необходимое может сделать моя Сэди, и, значит, пришлось бы оплатить сестре еще и обратную дорогу, вот я и решила, обзвоню агентства, может, кто-то захочет поехать со мной просто за билет в одну сторону.

— Я не то чтобы специалистка по уходу за больными, — сказала Виктория таким тоном, чтобы быть понятой в противоположном смысле. — Но опыт у меня есть. — Она достала рекомендации. — Я больше года была в услужении у леди Синтии Брэдбери. А если нужно заниматься перепиской и выполнять секретарские обязанности, то я несколько месяцев проработала дядиной секретаршей. Мой дядя — епископ Лланголуский, — скромно пояснила она.

— О, так у вас дядя — епископ. Надо же, как интересно.

Виктория увидела, что произвела на супругов Гамильтон Клиппс большое впечатление. (Еще бы! Зря, что ли, она трудилась?)

Миссис Гамильтон Клиппс передала обе рекомендации мужу.

— По-моему, это просто чудо, — набожно произнесла она: — Перст судьбы. Это Господь внял молитвам.

«Вот именно», — подумала про себя Виктория.

— Вас там ждет место, мисс Джонс, или вы едете к родным? — спросила миссис Гамильтон Клиппс.

Обеспечивая себя второпях рекомендательными письмами, Виктория упустила из виду, что нужно еще придумать, зачем ей понадобилось в Багдад. Теперь, застигнутая врасплох, она вынуждена была импровизировать на месте. Ей припомнилась заметка из вчерашней газеты.

— У меня там дядя, — объявила она. — Профессор Понсфут Джонс.

— Вот как? Археолог?

— Да. — У Виктории мелькнула на минуту мысль: мало одного знаменитого дяди, так еще и второй! — Я страшно интересуюсь его работой, но, конечно, у меня нет специального образования, поэтому не может быть и речи, чтобы экспедиция оплатила мне дорогу. Они и так стеснены в средствах. Но если мне удастся доехать своим ходом, то там я смогу к ним присоединиться и принять участие.

— Как интересно, — сказал мистер Гамильтон Клиппс. — Для археологов Месопотамия[43] — золотое дно.

— Мой дядя-епископ, к сожалению, сейчас в Шотландии, — извинилась Виктория перед миссис Гамильтон Клиппс. — По я могу вам дать телефон его секретарши. Она в настоящее время находится в Лондоне. Пимлико восемь семьдесят шесть девяносто три, добавочный — Фулемский дворец[44]. Она там будет весь день, начиная с… (Виктория покосилась на каминные часы) с одиннадцати тридцати и до вечера, так что вы можете позвонить и справиться обо мне.

— Конечно, конечно… — начала было миссис Клиппс. Но муж перебил ее:

— У нас ведь времени в обрез. Твой самолет послезавтра. А у вас есть паспорт, мисс Джонс?

— Есть. — Слава Богу, что в прошлом году она ездила на экскурсию во Францию и срок паспорта еще не вышел. — Я его на всякий случай захватила.

— Вот это по-деловому! — одобрил мистер Клиппс.

Похоже, что другая кандидатка, если она поначалу и имела какие-то шансы, теперь сошла с дорожки. Виктория со своими рекомендациями, с двумя знаменитыми дядьками и с паспортом наготове одержала над нею решительную победу.

— Нужно успеть получить все визы, — сказал мистер Клиппс, беря у нее паспорт. — Я поехал в «Американ экспресс»[45] к нашему другу мистеру Берджену, он все устроит. Хорошо бы вы заглянули еще раз сегодня после обеда, поставите подписи где понадобится.

Виктория согласилась заглянуть еще раз.

Едва только дверь за ней закрылась, как за дверью раздался голос миссис Гамильтон Клиппс:

— Какая милая, искренняя девушка. Нам необыкновенно повезло.

У Виктории хватило совести покраснеть.

Она со всех ног бросилась домой и до вечера просидела у

телефона, готовая отвечать изысканным тоном епископской секретарши, если миссис Клиппс все-таки вздумает навести о ней справки. Но, видно, под приятным впечатлением от ее искренности, миссис Клиппс решила не вдаваться в мелочи. В конце концов, Викторию нанимали только в качестве дорожной компаньонки и всего на каких-то несколько дней.

В свой срок все бумаги были заполнены и подписаны, визы получены, и Виктория последнюю ночь перед вылетом провела в «Савое», чтобы помочь миссис Клиппс к семи часам утра собраться, прибыть вовремя на городскую автостанцию и оттуда — в аэропорт Хитроу[46].

Глава 5

Лодка, два дня назад вышедшая в плаванье из тростниковых болот, неспешно спускалась по Шатэль-Арабу[47]. Течение было сильное, и старику лодочнику почти не приходилось трудиться. Движения его были легки и ритмичны, глаза полузакрыты. Он едва слышно, почти шепотом, напевал заунывную арабскую песню.

Бессчетное множество раз спускался Абдул Сулейман из рода жителей болот по реке до Басры. В лодке с ним был еще один человек, чье обличье представляло собой обычную для нынешних времен грустную смесь черт западных и восточных. Поверх длинного полосатого балахона — старая армейская гимнастерка, грязная и изодранная. Концы линялого красного шарфа заправлены за пазуху. На голове — благородный арабский платок *кефийя* в черно-белую шашечку, придерживаемый черным шелковым обручем-агалом. Взгляд рассеянный, невидящий, устремлен вдаль поверх береговой дамбы. Временами этот человек подхватывал песню лодочника, принимался тянуть в унисон, не раскрывая рта? Обычная фигура, каких тысячи среди болот Месопотамии. И ничто не говорило о том, что он англичанин и везет с собой секретный груз, который влиятельные деятели чуть не всех стран мира стремятся перехватить и уничтожить, а заодно и его самого.

Мысль его дремотно перебирала события прошедших недель. Засада в горах. Ледяной холод на заснеженном перевале. Караван верблюдов. Четверо суток пешего хода через пустыню вместе с двумя бродячими кинодемонстраторами, таскающими с собой «волшебный ящик», в котором они показывают увеличенные фотоизображения. Несколько дней в черном шатре. Переходы с кочевниками племени упейза, его старыми друзьями. Трудности. Опасности. Раз за разом удавалось просачиваться сквозь сети, растянутые специально, чтобы выловить и остановить его.

«Генри Кармайкл. Английский агент. Возраст около тридцати. Волосы каштановые, глаза темные, рост пять футов[48] десять дюймов. Владеет арабским, курдским, персидским, армянским, хинди, турецким и многими горскими диалектами. Пользуется расположением кочевых племен. Опасен».

Кармайкл родился в Кашгаре[49], где его отец был государственным служащим. Ребенком он уже лопотал на нескольких языках и диалектах — его няньки, а позднее слуги принадлежали ко многим различным племенам. У него были друзья во всех диких углах Среднего Востока.

Но в городах связи иногда подводили его. Теперь, приближаясь к Басре, он понимал, что настал критический этап его миссии. Предстояло снова очутиться в цивилизованной зоне. Конечной его целью был Багдад, но он рассудил, что туда лучше попасть кружным путем. Во всех населенных пунктах Ирака для него были заранее, за много месяцев, тщательно подготовлены явки. Какую из них он изберет, чтобы «вынырнуть», представлялось на его усмотрение. Руководящие инстанции не получали от него никаких вестей, даже косвенных. Так оно было вернее. Самый простой план возвращения — на самолете, ожидающем в условленном месте, — провалился, как он лично, впрочем, и ожидал. Условленное место оказалось известно его врагам. Утечка информации! Вечно эта убийственная, эта необъяснимая утечка!

Ощущение опасности росло. Он чувствовал кожей, что в Басре, в двух шагах от спасения, угроза будет больше, чем в самых отчаянных переплетах в пути. Проиграть теперь, на последнем витке, — он даже и мысли такой не мог допустить.

Размеренно работая веслами, старый араб пробормотал, не поворачивая головы:

— Приближается время, сын мой. Пусть Аллах дарует тебе благополучие.

— Не задерживайся в городе, отец. Возвращайся в болота. Я не хочу, чтобы ты пострадал.

— Это уж какова будет воля Аллаха. Все в его руках.

— Ин ша Алла, — повторил младший.

На мгновенье ему мучительно захотелось тоже быть сыном Востока. Чтобы не беспокоиться об успехе или провале, не просчитывать опять и опять возможности и варианты, не спрашивать себя: все ли продумано и предусмотрено? А положиться на Всеблагого, Всеведущего — авось, ин ша Алла, удастся исполнить задуманное.

Произнося эти слова, он уже удовлетворенно ощутил, как к нему в душу нисходят покой и покорность року, свойственные жителям здешних краев. Через несколько минут ему предстоит покинуть свое укрытие — лодку и выйти на улицы большого города, бросить вызов стерегущим глазам. Чтобы исполнить задуманное, нужно иметь не только облик, но и жизнеощущение настоящего араба.

Лодка, скользя, свернула в поперечную протоку. Здесь стояли, причаленные, речные суденышки всевозможных видов, и подходили все новые и новые, с возвышенными, изогнутыми носами, с блеклой, выцветшей краской на бортах, — зрелище прямо венецианское. Сотни таких местных гондол, одна подле

другой.

Старик негромко произнес:

— Время пришло. Тебя здесь ждут?

— О да, у меня все подготовлено. Пришел срок нам расстаться.

— Да сделает Аллах ровными твои пути и да приумножит Он годы твоей жизни!

Кармайкл подобрал полосатый подол и зашагал вверх по скользким каменным ступеням.

Вокруг него шла обычная пристаньская жизнь. Сидели на корточках у лотков мальчишки — продавцы апельсинов.

Сверкали на солнце липкие квадраты пряников и леденцы, развевались подвязанные к палкам сапожные шнурки, лежали мотки резинки, дешевые гребенки. Мимо задумчиво шествовали покупатели, смачно сплевывая под ноги и машинально

пощелкивая четками. По противоположному тротуару, где размещались магазины и банки, торопились деловитые молодые эфенди[50] в европейских костюмах с фиолетовым отливом. Были среди них и европейцы, и англичане, и иностранцы. Никто не выказал ни малейшего интереса к тому, что еще один какой-то араб среди полусотни ему подобных вышел из лодки и поднялся на набережную.

Кармайкл шел не торопясь и осматриваясь вокруг с правдоподобным детским любопытством. По временам он, как все, отхаркивался в меру громко и сплевывал, чтобы не выделяться. И дважды высморкался с помощью пальцев.

Так под видом прибывшего в большой город жителя дикой глубинки он дошел до моста через канал, перешел на тот берег и спустился на базарную площадь.

Здесь все было шум и движение. Сын кочевников, бойко расталкивая других, устремился через площадь. В толпе пробирались нагруженные ослы, погонщики зычно орали: «Балек-балек!..» Вездесущие визгливые ребятишки затевали возню или бегали за европейцами и требовательно клянчили милостыню: «Бакшиш, мадам, бакшиш! Мескин-мескин!..[51]»

Здесь равно выставлялись на продажу товары и Запада и Востока. Алюминиевые сковороды, кружки, миски и чайники, медная посуда с чеканным узором, серебряные изделия из Амары, дешевые наручные часы, эмалированные бидоны, персидские вышивки и пестрые коврики. Окованные медью сундуки из Кувейта, ношеные пиджаки и брюки и детские вязаные кофточки. Стеганые покрывала местной работы, разрисованные стеклянные лампы, горы глиняных кувшинов и горшков. Дешевая продукция цивилизованного мира вперемежку с изделиями местных промыслов.

Все нормально, все как обычно. После долгих странствий по диким местам шум и суета города были Кармайклу непривычны, но не было ничего такого, что не соответствовало бы ожиданиям: ни фальшивой ноты в общем хоре, ни подозрительного интереса к его персоне. И тем не менее чутьем человека, за которым уже не один год охотятся, он все сильнее и сильнее ощущал смутную тревогу, улавливал вокруг себя какую-то опасность. Ничего определенного. Никто на него не взглянул. Никто, он был почти на сто процентов уверен, не шел за ним, не держал его под наблюдением. И все-таки он хоть и смутно, по чувствовал угрозу.

Он свернул в темный проход между рядами, йотом еще раз направо, потом налево. Здесь среди ларьков были ворота подворья. Он открыл калитку и очутился на широком дворе. Вокруг, но периметру, теснились лавчонки. Кармайкл направился

к одной из них, где висели овчинные полушубки, какие носят на севере. Он стал их придирчиво перебирать и разглядывать. Хозяин в это время угощал кофеем статного бородатого покупателя в зеленой чалме — знак того, что он — хаджи, то есть побывал в Мекке.

Кармайкл стоял рядом и щупал полушубок.

— Беш хаза? — спросил он.

— Семь динаров[52].

— Дорого.

Хаджи спросил:

— Так ты доставишь ковры ко мне на подворье?

— Можешь не сомневаться, — ответил купец. — Ты уезжаешь завтра?

— Да, в Кербелу[53]. Прямо с восходом солнца.

— Кербела — моя родина, — сказал Кармайкл. — Пятнадцать лет я не видел гробницу Хуссейна.

— Кербела — священный город, — кивнул хаджи.

Лавочник бросил Кармайклу через плечо:

— Там во внутреннем помещении есть полушубки подешевле.

— Мне нужен белый полушубок, северный.

— Есть у меня, вон в той комнате.

Лавочник указал на дверь в задней стене.

Все прошло по условленному сценарию — обычный разговор, какой можно услышать в любое время на любом базаре, — но в определенной последовательности были произнесены парольные слова: «Кербела» и «белый полушубок».

Только один раз, по пути в глубь лавки к задней двери, Кармайкл поднял голову и взглянул на лавочника — и сразу убедился, что это не тот человек, которого он ожидал увидеть. Он встречался с тем человеком лишь однажды, но память на лица у него была безошибочная. Сходство имелось, и заметное, но это был не он.

Кармайкл остановился. И спросил с легким недоумением:

— А где же Салах Гассан?

— Салах Гассан — это мой брат. Он умер три дня назад. Все его дела перешли ко мне.

Да, возможно, что это его брат. Сходство большое. И возможно, что брат тоже состоит на службе в департаменте. Все отзывы были правильные, это бесспорно. Но в полутемное заднее помещение Кармайкл вошел еще настороженнее. Здесь на полках тоже лежали товары — кофейники, сахарные щипцы из меди и бронзы, старинное персидское серебро, вороха вышивок, сложенные бурнусы, эмалированные дамасские подносы, кофейные сервизы.

Белый полушубок, аккуратно свернутый, лежал отдельно, на низком столике. Кармайкл подошел, поднял его. Снизу была сложена европейская одежда — слегка поношенный, но модный деловой костюм. В грудном кармане пиджака — бумажник с документами и деньгами. В лавку вошел неизвестный араб. А выйдет и отправится на заранее назначенные деловые свидания некий мистер Уолтер Вильямс, служащий фирмы «Кросс и К°, импортеры и пароходные агенты». Существовал на свете и настоящий мистер Уолтер Вильямс, тут все надежно, — респектабельный и заслуженный бизнесмен. Со вздохом облегчения Кармайкл начал расстегивать свою драную армейскую гимнастерку. Все в порядке.

Если бы оружием был избран револьвер, это было бы концом миссии Кармайкла. Но у ножа есть свои преимущества, в первую голову — бесшумность.

На полке перед глазами Кармайкла стоял большой пузатый медный кофейник, этот кофейник был недавно начищен до блеска по заказу одного американского туриста, который должен был за ним зайти. Сверкнувший нож отразился в его выпуклой блестящей поверхности — отразилась вся картина, искаженная, но достаточно четкая. Человек, выскользнувший из-за занавески у Кармайкла за спиной; длинный кривой нож, который он только что достал из-под полы. Еще миг — и этот нож вонзился бы Кармайклу в спину.

Кармайкл резко обернулся. Одним молниеносным ударом снизу уложил подкравшегося человека. Нож перелетел через всю комнату. Кармайкл сразу же выпрямился, переступил через лежащего, пробежал через торговое помещение — мелькнуло злобно-изумленное лицо лавочника и недоумевающая физиономия важного хаджи. И вот он уже снова на людной базарной площади, праздно расхаживает взад-вперед, ибо в этой стране спешить — значит выделяться среди толпы.

Бродя как бы бесцельно по площади, останавливаясь, чтобы рассмотреть какую-нибудь ткань, потеребить, пощупать, он на самом деле лихорадочно, с бешеной быстротой обдумывал ситуацию. Вся постройка рухнула! Он снова один в чужой стране. Но не только в этом дело.

Мало того, с горечью сознавал он, что опасность грозила от врагов, идущих по его следу. И от врагов, преграждавших выходы в цивилизованный мир. Но враги были и в недрах самой системы. Ведь пароли оказались известны. И отзывы прозвучали точно и своевременно. Нападение было рассчитано на тот самый момент, когда он должен был увериться, что все в порядке, и расслабиться. Впрочем, наверно, ничего удивительного в том, что

внутри оказалась измена. Целью противника всегда было внедрить в систему своих людей. Или подкупить нужного человека. Купить человека вообще гораздо проще, чем кажется. Можно ведь покупать не только на деньги.

Но, как бы то ни было, ситуация ясна. Он снова в бегах — и предоставлен самому себе. Без денег, без новой легенды, и наружность его известна противнику. Возможно, в эту самую минуту за ним ведется наблюдение.

Он не оглядывался. Какой прок? Те, кто за ним следят, свое дело знают.

Он продолжал бесцельно прогуливаться по базару, а сам мысленно перебирал имеющиеся возможности.

Наконец он оставил базарную площадь, неспешно перешел по мостику через канал и зашагал по улице. Вот показалось высокое крашеное крыльцо. И вывеска: «Британское консульство».

Кармайкл посмотрел вдоль улицы — вперед, потом назад. Как будто бы никто им не интересуется. Казалось бы, напрашивается самое простое: переступил порог, и ты в Британском консульстве. У него мелькнула мысль о мышеловке, об открытой мышеловке с завлекательной приманкой — кусочком сыра. Тоже, казалось бы на мышиный взгляд, чего проще…

И все-таки надо рискнуть. Другого решения, по-видимому, нет.

И он вошел.

Глава 6

Ричард Бейкер сидел под дверью в консульской приемной и ждал, пока консул освободится.

Он прибыл в Басру утром на «Царице индийской» и успел пройти таможенный досмотр. Багаж его состоял почти исключительно из книг. Рубашки и пижамы были добавлены к ним в последний момент.

«Царица индийская» пришвартовалась точно по расписанию, и у Ричарда образовался запас времени, так как он рассчитывал на два дня опоздания, эти небольшие торговые пароходы часто задерживаются с прибытием, теперь же в его распоряжении было два свободных дня, прежде чем ехать в Багдад, а оттуда к месту назначения — Тель-Асваду, где велись раскопки древнего города Мурика.

На что употребить эти два дня, Ричард уже решил. В Кувейте, неподалеку от моря, есть одно городище, говорят очень любопытное. Оно давно его интересовало, и вот теперь судьба подарила возможность его обследовать.

Ричард приехал в гостиницу при аэропорте и навел справки, как попасть в Кувейт. Оказалось, что самолет туда летит завтра в десять утра, и на следующий день можно с ним вернуться обратно. Так что все складывалось удачно. Понадобятся, правда, обычные документы — выездная виза, кувейтская въездная виза. За ними надо обратиться в Британское консульство. С генеральным консулом в Басре, мистером Клейтоном, Ричард познакомился несколько лет назад в Персии. Очень даже приятно будет теперь возобновить знакомство.

Подъездов в консульстве было несколько. Главные ворога для автомобилей. Небольшая калитка, открывающаяся из сада на дорогу, идущую вдоль Шатэль-Арабу. И официальный вход — с главной улицы. Ричард вошел, предъявил свои бумаги дежурному, услышал от него, что генеральный консул в настоящее время занят, но скоро освободится, и был препровожден в комнату ожидания слева по коридору, пронизывающему здание насквозь, от входа до задних дверей в сад.

В комнате ожидания уже находилось несколько человек. Но Ричард на них даже не посмотрел. Люди его мало интересовали. Древний глиняный черепок — это другое дело. А то просто какой-то человек, рожденный где-то в XX веке от Рождества Христова.

Он погрузился в приятные думы о письменах Мари[54] и о передвижениях племен Вениаминова колена[55] в 1750 году до

нашей эры.

Трудно сказать, что именно побудило его вернуться в настоящее и обратить внимание на окружающих его людей. Какое-то ощущение дискомфорта, напряженности. Притом дошедшее до его сознания, кажется, — хотя утверждать он бы не мог, — через нос. Нечто, не поддающееся четкой формулировке, но реальное, и это нечто напомнило ему времена незадолго до окончания войны. В особенности один эпизод, когда он и еще двое были сброшены на парашютах в тыл и ждали рассвета, чтобы приступить к выполнению задания. То была минута, когда падаешь духом, когда отчетливо осознаешь весь риск, и охватывает ужас, что опозоришься, не справишься, — когда мороз по коже. В то утро тоже ощущался в воздухе тот же еле уловимый, едкий запах.

Запах страха…

Он не сразу это понял. Одна половина его сознания все еще упорно держалась за то, что происходило до нашей эры. Но воздействие настоящего было слишком ощутимо.

Кто-то в этой небольшой комнате испытывал смертельный страх…

Ричард осмотрелся вокруг. Какой-то араб в драной армейской гимнастерке лениво перебирал янтарные шарики четок. Грузный, седоусый англичанин, по виду — коммивояжер, с важным и самозабвенным выражением лица, что-то записывал в книжечку. Изможденный, очень смуглый человек устало и равнодушно откинулся на спинку стула. Еще один, вернее всего, местный служащий. И пожилой перс в просторных белых одеждах. Сидят спокойно, безучастно.

В щелканье янтарных четок был какой-то правильный ритм. И даже как будто бы знакомый. Ричард стряхнул сонную одурь, прислушался. Точка, тире — тире — точка. Ну конечно, морзянка! Совершенно точно! Азбуку Морзе он знал — в минувшей войне ему нередко приходилось исполнять обязанности радиста. И теперь он без труда разобрал: Coba Floreat Etona. Что за чертовщина? Да, вот опять: Floreat Etona[56]. Латинский девиз выпускников Итонской школы[57], отстукиваемый ободранным арабом! А это еще что? «Сова. Итон. Сова».

«Сова» было прозвище Ричарда в Итоне, он уже тогда носил необыкновенно большие и толстые очки.

Он присмотрелся к арабу. Полосатый балахон — старая армейская гимнастерка, темно-красный вязаный шарф — весь в дырах — спущены петли. Таких на пристаньском базаре встречаются сотни. И взгляд пустой, ничего не выражает. Только четки отстукивают: Я Факир. Приготовься. Нужна помощь.

Факир? Ах, Факир! Ну, конечно! Факир Кармайкл! Мальчик, который то ли родился, то ли жил где-то на краю света. В Средней Азии, помнится? Или в Афганистане?

Ричард достал трубку. Попробовал продуть — заглянул в чашечку — и принялся выбивать ее о пепельницу на столике. Принят о.

Все дальнейшее произошло молниеносно. Ричард даже не смог толком сообразить, что и как было.

Араб в драной гимнастерке встал и пошел к двери.

Проходя мимо Ричарда, он споткнулся и, выбросив руку, ухватился за него, чтобы не упасть. Устоял, выпрямился, извинился и сделал еще один шаг к двери. Дальше было совсем удивительно, на взгляд Ричарда, скорее — как в кино, чем в реальной жизни. Толстый коммивояжер уронил записную книжку и принялся вытаскивать что-то из кармана. Но из-за своей толщины и облегающего покроя пиджака промешкал секунду или две, и Ричард успел выбить у него из руки револьвер. При этом раздался выстрел. Пуля впилась в пол.

Араб, очутившись в коридоре, бросился было к консульской двери, но вдруг остановился, повернул, выбежал через административный вход и затесался в уличную толпу.

К Ричарду, все еще державшему толстого англичанина, подбежал вахтер. Местный чиновник вскочил и прямо запрыгал от возбуждения, смуглый и тощий вытаращил глаза, а перс остался сидеть, бесчувственно уставя взор в пространство.

Ричард сказал:

— Какого черта вы вздумали тут бабахать из револьвера?

Толстяк на минуту замялся, а затем жалобно, некультурно запричитал:

— Виноват, старина. Случайно вышло. По неловкости.

— Вздор. Вы хотели подстрелить того араба, что сейчас выбежал.

— Да нет же, старина. Не подстрелить. А только припугнуть. Вдруг признал в нем плута, который всучил мне поддельный антиквариат. Просто шутка такая.

Ричард Бейкер, человек тонкой душевной организации, терпеть не мог всякого рода сцены. Он чувствовал, что лучше всего будет удовлетвориться предложенным объяснением. В конце концов, что он может доказать? Да и поблагодарит ли его Факир Кармайкл, если он устроит скандал? Надо полагать, раз он занимается всякими таинственными делами с переодеваниями, шум не в его интересах. Ричард разжал пальцы и выпустил руку толстяка. Он заметил, что тот весь взмок от пота.

Страж был вне себя от негодования. Ну как же можно

проносить в консульство огнестрельное оружие? Это запрещено. Консул будет сердиться.

— Приношу извинения, — сказал толстяк. — Случайность вышла. Только и всего.

Он попытался сунуть вахтеру деньги, но тот с негодованием отвел его руку.

— Я, пожалуй, лучше уйду от греха, — сказал толстяк. — Бог с ним, с консулом. Не буду его дожидаться. — И протянул Ричарду визитную карточку. — Это вот я. Остановился в гостинице аэропорта, если кому понадоблюсь. Только, говорю вам, это все вышло чисто случайно. Пошутить хотел, вы меня понимаете?

Ричард неохотно посторонился, и тот, натужно хорохорясь, вышел на улицу.

«Будем надеяться, что я действовал правильно», — сказал себе Ричард. Хотя трудно понять, как правильно, а как неправильно, когда ты ни во что не посвящен.

— Мистер Клейтон уже освободился! — объявил служитель.

Ричард пошел вслед за ним по коридору. В дальнем конце коридора стало больше света: дверь в консульский кабинет была открыта.

Консул сидел за письменным столом. Это был сдержанный седой джентльмен с внимательным выражением лица.

— Не знаю, вспомните ли вы меня, — сказал Ричард. — Мы встречались в Тегеране два года назад.

— Как же, как же. Вы у нас были с профессором Понсфутом Джонсом, верно? Теперь опять к нему?

— Да. Я еду в его экспедицию, но у меня есть несколько дней, и хотелось бы попасть в Кувейт. Это не сложно, надеюсь?

— Нисколько. Завтра утром туда летит самолет. Лёту всего не более полутора часов. Я телеграфирую Арчи Гонту, тамошнему резиденту. Он вас разместит у себя. А на сегодняшнюю ночь вы остановитесь у нас.

Ричард стал отнекиваться, хотя и не слишком рьяно.

— Право, не хотелось бы затруднять вас и миссис Клейтон. Я бы мог поехать в гостиницу…

— Аэропортовская переполнена. А мы вам очень рады. Жена, я знаю, будет счастлива встретиться со старым знакомым. У нас сейчас гостят — дайте сообразить — Кросби из Нефтяной компании и один молодой сотрудник доктора Ратбоуна, он здесь хлопочет о получении с таможни ящиков с книгами. Пойдемте поднимемся к Розе.

Он встал и повел Ричарда по коридору в залитый солнцем сад, откуда по наружной лестнице поднимались в жилое

помещение консульства.

Наверху Джеральд Клейтон открыл металлическую решетчатую дверь и пригласил гостя в широкий полутемный коридор, устланный нарядными ковриками и обставленный красивой мебелью вдоль стен. Прямо с солнца попасть в этот прохладный полумрак было особенно приятно.

Клейтон позвал: «Роза, Роза!» — и из дальней двери им навстречу вышла миссис Клейтон. Она была такой же, как Ричард ее запомнил: цветущая, энергичная женщина.

— Помнишь Ричарда Бейкера, дорогая? Он приезжал к нам в Тегеран с профессором Понсфутом Джонсом.

— Ну как же, — ответствовала миссис Клейтон, обмениваясь с ним рукопожатием. — Мы еще вместе ездили на базар, и вы купили очень милые половички.

Главное увлечение миссис Клейтон состояло в том, чтобы делать покупки на местных базарах, если не для себя, то хотя бы ассистируя друзьям и знакомым. Она превосходно разбиралась в ценах и как никто умела торговаться.

— Да, весьма удачное приобретение, — подтвердил Ричард. — И только благодаря вам.

— Бейкер хочет завтра лететь в Кувейт, — объяснил жене Джеральд Клейтон. — Я сказал, что сегодня он может переночевать у нас.

— Но если это сложно… — начал было Ричард.

— Нисколько не сложно, — сказала миссис Клейтон. — Лучшая комната для гостей вам, правда, не достанется, потому что в ней живет капитан Кросби, но вы будете устроены вполне удобно. Не хотите купить прекрасный кувейтский сундук? На базаре сегодня выставлены на продажу отличные сундуки. Джеральд говорит, чтобы я больше не покупала, хотя он нам здесь очень бы пригодился — одеяла хранить.

— У тебя уже есть три, дорогая, — мягко возразил Клейтон. — А теперь прошу меня извинить, Бейкер. Меня ждут дела службы. Там, в комнате ожидания, произошла сегодня какая-то потасовка, мне докладывали. Чуть ли не со стрельбой.

— Это, конечно, кто-то из здешних шейхов, — сказала миссис Клейтон. — Они все такие вспыльчивые и обожают стрелять.

— Напротив, — покачал головой Ричард. — Стрелял англичанин. Хотел, насколько я понял, влепить пулю в одного араба. — И прозаично добавил: — Я толкнул его под руку.

— Ах, так вы принимали непосредственное участие? Я не знал. — Клейтон достал визитную карточку и прочел: — «Роберт Холл, Энфилдские заводы „Ахиллес“». По какому поводу он желал меня видеть, понятия не имею. А он не пьян был?

— Он сказал, что хотел пошутить, — сухо пояснил Ричард. — А револьвер случайно выстрелил.

Юшитон вздернул брови.

— Коммивояжер с заряженным револьвером в кармане? — удивленно произнес он.

«А он, оказывается, не дурак», — подумал Ричард.

— Наверно, мне не надо было его отпускать?

— В таких делах трудно бывает сообразить, как надо, а как не надо. Этот араб, в которого он стрелял, не ранен?

— Нет.

— Ну и правильно, в таком случае, что вы не стали поднимать шум.

— Хотелось бы знать, что за этим стояло?

— Да, да… Мне тоже.

Вид у Клейтона был слегка растерянный.

— Ну, мне пора, — сказал он и второпях вышел.

Миссис Клейтон отвела Ричарда в гостиную, просторную комнату с зелеными драпировками и такими же диванными подушками, и предложила на выбор кофе или пиво. Он выбрал пиво, и оно тут же появилось, восхитительно охлажденное.

Она спросила, зачем ему в Кувейт. Он объяснил. Она спросила, почему он до сих пор не женат. Он ответил, что едва ли принадлежит к тем мужчинам, которые женятся, а миссис Клейтон на это решительно сказала: «Глупости». Из археологов, по ее мнению, получаются превосходные мужья. Она поинтересовалась: будут ли в этом году на раскопках женщины? Да, ответил он, ожидаются одна или две девицы. И конечно, миссис Понсфут Джонс. А что за девицы, воодушевилась миссис Клейтон, приличные? Но Ричард не знал, он же их еще не видел. Совершенно неопытные — вот все, что ему о них известно.

Миссис Клейтон его ответ почему-то рассмешил.

Тут вошел бойкий, коренастый господин и был представлен Ричарду как капитан Кросби. А мистер Бейкер, сообщила ему миссис Клейтон, археолог, он выкапывает из земли удивительнейшие вещи возрастом в тысячи лет. Капитан Кросби, по его собственному признанию, никогда не мог понять, каким образом археологи так точно определяют возраст своих находок. И про себя считал, что, наверно, они просто-напросто беззастенчиво врут, ха-ха-ха! Ричард посмотрел на капитана Кросби с тоской. Нет, правда, не отступался капитан Кросби, откуда они знают возраст предмета, который нашли? Ричард ответил, что слишком долго объяснять, и миссис Клейтон поспешила увести его смотреть отведенную ему комнату.

— Он очень славный, — заверила она Ричарда по пути. —

Но… вы меня понимаете, о культуре ни малейшего представления.

Комната оказалась очень приятная, и уважение Ричарда к хозяйке дома еще возросло.

Он сунул руку в карман и, к своему удивлению, вытащил какой-то грязный сложенный листок бумаги. Он точно знал, что с утра у него в кармане ничего не было. Ему тут же вспомнилось, как араб в приемной споткнулся и схватился за нею. Проворные пальцы могли за это мгновенье незаметно сунуть ему в карман бумажку.

Развернул. Бумажка была нечистая и перетертая на сгибах. Видно было, что ее не раз разворачивали и снова складывали.

В шести строках не слишком аккуратным почерком было написано, что майор Джон Уилберфорс аттестует некоего Ахмеда Мухаммеда как трудолюбивого, старательного работника, умеющего водить грузовик и производить мелкий ремонт и вдобавок безукоризненно честного — обычное письмо-рекомендация, какие дают при расчете на Востоке. Дата — полуторагодовой давности, что тоже обычно для Востока, где такие рекомендации хранят и постоянно носят при себе.

Нахмурив лоб, Ричард постарался со свойственной ему тщательностью восстановить в памяти утренний эпизод.

Факиру Кармайклу — в том, что это был он, Ричард не сомневался — грозила жестокая опасность. Он пришел в консульство — зачем? Чтобы спастись от преследования? Но вместо спасения столкнулся с еще большей опасностью. Там его ждал враг или подручный врага. Толстый коммивояжер, по-видимому, имел самые определенные инструкции, иначе как бы он отважился стрелять в Кармайкла прямо в консульстве на глазах у нескольких свидетелей? Значит, толстяк готов был на все. Кармайкл узнал однокашника, просил о помощи и исхитрился незаметно передать ему эту, казалось бы, совершенно невинную бумажку. Отсюда следует, что бумажка эта очень важная, и, если враги все же настигнут Кармайкла и при нем ее не обнаружат, они безусловно сопоставят факты и сообразят, кому он мог ее передать. А раз так, то что он, Ричард Бейкер, должен с этой бумагой делать?

Можно вручить ее Клейтону, как представителю правительства его британского величества.

А можно оставить у себя до того времени, пока Кармайкл не явится за ней лично.

После нескольких минут размышления он избрал второе.

Но прежде всего следовало принять меры предосторожности.

Оторвав неисписанную половинку от старого письма, он

начертал на ней те же шесть рекомендательных строчек о достоинствах некоего водителя грузовика — почти в тех же выражениях, но все-таки не совсем, на *случаи если* это был шифр, — хотя могла быть там и надпись симпатическими чернилами.

Свое сочинение он слегка испачкал о подошвы башмаков, помял в ладонях, сложил, расправил, опять сложил — и так до тех пор, пока бумага не приобрела вид заслуженный и грязный. Тогда он ее скомкал и сунул в карман. Оригинал же, повертев в руках и поразмыслив, тщательно сложил в плотный бумажный кирпичик, обернул уголком клеенки, отрезанным от мешочка для ванных принадлежностей, и, достав из полевой сумки пластилин, обмазал слоем пластилина, размял, ровно обкатал и аккуратно снял на него слепок с цилиндрической печати, которая у него нашлась при себе.

Он поглядел на результат своих трудов с сумрачным удовлетворением.

На пластилиновом валике отчетливо отпечаталось изображение солнечного бога Шамаша с Мечом Правосудия в руке.

— Будем считать, что это добрый знак, — сказал себе Ричард Бейкер.

Вечером в кармане пиджака, который он сменил к обеду, помятой бумажки уже не было.

Глава 7

«Живем! — думала Виктория. — Живем, братцы!» Она сидела на городском аэровокзале, и вот наконец настал волшебный миг, когда по радио объявили: «Пассажиров, направляющихся в Каир, Багдад и Тегеран, просят занять места в автобусе».

Волшебные слова, волшебные названия. Конечно, для миссис Клиппс, которая, видно, всю жизнь только и делала, что перескакивала с корабля на самолет и с самолета на поезд с краткими привалами в шикарных отелях, они, может, и не представляют ничего особенного, но для Виктории это просто чудо! Что она слышала в жизни? «Диктую, записывайте, мисс Джонс», или: «В этом письме масса ошибок, пожалуйста, перепечатайте, мисс Джонс», или: «Чайник вскипел, милочка, заварите чай», или: «Сказать, где лучше всего делают шестимесячную?». Унылая, набившая оскомину проза. А тут — Каир, Багдад, Тегеран! Романтика Востока! (И Эдвард в конце пути.)

Виктория опустилась с небес на землю и услышала, как ее нанимательница, которая, оказывается, страдает болезненным словесным недержанием, завершает очередной монолог:

— …и *плохо* моют, представляете? Я всегда очень осторожна с тем, что приходится есть. Грязь на улицах и на базарах просто немыслимая. И это тряпье, что они там носят! Нарушение всех норм гигиены. А туалеты!.. Их и туалетами-то не назовешь!

Виктория исправно выслушивала ее стенания, но у самой у нее на душе было по-прежнему светло и празднично. Какое дело молодым до микробов и грязи? Приехали в Хитроу. Виктория помогла миссис Клиппс выйти из автобуса. Паспорта, билеты, деньги — все это уже было в ее ведении.

— Ах, — приговаривала миссис Клиппс, — как хорошо, что вы со мной, мисс Джонс! Просто не представляю, что бы я в дороге без вас делала!

Виктория нашла, что путешествие на самолете мало чем отличается от школьной автобусной экскурсии, где каждым твоим шагом заботливо, но твердо распоряжаются учителя. Самолетные стюардессы в аккуратной униформе, совсем как воспитательницы в классах для умственно отсталых детей, терпеливо и наглядно объясняли пассажирам, что в каких случаях следует делать. Того и гляди, услышишь от них: «Л теперь, дети…»

Утомленные молодые мужчины за стойками скучливо протягивали руки за паспортами, задавали личные вопросы о деньгах и драгоценностях и вообще лезли в душу, будто ты перед

ними провинилась. Викторию, от природы легко внушаемую, так и подмывало вписать в декларацию свою единственную бедную брошку как бриллиантовую диадему стоимостью в десять тысяч фунтов, то-то скучливый молодой человек глаза бы на нее вытаращил. Но она вспомнила про Эдварда и сдержалась.

Пройдя через все барьеры, они опять уселись ждать в зале, на этот раз открывающемся прямо на летное поле. Снаружи, воя, разгонял моторы стоящий наготове самолет. Миссис Клиппс упоенно обсуждала своих будущих спутников:

— Смотрите на тех двух детишек, ведь, правда, прелесть? Ну нет слов! Но ехать одной с двумя детьми — это же так хлопотно! Англичане, я думаю. Костюм на матери сидит бесподобно. А лицо утомленное, еще бы! Красивый мужчина, вон тот, на испанца похож, верно? Смотрите, какая пестрая клетка на том господине, безвкусица, по-моему. Бизнесмен, надо полагать. Этот вот, что в углу, голландец, он проходил контроль перед нами. Вон то семейство — либо турки, либо персы. Американцев я не вижу ни одного. Они, должно быть, летают больше на «Панамерикен»[58]. А вон те трое, что разговаривают, я бы сказала — нефтепромышленники, как по-вашему? Обожаю угадывать по виду, кто есть кто. Мистер Клиппс говорит, что у меня на людей чутье. По-моему, интересоваться людьми — это так естественно. Вон то норковое манто стоит не меньше трех тысяч долларов, вы согласны?

Миссис Клиппс перевела дух. Дав оценки всем своим будущим попутчикам, она начала испытывать нетерпение:

— Ну, чего мы дожидаемся, хотела бы я знать? Мотор запускали уже четыре раза. Все в сборе. Что же тянуть? И по расписанию давно пора.

— Может быть, вы бы выпили чашку кофе, миссис Клиппс? Вон там, я вижу, буфет работает.

— Да нет, благодарю вас, мисс Джонс. Я пила перед отъездом, и в животе у меня сейчас неспокойно, лучше не добавлять. Чего мы ждем, не понимаю.

Ответ был получен, не успела она закрыть рот.

Распахнулась дверь из коридора со стороны таможенных и паспортных служб, и в зал, точно порыв ветра, влетел высокий господин. Вокруг роились служащие аэропорта. Следом несли два запечатанных холщовых мешка.

Миссис Клиппс оживилась.

— Явно, какая-то важная птица, — высказала она мнение.

«Да, и не стесняется важничать», — подумала Виктория. Действительно, в облике вновь прибывшего была вызывающая, почти нарочитая броскость. На плечах — темно-серый дорожный

плащ с большим откинутым на спину капюшоном, на голове — светлая широкополая шляпа наподобие сомбреро. Седоватые локоны чуть не до плеч. И великолепные серебристые усы концами кверху. Просто оперный бандит. Таких мужчин, которые красуются своей наружностью, Виктория не одобряла. Она оглядела его с осуждением.

Л служащие аэропорта перед ним безобразно лебезили. «Да, сэр Руперт», «Конечно, конечно, сэр Руперт», «Сию же минуту и вылетаем, сэр Руперт».

Сэр Руперт, взмахнув широким плащом, прошествовал на летное поле. Двери за ним с лязгом захлопнулись.

— Сэр Руперт, — негромко повторила миссис Клиппс. — Кто бы это мог быть?

Виктория пожала плечами, хотя у нее было смутное ощущение, что это лицо и общий облик ей откуда-то знакомы.

— Небось какая-то шишка в вашем правительстве, — высказала предположение миссис Клиппс.

— Едва ли, — покачала головой Виктория.

Немногие члены правительства, которых она видела живьем, были тихони, виновато жмущиеся к стенке, оживали они только на трибуне, где сразу надувались и начинали вещать и поучать.

— А сейчас, — деловито провозгласила старшая стюардесса, похожая на воспитательницу в детском саду, — просьба всем занять места в самолете. Сюда, пожалуйста. Будьте добры, поторопитесь.

Говорилось это таким тоном, как будто перед ней малые дети, которые своей медлительностью испытывают терпение взрослых.

Пассажиры гуськом потянулись на летное поле.

Огромный самолет глухо гудел, как довольно урчащий лев-великан.

Виктория вдвоем с помощником пилота втащила миссис Клиппс в самолет и усадила на указанное в билете место. Сама села рядом, у прохода. И вот наконец миссис Клиппс удобно устроена, ремни защелкнуты, и только тут Виктория увидела, что прямо перед ней сидит важный сэр Руперт.

Двери самолета закрылись. Еще несколько секунд, и самолет медленно стронулся с места.

«Поехали! — восторженно подумала Виктория. — Ой, как страшно! А вдруг не взлетим? Действительно, такой огромный самолет, разве он может взлететь?»

Самолет невыносимо долго катил по аэродрому, потом остановился, развернулся. Моторы взвыли еще оглушительнее. Пассажирам разносили жевательную резинку, леденцы и вату для

ушей.

А рев моторов все громче и громче, все пронзительнее и пронзительнее. Вот самолет снова тронулся с места. Сначала неуверенно, потом быстрее, еще быстрее. Они с бешеной скоростью катятся по летному полю.

«Не взлетим, — в отчаянье думала Виктория. — Разобьемся».

Все быстрее — все плавнее — без тряски — без запинок — оторвались — летят над землей, повернули, описали полукруг над автомобильной стоянкой, а вот и шоссе видно — все выше, выше — такой смешной игрушечный поезд тащится по рельсам — и домишки кукольные — и автомобильчики… Еще выше, еще… и вдруг оставленная внизу земля разом сделалась неинтересной, неодушевленной, нечеловеческой, просто — большая и плоская географическая карта, испещренная черточками, кружками, точками.

Люди в самолете расстегивали ремни, закуривали сигареты, листали журналы. Виктория очутилась в незнакомом мире, имеющем столько-то футов в длину и совсем мало в ширину и населенном двумя или тремя десятками людей. А за пределами этого мира не было ничего.

Она попробовала было снова взглянуть в окошко сбоку. Под ними были одни облака, мостовая из пухлых облаков. А самолет освещало солнце. Весь знакомый ей мир лежал где-то внизу, под облаками.

Виктория сделала над собой усилие и очнулась. Миссис Гамильтон Клиппс что-то говорила. Виктория вынула вату из ушей и склонилась к ней с вежливым вниманием.

Сидевший впереди нее сэр Руперт поднялся с кресла, закинул на полку для вещей свою широкополую светлую шляпу, натянул на голову капюшон и снова устроился в кресле.

«Разважничался как дурак», — мысленно обругала его Виктория с непонятным раздражением.

Миссис Клиппс присмирела с открытым журналом на коленях. И только по временам толкала Викторию локтем в бок, когда при попытке перевернуть страницу одной рукой роняла его на пол.

Виктория огляделась по сторонам. Оказывается, лететь на самолете довольно скучно. Раскрыла наугад какой-то журнальчик и наткнулась на рекламу: «Вы хотите усовершенствоваться в искусстве стенографии?» С душевным содроганием захлопнула журнал, откинулась в кресле и стала думать об Эдварде.

Сели в Кастель Бенито[59]. Лил проливной дождь. Викторию уже успело укачать. Чтобы бдительно ухаживать за миссис Клиппс, ей пришлось напрячь всю свою волю. Под хлещущим

дождем их повезли в аэродромную гостиницу. А величественного сэра Руперта, Виктория заметила, встречал офицер в мундире с красными петлицами, посадил в казенную машину и увез куда-то, где в Триполитании[60] обитают великие мира сего.

Их распределили по комнатам. Виктория помогла миссис Клиппс с туалетом и оставила ее в халате отдыхать до ужина на кровати поверх покрывала. А сама ушла к себе, тоже легла и закрыла глаза, радуясь, что больше не Видит вздымающегося и проваливающегося пола.

Через час она проснулась совершенно здоровая и бодрая и пошла помогать миссис Клиппс. Вскоре новая старшая стюардесса еще более командирским тоном, чем давешняя, объявила пассажирам, что сейчас их на машинах повезут ужинать. Когда ужин кончился, миссис Клиппс разговорилась кое с кем из спутников. А к Виктории прилепился господин в пестро-клетчатом костюме и долго, с подробностями, объяснял ей, как делают карандаши. Потом их доставили на ночевку обратно в гостиницу, строго предупредив, чтобы были готовы к выезду завтра в 5.30 утра.

— Мы же совсем не видели Триполитанию, — вздохнула Виктория. — Самолетом всегда так?

— Я бы сказала, что да, как правило. Подымают утром безбожно рано, чистый садизм, а после этого вполне могут продержать на аэродроме час-другой. Помню, в Риме один раз нас подняли в три тридцать. Завтрак в ресторане в четыре ноль-ноль. А потом в аэропорте просидели до восьми. Но главное все-таки, что доставляют прямо до места без пересадок и всяких дурацких проволочек.

«И очень жалко, что без проволочек», — подумала Виктория. Она ведь хотела повидать мир.

— Представляете себе, милочка? — оживляясь, продолжала миссис Клиппс. — Этот интересный мужчина, знаете, англичанин? С которым все так носятся. Я ведь выяснила, кто он. Это — сэр Руперт Крофтон Ли, знаменитый путешественник. Вы о нем, конечно, слыхали.

Да, Виктория вспомнила. Она видела его фотографии в газетах примерно полгода назад. Сэр Руперт — главный специалист по Внутреннему Китаю[61]. Один из немногих на Земле людей, которые побывали в Тибете и посетили Лхасу[62]. Он пересек неисследованные районы Курдистана[63] и Малой Азии[64]. Его книги расходятся огромными тиражами, потому что они остроумно и живо написаны. Если сэр Руперт и не брезгует некоторой саморекламой, то он имеет на то все основания. Все, что он утверждает, доказывается фактами. И одеяние это

своеобразное, плащ с капюшоном и широкополая шляпа, писали, что это он сам себе придумал.

— Правда ведь, как интересно? — настаивала миссис Клиппс с восторгом заядлой охотницы за знаменитостями.

Виктория, подтыкавшая одеяло вокруг ее возлежащей фигуры, поддакнула, но про себя подумала, что книги сэра Руперта ей лично нравятся больше, чем он сам. Он, на ее взгляд, типичный воображала, как говорят дети.

Вылетели, вопреки ожиданиям, точно в назначенное время. Тучи развеялись, солнце сияло. Но все-таки Виктории было обидно, что она почти не повидала Триполитанию. Одно утешение, что в Каир прилетали в полдень, а дальше в Багдад вылет назначен только на следующее утро, так что можно будет хотя бы полдня посвятить осмотру Египта.

Летели над морем, но облака скоро скрыли от глаз воду, Виктория откинулась на спинку кресла и зевнула. Сэр Руперт в кресле перед нею уже спал. Голова его свесилась на грудь и кивала, капюшон съехал. Виктория не без злорадства заметила, что у него на шее зреет маленький фурункул. Почему это обстоятельство ее обрадовало, трудно сказать, — наверно, потому, что оно словно бы делало великого человека более человечным и ранимым, подверженным, как и прочие смертные, мелким уязвлениям плоти. Приходилось, однако, признать, что сэр Руперт держался с олимпийской недоступностью и на окружающих не обращал внимания.

«Подумаешь, кто он такой?» — обиженно думала Виктория. Ответ напрашивался. Он — сэр Руперт Крофтон Ли, мировая знаменитость. А она — Виктория Джонс, посредственная стенографистка-машинистка, девушка, не имеющая значения.

В Каире Виктория и миссис Клиппс пообедали, после чего миссис Клиппс объявила о своем намерении лечь поспать часов до шести и спросила, не хочет ли Виктория тем временем съездить посмотреть пирамиды?

— Я договорилась насчет автомобиля для вас, мисс Джонс, потому что вы же не можете, я знаю, по правилам вашего казначейства, обменять здесь даже небольшую сумму.

Виктория, которой так или иначе обменивать было нечего, была растрогана и выразила ей горячую благодарность.

— Да что вы, пустяки, — сказала миссис Клиппс. — Вы так ко мне внимательны. А с долларами путешествуешь безо всяких проблем. Миссис Китчин, — та, что с двумя миленькими деточками, — тоже непременно хочет съездить к пирамидам, и я ей предложила взять вас, если вы не против.

Виктории было совершенно все равно с кем, лишь бы поехать.

Посмотреть мир.

— Ну и чудесно, тогда ступайте.

В результате Виктория побывала у пирамид и получила положенное удовольствие, которого, впрочем, могло быть и больше, если бы не деточки миссис Китчин. Вообще-то Виктория к детям относилась хорошо, но в экскурсиях с ними много неудобства. В конце концов, младшенькая совсем раскапризничалась, и пришлось возвратиться раньше, чем предполагалось.

Виктория, зевая, растянулась на кровати. Хорошо бы задержаться в Каире, скажем, на неделю. Покататься бы на пароходе по Нилу. «А деньги где ты на это возьмешь, моя милая?» — язвительно спросила она себя. Уже и то чудо, что она бесплатно летит в Багдад.

«Ну, прилетишь в Багдад, а там что ты будешь делать, — спросил все тот же ледяной внутренний голос, — имея в кармане всего пару фунтов?»

Но Виктория только отмахнулась. Эдвард найдет ей работу. А если нет, то она сама себе найдет работу. Стоит ли беспокоиться.

Глаза ее, обожженные ослепительным солнцем пустыни, блаженно закрылись.

Разбудил ее стук в дверь. Она позвала: «Войдите!» Но никто не вошел, и тогда она встала с кровати, прошлепала босиком через комнату и открыла.

Оказалось, что стучали не в ее дверь, а в соседнюю. Очередная стюардесса, яркая брюнетка в синей униформе, стучалась к сэру Руперту Крофтону Ли. Он открыл, как раз когда Виктория высунулась в коридор.

— Ну, в чем дело? — спросил он раздраженным сонным голосом.

— Простите, что беспокою вас, сэр Руперт, — заворковала стюардесса, — но не могли бы вы подойти в контору Британских авиалиний? Это через три двери от вас, дальше по коридору. Надо уточнить кое-какие детали в связи с завтрашним рейсом на Багдад.

— Хорошо. Сейчас иду.

Виктория втянула голову обратно и закрыла дверь. Спать уже больше не хотелось. Взглянула на часы: только половина пятого. У миссис Клиппс надо быть еще через целых полтора часа. Виктория решила выйти и погулять по Гелиополису. За гулянье денег не берут.

Попудрила нос, всунула ноги в туфли. Тесновато. Всё эти пирамиды — такая нагрузка на ноги!

Она вышла и зашагала по коридору по направлению к

главному вестибюлю. Вот, через три двери от ее номера, контора Британских авиалиний. И карточка с названием прибита. Как раз когда Виктория проходила мимо, дверь открылась и оттуда выскочил сэр Руперт, быстрыми шагами догнал и перегнал ее и устремился дальше, только плащ за спиной развевается. Как видно, сильно не в духе.

Когда ровно в шесть Виктория явилась к миссис Клиппс, та была в расстроенных чувствах.

— Я очень тревожусь насчет моего багажа, мисс Джонс, у меня лишний вес, и я думала, что доплатила за весь рейс, до конечного пункта, но оказалось, что доплачено только до Каира. Дальше мы летим самолетом «Ираки Эйруэйз», билеты транзитные, а доплата за багаж — нет. Не могли бы вы сходить и выяснить, мисс Джонс? Потому что тогда мне надо будет снять деньги с аккредитива.

Виктория сказала, что сходит и выяснит. Она не сразу сумела найти помещение «Британских Заграничных авиалиний», оно оказалось совсем в другом конце здания и представляло собой довольно просторный зал.

Та, маленькая контора, по-видимому, работала только в часы послеобеденного перерыва, решила Виктория. А опасения миссис Клиппс насчет доплаты за лишний багаж действительно подтвердились, и это ее сильно раздосадовало.

Глава 8

В городе Лондоне, в Сити[65], на шестом этаже высотного административного здания находится контора граммофонной фирмы «Валгалла». В ней за конторским столом сидел мужчина и читал книгу по политэкономии. Раздался телефонный звонок. Он поднял трубку и произнес негромким равнодушным голосом:

— Граммофонная фирма «Валгалла».

— Говорит Сэндерс.

— Сэндерс, Начальник реки? Какой реки?

— Реки Тигр. Докладываю насчет А. Ш. Мы ее потеряли.

Последовала минута молчания. Затем негромкий равнодушный голос раздался опять, но уже со стальной ноткой:

— Я не ослышался?

— Мы потеряли Анну Шееле.

— Без имен. Это очень серьезная оплошность с вашей стороны. Каким образом?

— Она вошла в больницу, я вам докладывал. Ее сестра легла туда на операцию.

— Ну и?

— Операция прошла удачно. Мы ожидали, что А. Ш. вернется в «Савой». Номер «люкс» она за собой оставила. Но она не вернулась. Наблюдение за больницей мы продолжали, она не выходила. Мы решили, что она находится внутри.

— А ее там нет?

— Только сейчас мы это выяснили. Уехала. В машине «скорой помощи». Назавтра после операции.

— Сознательно обманула вас?

— Похоже на то. Я бы голову дал на отсечение, что она не подозревала о слежке. Мы приняли все меры. Работали втроем, и когда…

— Можете не оправдываться. Куда ее отвезла машина «скорой помощи»?

— В Университетскую хирургическую клинику.

— Что вы там выяснили?

— Что к ним была доставлена пациентка в сопровождении медицинской сестры. Очевидно, сестра и была Анна Шееле. Куда она делась после того, как доставила больную, там не имеют понятия.

— А больная?

— Больная ничего не знает. Ее везли под морфием[66].

— Значит, Анна Шееле в одежде медицинской сестры преспокойно вышла из Университетской клиники и сейчас

находится неизвестно где?

— Да. Если она возвратится в «Савой», то мы…

— Она не возвратится в «Савой».

— Проверить другие отели?

— Да, но я полагаю, это ничего не даст. Она, конечно, предусмотрела такой шаг с вашей стороны.

— Тогда какие будут инструкции?

— Проверьте порты — Дувр, Фолкстон[67] и прочие. Проверьте авиалинии. Особое внимание обратите на рейсы в Багдад, все заказанные билеты на предстоящие две недели. Билеты, конечно, будут не на ее имя. Проверьте всех, кто летит в Багдад, — если возраст подходит.

— Ее вещи остались в «Савое». Возможно, она попытается их получить.

— Она не сделает ничего подобного. Если вы дурак, то уж она-то не дура! Сестра ничего не знает?

— Мы в контакте с ее личной сиделкой. Сестра считает, что А. Ш. находится в Париже по делам Моргенталя и живет там в отеле «Ритц». Она полагает, что А. Ш. двадцать третьего числа улетает обратно в Штаты.

— Иными словами, А. Ш. ее ни во что не посвятила. Этого следовало ожидать. Продолжайте держать под контролем авиарейсы. Это — единственное, что осталось. Она должна попасть в Багдад, и иначе, как по воздуху, ей не успеть, и вот еще что, Сэндерс…

— Что?

— Чтобы больше никаких проколов. Вам дан последний шанс реабилитироваться.

Глава 9

Молодой сотрудник Британского посольства мистер Шривенхем, переминаясь с ноги на ногу, смотрел на небо — над Багдадским аэродромом, гудя, кружил самолет. А на земле разыгралась песчаная буря. Пальмы, здания, люди потонули в густом коричневом мареве. Буря началась внезапно.

Лайонел Шривенхем с отчаянием произнес:

— Десять к одному, они не смогут приземлиться.

— Что же они будут делать? — спросил его приятель Хэролд.

— Наверно, полетят в Басру. Там как будто бы ясно.

— Встречаешь знатного гостя?

Молодой мистер Шривенхем застонал в голос:

— Да уж, мое везение. Новый посол еще не прибыл на место. Советник Лэндаун находится в Англии. Райе, советник по Востоку, болен, у него дизентерия, высоченная температура. Бест в Тегеране. И все хозяйство целиком на мне. Такой переполох из-за этого господина. Уж и не знаю почему. Даже ребята из секретной службы и то забегали. Он знаменитый путешественник, изъездил весь мир, главным образом — на верблюдах по недоступным местам. Что в нем такого особенного, в толк не возьму, но, выходит, важная птица, раз я обязан выполнять его малейшие капризы. Теперь увезут его в Басру, вот он небось обозлится! Прямо не знаю, как распорядиться насчет него, чтобы сегодня вечером посадили его на багдадский поезд или завтра доставили сюда военным самолетом?

Мистер Шривенхем снова вздохнул, совсем сникнув под бременем обиды и ответственности. Все три месяца, что он работает в Багдаде, его постоянно преследуют неудачи. Если он теперь опять сядет в лужу, то, пожалуй, можно ставить крест на своей карьере, которая так многообещающе начиналась.

Самолет снова с ревом пронесся над головами.

— Так и есть, решил не садиться, — с горечью сказал Шривенхем. И вдруг оживился: — Эй, смотрите-ка, по-моему, он идет на посадку.

А через несколько мгновений авиалайнер солидно подрулил к тому месту, где стоял по стойке «смирно» мистер Шривенхем, приготовившийся к встрече знатного гостя.

Непрофессиональным взглядом он еще успел заметить на трапе девушку «вполне ничего», но туг же вынужден был по долгу службы ринуться навстречу грозному господину в развевающемся плаще.

«Маскарадный разбойник», — подумал про себя Шривенхем.

А вслух произнес:

— Сэр Руперт Крофтон Ли? Я Шривенхем, из посольства.

Сэр Руперт поздоровался не слишком приветливо, но это Шривенхема нисколько не удивило: человек только что описывал круги над городом, не зная даже вообще, удастся ли приземлиться.

— Ужасная погода, — продолжал он исполнять свои обязанности. — У нас в этом году то и дело такие бури… Я вижу, мешки при вас? Тогда идемте со мной, сэр, ваши вещи погрузят в автомобиль.

А потом, когда отъехали от аэропорта:

— Я уже думал, что вы полетите на другой аэродром, сэр. Впечатление было такое, что посадка невозможна. Не ждешь-не гадаешь, и вдруг на тебе — песчаная буря.

И тут сэр Руперт, важно надув щеки, произнес:

— Это была бы катастрофа, молодой человек, настоящая катастрофа. Нарушение моих планов возымело бы самые бедственные и далеко идущие последствия, имейте в виду.

«Как бы не так, — неуважительно подумал Шривенхем, — эти шишки воображают, что от их дурацких затей зависят судьбы мира».

А вслух почтительно ответил:

— Легко могу себе представить, сэр.

— У вас есть сведения о том, когда ожидается прибытие посла в Багдад?

— Точная дата пока неизвестна, сэр.

— Жаль, если я с ним разминусь. Мы не виделись с… сейчас вам скажу… да, после Индии, с тысяча девятьсот тридцать восьмого года.

Шривенхем почтительно промолчал.

— Одну минуту. Здесь ведь служит Рейс, я не ошибся?

— Не ошиблись, сэр. Он советник по Востоку.

— Толковый работник. Знающий. Рад буду с ним повидаться.

Шривенхем кашлянул.

— Видите ли, сэр, Райс сейчас болен. Лежит в больнице на обследовании, с острой формой гастроэнтерита[68]. Это посерьезнее, чем обычное багдадское расстройство.

— Что такое? — резко повернул к нему голову сэр Руперт. — Острый гастроэнтерит? Гм. Заболел внезапно?

— Да, сэр. Позавчера.

Сэр Руперт нахмурил брови. Напыщенное самодовольство с него вдруг слетело. Он стал другим человеком, попроще. И озабоченнее.

— Гм, не знаю, — пробормотал он. — Приходит в голову, что….

Шривенхем смотрел вежливо-вопросительно.

— Я думал, может быть, это «зелень Шееле», — загадочно пояснил сэр Руперт.

Шривенхем, недоумевая, промолчал.

На подъезде к мосту Фейсала машина свернула влево к Британскому посольству.

Неожиданно сэр Руперт наклонился к водителю.

— Остановитесь-ка на минутку, — распорядился он. — Да-да, вот тут, с правой стороны. Где продают горшки.

Автомобиль плавно подъехал к тротуару и встал.

Здесь находилась туземная лавчонка, доверху заваленная грубыми серыми горшками и кувшинами.

Приземистый европеец, разговаривавший с лавочником, при приближении машины отошел в направлении моста. Шривенхему показалось, что это был Кросби из «И. П», с которым он раза два встречался.

Сэр Руперт выскочил на тротуар и подошел к прилавку. Здесь, взяв в руку один из серых горшков, он оживленно заговорил с лавочником по-арабски — слишком быстро и слитно для Шривенхема, который до сих пор разбирал арабскую речь с трудом и имел довольно ограниченный словарь.

Лавочник сиял, жестикулировал, раскидывал руки, что-то объяснял. Сэр Руперт перебирал горшки, задавал какие-то вопросы. Под конец выбрал один кувшин с узким горлышком, бросил лавочнику несколько монет и вернулся в машину.

— Интересная техника, — сказал он. — Они пользуются ею уже тысячи лет, и точно такая же форма отмечена в одном из горных районов Армении.

Просунув в горлышко палец, он пошарил внутри.

— Грубая работа, — равнодушно заметил Шривенхем.

— О да, художественных достоинств никоих. Но представляет исторический интерес. Видите, туг отбиты ручки? Предметы повседневного обихода дают нам немало исторических подсказок. У меня таких целая коллекция.

Автомобиль въехал в ворота Британского посольства.

Сэр Руперт пожелал, чтобы его немедленно проводили в предназначенную ему комнату. Любопытно, однако, что, прочитав Шривенхему целую лекцию на тему о кувшине, он сам этот кувшин преспокойна забыл в автомобиле. Шривенхем заботливо

захватил его наверх и поставил на тумбочку у его кровати.

— Ваш горшок, сэр.

— А? Да-да. Благодарю вас, милейший, — рассеянно отозвался сэр Руперт.

Шривенхем напомнил ему, что обед будет готов очень скоро, а пока к услугам сэра Руперта большой выбор напитков. И ушел.

Когда дверь за молодым человеком закрылась, сэр Руперт подошел к окну и развернул на свету сложенную полоску бумаги, которую он вытащил из горлышка кувшина. Разгладил ее. На ней оказались написаны две строчки. Он прочитал их внимательно, потом чиркнул спичкой и бумажку сжег.

Затем позвонил слуге.

— Да, сэр? Распаковать ваши вещи, сэр?

— Пока еще не надо. Пригласите ко мне мистера Шривенхема. Сюда.

Встревоженный Шривенхем явился.

— Чем могу быть полезен, сэр? Что-нибудь не так?

— Мистер Шривенхем, мои планы подверглись радикальным изменениям. Я могу на вас положиться, надеюсь?

— Полностью, сэр.

— Я довольно давно не был в Багдаде, точнее, со времени войны. Большинство гостиниц расположено ведь за рекой, верно?

— Да, сэр. На улице Рашид.

— На берегу Тигра?

— Да. Самый большой отель — «Вавилонский дворец». Так сказать, официальная резиденция.

— А что вам известно о гостинице, которая называется «Тио»?

— Туда многие ездят. Неплохой ресторан, И заправляет там удивительный тип по имени Маркус Тио. В Багдаде юн — человек известный.

— Я хочу, чтобы вы сняли там для меня номер, мистер Шривейхем.

— Вы хотите… то есть вы не будете жить в посольстве? — испуганно спросил Шривенхем. — Но… но у нас уже тут все для вас устроено, сэр.

— Что устроено, может быть расстроено, — резко ответил сэр Руперт.

— Да, конечно, сэр. Я не имел в виду…

Шривенхем не договорил. Было ясно, что все равно потом виноватым окажется он.

— Мне нужно провести кое-какие переговоры деликатного свойства. И я выяснил, что в стенах посольства это сделать невозможно. Снимите для меня номер в отеле «Тио», ближе к вечеру я перееду, причем важно, чтобы мой переезд из посольства

не афишировался. То есть я поеду в «Тио» не на посольской машине. Кроме того, мне потребуется билет на самолет в Каир на послезавтра.

Шривенхем совсем расстроился.

— Вы же предполагали пробыть здесь пять дней…

— Ситуация изменилась. Необходимо, чтобы я попал в Каир, как только покончу со здешними делами. Затягивать мое пребывание здесь опасно.

— Опасно?

Лицо сэра Руперта преобразила мужественная усмешка. Он снова стал другим человеком — не прусским ефрейтором, каким он только что представлялся Шривенхему, а обаятельным и скромным героем.

— Безопасность, признаюсь, никогда меня особенно не заботила, — сказал он. — Но в данном случае речь идет не только о моей собственной безопасности, но еще и о безопасности многих других людей. Так что, пожалуйста, сделайте все, о чем я вас попросил. Если билетов на самолет уже не продают, воспользуйтесь броней. А я до вечера пробуду в этой комнате. — Шривенхем только открыл было рот, чтобы выразить недоумение, как сэр Руперт пояснил: — Официально я болен. Приступ малярии. — Шривенхем кивнул. — Так что есть я не буду.

— Но мы могли бы прислать вам сюда…

— Двадцатичетырехчасовой пост для меня пустяк. Мне случалось в путешествиях голодать гораздо дольше. Делайте, что я вам велел.

Внизу Шривенхема окружили сотрудники, но он в ответ на расспросы только со стоном ответил:

— Целая драма плаща и шпаги. Никак не пойму, что это за фигура такая, сэр Руперт Крофтон Ли. То ли он от природы такой, то ли прикидывается. С этим своим широким плащом, бандитской шляпой и прочими причиндалами. У меня один знакомый читал какую-то его книгу и говорит, что, может, он и самохвал, но он действительно побывал во всех этих местах и все это с ним действительно было — а я как-то не представляю себе… Хоть бы уж Томас Райс выздоровел и взял на себя ответственность! Да, кстати, что такое «зелень Шееле»?

— «Зелень Шееле»? — переспросил его приятель и прищурился. — Кажется, это клей для обоев? Или нет? Какая-то отрава. Одно из соединений мышьяка.

— Вот тебе на! — изумился Шривенхем. — Я думал, заболевание. Вроде дизентерии.

— Да нет же, это что-то химическое. С помощью чего жены отправляют мужей на тот свет, а мужья — жен.

Шривенхем озадаченно молчал. До его сознания постепенно дошло одно неприятное обстоятельство: Крофтон Ли намекал ему, что у Томаса Райса, советника по Востоку при Британском посольстве, не гастроэнтерит, а мышьяковое отравление. Мало того, сэр Руперт еще сказал, что и его жизнь тоже в опасности. И объявил о своем намерении предстоящие сутки не есть и не пить ничего, что приготовлено в посольстве. Это потрясло Шривенхема до глубины его порядочной британской души. Он не знал, что думать.

Глава 10

Виктория, принужденная дышать густой коричневой пылью, в восторг от Багдада не пришла. Всю дорогу от аэропорта до отеля «Тио» ее оглушал невыносимый шум. С одуряющим постоянством гудели автомобили, раздавались свистки, людские вопли, и снова упорные, бессмысленные автомобильные гудки. Да еще в шум улицы тоненькой струйкой вливалась беспрерывная болтовня миссис Гамильтон Клиппс.

Так что в отель «Тио» Виктория приехала немного одуревшая.

От шумной улицы Рашид к Тигру вел узкий проулок. А там несколько ступеней вверх, и вот уже у входа в отель их встречает толстый молодой мужчина с ослепительной гостеприимной улыбкой от уха до уха и прижимает их — метафорически — к своей жирной груди. Очевидно, это и есть Маркус, или, правильнее сказать, мистер Тио, владелец гостиницы.

Его приветственная речь то и дело перемежалась громогласными указаниями обслуживающему персоналу:

— А, вот вы и опять у нас, миссис Клиппс — но что с вашей рукой? — что это на ней надето? (Куда, дурни, тащите за ручку? Оборвется! Не волочите по полу пальто!) — Ах, дорогая миссис Клиппс, какая ужасная погода в день вашего приезда! — я думал, самолет нипочем не сядет — он все кружил над аэродромом, и я сказал себе: Маркус, уж как кто, а ты не будешь летать на самолетах — к чему вся эта спешка? — Вы, я вижу, привезли с собой молодую леди? — новая симпатичная барышня в Багдаде, это прекрасно! — Почему же мистер Харрисон не приехал вас встретить? — я ждал его вчера — но, дорогая миссис Клиппс, вы должны немедленно что-нибудь выпить.

И вот, все еще чуть сомлевшая, испытывая легкое головокружение от двойной порции виски, которую, отметая возражения, ее заставил выпить Маркус, Виктория очутилась в комнате с высокими выбеленными стенами, где стояла большая кровать с медными спинками, французский туалетный столик по последней моде, старый викторианский платяной шкаф[69] и два ярких бархатных кресла. Ее собственный скромный багаж покоился у ее ног. Дряхлый желтолицый старичок с белыми бакенбардами, развешивавший в ванной полотенца, спросил, улыбаясь и кивая, не желает ли она, чтобы ей нагрели воду для ванны.

— А сколько на это нужно времени?

— Минут двадцать — полчаса. Я тогда пойду греть.

И с отеческой улыбкой вышел. Виктория села на кровать,

испытующе провела ладонью по волосам. Волосы пропылились и слиплись, лицо, обсыпанное песком, горело. Она посмотрелась в зеркало — из брюнетки она превратилась в шатенку с красноватым отливом. Отвернув край портьеры, Виктория выглянула на широкий балкон, выходивший на реку. Но Тигр за облаком густой желтой пыли был не виден. Охваченная унынием, Виктория сказала себе: «Фу, какое отвратительное место».

Но потом взяла себя в руки, вышла на лестничную площадку и постучалась в дверь миссис Клиппс. Ей еще сначала надо было хорошенько потрудиться ради ближнего, прежде чем можно будет заняться собственным отмыванием и приведением себя в божеский вид.

После ванны, обеда и довольно долгого сна Виктория вышла из своей комнаты на балкон и стала смотреть на реку уже совершенно другими глазами. Пыльная буря улеглась. Вместо желтого марева над Тигром разливалось бледное голубое сияние. А на том берегу вырисовывались изысканные силуэты пальм и разновысоких зданий.

Снизу, из сада, до Виктории донеслись голоса. Она подошла к перилам и выглянула.

Миссис Гамильтон Клиппс, эта неутомимая болтунья и добрая душа, уже успела завязать знакомство с дамой из соседнего номера, типичной англичанкой-путешественницей неопределенного возраста, без которых не обходится ни один заграничный мало-мальски крупный город.

— …и что бы я без нее делала, просто не представляю себе, — говорила миссис Клиппс. — Необыкновенно милая девушка! И из такой хорошей семьи. Племянница епископа Лланголуского.

— Какого епископа?

— Лланголуский, по-моему, он называется.

— Глупости, такого не существует, — сказала та.

Виктория нахмурилась. Знает она этих английских старушек, их вымышленными епископами не проведешь.

— Ну, должно быть, я неправильно запомнила имя, — сказала миссис Клиппс с сомнением. — Но все равно, — тут же воодушевившись, продолжала она, — это очень обаятельная и толковая девушка.

— Гм, — неопределенно отозвалась ее собеседница.

Виктория немедленно приняла решение держаться от нее подальше. Интуиция ей подсказывала, что таких морочить слишком уж сложно.

Она возвратилась в комнату, села на кровать и задумалась над своим положением. В настоящее время она проживает в отеле

«Тио» — гостинице, явно не принадлежащей к разряду дешевых. В кармане у нее имеется четыре фунта семнадцать шиллингов. И она уже задолжала за плотный обед, ведь миссис Клиппс больше не обязана ее кормить. Виктория к ней нанималась только за бесплатную дорогу до Багдада. Теперь сделке конец. Виктория в Багдаде. А миссис Клиппс получила квалифицированную помощь епископской племянницы, она же — бывшая больничная сиделка и опытная секретарша. Взаимные обязательства выполнены, к полному удовлетворению сторон. Миссис Клиппс вечерним поездом отбывает в Киркук, и — прости-прощай. На миг Виктории подумалось: а вдруг миссис Клиппс непременно пожелает сделать ей на прощанье подарок наличными? Но пришлось с этой мыслью сразу же расстаться ввиду крайней маловероятности. Откуда миссис Клиппс знать, что Виктория находится в бедственном финансовом положении?

Что же в таком случае делать? Ответ не замедлил объявиться: разумеется, найти Эдварда.

Тут Виктория с досадой сообразила, что не знает его фамилии. Эдвард — и Багдад. Не так-то много, подумала она. Совсем как та сарацинская дева[70], которая приехала в Англию, зная одно лишь имя своего возлюбленного. «Гилберт» и «Англия». Романтично, конечно, — но довольно неудобно. Впрочем, в Англии в эпоху крестовых походов фамилий вообще не было. Зато, с другой стороны, Англия побольше Багдада. Хотя тогда она была не так густо заселена.

Виктория с усилием оторвалась от этих интересных размышлений и вернулась на твердую землю. Она должна немедленно найти Эдварда, и Эдвард должен найти ей работу. Тоже немедленно.

Она не знает фамилии Эдварда, зато знает, что он приехал в Багдад в должности секретаря доктора Ратбоуна, и этот доктор Ратбоун, надо полагать, — человек известный.

Виктория попудрила нос, пригладила рукой волосы и спустилась по лестнице в холл добывать информацию.

Хозяин гостиницы любезнейший Маркус, проходя мимо, при виде ее рассиялся еще больше.

— А-а, это мисс Джонс! Вы пойдете со мной, милая барышня, и чего-нибудь выпьете, хорошо? Английские барышни — это моя слабость. В Багдаде я всем английским барышням и дамам лучший друг. Им у меня в гостинице всегда рады. Идемте, мы с вами посидим в баре.

Виктория, ничего не имевшая против дарового угощения, охотно последовала за ним.

В баре, сидя на высоком табурете и потягивая джин, она

приступила к добыванию информации:

— Вы не знаете доктора Ратбоуна? Он недавно приехал в Багдад.

— Я знаю в Багдаде всех и каждого, — радостно отозвался Маркус Тио. — И все и каждый знают меня. Это чистая правда, можете мне поверить. О! У меня столько друзей!

— Да, конечно, — сказала Виктория. — А доктора Ратбоуна вы знаете?

— На той неделе у меня останавливался проездом маршал авиации, самый главный на всем Ближнем Востоке. Он мне говорит: Маркус, мерзавец ты эдакий, я тебя не видел с сорок шестого года. Что-то, я смотрю, ты не похудел. Такой приятный человек. Очень его люблю.

— А доктор Ратбоун? Он тоже приятный человек?

— Я люблю людей, которые, знаете, умеют получать удовольствие. Кислые лица — это не по мне. Мне нравятся люди веселые, молодые и прелестные, как вы. Маршал авиации, он мне говорит, женщины, Маркус, ты слишком их любишь. А я ему отвечаю, да нет, моя беда, что я слишком люблю Маркуса… — Он разразился громким хохотом и вдруг закричал: — Иисус! Иисус!

Виктория страшно изумилась, но оказалось, что так зовут бармена. Удивительный край, этот Восток.

— Еще порцию джина с оранжадом[71] и виски, — распорядился Маркус.

— Я, пожалуй, больше не буду…

— Да, да, будете, все очень-очень слабое.

— Так насчет доктора Ратбоуна?.. — попробовала настоять Виктория.

— Эта миссис Гамильтон Клиппс — странная фамилия, правда? — с которой вы приехали, она американка, да? Я люблю американцев тоже, но главная моя любовь — англичане. Американцы, они постоянно о чем-то беспокоятся. Но они бывают большие молодцы. Мистер Саммерс — знаете его? — как прилетел в Багдад, так столько выпил, что йотом трое суток спал без просыпу. Это, я считаю, чересчур. Нехорошо.

— Помогите мне, прошу вас, — воззвала Виктория.

Маркус посмотрел на нее с недоумением.

— Конечно, я вам помогу, о чем разговор. Я всегда помогаю моим друзьям. Вы только скажите — и все немедленно будет сделано. Бифштекс фирменный — индейка, приготовленная с рисом, изюмом и пряностями, изумительно вкусно — или молоденькие цыплята…

— Не надо мне молоденьких цыплят — пока, — благоразумно добавила Виктория. — Мне нужно разыскать этого доктора

Ратбоуна. Фамилия Ратбоун. Приехал в Багдад недавно. И с ним… секретарь.

— Не знаю, — сказал Маркус. — В отеле «Тио» такого нет.

Он явно подразумевал при этом, что человек, не останавливающийся в «Тио», все равно что вообще не существует.

— Но есть ведь и другие гостиницы, — не отступалась Виктория. — А может быть, у него тут дом.

— О да, есть другие гостиницы. «Вавилонский дворец», «Сеннахериб», отель «Зобейда». Это хорошие гостиницы, не спорю, но не такие, как «Тио».

— Верю, — успокоила его Виктория. — Но вам не известно, может быть, доктор Ратбоун остановился в одной из них? Он заведует тут каким-то обществом, что-то связанное с культурой… и книгами.

При упоминании о культуре Маркус сделал серьезное лицо.

— Вот то, что нам надо, — важно проговорил он. — Побольше культуры. Искусство, музыка — это очень хорошо, это прекрасно. Я сам люблю скрипичные сонаты, которые покороче.

Виктория, хотя и была с ним полностью согласна, особенно в последнем пункте, вынуждена была признать, что ей ничего не удается от него добиться. Конечно, поговорить с Маркусом — одно удовольствие, он такой трогательный в своем чисто-детском упоении жизнью, но вся ситуация напоминает попытки Алисы в Стране Чудес[72] найти тропинку, ведущую на вершину холма. Какую тему ни изберешь, все равно возвращаешься в исходную точку: к Маркусу!

От третьего стакана она отказалась и печально встала. Голова слегка кружилась. Коктейли были далеко не слабые. Она вышла из бара на террасу и, облокотись о перила, стала смотреть на реку. Вдруг кто-то у нее за спиной произнес:

— Извините меня, но вам лучше сходить надеть пальто. Вам, должно быть, после Англии кажется, что здесь сейчас настоящее лето, но с заходом солнца становится очень холодно.

Виктория узнала пожилую англичанку, с которой разговаривала на балконе миссис Клиппс. У нее был характерный хриплый голос, огрубевший от гиканья на псовой охоте. В меховой шубе, с пледом на коленях, она сидела в кресле и пила виски с содовой.

— Благодарю вас, — сказала ей Виктория и хотела немедленно ретироваться, но не успела.

— Позвольте мне назвать себя, — сказала дама. — Я миссис Кардью Тренч. (Подразумевалось: из достопочтенного[73] семейства Кардью Тренчей.) А вы, если не ошибаюсь, приехали с миссис — как бишь ее? Гамильтон Клиппс?

— Да, — ответила Виктория.

— Она мне сказала, что вы — племянница епископа Лланголуского.

Тут Виктория мобилизовала все свои таланты.

— В самом деле? — переспросила она чуть-чуть, в самую меру, иронично.

— Она, должно быть, что-то перепутала?

Виктория снисходительно улыбнулась:

— Американцам бывает трудно разобраться в наших именах. Действительно, звучит немного похоже. Мой дядя, — объяснила Виктория, импровизируя на ходу, — епископ в Лангоа.

— Лангоа?

— Да. Это в Тихоокеанском архипелаге. Колониальный епископ, само собой.

— Ах, колониальный, — сказала миссис Кардью Тренч, беря по меньшей мере тремя полутонами ниже. Как и следовало ожидать, о колониальных епископах она слышала впервые в жизни. — Тогда понятно. Этим все объясняется.

И объясняется очень даже удачно, поздравила себя Виктория, ведь она ляпнула просто наобум.

— А вы что здесь делаете? — спросила миссис Кардью Тренч с той светской любезностью, которая часто маскирует обыкновенное природное любопытство.

Сказать: «Ищу молодого человека, с которым один раз поговорила на скамейке в лондонском сквере», — было бы едва ли уместно. Поэтому, вспомнив заметку из газеты и сведения, которые она сообщила о себе миссис Клиппс, Виктория ответила:

— Я еду к своему дяде профессору Понсфуту Джонсу.

— О, так вот вы кто! — Миссис Кардью Тренч была явно счастлива, что теперь с Викторией все ясно. — Обаятельный человек, правда немного рассеянный, но чего вы хотите от ученого. Слышала в прошлом году в Лондоне его лекцию — он прекрасно говорит, — но не поняла, конечно, ни единого слова. Да, он проезжал через Багдад, недели две, я думаю, прошло с тех пор. Кажется, он упоминал каких-то девушек, которые должны попозже приехать к нему на раскопки.

Отвоевав утраченные было позиции, Виктория поспешила ввернуть вопрос:

— А вы не знаете, доктор Ратбоун уже здесь?

— Только на днях прилетел, — ответила ей миссис Кардью Тренч. — По-моему, его пригласили на будущий четверг прочитать лекцию в институте. Что-то такое о «Мировых связях и всемирном братстве», если не ошибаюсь. Вздор все это, по моему убеждению. Чем больше стараются людей объединить, тем они

становятся подозрительнее. Всякая эта поэзия, музыка, переводы Шекспира и Вордсворта[74] на арабский, китайский и хинди. «И желтый первоцвет на берегу ручья…»[75] Что до этого людям, которые первоцвета в глаза не видели?

— А где он остановился, вы не знаете?

— По-моему, в «Вавилонском дворце». Но рабочее помещение в городе, поближе к музею. «Масличная ветвь», дурацкое название. Одни девицы в джинсах, в очках и с немытой шеей.

— Я немного знакома с его секретарем, — небрежно заметила Виктория.

— Ах, да, да, как его?.. Эдвард… забыла фамилию, славный юноша, слишком хорош, чтобы возиться с волосатыми культурными деятелями. Отличился на войне, я слышала. Впрочем, работа есть работа. И собой хорош, я думаю, все эти ученые девицы от него без ума.

Убийственное жало ревности пронзило сердце Виктории.

— «Масличная ветвь», — повторила она. — Где, вы сказали, это?

— В городе, за поворотом на второй мост. В одном из переулочков от улицы Рашид. Довольно укромный уголок. Недалеко от базара Медников[76]. А как поживает миссис Понсфут Джонс? — не переводя дыхание, снова спросила миссис Кардью Тренч. — Скоро сюда собирается? Говорят, она болела?

Но Виктория, добыв желаемую информацию, не собиралась рисковать новыми выдумками. Она поглядела на часы и издала возглас:

— Ах, Боже мой! Я обещала разбудить миссис Клиппс в половине седьмого и помочь ей приготовиться к отъезду. Надо бежать!

Предлог для бегства был не вымышленный, она только передвинула срок на полчаса вперед. И теперь бросилась со всех ног вверх по лестнице, вне себя от радости. Завтра она найдет Эдварда в «Масличной ветви». Подумаешь, ученые девицы с немытыми шеями. Они же противные. Хотя, подумалось Виктории, мужчины не так придирчивы к чистоте шеи, как пожилые, гигиенически воспитанные английские дамы. Особенно если обладательница шеи смотрит на данного мужчину с восторгом и обожанием.

Вечер пролетел быстро. Виктория спустилась с миссис Гамильтон Клиппс к раннему ужину, во время которого последняя рассуждала без роздыху сразу обо всем на свете. Она пригласила Викторию приехать погостить — и Виктория аккуратно записала адрес, мало ли что… Потом она отвезла миссис Клиппс на багдадский Северный вокзал, усадила в купе и была представлена

знакомой, которая тоже ехала в Киркук и должна была помочь миссис Клиппс с утренним туалетом.

Паровоз завопил дурным, душераздирающим голосом. Миссис Клиппс всунула в руку Виктории толстый конверт и сказала:

— Это маленький подарок на память о нашем приятном совместном путешествии, мисс Джойс, и я надеюсь, вы не откажетесь его принять вместе с моей самой искренней признательностью.

Виктория радостно пробормотала в ответ: «Ах, что вы, миссис Клиппс, вы слишком добры», — паровоз напоследок издал самый оглушительный предсмертный вопль, и поезд медленно отошел от перрона.

С вокзала в гостиницу Виктория вернулась на такси, так как понятия не имела, как добираться иначе, и спросить было не у кого.

Приехав, взбежала наверх в свою комнату и распечатала конверт. Там оказалось несколько пар нейлоновых чулок.

В другое время Виктория пришла бы в восторг — нейлоновые чулки были ей, как правило, не по карману. Однако сейчас она мечтала о небольшой денежной сумме. Но, как видно, деликатность не позволила миссис Клиппс вложить в конверт бумажку в пять динаров. Гори она огнем, эта деликатность…

Ну, да ладно, зато завтра она увидит Эдварда. Виктория разделась, забралась в постель и через пять минут уже спала крепким сном. Ей снилось, что она на аэродроме встречает Эдварда, но его не пускает к ней девица в очках — ухватила за шею и держит, а самолет начинает медленно идти на разбег.

Глава 11

Когда Виктория проснулась, было ослепительное солнечное утро. Она оделась и вышла на балкон, тянущийся во всю длину здания. Неподалеку спиной к ней сидел в кресле какой-то господин с седыми локонами, ниспадающими на красный мускулистый затылок. Когда господин повернул голову, Виктория увидела его профиль и с удивлением узнала сэра Руперта Крофтона Ли. Почему, собственно, это ее так удивило, она, пожалуй, затруднилась бы объяснить. Может быть, она в глубине души была уверена, что важные лица, вроде сэра Руперта, останавливаются не в гостиницах, а в посольстве. Но факт таков, что вот он сидит на балконе и не отрываясь смотрит на реку Тигр. У него даже бинокль при себе, висит на подлокотнике кресла. Виктория подумала, что он, наверно, наблюдает за птицами.[77]

У нее был когда-то один знакомый, увлекался птицами, она даже находила его сначала привлекательным и несколько раз ездила с ним на выходные по диким местам, где надо было часами, не двигаясь, стоять в заболоченном лесу или на ледяном ветру ради счастья лицезреть в бинокль какую-нибудь неприглядную пичугу на отдаленном дереве, сильно уступающую красотой, по понятиям Виктории, обыкновенному дрозду или зяблику.

Виктория спустилась по лестнице и на террасе между корпусами наткнулась на Маркуса Тио.

— У вас тут, оказывается, живет сэр Руперт Крофтон Ли, — сказала она ему.

— О да, — сияя, ответил Маркус. — Такой прекрасный человек!

— Вы с ним хорошо знакомы?

— Нет, только познакомились. Мистер Шривенхем, что из Британского посольства, привез его к нам вчера вечером. Тоже очень прекрасный человек, мистер Шривенхем. С ним я знаком хорошо.

Садясь завтракать, Виктория думала о том, что на свете нет, должно быть, человека, которого Маркус не назвал бы «очень прекрасным». Удивительно щедрая натура.

После завтрака она отправилась на розыски «Масличной ветви». Рожденная и выросшая на улицах Лондона, Виктория не могла себе представить, как трудно отыскать нужный адрес в городе, подобном Багдаду. Поняла она это, только когда приступила к поискам.

При выходе из гостиницы она снова столкнулась с Маркусом

и спросила у него, как добраться до музея.

— Это очень прекрасный музей, — с широкой улыбкой заверил ее Маркус. — Там много-много замечательных старых вещей. Я, правда, сам в нем не бывал. Но у меня есть друзья, много друзей археологов, они всегда останавливаемся здесь, когда проезжают через Багдад на раскопки. Мистер Бейкер — мистер Ричард Бейкер, знаете его? И профессор Колэмен. И профессор Понсфут Джонс. И мистер и миссис Мак-Интайр. Они все останавливаются в отеле «Тио». Мои друзья. И они мне рассказывали про музей. Много-много интересного.

— А где он находится и как туда добраться?

— Надо идти по улице Рашид, далеко идти, мимо поворота на мост Фейсала и мимо Банковской улицы — знаете Банковскую улицу?

— Я ничего тут не знаю, — сказала Виктория.

— А потом будет еще одна улица, тоже ведет к мосту, и музей как раз на ней, по правой стороне. Спросите там мистера Бетуна Эванса, он дает пояснение по-английски, прекрасный человек. И жена его, она тоже очень прекрасный человек, приехала сюда во время войны как сержант транспортной службы. Очень, очень прекрасная женщина.

— Мне вообще-то не в музей нужно. Я хочу найти одну организацию вроде клуба, называется «Масличная ветвь».

— Если вы хотите маслин, у меня есть самые лучшие маслины, высшего качества, — сказал Маркус. — Их держат специально для меня, для отеля «Тио». Посмотрите, сегодня же вечером пришлю к вашему столику.

— Спасибо большое, — ответила Виктория и удрала от него искать улицу Рашид.

— Пойдете налево! — крикнул ей в спину Маркус. — Не направо, а налево! Но до музея далеко. Лучше взять такси.

— А таксист будет знать, где «Масличная ветвь»?

— Нет, они не знают, где что. Им надо говорить: налево, направо, вперед, стоп, — тогда довезут.

— Раз так, я лучше пойду пешком.

Виктория вышла на улицу Рашид и повернула влево.

Багдад оказался совсем не такой, как она представляла. Оживленная главная улица кишела людьми, автомобили яростно гудели, в витринах лежали европейские товары, прохожие то и дело, громко откашлявшись, плевали на землю. Одеты они были не на сказочный восточный лад, а почти все — более или менее по-европейски, в старые, даже драные армейские или летчицкие гимнастерки, в разномастной толпе терялись редкие черные фигуры женщин с завешенными лицами, шаркающие по тротуару

в туфлях без задников. Жалобно просили милостыню нищенки — матери с чумазыми младенцами на руках. Асфальт под ногами был неровный, с провалами.

Виктория шла все дальше и дальше. Она вдруг почувствовала себя чужой, одинокой, затерянной вдали от дома. Такова оборотная сторона путешествий в дальние страны, не чарующая, а отпугивающая.

Наконец показался мост Фейсала. Виктория, не сворачивая на него, прошла дальше. Хоть и растерянная, она начала понемногу обращать внимание на причудливый подбор товаров в витринах: детские пинетки и вязаные ползунки, зубная паста и косметика, электрические фонарики и фарфоровые чашки с блюдцами — и все вперемежку в одной витрине. Виктория постепенно подпала под очарование этой фантастической смеси товаров со всего света, на любой самый замысловатый вкус разноязыких жителей восточного города.

В конце концов, музей она разыскала. Но «Масличную ветвь» — нет. В Лондоне она умела найти дорогу куда угодно, однако здесь даже не у кого было справиться. По-арабски она не говорила. А те немногочисленные торговцы, которые зазывали ее на английском языке, бессмысленно хлопали глазами, когда слышали про «Масличную ветвь».

В таких случаях следовало бы обратиться к полисмену, но по виду стражей порядка, энергично размахивающих руками и свистящих в полицейский свисток, было понятно, что здесь такая попытка тоже ничего не даст.

Она попробовала зайти в книжный магазин, в окне которого были выставлены английские книжки, но и там название «Масличная ветвь» вызвало только вежливое пожатие плечами. Очень жаль — но ни малейшего представления.

Виктория пошла дальше и вскоре услышала громкий металлический лязг и стук. Стоя на углу длинного пыльного переулка, она припомнила слова миссис Кардью Тренч, что «Мастичная ветвь» расположена неподалеку от базара Медников. Базар Медников, во всяком случае, отыскался.

Она вошла на его территорию — и на три четверти часа забыла о «Масличной ветви». Базар Медников ее совершенно очаровал. Паяльные лампы, плавящийся металл, сложная, тонкая работа умельцев — это было открытие нового мира для дочери Лондона, которая до сих пор видела вещи только в готовом виде, выставленными на продажу. Она расхаживала туда-сюда по базарной площади, удалилась от медников, рассматривала полосатые попоны, ситцевые стеганые одеяла. Здесь европейские товары воспринимались совсем по-другому. Под прохладными

полутемными козырьками лавок они казались экзотическими дарами чужих краев. Штуки пестрого дешевого ситца пленяли взор, как царские одежды. То и дело с криком «Балек, балек!» мимо нее прогоняли груженого осла или мула, пробегали носильщики, сгибаясь под тяжелой ношей. Мальчишки с лотками через плечо осаждали ее, крича:

— Смотрите, леди, английская резинка, отличная английская резинка! Гребешок, настоящий английский гребешок!

И назойливо совали ей свои товары прямо под нос. Виктория ходила как в сказочном сне. Все это было до того интересно, до того необыкновенно! За каждым поворотом крытых торговых рядов открывалось новое чудо — то один подле другого сидели, скрестив ноги, портные и орудовали иглой, поглядывая на европейские модные картинки мужской одежды; то целый ряд часов и дешевых украшений. Горой навалены рулоны бархатов и парчи, и тут же повернешь — лавки дешевой поношенной европейской одежды, жалкие вылинявшие свитерки, растянутые старые фуфайки.

А по бокам, под открытым небом, кое-где виднелись тихие широкие дворы.

Виктория шла вдоль длинного ряда лавок, торгующих мужскими брюками, — важные продавцы в тюрбанах восседали, скрестив ноги, каждый в глубине своего прилавка.

— Балек!

На нее надвигался, захватив всю ширину прохода, тяжело навьюченный осел. Виктория свернула от него в проулок, который тянулся, виляя между высокими домами. Идя этим проулком, она неожиданно наткнулась на то, что искала. Перед ней были открытые ворота, она заглянула во двор и там, в дальнем конце, увидела распахнутую дверь, а над дверью вывеску, на которой значилось: «Масличная ветвь», и рядом — гипсовое подобие какой-то птицы, держащей в клюве нечто вроде прутика.

Обрадованная Виктория пересекла двор и вошла в дверь. Она очутилась в полутемной комнате, где стояло несколько столов, заваленных книгами и журналами. Книги были также на полках вдоль стены. Похоже на книжный магазин, если бы не стулья, расставленные тут и там по всей комнате.

Из полумрака к Виктории вышла девушка и старательно спросила по-английски:

— Чем я могу вам быть полезной, пожалуйста?

Виктория быстро оглядела ее. Вельветовые брюки, оранжевая фланелевая рубашка, жесткие черные волосы, выстриженные на лбу челкой. Вполне лондонский вид. Но лицо — другое, унылое левантийское[78] лицо с темными страдальческими глазами и

крупным носом.

— Это… это… здесь… доктор Ратбоун здесь находится?

Надо же, какая досада, что она пс знает фамилии Эдварда. Даже миссис Кардью Тренч и та назвала его Эдвард как-его-там.

— Да. Доктор Ратбоун. «Масличная ветвь». Вы желаете вступить? Да? Очень хорошо.

— Может быть. Я хотела бы… Будьте добры, я хотела бы видеть доктора Ратбоуна.

Девица устало улыбнулась.

— Мы его не беспокоим. У меня есть бланк. Я отвечу на вес вопросы. А вы поставите свою фамилию. И с вас два динара.

— Я еще не уверена, что буду вступать, — сказала Виктория, слегка встревоженная упоминанием о двух динарах. — Мне нужно повидать доктора Ратбоуна. Или его секретаря. Можно секретаря.

— Я объясняю. Я отвечу на все вопросы. Мы здесь все друзья, все вместе, друзья на будущее — читаем прекрасные книги. Просвещаемся. Декламируем стихи.

— Секретарь доктора Ратбоуна, — громко и внятно произнесла Виктория, — велел, чтобы я, как приеду, непременно спросила его.

Лицо девицы в вельветовых брюках приняло еще более хмурое, упрямое выражение.

— Сегодня нельзя, — сказала она. — Я объясняю…

— Почему сегодня нельзя? Его что, нет здесь? Доктора Ратбоуна нет?

— Есть. Доктор Ратбоун здесь. Наверху. Но мы не беспокоим.

Викторию захлестнула жаркая волна англосаксонского возмущения этими иностранцами. Похоже, что «Масличная ветвь», предназначенная пробуждать добрые чувства интернационализма, оказывала, по крайней мере на Викторию, прямо противоположное действие.

— Я приехала из Англии, — сказала она почти таким же высокомерным тоном, как могла бы сказать миссис Кардью Тренч. — И мне нужно передать доктору Ратбоуну важное известие. Притом лично. Будьте добры немедленно проводить меня к нему. Сожалею, что причиняю ему беспокойство, но я должна его видеть. Немедленно, — повторила она, исключая всякие возражения.

Когда гордый бритт всерьез намерен добиться своего, преграды, как правило, рушатся. Девица повернулась и пошла, сопровождаемая Викторией, в дальний конец комнаты, потом вверх по лестнице и вдоль по галерее, открывающейся во двор. Остановилась перед дверью, постучалась. Мужской голос ответил:

— Войдите.

Проводница распахнула дверь и, жестом пригласив Викторию войти, объявила:

— К вам дама из Англии.

Виктория вошла.

Из-за массивного письменного стола, заваленного бумагами, ей навстречу поднялся пожилой господин.

Это был видный мужчина лет шестидесяти с высоким оголенным лбом и белоснежными волосами. Из свойств его личности прежде всего бросались в глаза благожелательность, доброта и обаяние. Любой режиссер без колебаний определил бы его на роль большого человеколюбца.

Викторию он встретил теплой улыбкой и протянутой рукой.

— Так вы прибыли из Англии? — приветливо справился он. — Первый раз на Востоке?

— Да.

— Ну, и какие у вас впечатления, хотелось бы знать?.. Как-нибудь непременно мне расскажете. Но скажите, мы с вами знакомы? Я так близорук, а вы не назвались.

— Вы меня не знаете, — сказала Виктория. — Я знакомая Эдварда.

— Знакомая Эдварда? Но это замечательно! А ему известно, что вы в Багдаде?

— Нет еще.

— Значит, его ждет приятный сюрприз, когда он вернется.

— Вернется? — переспросила Виктория упавшим голосом.

— Да, Эдвард сейчас в Басре. Я вынужден был направить его туда для получения ящиков с книгами, которые прибыли в наш адрес. Таможня чинит бесконечные препятствия, мы не можем ничего получить. Тут нужен личный подход, а это как раз по части Эдварда. Он как никто знает, когда пустить в ход обаяние, а когда угрозы, и уж он-то без книг не вернется. Ему свойственно упорство в делах, очень ценная черта в молодом человеке. Я об Эдварде высокого мнения.

Он игриво прищурился.

— Но мне, по-видимому, незачем расхваливать Эдварда перед вами, моя милая.

— А когда… когда Эдвард должен возвратиться из Басры? — пролепетала Виктория.

— Н-ну, это трудно сказать. Он оттуда не уедет, пока не добьется своего. А в здешних краях торопить события бесполезно. Сообщите мне, где вы остановились, и я позабочусь, чтобы он связался с вами, как только приедет.

— Я подумала… — пробормотала Виктория, с ужасом

вспомнив о своем затруднительном финансовом положении, — может быть… для меня найдется здесь какая-нибудь работа?

— Вот за это ценю! — радостно откликнулся доктор Ратбоун. — Ну конечно! Помощники нам всегда нужны, чем больше, тем лучше. Английские девушки в особенности. У нас отлично идут дела, блестяще идут, но работы предстоит еще изрядно. И вызываются многие. У меня уже тридцать добровольцев — тридцать! — и все так и рвутся в дело. Если вы серьезно, ваше участие будет очень полезно.

Но слух Виктории неприятно резануло слово «добровольцы».

— Я вообще-то имела в виду платную должность, — сказала она.

— Ах, Боже мой. — У доктора Ратбоуна сразу вытянулось лицо. — Это, к сожалению, не так просто. У нас очень небольшой оплачиваемый штат, и в настоящее время, с участием добровольных помощников, его вполне хватает.

— Я непременно должна устроиться на работу, — стала объяснять ему Виктория. — Я стенографистка-машинистка высокой квалификации, — добавила она без зазрения совести.

— Ваши деловые качества не вызывают у меня сомнения, моя милая. Достаточно на вас посмотреть, поверьте. Для нас это вопрос исключительно финансовый. Но даже если вы куда-нибудь устроитесь, я надеюсь, вы будете помогать нам в свободное от работы время. Большинство наших сотрудников где-нибудь работают. Сотрудничество с нами возвышает душу, вы в этом сами убедитесь. Наша задача — положить конец вражде в мире, всем этим войнам, подозрениям, недоразумениям. Для этого нужно общее поле деятельности. Театр, изобразительные искусства, поэзия, великие духовные ценности, они не оставляют места для мелкой зависти и злобы.

— Д-да, конечно, — неуверенно согласилась Виктория, вспомнив своих знакомых актрис и художниц, жизнь которых переполняла самая пошлая зависть и самая убийственная злоба.

— Мы тут перевели «Сон в летнюю ночь»[79] на сорок языков, — продолжал доктор Ратбоун. — И теперь сорок групп разноязыкой молодежи находятся под воздействием одного и того же прекрасного литературного произведения. И именно молодежи, вот что важно. Другие меня не интересуют, только молодежь. Стоит уму и сердцу заматереть, и тогда уже поздно. Объединяться должны молодые. Вот, например, та девушка, что привела вас снизу, Катерина. Она — сирийка из Дамаска. Вы с ней, по-видимому, ровесницы. В обычной жизни вы никогда бы не встретились, у вас не было бы ничего общего. Но в «Масличной ветви» и вы, и она, и многие-многие другие, русские, еврейки,

турчанки, армянки, египтянки, персиянки — все сходятся вместе, общаются, чувствуют друг к другу симпатию, читают одни книги, обсуждают картины, музыку (к нам приезжают первоклассные лекторы), и все открывают для себя новые, неожиданные точки зрения — вот что такое настоящая жизнь.

Виктория же сокрушенно думала, что, наверно, все-таки доктор Ратбоун не вполне прав, полагая, что разные люди непременно должны испытывать друг к другу симпатию. Она и Катерина, например, с первого взгляда ощутили друг к Другу антипатию. И скорее всего эта антипатия при дальнейшем общении будет только возрастать.

— Эдвард справляется со своими обязанностями блестяще, — говорил доктор Ратбоун. — Превосходно со всеми ладит. Особенно хорошо — с девушками. Здешние парни поначалу склонны к подозрительности, даже враждебности, с ними труднее. А вот девушки — те в Эдварде души не чают, готовы ради него на все. С Катериной их водой не разольешь.

— Вот как, — холодно отозвалась Виктория. И сразу почувствовала, как усилилась ее антипатия к этой особе.

— Так что вот, — с улыбкой заключил доктор Ратбоун. — Когда сможете, приходите к нам помогать.

Он тепло пожал ей на прощание руку. Виктория закрыла за собой дверь и спустилась по лестнице. Она увидела, что Катерина стоит у порога и разговаривает с красивой молодой брюнеткой, держащей в руке небольшой чемоданчик. На минуту Виктории показалось, что она ее уже где-то видела. Но та посмотрела на нее, явно не узнавая. Язык, на котором они разговаривали, был Виктории не знаком. При ее появлении обе замолчали и провожали ее глазами, не говоря ни слова. Виктория прошла между ними, заставила себя сказать Катерине: «Пока» — и ступила за порог.

В конце концов она выбралась на улицу Рашид и медленно зашагала обратно в гостиницу, не видя ничего, что происходило вокруг. Чтобы не думать о своем бедственном положении (в Багдаде без гроша), она старалась сосредоточить мысли на докторе Ратбоуне и на его «Масличной ветви». Эдвард в Лондоне ей сказал, что там, куда он устроился на работу, «не все ладно». Что у них тут может быть неладно? Доктор Ратбоун? Или сама эта «Масличная ветвь»?

В докторе Ратбоуне, на взгляд Виктории, ничего неладного не было. Типичный упрямец-идеалист, который смотрит на мир сквозь собственные розовые очки и не желает считаться с реальностью.

Что вообще Эдвард имел в виду? Он выразился так

неопределенно. Должно быть, сам толком не знал.

А вдруг доктор Ратбоун — международный авантюрист? Виктория, под свежим впечатлением от его речей, покачала головой. Нет. Ведь он сразу переменил гон, когда услышал, что ей нужно жалованье. Он явно предпочитает, чтобы на него работали бесплатно. То есть он вполне нормальный, обыкновенный человек.

Мистер Гринхольц, к примеру, реагировал бы точно так же.

Глава 12

В отель «Тио» Виктория возвратилась с натертыми ногами, но, поднимаясь к дверям, услышала радостный оклик Маркуса, который сидел на террасе над рекой в обществе немолодого и довольно непрезентабельного мужчины.

— Идите к нам и выпейте что-нибудь, мисс Джонс! Мартини… сайдкар?[80] Это мистер Дэйкин. А это мисс Джонс из Англии. Ну, так что вы хотите пить, моя дорогая?

Виктория сказала, что хочет сайдкар «и ваших чудесных орешков», — добавила она вдохновенно, вспомнив, что орехи — продукт высокопитательный.

— Так вы любите орехи? Иисус! — Он скороговоркой по-арабски отдал распоряжения.

Мистер Дэйкин печально сказал, что выпьет лимонаду.

— Ах, это просто смешно? — воскликнул Маркус. — А вот и миссис Кардью Тренч. Вы знакомы с мистером Дэйкином? Что вам можно предложить?

— Джин с лаймом[81], — ответила миссис Кардью Тренч, кивнув Дэйкину как старому знакомцу. А Виктории она сказала: — У вас распаренный вид.

— Да, я гуляла, смотрела город.

Принесли питье. Виктория съела тарелку фисташек, а заодно немного хрустящего картофеля.

Но ступеням к ним поднялся невысокий коренастый господин. Гостеприимный Маркус и его приветствовал с шумным радушием и представил Виктории как капитана Кросби. В том, как вновь прибывший выпучил на нее глаза, Виктория усмотрела признак слабости к женскому полу.

— Недавно здесь? — поинтересовался он у нее.

— Да, второй день.

— То-то я смотрю, я вас раньше не видел.

— Она очень милая и красивая, не правда ли? — весело сказал Маркус. — О да, нам очень приятно иметь такую гостью, как мисс Виктория. Я устрою угощение в честь нее, замечательное угощение.

— И молодые цыплята будут? — тайно обрадовалась Виктория.

— Да, да. И гусиная печенка, гусиная печенка по-страсбурски, и черная икра, я думаю, и потом особое блюдо из рыбы, необыкновенно вкусное, из рыбы, пойманной в Тигре, но в соусе и с грибами. И еще будет индейка, как готовят у меня на родине, нафаршированная рисом с изюмом и специями, и все так

обжарено-о! Очень вкусно. Вы, моя милая, должны съесть много, а не просто одну чайную ложечку. Или, если хотите, вам подадут бифштекс — большой бифштекс, розовый, я сам прослежу. Мы устроим длинный-длинный ужин, на несколько часов. Очень прекрасно. Сам я не ем, только пью.

— Да, замечательно, — слабым голосом проговорила Виктория. После описания всех этих яств у нее от голода закружилась голова. Ей хотелось бы знать только одно: всерьез он говорил, что устроит ужин, или просто так, и если всерьез, то когда?

— Я думала, что вы уехали в Басру, — сказала миссис Кардью Тренч капитану Кросби.

— Вчера возвратился, — ответил Кросби.

Он задрал голову и посмотрел на балкон.

— Кто этот бандит? — спросил он хозяина. — В маскарадном плаще и большой шляпе?

— Это, мой милый, сэр Руперт Крофтон Ли, — ответил Маркус. — Его вчера вечером привез мистер Шривенхем, из посольства. Прекрасный человек, знаменитый путешественник. Ездит на верблюдах по Сахаре и взбирается на вершины гор. Это такая неспокойная и опасная жизнь. Я бы совсем не хотел так жить.

— Ах, вот это, оказывается, кто! — сказал Кросби. — Я читал его книгу.

— А я летела с ним сюда в одном самолете, — похвасталась Виктория.

Оба собеседника оглянулись на нее с интересом, так, во всяком случае, ей показалось.

— Он страшно задается и важничает, — презрительно сказала Виктория.

— Я знала его тетку в Симле[82], — сообщила миссис Кардью Тренч. — Такая семья. Все большие умники, но не заноситься — это выше их сил.

— Сидит там с утра и ничего не делает, — выразила неодобрение Виктория.

— У него живот не в порядке, — пояснил Маркус. — Сегодня он ничего не может есть. Такая жалость.

— Не понимаю, откуда у вас такие размеры, Маркус, — заметила миссис Кардью Тренч, — вы же ничего не едите.

— Это напитки, — вздохнув, признался Маркус. — Слишком много пью. Вот сегодня приезжает моя сестра с мужем. И я опять буду пить и пить почти до самого утра. — Он опять вздохнул и сразу же опять заорал: — Иисус! Иисус! Еще по порции того же самого!

— Мне не надо, — поспешила отказаться Виктория.

Мистер Дэйкин тоже отклонил угощение, допил свой лимонад и потихоньку ушел. Поднялся к себе и Кросби. Миссис Кардью Тренч щелкнула ногтем по стакану Дэйкина.

— Опять лимонад? Ох, плохой знак.

— Почему? — удивилась Виктория. — Плохо, если человек пьет, только когда он один.

— Да, дорогая моя, — кивнул Маркус. — Что правда, то правда.

— Значит, он на самом деле пьяница? — спросила Виктория.

— Поэтому и повышения по службе не Получает, — кивнула миссис Кардью Тренч. — И то хорошо, что место до сих пор не потерял.

— Но он прекрасный человек, — великодушно заключил Маркус.

— Да ну, — махнула рукой миссис Кардью Тренч. — Слюнтяй. Топчется на месте, ничего не делает, ни характера, ни хватки. Из тех англичан, что безнадежно разлагаются, попав на Восток.

Виктория поблагодарила Маркуса и, еще раз подтвердив, что от второго коктейля отказывается, поднялась к себе, а там скинула туфли и прилегла на кровать с намерением серьезно обдумать положение. Оставшиеся у нее три с небольшим фунта на самом деле уже причитаются Маркусу за комнату и стол. Если воспользоваться его щедростью и при этом жить на одних коктейлях, закусывав маслинами, орешками и хрустящим картофелем, можно будет таким образом тут еще немного просуществовать. Но сколько времени может пройти, прежде чем Маркус предъявит ей счет? И сколько он согласится ждать оплати? Неизвестно. Виктория сказала бы, что он вовсе не так уж спустя рукава ведет дела, как кажется на первый взгляд. Надо бы, конечно, найти себе пристанище дешевле. Только вот где искать, куда обратиться? И работу надо найти, немедленно. А где? Как это здесь делается? У кого бы можно было спросить? И вообще, как тут прикажешь держать фасон, если ты без денег в чужом городе и не имеешь ни знакомств, ни связей? Виктория была уверена (как всегда), что ей бы только немного ознакомиться с местными условиями, и уж она-то нашла бы выход. Когда можно ждать Эдварда из Басры? А вдруг (ужасная мысль!) он о ней и думать забыл? Почему, почему она, как дурочка, бросилась за ним в Багдад? В конце концов, кто он такой, этот Эдвард? Просто парень с обворожительной улыбкой и забавной манерой разговаривать, мало ли таких. А вот как его фамилия? Знать бы, можно было бы телеграмму отправить… хотя нет, ведь

неизвестно, где он там, в Басре, остановился. Вообще она ничего не знает, в том-то и беда. Это очень сковывает.

А посоветоваться не с кем. Не с Маркусом же — он хотя и добрый, но совершенно не слушает, что ему говоришь. С миссис Кардью Тренч — тоже нет, она с самого начала отнеслась к ней подозрительно. И не с миссис Гамильтон Клиппс, которая исчезла в Киркуке. И не с доктором Ратбоуном.

Необходимо раздобыть денег. Или устроиться на работу. На любую работу — смотреть за детьми, клеить марки на конверты, прислуживать в ресторане… Иначе ее отведут к консулу и отправят обратно в Англию, и она никогда уже больше не увидится с Эдвардом…

На этом месте, сморенная эмоциональными перегрузками, Виктория заснула.

Проснулась она несколько часов спустя и, решив, что семь бед — один ответ, спустилась в ресторан, где заказала себе чуть не все, что значилось в далеко не скудном меню. После ужина она почувствовала себя немножко эдаким сытым удавом, но безусловно лучше, чем до.

«Нечего нервничать, — сказала себе Виктория. — Лучше отложить все до завтра. Может, что-нибудь и подвернется, или меня осенит, или вдруг Эдвард объявится».

Перед сном она вышла подышать на террасу над рекой. Поскольку погода, по представлениям жителей Багдада, была почти арктическая, больше никого на террасе не было, только у перил в отдалении стоял один официант и смотрел на воду. Завидев Викторию, он виновато спохватился и убежал в кухню через заднюю дверь.

Но для Виктории, только что приехавшей из Англии, это была нормальная летняя ночь, слегка пробирающая холодком, и она, словно зачарованная, смотрела на серебрящиеся под луной воды Тигра и по-восточному таинственный темный противоположный берег.

— Как бы то ни было, а все-таки я здесь, — вслух сказала она себе, приободрившись. — Ничего, устроюсь. Что-нибудь да обязательно подвернется.

С этим символом веры мистера Микобера[83] на устах Виктория преспокойно отправилась спать, а официант тихонько вышел обратно на террасу и возобновил занятие, которое вынужден был прервать при ее появлении, а именно: снова принялся привязывать к перилам узловатую веревку, достающую до самой воды.

Немного погодя из темноты к нему подошел еще один человек. Официант тихо спросил голосом мистера Дэйкина:

— Ну, как? Все в порядке?

— Да, сэр, ничего подозрительного.

Сделав свое дело, мистер Дэйкин отошел в тень, снял белую официантскую куртку, снова облачившись в свой синий полосатый пиджачок, прошелся неспешно вдоль террасы и остановился на самом краю, у лестницы, ведущей с улицы.

— Вечера стали прямо морозные, — обратился к нему Кросби, выйдя из бара и встав с ним рядом. — Хотя вы после Тегерана, наверно, не так чувствительны к холоду.

Они постояли бок о бок молча. Покурили. Вокруг не было ни души, если говорить вполголоса, услышать их разговор никто не мог. Кросби тихо спросил:

— Кто эта девушка?

— Как будто бы племянница археолога Понсфута Джонса.

— А-а. Тогда еще ладно. Но прилететь на одном самолете с Крофтоном Ли…

— Разумеется, ничего не следует принимать на веру, — сказал мистер Дэйкин.

Они опять покурили в молчании.

Кросби сказал:

— Вы действительно считаете, что здесь будет удобнее, чем в посольстве?

— Да.

— Несмотря на то, что там все взято под контроль и проработано до мельчайших деталей?

— В Басре тоже было все детально проработано — и провалилось.

— Да, я знаю. Кстати сказать, Салаха Гассана отравили.

— Естественно. В консульстве не было никаких попыток проникновения?

— Похоже, что были. Какая-то потасовка, кто-то вытащил револьвер. — Он помолчал и добавил: — Ричард Бейкер разоружил этого человека.

— Ричард Бейкер?

— Не знаете его? Это…

— Знаю.

Дэйкин затянулся. И озабоченно сказал:

— Импровизация. Вот на что я теперь ставлю. Если, как вы говорите, у нас там все взято под контроль, но наши проработки им известны, они легко могут контроль у нас перехватить и обернуть в свою пользу. Они, я полагаю, Кармайкла даже близко к посольству не подпустят, а если он все же и проберется, то… — Дэйкин покачал головой. — А здесь только вы и я и Крофтон Ли знаем, что происходит.

— Но им сообщат, что Крофтон Ли переехал из посольства сюда.

— Да, конечно. Это неизбежно. Однако, Кросби, какие бы шаги они ни предприняли в ответ на нашу импровизацию, их шаги тоже вынужденным образом будут импровизацией. Им придется в спешке принимать решения, в спешке их осуществлять. И это уже будет их собственная игра, не нашими руками, так сказать. Заранее, за полгода, подсадить агента в «Тио» они не могли — об этой гостинице никогда до сих пор не заходила речь. Никому не приходило в голову назначить местом встречи какой-то отель «Тио».

Он посмотрел на часы.

— Пойду поднимусь к Крофтону Ли.

Дэйкин не успел постучаться, как дверь бесшумно открылась и сэр Руперт впустил его к себе.

В комнате знаменитого путешественника горела только одна настольная лампа. Его кресло стояло рядом. Садясь, он тихонько вытащил револьвер, положил под рукой на стол. И тихо спросил:

— Ну, что, Дэйкин? Думаете, он явится?

— Я думаю, да, сэр Руперт. — И помолчав: — Вы ведь с ним никогда не встречались?

Путешественник отрицательно покачал головой.

— Нет. Сегодня надеюсь познакомиться. Этот молодой человек, Дэйкин, по-видимому, обладает редкой отвагой.

— Да, — ровным голосом ответил Дэйкин. — Он отважный человек.

Тон его подразумевал, что это само собой очевидно, тут и говорить не о чем.

— Я имею в виду не только храбрость, — продолжал сэр Руперт. — Конечно, личная храбрость на войне — это великолепно. Но тут еще…

— Воображение? — подсказал Дэйкин.

— Вот Именно. Способность верить в то, что видится совершенно невероятным. Рисковать жизнью, чтобы убедиться, что дурацкая басня — вовсе не басня. Для этого требуется черта характера, как правило, современной молодежи не свойственная. Очень надеюсь, что он явится.

— Думаю, что явится, — повторил мистер Дэйкин.

Сэр Руперт бросил на него пристальный взгляд.

— Вы все предусмотрели?

— Кросби ждет на балконе, я буду сторожить у лестницы. Как только Кармайкл войдет к вам, постучите в стену, я приду.

Крофтон Ли кивнул.

Дэйкин бесшумно вышел из номера, двинулся влево по

коридору, через балконную дверь — на балкон, потом в обратном направлении до конца балкона, где к перилам тоже была привязана веревка, достающая концом до земли в кустах под тенью большого эвкалипта.

Затем Дэйкин снова прошел мимо двери Крофтона Ли — к себе в номер, смежный с номером путешественника. У него в комнате была еще и вторая дверь, открывающаяся на верхнюю площадку парадной лестницы. Тихонько приоткрыв эту дверь, мистер Дэйкин занял свой пост.

Спустя часа четыре к отелю «Тио» подплыла сверху по течению Тигра небольшая *гуфа* — немудреная местная лодка, и тихонько пристала к илистой береговой отмели. А еще через несколько мгновений легкая тень взметнулась по веревке на балкон и притаилась в темноте среди кадок с декоративными кустами.

Глава 13

Виктория хотела заснуть, отложив все заботы на завтра, но, так как она уже выспалась после обеда, из этого намерения ничего не вышло. Она долго лежала и безнадежно таращилась в темноту. Потом все-таки зажгла лампу, дочитала журнал, начатый еще в самолете; встала, заштопала старые чулки; примерила новые; набросала несколько разных объявлений о том, что ищет работу (завтра надо будет узнать, куда тут с этим обращаться); написала на пробу разные варианты письма миссис Гамильтон Клиппс, в каждом живописуя — одно фантастичнее другого — непредвиденные обстоятельства, из-за которых она «застряла без гроша» в Багдаде; и даже попыталась составить телеграмму с просьбой о помощи, адресованную единственному здравствующему родственнику — малоприятному прижимистому старику, который проживал на севере Англии и сроду никому не помогал за всю свою долгую жизнь; примерила новую прическу и, наконец, сладко зевнув, поняла, что, слава Богу, умаялась и можно снова ложиться.

Именно в эту минуту дверь ее номера безо всякого предупреждения приоткрылась, в щель проскользнул какой-то мужчина, повернул за собой ключ в замке и возбужденно

попросил:

— Спрячьте меня куда-нибудь, ради Бога, — скорее…

Виктория всегда отличалась быстротой реакции. Она моментально приметила, что он трудно дышит, и говорит слабеющим голосом, и судорожно прижимает к груди скомканный красный вязаный шарф. И душа ее немедленно откликнулась на зов приключения.

В комнате и прятаться-то было особенно негде. Имелся шкаф, и комод, и стол посредине, и модный туалетный столик в углу. И еще имелась широкая, почти двуспальная кровать. Воспоминания о детских играх в прятки помогло Виктории сразу же сделать выбор.

— Быстро, — распорядилась она. Отбросила подушки, отвернула край одеяла. Гость лег поперек в головах кровати, Виктория накрыла его одеялом, взбила сверху подушки и сама уселась с краю.

Почти тотчас же раздался тихий, настойчивый стук в дверь. Виктория слабым, встревоженным голосом спросила:

— Кто там?

— Будьте добры, откройте, пожалуйста, — ответил из-за двери мужской бас. — Полиция.

Виктория протопала через комнату, на ходу запахивая халатик. В последнюю минуту она заметила на полу оброненный старый красный шарф, подобрала и сунула в ящик комода, а затем отперла дверь и выглянула в коридор с самым испуганным видом.

За порогом стоял молодой брюнет в лиловом полосатом костюме, из-за его плеча выглядывал полицейский в форме.

— В чем дело? — осведомилась Виктория, и голос ее натурально дрогнул.

Брюнет любезно улыбнулся и на вполне сносном английском ответил:

— Крайне сожалею, мисс, что тревожу вас в такое время. Но сбежал преступник. Люди видели, как он вошел в эту гостиницу. Мы вынуждены осмотреть каждую комнату. Он очень опасен.

— Боже мой! — испуганно произнесла Виктория и отступила, широко раскрыв дверь. — Входите, пожалуйста, и поищите получше. Какой ужас! В ванной, в ванной посмотрите. Да, и в шкафу. И потом… вас не затруднит заглянуть под кровать? Вдруг он прячется зам с вечера?

Осмотр был произведен в кратчайший срок.

— Нет, здесь его нет.

— Вы уверены, что он не прячется под кроватью? Впрочем, какая я глупая. Неоткуда ему здесь взяться, ведь я заперла дверь,

когда ложилась.

— Благодарю вас, мисс, спокойной ночи.

Молодой брюнет поклонился и вышел вместе со своим напарником в полицейской форме.

Виктория, провожая его до самой двери, пролепетала:

— Мне лучше снова запереться на всякий случай, правда же?

— Да, мисс, так, разумеется, будет лучше всего. Благодарю вас.

Она заперла за ними дверь и несколько минут еще постояла, прислушиваясь. Было слышно, как они постучали в дверь на другой стороне коридора, им открыли, последовал обмен теми же репликами, раздался возмущенный сиплый голос миссис Кардью Тренч, и дверь захлопнулась. А немного погодя, когда шаги полицейских отдалились, отворилась опять. Стучали уже в конце коридора.

Виктория подошла к кровати. Ей только теперь стало понятно, как глупо она себя вела. Поддалась своим романтическим склонностям, как только услышала родную английскую речь, бросилась сдуру помогать опасному преступнику. Эта манера всегда становиться на сторону гонимого чревата самыми неприятными последствиями. «Ну, да чего уж, — подумала Виктория, — теперь надо расхлебывать».

Стоя над кроватью, она строго произнесла:

— Вылезайте.

Ни малейшего движения. Виктория повторила, не повышая голоса, но очень решительно:

— Они ушли. Можете вставать.

Но чуть всхолмленное изголовье постели оставалось недвижным. Виктория возмущенно отбросила подушки и одеяло.

Гость ее лежал все в том же положении. Только цвет лица у него стал какой-то странно-сероватый, и глаза закрыты.

Затем Виктория заметила, к своему ужасу, и еще кое-что: на одеяло просочилось ярко-красное пятно.

— Нет нет, — умоляюще проговорила она. — Нет! Ради Бога!

Как будто услышав мольбу, раненый поднял веки и посмотрел на Викторию. Он всматривался с усилием, словно очень издалека, словно плохо различая то, что у него перед глазами. Губы его разлепились — но голос прозвучал слабо-слабо, почти неслышно.

— Что? — переспросила Виктория, наклонившись.

На этот раз она услышала. С огромным, величайшим трудом молодой человек выговорил два слова. Правильно ли она их расслышала, это другой вопрос. Для нее они были бессвязны и лишены всякого смысла. Вроде бы он сказал: «Люцифер» и

«Басра»…

Тут его судорожно закатившиеся глаза закрылись, веки затрепетали. Он произнес еще одно слово, похожее на чье-то имя, потом откинул голову — и замер.

Виктория стояла, не двигаясь, а сердце у нее колотилось как сумасшедшее. Ее переполняла жалость и злость. Но что теперь делать? Позвать кого-то? Надо, чтобы кто-нибудь пришел. Она осталась одна при мертвом человеке, и рано или поздно полиция потребует объяснений.

Она еще стояла, спешно перебирая в мыслях возможные варианты, когда какой-то шорох заставил ее оглянуться на дверь. Ключ из замочной скважины выпал на коврик, потом тихо щелкнул замок, и у нее на глазах дверь открылась. Вошел мистер Дэйкин и аккуратно закрыл за собой дверь.

Он подошел к Виктории и тихо сказал:

— Отличная работа, моя милая. Вы быстро соображаете. Ну, а как он?

— По-моему, он… по-моему, он умер, — пресекшимся голосом ответила Виктория.

И увидела, как сразу изменилось выражение его лица — оно полыхнуло яростью — и тут же снова стало таким, каким Виктория увидела его позавчера, только вместо уныния и дряблости ей открылось в нем что-то совсем другое.

Он наклонился, осторожно расстегнул на мертвом изодранную гимнастерку.

— Точный удар ножом в сердце, — произнес он, выпрямившись. — Храбрый был парень. И умница.

— Приходила полиция, — сказала Виктория, когда к ней вернулся голос. — Мне объяснили, что он преступник. Он правда был преступник?

— Нет. Он был не преступник.

— А эти, что приходили, они правда были из полиции?

— Не знаю, — сказал Дэйкин. — Возможно. Это не имеет значения.

И тут он спросил у нее:

— Он сказал что-нибудь… перед смертью?

— Да.

— Что именно?..

— Он сказал — «Люцифер», а потом — «Басра». И еще немного погодя назвал какое-то имя… вроде бы французское… но, может быть, мне показалось.

— Что вы услышали?

— Как будто бы — Лефарж.

— Лефарж, — задумчиво повторил Дэйкин.

— Что все это значит? — спросила Виктория. — И что мне теперь делать? — растерянно задала она второй вопрос.

— Вас надо как можно скорее вызволить из этой истории, — сказал Дэйкин. — А что все это значит, я объясню позднее. Прежде всего нужно позвать Маркуса. Он здесь хозяин гостиницы, и притом человек очень толковый, хотя из разговора с ним это не всегда очевидно. Я его приведу. Он еще не спит, я думаю. Сейчас полвторого, а он обычно ложится не раньше двух. Вы тут пока приведите себя в надлежащий вид. Красавица в беде, он к таким вещам очень чувствителен.

Дэйкин вышел. Виктория словно во сне села к туалетному столику, причесалась, подмазалась, придав себе интересную бледность, и как раз успела бессильно упасть в кресло, когда в коридоре раздались шаги. Дэйкин вошел без стука. Позади него топал тучный Маркус Тио.

На этот раз он держался вполне серьезно, без своей обычной улыбки.

— Вы должны как-то помочь, Маркус, — сказал ему мистер Дэйкин. — Бедная девушка испытала страшное потрясение. Человек ворвался к ней и потерял сознание, и она по доброте сердечной спрятала его от полиции. А он вот, видите, умер. Возможно, ей не следовало так поступать, но девичье сердце, сами понимаете…

— Конечно, она не любит полицию. А кто ее любит, — сочувственно отозвался Маркус. — Я тоже не люблю. Но я должен поддерживать с ними хорошие отношения, ведь у меня гостиница. Вы хотите, чтобы я откупился от них деньгами?

— Мы просто хотим, чтобы отсюда тихо убрали тело.

— Это хорошо говорить, друг мой. Я тоже. Мне не нужен труп в гостинице. Но как это сделать?

— Я думаю, это осуществимо, — сказал Дэйкин. — У вас в семье ведь есть врач, верно?

— Да, Поль, муж моей сестры, он врач. И очень хороший человек. Но я не хочу, чтобы у него были неприятности.

— И не будет. Слушайте, Маркус, надо перенести тело из комнаты мисс Джонс в мою, это напротив, дверь в дверь. Чтобы мисс Джонс вся эта история больше не касалась. Потом я воспользуюсь вашим телефоном. Через десять минут в гостиницу с улицы вваливается пьяный молодчик, он держится одной рукой за бок. И громким голосом требует меня. Но, едва зайдя ко мне в номер, валится с ног. Я выбегаю в коридор, зову вас, говорю, что срочно нужен врач. Вы приводите вашего зятя. Он вызывает «скорую помощь» и сопровождает пациента в клинику. Однако по дороге тот умирает. Выясняется, что он получил удар ножом в

сердце. Вас это никак не затрагивает. Удар был нанесен на улице.

— Мой зять заберет отсюда тело, а тот молодой человек, который притворялся пьяным, утром потихоньку скроется, да?

— Да, что-нибудь в таком духе.

— И трупа в гостинице не будет? И не будет беспокойства и неприятностей у милой мисс Джонс? Я нахожу, друг мой, что ваш план очень хорош.

— Прекрасно. Тогда позаботьтесь, чтобы путь был свободен, и я перенесу тело к себе. Ваши слуги имеют обыкновение сновать по коридорам ночи напролет. Ступайте к себе и закатите им страшный разнос. Разгоните всех по неотложному хозяйственному делу.

Маркус кивнул и вышел.

— Вы девушка сильная, — сказал Дэйкин Виктории. — Помогите мне перенести его. Справитесь?

Виктория молча кивнула. Взявшись за плечи и за ноги, они подняли безжизненное тело, перенесли напротив через пустой коридор (из отдаления слышался негодующий голос Маркуса) и положили на кровать Дэйкина.

Дэйкин сказал:

— Ножницы у вас есть? Вырежьте окровавленный кусок из одеяла. До матраса, я думаю, не просочилось. Почти все впиталось в гимнастерку. Примерно через час я к вам зайду. Да, погодите минуту, вот, сделайте глоток из моей фляжки.

Виктория подчинилась.

— Молодчина, — сказал Дэйкин. — Ступайте теперь к себе. Свет погасите. Я приду, как сказал, через час.

— И объясните мне, что все это значит?

Он посмотрел на нее как-то по-особенному и ничего не ответил.

Глава 14

Виктория лежала в кровати, погасив свет, и вслушивалась в темноту. До нее донесся шум пьяного препирательства, чей-то голос громко произнес: «Вот, старина, надумал повидаться. А этот тип внизу не пускает». Потом какие-то звонки. Новые голоса, беготня. После этого наступила относительная тишина, только у кого-то в номере играла пластинка арабской музыки. Наконец, когда Виктории уже казалось, что прошло много часов, раздался шорох открывающейся двери. Виктория села в кровати и включила лампу на тумбочке.

— Правильно, — одобрил ее Дэйкин.

Он придвинул кресло и сел, внимательно глядя на нее, как врач, обдумывающий диагноз.

— Расскажите мне все, — потребовала Виктория.

— Может быть, сначала вы мне расскажете о себе, — предложил Дэйкин. — Что вы здесь делаете? С какой целью приехали в Багдад?

То ли повлияло недавно пережитое, или же все дело было в Дэйкине (как считала впоследствии сама Виктория), но только,

вопреки своему обыкновению, она не стала пускаться во все тяжкие и врать невесть что, а просто и честно рассказала, как было дело. И про знакомство с Эдвардом, и про свое решение во что бы то ни стало попасть в Багдад, и про чудесное явление миссис Гамильтон Клиппс, и про свое теперешнее безденежье.

— Понятно, — произнес Дэйкин, когда она закончила.

И, помолчав, сказал:

— Я бы, наверно, не стал вас втягивать в эти дела. Хотя не знаю. Но вышло так, что вы все равно уже втянуты, независимо от того, хочу я этого или нет. А раз уж так, вы могли бы поработать на меня.

— У вас есть для меня работа? — Виктория приподнялась, щеки у нее заполыхали от предвкушения чего-то приятного.

— Возможно. Но в другом роде, чем вы думаете. Эта работа, Виктория, очень серьезная. И опасная.

— Это ничего, — жизнерадостно отмахнулась Виктория. И тут же в душу к ней закралось сомнение: — Но не бесчестная? Потому что, конечно, я ужасная врунья, это правда, но ничего бесчестного мне делать не хочется.

Дэйкин слегка усмехнулся.

— Как ни странно, но вы подходите для этой работы именно из-за своего умения лгать убедительно и без запинки. И не беспокойтесь, она не бесчестная. Наоборот, я приглашаю вас выступить на стороне закона и порядка. Я сейчас попробую вам объяснить в самых общих чертах, в чем тут дело, чтобы вы имели ясное представление о том, в чем вам предстоит участвовать и против чего идет борьба. На мой взгляд, вы девушка вполне толковая, но вряд ли задумывались о мировой политике, и это не важно, ибо, как мудро заметил принц Гамлет, «сами по себе вещи не бывают хорошими или дурными, а только в нашей оценке»[84].

— Я знаю, все говорят, что скоро будет еще одна война, — высказалась Виктория.

— Вот именно, — кивнул мистер Дэйкин. — А почему так говорят, Виктория?

Она сосредоточилась.

— Ну, потому что… Россия… коммунисты… Америка…

— Видите? — сказал Дэйкин. — Вы не знаете. Ведь это не ваши мысли. И слова не ваши. Вы их нахватались из газет, из чужих разговоров, из передач по радио. А правда тут только та, что в двух разных частях земного шара доминируют две разные точки зрения. Одну воплощает, в глазах общества, Россия, коммунисты. Другую — Америка. Но надежды на будущее, Виктория, связаны с миром, с производством, с созидательной, а не разрушительной деятельностью. И поэтому все зависит от того,

согласятся ли представители этих крайних лагерей считаться друг с другом, ограничиваясь каждый своей сферой, а может быть, и найдя почву для согласия или, по крайней мере, для взаимной терпимости. Вместо этого сейчас происходит нечто прямо противоположное. Между обоими лагерями упорно стараются вбить клин взаимного подозрения, развести их как можно дальше. Несколько человек на основании своих наблюдений пришли к выводу, что этим занимается некая третья сила, или группировка, действующая втайне от ничего не подозревающего мира. Всякий раз, как появляется реальный шанс достигнуть какого-то согласия или намечаются признаки ослабления взаимного недоверия, вдруг что-то происходит, и в результате — новый всплеск подозрительности у одной стороны и очередной припадок страха — у другой. Это происходит, Виктория, не случайно, а вызывается кем-то сознательно, с заранее рассчитанной целью.

— Но почему вы так думаете? И кто это делает?

— Одна из причин, почему мы так думаем, — деньги. Источники поступления средств. Деньги — это ключ ко многому, что совершается в мире. Врач по пульсу, по обращению крови в жилах, судит о здоровье пациента, так вот деньги — это своего рода кровоток, питающий всевозможные движения и организации. Без денег они не могут функционировав. В данном случае задействованы очень большие суммы, и хотя их прохождение весьма тонко и хитро замаскировано, тем не менее, бесспорно, источник и назначение этих сумм заставляет серьезно задуматься. Например, множество несанкционированных забастовок и манифестаций, ударяющих по европейским правительствам, только-только становящимся на ноги, хоть и организуются коммунистами, которые честно и открыто отстаивают свои позиции, — однако средства на эти мероприятия поступают не из коммунистических источников. Если проследить, оказывается, что они приходят с самой неожиданной стороны. Точно так же вдруг в Америке и в других странах поднимается волна истерической коммунизмобоязни, настоящая паника, — и опять оказывается, что ее финансируют совсем не те силы, для которых это было бы естественно. Деньги поступают не от капиталистов, хотя и проходят через капиталистические руки. И наконец, вот еще что. Из обращения просто изымаются огромные суммы. Представьте себе, что вы тратите свое еженедельное жалованье на покупки — приобретаете, скажем, сережки или столы со стульями — но эти вещи у вас исчезают, вы не можете ими пользоваться, не можете их никому показать. Сейчас в мире очень поднялся спрос на бриллианты и другие драгоценные

камни. Они перепродаются, переходят из рук в руки десятки раз, но в конце концов куда-то уплывают, пропадают бесследно. Все, что я рассказываю, — это, конечно, грубая схема. Вывод же тот, что где-то в мире имеется третий лагерь, люди, которые в целях, нам пока неясных, провоцируют вражду и непонимание между двумя сторонами, для чего предпринимают хитроумно замаскированные операции с деньгами и ценностями. У нас есть основание думать, что их агенты имеются в каждой стране, иногда внедрившиеся много лет назад. Кто-то из них занимает высокие ответственные посты, кто-то играет роли незаметные, но все работают на одну нам неизвестную цель. В сущности, это та же Пятая колонна[85], какие были во многих странах к началу минувшей войны, только теперь она действует в глобальных масштабах.

— Но кто же эти люди? — повторила свой вопрос Виктория.

— По-видимому, они не принадлежат к какой-то одной нации. Цель, которую они преследуют, состоит в том, чтобы усовершенствовать мир. Увы! Иллюзия, будто можно силой загнать человечество в Золотой век[86], одна из самых опасных ошибок на свете. Те, кто хотят просто набить собственный карман, большого вреда причинить не могут — жадность же им и помешает. Но вера в высшую надстройку на человечестве — в сверхчеловеков, призванных управлять загнивающим миром, — это, Виктория, самое зловредное заблуждение. Ибо когда человек говорит: «Я не такой, как все», — он утрачивает сразу два драгоценнейших свойства, которыми мы стремимся обладать: скромность и сознание человеческого братства.

Он кашлянул.

— Не буду читать вам проповеди. Только объясню, что нам известно доподлинно. У них есть несколько центров, один в Аргентине, один в Канаде, по крайней мере один в Штатах и один, надо полагать, хотя точных сведений нет, — в России. И тут мы подходим к весьма интересному явлению.

За последние два года в разных странах исчезли, как в воду канули, двадцать восемь многообещающих молодых ученых-физиков. Та же судьба постигла инженеров-строителей, авиаторов, электронщиков и многих других высококлассных специалистов. Люди разные, но есть свойства, которые их объединяют: все они молоды, честолюбивы, и у них не было близких. Помимо тех, о чьей пропаже нам известно, аналогичных случаев, должно быть, насчитываются еще десятки и сотни, и мы начинаем догадываться, что эти исчезновения означают.

Виктория слушала, напряженно наморщив лоб.

— Казалось бы, в наше время в отдельно взятой стране

невозможна никакая деятельность, которая не стала бы достоянием широкой гласности во всем мире. Кроме секретной службы, понятно, она ведется повсюду, но ее масштабы очень невелики. Я говорю о крупном современном производстве. Однако на земле еще существуют малоизученные районы, в стороне от торговых путей, за горными хребтами и безводными пустынями, и там обитают племена, не допускающие в свою среду иноземцев, так что, кроме считанных географов-путешественников, у них никто не бывал, никто их не знает. Там могут происходить вещи, о которых мир ничего не будет знать, ну разве что просочатся какие-то смутные, невероятные слухи.

— Что это за места, я не буду уточнять. Туда можно добраться из Китая — но никто не знает, что происходит во внутренних китайских провинциях. Можно проникнуть через Гималаи, но эта дорога — только для опытных альпинистов, да и то далека и трудна. Современные транспортные средства, направляемые из разных стран мира, достигают места назначения только после того, как их экипажи подверглись определенной обработке и уже не способны выполнить задание. Как это делается, не стоит сейчас объяснять.

Но нашелся один человек, который заинтересовался и предпринял попытку кое-что выяснить по собственным каналам связи. Это был человек необыкновенный, у него есть друзья и знакомства по всему Востоку. Родился в Кашгаре, знает дюжину местных языков и наречий. Он заподозрил неладное и стал выведывать. Однако то, что он узнал, оказалось так невероятно, что, когда он возвратился в цивилизованный мир и представил доклад, ему не поверили. Он сам признался, что переболел в пути лихорадкой, и его сообщения были расценены как бред.

Только два человека отнеслись к его рассказу с доверием. Одним из них был я. Не в моих правилах отвергать сведения только на том основании, что они невероятны, слишком часто именно они как раз и оказываются верными. А второй… — Он не договорил.

— Кто второй?

— Второй — сэр Руперт Крофтон Ли, знаменитый путешественник, который побывал в тех отдаленных краях и хорошо осведомлен о местных возможностях.

Кончилось тем, что Кармайкл, человек, о котором я говорил, решил, отправиться туда сам и удостовериться. Это крайне рискованное, чрезвычайно опасное путешествие, но единственный, кто мог бы его предпринять, был именно он. Он ушел девять месяцев назад. И до недавнего времени о нем не было ни слуху ни духу. Но несколько недель назад пришло

известие: он жив и раздобыл то, за чем отправился, — неопровержимые доказательства.

Но противная сторона напала на его след. Им было жизненно важно, чтобы он со своими доказательствами не возвратился назад. Для нас далеко не тайна, что вся наша система пронизана их агентурой. Утечки имели место даже у меня в департаменте, иногда, как это ни прискорбно, на самом высоком уровне.

Его сторожили на каждой границе. Вместо него по ошибке отправили на тот свет немало ни в чем не повинных людей — человеческая жизнь там не в особенной цене. Но так или иначе он сумел остаться жив и невредим — до сегодняшней ночи.

— Значит, это и был — он?

— Да, мой друг. Бесстрашный и мужественный молодой человек.

— А доказательства? Они ими завладели?

Губы Дэйкина дрогнули в усталой усмешке.

— Не думаю. Зная Кармайкла, я убежден, что им это не удалось. Но он не имел возможности, умирая, сообщить нам, где они находятся и как до них добраться. По моему мнению, он попытался сказать нечто такое, что должно дать нам ключ. — Дэйкин замедленно повторил: — Люцифер; Басра; Лефарж. В Басре он был, попытался обратиться в консульство, и там его чуть не застрелили. Возможно, что он оставил доказательства где-то в Басре. И я хочу, Виктория, чтобы вы поехали в Басру и попытались это разузнать.

— Я?

— Да, вы. У вас нет опыта. Вы не знаете, что нужно искать. Но вы слышали последние слова Кармайкла, и, может быть, на месте они вам что-то подскажут. Кто знает? Ведь говорится же, что новичкам счастье.

— Я с удовольствием поеду в Басру, — с воодушевлением сказала Виктория.

Дэйкин улыбнулся.

— Потому что там ваш приятель? И прекрасно. Неплохая маскировка. Лучшей маскировки, чем настоящий сердечный интерес, не придумаешь. Отправляйтесь в Басру, а там держите глаза и уши нараспашку и осмотритесь хорошенько. Никаких инструкций я вам дать не могу, да так оно, по правде сказать, и лучше. По-моему, у вас самой хватит изобретательности. Что означают слова «Люцифер» и «Лефарж», если считать, что вы верно расслышали, я не знаю. Полагаю, вы правы: Лефарж, вероятно, чье-то имя. Может быть, услышите про такого человека.

— А как мне добраться до Басры? — деловито осведомилась Виктория. — И где взять денег?

Дэйкин достал бумажник и подал ей пачку банкнот.

— Деньги — вот. Что же до поездки в Басру, разговоритесь завтра утром с этой старой курицей миссис Кардью Тренч, поделитесь с ней своим горячим желанием посмотреть Басру перед отъездом на раскопки, куда вы якобы едете работать. Попросите ее порекомендовать вам гостиницу. Она обязательно велит вам остановиться в консульстве и телеграфирует миссис Клейтон. У Клейтонов вы, вероятно, встретите вашего Эдварда. Они держат открытый дом — и у них бывают все, кто приезжает в Басру. Сверх этого никаких полезных советов вам дать не могу. Только вот еще один: если случится… э-э… какая-то осечка, и если у вас станут допытываться, что вам известно и кто вас послал, не вздумайте геройствовать. Сразу же все выкладывайте.

— Вот спасибо, — от души поблагодарила его Виктория. — Я ужасная трусиха, жутко боюсь боли, под пытками я, вернее всего, не выдержу и проболтаюсь.

— Зачем им вас пытать? — успокоил ее мистер Дэйкин. — Разве что из голого садизма. Пытки давно устарели. Один слабый укольчик — и вы правдиво ответите на любой вопрос, сами того даже не сознавая. Мы живем в эпоху прогресса. Так что пусть сохранение тайны вас не заботит. Вы не сообщите им ничего такого, что им без вас неизвестно. После сегодняшнего эпизода они меня, конечно, раскроют, можно не сомневаться. И Руперта Крофтона Ли тоже.

— А Эдвард? Ему сказать?

— Это — на ваше усмотрение. Теоретически вы никому не должны рассказывать о своем задании. Но на практике… — Он вздернул брови. — Правда, вы можете этим подвергнуть его опасности. Существует и такая сторона. Но все-таки, я думаю, парень, хорошо зарекомендовавший себя в военно-воздушных частях… Едва ли его испугает опасность. Ум хорошо, а два лучше. Так, значит, он считает, что эта «Масличная ветвь», где он работает, — учреждение подозрительное? Очень интересно. Очень.

— Почему?

— Потому что мы тоже так считаем.

В заключение он сказал:

— Вот вам еще две маленьких подсказки на прощанье. Во-первых, — только не обижайтесь, — по возможности врите одно и то же. Иначе можно самой перепутать и завраться. Я понимаю, вы в этом деле — маэстро, но мой совет — чем проще, тем *лучше.*

— Постараюсь, — кротко и скромно ответила Виктория. — А вторая подсказка?

— Прислушайтесь, не назовет ли кто-нибудь при вас имя

Анна Шееле.

— А кто это?

— Мы мало что о ней знаем. Хотели бы узнать побольше.

Глава 15

1

— Как где? Разумеется, в консульстве! — решительно сказала миссис Кардью Тренч. — Глупости, моя милая, в гостинице при аэропорте вам остановиться нельзя. А Клейтоны будут очень рады. Я знакома с ними тысячу лет. Пошлем телеграмму, и можете ехать сегодняшним же вечерним поездом. Они прекрасно знают профессора Понсфута Джонса.

У Виктории хватило совести покраснеть. Одно дело епископ Лланголуский, он же епископ Лангоа. И совсем другое — живой и реальный профессор Понсфут Джонс.

«За это, пожалуй, и посадить могут, — сокрушенно подумала Виктория. — Кажется, это называется: самозванство». Но она тут же приободрила себя соображением, что сажают, только если действуешь ради корысти. Так это или нет на самом деле, Виктория не знала, будучи, как и большинство людей, невеждой в юридических вопросах. Однако на сердце у нее полегчало.

Ехать в поезде по незнакомым местам было очень интересно — тем более что поезд оказался далеко не экспресс, — но под конец ее европейское терпение дошло до предела.

На вокзале ее встречал консульский автомобиль и повез ее прямо в консульство. Через широкие ворота он въехал в пышный зеленый сад и остановился у подножия лестницы, ведущей на галерею, которая опоясывала все здание. Навстречу гостье, отпахнув металлическую сетчатую дверь, вышла энергичная и приветливая миссис Клейтон.

— Очень рады вас видеть, — сказала она Виктории. — Вы совершенно правы, в это время года в Басре изумительно, нельзя уезжать из Ирака, не побывав у нас. К счастью, сейчас здесь почти никого нет, а то бывает, мы просто не знаем, как всех разместить, но сейчас остался только молодой сотрудник доктора Ратбоуна, обаятельный юноша. Вы, кстати сказать, только-только разминулись с Ричардом Бейкером. Он уехал, и тут же пришла телеграмма миссис Кардью Тренч.

Кто такой Ричард Бейкер, Виктория понятия не имела, но подумала, что с его стороны очень мило было своевременно уехать.

— Он отлучался на два дня в Кувейт, — продолжала миссис Клейтон. — Вот где вам надо побывать, пока там все не затоптали. Теперь уже недолго, боюсь, осталось. Все затаптывают

рано или поздно. Что вы хотите сначала: ванну или кофе?

— Ванну, если можно, — обрадованно ответила Вик тория.

— А как поживает миссис Кардью Тренч? Вот ваша комната, а ванная дальше по коридору. Вы давно с ней знакомы?

— Ах, нет, — правдиво ответила Виктория. — Мы познакомились уже здесь.

— И она в первые же четверть часа выведала у вас всю подноготную? Она ужасная сплетница, как вы, я думаю, сами убедились. У нее маниакальная потребность все про всех знать. Но дама она приятная и превосходно играет в бридж. Так вы точно не хотите перед ванной выпить кофе или чего-нибудь еще?

— Нет-нет, точно не хочу.

— Хорошо. Тогда увидимся позже. У вас все есть, что нужно?

И она, как хлопотливая пчелка, бодро жужжа, улетела, а Виктория приняла ванну и занялась своим лицом и прической с тем старанием, с каким это проделывает всякая девушка, которой предстоит встреча с понравившимся ей молодым человеком.

Виктория хотела, если удастся, встретиться с Эдвардом наедине. Не то чтобы она опасалась, что он ляпнет какую-нибудь бестактность, он ведь знал ее под фамилией Джонс и дополнительное Понсфут не должно его особенно поразить. А вот что она очутилась в Ираке, это может его поначалу ошарашить, и именно поэтому она хотела бы сначала повидаться с ним с глазу на глаз, пусть бы хоть на одну секунду.

Именно в этих целях она, надев летнее платье (ведь по ее меркам нынешняя погода в Басре ближе всего напоминала разгар лета в Лондоне), тихонько вышла через сетчатую дверь на галерею и стала поджидать Эдварда, чтобы перехватить, когда он будет возвращаться, освободившись от того, что он там делал, — сражался с таможенниками, насколько ей было известно.

Первым приехал долговязый тощий мужчина с серьезным выражением лица. Виктория, пока он поднимался по лестнице, отошла за угол, чтобы не попасться ему на глаза. И вдруг увидела внизу Эдварда! Он входил в сад через заднюю калитку, со стороны реки.

В лучших традициях Ромео и Джульетты[87] Виктория перегнулась через перила и издала сиплое подобие тихого свиста.

Эдвард (который выглядел, по мнению Виктории, еще симпатичнее, чем в Лондоне) обернулся, стал лихорадочно озираться.

— Нет! Смотри наверх! — тихо позвала Виктория.

Эдвард задрал голову, и на лице его появилось выражение глубочайшего изумления.

— Бог ты мой! — произнес он. — Провалиться мне! Черинг-

Кросс!

— Тише. Жди там. Я сейчас спущусь.

Виктория метнулась обратно по галерее, кубарем скатилась с лестницы и побежала за угол дома, где послушно стоял Эдвард все с тем же недоуменным выражением на лице.

— С утра вроде бы ничего не пил… — пробормотал он. — Неужели это действительно ты?

— Да я же, я! — радостно отозвалась Виктория, нарушая все каноны хорошего тона.

— Что ты здесь делаешь? Как сюда попала? Я думал, я никогда больше тебя не увижу.

— И я тоже так думала.

— Ну прямо настоящее чудо. Как ты здесь очутилась?

— Прилетела.

— Ясно, что прилетела. Иначе бы тебе не поспеть. Но какое дивное диво привело тебя именно в Басру?

— Поезд.

— Насмешничаешь? Вот вредная! Черт, как я рад тебя видеть! Нет, серьезно, как ты сюда попала?

— Я сопровождала одну женщину, которая сломала руку. Миссис Клиппс, американка. Мне предложили это место назавтра после того, как мы с тобой познакомились и ты рассказывал про Багдад. Лондон мне немного поднадоел, ну я и подумала, почему бы не поехать, посмотреть мир.

— Ну, Виктория, ты и молодчина! А где эта миссис Клиппс твоя, здесь?

— Нет, уехала к дочери под Киркук. Мне оплатили только билет сюда.

— А теперь что ты делаешь?

— Все еще смотрю мир. Но для этого пришлось кое-что приврать. И мне нужно было поговорить с тобой до того, как мы встретимся на людях, понимаешь? Ты не проболтайся, пожалуйста, что я была безработной машинисткой, когда мы последний раз с тобой виделись.

— Да ради Бога! Скажи мне, кто ты, и я подтвержу. Жду руководящих указаний.

— Ну, в общем, я — мисс Понсфут Джонс, племянница знаменитого археолога, который ведет раскопки в одном малодоступном месте где-то здесь неподалеку, и я еду к нему туда.

— И все это — враки?

— Конечно! Но звучит очень убедительно.

— Да, вполне. Но вот если вы с этим стариком Фунтпопсом столкнетесь нос к носу?

— Понсфутом. По-моему, это маловероятно. У меня такое впечатление, что археологи, если уж начнут копать, то копают, копают как сумасшедшие, и их уже не оторвешь.

— Вроде терьеров. А что, возможно. Настоящая-то племянница у него есть?

— Откуда я знаю.

— В таком случае, ты ни за кого конкретно себя не выдаешь. А это уже проще.

— Ну да. Мало ли сколько у человека может быть племянниц. А в случае чего, я всегда могу объяснить, что мы на самом деле троюродные, но я привыкла называть его дядей.

— Ай да Виктория! Все предусмотрела, — восхитился Эдвард. — Потрясающе. Я в жизни не встречал таких девушек, как ты. Я ведь думал, что теперь сто лет тебя не увижу, а когда увижу, ты меня не узнаешь.

И он так на нее посмотрел, так восхищенно и так уважительно, что Виктория почувствовала себя наверху блаженства. Будь она кошкой, она бы сейчас, конечно, замурлыкала.

— Но тебе, наверно, работа нужна? — сказал Эдвард. — Или ты, может, наследство получила?

— Какое там! Да, конечно, я ищу место. Я, между прочим, была в этой твоей «Масличной ветви», познакомилась с доктором Ратбоуном, спросила, нет ли у него для меня работы, но он, услышав про жалованье, дал мне от ворот поворот.

— Да, старикашка прижимист. Он считает, что все должны приходить и работать на него за так.

— По-твоему, Эдвард, он не тот, за кого себя вы дает?

— Да нет, вряд ли. Сам не знаю. Он же ничего с этого не имеет, разве бывают такие жулики? Нет, я все-таки считаю, этот пламенный энтузиазм у него натуральный. Хотя, с другой стороны, вроде бы он и не дурак.

— Ну, ладно, пошли в дом, — сказала Виктория. — Еще успеем поговорить.

— А я и не подозревала, что вы с Эдвардом знакомы! — всплеснула руками миссис Клейтон.

— Мы старые друзья, — со смехом отозвалась Виктория. — Просто потеряли друг друга из виду. Я даже не знала, что Эдвард в этих краях.

Мистер Клейтон, оказавшийся тем серьезным мужчиной, от которого Виктория пряталась на лестнице, спросил:

— Ну, как сегодня ваши успехи, Эдвард? Добились чего-нибудь?

— Дела идут туго, сэр. Картонки с книгами уже прибыли и

все на месте, но, чтобы получить их, формальностей не оберешься.

Клейтон усмехнулся.

— Вам еще не приходилось сталкиваться с восточной волокитой.

— Непременно оказывается, что именно тот чиновник, который нужен, как раз отсутствует, — пожаловался Эдвард. — Все очень любезны и доброжелательны, а дело — ни с места.

Хозяева рассмеялись, и миссис Клейтон поспешила его утешить:

— Ничего, рано или поздно вы их получите. Доктор Ратбоун правильно придумал прислать сюда кого-то лично. Иначе понадобились бы вообще месяцы.

— После Палестины тут очень опасаются бомб. И подрывной литературы. Все такие подозрительные.

— А что, может быть, доктор Ратбоун в самом деле выписывает сюда бомбы под видом книг, — весело сказала миссис Клейтон.

Виктории показалось, что у Эдварда блеснули глаза, как будто шутка миссис Клейтон вдруг натолкнула его на какую-то мысль.

Клейтон с укоризной в голосе возразил жене:

— Доктор Ратбоун — знаменитый и очень крупный ученый, дорогая. Он член многих академий, пользуется известностью и признанием во всех странах Европы.

— Тем легче ему переправлять бомбы, — не унималась миссис Клейтон.

Джеральду Клейтону пришлось явно не по вкусу легкомыслие супруги. Он нахмурил брови.

2

Поскольку после полудня здесь все дела замирали, Эдвард и Виктория, отобедав, отправились погулять и посмотреть город. Виктории особенно понравилась река Шатэль-. Арабу, обсаженная по обоим берегам рощами финиковых пальм. И арабские лодки с высоко задранными носами, как у венецианских гондол. Они с Эдвардом забрели на базар, любовались там окованными медью кувейтскими сундуками для приданого и другими красивыми товарами.

Только когда они уже повернули обратно к консульству, так как Эдварду пора было снова отправляться на таможню, Виктория вдруг спросила:

— Эдвард, а как тебя зовут?

Он вытаращил глаза.

— Ты что, Виктория? Не понимаю.

— Полностью как? Я ведь не знаю твоей фамилии, сообразил?

— Не знаешь? А, ну да, конечно. Фамилия — Горинг.

— Эдвард Горинг. Ты не представляешь, какой дурой я себя чувствовала, когда явилась в «Масличную ветвь», хочу спросить тебя, а фамилии не знаю, только Эдвард, и все.

— А там была такая брюнетка, волосы вот так, сзади до плеч?

— Была.

— Это Катерина. Очень симпатичная. Ты бы ей сказала, что ищешь Эдварда, она бы сразу поняла.

— Ну еще бы, — сдержанно отозвалась Виктория.

— Она ужасно симпатичная девчонка. А тебе разве не понравилась?

— Нет, отчего же…

— Не то чтобы хорошенькая, конечно, чего нет, того нет, но добрейшей души.

— Да? — теперь уже совсем ледяным голосом произнесла Виктория. Но Эдвард, по-видимому, ничего не заметил.

— Я прямо не представляю себе, как бы я без нее справился поначалу. Она ввела меня в курс всех дел и постоянно помогала, не то я бы таких дров наломал. Вот увидишь, вы с ней подружитесь.

— Едва ли. Случая не будет.

— Будет случай. Я тебя устрою к нам.

— Каким это образом?

— Еще не знаю, что-нибудь придумаю. Наговорю старику Ратбоуну, какая ты высококвалифицированная машинистка, и прочее.

— И он быстро разберется, что это обман.

— Ну, все равно. Так или эдак, но я тебя пристрою в «Масличную ветвь». Не могу же я, чтобы ты тут разъезжала в одиночку. Глядишь, еще в Бирму укатишь или в самую черную Африку. Нет, барышня Виктория, я теперь не спущу с тебя глаз. Чтобы ты не вздумала от меня удрать. Я тебе не доверяю. Ты слишком большая любительница смотреть мир.

«Дурачок, — подумала Виктория. — Да меня теперь из Багдада бешеные кони не увезут». А вслух сказала:

— Ну что ж. Работа в «Масличной ветви» — это очень занимательно.

— Ничего занимательного. Там все серьезно до умопомрачения. И глупо невообразимо.

— Но ты все-таки считаешь, там что-то не так?

— Да нет, это я просто сболтнул для красного словца. Чушь.

— Нет, Эдвард, — нахмурив брови, сказала Виктория. — По-моему, это не чушь. Я думаю, что это правда.

Эдвард резко обернулся.

— Откуда ты взяла?

— Слышала кое-что. От одного знакомого.

— Кто это?

— Никто. Просто знакомый.

— У таких девушек, как ты, всегда слишком много знакомых, — проворчал Эдвард. — Ну и вредная же ты, Виктория. Я в тебя влюбился как сумасшедший, а тебе хоть бы хны.

— Нет, почему же, — возразила Виктория. — Вовсе не хоть бы хны.

И, сдерживая восторг, она серьезным голосом спросила:

— Эдвард, ты не знаешь в «Масличной ветви» или где-нибудь еще человека по фамилии Лефарж?

— Лефарж? — недоуменно повторил Эдвард. — Нет. А кто это?

Но у Виктории уже был готов следующий вопрос:

— А женщину по имени Анна Шееле?

На этот вопрос Эдвард отреагировал иначе. Он резко обернулся, схватил Викторию за локоть и спросил:

— Что ты знаешь про Анну Шееле?

— Ой, Эдвард! Больно. Ничего не знаю. Думала, вдруг тебе что-то про нее известно.

— Но где ты о ней слыхала? От миссис Клиппс?

— Нет, не от миссис Клиппс… кажется. Но вообще-то она всю дорогу рот не закрывала, о чем и о ком только не говорила, может, и от нее, разве упомнишь.

— Но почему ты решила, что есть какая-то связь между этой Анной Шееле и «Масличной ветвью»?

— А есть связь?

Он задумчиво ответил:

— Н-не знаю… Все это как-то… неясно.

Они вели разговор, стоя у ворот консульства.

Эдвард взглянул на часы.

— Пора бежать, выполнять служебный долг, — сказал он. — Жаль, я арабского совсем не знаю. Но мы еще должны поговорить с тобой, Виктория. Мне нужно многое от тебя узнать.

— А мне нужно многое тебе рассказать, — отозвалась Виктория.

Более трепетная героиня романа более сентиментальных времен постаралась бы не вовлекать возлюбленного в свои

опасные дела. Но не Виктория. Она считала, что мужчинам судьбой предназначено бросаться навстречу опасности, как искрам — взлетать к небесам. Эдвард не поблагодарил бы ее, вздумай она отгораживать его от интересных событий. И потом, ведь мистер Дэйкин и не велел ей его отгораживать.

В тот же вечер на закате Эдвард и Виктория прогуливались в консульском саду. Из уважения к миссис Клейтон, утверждавшей, что на дворе зима, Виктория надела поверх летнего платья шерстяной жакет. Закат был великолепен, но им обоим было не до него. Обсуждались вещи более серьезные.

— Началось все очень просто, — рассказывала Виктория. — Ко мне в номер в отеле «Тио» вошел человек, которого зарезали.

Возможно, что подобное начало не всякому показалось бы таким уж простым. Эдвард выпучил глаза и переспросил:

— Которого — что?

— Зарезали, — повторила Виктория. — Во всяком случае, я так думаю. Но, может, и застрелили, только вряд ли, я бы тогда услышала выстрел. Но факт таков, что он был мертвый, — добавила она.

— Послушай, как он мог войти к тебе в комнату, если он был мертвый?

— Ну, Эдвард, неужели ты не понимаешь?

Мало-помалу, то связно, то сбиваясь, Виктория описала ему, как было дело. В силу некоего загадочного свойства своей натуры она не умела убедительно описывать реальные события. Мялась, недоговаривала, теряла нить, так что создавалось полное впечатление, будто она бессовестно врет.

Дослушав до конца, Эдвард заглянул ей в лицо и спросил:

— А ты вообще-то как себя чувствуешь, ничего? Не перегрелась на солнце? Или, может, сон страшный тебе приснился?

— Вовсе нет.

— Потому что, если здраво посмотреть, ничего такого просто ну никак не могло быть.

— А вот и было, — обиженно возразила Виктория.

— И потом эти душещипательные разговоры про мировые силы и про сверхсекретные установки в сердце Тибета или Белуджистана[88]. То есть я хочу сказать, не может быть, чтобы это было правдой. Не бывает такого.

— Так всегда говорят. А потом смотрят: уже сбылось.

— Признайся по честности, Черинг-Кросс, ты это сочинила?

— Да нет же! — возмущенно ответила Виктория.

— И ты приехала сюда на поиски какого-то Лефаржа и какой-то Анны Шееле?

— Не какой-то, а ты и сам о ней слышал. Ты же слышал о ней, верно?

— Имя слышал, это правда.

— Когда? Где? В «Масличной ветви»?

Эдвард задумался, потом проговорил:

— Не уверен, что это что-то означает. Просто… странно как-то…

— Что странно? Расскажи.

— Понимаешь, Виктория, я же не такой, как ты. Не так быстро соображаю. Я только чувствую иногда, не могу даже сказать почему, что не ладно как-то обстоит дело. Ты вот с ходу все замечаешь и тут же делаешь выводы. А я не такой умный. Просто у меня бывает ощущение, что… ну, непорядок какой-то… А в чем дело, сам не знаю.

— У меня тоже бывает такое ощущение, — сказала Виктория. — Например, сэр Руперт на балконе в «Тио».

— Что еще за сэр Руперт?

— Сэр Руперт Крофтон Ли. Мы с ним летели в одном самолете. Спесивый такой, строит из себя. Ну, знаешь — важная персона. Когда я увидела его на балконе в «Тио», на ярком солнце, у меня возникло в точности такое же ощущение, как вот ты говорил: непорядок, а в чем дело, не знаю.

— Его, кажется, Ратбоун пригласил прочесть лекцию в «Масличной ветви», но потом это дело сорвалось, и вчера утром он улетел куда-то там в Каир или в Дамаск, что ли.

— Ты расскажи про Анну Шееле.

— А, про Анну Шееле. Да нечего и рассказывать. Одна девушка про нее говорила.

— Катерина? — сразу спросила Виктория.

— Помнится, да. Вроде бы это была Катерина.

— Не вроде бы, а точно. Потому-то ты так неохотно и рассказываешь.

— Какая чушь! Скажешь тоже.

— Ну, так что же она говорила?

— Катерина сказала еще одной там девушке: «Вот приедет Анна Шееле, у нас дела пойдут веселей. Она все возьмет в свои руки».

— Эдвард, это страшно важно.

— Да я даже и не ручаюсь, что имя то самое.

— А тогда ты ничего странного не почувствовал?

— Да нет, ничуть. Просто решил, что ждут какую-то даму, которая наведет на всех шороху. Вроде как пчелиная царица. А может, все-таки тебе мерещится, Виктория?

Он тут же дал задний ход, не стерпев ее убийственного взора.

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо согласился он с ней. — Но признайся, что все это выглядит довольно неправдоподобно. Как в приключенческом романе: молодой человек врывается в комнату, успевает только произнести одно ничего не значащее слово — и умирает. Будто все это не взаправду.

— Ты бы видел кровь, — сказала Виктория с легким содроганием.

— Наверно, ты ужасно перенервничала, — сочувственно проговорил он.

— Еще бы, — кивнула Виктория. — И после этого ты еще спрашиваешь, не выдумываю ли я.

— Прости. Но ведь ты большая мастерица на разные выдумки. — Вспомни епископа Лланголуского и кое-что еще.

— Ну, это просто от избытка юной фантазии. Ioie de vivre[89], — возразила Виктория. — А тут совсем другое. Тут серьезно, Эдвард. Очень серьезно.

— Этот тип Дэйкин — так ведь его зовут? — тебе показалось, он знает, о чем говорит?

— Да, то, что он рассказал, вполне убедительно. Послушай, Эдвард, а откуда ты знаешь…

В это мгновенье их окликнули с балкона:

— Подымайтесь скорее! Вас ждут коктейли!

— Идем! — отозвалась Виктория.

Глядя на приближающуюся к лестнице парочку, миссис Клейтон сказала мужу:

— По-моему, тут кое-что намечается. Такие милые дети, должно быть, у обоих ни гроша за душой. Сказать тебе, что я думаю, Джеральд?

— Конечно, дорогая. Твои мысли меня всегда интересуют.

— Я думаю, что эта девушка приехала на раскопки к своему дяде исключительно ради этого юноши.

— Ну нет, Роза, не может быть. Они ведь так удивились, когда встретились.

— Подумаешь! — сказала миссис Клейтон. — Это абсолютно ничего не значит. Да, он, пожалуй, действительно удивился.

Джеральд Клейтон с улыбкой покачал головой.

— Она совсем не похожа на археологическую девицу, — продолжала развивать свою мысль миссис Клейтон. — Они такие серьезные, в очках и, как правило, с потными руками.

— Дорогая моя, нельзя так обобщать.

— Интеллектуальные, начитанные, — не отступалась она. — А эта девушка — миленькая дурочка, и у нее уйма здравого смысла. Она совсем не такая, как они. И он славный молодой человек. Жаль, что связался с этой идиотской «Масличной

ветвью», по-видимому, не так-то просто молодому найти работу. Таких юношей после армии работой надо обеспечивать.

— Их стараются обеспечивать, дорогая, что сделать очень непросто. Ведь у них ни образования, ни квалификации, и обычно они совсем не умеют сосредотачиваться.

В ту ночь Виктория легла спать в полном смятении чувств. Цель ее путешествия была достигнута. Эдвард найден! Но наступила неизбежная реакция. На смену азарту пришли апатия и уныние, и Виктория никак не могла с ними сладить.

Во-первых, угнетало, что Эдвард ей не поверил, из-за этого действительно все происшедшее начинало казаться нарочитым и неправдоподобным. Она, Виктория Джонс, простая лондонская машинисточка, прилетела в Багдад, видела почти своими глазами, как убили человека, заделалась тайной агенткой или чем-то в этом же душещипательном роде и, наконец, встретила своего возлюбленного, да не где-нибудь, а под сенью пальм в тропическом саду, кажется, где-то поблизости от того места, где, по мнению знатоков, размещался подлинный сад эдемский[90].

В голову ей пришли строки из детской песенки:

> «Сколько миль до Вавилона?[91]» —
> «Добрых шестьдесят.
> Обернусь ли засветло
> До места и назад?»

Но она назад не поспела, она в Вавилоне.

А может, и никогда не сможет вернуться назад, так в Вавилоне они с Эдвардом и останутся.

Что-то она хотела у Эдварда спросить — там, в саду. В саду Эдемском — они с Эдвардом — спросить у Эдварда — а миссис Клейтон позвала — и вылетело из головы. — Но надо вспомнить — потому что это важно. — Что-то не вязалось. — Пальмы — сад — Эдвард — Сарацинская дева — Анна Шееле — Руперт Крофтон Ли. — Что-то неладно. — Если бы вспомнить…

Навстречу ей по гостиничному коридору идет женщина в хорошо сшитом костюме — это она сама, — но когда поравнялись, у нее оказалось лицо Катерины. Эдвард и Катерина. Нет, глупости. «Идем со мной, — говорит она Эдварду. — Разыщем мосье Лефаржа…» И вот уже он здесь в лимонно-желтых замшевых перчатках, с заостренной черной бородкой.

Эдвард пропал, она осталась одна. Надо поспеть назад из Вавилона, пока не стемнело.

«Близится тьма»[92].

Кто это сказал? Насилие, террор, зло — кровь на драной

гимнастерке. Виктория бежит — бежит — по гостиничному коридору. А они — за ней.

Она проснулась и долго не могла отдышаться.

3

— Кофе? — предложила ей миссис Клейтон. — Вам как жарить яичницу — яйца взбить?

— Да-да, очень хорошо.

— У вас неважный вид. Не заболели?

— Нет, просто плохо спала, неизвестно почему. Кровать такая удобная.

— Включи, пожалуйста, приемник, Джеральд. Сейчас будут последние известия.

Как раз когда пропищало девять, появился Эдвард.

«Вчера вечером в Палате общин премьер-министр доложил свежие подробности о сокращении долларового импорта.

По сообщению из Каира, здесь был обнаружен в Ниле труп сэра Руперта Крофтона Ли (Виктория со стуком поставила на блюдце чашку с кофе; миссис Клейтон вскрикнула). Сэр Руперт вышел из гостиницы вскоре по прибытии самолетом из Багдада и ночевать не вернулся. Через двадцать четыре часа был найден его труп. Причиной смерти был удар ножом в сердце. Сэр Руперт был знаменитым путешественником, он пересек Китай и Белуджистан и был автором нескольких книг».

— Убийство! — воскликнула миссис Клейтон. — По-моему, сейчас нет места хуже, чем Каир. Ты что-нибудь знал об этом, Джерри?

— Знал об его исчезновении, — ответил мистер Клейтон. — Он получил записку с нарочным и поспешно ушел из гостиницы пешком, никому не сообщив, куда направляется.

— Вот видишь, — сказала Виктория Эдварду после завтрака, когда они остались вдвоем. — Все оказалось чистая правда. Сначала этот парень Кармайкл, теперь сэр Руперт Крофтон Ли. Мне очень жаль, что я назвала его спесивым. Сейчас это звучит жестоко. Всех, кто хоть что-нибудь знает об этом странном деле, убирают с дороги. Эдвард, как ты думаешь, может, следующая очередь — моя?

— Кажется, тебя это очень радует? Любишь ты драматизировать, ей-богу. Зачем кому-то тебя убирать, ведь ты же на самом деле ничего не знаешь, — но прошу тебя, пожалуйста, будь как можно осторожнее.

— Нам обоим надо быть осторожнее. Я ведь и тебя тоже

втянула.

— Ну, это пустяки. Зато не так скучно.

— Это-то да. Но ты все-таки поостерегись, ладно? — Она поежилась. — Ужасно как-то, был человек такой живой, я про Крофтона Ли, и вот теперь его тоже убили. Можно испугаться, по-настоящему испугаться.

Глава 16

1

— Нашли своего приятеля? — спросил мистер Дэйкин.

Виктория кивнула.

— А больше ничего?

Виктория сокрушенно покачала головой.

— Ну ничего, не вешайте нос, — сказал мистер Дэйкин. — Помните, в нашей игре определенных результатов добиваешься редко. Вы могли случайно набрести на что-нибудь, всякое бывает, но я не строил на этом никаких расчетов.

— Можно я еще попробую?

— А вам хочется?

— Да. Эдвард собирается меня устроить на работу в «Масличную ветвь». И если я там буду начеку, может, что-нибудь и обнаружу, мало ли, ведь верно? Там знают Анну Шееле.

— Вот это уже интересно, Виктория. Откуда вы узнали?

Виктория передала ему рассказ Эдварда про то, как Катерина сказала, что вот приедет Анна Шееле и все возьмет в свои руки.

— Очень интересно, — повторил мистер Дэйкин.

— А кто она, эта Анна Шееле? — спросила Виктория. — Что-то же вам о ней должно быть известно? Или это просто вымышленное лицо?

— Нет, не вымышленное. Она — доверенный секретарь одного американского банкира, главы международной банковской корпорации. Десять дней назад она выехала из Нью-Йорка и прибыла в Лондон. После чего пропала.

— Пропала? Но она жива?

— Если и нет, то, во всяком случае, ее тело обнаружено не было.

— Но возможно, что ее нет в живых?

— Вполне возможно.

— А она не собиралась в Багдад?

— Не имею понятия. Из слов этой девушки по имени Катерина следует, что собиралась. Или, правильнее сказать, собирается, ведь у нас нет оснований считать ее мертвой.

— Может быть, я в «Масличной ветви» смогу еще что-нибудь узнать.

— Может быть. Но я опять предостерегаю вас, Виктория, будьте осторожны. Организация, против которой вы хотите работать, действует беспощадно. Было бы крайне нежелательно,

чтобы ваш труп выловили из Тигра.

Виктория поежилась и пробормотала:

— Как сэра Руперта Крофтона Ли. А знаете, в то утро, когда он сидел в отеле «Тио» на балконе, в нем было что-то странное, что-то меня удивило, но никак не могу вспомнить что…

— Странное? В каком смысле?

— В смысле — какое-то не такое. — Отвечая на его вопросительный взгляд, она досадливо покачала головой. — Позже, наверно, вспомню. Да я думаю, это не важно.

— Тут все может быть важно.

— Если Эдвард устроит меня на работу, он считает, мне нужно будет снять комнату, как сделали другие девушки, у них там есть что-то вроде пансиона или общежития. Чтобы я не оставалась здесь.

— Да, так вы привлечете меньше внимания. Багдадские гостиницы очень дорогие. У вашего приятеля, похоже, есть голова на плечах.

— Хотите с ним познакомиться?

Дэйкин покачал головой.

— Нет, нет! Скажите ему, чтобы он держался от меня как можно дальше. Вы, как ни печально, после той ночи, когда погиб Кармайкл, по-видимому, находитесь под подозрением. Но Эдвард с тем событием никак не связан, и со мной тоже. Это ценно.

— Я все время хотела вас спросить: кто же все-таки ударил Кармайкла ножом? Какой-то человек, который выследил его и пробрался в гостиницу?

— Нет, — задумчиво проговорил Дэйкин. — Это исключено.

— Почему же?

— Он приплыл на гуфа, это местная лодка, и хвоста за ним не было. Мы это знаем, потому что мои люди держали берег под наблюдением.

— Значит, кто-то в гостинице?

— Да, Виктория. И даже более того, кто-то именно в этом корпусе, я сам сторожил у лестницы, и никто не поднимался.

Он бросил взгляд на ее обескураженное лицо и спокойно продолжал:

— Тем самым у нас очень небольшой выбор. Вы, я, миссис Кардью Тренч, Маркус со своими сестрами. Несколько престарелых слуг, которые работают здесь много лет. Некто Харрисон, прибывший из Киркука и ни в чем подозрительном не замеченный. Медицинская сестра, работающая в Еврейском лазарете… Это может быть любой из перечисленных людей. Может быть, но есть одно очень веское соображение против.

— Какое?

— Кармайкл был настороже. Он знал, что приближается решающая минута. Он был очень чуток к опасности. Как же он мог, с его-то чуткостью, так подставиться?

— Может быть, те полицейские?.. — высказала предположение Виктория.

— Да нет. Они явились уже потом. С улицы. По-видимому получили какой-то сигнал. Но сами нанести удар не могли. Нет, удар, вероятно, нанес кто-то из своих, кого Кармайкл хорошо знал и… или же тот, кто, на его взгляд, не мог представлять опасности. Если бы только выяснить…

2

Вслед за радостью свершения всегда наступает спад. Добраться до Багдада, разыскать Эдварда, проникнуть в тайны «Масличной ветви» — это были захватывающие задачи. По теперь, достигнув цели, Виктория в редкие минуты самоанализа стала задаваться вопросом: а что она, собственно, тут делает? Восторг встречи с Эдвардом наступил и прошел. Ну хорошо, она любит Эдварда, и Эдвард любит ее. Они работают в одном учреждении — но если рассудить на холодную голову, чем они тут, в сущности, занимаются?

Каким-то образом, то ли хитрыми доводами, то ли простым нахрапом, но Эдварду удалось устроить Викторию на низкооплачиваемую работу в «Масличную ветвь». Все свое рабочее время она должна была просиживать в темной комнатушке и при электрическом свете печатать на неисправной машинке разные объявления, письма, антиалкогольные манифесты и программы «Масличной ветви». У Эдварда было, как он говорил, смутное ощущение, что в «Масличной ветви» что-то не так. И Дэйкин, похоже, был с ним в этом согласен. Она, Виктория, находилась там для того, чтобы выяснить по возможности, в чем дело. Но у нее складывалось такое впечатление, что выяснять просто нечего! «Масличная ветвь» благоухала одним только миром[93] во имя всеобщего мира. Устраивались какие-то сборища, на которых подавали вместо спиртного апельсиновый сок и к нему — малоаппетитную закуску; и Виктория на этих «приемах» должна была играть как бы роль хозяйки: всех со всеми знакомить, поддерживать разговор, укреплять чувства взаимного доброжелательства между представителями разных наций, хотя эти представители только и знали, что враждебно пялились друг на друга и жадно пожирали угощение.

И никаких подводных течений, заговоров, групповщины Виктория там не замечала. Все тихо-мирно, все в открытую, безвредно, безалкогольно и скучно — нет сил. Некоторые смуглокожие парни делали робкие попытки поухаживать за ней, другие давали ей книжки почитать, она их пролистывала и откладывала: тягомотина. Из отеля «Тио» она съехала и сняла комнату в доме на западном берегу реки, где жили также и другие сотрудницы «Масличной ветви», и среди них Катерина, которая, бесспорно, поглядывала на Викторию с подозрением, но почему — подозревала ли она Викторию в шпионстве, или же ее занимали более тонкие материи: чувства Эдварда, — этого Виктория пока еще не могла с определенностью сказать. Скорее всего — второе. Все знали, что место Виктории выхлопотал Эдвард, и несколько пар ревнивых черных глаз провожали ее довольно недружелюбно.

Все дело в том, считала Виктория, что Эдвард чересчур привлекательный. И все девчонки в него влюбились. Да еще эта манера его с каждой по-дружески поговорить, полюбезничать. От этого, конечно, только хуже. Между собой они с Эдвардом сговорились не показывать виду, что у них особые отношения. Если им удастся обнаружить что-то важное, надо, чтобы никто не подозревал, что они работают заодно. И Эдвард обращался с ней точно так же, как и с остальными, даже чуточку холоднее.

«Масличная ветвь» представлялась Виктории учреждением совершенно невинным, но зато с его главой и основателем, она чувствовала, дело обстояло иначе. Раза два ей случилось перехватить направленный на нее внимательный, загадочный взгляд доктора Ратбоуна, и, хотя она сразу придавала своему лицу самое глупенькое, кокетливое выражение, сердце у нее екало от какого-то чувства, похожего на страх.

А один раз, когда она была призвана пред его высочайшие очи (в связи с допущенной опечаткой), дело зашло дальше взглядов.

— Вы, я надеюсь, довольны вашей работой у нас? — спросил он.

— О да, конечно, сэр, — ответила Виктория. И добавила: — Мне очень жаль, что я делаю столько ошибок, когда печатаю.

— Ошибки — это пустяк. Бездушные автоматы нам не нужны. Что нам нужно, так это молодой задор, щедрость души и широта взглядов.

Виктория постаралась придать себе вид задорный и щедрый.

— Важно, чтобы свою работу вы любили… любили ту цель, к которой мы стремимся… чтобы верили в наше светлое будущее. Вы искренне испытываете эти чувства, дитя мое?

— Для меня тут столько нового, — пролепетала Виктория. — Я чувствую, что еще не все понимаю.

— Объединиться! Объединиться молодежи всех стран — вот главная мысль. Вам нравятся наши вечера дружбы и свободных дискуссий?

— О да! — ответила Виктория, с трудом их переносившая.

— Единомыслие вместо разногласий — братство вместо вражды! Медленно, но верно растет единство! Вы это чувствуете? Правда?

Виктории вспомнились постоянная мелкая зависть, вспышки взаимной антипатии, бесконечные дрязги, обиды, равнодушные извинения. Она просто не знала, как надо ответить. И сказала наугад:

— Иногда бывает трудно с людьми.

— Знаю… знаю, — вздохнул доктор Ратбоун. Его высокий благородный лоб прорезали недоуменные морщины. — Я слышал, что Майкл Ракуньян ударил Айзека Наума и разбил ему губу в кровь?

— Это у них была свободная дискуссия, — объяснила Виктория.

Доктор Ратбоун погрустнел и задумался.

— Терпение и вера, — тихо пробормотал он. — Терпение и вера.

Виктория выразила почтительное согласие и пошла к выходу. Но спохватилась, что оставила у него на столе лист машинописи, и вернулась назад. Взгляд, которым встретил ее доктор Ратбоун, поразил ее. В нем было столько хитрости и подозрительности, ей поневоле подумалось, что — кто его знает? — не держит ли он ее под пристальным наблюдением, и вообще, что он на самом деле о ней думает?

Инструкции от Дэйкина Виктория получила очень четкие. Если ей надо будет что-то сообщить, она должна соблюдать некие строгие правила связи. Он дал ей старый оранжевый платок, и когда у нее будет готово для него сообщение, то надо пойти с этим платком вроде бы на прогулку к реке неподалеку от пансиона, где она жила вместе со всеми. Она часто прогуливалась там на закате. Вдоль берега примерно с четверть мили шла тропинка, и в одном месте к самой воде спускалась широкая лестница. Там постоянно причаливали лодки. Из воды торчали причальные столбы, наверху одного из них торчал большой ржавый гвоздь, и вот на этот гвоздь она должна нацепить лоскутик от оранжевого платка, если ей нужна связь с Дэйкином. Но до сих пор, с горечью думала Виктория, ни в чем этом не было нужды. Она просто сидела в «Масличной ветви» и плохо

выполняла плохо оплачиваемую работу. С Эдвардом виделась редко, потому что он все время где-то разъезжал по делам доктора Ратбоуна. Сейчас, например, только что вернулся из Персии. За время его отсутствия у нее состоялась одна краткая и не слишком приятная встреча с Дэйкином. Согласно инструкции она пришла в отель «Тио» и справилась, не оставила ли она там вязаную кофточку. Ей ответили, что нет, но в эту минуту появился Маркус, повел ее на террасу над рекой, усадил за столик, предложил разные напитки. Тем временем с улицы, шаркая подошвами, поднялся Дэйкин, Маркус пригласил его присоединиться, а вскоре был вызван по неотложным делам; и Виктория с Дэйкином, попивающим лимонад, остались за столиком с глазу на глаз.

Виктория смущенно призналась, что никаких успехов у нее нет. Но Дэйкин благодушно ее успокоил:

— Моя милая, вы ведь даже не знаете, что ищете и есть ли там вообще что искать. В общих чертах, какое у вас впечатление от «Масличной ветви»?

— Глупость сплошная, и больше ничего, — подумав, сказала Виктория.

— Глупость — да. Но не обман?

— Даже не знаю, — неуверенно ответила Виктория. — Люди так легко покупаются на культуру, если я понятно выражаюсь.

— Вы хотите сказать, что в культурных организациях с большим доверием относятся к людям, чем в благотворительных или финансовых? Это верно. И в культуре, я убежден, работает немало искренних энтузиастов. Но не используется ли «Масличная ветвь» как прикрытие?

— Кажется, там идет замаскированная коммунистическая деятельность, — без уверенности ответила Виктория. — И Эдвард тоже так думает. Он заставляет меня читать Карла Маркса, и чтобы все видели. Посмотрим, как они будут реагировать.

Дэйкин кивнул.

— Очень интересно. Ну и как? Реагируют?

— Пока нет.

— А что вы скажете насчет Ратбоуна? Он-то не замаскированный?

— Лично я думаю, что нет…

— Понимаете ли, прежде всего меня заботит именно он, — пояснил Дэйкин. — Видная фигура. Допустим, там у вас и вправду действуют коммунистические заговорщики. Но студентам и молодым революционерам сложно получить доступ к президенту. А против бомбометателей на улице будут приняты полицейские меры. Другое дело — Ратбоун. Он принадлежит к

высоким сферам, знаменитость, прославленный борец против пороков. Может запросто общаться с ожидаемыми важными гостями. Его, наверно, будут приглашать. Мне бы хотелось побольше знать о Ратбоуне.

«Да, — подумала Виктория, — корень зла, конечно, в Ратбоуне». Когда Эдвард при первой их встрече в Лондоне сказал, что с этой фирмой, куда он поступил работать, «не все в порядке», он, конечно, имел в виду своего шефа. Наверно, какой-то эпизод, какая-то обмолвка, впоследствии, задним числом, вызвали у Эдварда ощущение неблагополучия. По понятиям Виктории, именно так работает наше сознание. Всякие смутные предчувствия, неясные сомнения возникают не сами по себе, а имеют реальную причину. Поэтому если заставить теперь Эдварда хорошенько сосредоточиться, перебрать в памяти все, что и как было, можно будет еще докопаться до того происшествия или обстоятельства, которое возбудило его подозрения. И то же самое — она сама. Ей тоже надо постараться вспомнить, что ее так удивило, когда она вышла на балкон в «Тио» и увидела сидящего на солнышке сэра Руперта Крофтона Ли. Конечно, она не ожидала, что он вместо посольства поселится в отеле «Тио», но это не могло ее так поразить, нет, она что-то увидела, а что?.. Надо будет ей еще и еще повспоминать то утро, и Эдварда надо уговорить, чтобы он припомнил, как начиналось их знакомство с Ратбоуном. При первой же возможности, когда они останутся наедине, она ему это внушит. Но не так-то просто улучить минуту наедине с Эдвардом. Сначала он отпросился в Персию. Теперь, правда, вернулся, но в «Масличной ветви» переговорить по секрету невозможно, там в самую пору было бы повесить на каждой стенке знаменитое предостережение времен минувшей войны: «Les oreilles enemies vous ecoutent»[94]. В армянском доме, куда ее приняли в качестве платной жилицы, уединиться тоже немыслимо. Ради такого общения, ей-богу, можно было не лететь в Багдад, а оставаться в Лондоне, думала Виктория.

Впрочем, вскоре ей выпал случай убедиться, что все-таки это не совсем так.

Эдвард принес ей для перепечатки какие-то бумаги и сказал:

— Виктория, доктор Ратбоун просит напечатать это немедленно, вне очереди. И обратите особое внимание на вторую страницу, там есть довольно сложные арабские имена.

Виктория со вздохом вставила лист в машинку и лихо затарахтела всеми пальцами. Почерк у доктора Ратбоуна был довольно разборчивый, и она вскоре уже отложила первую страницу, довольная тем, что сделала даже меньше ошибок, чем обычно. Но, взявшись за следующую страницу, сразу поняла, что

подразумевал Эдвард, советуя обратить на вторую страницу особое внимание. К ней была приколота маленькая записочка, написанная его рукой: *«Завтра утром в одиннадцать пойди гулять по берегу Тигра мимо Бейт Малик Али».*

Завтра была пятница, местный выходной день. Настроение у Виктории сразу подскочило, как ртуть в градуснике. Надо будет надеть бутылочно-зеленый свитерок. И не грех сходить в парикмахерскую помыть голову. В доме, где она жила, не было никаких условий.

— А помыть нужно обязательно, — сказала она себе вслух.

— Что ты сказала? — подозрительно переспросила Катерина, подняв голову от стопки писем и циркуляров.

Виктория быстренько смяла в кулаке записку Эдварда и живо отозвалась:

— Мне нужно голову помыть. А парикмахерские тут ужасно грязные, просто не знаю, куда пойти.

— Грязные и дорогие. Но у меня есть знакомая девушка, которая очень хорошо моет, и полотенца у нее чистые. Я тебя к ней отведу.

— Очень мило с твоей стороны, Катерина, — поблагодарила Виктория.

— Мы пойдем завтра. Завтра выходной.

— Нет, только не завтра, — сказала Виктория.

— Почему не завтра?

Катерина с подозрением вылупила на нее глаза. Виктория снова почувствовала досаду и неприязнь к этой девице.

— Я хочу пойти погулять. Подышать воздухом. Сидишь тут с утра до ночи в духоте.

— Куда ты пойдешь? В Багдаде негде гулять.

— Найду.

— Лучше пошла бы в кино. Или вот лекция интересная будет.

— Нет, я хочу на воздух. У нас в Англии принято ходить на прогулки.

— Подумаешь, у вас в Англии. Чего ты так зазнаешься, что ты англичанка? Ну и что, что англичанка? Мы тут плюем на англичан.

— Если ты вздумаешь на меня плевать, тебя ждет неприятный сюрприз, — сказала Виктория, только диву даваясь, как легко в «Масличной ветви» всегда вспыхивают злые страсти.

— А что ты мне сделаешь?

— Попробуй — увидишь.

— Зачем ты читаешь Карла Маркса? Ты же его не понимаешь. Где тебе. Неужели ты думаешь, что тебя примут в коммунистическую партию? Ты же политически совершенно не

сознательная.

— Хочу и читаю. Это ведь было написано для таких людей, как я, — для трудящихся.

— Ты буржуйка, а не трудящаяся. Ты даже толком печатать на машинке не умеешь. Посмотри, сколько у тебя ошибок!

— Бывают люди высокоинтеллектуальные, а не владеют правописанием, — с достоинством ответила Виктория. — И вообще, как мне работать, когда ты все время болтаешь?

Она со страшной скоростью отбарабанила одну строчку, но спохватилась, что случайно нажала переключатель регистра, и получился ряд восклицательных знаков, цифр, скобок. Пришлось вытянуть лист, вставить новый и взяться за дело всерьез. Допечатав, Виктория встала и понесла свое произведение доктору Ратбоуну.

Он мельком проглядел странички, проворчал:

— Шираз в Иране, а не в Ираке, и пишется не Шераз, а Шираз[95], и… да, и не Бабра, а Бадра[96]… да, благодарю вас, Виктория.

Когда она уже повернулась, чтобы уйти, он произнес ей вслед:

— Виктория, скажите: вы довольны своим местом?

— Да, конечно, доктор Ратбоун.

Черные глаза смотрели из-под густых бровей испытующе. Виктории стало немного не по себе.

— К сожалению, жалованье мы вам платим небольшое.

— Это пустяки, — сказала Виктория. — Мне работа нравится.

— В самом деле?

— О да! Здесь чувствуешь, что приносишь настоящую пользу.

Она посмотрела прямо в его черные вопрошающие глаза открытым ясным взором.

— И на жизнь вам хватает?

— Да, вполне. Я живу в одном армянском доме, удобно и дешево. Так что у меня все в порядке.

— Сейчас в Багдаде большая нехватка машинисток-стенографисток, — сказал доктор Ратбоун. — Я могу подыскать вам лучше оплачиваемое место.

— Но мне не надо другого места.

— Было бы, наверно, разумнее с вашей стороны согласиться.

— Разумнее? — падая духом, переспросила Виктория.

— Именно так. Считайте, что я вас предупредил. Дал совет.

В его голосе послышались даже слегка угрожающие нотки. Широко открытые глаза Виктории выразили недоумение.

— Мне кажется, я вас не совсем понимаю, доктор Ратбоун.

— Иногда разумнее не соваться туда, где ничего не

понимаешь.

Угрожающие нотки стали еще слышнее, но Виктория не отводила от него кукольно-наивного взора.

— Зачем вы к нам поступили, Виктория? Из-за Эдварда?

Она вспыхнула и сердито ответила:

— Вовсе нет.

Ее возмущение было беспредельно. Доктор Ратбоун кивнул.

— Эдварду еще предстоит пробиться. Пройдет довольно много лет, прежде чем вы сможете всерьез на него рассчитывать. На вашем месте я бы выкинул Эдварда из головы. И, как я уже говорил, вы сейчас легко найдете себе другую работу, с хорошим жалованьем и с перспективами, притом среди людей, близких вам по духу.

Виктория чувствовала, что он по-прежнему пристально за ней наблюдает. Испытывает, что ли? Она ответила с неискренним энтузиазмом:

— Но мне действительно очень нравится работать в «Масличной ветви», доктор Ратбоун!

Тут он пожал плечами, и она ушла. Но, подходя к двери, ощущала, как его взгляд буравит ей спину.

Этот разговор ее немного встревожил. Что могло возбудить подозрения доктора Ратбоуна? Неужели он догадывается, что она проникла к ним в «Масличную ветвь» со специальным заданием выведать их секреты? От его тона и взгляда на душе у нее было как-то кисло и страшновато. Когда он спросил, не из-за Эдварда ли она здесь, ее разобрало зло, и она решительно ответила, что ничего подобного. Но ведь лучше бы он действительно думал, что причина ее появления в «Масличной ветви» — Эдвард, так гораздо безопаснее, лишь бы не заподозрил, что ее подослал мистер Дэйкин. Впрочем, она так бездарно покраснела, что он тогда, наверно, все-таки ей не поверил, — что Эдвард тут ни при чем. Одним словом, все обернулось к лучшему.

Тем не менее она заснула с неприятным грузиком страха на сердце.

Глава 17

1

Наутро Виктории почти без труда удалось вырваться погулять в одиночку, обошлось только небольшим объяснением. Расспросив сослуживцев, она узнала, что Бейт Малик Али — это большое здание, как пойдешь по западному берегу реки, у самой воды.

До сих пор у нее не было времени осмотреть окрестности, и теперь она приятно удивилась, когда, дойдя до конца узкой улицы, очутилась на берегу реки. Свернув направо, она медленно побрела вдоль высокого обрыва. В некоторых местах наступать было опасно: течением подмыло берег, куски земли обрушились и остались позасыпанные провалы. Один дом стоял ступенями прямо в воде, темной ночью тут опасно: сделаешь лишний шаг — и с головкой в реку. Виктория постояла, вглядываясь в глубину, а потом осторожно обошла дом справа. Дальше вела широкая мощеная дорога. По одну сторону от нее выстроились дома, вид у них был таинственный и самодовольный. В некоторых парадные двери были распахнуты. Виктория заглядывала внутрь и поражалась контрастам. За одной был виден внутренний дворик, бил фонтан, вокруг располагались пуфы и шезлонги, возвышались стройные пальмы, и стеной стоял зеленый сад, точно задник на театральной сцене. И дом рядом, с виду совершенно такой же, а заглянешь внутрь — там все захламлено, набросано, какие-то тесные проходы, темные углы и человек пять грязных и оборванных детишек. После домов пошли густые пальмовые рощи. С левой стороны спускались к реке неровные ступени, внизу в нехитрой туземной лодке сидел лодочник-араб, он что-то крикнул, размахивая руками, должно быть, предлагал перевезти на тот берег. Виктория прикинула, как далеко она уже зашла. Пожалуй, сейчас где-то напротив находится отель «Тио», хотя вид сзади у всех этих гостиничных зданий одинаковый, не отличишь. Виктория пошла по осененной пальмами дороге, мимо двух высотных башен с балконами. За ними оказалось большое богатое строение с парадным портиком, садом и балюстрадой. Оно стояло вплотную к реке, и дорога вела прямо через сад. Это, по-видимому, и был Бейт Малик Али, то есть Дом Али[97].

Виктория продолжала путь. Здесь начинался район победнее. Реку скрыли от глаз частые пальмовые посадки, обнесенные ржавой колючей проволокой. Справа шли облезлые домишки за

низкими глинобитными стенами и совсем крохотные хибарки, вокруг них играли в грязи дети и роились над кучами отбросов мухи. Дорога делала поворот от реки. За поворотом Виктория увидела автомобиль, довольно потрепанный и допотопный. Рядом с автомобилем стоял Эдвард.

— Прекрасно, — сказал Эдвард. — Ты все-таки пришла. Залезай.

— А куда мы едем? — спросила Виктория, с радостью располагаясь на драпом сиденье. Шофер, больше походивший на живую груду тряпья, обернул к ней лицо и жизнерадостно ухмыльнулся.

— Мы едем в Вавилон, — ответил Эдвард. — Нам с тобой давно пора отдохнуть денек вместе.

Автомобиль рывком пришел в движение и энергично запрыгал по грубой мостовой.

— В Вавилон?! — воскликнула Виктория. — Как чудесно звучит: мы едем в Вавилон. Это правда?

Автомобиль вырулил налево, и они покатили но, можно сказать, широкой и даже хорошо мощенной дороге.

— Правда, — ответил Эдвард. — По не ожидай слишком многого, Вавилон уже не тот, что был когда-то, позволь тебе заметить.

Виктория тихонько пропела:

«Сколько миль до Вавилона?» —
«Добрых шестьдесят.
Обернусь ли засветло
До места и назад?»

Я любила эту песенку, когда была совсем маленькая. Так интересно казалось. И надо же, теперь мы на самом деле едем в Вавилон!

— Да, и обернемся засветло. Должны, во всяком случае, обернуться. В этой стране трудно рассчитывать наверняка.

— У автомобиля такой вид, как будто вот-вот случится авария.

— Очень возможно. В этих драндулетах все не слава Богу. Но иракцы такой народ, они потрясающе ловко выходят из положения: подвяжут веревочкой, скажут «иншалла» — и поехали дальше.

— Они во всем полагаются на волю Аллаха, да?

— А как же, самое милое дело — перекладывать ответственность на Всевышнего.

— И дорога, по-моему, не очень хорошая? — едва выговорила

Виктория, подлетая чуть не до крыши автомобиля. Широкая и, можно сказать, хорошо мощенная дорога не оправдала ее ожиданий. Она осталась широкой, но была вся в рытвинах и ухабах.

— Дальше будет еще хуже, — прокричал Эдвард.

Так они и ехали, весело переваливаясь и подпрыгивая в облаках пыли. Мимо, по самой середине дороги, не обращая внимания на их клаксон, проносились тяжелые грузовики, обвешанные арабами. Убегали назад сады за глинобитными оградами, женщины, дети, ослы. Все это было для Виктории ново, все складывалось в одно упоительное переживание: она едет в Вавилон, и рядом с ней — Эдвард!

Часа через два, встрепанные и в синяках, они добрались до Вавилона.

Бесформенные груды раскрошенной глины и обгорелых кирпичей поначалу разочаровали Викторию. Она ожидала чего-то наподобие колонн и арок Баальбека[98], которые видела на фотографиях. По когда они в сопровождении гида побродили по развалинам, перелезая через кучи старой глины и горелого кирпича, разочарование понемногу улеглось. Многословные ученые разъяснения она слушала вполуха, однако, проходя Дорогой процессий[99] к воротам богини Иштар[100], где с высоких стен на них смотрели полустертые временем барельефы диковинных зверей, она вдруг живо ощутила величие старины, и ее потянуло побольше узнать об этом огромном гордом городе, который лежит теперь вокруг них мертвый и заброшенный. Потом, отдав дань поклонения Древности, они присели под Вавилонским львом отдохнуть и подкрепиться пищей из корзинки, которую захватил Эдвард. Гид, умильно улыбаясь, оставил их вдвоем, только повторил на прощание, что они обязательно должны еще потом побывать в музее.

— Обязательно? — усомнилась разморенная Виктория. — По-моему, предметы, снабженные ярлыками и запертые в стеклянные витрины, уже становятся какими-то ненастоящими. Я ходила один раз в Британский музей, и это было ужасно, а ноги так устали, просто жуть!

— Прошлое вообще скучная штука, — сказал Эдвард. — Гораздо важнее — будущее.

— Нет, вот это — вовсе не скучное. — Виктория обвела надкусанным сандвичем панораму кирпичных развалин. — Туг чувствуется… величие. Как это в стихотворении? «Когда был ты царь Вавилонский, а я — христианка-раба»[101]. Может, правда так было. У нас с тобой.

— По-моему, в Вавилоне уже не было царей при

христианах, — сказал Эдвард. — Кажется, Вавилон кончился где-то лет за пятьсот или шестьсот до Рождества Христова. К нам то и дело приезжают археологи с лекциями на эти темы, но у меня их даты в голове не держатся, греческие и римские — другое дело.

— А ты хотел бы быть царем Вавилона, Эдвард?

Эдвард набрал полную грудь воздуха и признался:

— Да. Хотел бы.

— Тогда будем считать, что так и было. А сейчас ты в другом воплощении.

— В те времена люди понимали, что это значит: Царь. Потому и умели править миром и наводить порядок.

— А вот я не уверена, что хотела бы оказаться рабой, — серьезно подумав, сказала Виктория. — Христианкой или нехристианкой, все равно.

— Прав был Мильтон, — кивнул Эдвард. — Лучше царствовать в Преисподней, чем рабствовать в Раю[102]. Я всегда восхищался его Сатаной.

— А я до Мильтона так и не доучилась, — покаялась Виктория. — Только ходила смотреть «Комус»[103] в «Седлерс Уэллс»[104], и это такая красота! Марго Фонтейн[105] танцевала, похожая на ледяного ангела.

— Если бы ты была рабыня, Виктория, — сказал Эдвард, — я бы тебя освободил и взял в свой гарем, вон туда.

Он показал пальцем в сторону развалин. У Виктории сверкнули глаза.

— Кстати о гареме… — начала она.

— Как твои отношения с Катериной? — поспешно перебил ее Эдвард.

— Откуда ты узнал, что я подумала про Катерину?

— А что, ведь угадал? Нет, правда, Викки, я хочу, чтобы вы с Катериной дружили.

— Не называй меня Викки.

— Хорошо, Черинг-Кросс. Я хочу, чтобы вы с Катериной подружились.

— Надо же, какие мужчины все безмозглые. Обязательно им, чтобы их знакомые девушки хорошо друг к другу относились.

Эдвард, который лежал, сцепив ладони под головой, сел.

— Ты все неправильно поняла, Черинг-Кросс. И разговоры твои про гарем просто дурацкие.

— Ничуть не дурацкие. Все эти девицы так на тебя пялятся, прямо едят глазами. Меня это бесит.

— Ну и чудесно, — сказал Эдвард. — Мне нравится, когда ты бесишься. Но вернемся к Катерине: почему я хочу, чтобы ты с ней подружилась? Потому что именно через нее, я убежден, можно

будет добраться до всего того, чем мы интересуемся. Она явно что-то знает.

— Ты вправду так думаешь?

— Вспомни ее слова про Анну Шееле, которые я случайно услышал.

— Да, я совсем забыла.

— А как у тебя с Карлом Марксом? Результаты есть?

— Да нет, никто ко мне не бросился и не пригласил присоединиться к пастве. А Катерина вчера даже сказала, что меня вообще не примут в партию, потому что я политически совершенно не сознательная. Ей-богу, Эдвард, читать это занудство у меня в самом деле мозгов не хватает.

— Так ты политически несознательная? — рассмеялся Эдвард. — Бедняжка Черинг-Кросс! Ну и ладно, Катерина, может быть, и умная до невозможности, и горит огнем борьбы, и политическое развитие у нее высокое, а мне все равно нравится одна простенькая машинисточка из Лондона, которая не в состоянии напечатать без ошибки и слова, если в нем больше двух слогов.

Виктория вдруг помрачнела. Шутка Эдварда напомнила ей странный разговор, который у нее произошел с доктором Ратбоуном. Она рассказала о нем Эдварду. И он принял его гораздо ближе к сердцу, чем она ожидала.

— Дело серьезное, Виктория. Очень серьезное. Постарайся вспомнить дословно, что он говорил.

Виктория как смогла точно воспроизвела слова Ратбоуна.

— Но только я не понимаю, чего ты так забеспокоился?

— Как чего? — немного рассеянно отозвался Эдвард. — Они же… это… выходит, они дознались насчет тебя.

И предупреждают, чтобы ты не совалась. Нет, не нравится мне это, Виктория, совсем даже не нравится.

Он помолчал. А потом с тревогой в голосе объяснил:

— Коммунисты, моя милая, они совершенно беспощадные люди. У них такая вера, чтобы не останавливаться ни перед чем. Я не хочу, чтобы тебя стукнули по голове и сбросили в воды Тигра, дорогая.

«Как это странно, — подумалось Виктории, — сидеть на развалинах Вавилона и рассуждать о том, не стукнут ли тебя по голове и не сбросят ли в воды Тигра». Глаза у Виктории начали слипаться. «Вот проснусь, — думала она сквозь дрему, — и окажется, что я в Лондоне и мне снится страшный Вавилон». Веки ее сомкнулись. «Конечно, я в Лондоне… Сейчас зазвенит будильник… Надо будет вставать и ехать в контору мистера Гринхольца, а никакого Эдварда нет…»

При этой последней мысли Виктория поспешила разлепить веки, надо же было удостовериться, что Эдвард никуда не делся. (А что я собиралась у него спросить тогда в Басре, но нас перебили, и потом я забыла?..) Но все было — явь. Совершенно не по-лондонски сияло ослепительное солнце, над выбеленными зноем развалинами Вавилона слегка дрожал воздух, вокруг высились темные стволы пальм, а рядом, затылком к ней, сидел Эдвард. Как красиво спускаются ему на шею волосы, мыском по ложбинке. И какая красивая шея, бронзовая от загара, чистая — ни пятнышка, ведь у мужчин так часто бывают прыщики на шее, где натирает воротник, например, у сэра Руперта зрел на шее нарыв.

И вдруг Виктория с глухим возгласом приподнялась. Сонных грез как не бывало. Она чуть не задохнулась от волнения.

Эдвард обернулся и вопросительно посмотрел на нее.

— В чем дело, Черинг-Кросс?

— Я вспомнила! Про сэра Руперта Крофтона Ли!

Поскольку взгляд Эдварда по-прежнему выражал недоумение, она сделала попытку разъяснить свою мысль, что, по совести сказать, получилось у нее не слишком вразумительно.

— У него был такой нарывчик, — сказала она. — На затылке.

— Нарывчик на затылке? — ничего не поняв, повторил Эдвард.

— Да, в самолете. Понимаешь, он сидел впереди меня, капюшон этот свой дурацкий откинул, и я видела. У него зрел фурункул.

— Ну и что? Болезненная, конечно, штука, но мало ли у кого они бывают.

— Да-да, вот именно. Но дело в том, что в то утро на балконе его не было.

— Чего не было?

— Да нарыва же. Эдвард, ну пожалуйста, постарайся понять. В самолете у него был нарыв, а на балконе в «Тио» не было. Был совершенно чистый и гладкий затылок, вроде твоего.

— Прошел, наверно.

— Нет, Эдвард, не мог он так бесследно пройти на следующий день. Он же только зрел. И вдруг зажил, не осталось даже пятнышка? Так не бывает. А это, ты понимаешь, что значит? Да-да, точно! Выходит, что тот человек в «Тио» был вовсе не сэр Руперт.

Виктория энергично кивнула в подтверждение собственных слов. Эдвард вытаращил глаза.

— Ты что, спятила, Виктория? Конечно, это был сэр Руперт. Ты же больше никакой разницы не заметила?

— Как ты не понимаешь? Я ведь его по-настоящему не разглядела. Только общее впечатление осталось: шляпа, плащ, фанфаронские замашки. Такого типа изобразить ничего не стоит.

— Все равно в посольстве бы узнали.

— Но он ведь не в посольстве остановился, верно? Он приехал в отель «Тио». А встречал его какой-то секретарь, мелкая сошка. Посол сейчас в Англии. И потом, он же путешественник, его в Англии почти и не видели.

— Но зачем…

— Из-за Кармайкла, вот зачем. Кармайкл должен был встретиться с ним в Багдаде и передать ему то, что удалось разведать. Но они не были лично знакомы. Откуда Кармайклу было знать, что это не тот человек? Он ничего не заподозрил, доверился. И… ну да, конечно, это сэр Руперт Крофтон Ли (фальшивый) вонзил ему нож в грудь! Ах, Эдвард, все сходится одно к одному!

— Не верю ни единому слову. Ты с ума сошла. Не забывай, что сэр Руперт был потом убит в Каире.

— Там это все и произошло. Я только теперь поняла. Ой, Эдвард, какой ужас! И главное, произошло прямо у меня на глазах.

— У тебя на глазах? Виктория, ты совсем умом повредилась?

— Ничего я не повредилась Вот послушай. Сначала постучали в мою дверь — это было в гостинице «Гелиополис» — а может, мне показалось, что это ко мне, но я выглянула в коридор. Стучали в дверь к сэру Руперту, следующую по коридору. Стучалась одна из стюардесс, или проводниц, не знаю, как их правильно называют в авиации. Она попросила его зайти по какому-то делу в Дирекцию авиалинии, в конце коридора. Я почти сразу после этого вышла из номера, иду мимо двери с дощечкой «Британские заграничные авиалинии», а она распахнулась, и вышел сэр Руперт. Я еще, помню, подумала, что ему сообщили какое-то важное известие, и у него даже походка изменилась. Теперь понимаешь, Эдвард? Там была ловушка, его ждал двойник, уже наготове, он только вошел, его трахнули по голове, а тот вышел и подменил его. Я думаю, они держали его где-то в Каире, может даже, там же в гостинице, изобразили из него инвалида, одурманили наркотиками, а в нужный момент убили, когда двойник возвратился в Каир.

— Увлекательная история, — сказал Эдвард. — Но признайся честно, Виктория, ты ведь это все сочинила, да? Нет же ни малейших доказательств.

— А фурункул?

— К черту фурункул!

— Но есть и еще кое-что.

— Например?

— Например, дощечка «Британские заграничные авиалинии» на двери. Потом она пропала. Я помню, изумилась, когда контора оказалась совсем на другой стороне вестибюля. Это — одно. Но есть и другое. Та стюардесса, что стучалась к нему. Я ее после еще раз видела — здесь, в Багдаде, — и мало того, в «Масличной ветви». В первый день, когда я туда забрела. Она пришла и разговаривала с Катериной. Я тогда подумала, что откуда-то мне ее лицо знакомо.

И в заключение, выдержав паузу, Виктория сказала:

— Так что ты должен признать, Эдвард, это вовсе не выдумки.

Эдвард многозначительно проговорил:

— Опять «Масличная ветвь», и опять Катерина. Виктория, хватит валять дурака, тебе действительно необходимо сблизиться с Катериной. Подольстись к ней, задобри, поговори как коммунистка с коммунисткой. Любыми способами ты должна с ней подружиться, чтобы разузнать, кто ее друзья, где она бывает и с кем связана вне «Масличной ветви».

— Мне это будет нелегко, — вздохнула Виктория. — Но постараюсь. А как насчет мистера Дэйкина? Скажем ему?

— Ну конечно. Но лучше повременить день-другой. К тому времени, возможно, еще кое-что вскроется. Я в ближайший вечер должен сводить Катерину в кабаре «Ле Селект», — жертвенно произнес Эдвард.

И Виктория на этот раз не ощутила ни малейшего укола ревности. Мрачная решимость в его гоне явно свидетельствовала о том, как тяжела ему эта жертва.

2

Обрадованная своими открытиями, Виктория на следующее утро легко заставила себя проявить по отношению к Катерине бездну дружелюбия. Как это мило со стороны Катерины, сказала она, что та предложила отвести ее помыть голову! У нее волосы просто в ужасном состоянии. (Это была истинная правда: из Вавилона она возвратилась не брюнеткой, а до рыжины запудренной липкой красной пылью.)

— Да, вид действительно безобразный, — подтвердила Катерина, злорадно оглядывая ее голову. — Ты что, вчера во время пыльной бури гулять ходила?

— Я наняла автомобиль и поехала смотреть Вавилон, —

ответила Виктория. — Было очень интересно, но на обратном пути поднялась эта пыльная буря, и я чуть не задохнулась и не ослепла.

— Вавилон — это интересно, — сказала Катерина. — Но надо было поехать со знающим человеком, чтобы все объяснял. А мыть голову я тебя отведу к знакомой армянке сегодня вечером. Она тебе вымоет с шампунем, самым лучшим.

— Даже не представляю, как тебе удается всегда ходить с такой красивой прической! — умильно произнесла Виктория, с показным восхищением оглядывая массивную конструкцию из сальных локонов, возведенную на голове у Катерины.

Та, всегда такая хмурая, довольно заулыбалась, и Виктория подумала о том, как прав был Эдвард, рекомендуя лесть.

Вечером Виктория и Катерина вышли из «Масличной ветви» закадычными подругами. Катерина долго вела ее по узким, кривым улочкам и переулкам и наконец постучала в неприметную дверь, на которой не было ни надписи, ни таблички. Однако за дверью их встретила деловитая молодая женщина, медленно и правильно говорившая по-английски, она усадила Викторию перед безукоризненно чистой раковиной, оснащенной блестящими кранами и заставленной по краю разнообразными флаконами и бутылками. Катерина ушла, и Виктория вверила свою густую встрепанную шевелюру ловким пальцам мисс Анкумьян. Скоро на голове у нее образовалась пышная шапка мягкой мыльной пены.

— А теперь будьте любезны…

Виктория наклонилась над раковиной. Вода потекла по волосам, с журчанием уходя в отверстие слива.

Вдруг в нос ей ударил сладковатый тошнотворный больничный запах. Кусок мокрой, вонючей ткани плотно закрыл ей нос и рот. Виктория стала отбиваться, извиваясь, вертя головой, но железная рука твердо прижимала лоскут к ее лицу. Она почувствовала, что задыхается, в ушах поднялся оглушительный звон…

А потом — темнота, глубокая и беспросветная.

Глава 18

Когда сознание к ней вернулось, у нее было такое чувство, что прошло очень много времени. В голове плавали какие-то обрывки воспоминаний — тряская езда в машине — громкие ссорящиеся арабские голоса — слепящий луч света в глаза — мучительная дурнота — а потом смутно припомнилось, как она лежит на кровати и кто-то поднял ее руку — болезненный укол — и опять ей что-то мерещится — и обступает тьма — и не проходит, растет беспокойство…

Но теперь она наконец сознает себя… Она — Виктория Джонс… С Викторией Джонс что-то случилось, давным-давно, с тех пор прошли месяцы, может быть, даже годы… хотя возможно, только дни.

Вавилон — солнце — пыль — волосы — Катерина.

Ну конечно, Катерина! Катерина улыбалась и хитро смотрела из-под сальных локонов. Это она отвела Викторию мыть волосы, и потом… Что случилось потом? Кошмарный запах, и теперь тошнит, чуть припомнить. Хлороформ[106], конечно. Ее усыпили и перевезли. Но куда?

Виктория осторожно попробовала приподняться и сесть на жесткой кровати — голова болит и кружится, наваливается сонливость, смертельно хочется спать… Тот укол, это они ее держали под наркозом… она и сейчас еще одурманена.

Но, по крайней мере, ее не убили (интересно почему?). Ну и слава Богу. И самое лучшее, что она может сейчас сделать, — это заснуть. Что она незамедлительно и сделала.

В следующий раз Виктория очнулась уже с более ясной головой. Был день, и при свете она смогла получше рассмотреть помещение, в котором находилась.

Это была тесная комнатушка, но с очень высоким потолком. Стены выкрашены гнетущей голубовато-серой краской. Пол — земляной, плотно убитый. Всей мебели только кровать, на которой она лежала, укрытая грязной ветошью, да хлипкий стол, и на нем щербатый эмалированный таз, а под ним оцинкованное ведро. Единственное окошко забрано снаружи деревянной резной решеткой. Виктория встала с кровати и на нетвердых ногах, пересиливая дурноту, подошла к окошку. Сквозь деревянную резьбу был отлично виден сад и пальмы на заднем плане. Сад, по восточным меркам, очень даже неплохой, хотя, конечно, в пригородах Лондона его бы не оценили — одни ярко-оранжевые ноготки и несколько пыльных эвкалиптов да худосочных тамарисков[107].

По саду гонял мяч ребенок с синей татуировкой на лице и с бесчисленными браслетами на руках и ногах — бегал и напевал что-то тоненько в нос, похоже на отдаленный звук шотландской волынки.

После окна Виктория приступила к осмотру двери. Дверь была большая, массивная. Виктория подошла и на всякий случай толкнула. Заперто, конечно. Девушка вернулась к кровати и села.

Где она находится? Пев Багдаде, это уж точно. И что ей теперь делать?

Последний вопрос, как она тут же сообразила, был неуместен. Правильнее спросить, что сделают с ней? Испытывая неприятный холод внизу живота, Виктория вспомнила совет мистера Дэйкина говорить все, что ей известно. Ну, а если уже все узнали от нее под наркозом?

Впрочем, возвратилась Виктория к единственной мысли, внушавшей бодрость, она ведь жива. И надо только как-то продержаться в живых, пока Эдвард ее не найдет. Что, интересно, сделает Эдвард, когда обнаружит ее исчезновение? Пойдет к мистеру Дэйкину? Или будет действовать в одиночку? Нагонит страху на Катерину и заставит во всем признаться? А вообще-то заподозрит ли он Катерину? Чем больше старалась Виктория представить себе Эдварда в образе своего деятельного спасителя, тем абстрактнее и бледнее он становился. Хватит ли у него сообразительности, вот в чем вопрос. Он, конечно, прелесть. И душка. По как у него с умом-то вообще? Ведь сейчас она очутилась в такой ситуации, когда от его ума, бесспорно, зависит очень многое.

У мистера Дэйкина, у того с умом все в порядке. Зато неясно, будет ли он так уж стараться. Может, просто возьмет да и вычеркнет ее из своего мысленного гроссбуха, проведет черту по всем страницам и аккуратно припишет: RIP[108]. В конце концов, кто она для него? Просто одна из многих. Мало ли сколько их, желающих попытать удачи — не вышло, жаль, но что ж поделаешь. Нет, рассчитывать на то, что мистер Дэйкин затеет розыск, не приходится. Он же ее предостерегал.

И доктор Ратбоун тоже предостерегал. (Или грозил?) А когда она не поддалась на угрозы, они тут же, без задержки, были приведены в исполнение…

Но я ведь пока еще жива, опять напомнила себе Виктория, предпочитавшая видеть во всем перво-наперво светлые стороны.

За дверью раздались шаги, заскрежетал ключ в ржавом замке. Взвизгнули петли, дверь распахнулась. На пороге показался незнакомый араб. Он держал старый жестяной поднос, на котором что-то стояло.

Араб был, похоже, в отличном расположении духа, он широко ухмыльнулся, произнес нечто непонятное по-арабски, а затем поставил поднос, ткнул пальцем в свой разинутый рот и удалился, заперев за собой дверь.

Виктория с интересом приблизилась к подносу. На нем была глубокая миска риса, что-то похожее на скатанные капустные листы и большой ломоть арабского хлеба. Был также кувшин с водой и стакан.

Для начала Виктория выпила полный стакан воды, а затем набросилась на рис, хлеб и капустные листы, в которые оказалось завернуто сдобренное пряностями рубленое мясо. К тому времени, когда на подносе больше ничего не осталось, она чувствовала себя уже значительно лучше.

Теперь она сделала попытку пояснее все осмыслить. Ее усыпили хлороформом и похитили. Как давно это произошло? Трудно сказать. Ей смутно помнились какие-то сны и пробуждения, так что, возможно, прошло несколько дней. Из Багдада ее увезли, но куда? Опять же, откуда ей знать? Не владея арабским, она даже спросить не может. Так что ни места, ни даты, ни имени этих людей не разузнать.

Потянулись часы беспросветной скуки.

Вечером ее тюремщик опять принес поднос с едой. Вместе с ним на этот раз появились две женщины в выцветших черных одеждах и с закрытыми лицами. В комнату они не вошли, а остались стоять за порогом. У одной на руках был ребенок. Они разглядывали ее из-за двери и хихикали, посверкивая глазами сквозь тонкие покрывала. По-видимому, им было очень интересно и забавно видеть европейскую узницу.

Виктория попробовала заговорить с ними по-английски и по-французски, но ответом ей было одно хихиканье. Странно как-то, подумалось ей, женщины, а не могут понять друг друга. Она медленно и с трудом произнесла единственную арабскую фразу, которую знала:

— Эль хамду лиллах[109].

И была сразу же вознаграждена за старания восторженной арабской скороговоркой. Женщины энергично закивали. Виктория шагнула было к ним, но араб-слуга, или кто он там был, поспешно отступил к двери и перегородил ей дорогу. Он жестом отослал женщин прочь и вышел сам, а дверь снова запер. Но перед тем как скрыться, он несколько раз повторил одно слово:

— Букра-букра…

Это слово Виктория слышала и раньше. Оно означало — «завтра».

Она снова села на кровать, стала думать. Завтра? Завтра

должен кто-то приехать или должно произойти какое-то событие. Завтра ее заключению, возможно, придет конец. А может быть, заодно и ей самой? Нет, куда ни кинь, не нравятся ей эти разговоры про завтра. Чует ее сердце, что лучше бы ей завтра здесь не быть.

Но есть ли возможность отсюда выбраться? Она в первый раз всерьез задумалась на эту тему. Подошла к двери, осмотрела. Нет, тут и думать нечего. Замок не из тех, которые можно открыть шпилькой, — не говоря уж о том, что она вообще вряд ли способна открывать замки шпилькой.

Оставалось окно. Окно, как она вскоре убедилась, выглядело не так безнадежно. Деревянная резная решетка на нем, оказывается, вся прогнила. Но, ведь пока будешь обламывать гнилые деревяшки, чтобы можно было протиснуться наружу, произведешь много шума, а на шум неизбежно обратят внимание. Кроме того, комнатка, в которой ее заперли, находится на втором этаже, и, значит, надо будет либо соорудить какую-то веревку, либо прыгать, и тогда запросто можно подвернуть ногу или еще как-нибудь покалечиться. В книгах, припомнила Виктория, веревку связывали, изорвав на ленты простыню. Она с сомнением поглядела на толстое стеганое одеяло и на тряпку, которой была прикрыта, когда очнулась. Ни то, ни другое не годилось. Исполосовать на ленты ватное одеяло ей нечем, а тряпку, правда, изорвать можно, но она такая ветхая, что нипочем не выдержит вес человека.

— Вог черт! — сказала Виктория вслух.

Мысль о побеге представлялась ей все соблазнительнее. Ее тюремщики, судя по всему, — люди простые, для них, если уж тебя посадили под замок, то это окончательно. Что можно убежать, им и в голову не придет: заперли тебя, значит, сиди. Человека, который сделал ей укол и потом добавил ее сюда, в доме сегодня нет, это почти наверняка: он, или она, или они ожидаются «букра» — завтра. А пока Виктория оставлена на попечение местных немудрящих обитателей, которые честно исполняют, что им велено, однако вряд ли способны потягаться с изобретательностью молодой европеянки, подстегиваемой страхом надвигающейся гибели.

— Будем отсюда выбираться, — решила Виктория.

Она подошла к столу и принялась за еду. Надо подкрепить силы. На подносе оказался опять рис, а также апельсины и несколько кусков мяса в ярком оранжевом соусе. Виктория съела все, напилась воды из кувшина. Когда она ставила кувшин обратно, хлипкий стол пошатнулся и вода выплеснулась на пол. На полу сразу же образовалась лужица жидкой грязи. И при виде

ее в хитроумном мозгу мисс Виктории Джонс родилась одна мысль.

Спрашивается только, оставляют ли они ключ в замке или уносят с собой?

Время близилось к закату. Скоро должно стемнеть. Виктория опустилась перед дверью на колени, заглянула в большущую замочную скважину. Свет через нее не проникал. Нужен какой-то длинный предмет, чтобы засунуть в скважину, очиненный карандаш или кончик вечного пера. Вот досада, что у нее отобрали сумочку. Виктория, сведя брови, оглядела комнату. На подносе лежала только большая ложка. Сейчас она, к сожалению, не годится, но позже, по-видимому, будет кстати. Усевшись на пол, Виктория стала ломать голову над тем, что бы такое сунуть в замочную скважину? В конце концов, издав восклицание, она сняла туфлю, вынула из нее кожаную стельку и туго скатала в трубочку. Трубочка получилась довольно твердая, не согнешь. Виктория вставила ее в скважину и принялась тыкать и поворачивать. Большущий ключ, к счастью, сидел не плотно. На третьей или четвертой минуте он поддался и довольно бесшумно вывалился на земляной пол за дверью.

Теперь, сказала себе Виктория, надо торопиться, покуда не стемнеет окончательно. Она взяла кувшин с водой и стала понемножку подливать на пол под дверь, как можно ближе к тому месту, куда, по ее расчетам, упал ключ. Нальет, поскребет ногтями и ложкой вычерпывает грязь из лужицы. Мало-помалу под дверью образовался узкий желобок. Виктория легла щекой на пол, но ничего не было видно. Тогда, закатав рукав, она сумела просунуть под дверь руку выше запястья. Пошарила, пока не задела кончиком пальца металлический предмет. Вот он, ключ, но как его ухватить? Виктория отколола английскую булавку, на которой у нее держалась разорванная бретелька, согнула из нее крючок, вставила в край арабской лепешки и лежа приступила к ужению. Сначала ничего не получалось, и она уже была готова расплакаться от досады, когда крючок все-таки зацепился за ключ, ей удалось подтащить его ближе, а затем, прихватив пальцами, по желобку под дверью втянуть в комнату.

Виктория села на пятки, восторгаясь собственной ловкостью. Она перемазанной рукой вставила ключ в замочную скважину. Выждала, когда поднялся особенно громкий лай окрестных бродячих собак, и тихонько отперла замок. Дверь поддалась нажиму, приоткрылась. Виктория осторожно выглянула. Там оказалась еще комната, с провалившимся в нескольких местах потолком и открытой настежь дверью. Виктория переждала немного, прислушалась и на цыпочках прошла через комнату.

Сразу за ее порогом начиналась корявая глинобитная лестница, она огибала дом и вела в сад.

Это все, что Виктории нужно было знать. Она так же на цыпочках возвратилась в свою тюрьму. Что кто-нибудь еще к ней сегодня явится, можно было не опасаться. Оставалось подождать, пока окончательно стемнеет и деревня — или городок? — погрузится в сон. А тогда уходить. Она еще заметила за порогом наружной двери брошенный кусок черной ткани, наверно, старое женское покрывало, *аба,* в которое очень кстати можно завернуться, чтобы не видно было европейской одежды.

Сколько пришлось прождать, у Виктории не было возможности определить. Ей казалось, что вечность. Наконец звуки человеческой деятельности по соседству стихли. Остановился патефон, весь вечер оравший арабские песни. Смолкли гортанные разговоры, кашель; не слышно было больше заливистого женского хохота и детского плача. В ночи раздавалось только отдаленное завыванье, должно быть, шакалье. И то взлаивали, то затихали бездомные собаки, но это, как Виктория убедилась, теперь до утра.

— Ну, поехали! — сказала она себе и встала.

Дверь за собой она, немного подумав, заперла и оставила ключ торчать в замке снаружи. Затем вслепую пересекла вторую комнату, подобрала черное покрывало и вышла на лестницу. Недавно взошла луна, так что было достаточно света и видны ступеньки. Виктория оказалась на высоте глиняной стены, ограждающей сад. Если спуститься по лестнице вниз, то надо будет пройти под окнами дома. Оттуда из нижних комнат доносился храп. Может быть, лучше по верху садовой ограды? Стена толстая, можно пройти.

Виктория так и сделала. Удерживая равновесие, она быстро пошла по стене. Вот угол. Дальше начинаются пальмовые посадки. На углу стена слегка обрушилась. Виктория, съехав по осыпи, спустилась на землю, пробежала между пальмами к пролому в наружной стене. И вылезла на узкую старинную улочку, где не проехать автомобилю и впору только передвигаться на осле. По обе стороны тянулись глинобитные заборы. Виктория припустилась между ними со всех ног.

Поднялся яростный собачий лай. Из одной подворотни на нее рыча выскочили два бездомных пса. Но она подобрала горсть щебня и бросила в них. Псы поджали хвосты и убрались. Виктория заспешила дальше. Улочка кончилась, влившись под углом в главную деревенскую улицу, изрезанную глубокими колеями и стиснутую с двух сторон глиняными домиками, которые казались белесыми под бледной луной. Тут и там из-за

стен выглядывали пальмы. Виктория набрала в грудь воздуху и побежала. Собаки лаяли, но из людей никто не выглянул посмотреть, что за разбойник бежит по деревне. Улица вывела Викторию на широкий пустырь, перерезанный глинистым ручьем, через который был перекинут горбатый мостик. А за мостиком тянулась дорога, уходя в неоглядную пустоту. Виктория бежала, не сбавляя хода, покуда совершенно не задохнулась.

Деревня осталась позади. С высокого неба смотрела луна. А слева, справа, впереди раскинулась каменистая равнина без каких-либо признаков растительности и человеческого обитания. Широкая равнина казалась совершенно плоской, только по краю шел еле различимый низкий вал. В какую сторону идти дальше, было совершенно непонятно, а по звездам Виктория ориентироваться не умела. Пустое пространство пугало ее, но обратного пути не было, надо было продолжать бегство.

Виктория отдышалась, посмотрела назад, нет ли погони, и двинулась ровным шагом навстречу неизвестности со скоростью не меньше трех с половиной миль в час.

Рассвет застал Викторию без сил, с натертыми ногами и почти в истерике. Глядя на посветлевший край неба, она прикинула, что шла все это время примерно на юго-запад, но, поскольку она не знала, где находилась, это ей ничего не дало.

Впереди, чуть в стороне от дороги, возвышался какой-то крутобокий холм или пригорок. Виктория свернула с дороги к этому пригорку и взобралась на вершину.

Отсюда открывался вид во все стороны, и Виктория, озираясь, вновь ощутила безотчетную жуть. Куда ни посмотришь — ничего. В раннем утреннем свете равнина была по-своему красива. Расчерченная вдоль и поперек тенями до самого горизонта, она переливалась нежными оттенками желто-оранжево-розового цвета. Красиво, да. Но жутко. «Теперь я знаю, — подумала Виктория, — что значит: человек один-одинешенек на всем белом свете».

Кое-где темными пятнами росла низкая худосочная травка, торчали сухие колючки. И сверх того — никакой растительности, ни малейших признаков жизни. Одна только Виктория Джонс.

Деревни, из которой она сбежала, тоже не было видно. Та же дорога уходила и вперед и назад — в пустоту. Даже не верилось, что можно было за ночь прошагать так далеко, чтобы совсем потерять из виду жилище человека. На минуту ее, охваченную страхом, потянуло вернуться назад. Туда, где люди…

Но Виктория сразу же взяла себя в руки. Она ведь задумала убежать и вот — выполнила, что задумала. Но не все трудности позади, несколько миль, отделяющие ее сейчас от ее

тюремщиков, — это, конечно, еще не спасение. Для автомобиля, даже самого старого и дребезжащего, тут рукой подать. Как только побег обнаружат, они выедут на поиски. А где здесь укрыться, спрятаться? Негде. Виктория вдруг вспомнила про старое покрывало, которое прихватила, убегая. Она расправила его и завернулась с головой, натянув край на лицо. Интересно, как она теперь выглядит? Жаль, нет зеркала. Если еще скинуть туфли и чулки и остаться босиком, пожалуй, ее не узнают. Арабская женщина пусть бедная, но добродетельно закутанная в покрывало, пользуется неприкосновенностью. И ни один мужчина не вправе с ней заговорить, это было бы верхом неприличия. А вот если преследователем окажется европеец, его такой маскировкой, пожалуй, не обманешь. Но как бы то ни было, выбора у нее нет.

Виктория до того устала, что сразу двинуться дальше у нее не было сил. Еще ей безумно хотелось пить, но с этим пока ничего не поделаешь. Единственное, что можно, — это немного полежать в тени от пригорка. Приближение автомобиля будет слышно издалека, а вжавшись в неглубокую рытвину на склоне пригорка, она сумеет рассмотреть, кто в нем сидит. И можно остаться незамеченной, если осторожно переползать, так, чтобы пригорок все время оставался между нею и автомобилем.

Но ведь ее цель — вернуться в цивилизованный мир, а для этого есть, похоже, только один способ: остановить автомобиль, в котором едут европейцы, и попросить, чтобы подвезли. Но только европейцы должны быть такие, как нужно. А как узнать?

Размышляя на эту тему, Виктория совершенно неожиданно заснула, сморенная долгой дорогой и разнообразными переживаниями.

Когда она проснулась, солнце стояло прямо над головой. Было страшно жарко, болели мышцы, и все плыло перед глазами, а жажда стала настоящей мукой. Виктория застонала. И в то же мгновение, когда стон слетел с ее потрескавшихся губ, вдруг замерла и прислушалась. Потому что отчетливо различила далекий звук приближающегося автомобиля. Виктория осторожно выглянула. Действительно приближался автомобиль, но он ехал не от деревни, а с противоположной стороны. И значит, это не погоня. Виктория, припав к склону пригорка, вглядывалась в увеличивающееся черное пятно. Вот бы сейчас бинокль.

На минуту автомобиль скрылся из виду за небольшим подъемом рельефа, потом опять появился, уже совсем близко. За рулем сидел араб, а рядом человек в европейской одежде.

«Ну, — подумала Виктория, — надо решаться. Что делать? Выбежать на дорогу, остановить машину, не упустить шанс?»

Она уже чуть было не встала в рост, но вдруг ее охватили сомнения. А что, если, допустим на минуту, это Враг?

Как узнать? Дорога эта не из людных. Появился первый за все время автомобиль. Других, ни легковых, ни грузовиков, не было. И даже ослов не было. А этот едет, кажется, в ту деревню, откуда она сбежала…

Что же делать? Такое ответственное решение, и надо принять его за какие-то минуты. Если там Враг, тогда конец. А если не Враг, то это, наверно, единственный шанс на спасение. Если она потащится пешком дальше, то, вернее всего, вскоре погибнет от зноя и жажды. Как поступить?

Пока Виктория ломала голову, замерев на карачках, автомобильный мотор забасил, сбавляя скорость, автомобиль съехал с дороги и направился прямо по камням к пригорку, за которым она притаилась.

Ее заметили! Ее разыскивают!

Виктория съехала по откосу вниз и на четвереньках поползла вокруг пригорка, спеша скрыться от подъезжающего автомобиля. Ей было слышно, как он затормозил, встал, хлопнула дверца, один человек вышел. Прозвучали какие-то слова по-арабски. Потом — ничего. И вдруг Виктория увидела у себя над головой мужчину. Он брел поперек склона, глядя себе под ноги, и время от времени, нагибаясь, что-то подбирал. Что уж он там искал, кто его знает, по явно не девушку по имени Виктория Джонс. И более того, он бесспорно был англичанин.

Виктория с облегчением перевела дух, встала во весь рост и шагнула ему навстречу. Он поднял голову и удивленно вытаращил глаза.

— Простите, — произнесла Виктория. — Я так рада, что вы приехали.

Он по-прежнему хлопал глазами.

— Какого черта, — выговорил он наконец. — Вы что, англичанка? Но…

Виктория со смехом сбросила черное покрывало.

— Ну конечно, англичанка, — весело сказала она. — И пожалуйста, будьте добры, подвезите меня до Багдада.

— Я в Багдад не еду. Я как раз оттуда. И что вы тут, черт возьми, делаете одна посреди пустыни?

— Меня похитили, — торопясь, объяснила Виктория. — Я пришла голову мыть, а меня усыпили хлороформом. А очнулась в арабском доме вон в той деревне.

Она указала за горизонт.

— В Мандали?

— Не знаю, как она называется. Сегодня ночью я убежала. И

все время шла, шла. От вас спрягалась тут за пригорком, потому что, а вдруг вы — Враг.

Незнакомый избавитель смотрел на Викторию очень странно. Это оказался мужчина лет тридцати пяти, довольно заносчивого вида. Говорил по-ученому, правильно и четко. Теперь он нацепил пенсне и стал разглядывать ее сквозь стекла с крайне неодобрительным выражением на лице. И до Виктории наконец дошло, что он не верит ни единому ее слову.

Она сразу же страшно возмутилась.

— И все это истинная правда! — с вызовом сказала она. — Все до последней мелочи!

Но тот глядел еще недоверчивее.

— Поразительно, — произнес он ледяным тоном.

Викторию охватило отчаянье. Надо же, как обидно, ведь она всегда может наврать до того убедительно, что любой поверит, а вот истинная правда у нее получается неправдоподобной! Просто голые факты как есть, без прикрас и без вдохновения.

— А если у вас не найдется с собой чего-нибудь попить, то я умру от жажды, — добавила она. — И я умру от жажды так и так, если вы уедете и оставите меня здесь.

— Этого я, разумеется, не сделаю, — сдержанно возразил он. — Англичанке не следует одной разгуливать по пустыне. Господи, да у вас даже губы растрескались… Абдул.

— Сагиб?[110]

Из-за пригорка появился шофер.

Выслушав распоряжение по-арабски, он сбегал к машине и принес большой термос с пластмассовым стаканом.

Виктория напилась воды.

— Ф-фу! — отдуваясь, произнесла она. — Совсем другое дело.

— Меня зовут Ричард Бейкер, — сказал англичанин.

Виктория сразу отозвалась:

— А я Виктория Джонс. — И, чтобы он отнесся к ней с подобающим уважением, исключающим недоверие, добавила: — Виктория Понсфут Джонс. Я еду на раскопки к своему дяде профессору Понсфуту Джонсу.

— Какое удивительное совпадение! — оживился Бейкер. — Я тоже к нему еду. Он копает всего в пятнадцати милях отсюда. Так что очень удачно, что вас нашел здесь именно я.

Виктория, мало сказать, изумилась. Она была совершенно ошарашена. И, не вымолвив ни слова, молча, кротко последовала за Ричардом к автомобилю и забралась на заднее сиденье.

— Вы ведь, кажется, антрополог?[111] — сказал он, освобождая для нее место от каких-то предметов. — Я слышал

краем уха, что вы должны приехать, но не понял, что прямо в начале сезона.

Он стоял у дверцы и, доставая из карманов, разбирал глиняные черепки. Теперь Виктория поняла, что он подбирал на пригорке.

— Соблазнительный тель[112], — кивнул он на пригорок. — Но мне там ничего особенного пока не попалось. Все больше поздняя ассирийская керамика[113] — кое-что парфянское[114] — и несколько прекрасных круглых донышек Касситского периода[115]. Рад видеть, — добавил он с улыбкой, — что, несмотря на неприятное приключение, археологический инстинкт вас не оставил.

Виктория открыла было рот, но так ничего и не сказала. Шофер включил зажигание, и они поехали.

Да и что она, в сущности, могла сказать? Конечно, в экспедиционном лагере ее ждет немедленное разоблачение, но все-таки гораздо лучше подвергнуться разоблачению и покаяться там, чем признаваться во лжи перед мистером Ричардом Бейкером на пустынной дороге. Что они ей могут сделать в экспедиции? В худшем случае отправят в Багдад. И потом, может быть, рассуждала неисправимая Виктория, я еще, пока доедем, что-нибудь придумаю в оправдание. Ее богатая фантазия сразу же заработала. Временное выпадение памяти? Или, может, одна попутчица попросила, чтобы?.. Нет, похоже, придется выложить все начистоту. Но в тысячу раз лучше признаться неизвестному профессору Понсфуту Джонсу, каким бы человеком он ни оказался, чем мистеру Ричарду Бейкеру, который так высокомерно поднимал брови и откровенно не верил ее точному и правдивому рассказу.

— До Мандали мы не доедем, — сказал ей Бейкер, обернувшись назад. — Еще миля по дороге, и свернем прямо в пустыню. Там не так-то просто определить место поворота, нет никаких знаков.

Вскоре он сказал что-то Абдулу, автомобиль резко повернул и съехал с дороги. По каким-то своим признакам, не заметным глазу Виктории, Ричард Бейкер направлял шофера — чуть правее, немного левее — пока наконец не сказал с облегчением:

— Ну, все. Теперь по правой колее.

Виктория никакой колеи не видела. Правда, через некоторое время она стала различать местами на земле еле заметные отпечатки автомобильных шин.

Немного спустя они переехали более отчетливую поперечную колею. Ричард вдруг издал восклицание и велел Абдулу остановиться.

— Я покажу вам интересную вещь, — сказал он Виктории. — Вы ведь впервые в здешних краях, так что наверняка ничего подобного еще не видели.

Наперерез автомобилю двигались два человека. Один нес на спине короткую деревянную скамейку. Другой — какой-то большой короб чуть не с пианино величиной.

Ричард окликнул их, они приветливо поздоровались. Ричард достал сигареты, и завязалось веселое дружеское общение.

— Вы любите кино? — спросил Ричард у Виктории. — Сейчас увидите удивительное зрелище.

Он что-то им сказал, они радостно заулыбались и, поставив на землю скамейку, жестами пригласили Викторию и Ричарда сесть. Потом на подставку установили большой барабан с застекленными отверстиями для глаз. Виктория стала смотреть в них, один из мужчин принялся медленно вращать рукоятку, или рычаг, а второй что-то нараспев задекламировал.

— Что он говорит? — спросила Виктория.

Ричард стал переводить:

— «Садитесь ближе и приготовьтесь к великим и восхитительным чудесам. Сейчас вы увидите дивные дива древности».

Перед глазами Виктории появилась расплывчатая картина: негры жнут хлеб.

— «Феллахи в Америке!» — провозгласил переводчик Ричард.

Далее последовали: «Супруга великого Шаха, правителя Западного мира» — это была императрица Евгения, она жеманно улыбалась и теребила локон; «Вид королевского дворца в Черногории»; и еще один вид — Всемирной выставки.

Разнообразные изображения следовали одно за другим без всякой связи, сопровождаемые самыми немыслимыми пояснениями. Принц-консорт[116], Дизраэли[117], норвежские фьорды и фигуристы на катке в Швейцарии заключали этот парад «дивных див древности».

Демонстратор под конец произнес:

— Мы показали вам дивные и восхитительные чудеса древности и чужих, далеких стран. И пусть щедрость ваша будет достойна того, что вы видели, ибо все это — подлинная правда.

Представление окончилось. Виктория была в восторге.

— Потрясающе! — высказалась она. — Вот бы никогда не поверила.

Владельцы передвижного кинематографа гордо улыбались. Виктория вскочила со скамейки, отчего Ричард, сидевший на другом конце, полетел вверх тормашками на землю. Виктория стала горячо извиняться, хотя сама в глубине души подумала, что

так ему и надо. Потом Ричард вознаградил странствующих кинодемонстраторов, и после обмена цветистыми пожеланиями удачи и благополучия и взаимных призывов друг на друга Божьего благословения они расстались. Ричард и Виктория опять сели в автомобиль, а те, взвалив на спины свои ноши, ушли дальше в пустыню.

— Куда это они? — спросила Виктория.

— Они тут путешествуют по всему краю. Первый раз я их встретил в Трансиордании[118], они шли от Мертвого моря[119] в сторону Аммана[120]. Сейчас они держат путь на Кербелу и

выбирают, конечно, места самые дремучие, чтобы в отдаленных деревнях показывать свое кино.

— Может быть, кто-нибудь бы их подвез?

Ричард рассмеялся.

— Им если и предложить, они не согласятся. Я один раз вызвался захватить старика, который шел из Басры в Багдад. Спросил у него, сколько он рассчитывает провести в дороге, оказалось, месяца два. Тогда я говорю, полезайте, дедушка, в машину, к ночи будем на месте. Но он поблагодарил и отказался. Два месяца шагать — это его вполне устраивало… Здесь временем не дорожат. Эта местная особенность, если только о ней постоянно помнить, по-своему отрадна.

— Да, наверно.

— Арабам совершенно непонятно наше западное стремление делать все как можно быстрей. А нашу манеру в разговоре сразу переходить к делу они воспринимают как возмутительное хамство. Сначала надо непременно с часок посидеть, потолковать вообще, о том о сем — или, если угодно, просто помолчать.

— Представляю себе, как бы это выглядело в лондонских учреждениях. Столько пустой траты времени.

— Да, но тут мы опять возвращаемся к вопросу: что есть время? И что значит: пустая трата?

Виктория задумалась. А шофер продолжал уверенно вести автомобиль по каменистому бездорожью.

— Где же это место? — наконец не выдержала Виктория.

— Тель-Асвад? Там, дальше. Скоро уже покажется зиккурат[121]. А пока взгляните налево — вон туда, куда я показываю.

— Это облака? Не может быть, чтобы горы.

— Горы. Снежные хребты Курдистана. Их видно только в самые ясные дни.

Приятное, мечтательное довольство охватило Викторию. Вот так бы ехать и ехать всю жизнь. Ну почему она такая лгунья? При мысли о неотвратимом разоблачении у нее по-детски екнуло сердце. Какой он, интересно, из себя, профессор Понсфут Джонс? Высокий, должно быть, с длинной седой бородой и грозным взглядом. Ладно, не важно, даже если он и разозлится, зато она перехитрила Катерину, и «Масличную ветвь», и доктора Ратбоуна.

— Приехали, смотрите, — сказал Ричард.

Виктория пригляделась: впереди, у самого горизонта, виднелся какой-то прыщик.

— Это еще так далеко.

— Да нет, всего несколько миль. Сейчас убедитесь.

И действительно, прыщик с удивительной быстротой вырос,

превратился в пригорок, а затем и в огромный, высокий тель. Сбоку к нему примыкало длинное строение из необожженного кирпича.

— Здание экспедиции, — пояснил Ричард.

Автомобиль развернулся и под громкий лай собак остановился у дверей. Встречать их выбежали улыбающиеся слуги в белых одеждах. Ричард обменялся с ними многословными приветствиями, а потом сказал Виктории:

— Они оказывается, не ждали вас так скоро. Но сейчас приготовят вам постель. И прежде всего принесут горячую воду. Вы ведь, как я понимаю, захотите помыться и отдохнуть? Профессор Понсфут Джонс работает на вершине. Я поднимусь к нему. А вас обслужит Ибрагим.

Ричард ушел. Виктория, предшествуемая приветливым Ибрагимом, вошла в дом. Вначале, с солнца, ей показалось, что внутри совершенно темно. Они пересекли гостиную, где стояли большие столы, вышли во двор и со двора — в маленькую комнатку об одно оконце. Здесь Виктория увидела кровать, что-то вроде комода, стул, стол, на столе — таз и кувшин. Улыбчивый Ибрагим поклонился и внес большущий кувшин с мутноватой горячей водой и жесткое полотенце. А потом с извиняющейся улыбкой сходил еще куда-то и появился с маленьким зеркальцем, которое повесил на стене на гвоздик.

Наконец-то можно было помыться! Виктория только теперь почувствовала, до чего она вымоталась, и устала, и просто заросла грязью.

— Вид у меня, наверно, жуткий, — сказала она себе и подошла к зеркальцу.

Несколько секунд она смотрела на свое отражение и ничего не понимала.

Это не она. Не Виктория Джонс.

Но потом разобралась. Лицо было Виктории, знакомое аккуратное личико. Но теперь она стала платиновой блондинкой!

Глава 19

1

Профессора Понсфута Джонса Ричард нашел в раскопе — тот сидел на корточках рядом с десятником и осторожно простукивал маленькой киркой открытый участок стены. На появление коллеги он отреагировал достаточно спокойно:

— Привет, Ричард, мой мальчик, вот и вы. Мне почему-то казалось, что вы должны были приехать во вторник.

— Сегодня и есть вторник.

— Да? — равнодушно отозвался профессор Понсфут Джонс. — Спускайтесь сюда. Что вы на это скажете? Уже вскрылась совершенно здоровая кирпичная кладка, а мы углубились всего на три фута. По-моему, тут следы краски. Посмотрите сами и выскажите свое мнение. Мне кажется, находка многообещающая.

Ричард спрыгнул в раскоп, и в продолжение четверти часа оба археолога предавались своим сугубо профессиональным удовольствиям.

— Кстати, — сказал между прочим Ричард. — Я привез девушку.

— Да? Какую?

— По ее словам, она ваша племянница.

— Моя племянница? — Профессор с усилием оторвался от созерцания сырцовой кирпичной кладки. — По-моему, у меня нет племянницы, — проговорил он неуверенным тоном, как бы допуская, что, возможно, и есть, но он не помнит.

— Я так понял, что она приехала к вам поработать на раскопках.

— А, конечно, конечно. — Лицо профессора Понсфута Джонса просветлело — Кажется, Вероника?

— Она сказала, Виктория.

— Ну да, ну да. Виктория. Эмерсон писал мне о ней из Кембриджа. Очень способная девица, по его словам. Антрополог. Только не могу понять, чем она тут собирается заниматься? А вы?

— Я тоже слышал, что к вам должна приехать молодая девушка, специалист-антрополог.

— По ее части пока нет ничего интересного. Правда, мы еще только начинаем. Собственно, у меня было впечатление, что она приедет попозже, недели через две, но я тю особенно внимательно прочел ее письмо, а йотом оно куда-то подевалось, и

я теперь не помню, что там было написано. Через неделю приезжает моя жена, — или через две? — интересно, а ее письмо куда я засунул? — и я почему-то думал, что Венеция приедет вместе с ней, — но, конечно, я мог все перепутать. Что ж, прекрасно. Лишний работник будет кстати. Мы каждый день откапываем уйму керамики.

— А у нее как, все в порядке?

— В порядке? — недоуменно переспросил профессор Понсфут Джонс. — То есть?

— Ну, никаких там нервных срывов, ничего такого не было?

— Эмерсон, помнится, писал, что она сильно переутомилась. Дипломная работа или диссертация, что-то в этом роде, но про нервные срывы, по-моему, речи не было. А что?

— Понимаете, я подобрал ее на обочине дороги, она там расхаживала, совершенно одна, пешком. Это было, кстати сказать, на том теле, не доезжая мили до поворота…

— Как же, хорошо помню, — закивал профессор. — Я там подобрал однажды великолепный черепок из Пузу[122]. Это поразительно! Так далеко к югу, кто бы мог подумать?

Но Ричард устоял против археологического соблазна и продолжил свой рассказ:

— Она мне такого наговорила! Что будто бы она пошла мыть голову, а ее усыпили хлороформом, похитили, привезли в Мандали и заперли, а она среди ночи сбежала. Совершенно невероятная чушь, в жизни ничего подобного не слышал.

Профессор Понсфут Джонс скорбно покачал головой.

— Да, сугубо маловероятно. Страна мирная, за порядком смотрят. Безопасность полнейшая.

— Вот именно. По-видимому, она все это сочинила. Я оттого и спросил, не было ли у нее чего-то с нервами. Знаете, есть такие истерички, которые вечно что-то придумывают: то священник в них влюбился, то врач к ним приставал. Еще не оберемся с ней хлопот.

— Ничего. Отдохнет — успокоится, — с оптимизмом предрек профессор Попсфут Джонс. — А где она сейчас?

— Я оставил ее в доме помыться и привести себя в порядок. — Ричард недоуменно добавил: — У нее нет при себе никаких вещей.

— Да? Вот это неудобно. Как вы думаете, может быть, она рассчитывает, что я одолжу ей пижаму? У меня остались всего две, из них одна совсем порвалась.

— Как-нибудь она обойдется, пока не прибудет грузовик с багажом. Честно сказать, я просто не понимаю, что она там делала, одна на пустынной дороге?

— Теперешние барышни — удивительный народ, — вздохнул профессор. — Где только не появляются. Мешают работать. Уж кажется, здесь такой отдаленный угол, можно не опасаться гостей, — ан нет, автомобили и публика сваливаются на голову, когда совсем не до них. Смотрите-ка, работы остановились, должно быть, время обедать. Нам с вами лучше пойти в здание.

2

Трепещущая Виктория увидела совсем не того профессора Попсфута Джонса, каким его себе представляла. Он оказался небольшого роста, с брюшком, голова спереди до макушки лысая, а взгляд живой и веселый. К величайшему изумлению Виктории, он протянул ей навстречу руки.

— Ну, ну, Венеция, — то есть Виктория, я хочу сказать, — какой сюрприз! Почему-то мне взбрело в голову, что тебя надо ждать в будущем месяце. Но все равно я рад тебя видеть. Очень рад. Как поживает Эмерсон? Как его астма, надеюсь, лучше?

Виктория успела чуть-чуть опомниться и пролепетала, что с астмой все в порядке.

— Зря он так кутает горло, — убежденно сказал профессор Понсфут Джонс. — Это большая ошибка. Я ему говорил. Вообще ученые академического склада, которые всю жизнь топчутся при университетах, слишком много внимания уделяют собственному здоровью. Не стоит о нем думать. И будешь всегда здоров. Ну, хорошо, ты пока поживи тут, акклиматизируйся. Моя жена приедет через неделю — или через две? — она неважно себя чувствовала последнее время. Надо будет поискать ее письмо. Ричард мне сказал, что твой багаж еще не прибыл. Придется тебе как-то выходить из положения. Я не смогу отправить грузовик раньше, чем через неделю.

— Ничего не поделаешь, — ответила Виктория. — Значит, как-нибудь обойдусь.

Профессор Понсфут Джонс весело хихикнул.

— Мы с Ричардом мало что тебе сможем предложить. Зубную щетку — это пожалуйста. В экспедиционных запасах масса зубных щеток. Есть вата, если тебе нужно, и… да, тальк, и… ну, носки, носовые платки. А так, боюсь, больше ничего.

— Не беда, устроюсь. — Виктория радостно улыбнулась.

— Имей в виду, кладбище пока не попалось. Откопали прекрасную стену. И в дальних раскопах массу черепков, можно будет, наверно, подобрать кое-что для склейки. Словом, работа тебе найдется. Я забыл, ты фотографируешь?

— Немного, — осторожно отозвалась Виктория, радуясь, что зашла речь о предмете, которым она худо-бедно все-таки владеет.

— Вот прекрасно. И проявлять умеешь? Я на старинный лад еще пользуюсь пластинками. Темный чулан у нас оборудован примитивно. Вы, молодежь, привыкли к современному оборудованию, работать с устаревшей техникой вам не нравится.

— Мне нравится, — сказала Виктория.

Из экспедиционных запасов она раздобыла себе зубную щетку, тюбик пасты, губку и тальк.

В голове у нее был полный сумбур, подошло время все обдумать и внести ясность. Ее тут явно принимают за другую девушку, по имени Венеция, а по фамилии — Бог весть, которая должна присоединиться к экспедиции позже, она, говорят они, антрополог. А Виктория даже вообще не знает толком, что это такое — антрополог. Надо будет посмотреть в словаре, если у них тут есть. Эта девушка приедет самое раннее — через педелю. И, значит, так: предстоящую неделю, пока не будет машины в Багдад, Виктория сможет прожить здесь в качестве этой самой Венеции, поддерживая профессора Понсфута Джонса в его заблуждении. Профессор ее не беспокоил, он явно представлял себе действительность довольно смутно, его можно было не опасаться. Опасения внушал Ричард Бейкер. Уж очень он внимательно к ней приглядывался, с ним надо все время быть начеку, иначе он ее в два счета разоблачит. По счастью, ей довелось поработать какое-то время секретарем-машинисткой в лондонском Институте археологии, она запомнила некоторые слова и выражения, и они теперь придутся как раз кстати. Только бы, Боже упаси, не ляпнуть что-нибудь невпопад. Впрочем, мужчины вообще так свысока относятся к женщинам, что если даже и сделаешь ошибку, это будет воспринято не с подозрением, а скорее со злорадством, как лишнее доказательство женской непроходимой безмозглости.

Тем самым Виктория получала хоть какую-то передышку, а это как раз то, что ей было нужно. В «Масличной ветви» ее исчезновение должно было вызвать переполох. Ну, выяснится, что она сбежала. А дальше-то куда делась? Пусть попробуют выследить. Автомобиль Ричарда свернул в пустыню, не доехав до Мандали, поэтому, что она в Тель-Асваде, им и в голову прийти не может. Просто пропала, как в воздухе растаяла. Вернее всего, в «Масличной ветви» решат, что она умерла. Заблудилась в пустыне и погибла от зноя и жажды.

И очень хорошо, что они так решат. Жаль, конечно, что и Эдвард придет к такому выводу. Но ничего не поделаешь. Пусть его мучает совесть, что уговаривал ее подружиться с Катериной

— а она вдруг возьмет и объявится — то-то ему будет радость! — словно воскресшая из мертвых, живая и невредимая, только уже не брюнетка, а блондинка.

Тут она снова задумалась над загадкой: зачем они (кто бы они ни были) покрасили ей волосы? Какая-то причина этому должна быть. Но какая? Виктория, хоть убей, не понимала. Одно ясно: очень скоро волосы отрастут и покажется чернота у корней. Ну и видик у нее будет тогда — крашеная платиновая блондинка, у которой нет ни пудры, ни губной помады! Надо же, какой ужас! Ну, да ничего, сказала себе в утешение Виктория. Зато я жива, верно? И могу пока преспокойно жить в свое удовольствие еще целую неделю. Ведь интересно же поработать в археологической экспедиции, поглядеть, что это за наука такая. Только бы не сплоховать, не выдать себя.

Легко, конечно, сказать. О чем только они не говорят. Имена, публикации, архитектурные стили, виды керамики. Тут держи ухо востро. Но счастью, хорошие слушатели всегда в цене. Виктория слушала обоих ученых археологов во все уши и вскоре уже набралась профессиональных словечек и оборотов.

Да еще, оставаясь в здании одна, она украдкой, второпях читала книги и справочники. При экспедиции имелась хорошая библиотека, Виктория быстро усвоила кое-какие азы. И, сама того не ожидая, получала от всего этого бездну удовольствия. Утречком рано, выпив принесенного в комнату чаю, она бежала на раскопки. Помогала Ричарду фотографировать. Притирала и склеивала черепки. Смотрела, как идет работа, любовалась искусством и аккуратностью простых землекопов с кирками, восхищенно слушала смех и пение мальчишек, которые бегом относили и вываливали на насыпь корзины с грунтом. Она стала разбираться в периодах, различала слои[123], держала в голове результаты прошлого сезона. Единственное, что ее страшило, это как бы вправду не обнаружились захоронения. Сколько ни читай, а как при этом полагается себя вести специалисту по антропологии, все равно совершенно непонятно. «Если наткнемся на кости или на могилу, надо будет заболеть тяжелой простудой, — сказала себе Виктория. — Нет, лучше острым приступом печени. И лечь в постель».

По могилы не появлялись. Зато медленно, но верно обозначились стены дворца. Виктория была страшно увлечена, а никаких специальных знаний и навыков от нее не требовалось.

Ричард Бейкер все еще иногда поглядывал на нее с легким недоумением, и она чувствовала, что он относится к ней критически, но держался он мило и дружелюбно, а ее увлеченность его явно забавляла.

— Вам это, конечно, все внове после Англии, — сказал он ей как-то. — Помню, я тоже был в упоении весь мой первый сезон.

— А давно это было?

Он улыбнулся.

— Да порядочно. Пятнадцать, нет, шестнадцать лет назад.

— Вы, должно быть, знаете здешние края вдоль и поперек?

— Да я ведь не только здесь работал. И в Сирии еще. И в Персии.

— И по-арабски вы свободно говорите. Если вас нарядить как надо, вы сойдете за араба?

Он покачал головой.

— Э, нет. Это очень непросто. По-моему, всерьез и на продолжительное время прикинуться арабом не удавалось ни одному англичанину.

— А Лоуренс?[124]

— Лоуренс и не делал вид, что он араб. Нет, единственный известный мне европеец, которого при случае не отличить от местных, и в самом деле родился в здешних краях. Его отец служил консулом в Кашгаре[125] и в других диких точках. Этот парень с детства говорил на всевозможных местных диалектах и потом, насколько мне известно, использовал это умение в своей работе.

— А что с ним сталось?

— Мы не поддерживали связь после школы. Мы с ним вместе в школе учились. У него было прозвище Факир, потому что он умел сидеть совершенно неподвижно, как бы погрузившись в транс. Что он делает теперь, я не знаю — хотя, кажется, могу догадаться.

— Вы после школы его ни разу не видели?

— Представьте, я его встретил пару дней назад в Басре. Довольно странный был случай.

— Странный?

— Да. Я его не узнал. Он был одет как араб — бурнус, полосатый балахон и драная армейская гимнастерка. В руке держал обычные янтарные четки и перебирал, пощелкивая, как правоверный мусульманин, — только на самом-то деле это была морзянка, армейский код, и он передавал сообщение — мне!

— И что в нем было?

— Мое имя, вернее, прозвище — и его прозвище — а потом сигнал: «Осторожно, опасность».

— И действительно что-то случилось?

— Да. Когда он встал и пошел к выходу, один посетитель, такой неприметный человечек, с виду вроде коммивояжера, выхватил револьвер. Я его ткнул под руку, и Кармайкл сумел

уйти.

— Кармайкл?!

Он резко обернулся.

— Да, это его настоящая фамилия. А вы… вы что, его знаете?

Виктория подумала: интересно, как это прозвучит, если я скажу, что он умер в моей постели?

— Да, — тихо сказала она. — Знала.

— Знали? Значит, он?..

Виктория кивнула.

— Он умер.

— Когда?

— Он умер в Багдаде. В отеле «Тио». — Она поспешила добавить: — Это тайна. Никто не знает.

Он задумчиво кивнул.

— Понятно. Такая была у него работа. Но вы… — Он заглянул ей в лицо. — Вам-то как это стало известно?

— Я оказалась замешана, случайно.

Он задержал на ней внимательный взгляд.

Виктория вдруг спросила:

— А ваше прозвище в школе было — не Люцифер?

— Люцифер? Нет, меня звали Сова, я всегда ходил в больших блестящих очках.

— Вы никого не знаете в Басре с таким прозвищем: Люцифер!

Ричард покачал головой.

— Люцифер, сын зари[126]. Падший ангел. Или вот еще в старину так назывались фосфорные спички. Их достоинство, если не ошибаюсь, заключалось в том, что они не гасли на ветру.

Он говорил это, а сам внимательно наблюдал за Викторией. Но ей было не до него.

— Пожалуйста, — наморщив лоб, попросила она, — расскажите мне точно, что произошло тогда в Басре.

— Но я же все рассказал.

— Нет. Вот, например, где именно это было?

— Это было в консульской приемной. Я сидел и дожидался приема у консула Клейтона.

— Да, но кто там еще был? Этот тип, похожий на коммивояжера. Еще кто?

— Еще было, помнится, двое. Один худощавый, смуглый француз — или сириец. А другой — старик, по-моему, перс.

— Коммивояжер достал револьвер, вы не дали ему выстрелить, и Кармайкл ушел — как?

— Сначала он повернул к двери консульского кабинета, это в противоположном конце коридора, выходящего в сад…

— Знаю, — прервала его Виктория. — Я там два дня жила. Вы

как раз тогда только уехали, и я приехала.

— Вот как? — Он опять внимательно посмотрел на нее, но она даже не заметила. У нее перед глазами был длинный коридор в консульстве, в конце коридора — открытая дверь и за дверью — зелень и солнце.

— Ну, и вот. Кармайкл сначала направился туда. А потом вдруг резко повернулся, бросился в обратную сторону и выскочил на улицу. Больше я его не видел.

— А что коммивояжер?

Ричард пожал плечами.

— Помнится, нес потом что-то несусветное, якобы накануне ночью был избит и ограблен одним арабом, а потом в консульстве ему померещилось, будто это — тот самый грабитель. Подробностей не знаю, я улетел в Кувейт.

— А кто при вас жил в консульстве?

— Один служащий нефтяной компании, по фамилии Кросби. И больше никого. Ах нет, был еще кто-то из Багдада, но я его не видел. И фамилии не помню.

Кросби, вспомнила Виктория. Капитан Кросби. Такой низенький, приземистый человечек. Говорит отрывисто. Заурядный, звезд с неба не хватает, просто добрый старый служака. В ту ночь в Багдаде, когда Кармайкл явился в отель «Тио», Кросби тоже там был. Можно ли предположить, что это его силуэт на фоне залитого солнцем сада заставил Кармайкла вдруг повернуть назад и выбежать на улицу, так и не побывав у консула?

Виктория вся ушла в свои мысли и даже вздрогнула виновато, когда, подняв глаза, встретила пристальный, внимательный взгляд Ричарда.

— Зачем вам нужно все это знать? — спросил он.

— Мне интересно.

— Больше вопросов нет?

Виктория спросила:

— Вы не знаете никого по имени Лефарж?

— Н-нет как будто бы. Это мужчина или женщина?

— Не знаю.

Она снова задумалась о Кросби. Кросби — Люцифер? Можно ли тут поставить знак равенства?

Вечером, когда Виктория простилась и ушла спать, Ричард сказал профессору Понсфуту Джону:

— Нельзя ли мне взглянуть на письмо Эмерсона? Я хочу знать точно, что именно он пишет об этой девушке.

— Ну, конечно, мой друг, конечно. Оно тут где-то валяется. Помню, я делал записи на обороте. Он очень хорошо отзывается о

Веронике, если я не ошибаюсь, пишет, что она с головой ушла в науку. По-моему, она милая девушка, чрезвычайно милая. И какая мужественная — с полным спокойствием отнеслась к пропаже своего багажа. Любая другая на ее месте стала бы требовать, чтобы ее завтра же отвезли на автомобиле в Багдад для пополнения гардероба. А эта — молодчина. Кстати, при каких обстоятельствах, вы говорили, у нее пропал багаж?

— Ее усыпили хлороформом, похитили и заперли в деревенском доме, — бесстрастно перечислил Ричард.

— Да-да, вспоминаю, как же. Вы мне рассказывали. Абсолютно неправдоподобная история. Что-то она мне напоминает… но что?., ах да, случай с Элизабет Кэннинг. Помните, что она наплела после того, как пропадала целых две недели? Совершенно концы с концами у нее не вязались. Что-то насчет цыган, если я не путаю. Притом она такая дурнушка, что заподозрить участие мужчины в ее случае не было ни малейших оснований. А вот наша Виктория-Вероника — никак не запомню ее имя — удивительно миловидное создание. И тут наличие мужчины вполне вероятно.

— Она была бы еще миловиднее, если бы не красила волосы, — сухо сказал Ричард.

— Она красит волосы? Неужели? Смотрите-ка, вы, оказывается, разбираетесь в таких вещах.

— Так можно мне посмотреть письмо Эмерсона, сэр?

— Ну, разумеется, разумеется — я, правда, хоть убейте, не помню, куда его сунул, — но можете поискать, где хотите — я сам заинтересован в его обнаружении из-за тех записей, что я сделал на обороте, — я еще зарисовал там бусину из скрученной проволоки.

Глава 20

На следующий день, только вернулись с обеда, как профессор Понсфут Джонс прямо крякнул от досады — потому что до его слуха донесся отдаленный стрекот едущего автомобиля. А вскоре можно было уже и глазами различить с вершины теля, как он приближается, петляя по пустыне.

— Посетители, — гневно произнес профессор. — Как раз в самый неподходящий момент. Только собрались крыть нитроцеллюлозой ту раскрашенную розетку на северо-восточной стене! И обязательно должны были явиться какие-то идиоты из Багдада, изволь поддерживать с ними светские разговоры и водить их по всем раскопам.

— А вот тут-то и можно воспользоваться услугами Виктории, — сказал Ричард. — Слышите, Виктория? Вам лично поручается провести экскурсию и беседу.

— Но я могу что-нибудь не то сказать, — усомнилась Виктория. — Вы же узнаете, я еще совсем плохо тут во всем разбираюсь.

— По-моему, вы многому научились, — любезно возразил Ричард. — Ваши давешние замечания касательно плоско-выпуклых кирпичей звучали прямо как дословные цитаты из учебника Делонгаза.

Виктория слегка побледнела и решила впредь осмотрительней демонстрировать эрудицию. Этот недоумевающий взгляд сквозь толстые стекла, иногда от него оторопь берет.

— Хорошо, я сделаю что смогу, — кротко согласилась она.

— Мы на вас взваливаем всю черную работу, — сказал Ричард.

Виктория очаровательно улыбнулась.

Она сама удивлялась тому, сколько всего успела сделать за эту неделю. Фильтруя воду сквозь слой ваты, она проявляла фотографические пластинки при свете красного фонаря, в котором свечка в самый ответственный момент норовила погаснуть. Столом ей служил ящик из-под оборудования, такой низкий, что приходилось либо сгибаться в три погибели, либо становиться на колени; а сам темный чулан, как остроумно заметил Ричард, походил на тесное узилище в средневековом замке. В следующем сезоне оснащение будет гораздо лучше, заверил Викторию профессор Понсфут Джонс, но сейчас приходится все деньги, до последнего пенни, пустить на плату рабочим — прежде всего нужно получить результаты.

Корзинки, загруженные глиняными черепками, сначала смешили ее (что она, конечно, тщательно скрывала). Эти горы грубых обломков — кому они могут быть нужны?

Но потом она научилась подбирать черепки с совпадающими краями, склеивать их и аккуратно укладывать в коробки с песком. И ей стало интересно. Вскоре она уже различала черенки разных типов и очертаний. И начала понемногу задумываться над тем, что это были за сосуды свыше трех тысяч лет назад и каким целям служили? Раскопки велись на участке с небольшими жилыми домишками, и Виктория представляла себе, как они выглядели, когда в них жили люди, представляла себе этих людей, их нужды, занятия, их имущество, их надежды и страхи. А поскольку воображение у нее было богатое, представить себе все это для нее не составляло труда. Когда в стене обнаружили вмазанный горшочек и в нем горсть золотых серег, она смотрела на него просто как зачарованная.

— Должно быть, приданое для дочери, — объяснил Ричард, глядя на нее с улыбкой.

Миски, наполненные зерном, золотые сережки, предназначенные в приданое, костяные иглы, ручные мельницы и ступки, фигурки, амулеты. Ежедневная жизнь простых, обыкновенных людей, обитавших здесь некогда, их заботы, их страхи и упования.

— Вот что меня и восхищает, — объясняла Виктория Ричарду. — Я ведь раньше думала, археология — это одни царские дворцы и усыпальницы, понимаете? Цари Вавилонские, — задумчиво повторила она. — А тут мне нравится, что это все — про обыкновенных людей, ну вроде меня. У меня тоже есть Святой Антоний[127], он помогает находить вещи, которые потерялись, и фарфоровая свинка, это счастливый талисман. И замечательная миска, чтобы замешивать тесто, изнутри голубая, а снаружи белая. Она треснула, но когда я купила новую, оказалось, что это совсем не то. И я могу понять, почему эти люди так старательно заклеивали битумом свои любимые горшки и миски. В сущности, жизнь всюду одинаковая, правда? И тогда, и теперь.

На эти же темы Виктория размышляла и теперь, рассматривая двух мужчин, которые поднимались к ним на вершину теля. Ричард двинулся по склону им навстречу. Виктория пошла следом.

Оба гостя оказались французами, они путешествуют по Сирии и Ираку. И интересуются археологией. Обменялись любезными приветствиями, и Виктория повела их по раскопанному участку, четко отбарабанивая, как попугай, все данные, и разве что

изредка, верная себе, кое-что добавляя лично от себя — для занимательности, как она считала.

Она обратила внимание на то, что один из гостей плохо выглядит и тащится за ней по раскопам безо всякого интереса. В конце концов, он сказал, что просит у мадемуазель извинения, но он хотел бы пойти в дом. Ему с утра что-то неможется, а теперь вот на солнце совсем развезло.

Он побрел к зданию экспедиции, а его товарищ, понизив голос, пояснил, что у того — кишечная инфекция, «багдадский живот», так это здесь, кажется, называется, и зря он вообще сегодня поехал.

Экскурсия подошла к концу, но француз еще на какое-то время задержал Викторию, задавая вопросы. Наконец они спустились, и тут профессор Понсфут Джонс с героическим радушием пригласил гостей перед отъездом выпить чаю.

Однако француз его приглашение вежливо отклонил. Им необходимо ехать, пока не стемнело, объяснил он, иначе они не смогут найти дорогу. Ричард Бейкер поспешил его поддержать. Больного друга вывели из дома, и автомобиль на полной скорости унесся прочь.

— Это только цветочки, я думаю, — проворчал профессор. — Теперь будут гости каждый Божий день.

И, отломив толстый край арабской лепешки, он густо намазал его абрикосовым джемом.

После чая Ричард пошел к себе. Ему надо было ответить на несколько писем и несколько написать самому, перед завтрашней поездкой в Багдад.

Внезапно он нахмурил брови. Хотя он отнюдь не выглядел педантом и аккуратистом, тем не менее он — на свой лад — всегда содержал одежду и бумаги в строго определенном, неизменном порядке. И теперь сразу заметил, что во всех ящиках кто-то рылся. Не слуги, в этом он был уверен. Значит, один из посетителей, тот, что под предлогом недомогания спустился в дом, воспользовался этой возможностью, чтобы хладнокровно перебрать все его вещи. Однако ничего не пропало, он в этом удостоверился прежде всего. И деньги целы. «Что же тогда искали?» — думал он. Лицо его помрачнело.

Он прошел в помещение, где хранились самые ценные находки, посмотрел в ящике с печатями и оттисками и зловеще усмехнулся: ничего не тронуто. Он вернулся в гостиную. Профессор Понсфут Джонс разговаривал с десятником во дворе, Виктория одна, свернувшись калачиком в кресле, читала книгу.

Ричард без предисловий сказал:

— Кто-то обыскивал мою комнату.

Виктория удивленно подняла голову.

— То есть как? Кто?

— Не вы?

— Я? — возмутилась Виктория. — Конечно нет! С какой стати я буду рыться в ваших вещах?

Ричард пристально посмотрел на нее. Потом сказал:

— По-видимому, наш гость, тот, что прикинулся больным и ушел в дом.

— Он что-нибудь украл?

— Нет, — ответил Ричард. — Все на месте.

— Но зачем кому-то могло понадобиться?..

Ричард не дал ей договорить.

— Я полагал, что на этот вопрос можете ответить вы. — Я?!

— Вы же сами рассказывали, какие с *вами* происходили удивительные вещи.

— Ах, это… Да, конечно. Но зачем имвашу-то комнату было обыскивать? Вы же никак не связаны с…

— С чем?

Виктория задумалась и не отвечала.

— Простите, — наконец проговорила она. — Что вы спрашивали? Я прослушала.

Ричард не стал повторять свой вопрос. А вместо этого поинтересовался:

— Что вы читаете?

Виктория скривила губы.

— Тут выбирать ведь особенно не из чего. «Повесть о двух городах», «Гордость и предубеждение» и «Мельница на Флоссе»[128]. Я читаю «Повесть о двух городах».

— Раньше не читали?

— Нет. Я всегда думала, что Диккенс — это скучища.

— Что за ерунда.

— Ага. А читаю — страшно интересно.

— Докуда вы дошли? — Он заглянул ей через плечо и прочитал вслух: — «И вязальщицы считают: один».

— По-моему, она такая страшная, — призналась Виктория.

— Кто? Мадам Дефарж? Да, превосходный образ. Хотя я всегда сомневался, можно ли на самом деле в вязании зашифровать имена. Правда я, конечно, не вязальщик.

— А по-моему, вполне можно! — подумав, сказала Виктория. — Лицевая, изнаночная, перекиды, накиды, спуски… Снять петлю не так через определенные промежутки или спустить. А вид будет такой, будто кто-то просто не умеет вязать и напутал невесть чего…

Внезапно в голове у нее произошла как бы ослепительная

вспышка и совместились два воспоминания. Имя — и некий зрительный образ. Человек, прижимающий к груди дырявый вязаный шарф ярко-красного цвета, — шарф, который она позже подобрала с полу и наспех сунула в ящик. И одновременно имя. Дефарж — не Лефарж, а Дефарж, мадам Дефарж!

Она опомнилась, только когда услышала вежливый голос Ричарда:

— Что-то случилось?

— Да нет… просто мне пришла в голову одна мысль.

— Понимаю, — сказал Ричард и вздернул брови с самым невыносимо-высокомерным видом.

Завтра, думала Виктория, она вместе со всеми поедет в Багдад. И на этом кончается ее передышка. Больше недели она жила тут в покое и безопасности, огляделась, пришла в себя. И как ей было тут хорошо, просто чудесно! Наверно, она просто трусиха. Всегда болтала, что обожает приключения, а как до дела дошло, то не слишком-то это оказалась веселая штука — приключения. Отвратительная маска с хлороформом на лице, и ужасное ощущение удушья, и как страшно, по-настоящему страшно было в той комнатке, когда араб в лохмотьях сказал: «Букра!»

И вот теперь она должна ко всему этому возвращаться. Потому что она подрядилась к мистеру Дэйкину, и он ей заплатил, и надо выполнить свою работу и не ударить в грязь лицом! Может быть, даже придется вернуться в «Масличную ветвь». Ее пробрала дрожь при воспоминании о докторе Ратбоуне. Как он на нее тогда грозно смотрел! Это было предостережение…

А может быть, все-таки не понадобится возвращаться. Мистер Дэйкин может решить, что не надо, раз они уже про нее знают. Но все равно она должна вернуться в тот пансион за вещами, потому что у нее в чемодане, засунутый впопыхах, лежит тот красный вязаный шарф… Уезжая из Басры, она наскоро попихала вещи в чемоданы. И теперь только, когда шарф попадет в руки мистера Дэйкина, она сможет счесть свою задачу выполненной. Может быть, он тогда скажет ей, как в кино: «Неплохо, Виктория. Молодцом!»

Она подняла глаза — Ричард Бейкер наблюдал за ней.

— Кстати, — сказал он, — вы сможете завтра в Багдаде взять свой паспорт?

— Паспорт?

Виктория стала второпях соображать. О своем положении в экспедиции она, со свойственным ей легкомыслием, до сих пор не подумала. Ясно, что ввиду скорого приезда из Англии настоящей Вероники (или Венеции) ей необходимо своевременно

ретироваться на заранее подготовленные позиции. Но просто ли так, потихоньку улизнуть или сначала покаяться в обмане? Виктория до сих пор еще не приняла окончательного решения, она как истинная последовательница мистера Микобера верила, что как-нибудь да само образуется.

— Даже не знаю, — ответила она неопределенно.

— Понимаете, паспорт нужен для местных властей, — сказал Ричард. — Они регистрируют номер, имя и фамилию, возраст, особые приметы и всякое такое. Я думаю, так как паспорта у вас нет, надо будет просто сообщить им вашу фамилию и приметы. Между прочим, как ваша фамилия? Мы тут называем вас просто Виктория.

Виктория отважно приняла вызов.

— Вот еще! — сказала она игриво. — Вы знаете мою фамилию не хуже, чем я.

— Это не совсем верно, — возразил Ричард. В его улыбке промелькнуло что-то беспощадное. — Я-то знаю вашу фамилию. А вот вы, по-моему, нет.

Он неотрывно наблюдал за ней сквозь очки.

— Как это — нет? Конечно, я знаю свою фамилию!

— В таком случае — назовите, — твердо и резко приказал он. И после паузы заключил: — Лгать бесполезно. Ваша карта бита. Вы очень хитро вели игру. Читали специальную литературу, демонстрировали всю свою эрудицию — но такой обман долго поддерживать невозможно. Я расставлял вам ловушки, и вы в них попадались. Я городил разный вздор, а вы его принимали за чистую монету. — Он перевел дух. — Вы — не Венеция Сэвил. Кто вы?

— Я же сказала вам при первой встрече. Я — Виктория Джонс.

— Племянница профессора Понсфута Джонса?

— Не племянница. Но все равно моя фамилия Джонс.

— Вы мне тогда и многое другое еще говорили.

— Да, и всё — истинная правда! Но я видела, что вы не верите. И ужасно разозлилась. Потому что я хоть и вру иногда — вернее, довольно часто, — но тогда я ни вот на столечко не наврала. Ну, и сказала, чтобы получилось убедительнее, что моя фамилия — Понсфут Джонс, я так уже говорила тут кое-кому, и выходило всегда очень удачно. Откуда мне было знать, что вы как раз к нему едете?

— То-то было для вас, должно быть, потрясение, — хмуро заметил Ричард. — Но вы его перенесли очень стойко. И бровью не повели.

— Это только снаружи, — сказала Виктория. — А внутри вся

задрожала. Но я понимала, что если признаюсь не сразу, а потом, когда уже попаду сюда, то, по крайней мере, здесь я буду в безопасности.

— В безопасности? — повторил он и задумался. — Послушайте, Виктория, неужели действительно вся эта чепуха, как вас усыпили хлороформом, — правда?

— Конечно правда! Разве вы не понимаете, если бы я хотела наврать, то уж как-нибудь сочинила бы поскладнее и рассказала бы получше.

— Теперь, зная вас ближе, я могу оценить убедительность этого аргумента. Однако согласитесь, на первый взгляд ваш рассказ выглядел совершенно неправдоподобным.

— Но *сейчас* вы уже готовы поверить. Почему?

Ричард медленно ответил:

— Потому что, если, как вы говорите, это как-то связано с гибелью Кармайкла, тогда… тогда это может быть правдой.

— С него все и началось.

— Будет лучше, если вы теперь расскажете мне все.

Виктория задержала на нем внимательный взгляд.

— Никак не решу, могу ли я вам довериться, — проговорила она.

— Вы — мне?! Неужели вы не понимаете, ведь это у меня были самые серьезные основания подозревать, что вы пробрались сюда под чужим именем, со специальной целью добыть информацию у меня! Вполне возможно, что так оно и есть!

— То есть вам известно что-то про Кармайкла, что может представлять интерес для них?

— А кто такие — они?

— Придется вам все рассказать, — решила Виктория. — Другого выхода нет, а если вы — один из них, то и без меня все знаете, и, значит, не важно.

Виктория описала ему гибель Кармайкла, и свой разговор с мистером Дэйкином, и как она улетела в Басру, и устроилась работать в «Масличную ветвь», и как плохо к ней относилась Катерина, и про доктора Ратбоуна и его предостережение, и чем все это кончилось, включая на этот раз загадку крашеных волос. Единственное, о чем она умолчала, были красный шарф и мадам Дефарж.

— Доктор Ратбоун, — удивился Ричард. — Вы думаете, что ион замешан? И он стоит за этим? Но, милая моя, он же очень известный человек. Знаменитый на весь мир. Его проекты получают финансовую поддержку чуть не во всех странах.

— Ну и что? Это как раз все очень подходит, — сказала Виктория.

— Я всегда считал его напыщенным ослом.

— И это тоже очень подходящая маскировка.

— Д-да, пожалуй. А кто такой Лефарж, про которого вы спрашивали?

— Просто так, одно имя, — отозвалась Виктория. — И еще Анна Шееле, — поспешила она добавить.

— Анна Шееле? Нет, не слыхал.

— Она играет какую-то важную роль, — сказала Виктория. — Но какую и в чем важность, не пойму. Все слишком запутано.

— Скажите-ка мне еще раз, кто тот человек, который втянул вас в это дело?

— Эдвард… Вы имеете в виду мистера Дэйкина? Он, по-моему, служит в нефтяной компании.

— Такой понурый, неприметный, немного туповатый с виду?

— Д-да… Но нет на самом деле. В смысле совсем даже не туповатый.

— И пьет?

— Говорят про него, но я не думаю.

Ричард откинулся на спинку стула.

— Филипс Оппенгейм, Вильям Ле Кё[129] и ряд позднейших подражателей. И это все существует на самом деле? Вот вы, вы на самом деле существуете? И кто вы, невинная преследуемая жертва или бессовестная авантюристка?

Виктория озабоченно сказала:

— Главное не это, а что мы скажем про меня профессору Понсфуту Джонсу?

— Ничего, — ответил Ричард. — Никаких объяснений не понадобится.

Глава 21

Выехали в Багдад рано утром. Странно, но на душе у Виктории было как-то тоскливо. Даже комок подкатывал к горлу, когда оглядывалась на экспедиционное здание. Впрочем, в грузовике так трясло и подкидывало, что скоро она уже ничего не ощущала, кроме мучений от такой езды. Она снова ехала по так называемой дороге, обгоняя ослов и разъезжаясь со встречными грузовиками. На то, чтобы добраться до окраин Багдада, ушло почти три часа. Возле отеля «Тио» пассажиры были высажены, а повар поехал дальше производить необходимые закупки. Профессора Понсфута Джонса и Ричарда дожидался целый мешок корреспонденции. Толстый и сияющий Маркус встретил Викторию со всем своим неизменным радушием.

— Давно, давно я вас не видел. Вы не были в моей гостинице целую неделю, — нет, две. Почему? Пообедайте сегодня у меня, вам подадут все, что только пожелаете. Молодых цыплят? Большой бифштекс? Только не мою особую индюшку, фаршированную рисом и пряностями, потому что ее надо заказывать за сутки.

Было ясно, что в отеле «Тио» о похищении Виктории ничего не знают. Должно быть, мистер Дэйкин посоветовал Эдварду не обращаться в полицию.

— Вы не знаете, Маркус, мистер Дэйкин сейчас в Багдаде? — спросила Виктория.

— Мистер Дэйкин?.. Да-да, очень приятный джентльмен… Конечно, конечно, ваш друг. Был здесь вчера, нет, третьего дня. И капитан Кросби, знаете его? Друг мистера Дэйкина. Он сегодня приезжает из Керманшаха.

— А где работает мистер Дэйкин, вы не знаете?

— Как же не знаю, знаю. Все знают «Иракско-Иранскую нефтяную компанию».

— Мне нужно прямо сейчас туда съездить. На такси. Но чтобы таксист точно знал, где это.

— Я ему сам объясню, — любезно вызвался Маркус.

Он спустился с Викторией на улицу, издал оглушительный клич, в ответ на который немедленно примчался перепуганный слуга и был отправлен за такси.

Маркус усадил Викторию в машину, поговорил с водителем и, отступив от дверцы, уже поднял руку в прощальном приветствии.

— Да, и мне нужен номер, — сказала ему Виктория. — Это можно?

— Конечно, конечно. Я отведу вам прекрасную комнату и приготовлю вам большой бифштекс, а вечером будет по такому случаю угощение: черная икра. А до этого — напитки.

— Чудесно, — сказала Виктория. — И еще, Маркус, вы можете одолжить мне немного денег?

— Конечно, конечно, моя милая. Вот пожалуйста. Берите все.

Такси издало громкий гудок и рванулось с места. Виктория упала на сиденье, сжимая в кулаке несколько банкнот и монет.

Через пять минут она вошла в помещение «Иракско-Иранской нефтяной компании» и выразила желание видеть мистера Дэйкина.

Мистер Дэйкин сидел у себя за столом и писал. Когда Виктория вошла, он поднялся ей навстречу, вежливо пожал руку.

— Мисс… э-э… мисс Джонс, если не ошибаюсь? Подайте кофе, Абдулла.

Когда закрылась звуконепроницаемая дверь, он сказал:

— Вам, вообще говоря, не следовало сюда являться.

— Мне понадобилось срочно, — ответила Виктория. — Необходимо вам сообщить одну вещь, не откладывая, пока со мной опять что-нибудь не случится.

— Случится? А что, с вами что-то случилось?

— Разве вы не знаете? — удивилась Виктория. — Эдвард вам ничего не сказал?

— Согласно моей информации, вы в настоящее время мирно работаете в «Масличной ветви». Никто мне ничего не сообщал.

— Катерина! — воскликнула Виктория.

— Простите, не понял?

— Это все она, дрянь! Конечно! Наврала Эдварду с три короба, а он и поверил, дурья голова!

— В чем же все-таки дело? — спросил мистер Дэйкин. — И… гм, если позволительно заметить, — он тактично скользнул взглядом по ее прическе, — черные волосы вам больше к лицу.

— Это еще что, — сказала Виктория.

В дверь постучали, слуга внес две чашечки сладкого кофе. Когда он вышел, Дэйкин сказал:

— Теперь можете без спешки, спокойно все рассказывать. Нас здесь не подслушают.

И Виктория принялась описывать свои приключения. Как и раньше, разговор с мистером Дэйкином вышел короткий и по существу. Кончила она тем, что изложила ему осенившую ее мысль, связанную с красным шарфом Кармайкла и с мадам Дефарж.

Договорив, она опасливо взглянула на мистера Дэйкина. Когда она вошла, он показался ей совсем зачуханным и унылым.

Но теперь глаза у него блестели.

— Мне следовало бы чаще перечитывать Диккенса, — произнес он.

— Значит, вы думаете, что я права? Что он на самом деле сказал: «Дефарж» и что в шарфе что-то зашифровано?

— Я думаю, — ответил Дэйкин, — что это наша первая настоящая удача и обязаны мы ею — вам. Но сейчас самое главное — шарф. Где он?

— Он среди моих вещей. Тогда я его сунула в комод, а потом, когда переезжала, прямо всю охапку пихнула в чемодан.

— И вы никому не обмолвились — ни единому человеку, — что это шарф Кармайкла?

— Да нет же, я о нем и думать забыла. Он так и валяется у меня в чемодане, я в Басре его ни разу даже не отпирала.

— Тогда можно надеяться, что шарф в сохранности. Если даже они копались в ваших вещах, старый вязаный шарф не привлек бы их внимания — если только они о нем не знали, а этого быть не могло. Теперь остается всего лишь собрать ваши чемоданы и доставить вам по… у вас адрес, кстати, есть?

— Я сняла номер в «Тио».

Дэйкин кивнул:

— Прекрасно.

— А должна я… вам нужно, чтобы я… вернулась в «Масличную ветвь»?

Дэйкин прищурился.

— Боитесь?

Виктория выпятила подбородок.

— Ничуть, — с вызовом ответила она. — Могу, если хотите, возвратиться на работу.

— Это, на мой взгляд, необязательно, даже попросту глупо. Ведь так или иначе, но им о вашей тайной деятельности стало известно. И вы больше никакой пользы там принести не сможете. Так что лучше вам туда больше не соваться.

Он улыбнулся.

— Не то еще в следующий раз явитесь ко мне рыжая.

— Вот это меня больше всего занимает! — призналась Виктория. — Зачем они меня покрасили? Сколько ни гадаю, понять не могу. А вам ничего в голову не приходит?

— Только одно малоприятное соображение, что так было бы труднее опознать ваш труп.

— Но если они хотели, чтобы я стала трупом, почему не убили меня сразу же?

— Это очень интересный вопрос, Виктория. И я бы очень хотел получить на него ответ.

— У вас нет никакой гипотезы?

— Ключа негу, — усмехнувшись, сказал мистер Дэйкин.

— Да, насчет ключа, — оживилась Виктория. — Помните, я вам в то утро в отеле «Тио» говорила, что с сэром Рупертом Крофтоном Ли что-то не так?

— Помню.

— Вы ведь с ним не были лично знакомы?

— Нет, до этого мы не встречались.

— Я так и думала. Потому что, понимаете, это вовсе и не был сэр Руперт Крофтон Ли.

И она возбужденно принялась за новый рассказ, который начинался со зреющего фурункула на шее у сэра Руперта Крофтона Ли.

— Вот, стало быть, как это произошло, — сказал Дэйкин. — А я недоумевал, почему Кармайкл потерял бдительность и дал себя зарезать? Он благополучно дошел до Крофтона Ли — и Крофтон Ли вонзил ему нож в грудь. Но у него еще хватило сил вырваться и вбежать в вашу комнату. И при этом он сжимал в руке шарф — как последнее сокровище в своей жизни. В прямом смысле слова.

— Вы думаете, они для того меня и похитили, чтобы я не рассказала вам? Но ведь об этом никто не знал, кроме Эдварда.

— Я думаю, они решили от вас срочно избавиться, потому что вы начали разбираться в их делах.

— Да, доктор Ратбоун меня предостерег. Но только это было больше похоже на угрозу, чем на предостережение. По-моему, он понимал, что я — не та, за кого себя выдаю.

— Ратбоун — не дурак, — сухо заметил Дэйкин.

— Вот хорошо-то, что мне не надо возвращаться в «Масличную ветвь», — откровенно сказала Виктория. — Это я только прикидывалась храброй. А на самом деле мне так страшно — брр! Но только, ведь если я не вернусь в «Масличную ветвь», как же мне увидеться с Эдвардом?

Дэйкин улыбнулся.

— Раз Магомет пс идет к горе, значит, гора должна прийти к Магомету. Возьмите листок и напишите ему записку. Коротко — что вы находитесь в отеле «Тио» и просите его привезти вашу одежду и чемоданы. Утром я поеду к доктору Ратбоуну обсудить с ним его очередное клубное мероприятие. И мне не составит труда сунуть потихоньку записку его секретарю. Так что ваша врагиня Катерина не сможет ее перехватить. Что же касается вас, то отправляйтесь в «Тио» и ждите там… И вот что, Виктория…

— Да?

— Если попадете в переделку — какую бы то ни было, — думайте только о себе. За вами будут приглядывать, насколько

это возможно, но противники ваши беспощадны, а вы, к сожалению, чересчур много знаете. После того, как ваш багаж окажется в отеле «Тио», обязательств передо мной у вас больше не останется. Имейте это в виду.

— Еду прямо в «Тио», — сказала Виктория. — Только я должна зайти купить пудру, губную помаду и питательный крем. Ведь надо же в конце концов…

— Ведь надо же своего кавалера встретить во все оружии, — кивнул мистер Дэйкин.

— Ну да, Ричарду Бейкеру в таком виде показываться — это еще куда ни шло, хотя и ему надо бы доказать, что я, если постараюсь, могу выглядеть вполне ничего. Но Эдвард!..

Глава 22

Старательно расчесав белокурые локоны, напудрив нос и намазав губы, Виктория снова уселась Джульеттой на балконе отеля «Тио» поджидать своего Ромео.

И Ромео, когда настал срок, явился. Он шел по газону, озираясь во все стороны.

— Эдвард, — тихо позвала Виктория.

Он поднял голову.

— А! Виктория! Вот ты где.

— Подымайся сюда.

— Я мигом.

И через минуту он уже очутился на балконе, где в это время, кроме Виктории, никого не было.

— Здесь будет спокойнее, — сказала Виктория. — Потом спустимся, и Маркус даст нам что-нибудь выпить.

Эдвард недоуменно вытаращил на нее глаза.

— Послушай, Виктория, ты вроде что-то сделала со своими волосами?

Виктория чуть не задохнулась от возмущения.

— Кто мне еще раз скажет про волосы, я того просто трахну стулом по голове.

— По-моему, раньше было лучше, — рассудил Эдвард.

— Это ты Катерине скажи!

— Катерине? А она-то при чем?

— При всем, — ответила Виктория. — Ты велел, чтобы я с ней подружилась, я и послушалась. Знал бы ты только, к чему это меня привело!

— Кстати, где ты пропадала все это время, Виктория? Я даже беспокоиться начал.

— Да? Неужели? Где же я, по-твоему, была?

— Катерина мне передала от тебя, что тебе срочно понадобилось выехать в Мосул. Что дело очень важное, что у тебя хорошие новости и что ты со мной свяжешься, когда будет можно.

— И ты, конечно, поверил? — чуть ли не с жалостью спросила Виктория.

— Я подумал, ты напала на какой-то след. И понятно, Катерине ведь не скажешь…

— А у тебя не мелькнуло подозрение, что Катерина все врет и что меня ударили по голове?..

— Что-о? — Эдвард выпучил глаза.

— …усыпили хлороформом, морили голодом?..

Эдвард торопливо огляделся вокруг.

— Господи Боже мой! У меня и в мыслях не было… Послушай, тут неприятно разговаривать. Смотри, сколько окон. Может, пойдем в твою комнату?

— Ладно. Ты вещи привез?

— Да, выгрузил у швейцара.

— Потому что когда целых две недели не во что переодеться…

— Виктория! Да что же это с тобой приключилось? Слушай. Я на машине. Поехали в Девоншир? Ты ведь там еще не была?

— В Девоншире? — не поняла Виктория.

— Это просто такое название, место одно под Багдадом. Там замечательно в это время года. Поехали, а? Столько времени не были вдвоем…

— С Вавилона. Вот только что скажет доктор Ратбоун со своей «Масличной ветвью»?

— Провались доктор Ратбоун. Я от него так и так ухожу, от старого осла. Надоел.

Они сбежали по лестнице к подъезду, где ждал автомобиль Эдварда. И поехали в южном направлении по широкой, обсаженной деревьями дороге. Потом свернули, покатили, переваливаясь и оседая, между пальмами да мосткам над оросительными каналами. И внезапно очутились в роще, во всех направлениях пересеченной канавками с водой. Деревья в роще, главным образом миндаль и абрикосы, как раз зацветали. Это было как в сказке. За рощей протекал Тигр.

Эдвард и Виктория вылезли из автомобиля и пошли гулять среди деревьев в цвету.

— Какая прелесть, — глубоко вдыхая ароматный воздух, сказала Виктория. — Будто английская весна.

Веял нежный теплый ветерок. Они сели на ствол упавшего дерева под розовым цветочным пологом.

— А теперь, дорогая, — попросил Эдвард, — расскажи мне, что с тобой было. Я так исстрадался.

— Правда? — Она блаженно улыбнулась.

И рассказала ему все. Как пошла мыть волосы. Как отбивалась, когда лицо ей залепили тряпкой с хлороформом. Как плохо себя чувствовала, когда очнулась. Как убежала и случайно встретилась с Ричардом Бейкером и как по дороге к месту раскопок назвалась Викторией Понсфут Джонс, а потом умудрилась почти две недели изображать из себя прибывшую из Англии студентку-археолога.

В этом месте Эдвард весело расхохотался.

— Ну, Виктория, ты просто чудо! Чего ты только не насочиняешь.

— Да, я знаю, — повинилась Виктория. — Дядя — профессор Понсфут Джонс. А раньше еще другой дядя — епископ.

И тут она вдруг вспомнила, о чем собралась спросить Эдварда в Басре, когда миссис Клейтон ее прервала и позвала пить коктейли.

— Я еще раньше хотела спросить, — сказала она. — Откуда ты-то знал про епископа?

И почувствовала, как он сдавил ей пальцы. Он поспешно, чересчур поспешно, ответил:

— Ты же мне сама сказала, не помнишь?

Виктория взглянула на него. Удивительно, думалось ей впоследствии, как одна случайная пустяковая обмолвка смогла произвести такое сокрушительное действие.

Эдвард оказался застигнут врасплох, он был совершенно не подготовлен к ответу, растерялся — и с лица его упала маска.

Виктория смотрела на него, и внезапно у нее в мыслях все перевернулось, как в калейдоскопе, и сложилось в симметричную картину. Она поняла правду. Может быть, на самом деле это произошло и не внезапно, а исподволь, вопрос, откуда Эдвард знает про дядю епископа? — в подсознании все время беспокоил ее, подталкивая к неизбежному выводу… Про епископа Лланголуского она Эдварду ничего не говорила, единственно от кого еще он мог о нем узнать, это от мистера и миссис Гамильтон Клиппс. Но когда мадам пересаживалась в Багдаде на поезд, он находился в Басре и видеться они не могли, значит, он узнал еще в Англии. Выходит, он и о ее предстоящем прибытии в обществе миссис Гамильтон Клиппс тоже знал. И вообще, то чудесное совпадение никаким совпадением не было. Оно было задумано и спланировано заранее.

Теперь, глядя на его лицо без маски, Виктория поняла, что подразумевал Кармайкл, когда произнес имя Люцифер. Она знала, что он увидел в консульстве за дверью, распахнутой из коридора в солнечный сад. Он увидел вот это прекрасное лицо, на которое она смотрит сейчас, — ведь оно и в самом деле было прекрасно. «Как пал ты с неба, Люцифер, сын зари!»

Не доктор Ратбоун, а Эдвард! Играет незаметную роль, какой-то секретаришка, а на самом деле именно он всем заправляет и распоряжается, используя Ратбоуна как вывеску — и Ратбоун предостерегал ее, советовал уносить ноги, пока не поздно…

Виктория вгляделась в это прекрасное злое лицо, и глупенькая детская влюбленность в ее сердце растаяла без следа. Никакая это и не любовь, то чувство, что она испытывала к Эдварду. Точно так же она до Эдварда была влюблена в Хамфри Богарта[130], а потом в герцога Эдинбургского[131]. А Эдвард

вообще не питал к ней никакого чувства. Он нарочно, с расчетом, пустил в ход свое ослепительное мужское обаяние и подцепил ее, дурочку, прямо на улице, а она и попалась на крючок.

Удивительно, как много мыслей может пронестись в мозгу за одно краткое мгновенье. Это как озарение, голову ломать не приходится. Просто осеняет, и начинаешь вдруг все ясно понимать, сразу и все. Может быть, потому, что на самом деле, подспудно, понимаешь уже давно.

Но инстинкт самосохранения молниеносно, как всегда у Виктории, подсказал ей, что надо держать на лице выражение идиотического восторга. Потому что ей угрожает смертельная опасность. И спасение — только в одном, у нее есть только один козырь. Виктория тут же пустила его в ход.

— Да ты же все знал! — всплеснула она руками. — Даже, что я лечу сюда. Ты же, наверно, это и устроил. Ах, Эдвард, ты такой замечательный!

Ее лицо, послушное зеркало любой игры чувств, сейчас выражало одну эмоцию — безбрежное обожание. И на его лице она прочитала ответ: слегка презрительную усмешку облегчения. Она почти читала его мысли: «Дура! Эта проглотит что угодно. Я могу из нее веревки вить».

— Но как тебе удалось? — восхищенно спросила Виктория. — У тебя, наверно, огромные возможности. Ты, я думаю, совсем не тот, каким притворяешься. Ты… как ты тогда говорил… царь Вавилонский!

Он весь залучился самодовольством. Под личиной простого симпатичного юноши Виктория разглядела власть, красоту и беспощадность силы. «Я же только жалкая христианская раба», — подумала она. Но вслух пролепетала, — и какого усилия ей это унижение стоило! — однако нужен был последний художественный штрих:

— Но все-таки ты ведь меня любишь?

Его презрение уже не поддавалось утайке. Вот дура! Все женщины — безмозглые дуры! Любая готова поверить, что ты от нее без ума, а остальное их не интересует. Ни величие, ни строительство нового мира — подавай им любовь! Одно слово — рабы. Ими и пользуются как рабами для достижения своих целей.

— Ну конечно люблю.

— Но что это все значит? Расскажи мне, Эдвард. Чтобы я могла понять.

— Мы строим новый мир, Виктория. Он возникнет из обломков и праха старого мира.

— Расскажи.

Он принялся рассказывать, и она поневоле была захвачена

удивительной мечтой. Порочные обитатели старого мира обречены уничтожить друг друга. Жирные старики, думающие только о прибылях, стоящие на пути прогресса. И тупые фанатики-коммунисты, стремящиеся устроить на земле свой марксистский рай. Будет тотальная война, тотальная гибель. А затем — новые небеса и новая земля. И на ней — горстка избранных, существа высшего порядка — ученые, агрономы, администраторы — молодые красавцы вроде Эдварда — Зигфриды[132] Нового Мира. Все юные, все уверенные в своем высоком предназначении. Когда по земле прокатится волна гибели, придут они и продолжат историю.

Безумство, но безумство созидательное. В мире разгромленном, распадающемся нечто в этом духе может произойти.

— Но подумай о всех бедных людях, которые должны будут для этого погибнуть, — сказала Виктория.

— Ты не понимаешь, — ответил Эдвард. — Они не имеют значения.

Не имеют значения — вот вера Эдварда. И ей вдруг неизвестно почему подумалось о простых глиняных горшках трехтысячелетней давности, побитых и замазанных битумом. Они как раз и имеют значение, различные предметы ежедневного обихода, и семья, для которой надо готовить пищу, и четыре стены, ограждающие семейный очаг, и скромные домашние ценности. Все эти тысячи простых людей, которые занимаются своими проблемами, обрабатывают свою пашню, лепят горшки и воспитывают детей, смеются и плачут, встают утром и ложатся спать вечером, это они как раз и имеют значение, а не «ангелы» со злыми лицами, затеявшие строить новый мир и не думающие о жертвах.

Виктория осторожно, понимая, что сейчас, здесь, ей угрожает смертельная опасность, проговорила:

— Эдвард, ты — удивительный! А как же я? Какое я могу принять участие?

— А ты хочешь помогать? Ты поверила?

Но она проявила благоразумие. Внезапное и полное обращение — это было бы чересчур.

— Я, мне кажется, поверила в тебя. И что ты мне велишь, Эдвард, я все исполню.

— Умница, — похвалил он.

— Тебе ведь для чего-то понадобилось, чтобы я сюда прилетела? Была же какая-то причина?

— А как же. Помнишь, я тебя тогда сфотографировал?

— Помню.

(Дурища, выругала себя Виктория, нос задрала и рот разинула!)

— Меня поразил твой профиль. Потрясающее сходство! И я сделал снимки, чтобы удостовериться.

— Сходство с кем?

— С одной женщиной, которая нам страшно вредит. По имени Анна Шееле.

— Анна Шееле, — недоуменно повторила Виктория. Вот уж неожиданность! — Она похожа на меня?

— В профиль — просто одно лицо. И что интересно, у тебя слева на верхней губе есть небольшой шрам…

— Это я в детстве скакала на деревянной лошадке и упала. А у нее ушки торчали, острые такие, я и разрезала себе губу. Но он мало заметен, если запудрить хорошенько.

— И у Анны Шееле такой же шрам и в том же самом месте. Это очень ценно. Рост и фигура тоже более или менее одинаковые. Она постарше, но всего лет на пять. Основное различие — волосы, она блондинка, а ты брюнетка. И совсем другая прическа. Глаза у нее будут посинее, но это не важно, в темных очках не разберешь.

— И тебе из-за этого нужно было, чтобы я приехала в Багдад? Потому что я на нее похожа?

— Да, я подумал, что такое сходство может… может оказаться полезным.

— Поэтому ты все и устроил… А Клиппсы? Кто они?

— Никто. Просто выполняют, что им велят.

У Виктории по спине пробежал холод. Его безразличный, лишенный всяких эмоций тон как бы подразумевал, что ему обязаны слепым послушанием. Вообще в их безумном замысле есть многое от религии, подумала Виктория, Эдвард — сам себе бог, и это ужаснее всего.

Вслух она сказала:

— Ты тогда объяснил мне, что Анна Шееле у вас главный начальник. Царица пчел.

— Должен же я был тебе что-то сказать, сбить со следа. А то ты столько всего уже пронюхала.

«Если бы не случайное сходство с Анной Шееле, тут бы мне и конец», — подумала Виктория. Она спросила:

— А кто она на самом деле?

— Она — доверенный секретарь Отто Моргенталя, американского и международного банкира. Но это еще не все. У нее потрясающий финансовый ум. И есть основания подозревать, что она выследила многие наши финансовые операции. Три человека представляли для нас угрозу: Руперт Крофтон Ли,

Кармайкл — с этими уже покончено — и остается Анна Шееле. Ее прибытие в Багдад ожидается через три дня. Но пока что она исчезла.

— Исчезла? Где?

— В Лондоне. Словно сквозь землю провалилась.

— И никто не знает, куда она делась?

— Дэйкин, возможно, знает.

Но и Дэйкин не знает. Виктории это известно, а Эдварду нет. Где же Анна Шееле может быть?

Виктория спросила:

— И у вас даже предположений нет?

— Есть некоторые предположения, — ответил Эдвард.

— Какие?

— Анна Шееле во что бы то ни стало должна присутствовать на конференции в Багдаде, а начало конференции, как ты знаешь, назначено через пять дней.

— Так скоро? Я понятия не имела.

— Мы держим под надзором все въезды в страну. Она, конечно, приедет не под собственным именем. И не на правительственном самолете. У нас есть каналы, по которым мы в этом удостоверились. И мы проверили все списки частных пассажиров всех авиалиний. На Британской заграничной авиации зарегистрирована некая Грете Харден. Мы прошлись по ее данным в Англии — такого человека не существует. Имя вымышленное, указанный адрес неверный. Паше предположение, что Грете Харден это и есть Анна Шееле. — Он добавил: — Ее самолет прибывает в Дамаск послезавтра.

— И что потом?

Эдвард вдруг заглянул ей в глаза.

— А что потом, зависит от тебя, Виктория.

— От меня?

— Ты займешь ее место.

Виктория тихо сказала:

— Как с Рупертом Крофтоном Ли.

Сказала почти шепотом. При той подмене Руперт Крофтон Ли был убит. И теперь, по-видимому, тоже подразумевается, что Виктория выйдет на замену, а Анну Шееле, или Грете Харден, убьют… Но если она и не Согласится, Анну Шееле все равно должны убить.

А Эдвард ждет ответа. И если он хоть на мгновенье в ней усомнится, тогда она, Виктория, умрет — и умрет, не успев никого ни о чем предупредить.

Нет, надо соглашаться и при первой возможности оповестить мистера Дэйкина.

Она сделала глубокий вздох и сказала:

— Я? Я… Но я же не сумею, Эдвард! Меня сразу разоблачат. Я не умею говорить американским голосом.

— Анна Шееле говорит почти без акцента. И потом, у тебя будет ларингит[133]. Это подтвердит один из лучших здешних врачей.

«У них всюду свои люди», — подумала Виктория.

— А что я должна буду делать? — спросила она.

— Прилетишь из Дамаска в Багдад под именем Грете Харден. Немедленно сляжешь в постель. И получишь от нашего уважаемого доктора разрешение подняться только перед самым началом конференции. А там представишь документы, которые привезла с собой.

— Настоящие документы?

— Конечно нет. Мы их подменим.

— И что в них будет?

Эдвард усмехнулся.

— Неопровержимые доказательства колоссального коммунистического заговора в Америке.

«Ишь как ловко придумали», — мелькнуло в голове у Виктории. Вслух она только спросила:

— Ты, правда, думаешь, я справлюсь, Эдвард?

Ее искреннее волнение вполне отвечало роли, которую она сейчас играла.

— Уверен. Ты, я заметил, так смачно притворяешься, просто невозможно не поверить.

Виктория сокрушенно вздохнула.

— Но как вспомню про Клиппсов — я чувствую себя последней дурой.

Он самодовольно рассмеялся.

«Только и ты тоже последний дурак, — злорадно подумала Виктория, сохраняя на лице маску восхищения, — если бы ты тогда в Басре не сболтнул насчет епископа, я бы не разгадала твой обман». Потом она спросила:

— А доктор Ратбоун?

— Что — доктор Ратбоун?

— Он просто вывеска?

Эдвард насмешливо скривил губы.

— Ратбоуну некуда деваться. Знаешь, что он делал все эти годы? Присваивал себе три четверти пожертвований, которые поступают в его организацию со всех концов света. Такого мошенника мир не знал со времен Хорейшио Боттомли[134]. Нет, Ратбоун полностью у нас в руках — мы ведь в любую минуту можем его разоблачить, и он это знает.

Но Виктория вдруг почувствовала признательность к этому старику с благородным высоким лбом и с низкой корыстной душой. Может, он и жулик, но, по крайней мере, не безжалостный — он хотел, чтобы она вырвалась от них, пока не поздно.

— Все работает на пользу нашему Новому Порядку, — произнес Эдвард.

«А Эдвард, который кажется таким нормальным, на самом деле сумасшедший! — вдруг поняла Виктория. — Наверно, человек не может не сойти с ума, если берет на себя роль бога. Говорят, что главная христианская добродетель — смирение. Теперь понятно почему. Смирение позволяет сохранять разум и оставаться человеком…»

— Пора, — сказал он. — Надо доставить тебя в Дамаск и разработать план действий на послезавтра.

Виктория живо вскочила. Только бы выбраться из этого Девоншира и снова очутиться в людном Багдаде, в отеле «Тио», под крылышком у шумного, приветливого, любезного Маркуса, и Эдвард будет не так страшен. Ей предстоит двойная роль: надо по-прежнему обманывать Эдварда, изображая собачью преданность, и в то же время тайно сорвать его планы. Она сказала:

— Ты думаешь, мистер Дэйкин знает, где Анна Шееле? Может, мне попытаться разузнать? Глядишь, он обмолвится.

— Вряд ли. К тому же ты Дэйкина не увидишь.

— А он велел мне сегодня вечером к нему зайти, — без зазрения совести соврала Виктория, ощутив холодок в спине. — Ему покажется странно, что я не явилась.

— Теперь уже не важно, что ему покажется. У нас уже все продумано. — Он добавил: — В Багдаде тебя больше не увидят.

— Но, Эдвард, в «Тио» все мои вещи! Я номер сняла.

Шарф, бесценный шарф.

— Твои вещи тебе больше не понадобятся пока. У меня для тебя готова другая одежда. Поехали.

Они снова уселись в автомобиль. Виктория думала: «Можно было ожидать, что Эдвард больше не допустит моей встречи с мистером Дэйкином, после того как я его уличила, не такой же он все-таки дурак. Он верит, что я от него без ума, в этом он, по-моему, не сомневается, но, конечно, рисковать не станет».

Она спросила:

— А если меня начнут искать, когда увидят, что я не появляюсь?

— Мы это уладим. Официально ты попрощаешься со мной на мосту и отправишься навестить знакомых на западном берегу.

— А на самом деле?

— Потерпи — увидишь.

Виктория замолчала, и они покатили, трясясь и подскакивая, по камням, между пальмовыми стволами, по мосткам через оросительные канавы.

— Лефарж, — буркнул себе под нос Эдвард. — Что, черт возьми, хотел Кармайкл этим сказать?

У Виктории испуганно заколотилось сердце.

— Ах да, — проговорила она. — Забыла тебе сказать. Может, это не важно, не знаю. К нам на раскопки в Тель-Асвад приезжал человек, которого звали мосье Лефарж.

— Что? — Эдвард так всполошился, что чуть не остановил автомобиль. — Когда?

— Ну, не знаю, примерно с неделю назад. Говорил, что едет с раскопок в Сирии, там мосье Парро, кажется, копает.

— А два француза, Андре и Жюве, при тебе не появлялись?

— Как же, — ответила Виктория. — У одного еще заболел живот, он ушел в дом и лег.

— Это были наши люди, — сказал Эдвард.

— А зачем они приезжали? Меня искали?

— Н-нет. Я понятия не имел, где ты. Но Ричард Бейкер находился в Басре одновременно с Кармайклом. Была мысль, не передал ли Кармайкл что-то Бейкеру?

— Он жаловался, что у него в вещах рылись. Нашли они что-нибудь?

— Нет. Ты постарайся вспомнить, Виктория, мосье Лефарж приезжал до этих двоих или позже?

Виктория отчаянно наморщила лоб, соображая, какой образ действий приписать мифическому мосье Лефаржу.

— Это было… Да, точно, накануне того дня, когда приезжали они, — наконец заключила она.

— И что он делал?

— Ну что? Пошел на раскопки с профессором Понсфутом Джонсом. А потом Ричард Бейкер увел их в дом смотреть ценные находки.

— Значит, пошел в дом с Бейкером. И они разговаривали?

— Наверно. Не станешь же рассматривать разные интересные предметы в полном молчании, правда?

— Лефарж, — задумчиво повторил Эдвард. — Что еще за Лефарж? Почему у нас на него ничего нет?

Викторию так и подмывало ответить: «Он родной брат миссис Харрис»[135]. Но она сдержалась. Очень это удачно она придумала мосье Лефаржа. Он теперь уже ей ясно представлялся — такой хилый, болезненный молодой человек с усиками и черными волосами. И, когда Эдвард попросил, она описала его точно и

подробно.

Автомобиль уже ехал по окраине Багдада. Но вот Эдвард свернул на улицу, застроенную виллами в псевдо-европейском стиле, с балконами и садиками. Перед одной из вилл стоял большой загородный автомобиль. Эдвард остановился позади него, и они с Викторией вышли и поднялись по ступенькам на крыльцо.

В дверях их встретила сухощавая смуглая женщина, Эдвард заговорил с ней по-французски, и притом очень быстро, так что Виктория, знавшая французский не ахти как, поняла только общий смысл: вот эта девушка, и перемены должны быть произведены немедленно.

Француженка обратилась к Виктории и вежливо пригласила ее следовать за собой.

Она привела ее в спальню, там на кровати было разложено облачение монахини. По знаку француженки Виктория все с себя сняла, надела грубую шерстяную рубашку, а поверх — темную ризу в широких средневековых складках. Француженка приладила ей на голову монашеский плат. Виктория украдкой взглянула в зеркало: бледное простое личико в обрамлении пышного белого платка, мелко собранного под подбородком, выглядело каким-то неземным и невинным. Француженка надела ей на шею нитку деревянных четок. И после этого ее, шаркающую по полу подошвами слишком просторных грубых башмаков, вывела к Эдварду.

— Годится, — одобрил Эдвард. — Смотри все время в пол, особенно при мужчинах.

Затем к ним вышла сама француженка, тоже одетая монахиней. Эдвард проводил их к большому автомобилю, за рулем которого теперь сидел рослый смуглый мужчина в европейском платье.

— Дальше все зависит от тебя, Виктория. Выполняй в точности то, что тебе будет сказано, — произнес Эдвард с металлом в голосе.

— А ты разве не едешь, Эдвард? — жалобно спросила Виктория.

Он улыбнулся.

— Мы увидимся через три дня, — сказал он. И с прежней вкрадчивостью тихо добавил: — Не подведи меня, дорогая. Только тебе одной под силу это дело. Я тебя люблю, Виктория. Не рискну при людях поцеловать монахиню — но хотел бы.

Виктория по-монашески скромно опустила глаза, выполняя полученные наставления, — но в действительности просто пряча взыгравшую ярость.

«Ну Иуда!» — мысленно выругалась она.

А вслух все так же любовно произнесла:

— Я, похоже, и вправду твоя христианская раба.

— Ну и умница, — сказал Эдвард. — И не волнуйся. Документы у тебя в полном порядке, на сирийской границе все пройдет без сучка и задорины. Кстати, твое церковное имя — сестра Мария. Все бумаги — у сестры Терезы, которая тебя сопровождает, и она будет распоряжаться, а ты только смотри все выполняй — не то, я честно тебя предупреждаю, быть беде.

Он отошел от дверцы, приветливо помахал рукой, и автомобиль тронулся.

Виктория откинулась на спинку сиденья и принялась обдумывать, как вести себя дальше. Можно, проезжая через Багдад или на сирийском пограничном пропускном пункте, поднять шум, закричать: «Спасите!», заявить, что ее увозят насильно, против ее воли, — словом, так или иначе выразить протест не откладывая.

К чему это приведет? Ясно, что всего вероятнее — к гибели Виктории Джонс. Виктория заметила, как сестра Тереза деловито спрятала в рукаве маленький пистолет. Ей не дадут возможности высказаться.

А можно подождать до Дамаска. И выразить протест там. Вероятно, исход будет тот же. Или ее слова опровергнут с помощью показаний шофера и монахини-спутницы. Предъявят документы, что она психически больна.

Самое правильное — принять их план и выполнить все, как они требуют. Вернуться в Багдад под именем Анны Шееле и сыграть роль Анны Шееле до конца. Потому что тогда, напоследок, неизбежно наступит мгновенье, когда она очутится вне их власти, и Эдвард утратит контроль над ее действиями и словами. Если поддерживать в Эдварде уверенность, что она пойдет ради него на все, то в конце концов она окажется одна, когда надо будет встать перед делегатами конференции и предъявить подложные документы, — и Эдварда там не будет.

Что может ей помешать тогда заявить: «Я — не Анна Шееле, а эти бумаги ложные и сфабрикованные»?

Как это Эдвард не предусмотрел такую опасность? Вот уж действительно тщеславие — слепящая сила. И Ахиллесова пята[136]. Надо еще иметь в виду, что Эдварду и его дружкам для выполнения их замысла без Анны Шееле никак не обойтись. Подыскать другую девушку, похожую на Анну Шееле — чтобы даже шрам был в том же месте, — не так-то просто. Виктория вспомнила, что у Дюбоска в «Лионском почтовом» был шрам над бровью, а также искривленный мизинец, одно от рождения,

другое — результат несчастного случая. Такие совпадения бывают, надо думать, крайне редко. Нет, эти «сверхчеловеки» нуждаются в маленькой секретарше Виктории Джонс, а не она в них. И поэтому они у нее в руках.

Автомобиль переехал через мост. Виктория с нежностью смотрела на воды Тигра. Впереди пылилось широкое шоссе. Пальцы Виктории начали перебирать деревянные четки. Тихий стук их успокаивал.

В конце концов, умиротворенно подумала Виктория, я ведь христианка, а для христианки, по-моему, в сто раз лучше быть мученицей, чем царем Вавилонским, — это я к тому, что, похоже, мне придется принять мученическую смерть. Хорошо хоть, что не во рву со львами[137], львы — это уж очень неприятно.

Глава 23

1

Огромный «скаймастер» описал в воздухе широкую дугу и четко приземлился. Мягко прокатившись по летной дорожке, он остановился в положенном месте. Пассажиров пригласили на выход. Их разделили на две группы: тех, кто летит дальше в Басру, и тех, кому здесь предстояла пересадка для следования в Багдад. Последних было всего четверо: богатый иракский коммерсант, молодой английский врач и две женщины. Всем им полагалось пройти контроль и ответить на вопросы. Первой подошла темноволосая дама со встрепанной прической, криво повязанным платочком и с усталым бледным лицом.

— Миссис Понсфут Джонс? Гражданство — британское. Так. Цель — едете к мужу. Адрес в Багдаде? Какая у вас при себе наличность?

И так далее. Потом ее место заняла вторая женщина.

— Грете Харден. Так. Гражданство? Датчанка. Из Лондона. Цель приезда? На работу массажисткой в клинике. Багдадский адрес? Наличность?..

Грете Харден была худенькая блондинка в темных очках, на верхней губе — не очень ловко запудренный шрамик. Одета аккуратно, но довольно бедно.

Отвечала по-французски, с запинками. Иногда просила повторить вопрос.

Им объявили, что самолет на Багдад будет во второй половине дня. А пока их отвезут в гостиницу, где они смогут отдохнуть и пообедать.

Грете Харден сидела у себя в номере на кровати, когда в дверь постучали. Она открыла — за дверью оказалась высокая молодая брюнетка в форме стюардессы.

— Мисс Харден? Прошу извинения, будьте добры, пройдите со мной в представительство Б ЗА. Требуется кое-что уточнить с вашим билетом. Сюда, пожалуйста.

Грете Харден пошла за ней по коридору. Остановились перед дверью с табличкой, на которой золотыми буквами значилось: «Британские заграничные авиалинии».

Стюардесса распахнула дверь, пропустила ее вперед, а сама закрыла дверь снаружи и быстро отцепила табличку.

Не успела Грете Харден перешагнуть через порог, как двое мужчин, прятавшиеся за дверью, набросили ей на голову какую-то

ткань и заткнули в рот кляп. Один закатал ей рукав, достал шприц и сделал укол.

Через две или три минуты тело ее безжизненно обмякло.

Молодой врач жизнерадостно сказал:

— Ну-с, этого ей хватит часов на шесть. Дальше давайте вы. Действуйте.

И кивнул двум другим людям, находившимся в комнате. Это были монахини, неподвижно сидевшие у окна. Мужчины вышли. Старшая монахиня подошла к Грете Харден и стала снимать одежду с ее беспомощного тела. Младшая, немного дрожа, сняла свою серую ризу. Вскоре Грете Харден в монашеском одеянии лежала распростертая на кровати. А молодая монахиня переоделась в одежду Грете Харден.

Теперь старшая монахиня занялась белокурыми волосами подруги. Поглядывая на приставленную к зеркалу фотографию, она расчесала их, убрала со лба назад и уложила локонами на шею.

Потом отступила на шаг и сказала по-французски:

— Поразительно, как прическа преображает человека. Очки наденьте. У вас глаза чересчур синие. Вот так, чудесно.

В дверь легонько постучали, мужчины вошли обратно. Оба ухмылялись.

— Грете Харден — это точно Анна Шееле, — объявил один. — В чемодане лежат документы, хитро припрятанные между страницами датского пособия по лечебному массажу. Ну, а теперь, мисс Харден, — он насмешливо поклонился Виктории, — окажите мне честь пообедать со мной.

Виктория вышла вслед за ним из комнаты, и они пошли по коридору. Вторая пассажирка диктовала у стойки текст телеграммы.

— Нет, — говорила она, — Понсфут, профессор Понсфут Джонс. Буду сегодня отеле Тио долетела благополучно.

Виктория оглянулась на нее с интересом. Выходит, это супруга профессора, едет к мужу. Что она прилетела на неделю раньше, чем ожидалось, нисколько Викторию не удивило, профессор Понсфут Джонс все время повторял, что, к сожалению, куда-то задевал женино письмо, но почти совершенно уверен, что она прилетает двадцать шестого.

Если бы как-то передать с ней несколько слов Ричарду Бейкеру…

Словно прочтя эти мысли, сопровождающий ее мужчина отвел ее под ручку от стойки.

— Никаких разговоров с другими пассажирами, мисс Харден, — сказал он. — А то как бы эта добрая женщина не

заметила, что вы — не та, которая летела с нею сюда из Англии.

Он повел ее из гостиницы обедать в другой ресторан. Когда они возвращались, миссис Понсфут Джонс как раз спускалась по ступеням им навстречу. Она кивнула и, ничего не заподозрив, бросила Виктории на ходу:

— Осматривали город? А я бегу на базар!

«Если бы засунуть записку ей в багаж…» — подумала Виктория.

Но ее ни на минуту не выпускали из-под надзора.

Самолет на Багдад вылетел в три часа.

Миссис Понсфут Джонс сидела в передней части салона, Виктория — в хвосте, у выхода, а через проход от нее — молодой блондин, ее тюремщик. И подойти или ткнуть куда-то в ее вещи записку у Виктории не было ни малейшей возможности.

До Багдада летели недолго. Второй раз смотрела Виктория сверху на этот большой город, прошитый насквозь Тигром, словно золотой нитью. Еще и месяца не прошло, как она увидела его из самолета первый раз. А сколько с тех пор всего случилось!

Через двое суток сойдутся здесь представители двух основных идеологий, разделивших мир, и будут решать его будущее.

И свою роль в этом должна будет сыграть она, Виктория Джонс.

2

— Знаете, — сказал Ричард Бейкер, — я беспокоюсь об этой девушке.

Профессор Понсфут Джонс рассеянно отозвался:

— Какая еще девушка?

— Виктория.

— Виктория? — Профессор Понсфут Джонс огляделся по сторонам. — А где?.. Вот так-так! Мы же, по-моему, вчера вернулись без нее.

— Я думал, заметите вы или нет?

— Действительно, как же это я? Совершенно забылся с этим отчетом о раскопках в Тель-Бамдаре. В высшей степени сомнительная стратификация[138].. А она что, не знала, где будет ждать грузовик?

— Об ее возвращении сюда не было речи. Дело в том, что она — не Венеция Сэвил.

— Не Венеция Сэвил? Странно. Но, по-моему, вы говорили, ее имя — Виктория?

— Вот именно. И она не антрополог. И не знакома с Эмерсоном. И вообще, все это… гм… недоразумение.

— Бог ты мой. Удивительно. — Профессор Понсфут Джонс слегка задумался. — Крайне удивительно. Надеюсь… надеюсь, не по моей вине? Я немного рассеян, это правда. Какая-нибудь путаница с письмами?

— Не могу понять, — не слушая огорченного профессора, озабоченно продолжал Ричард Бейкер. — Я узнал, что она уехала в автомобиле с молодым человеком и обратно не вернулась. Более того, привезли ее багаж, но она его даже не распаковала, и это очень странно, если вспомнить, в каком она была виде. Было бы естественно ей прежде всего ринуться приводить себя в порядок. И мы условились вместе пообедать… Нет, непонятно. Надеюсь, с ней ничего не случилось.

— О, об этом можете не беспокоиться, — заверил его профессор Понсфут Джонс. — Завтра я начну проходить раскоп Н. Из общего плана следует, что, вернее всего, камеру с документами надо искать где-то там. Тот осколок таблички, по-моему, свидетельствует о многом…

— Один раз ее похитили, — сказал Ричард. — Почему бы ей второй раз не попасться им в лапы?

— Это крайне маловероятно. Крайне. Здесь земли теперь совершенно мирные. Вы же сами говорили.

— Если бы только вспомнить фамилию одного служащего нефтяной компании. Дикон? Или Дэйкин? Что-то в этом роде.

— Никогда не слышал, — уверенно сказал профессор Понсфут Джонс. — Я думаю, надо Мустафу с его людьми перевести в северо-восточный угол. Тогда можно удлинить раскоп…

— Вы не будете возражать, сэр, если я завтра поеду в Багдад?

Профессор Понсфут Джонс, словно очнувшись, обратил удивленный взгляд на своего молодого коллегу.

— Завтра? Но мы ведь там были вчера.

— Я беспокоюсь об этой девушке. Всерьез беспокоюсь.

— Господи, Ричард, я и не подозревал ни о чем таком.

— О чем таком?

— Что у вас появился сердечный интерес. Вот почему плохо, когда на раскопках имеются женщины, особенно миловидные. В позапрошлом сезоне Сибил Мурфилд, уж на что, казалось бы, совсем непривлекательная девушка — а смотрите что из этого вышло! Надо было мне прислушаться к словам Клода еще в Лондоне — французы безошибочно разбираются в таких делах. Он тогда высказался по поводу ее ног в самом одобрительном духе. Но, разумеется, эта девушка Виктория — или Венеция, я уж

и не знаю, как правильно, — она очаровательная и очень славная. У вас, надо признать, Ричард, превосходный вкус. И что любопытно, я впервые наблюдаю у вас сердечный интерес.

— Ничего подобного, — покраснев и еще заносчивее обычного сказал Ричард. — Просто я… э-э… беспокоюсь о ней. Я должен побывать в Багдаде.

— Ну что ж, раз уж вы все равно туда едете, захватите наши новые кирки, — попросил профессор. — Этот глупец шофер их, конечно, забыл.

Ричард выехал едва рассвело и направился прямо в отель «Тио». Здесь он узнал, что Виктория еще не возвращалась.

— А у нас с ней был уговор, что я накормлю ее особым обедом, — сказал Маркус. — И я держу для нее очень хорошую комнату. Как странно, правда?

— Вы в полицию обращались?

— Ах нет, мой друг, это было бы не совсем хорошо. Возможно, ей бы не понравилось. А мне так уж точно.

Наведя некоторые справки, Ричард нашел место службы мистера Дэйкина и явился к нему.

Память Ричарда не обманула — он действительно увидел перед собой сутулые плечи, слабовольное лицо, слегка дрожащие пальцы. Какой может быть прок от этого человека? Ричард извинился, что отнимает у мистера Дэйкина время, но не видел ли он мисс Викторию Джонс?

— Да, она заходила ко мне позавчера.

— А вы не укажете ли мне ее теперешнее местопребывание?

— По-моему, она живет в отеле «Тио».

— Багаж ее там, но ее нет.

Мистер Дэйкин вопросительно вздернул брови.

— Она работала с нами на раскопках в Тель-Асваде, — пояснил Ричард.

— Ах, вот как. Но, боюсь, я ничего полезного вам сказать не могу. У нее в Багдаде как будто бы есть знакомые, но я не настолько близко ее знаю и не могу указать вам, кто они.

— А в «Масличной ветви» она быть не может?

— Думаю, что нет. Справьтесь на всякий случай.

Ричард сказал:

— Учтите, я не уеду из Багдада, пока не разыщу ее!

И, свирепо посмотрев в глаза мистеру Дэйкину, решительными шагами вышел.

Когда дверь за ним затворилась, мистер Дэйкин с улыбкой покачал головой.

— Ох, Виктория, — укоризненно вздохнул он.

Кипя негодованием, Ричард влетел в отель «Тио», где был

встречен сияющим Маркусом.

— Вернулась? — взволнованно спросил он.

— Нет, но миссис Понсфут Джонс, она прилетает сегодня, мне только что сообщили. Профессор Понсфут Джонс говорил, что ждет ее на той неделе.

— Он всегда путает даты. А что насчет Виктории Джонс?

Лицо Маркуса снова помрачнело.

— Нет, о ней я ничего не знаю. И мне это совершенно не нравится, мистер Бейкер. Совершенно не нравится. Совсем молоденькая барышня. И такая миловидная, такая веселая и обаятельная.

— Да-да, — поморщился Ричард. — Должно быть, мне надо подождать и встретить миссис Понсфут Джонс.

Что, черт возьми, думал он, могло случиться с Викторией?

3

— Ты? — изумленно и неприязненно воскликнула Виктория.

Войдя в предоставленный ей номер в отеле «Вавилонский дворец», первое, что она там увидела, была Катерина.

Катерина так же враждебно кивнула в ответ.

— Да, — проговорила она. — Именно я. И изволь немедленно лечь в постель. Скоро придет доктор.

Катерина была одета медицинской сестрой и свои обязанности воспринимала очень ответственно — она, по-видимому, собиралась находиться при Виктории неотлучно, ни отходя ни на шаг. Лежа в постели, Виктория жалобно пробормотала:

— Если бы только тут был Эдвард…

— Эдвард, Эдвард! — презрительно фыркнула Катерина. — Эдварду ты никогда не была нужна, дура английская. А любит он меня, вот кого.

Виктория без удовольствия посмотрела на упрямую, фанатическую физиономию Катерины.

— Я тебя возненавидела с первого дня, как ты у нас появилась и прорвалась к доктору Ратбоуну. Как это было грубо!

Поискав, чем бы ее побольнее уязвить, Виктория похвасталась:

— Зато я гораздо незаменимее тебя. Медсестрой притвориться может кто угодно. А вот от меня одной зависит все.

Катерина самодовольно поджала губы:

— Незаменимых нет, нас так учили.

— А вот я незаменимая. И давай-ка заказывай ужин, да

получше, а то как я, по-твоему, буду изображать секретаршу американского банкира?

— Ну что ж, поешь, пожалуй, напоследок, — нехотя согласилась Катерина.

Виктория не обратила внимания на ее зловещий намек.

4

Капитан Кросби сказал:

— У вас, насколько мне известно, остановилась некая мисс Харден. Только что прибывшая.

Любезный господин за стойкой «Вавилонского дворца» утвердительно кивнул:

— Да, сэр. Из Англии.

— Она подруга моей сестры. Будьте добры отнесите ей мою карточку.

Он черкнул на визитной карточке несколько слов и вложил в конверт.

Но слуга, отправленный наверх, быстро возвратился.

— Дама больна, сэр. Сильная боль в горле. Ждут врача. С ней пока сиделка.

Кросби ушел и возвратился в «Тио», где его у входа перехватил Маркус.

— А, мой друг, пойдемте выпьем. Моя гостиница сегодня полна. Все благодаря этой конференции. Но какая жалость, что профессор Понсфут Джонс уехал позавчера обратно, на раскопки, и вдруг сегодня приезжает его жена, она уверена, что он здесь ее встретит. Очень недовольна, очень! Но ее словам, она точно сообщила мужу, что прилегает этим рейсом. Но вы ведь знаете, что он за путаник. Все числа, все часы обязательно перезабудет. Но прекрасный человек, — заключил Маркус с неизменным великодушием. — Как-то уж пришлось ее втиснуть, я вынужден из-за нее отказать очень важному сотруднику ООН…

— В Багдаде все с ума посходили.

— Столько полиции всюду: принимаются строжайшие меры безопасности, говорят, — вы слышали? — коммунисты устроили заговор, хотят убить президента. Арестовано шестьдесят пять студентов! А русских сотрудников безопасности вы видели? На всех смотрят с подозрением. По вся эта затея очень полезна для коммерции, очень-очень полезна.

5

Зазвонил телефон. И сразу же ответили:

— Американское посольство.

— Звонят из отеля «Вавилонский дворец». Здесь находится мисс Анна Шееле.

— Анна Шееле? — Трубку взял атташе. — Пусть мисс Шееле сама подойдет к телефону.

— Мисс Шееле больна и лежит в постели. У нее острый ларингит. Говорит доктор Смолбрук. Я провожу лечение. У мисс Шееле при себе важные документы, и она просит, чтобы кто-нибудь ответственный из посольства приехал и забрал их. Да. Немедленно! Благодарю вас. Я буду ждать.

6

Виктория отвернулась от трюмо. На ней был хорошо сшитый костюм, белокурые волосы причесаны волосок к волоску. Ей было весело и страшно.

Но, поворачиваясь, она заметила злорадный блеск в глазах Катерины и немедленно насторожилась. Чего это Катерина радуется? В чем дело?

— Ты чем это так довольна? — спросила она.

— Скоро узнаешь, — ответила Катерина, не пряча злобы. — Воображаешь, что ты такая умная. — Она презрительно фыркнула. — Что от тебя зависит все. Дура ты, вот что.

Виктория одним прыжком подскочила к ней. Вцепилась ей в плечо.

— Говори, что ты знаешь, отвратительная девчонка!

— Больно, отпусти!

— Отвечай, тебе говорят!

И тут постучали в дверь. Сначала два раза, потом пауза, и еще один раз.

— Ну, вот теперь узнаешь! — крикнула Катерина.

Дверь открылась, вошел какой-то верзила в форме международной полиции, сразу же запер за собой дверь, а ключ вынул. И подошел к Катерине.

— Быстро, — распорядился он.

Вынув из кармана веревку, он при полном Катерининой сотрудничестве ловко прикрутил ее к стулу. А потом достал шарф и обвязал ей, нижнюю часть лица. Отступив на шаг, он удовлетворенно кивнул:

— Так. Сойдет.

Теперь он обернулся к Виктории. Она увидела у него в руке тяжелую дубинку. И мгновенно поняла, что они на самом деле

задумали. Они вовсе и не собирались выпустить ее на конференцию в роли Анны Шееле. Зачем рисковать? Викторию в Багдаде знают. Нет, план у них с самого начала был другой: в последнюю минуту Анна Шееле подвергнется нападению и будет убита, притом таким образом, что лица не узнать… И останутся только документы, искусно сфабрикованные ими, которые она якобы привезла.

Виктория рванулась к окну — и отчаянно закричала. Верзила, ухмыляясь, шел на нее.

Затем произошло сразу несколько событий: зазвенело разбитое стекло — сильный толчок сбил ее с ног — она ударилась об пол головой — в глазах потемнело, завихрились звезды — и из темноты успокоительно прозвучала английская речь:

— Не очень расшиблись, мисс?

Виктория пробормотала что-то невнятное.

— Что она говорит? — спросил второй голос.

Первый человек почесал голову.

— Говорит, лучше быть рабом в Небесах, чем царем в Аду[139], — недоуменно повторил он.

— Это цитата, — сказал второй. — Но не совсем правильная.

— Нет, это правильно, — возразила Виктория и потеряла сознание.

7

Зазвонил телефон, Дэйкин снял трубку. Мужской голос сказал:

— Операция «Виктория» успешно завершена.

— Хорошо, — сказал Дэйкин.

— Мы взяли Катерину Серакис и медика. Второй выбросился с балкона. Разбился насмерть.

— Девушка не пострадала?

— Потеряла сознание, но она в порядке.

— О настоящей А. Ш. никаких вестей?

— Никаких.

Дэйкин положил трубку.

И то хорошо, что хотя бы Виктория в безопасности. Анны же, думал он, вернее всего, нет в живых… Настояла на том, чтобы действовать в одиночку. И ничего не говорила, только — буду в Багдаде девятнадцатого, и все. Но вот сегодня уже девятнадцатое, однако Анна Шееле не приехала. Возможно, она была права, что не доверилась государственным службам, трудно сказать. Утечки

были. И предательство было. Но, по-видимому, ее собственное чутье тоже подвело…

А без Анны Шееле нет и неопровержимых свидетельств.

Вошел слуга и подал листок, на котором было написано: «Мистер Ричард Бейкер и миссис Понсфут Джонс».

— Никого сейчас не могу принять, — сказал Дэйкин. — Ответьте, что очень сожалею, но я занят.

Слуга ушел, но, вскоре вернулся. И протянул Дэйкину письмо. Дэйкин разорвал конверт и прочел:

> «Мне нужно Вас видеть в связи с Генри Кармайклом.
> Р. Б.»

— Пригласите, — сказал Дэйкин.

В комнату вошли Ричард Бейкер и миссис Понсфут Джонс. Ричард Бейкер сказал:

— Не буду занимать ваше время, но я учился в школе вместе с человеком, которого звали Генри Кармайкл. Потом мы на годы потеряли друг друга из виду, но недавно, когда я приехал в Басру, я его встретил в консульской приемной. Он был одет арабом, и, никак не показав внешне, что узнал меня, он сумел мне кое-что сообщить. Вас это интересует?

— Очень, — ответил Дэйкин.

— Кармайкл дал мне понять, что ему угрожает опасность. Это вскоре подтвердилось. На него напал человек с револьвером, и я этот револьвер у него из рук вышиб. Кармайкл убежал, но успел, убегая, сунуть мне что-то в карман, правда, я обнаружил это позже. Мне показалось, что ко мне попала просто ненужная бумажка, обыкновенная записка, рекомендация какого-то Ахмеда Мохаммеда. Но я полагал, что для Кармайкла она представляла ценность. Поскольку никаких указаний он мне не дал, я решил сохранить ее, пока он за ней не явится. Однако недавно я узнал от Виктории Джонс, что Кармайкл погиб. А из других ее замечаний я заключил, что человек, которому следует передать эту записку, — вы.

Ричард поднялся и положил на стол перед Дэйкином мятый исписанный листок.

— Для вас это что-то значит?

Дэйкин глубоко вздохнул.

— Да, — ответил он. — Значит. И гораздо больше, чем вы можете себе представить.

Он встал.

— Я глубоко вам признателен, Бейкер, — проговорил он. — Простите, что принужден на этом оборвать наш разговор, но сейчас я должен действовать, не теряя ни минуты. — Он

попрощался за руку с миссис Понсфут Джонс: — Вы, как понимаю, едете на раскопки к мужу? Желаю вам удачного сезона.

— Хорошо получилось, что профессор не приехал сегодня в Багдад вместе со мной, — сказал Ричард. — Старина Джон Понсфут Джонс мало что замечает вокруг себя, но все-таки разницу между своей женой и свояченицей он бы, наверно, заметил.

Дэйкин с легким недоумением посмотрел на миссис Понсфут Джонс. Она тихо и любезно объяснила:

— Моя сестра Элси осталась в Англии. А я выкрасила волосы в черный цвет и прилетела по ее паспорту. Моя сестра Элси урожденная Шееле. А я, мистер Дэйкин, Анна Шееле.

Глава 24

Багдад с гад неузнаваем. Вдоль тротуаров тянутся шеренги полицейских, и не местных, а из международной полиции. Американские и русские сотрудники служб безопасности невозмутимо стоят бок о бок.

По городу постоянно распространяются слухи: главы Великих Держав не приедут! Два русских самолета с полным эскортом по протоколу уже приземлились в аэропорту, однако в обоих никого, кроме пилотов, не было.

Но наконец стало известно, что все в порядке. Президент Соединенных Штатов и диктатор России находятся в Багдаде. Их разместили в «Риджент-палас».

И вот историческая конференция открыта. В небольшом зале для совещаний происходят события, которым, быть может, суждено изменить ход истории. Как все великие дела, они совершаются вполне прозаично.

Сначала высоким, четким голосом сделал сообщения доктор Алан Брек из Харуэллского Атомного института. От покойного сэра Руперта Крофтона Ли им были получены некоторые образцы, добытые во время путешествий через Китай, Туркестан, Курдистан и Ирак. Далее информация доктора Брека становится сугубо специальной. Металлические руды… высокое содержание урана… Координаты месторождения точно неизвестны, поскольку в ходе военных операций врагу удалось уничтожить дневники и записи путешественника.

Рассказ подхватывает мистер Дэйкин. Негромко и печально он повествует о Генри Кармайкле — как тот решил серьезно отнестись к фантастическим слухам о каких-то грандиозных установках и подземных лабораториях, работающих в затерянной среди гор долине за пределами цивилизации. Как он искал — и его поиски увенчались успехом. Как великий путешественник сэр Руперт Крофтон Ли поверил Кармайклу, сам хорошо зная эти края, и согласился приехать в Багдад — и погиб. И как принял смерть Кармайкл от руки его двойника.

— Сэра Руперта нет в живых, и Генри Кармайкла нет в живых. Но есть третий, живой свидетель, который сегодня находится среди нас. Я приглашаю дать свои показания Анну Шееле!

Анна Шееле, собранная, деловитая, как в банке Моргенталя, приводит цифры и имена. Человек выдающегося финансового ума, она наглядно рисует широкую сеть каналов, по которым отводятся из обращения несчетные суммы и идут на финансирование разнообразных видов деятельности, имеющих

одну цель: расколоть мир на две враждующие группировки. И это не голословные утверждения. Она доказывает их с цифрами и фактами в руках. И окончательно убеждает тех, кто еще сохранил недоверие после того, как выслушал поразительную сагу о Кармайкле.

Снова говорит Дэйкин:

— Генри Кармайкл погиб. Но из своего смертельно опасного странствия он привез бесспорные, материальные улики. Держать их при себе он не мог, враги неотступно охотились за ним повсюду. Но у него было много друзей. И с двумя своими друзьями он тайно переправил собранный материал на хранение третьему другу — человеку, которого уважает и почитает весь Ирак. Этот человек любезно прибыл сюда. Шейх Кербелы Хуссейн аз-Зайяра!

Шейх Хуссейн аз-Зайяра, как сказал Дэйкин, имеет во всем мусульманском мире славу праведника и выдающегося поэта. Многие считают его святым.

Он поднимается, величавый, с темно-рыжей крашеной бородой. Он одет в серый халат, отороченный золотым позументом, с плеч ниспадает кисейная коричневая мантия, на голове — пышная зеленая чалма, перевитая толстыми золотыми нитями и придающая ему вид патриарха древности.

Шейх говорит низким звучным голосом:

— Генри Кармайкл был мне другом. Я знал его ребенком, он изучал со мной стихи наших великих поэтов. В Кербелу пришли двое, это были люди, которые странствуют повсюду и показывают кино в ящике. Простые люди, но верные последователи Пророка. Они доставили мне пакет, который им было поручено отдать мне в собственные руки от моего друга-англичанина Кармайкла. С тем чтобы я надежно хранил его в тайне и возвратил только Кармайклу лично или посланному от него, кто произнесет некие условные слова. Если ты в самом деле его посланец, скажи эти слова, сын мой.

Дэйкин ответил:

— Арабский поэт Саид Мутанабби, то есть «считавший себя пророком», живший ровно тысячу лет назад, написал в Алеппо хвалебную песнь князю Сайф ад-Даула, и там есть такие стихи:

«Зид хаши баши тафадаль адни сурра силли»[140].

И шейх Хуссейн аз-Зайяра с улыбкой протягивает Дэйкину пакет.

— А я отвечу вместе с князем Сайф ад-Даула: «Ты будешь иметь то, чего возжелал…»

— Здесь, — оповестил собравшихся Дэйкин, — находятся микрофильмы, добытые Генри Кармайклом в подтверждение

полученных им сведений…

И тут выступил еще один свидетель, несчастный, падший человек — он стар, высоколоб и до недавнего времени пользовался во всем мире любовью и уважением.

Он говорит с трагическим достоинством:

— Я скоро буду отдан под суд как вульгарный мошенник. Но есть вещи, перед которыми даже я содрогаюсь. Существует группа людей, преимущественно молодых, в чьих сердцах и делах столько зла, что в это почти невозможно поверить.

Он поднимает голову. Голос его гремит:

— Антихристы! Я говорю: их деятельности должен быть положен конец! Нам нужен мир — мир, чтобы зализать раны и построить общество на новых основаниях, а для этого мы должны понимать друг друга. Я затеял свое предприятие как денежную аферу, но кончил тем, что, клянусь Богом, поверил в те идеи, которые проповедовал. Давайте же, ради Бога, начнем сначала и попытаемся объединить силы…

Воцаряется тишина, а потом тонкий, безличный и бесплотный официальный голос объявляет:

— Эти данные будут незамедлительно доложены президенту Соединенных Штатов и премьеру Союза Советских Социалистических Республик…

Глава 25

— Мне не дает покоя мысль о той бедной датчанке, которую убили в Дамаске, — сказала Виктория.

— А она жива и здорова, — утешил ее мистер Дэйкин. — Как только ваш самолет поднялся в воздух, мы арестовали француженку, а Грете Харден доставили в клинику. И она благополучно пришла в себя. Они хотели продержать ее под наркозом до тех пор, пока не удостоверятся, что в Багдаде все сошло, как им надо. Она, разумеется, наш человек.

— Ну да?

— Естественно Когда Анна Шееле исчезла, мы решили подложить противной стороне дезинформацию, навести на ложный след. Купили авиабилет на имя Грете Харден, позаботились, чтобы о ней ничего не было известно. И они клюнули, решили, что она и есть Анна Шееле. Да мы еще, в подтверждение этого, снабдили ее соответствующими документами.

— А настоящая Анна Шееле преспокойно ждала в больнице, пока миссис Понсфут Джонс не пора будет лететь к мужу?

— Именно так. Просто — но очень остроумно. Она исходила из того, что в трудную минуту по-настоящему довериться можно только родным. Исключительно умная женщина.

— А я уже решила, что мне конец, — призналась Виктория. — Это правда, что ваши люди держали меня в поле зрения?

— Да, все время. Этот ваш Эдвард, знаете ли, совсем не так хитер, как ему казалось. Мы уже давно заинтересовались деятельностью молодого Эдварда Горинга. Когда вы в ночь гибели Кармайкла рассказали мне свою историю, я был, честно признаться, очень обеспокоен вашей судьбой. И решил, что самое лучшее — отправить вас прямо в их гнездо моей шпионкой. Если ваш Эдвард будет знать, что вы связаны со мной, этим относительно надежно обеспечивается ваша безопасность. Он захочет через вас узнавать, что мы затеваем. Вы станете в его глазах ценным человеком, таких не убивают. И давая дезинформацию он вас мог использовать. Короче говоря, полезный контакт. Но потом оказалось, что вы разглядели подмену сэра Руперта Крофтона Ли, и Эдвард решает на всякий случай упрятать вас пока — и если — вы не понадобитесь ему в качестве двойника Анны Шееле. Да, Виктория, можете считать, что вам очень-очень повезло, раз вы сидите сейчас тут и грызете фисташки.

— Я понимаю.

Мистер Дэйкин спросил:

— Вы очень огорчены, из-за Эдварда?

Виктория без смущения посмотрела ему в глаза.

— Вот ни на столечко. Просто дурища была несусветная, попалась на удочку, когда он пустил в ход свое ослепительное обаяние. Разинула рот от восторга, как школьница перед киноактером, Джульеттой себя вообразила, и вообще, насочиняла чепухи разной.

— Не вините себя особенно, у Эдварда действительно огромный талант покорять женские сердца, прирожденный сердцеед.

— Ну да, и он этим пользовался вовсю.

— Что верно, то верно.

— В следующий раз когда влюблюсь, — сказала Виктория, — то уж только не в красавца. Я бы хотела полюбить настоящего мужчину, а не болтуна, который говорит приятности. Пусть будет хоть лысый, хоть в очках, и вообще, это мне все равно. Важно, чтобы был интересный человек и знал интересные вещи.

— Лет тридцати пяти? Или, может быть, пятидесяти пяти? — поинтересовался Дэйкин.

Виктория недоуменно захлопала глазами.

— Тридцати пяти, я думаю.

— Слава Богу. А то я чуть было не решил, что вы делаете предложение мне.

Виктория расхохоталась.

— Да, и вот еще что… Я знаю, нельзя спрашивать… но все-таки было в том шарфе какое-нибудь сообщение?

— Было. Одно имя. Вязальщицы мадам Дефарж вывязывали на своих спицах перечень имен. А у нас шарф и рекомендательная записка вместе составляли одно сообщение. По петлям мы прочитали имя кербельского шейха Хуссейна аз-Зайяра. А на бумажке, когда ее обработали парами йода, проявились слова, которые надо было сказать шейху, чтобы он отдал, что хранил. Священный город Кербела — действительно самое надежное место для того, что хотел спрятать Кармайкл.

— И правда, что эту вещь пронесли через всю страну два странствующих кинодемонстратора? Те самые, которых мы тогда встретили?

— Да. Две примелькавшиеся, всем знакомые фигуры. Не имеющие никакого отношения к политике. Просто добрые друзья Кармайкла. У него повсюду были друзья.

— Наверно, хороший был человек. Грустно, что он умер.

— Все мы должны когда-нибудь умереть, — сказал мистер Дэйкин. — И если есть другая жизнь после этой, в чем я лично

полностью убежден, то ему там отрадно будет сознавать, что он своей верностью и отвагой послужил защите нашего злосчастного старого мира от новых бед и кровопролитий, наверно, больше, чем кто другой.

— А верно, странно, — задумчиво проговорила Виктория, — что у Ричарда оказалась одна половина разгадки, а вторая — у меня? Прямо как будто бы…

— Как будто бы так и было предназначено, — с улыбкой докончил ее фразу мистер Дэйкин. — Что же вы собираетесь дальше делать, позвольте поинтересоваться?

— Найду какую-нибудь работу. Надо будет сразу же начать поиски.

— Особенно не ищите, — посоветовал мистер Дэйкин. — По-моему, работа сама к вам идет.

И он потихоньку вышел, уступив место Ричарду Бейкеру.

— Послушайте, Виктория, — сказал Ричард. — Венеция Сэвил, оказывается, вообще не приедет. У нее свинка. А вы были очень полезным членом экспедиции. Не хотите ли вернуться? Правда, к сожалению, только за стол и кров. Ну, и может быть, вам еще будет оплачен обратный проезд в Англию — но об этом позже. На той неделе прилетает миссис Понсфут Джонс. Ну, так как?

— Ой, я вам на самом деле нужна? — обрадовалась Виктория.

Неизвестно по какой причине Ричард Бейкер сильно покраснел, закашлялся и стал протирать стекла своего пенсне.

— Я думаю, — проговорил он, — что вы у нас будете… э-э… очень кстати.

— Я бы с большим удовольствием, — ответила Виктория.

— В таком случае пакуйте вещи, и поедем прямо сейчас, — сказал Ричард. — Или у вас есть желание еще побыть в Багдаде?

— Ни малейшего!

— А вот и ты, милая Вероника, — сказал профессор Понсфут Джонс. — Ричард тут из-за тебя такой переполох поднял. Ну-с, я вам обоим желаю счастья.

— Что это он такое сказал? — недоуменно спросила Виктория, когда профессор ушел, погруженный в мысли.

— Ничего, — ответил Ричард. — Вы же знаете, какой он путаник. Просто он немножко предвосхитил события.

МИССИС МАКГИНТИ С ЖИЗНЬЮ РАССТАЛАСЬ
Mrs. McGinty's Dead 1952 © Перевод Загот М

Глава 1

Эркюль Пуаро вышел из ресторана «Vieille Grand-mere»[141] и оказался в Сохо[142]. Он поднял воротник пальто скорее из благоразумия, чем по необходимости — вечер не был холодным. «Но в моем возрасте, — имел обыкновение говорить Пуаро, — лучше не рисковать».

Взор его был слегка затуманен от удовольствия.

Escargots de la «Vieille Grand-mere»[143] оказались настоящим объедением. Этот невзрачный на первый взгляд ресторанчик просто находка! С видом задумчиво-блаженным, какой бывает у сытого пса, Пуаро высунул язык и облизнул губы. Вытащил из кармана платок и потрогал слегка свои роскошные усы.

Что ж, пообедал он славно… Чем заняться теперь?

Проходившее мимо такси услужливо притормозило. Пуаро на миг заколебался, но никакого знака не подал. Зачем брать такси? Даже пешком он придет домой слишком рано — не ложиться же спать!

«Какая жалость, — пробурчал Пуаро себе в усы, — что человек ест только три раза в день…»

Дело в том, что полдничать-чаевничать он так и не привык. «Если садишься перекусить в пять часов, — объяснял он, — желудочный сок к обеду будет не тот, пропадет чувство предвкушения. А обед, смею вам напомнить, — важнейшее кулинарное событие дня!»

Кофе где-то ближе к полудню — тоже не для него. Горячий шоколад и croissants[144] на завтрак, Dejeuner[145] по возможности в половине первого и никак не позже часа и, наконец, вожделенный Le Diner[146] — только так!

Именно в эти часы и минуты Эркюль Пуаро жил полнокровной жизнью. К своему желудку он всегда относился серьезно, а теперь, в солидном возрасте, самое время пожинать плоды праведных трудов. Еда стала для него не только физическим удовольствием, она давала работу и интеллекту. Ибо между приемами пищи он рыскал в поисках источников новых и вкусных яств. Поиски эти, в частности, и привели его в «Vieille Grand-mere», и кулинарная деятельность ресторанчика только что была одобрена Эркюлем Пуаро — великим гурманом.

Но теперь, к сожалению, что-то предстояло делать с остатком вечера.

Эркюль Пуаро вздохнул.

Будь здесь сейчас ce cher[147] Гастингс…

Он с удовольствием предался воспоминаниям о старом друге.

«Да, друг, самый первый в этой стране — и самый дорогой! Правду сказать, он частенько доводил меня до белого каления. Что было, то было. Но разве теперь я вспоминаю это? Нет. Я вспоминаю лишь, как он, озадаченный, с восхищением следил за мной, как, разинув рот, дивился моим талантам — я легко вводил его в заблуждение, не произнося при этом ни слова лжи, и как же он бывал ошарашен, как немыслимо потрясен, когда наконец доходил до истины, ясной мне с самого начала. Ce cher, cher ami! [148] Мне всегда хотелось блеснуть, сразить наповал — водится за мной такая слабость. Гастингс никогда не мог этого понять. Между тем человеку моих способностей помнить свою истинную цену просто необходимо — а для этого нужны стимулы извне. Не могу же я, в самом деле, сидеть целый день в кресле и размышлять о том, до чего я талантлив. Медоточивые речи я должен слышать из чьих-то уст. Впору заводить — как это называется в театре? — наемных обожателей».

Эркюль Пуаро вздохнул. Он повернул на Шафтсбери-авеню[149].

Перейти улицу, добраться до Лестер-сквер[150] и провести вечер в кино? Чуть нахмурившись, он покачал головой. Кино все чаще вызывало у него глухое раздражение. Сюжет почти всегда сметан на живую нитку, логики развития нет и в помине, даже съемки, от которых кое-кто приходит в умиление, Эркюлю Пуаро обычно казались надуманными: операторы будто специально выбирают такой ракурс, чтобы виды, пейзажи и отдельные предметы выглядели решительно не так, как в действительности.

Вообще вся нынешняя жизнь — это сплошной театр, богема. Куда девались любовь к порядку, торжество разума, ценимые им столь высоко? А уж чтобы кто-то восхищался изысканностью, тонкостью — куда там! Нынче в моде насилие, первобытная жестокость. Впрочем, этого и раньше хватало — Пуаро, как бывший офицер полиции, был сыт жестокостью по горло. В свое время он этой первобытной жестокости нагляделся… Она была скорее правилом, чем исключением. И просто утомляла его своим убожеством и бессмысленностью.

В конце концов Пуаро направился в сторону дома. Надо посмотреть правде в глаза — в современную жизнь он просто не вписывается. С другой стороны, он такой же раб, как все, на более высоком уровне, но все равно раб. Его, как и всех остальных, закабалила работа. И когда настает час досуга, люди просто не знают, как им распорядиться. Отставной финансист берет в руки клюшку для гольфа, бывший лавочник сажает в огороде лук, я нахожу удовольствие в еде. Вот и пришли к тому, от чего ушли. Человек ест только три раза в день. А чем заполнить промежутки?

Проходя мимо продавца газет, он обратил внимание на заголовок:

СУД ВЫНОСИТ ПРИГОВОР УБИЙЦЕ МИССИС МАКГИНТИ

Статья его не заинтересовала. Он смутно припомнил, что читал заметочку об этом убийстве. Убийство, каким несть числа. Какую-то бедную старушку стукнули по голове и украли несколько фунтов. Бессмысленная первобытная жестокость — что и требовалось доказать.

Пуаро свернул во двор своего дома. Как всегда, сердце его одобрительно застучало. Своим домом он гордился. Замечательно симметричное здание. На лифте он поднялся на третий этаж и оказался перед своей просторной роскошной квартирой: выключатели, абажуры, торшеры отделаны металлом, квадратные кресла, строгие прямоугольные квадратные шкафчики и тумбочки. Линии сплошь прямые и четкие, порядок воистину образцовый.

Открыв ключом дверь, он вошел в квадратную белую прихожую; тотчас бесшумно возник слуга Джордж.

— Добрый вечер, сэр. Вас ожидает… джентльмен.

Он ловко снял пальто с плеч Пуаро.

— В самом деле? — Легкая пауза перед словом «джентльмен» не прошла для Пуаро незамеченной. По части снобизма с Джорджем мало кто мог сравниться. — Как его зовут?

— Некий мистер Спенс, сэр.

— Спенс. — В первую минуту это имя ничего не сказало Пуаро. Но он знал — должно было сказать.

Задержавшись на миг перед зеркалом — поправить усы, довести их до полного совершенства, — Пуаро открыл дверь и вошел в гостиную. Мужчина, сидевший в одном из больших квадратных кресел, поднялся ему навстречу.

— Здравствуйте, мосье Пуаро, надеюсь, вы меня помните. Давненько дело было… Полицейский инспектор Спенс.

— Ну, разумеется. — Пуаро сердечно пожал гостю руку.

Инспектор Спенс из полиции Килчестера. Им тогда здорово пришлось поломать голову… Когда же это было? Давненько, как сказал Спенс…

Пуаро радушно предложил гостю выпить:

— Grenadine? Creme de menthe? Benedictine? Creme de cacao?.. [151]

В эту минуту вошел Джордж, он принес на подносе бутылку виски и сифон.

— Может быть, сэр, вы предпочитаете пиво? — пробурчал он,

обращаясь к гостю.

Инспектор Спенс, человек с крупным красноватым лицом, заметно оживился.

— От пива не откажусь, — сказал он.

Пуаро в очередной раз мысленно снял шляпу перед Джорджем. Сам он понятия не имел, что в доме есть пиво, и вообще в его сознании плохо укладывалось, как можно предпочесть этот напиток сладкому ликеру.

Когда Джордж поставил перед Спенсом высокую кружку с шапкой пены, Пуаро налил себе крошечную порцию изумрудного creme de menthe.

— Очень мило, что надумали выбраться ко мне, — начал он разговор. — Очень мило. Вы сейчас из?..

— Килчестера. Через полгода ухожу на пенсию. Вообще-то я мог уйти еще полтора года назад. Но меня упросили остаться.

— Вы мудро сделали, что согласились, — с чувством произнес Пуаро. — Очень мудро…

— Правда? Не знаю, не знаю. Не уверен.

— Да-да, очень мудро, — подтвердил Пуаро. — Вы не представляете, что такое ennui[152] — долгие, томительные часы скуки и бездействия.

— О-о, на пенсии у меня будет полно работы. В прошлом году мы в новый дом перебрались. Садовый участок ничего себе, но такой запущенный! Все нет времени заняться им вплотную.

— Ну, раз вы в душе садовод, дело другое. Я тоже как-то решил поселиться в пригороде, думал, буду выращивать тыквы. Ничего из этой затеи не вышло. Не по нраву мне это.

— Вы бы видели, какую тыкву я вырастил в прошлом году! — с энтузиазмом воскликнул Спенс. — Просто гигантскую! А розы! Розы — это моя страсть. Я собираюсь…

Он прервал себя на полуслове.

— Я приехал не для того, чтобы хвастаться своим огородом.

— Конечно нет, вы приехали повидать старого знакомого, это очень любезно. Я вам весьма признателен.

— Боюсь, мосье Пуаро, есть и другая причина. Буду с вами откровенен. Я хочу просить вас об одолжении.

Пуаро осторожно пробурчал:

— Ваш дом заложен, и вам нужна ссуда, чтобы…

Спенс, ужаснувшись, перебил его:

— Боже правый, деньги тут ни при чем! У меня и в мыслях такого не было!

Пуаро взмахнул руками, грациозно извиняясь:

— Простите великодушно.

— Скажу вам напрямую — сам не знаю, как у меня хватило

нахальства приехать к вам с такой просьбой. Если вы возьмете меня за шиворот и выставите за дверь, я не удивлюсь.

— Никакого шиворота не будет, — отмахнулся Пуаро. — Продолжайте.

— Речь идет о деле миссис Макгинти. Вы, наверное, о нем читали.

Пуаро покачал головой:

— Мимоходом. Миссис Макгинти, пожилая женщина, то ли продавщица, то ли поденщица. Рассталась с жизнью, да? А как?

Спенс вдруг уставился на него.

— Господи! — воскликнул он. — Надо же, что припомнилось… Поразительно… Как это мне сразу в голову не пришло…

— Простите?

— Нет, ничего. Была такая игра. Детская. Мы играли в нее, детишками. Соберемся, сядем в рядок — и поехали; кто водит, к каждому по очереди с одной считалочкой: «Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, да там и осталась, с жизнью своею рассталась. А как?» — «Стоя на колене, как я, вот так!» Дальше — вопрос следующему: «Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, да там и осталась, с жизнью своею рассталась. А как?» — «Вытянув руку, как я, вот так!» И вот уже каждый, замерев, стоит на колене и тянет вперед правую руку. И наконец — развязка! «Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, да там и осталась, с жизнью своею рассталась. А как?» — «Вот так!» Водящий валится на землю, а за ним — все остальные, будто кегли! — И Спенс разразился громким хохотом. — Надо же, что припомнилось!

Пуаро вежливо ждал, что последует дальше. Это был один из тех случаев, когда сугубо английский юмор был выше его понимания, а ведь он прожил в Англии полжизни. Он и сам играл в детстве в Cache-Cache и Le Boulanger, но у него вовсе не возникало желания рассказывать об этих забавах, даже думать о них.

Когда Спенс наконец отсмеялся, Пуаро чуть утомленно повторил:

— Так как же она рассталась с жизнью?

Улыбка сбежала с лица Спенса. Он снова посерьезнел:

— Ее ударили по затылку чем-то острым и тяжелым. Убийца обшарил комнату и похитил ее сбережения, около тридцати фунтов наличными. Она жила в небольшом коттедже, но держала постояльца. Некоего Бентли. Джеймса Бентли.

— Ах да, Бентли.

— Следов взлома обнаружено не было. Замки, окна — все в

полном порядке. Бентли был стеснен в средствах, сидел без работы, два месяца не платил за жилье. Деньги нашли под камнем позади коттеджа. На рукаве пиджака Бентли оказались следы крови и волосы; кровь той самой группы, что у покойницы, ее же волосы. На первом допросе он заявил, что рядом с телом убитой не находился — выходит, кровь и волосы не могли попасть на его одежду случайно.

— Кто ее нашел?

— Булочник принес хлеб. В тот день она обещала с ним расплатиться. Дверь открыл Джеймс Бентли и сказал, что уже стучался к миссис Макгинти, но не достучался. Тогда булочник встревожился — не случилось ли чего? Они позвали соседку и вместе пошли наверх. В спальне миссис Макгинти не оказалось, постель осталась застеленной с вечера, но вся комната была перерыта, а половицы приподняты. Тогда они решили заглянуть в гостиную. Там она и лежала на полу, соседка как увидела — давай голосить на всю округу. Потом, конечно, вызвали полицию.

— И Бентли в итоге арестовали и судили?

— Да. Было судебное разбирательство. Вчера. Дело оказалось яснее ясного. Сегодня утром присяжные вынесли приговор, им понадобилось всего двенадцать минут. Суд постановил: виновен, приговорить к смертной казни.

Пуаро кивнул:

— А потом, после приговора, вы сели в поезд и приехали в Лондон, чтобы повидаться со мной. Почему?

Инспектор Спенс опустил взор в пивную кружку. Несколько раз провел пальцем по ободу.

— Потому что, — выговорил он, — чует мое сердце, он ее не убивал…

Глава 2

Воцарилась долгая тишина.

— И вы приехали ко мне, чтобы…

Пуаро не закончил предложения.

Инспектор Спенс поднял голову. Кровь еще сильнее прилила к его лицу. Это было лицо типичного провинциала, маловыразительное, замкнутое, с проницательными, честными глазами. Лицо человека с незыблемыми нравственными устоями, который всегда точно знает, как именно ему надлежит поступить, никогда не спутает добро со злом.

— Я в полиции давно, — сказал он. — Всякого навидался. В людях худо-бедно разбираюсь. Приходилось вести дела и об убийствах — одни простые как дважды два, другие — позаковыристей. Одно известно и вам, мосье Пуаро…

Пуаро кивнул.

— Крепкий был орешек. Пожалуй, без вас мы бы его нипочем не разгрызли. Но докопались-таки до правды, так что и тени сомнений не осталось. И в других случаях, про которые вы не знаете, ясность была полная. Взять Уистлера, он получил свое — и вполне по заслугам. Равно как и бандюги, что застрелили старого Гатермана. Как Верол со своим мышьяком. Трантер, тот выкрутился — но убить-то он убил, точно знаю. Повезло и миссис Кортленд — муж ее был извращенцем, каких поискать, и присяжные ее оправдали. Видимо, не буква закона, а чувства подтолкнули их к такому решению. Такое бывает, никуда не денешься, сердце ведь не камень. А иногда улик не хватает… случается, убийце удается разжалобить присяжных, а то и просто обдурить — редко, конечно, но не без этого. Иногда адвокат ловко защиту построит либо обвинитель переборщит. В общем, всего этого я нагляделся вдоволь. Но чтобы… — Спенс внушительно помахал пальцем. — Чтобы невинного человека повесили за то, чего он не совершал, — на моей памяти такого не было. И не хочу я, мосье Пуаро, видеть такое правосудие. Тем более, — добавил он, — в Англии!

Пуаро пристально на него посмотрел:

— И вы считаете, сейчас правосудие может оказаться именно таким. Но почему…

Спенс перебил его:

— Предвижу все или почти все ваши вопросы. И готов ответить на них заранее. Это дело вел я. Мне поручили провести дознание, собрать улики. Свою работу я проделал очень тщательно. Собрал все факты, какие мог. И все они

свидетельствовали против одного конкретного человека. Все, что у меня набралось, я передал своему начальнику. Дальше я к этой истории касательства не имел. Материалы пошли к государственному обвинителю, а уж он решал, заводить дело или нет. Дело он завел, да иначе и не могло быть при таких уликах. Джеймса Бентли арестовали, предали суду, по всем правилам судили и признали виновным. При таких уликах иначе и быть не могло. Улики со счетов не сбросишь, присяжные прекрасно это знают. Да и не скажешь, чтобы они сильно терзались сомнениями. Скорее, его виновность была для них очевидной.

— А для вас — нет?

— Нет.

— Почему?

Инспектор вздохнул. Задумчиво потер ручищей подбородок:

— Не знаю. Понимаете, никакой причины для сомнений — конкретной причины — у меня нет. Просто в глазах присяжных он тянет на убийцу, а в моих — ну никак. А в убийцах я разбираюсь лучше, чем они.

— О да, тут вы специалист.

— Во-первых… как бы сказать… не было в нем никакой дерзости, наглости. Ни капли. А ведь этого добра у них обычно — хоть отбавляй. Такое самомнение, куда там! Каждый убийца считает, что уж как-нибудь вотрет тебе очки. И вообще он такой ловкач, все провернул чисто, комар носу не подточит. И даже когда они сидят на скамье подсудимых и чувствуют, что головы не сносить, все равно геройство это из них так и лезет, им это прямо удовольствие! Как же, ведь к ним прикованы все взгляды.

Прямо звездный час. Может, им впервые в жизни выпало играть главную роль. Вот и теряют последний стыд.

Последней фразой Спенс как бы подытожил все сказанное:

— Вы ведь мою мысль поняли, мосье Пуаро?

— Понял, и очень хорошо. А про Джеймса Бентли ничего такого не скажешь?

— Нет. Перепуган был до смерти — это да. С самого начала. Кое-кто считает: раз боится, значит, виновен. А по мне, тут никакой связи нет.

— Согласен. А каков он, этот Джеймс Бентли?

— Тридцать три года, среднего роста, кожа желтоватая, носит очки…

Пуаро остановил этот поток:

— Я не про внешность. Что он за человек?

— Ах это. — Инспектор Спенс задумался. — Такие к себе не очень располагают. Какой-то весь дерганый. В глаза не смотрит. Глядит как бы исподлобья, украдкой. В общем, для присяжных

хуже не придумаешь. То пресмыкается да жмется от страха, то вдруг давай храбриться да буянить. Но все как-то не так. — Он сделал паузу и доверительно добавил: — На самом деле тихоня тихоней. У меня двоюродный брат был такой. Приключится какая-нибудь неурядица — он таких небылиц наплетет, что никто в жизни не поверит.

— Похоже, этот Джеймс Бентли не очень привлекательный тип.

— Да где уж… Такие мало кому по нраву. Но чтобы его за это повесили — тут я против.

— Думаете, повесят?

— А то нет? Ну подаст его адвокат апелляцию, так ведь основания для нее совсем хлипкие, уцепится разве за какую-то формальность, но, боюсь, толку от этого не будет.

— А адвокат у него был хороший?

— По закону о защите неимущих ему в адвокаты назначили молодого Грейбрука. Малый он дотошный, старательный, что мог, то и сделал, корить его не за что.

— Выходит, суд был вполне законный, и присяжные — обычные люди, как и сам Бентли, — приговорили его к смертной казни.

— Именно так. Присяжные — самые что ни на есть обыкновенные. Семь мужчин, пять женщин, люди все достойные, порядочные. Судьей был Стейнисдейл, человек немолодой. В несправедливости, предвзятости его не упрекнешь.

— Получается, что все английские законы соблюдены, Джеймсу Бентли не на что и жаловаться!

— Так уж и не на что? А если его повесят за то, чего он не совершал?

— Да, верно.

— И начал это дело я, собрал факты, сопоставил их — а в результате его приговорили к смерти. Не нравится мне это, мосье Пуаро, совсем не нравится.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на инспектора — лицо покрасневшее, взволнованное.

— Eh bien, — наконец сказал он. — Что вы предлагаете?

Спенс совсем смутился:

— Вы, конечно, понимаете, что будет дальше. Дело Бентли закрыто. Я уже веду другое дело — о растрате. Сегодня вечером мне надо ехать в Шотландию. Я ведь человек подневольный.

— А я — свободный?

Спенс, преодолевая неловкость, кивнул:

— Вы — человек догадливый. Может, это и нахальство с моей стороны. Но ничего другого придумать не могу, не вижу другого

выхода. Сам я сделал что мог, проверил все возможные версии. И ни к чему не пришел. Да и вряд ли мог прийти. Но вы… может, вы до чего-то и докопаетесь. У вас — извините, не в обиду будь сказано — какой-то чудаковатый взгляд на вещи. Может, в этом деле такой подход и нужен. Ведь если Бентли ее не убивал, это сделал кто-то другой. Сама себя она по затылку не рубанула. Может, наткнетесь на что-то, что я проглядел. У вас-то, конечно, никакого резона в это вмешиваться. С моей стороны чистая наглость даже предложить вам такое. Но уж как есть. Я приехал к вам, потому что ничего умнее придумать не смог. Но если вам неохота сниматься с якоря… Да и к чему оно вам?..

Пуаро перебил его:

— Ну, резон есть, даже не один. Свободного времени у меня сверх меры — это во-первых. Во-вторых, вы меня заинтриговали — да, и даже очень. В-третьих, это вызов, вызов серым клеточкам моего мозга. В-четвертых, нельзя сбрасывать со счетов мое уважение к вам. Я представляю, как через полгода вы в своем саду сажаете, скажем, кусты роз. Ничто не должно омрачать вашего счастья, но, увы, есть некая червоточинка, некое воспоминание, которое вы все время пытаетесь отогнать, — нет, друг мой, я хотел бы, чтобы ваше счастье было полным. И наконец, — Пуаро выпрямился и энергично тряхнул головой, — существует такая вещь, как принципы. Если человек убийства не совершал, нельзя допустить, чтобы его повесили. — Он смолк и тут же добавил: — А если он все-таки ее убил?

— Если так, у меня камень упадет с души.

— Значит, одна голова хорошо, а две — лучше? Voila, предложение принято. Я берусь за это дело. Причем немедля — время не ждет. След и так уже остыл. Миссис Макгинти убили… когда?

— Двадцать второго ноября.

— Раз так, будем брать быка за рога.

— У меня есть записи по делу, я их вам передам.

— Прекрасно. Но сейчас нас интересует общая картина. Если миссис Макгинти убил не Джеймс Бентли, то кто же?

Спенс пожал плечами и натужно произнес:

— Увы, я никого конкретно не подозреваю.

— Такой ответ нас не устраивает. У любого убийства есть мотив, и надо подумать, какой мотив мог подойти для убийства миссис Макгинти. Зависть, месть, ревность, страх, деньги? Начнем с последнего — он самый простой. Кому ее смерть принесла материальную выгоду?

— Крупную — никому. На банковском счету у нее лежало двести фунтов. Эти деньги получит ее племянница.

— Двести фунтов не Бог весть какая сумма, но в определенных обстоятельствах этого может быть вполне достаточно. Итак, племянница. Извините, мой друг, что я иду за вами след в след. Я знаю, что вы не обошли племянницу вниманием, но мне придется повторить весь пройденный вами путь.

Спенс наклонил свою большую голову, соглашаясь:

— Конечно, племянницу мы вниманием не обошли. Тридцать восемь лет, замужем. Муж — маляр, строит и отделывает жилые дома. Отзываются о нем хорошо, работа у него постоянная, малый он толковый, неглупый. Она приятная молодая особа, немного болтливая, тетушку свою не сказать чтобы обожала, но в общем относилась к ней прилично. Ни ему, ни ей эти деньги не были нужны позарез, хотя такому подарку они явно рады.

— А ее коттедж? Он тоже достается им?

— Дом сдавался ей в аренду. По закону об аренде хозяин, разумеется, не мог выселить старушку. Но теперь, когда она умерла, едва ли это жилище сможет занять племянница — да они с мужем на это и не претендуют. Они живут в современном домике на одну семью, принадлежащем муниципальному совету, и очень им гордятся. — Спенс вздохнул. — Племянницу и ее мужа я прощупал как следует — они ведь казались самыми подходящими кандидатурами. Но уцепиться ни за что не удалось.

— Bien[153]. Теперь поговорим о самой миссис Макгинти. Опишите ее, если не трудно, — и не только внешне.

Спенс ухмыльнулся:

— Стандартное полицейское описание не хотите? Что же, ей было шестьдесят четыре года. Вдова. Муж работал в магазине тканей, в Килчестере. Лет семь назад он умер. От воспаления легких. С тех пор миссис Макгинти ходила по близлежащим домам на поденную работу. Готовка, уборка. Бродхинни — небольшое местечко из новых. Кто тут живет? Несколько пенсионеров, один владелец какой-то инженерной фирмы, врач — вот такая публика. До Килчестера регулярно ходят автобус и поезд, в восьми милях находится Калленки — довольно крупный летний курорт, вам, наверное, это известно, — но Бродхинни так и не разрослось, оставшись симпатичным провинциальным местечком примерно в четверти мили от шоссе между Драймаутом и Килчестером.

Пуаро кивнул.

— Коттедж миссис Макгинти — один из четырех. Вот и вся деревня. Есть еще почта и магазинчик, а сельскохозяйственные рабочие живут в другом месте.

— И она взяла жильца?

— Да. Пока был жив муж, они брали постояльцев только на лето, а когда умер, она стала держать жильца круглый год. Джеймс Бентли прожил у нее несколько месяцев.

— Вот мы и добрались до Джеймса Бентли.

— Его последнее место работы — контора по продаже жилья, в Килчестере. До этого он жил с матерью в Катленки. Она была инвалидом, он ухаживал за ней и мало где появлялся. Потом она умерла, а вместе с ней пропала и ежегодная выплата, которую она получала. Он продал их небольшой дом, нашел работу. Человек вполне образованный, но специальных навыков нет, особых склонностей тоже, к тому же, я говорил, не очень к себе располагающий. Найти работу оказалось не так просто. В конце концов взяла его одна фирма, «Бритер и Скаттл». Так, второразрядная. Не думаю, что он себя там как-то проявил, скорее наоборот. Они стали сокращать штаты, и ему пришлось уволиться. Найти другое место не удавалось, деньги таяли. Обычно он платил миссис Макгинти за комнату раз в месяц. Она кормила его завтраком и ужином и за все брала три фунта в неделю — вполне разумная плата. Он задолжал ей за два месяца, а деньги были совсем на исходе. Работа все не подворачивалась, а хозяйка требовала плату за жилье.

— Он знал, что дома она держит тридцать фунтов? Кстати, почему она держала эти деньги дома, ведь у нее был счет в банке?

— Не доверяла властям. Говорила, что двести своих кровных фунтов она им отдала, больше не дождутся. Она прятала деньги в таком месте, откуда могла взять их в любую минуту. Кое-кому она сама об этом сказала. Они лежали под незакрепленной половицей в ее спальне — проще тайника и не придумаешь. Джеймс Бентли не стал отрицать, что знает о тайнике.

— Очень любезно с его стороны. А племянница с мужем — они тоже знали?

— Да, конечно.

— Теперь давайте вернемся к моему первому вопросу. Как миссис Макгинти рассталась с жизнью?

— Это случилось вечером двадцать второго ноября. Полицейский врач определил, что смерть наступила между семью и десятью вечера. Она поужинала — копченая селедка, хлеб и маргарин, — обычно, как я выяснил, ужинать она садилась в половине седьмого. Если в тот вечер она не нарушила своего распорядка, состояние органов пищеварения позволяет считать, что смерть наступила между половиной девятого и девятью. Джеймс Бентли, по собственному признанию, в тот вечер гулял от семи пятнадцати до девяти. Почти каждый вечер он с наступлением темноты выходил на прогулку. Из его рассказа

следует, что он вернулся с прогулки в девять часов (у него был свой ключ) и сразу поднялся в свою комнату. Для летних жильцов миссис Макгинти поставила во всех комнатах раковины, так что умылся он у себя. Почитал минут тридцать, потом лег спать. Ничего необычного не видел и не слышал. Утром спустился в кухню, но никого там не застал, не было и признаков того, что готовится завтрак. Дальше он, немного поколебавшись (так он говорит), постучал в дверь миссис Макгинти, но ответа не получил.

Он решил, что она проспала, но больше он стучать не стал — не хотел будить. Вскоре пришел булочник, тогда Джеймс Бентли поднялся наверх и постучал в дверь хозяйкиной спальни снова, а потом булочник пошел к соседке, некой миссис Эллиот, и привел ее с собой, она в конце концов и наткнулась на тело и подняла крик на всю округу. Миссис Макгинти лежала на полу в гостиной. Ее ударили по голове чем-то вроде секача[154] с очень острой кромкой. Она скончалась мгновенно. Ящики были выдвинуты, вещи раскиданы по полу, а в тайнике под незакрепленной половицей в спальне — кто-то ее поднял — было пусто. Все окна закрыты, ставни заперты изнутри. Никаких следов вторжения извне.

— Выходит, — подытожил Пуаро, — либо ее убил Джеймс Бентли, либо она впустила убийцу сама, пока Бентли гулял?

— Именно так. Это не был какой-то налетчик или грабитель. Кого же она могла впустить? Кого-то из соседей, племянницу либо ее мужа. Вот весь ее круг. Соседи явно ни при чем. Племянница с мужем в тот вечер были в кино. Есть вероятность — крошечная, — что один из них вышел из кино незамеченным, проехал на велосипеде три мили, порешил старушку, спрятал за домом деньги и опять-таки незаметно вернулся в кино. Мы проверили и эту версию, но она никак не подтвердилась. И потом — зачем прятать деньги за домом миссис Макгинти? Забрать их оттуда не так просто. Уж лучше где-нибудь на обратной дороге — целых три мили. Нет, спрятать их за домом можно было только в одном случае…

Пуаро докончил за него:

— …если вы живете в этом доме, но не хотите прятать деньги у себя в комнате или где-то внутри. Другими словами, положить

деньги туда, где они лежали, было с руки Джеймсу Бентли.

— Все так. Куда ни кинь, откуда ни погляди, натыкаешься на Бентли.

— А кровь на рукаве — это что? Как он это объяснил?

— Сказал, что, кажется, за день до этого зацепился за тушу в лавке мясника. Вранье! На рукаве была кровь человека.

— И что, он так и твердил свое?

— Если бы. На суде он запел совсем другую песню. Ведь на рукаве оказался еще и волос, на котором была кровь, волос с головы миссис Макгинти. Это уже надо было как-то объяснять. Он признался, что вечером, вернувшись с прогулки, зашел в гостиную. Вошел, по его словам, сначала постучавшись, и увидел ее на полу, мертвую. Он наклонился и тронул ее, чтобы удостовериться, так он сказал. И тогда совсем потерял голову. При виде крови его будто бы всегда начинает мутить. Он ушел к себе в комнату в состоянии шока и там рухнул без чувств. А наутро у него не хватило смелости признаться, что ему уже все известно.

— Звучит сомнительно, — заметил Пуаро.

— Да, согласен. И все же, — задумчиво произнес Спенс, — возможно, так оно и было. Простому человеку, даже присяжным, в это поверить довольно трудно. Но такие люди мне попадались. Я не о том, что он рухнул без чувств. Я о другом — некоторые просто не способны принять ответственное решение. Люди застенчивые, робкого десятка. Вот, скажем, он входит и видит — она мертвая лежит на полу. Он знает: надо что-то сделать, вызвать полицию, кликнуть соседей, в общем, поступить как положено. А он — празднует труса. Ход мысли примерно такой: я мог про это ничего не знать. Мог сюда и не заходить. Вот и пойду спать, будто и не был здесь вовсе… Ну а за всем этим, понятное дело, стоит страх — вдруг заподозрят, что это его рук дело? Э-э, нет, уж лучше помалкивать, держаться от этой истории подальше — и наш простофиля увязает по самую шейку. — Спенс выдержал паузу. — Могло быть и так.

— Могло, — задумчиво согласился Пуаро.

— А там кто знает, может, эту байку придумал для него адвокат. Всякое возможно. Официантка из кафе в Килчестере, где он обычно обедал, сказала: он всегда выбирал столик, чтобы смотреть либо в стену, либо в угол, лишь бы не видеть людей. Знаете, бывают такие чокнутые. Чокнутый — но не настолько, чтобы убить человека. Мании преследования или чего-то в этом роде у него не было.

Спенс искательно, с надеждой посмотрел на Пуаро, но отклика во взгляде великого сыщика не нашел — тот только

хмурился.

Минуту-другую они сидели в молчании.

Глава 3

Наконец Пуаро со вздохом поднялся.

— Eh bien, — сказал он. — Мотив денег мы обговорили. Перейдем к другим версиям. Был ли у миссис Макгинти враг? Она боялась кого-нибудь?

— Таких сведений нет.

— Соседям нашлось что сказать?

— Не особенно. Может, они, конечно, не захотели откровенничать с полицией, но вроде ничего не утаили. Жила в своей скорлупе, так они сказали. Это считается нормальным. В наших деревеньках, мосье Пуаро, люди, знаете ли, не очень тянутся друг к другу, каждый сам по себе. Во время войны с этим столкнулись эвакуированные. К соседям миссис Макгинти ходила на работу, но близких отношений не было.

— Долго она там прожила?

— Лет восемнадцать, а то и все двадцать.

— А сорок лет до этого?

— Ее жизнь вся как на ладони. Отец — фермер из Северного Девона[155]. С мужем они какое-то время жили возле Илфракума, потом перебрались в Килчестер. Поселились в коттедже на другой стороне городка, но решили, что там сыровато, и переехали в Бродхинни. Муж, как я понимаю, был человеком спокойным, порядочным, воспитанным — в барах да пивных не пропадал. В общем, жили благопристойно и у всех на виду. Никаких тайн, скрывать от общества нечего.

— И все-таки ее убили?

— И все-таки ее убили.

— А племянница не знает, кто мог иметь на тетку зуб?

— Говорит, что нет.

Пуаро с недовольным видом потер переносицу:

— Как вы понимаете, мой дорогой друг, будь миссис Макгинти другим человеком, нам было бы много проще. Будь она, как говорится, загадочной женщиной, женщиной с прошлым.

— Чего не было, того не было, — веско заметил Спенс. — Она была просто миссис Макгинти, женщина малообразованная, которая пускала постояльцев и ходила на поденную работу в чужие дома. Таких в Англии тысячи.

— Но далеко не всех убивают.

— Да, тут возразить нечего.

— Так почему же убили миссис Макгинти? Ответ, который напрашивается, мы принимать не хотим. Что остается? Племянница — сомнительно, маловероятно. Забрел какой-то

незнакомец? Еще сомнительней. Какие у нас факты? Займемся фактами. Что мы имеем? Убита пожилая поденщица. По обвинению в убийстве арестован робкий и диковатый молодой человек. Кстати, а на каком основании арестовали Джеймса Бентли?

Спенс уставился на него:

— На основании улик. Я же вам говорил…

— Да. Улики. Но скажите, мой дорогой Спенс, это были настоящие улики или сфабрикованные?

— Сфабрикованные?

— Да. Если исходить из того, что Джеймс Бентли невиновен, варианта два. Улики были подстроены, чтобы подозрение пало на него. Либо он просто жертва обстоятельств.

Спенс задумался.

— Пожалуй. Я понимаю, куда вы клоните.

— Мое первое предположение как будто ничем не подтверждается. Но исключить его тоже нельзя. Кто-то забрал деньги и спрягал за домом, в таком месте, где их легко найти. Спрятать их прямо в его комнате — полиции это могло бы показаться неправдоподобным. Миссис Макгинти убили в то время, когда Бентли совершал свою обычную вечернюю прогулку. Откуда взялась кровь на рукаве — он сказал в суде правду или эта улика тоже сфабрикована? А если кто-то слегка коснулся его в темноте и оставил на рукаве безоговорочную улику?

— Ну, мосье Пуаро, по-моему, ваша фантазия завела вас слишком далеко.

— Возможно-возможно. Но, боюсь, в нашем случае без фантазии не обойтись. И завести нас она может очень далеко… И вот почему, mon cher[156] Спенс. Если миссис Макгинти — самая обычная приходящая служанка, значит, необычным должен быть *убийца*. Да — этот вывод очевиден. Изюминка нашего дела — не в убитой, а в убийце. В большинстве преступлений все как раз наоборот. Обычно разгадку ситуации надо искать в личности убитого. Навсегда умолкший покойник — вот кто меня, как правило, интересует. Кого он ненавидел, кого любил, какие поступки совершал. Стоит тебе поближе узнать жертву, она как бы начинает говорить, и с губ, которые сомкнулись навсегда, вдруг слетает имя — имя человека, которого ты ищешь.

Спенс поежился. Казалось, он говорил себе: «Ох уж эти иностранцы!»

— Но здесь, — развивал мысль Пуаро, — все обстоит наоборот. Здесь наше внимание сосредоточено на личности, пока от нас сокрытой, на фигуре, пока окутанной туманом. Как умерла миссис Макгинти? Почему умерла? Даже разглядывая жизнь

миссис Макгинти сквозь увеличительное стекло, мы не найдем ответа на эти вопросы. Ответ в личности убийцы. Вы согласны со мной?

— Пожалуй, — неуверенно произнес Спенс.

— Чего хотел этот человек? Убрать миссис Макгинти? А может, убрать Джеймса Бентли?

Инспектор с сомнением хмыкнул.

— Да-да, именно это мы в первую очередь должны определить. Кто подлинная жертва? Каково было истинное намерение убийцы?

— Вы и вправду думаете, — недоверчиво спросил Спенс, — что кто-то стукнул по голове совершенно безвредную старушку, чтобы другого человека повесили за убийство?

— Как говорится, не разбив яиц, омлет не сделаешь. Вдруг миссис Макгинти есть наше яичко, а Джеймс Бентли — омлет? Поэтому я хочу послушать, что вам известно о Джеймсе Бентли.

— Ничего особенного. Отец его был доктором; когда Бентли было девять лет, он умер. Мальчика отдали в небольшую частную школу, для армии он оказался непригодным — у него были больные легкие, во время войны работал в каком-то министерстве и жил с матерью, такой собственницей, что не приведи Господь.

— Что ж, — пробурчал Пуаро, — тут есть свои резоны… По крайней мере, их больше, чем в жизнеописании миссис Макгинти.

— Вы серьезно в это верите?

— Пока я не верю ни во что. Но мне ясно, что поиск можно вести по двум направлениям, и очень скоро нам придется выбирать, по какому пути следовать.

— Как вы собираетесь приступить к делу, мосье Пуаро? Я могу чем-то помочь?

— Первым делом я хотел бы побеседовать с Джеймсом Бентли.

— Это можно устроить. Я поговорю с его адвокатами.

— Потом, в зависимости от результата, разумеется — по-моему, этот разговор едва ли что-то даст, — я поеду в Бродхинни. Там, вооруженный вашими записями, я как можно быстрее проделаю весь путь, который до меня проделали вы.

— Проверить, не упустил ли я чего, — криво усмехнулся Спенс.

— Проверить, не откроются ли мне какие-то обстоятельства в ином свете, нежели вам, так бы я сказал. Людям свойственны перепады в настроениях, мнениях. Однажды в Льеже[157] я познакомился с одним мыловаром, как две капли воды похожим на крупного финансового воротилу, и на этом сходстве мне удалось прекрасно сыграть. Впрочем, это из другой оперы. Сейчас

я хотел бы отсечь один из следов, о которых я говорил. Начну с миссис Макгинти — пройти по ее следу, разумеется, быстрее и проще, со вторым следом повозиться придется как следует. Где я смогу остановиться в Бродхинни? Есть там более или менее сносная гостиница?

— Есть «Три утки», но гостей там не селят. Есть «Барашек» в Каллавоне, это в трех милях от деревни… Ну и в самой Бродхинни есть что-то вроде дома для приезжих. Собственно, это скорее ветхий загородный домишко, но хозяева — молодая пара — пускают на постой приезжих. Не думаю, — с сомнением проговорил Спенс, — что вам там будет очень удобно.

Эркюль Пуаро, изображая из себя мученика, прикрыл глаза.

— Страдать так страдать, — смиренно произнес он. — Так тому и быть.

— Не знаю, в каком качестве вам лучше туда ехать, — неуверенно продолжал Спенс, вглядываясь в Пуаро. — Допустим, оперного певца. У вас сел голос. Приехали в деревню отвлечься от городской суеты. По-моему, неплохо.

— Я поеду, — провозгласил Эркюль Пуаро, и в голосе его зазвучали нотки, свойственные членам королевской фамилии, — в качестве самого себя.

Спенс выслушал это заявление, поджав губы.

— Вы считаете, это разумно?

— Считаю, просто необходимо! Да, необходимо. Учтите, время работает против нас. Что нам известно? Ничего. Поэтому надо сделать вид, что мне известно многое. Я Эркюль Пуаро, великий и непревзойденный Эркюль Пуаро. И вот я, Эркюль Пуаро, не удовлетворен приговором по делу об убийстве миссис Макгинти. Я, Эркюль Пуаро, благодаря моему тонкому уму начал догадываться, как все было в действительности. Есть некое обстоятельство, оценить истинную важность которого способен только я. Понимаете?

— А дальше?

— Дальше, добившись желаемого эффекта, я наблюдаю за реакцией окружающих. А она будет, обязательно будет. Ее просто не может не быть.

Инспектор смотрел на маленького сыщика взглядом, полным тревоги.

— Только, мосье Пуаро, — сказал он, — вы там не слишком усердствуйте. Не дай Бог с вами что-нибудь случится, я себе этого не прощу.

— Зато тогда станет ясно, что сомневались вы не зря, верно?

— Мне не хотелось бы получать доказательства за ваш счет, — проворчал инспектор Спенс.

Глава 4

С величайшим отвращением Эркюль Пуаро оглядывал комнату, в которой стоял. Покои эти были королевскими разве что по размерам, на этом их привлекательность кончалась. Пуаро сделал красноречивую гримасу, когда подозрительно провел пальцем по верхушке книжного шкафа. Как он и ожидал — пыль! Он осторожно опустился на диван, и сломанные пружины с грустным скрипом просели под тяжестью его тела. Два облезлых кресла явно были ничуть не лучше. Зловещего вида пес, по наблюдениям Пуаро страдавший чесоткой, залег в относительно удобном третьем кресле и неприязненно оттуда рычал.

Огромная комната была оклеена дешевыми выцветшими обоями. На стенах, скособочившись, висели гравюры, посвященные каким-то мрачным событиям, и две-три неплохие картины. Обивка кресел выцвела и засалилась, ковер зиял дырами, да и в лучшие времена не отличался изысканностью. Повсюду были расставлены нелепые безделушки. Столы без колесиков опасно покачивались. Одно окно было открыто, и, видимо, не было на земле силы, способной его закрыть. Дверь была закрыта, но Пуаро знал: это ненадолго. Задвижка не держала, с каждым порывом ветра дверь распахивалась, и в комнату вихрем врывались холодные клубы воздуха.

— Что ж, приходится страдать, — пробормотал Пуаро, испытывая к себе крайнюю жалость. — Да, я страдаю.

Дверь распахнулась и вместе с порывами ветра впустила в комнату миссис Саммерхэй. Она оглядела комнату, крикнула «Что?» куда-то за ее пределы и тут же исчезла.

Миссис Саммерхэй, симпатичная рыжеволосая и веснушчатая особа, все время что-то куда-то ставила, что-то разыскивала и пребывала в состоянии тревожной озабоченности.

Эркюль Пуаро вскочил на ноги и захлопнул дверь.

Не прошло и минуты, как дверь снова открылась и снова впустила миссис Саммерхэй. На сей раз она несла большую эмалированную кастрюлю и нож.

Откуда-то донесся мужской голос:

— Морин, кошку снова рвет. Что делать?

— Бегу, дорогой! — откликнулась миссис Саммерхэй. — Ничего не трогай.

Она выпустила из рук кастрюлю и нож и снова исчезла. Пуаро поднялся и захлопнул дверь. Потом сказал себе:

— Нет сомнений, я страдаю.

Подъехала машина, пес выпрыгнул из кресла, сменив

рычание на лай. Он скакнул на маленький стол возле окна, и тот с грохотом рухнул.

— Enfin! — воскликнул Пуаро. — C'est insupportable![158]

Дверь в очередной раз распахнулась, по комнате пронесся маленький ураган, а пес, громко лая, выскочил на улицу. Послышался ясный и громкий, перекрывающий прочий шум голос Морин:

— Джонни, какого черта ты не закрыл заднюю дверь? Курицы забрались в кладовку, чтоб им пусто было!

— И за это, — с чувством произнес Пуаро, — я плачу семь гиней[159] в неделю!

Дверь с треском захлопнулась. За окном громко закудахтали разгневанные куры.

Тут же дверь снова открылась, вбежала Морин Саммерхэй, споткнулась о кастрюлю и издала радостный вопль.

— А я уж ее обыскалась. Вы не будете жутко против, мистер… м-м-м… в общем, ничего, если я тут порежу фасоль? А то в кухне запах стоит просто жуткий.

— Мадам, я буду в восторге.

Может, фраза и не вполне соответствовала истине, но была к ней достаточно близка. Ибо впервые за двадцать четыре часа Пуаро предоставилась возможность поговорить с хозяйкой дольше шести секунд кряду.

Миссис Саммерхэй плюхнулась в кресло и принялась неистово, но без особого проворства кромсать стручковую фасоль.

— Надеюсь, — заговорила она, — вам тут не жуть как неудобно? Если что нужно поменять, скажите без стеснения.

Пуаро уже сделал для себя вывод: хозяйка — самое меньшее из местных зол.

— Вы очень любезны, мадам, — вежливо ответил он. — Мне весьма жаль, что не в моей власти обеспечить вас достойной прислугой.

— Прислугой! — Миссис Саммерхэй даже взвизгнула. — На это надеяться нечего! Даже поденщицу не могу удержать. Одна была хорошая, и ту убили. Такая я невезучая.

— Вы имеете в виду миссис Макгинти? — быстро вставил Пуаро.

— Да, ее, бедняжку. Господи, как мне ее не хватает! Сначала-то была прямо сенсация! Ведь, можно сказать, убили члена нашей семьи, страсть как интересно, но потом я так и сказала Джонни: за что нам такая невезуха? Без миссис Макгинти я не управляюсь, хоть плачь!

— Вы были к ней привязаны?

— Понимаете, милейший, на нее можно было положиться.

Она приходила. Понедельник после обеда, четверг с утра — как часы. Теперь ко мне ходит эта Берп со станции. У нее муж и пятеро детей. Ясно, что ею здесь и не пахнет. То муж сорвался с катушек, то старушка-мать наклюкалась, то дети какую-нибудь заразу подхватили. А у старушки Макгинти если кто и мог сорваться с катушек, так только она сама, но до такого почти никогда не доходило.

— В общем, вы считали ее человеком надежным и честным, да? Вы ей доверяли?

— Что-нибудь стянуть, даже пищу, — этого она себе не позволяла. Сунуть нос в чужие дела — что бывало, то бывало. Но так, по мелочи, в письмецо заглянуть, не больше. Ну, оно и естественно. Ведь жизнь-то у нее — тоска смертная, верно?

— Миссис Макгинти жилось тоскливо?

— Я думаю, до ужаса, — рассеянно ответила миссис Саммерхэй. — Тоже мне веселье — целый день скрести пол на коленях. С утра приходишь к людям, а в раковине тебя ждет гора грязной посуды. Да жди меня по утрам такое, я бы вздохнула с облегчением, если бы мне суждено было быть убитой. Точно говорю.

В окне появилось лицо главы семейства, майора Саммерхэйя. Миссис Саммерхэй подскочила, опрокинула фасоль и, бросившись к окну, широко его распахнула.

— Морин, этот чертов пес снова сожрал куриный корм.

— Вот черт, теперь и его будет рвать!

— Посмотри. — Джон Саммерхэй выставил дуршлаг, полный зелени. — Шпината хватит?

— Конечно нет.

— По-моему, это огромная куча.

— Когда эту кучу сваришь, от нее останется чайная ложка. До сих пор не знаешь, что такое шпинат?

— Господи!

— А рыбу принесли?

— Боюсь, что нет.

— Вот проклятье, придется какие-нибудь консервы открывать. Давай, Джонни. В угловом шкафу поройся, возьми банку. Мы на одну грешили, что она вспучилась, вот ее и возьми. Ничего такого в ней нет.

— А со шпинатом что делать?

— Сейчас заберу.

Она выскочила прямо в окно, и муж с женой удалились.

— Nom d'un nom d'un nom![160] — воскликнул Эркюль Пуаро. Он пересек комнату и как можно плотнее закрыл окно. Ветер донес до него голос Джонни Саммерхэйя:

— Что это за новый жилец, Морин? Чудной какой-то. Как его зовут?

— Только что не могла вспомнить, когда с ним говорила. Пришлось сказать «мистер Гм». Пуаро — вот как его зовут! Француз.

— Знаешь, Морин, где-то я эту фамилию слышал.

— Может, в салоне красоты? Он похож на парикмахера.

Пуаро поморщился.

— А может, попадалось на банке с соленьями. Не знаю. Но точно помню, где-то мне эта фамилия встречалась. На всякий случай возьми с него семь гиней вперед.

Голоса затихли.

Эркюль Пуаро стал подбирать с пола фасолевые стручки, разлетевшиеся в разные стороны. Едва он закончил, через дверь снова вошла миссис Саммерхэй.

Он вежливо передал ей фасоль:

— Voici[161], мадам.

— Ой, спасибо огромное. Слушайте, что-то эти стручки уж больно черные. Мы их обычно кладем в глиняные горшки и засаливаем. А с этими, похоже, что-то приключилось. Боюсь, как бы они не испортились.

— Разделяю ваши опасения… Позвольте, я закрою дверь? Тут явно сквозит.

— Да-да, конечно. Я, растяпа, никогда не закрываю за собой двери.

— Я уже заметил.

— Эта дверь все равно закрываться не желает, хоть ты тресни. Весь дом, можно сказать, разваливается на части. Здесь жили родители Джонни, со средствами у них, бедненьких, было туго, и они в него не вкладывали ни гроша. А когда сюда после Индии переехали мы, тоже было не до него — других расходов хватало. Зато детям, когда приезжают на каникулы, здесь раздолье, бесись сколько влезет, дом большой, огород с садом и все такое. Мы гостей для того и пускаем, чтобы на ремонт деньги были, хотя, говоря по правде, кое с кем из них мы хлебнули лиха.

— Сейчас, кроме меня, у вас никто не живет?

— Еще старушка наверху. Как въехала, так и забралась в постель и с тех пор из нее не вылезает. Нет-нет, она вполне здорова. Но лежит себе, и точка, а я знай четыре раза в день поднимайся к ней с подносом. Аппетит у нее чудовищный. Но завтра она уезжает — кажется, к племяннице.

Миссис Саммерхэй помедлила, потом продолжила слегка искусственным голосом:

— Сейчас придет торговец рыбой. Вот я и подумала, если вы

не против, заплатите мне за неделю вперед. Вы ведь неделю у нас проживете?

— Может, и больше.

— Мне неудобно вас беспокоить. Но у меня сейчас совсем нет денег, а вы сами знаете, что это за публика — им вынь да положь, а остальное их не волнует.

— Пожалуйста, мадам, не надо извиняться.

Пуаро извлек из бумажника семь фунтовых банкнотов и добавил к ним семь шиллингов. Миссис Саммерхэй не без алчности приняла деньги.

— Большое спасибо.

— Мадам, пожалуй, я расскажу вам о себе чуть подробнее. Я — Эркюль Пуаро.

Эти слова не произвели на миссис Саммерхэй никакого впечатления.

— Какое милое имя, — вежливо сказала она. — Случайно, не греческое?

— Я, как вам, наверное, известно, — продолжал Пуаро, — детектив. Знаменитый, может быть, даже самый знаменитый.

Миссис Саммерхэй обрадованно вскрикнула:

— Я вижу, мосье Пуаро, вы настоящий шутник. И что же вы расследуете? Пепел от сигарет и следы ног?

— Я расследую обстоятельства убийства миссис Макгинти, — ответил Пуаро. — И вовсе не шучу.

— Ой! — воскликнула миссис Саммерхэй. — Палец порезала.

Подняв палец, она внимательно его оглядела. Потом уставилась на Пуаро.

— Подождите, — сказала она. — Вы это серьезно? Ведь дело-то закрыто, все кончено. Арестовали этого несчастного полоумного, что у нее квартировал, предали суду, вынесли приговор и все такое. Его небось уже повесили.

— Нет, мадам, — возразил Пуаро. — Его еще не повесили. И дело миссис Макгинти еще не кончено. Хочу напомнить строку, сочиненную одним из ваших поэтов: «Вопрос считаем мы решенным, коль верно только он решен»[162].

— О-о… — протянула миссис Саммерхэй, уже переключив внимание с Пуаро на кастрюлю, стоявшую у нее на коленях. — Вот черт, я кровью фасоль закапала. А ведь хотела ее на обед приготовить. Вообще-то ничего страшного, ее все равно в кипяченой воде варить. А в кипятке все микробы подыхают, верно? Даже если они завелись в консервах.

— К сожалению, во время обеда меня здесь не будет, — спокойно сообщил Пуаро.

Глава 5

— Говорю вам, ничего про это не знаю, — сказала миссис Берч.

Она повторила эти слова уже в третий раз. Не так-то просто преодолеть врожденное недоверие к иностранцам с черными усами, в длинных пальто с меховой оторочкой.

— Об этом и вспоминать неприятно, — продолжала она. — Про то, что тетушку убили, про полицию и про все прочее. Пришли и давай тут расхаживать, вынюхивать да вопросы задавать. А у соседей, ясное дело, ушки на макушке. Я сперва думала, мы вообще этого не переживем. А матушка моего мужа — та вообще распоясалась. В ее семье, мол, ничего подобного никогда не случалось, она мне просто дырку в голове просверлила. Ах, ах, мой бедненький Джо, ай-ай-ай. А я, я не бедненькая? Она ведь, между прочим, была мне тетушкой! Но сейчас, слава Богу, все вроде бы улеглось.

— А вдруг Джеймс Бентли все-таки невиновен?

— Чушь, — отрезала миссис Берч. — Еще как виновен. Пристукнул старушку за милую душу, и не сомневаюсь. Он мне никогда не нравился. Все ходит, бродит да чего-то про себя бормочет. Я тетушке так и сказала: «Нечего такого человека в доме держать. В любую минуту может отколоть невесть что». А она: ничего, мол, он человек тихий, смирный, никаких от него хлопот. Не пьет, даже не курит. Теперь она, бедняжка, такого бы не сказала, да что толку.

Пуаро задумчиво посмотрел на нее. Этакая цветущая пышка, рот то и дело расплывается в улыбке. В небольшом домике прибрано и чисто, пахнет лаком для мебели. Какие-то аппетитные запахи доносятся из кухни.

Что ж, примерная жена, содержит дом в чистоте, кухарит для мужа. Молодец, да и только. Да, не без предрассудков и упряма, но что с того? Во всяком случае, она не из тех, кто может рубануть секачом родную тетку или подговорить на такое дело мужа. Так считал Спенс, и Эркюль Пуаро, пусть с неохотой, был вынужден с ним согласиться. Спенс проверял, как у Берчей обстоит с деньгами, и мотивов для убийства не нашел, а человек он дотошный.

Великий сыщик вздохнул — как все-таки рассеять у миссис Берч недоверие к иностранцам? С убийства он перевел разговор на жертву. Стал спрашивать о «бедной тетушке», ее здоровье, привычках, любимых кушаньях и напитках, политических взглядах, покойном муже, отношении к жизни, сексу, грехам,

религии, детям, животным.

Он понятия не имел, пригодятся ему эти побочные сведения или нет. Просто искал иголку в стоге сена. Но между делом узнавал кое-что и о самой Бесси Берч.

Оказалось, Бесси знала родную тетку не так уж хорошо. Их связывало родство, но особой близости не было. Изредка, примерно раз в месяц, она и Джо по воскресеньям приезжали к тетушке отобедать, еще реже тетушка навещала их. Под Рождество обменивались подарками. Они знали, что у тетушки кое-что отложено и, когда она умрет, наследство достанется им.

— Но в ее деньгах мы вовсе не нуждались, — объяснила миссис Берч, слегка покраснев. — У нас и у самих кое-что отложено. А похоронили мы ее как полагается. Красивые вышли похороны. С цветами, и все такое.

Тетушка любила вязать. Собаки ей были не по душе, от них в доме столько грязи, а вот кота она одно время держала, рыжей масти. Он заблудился и пропал, другого она не взяла, хотя женщина с почты предлагала ей взять котеночка. В доме у нее всегда было чисто — ни соринки, ни пылинки. Медные вазочки да дверные рукоятки всегда надраены, пол в кухне мыла каждый день. Зарабатывала она более или менее. За час брала шиллинг и десять пенсов, а мистер Карпентер из Холмли платил ей даже два шиллинга. У этих Карпентеров денег куры не клюют. Они хотели, чтобы тетушка убирала у них почаще, но она не могла отказать другим своим дамам, к ним она ходила еще до мистера Карпентера, зачем же их обижать?

Пуаро напомнил о миссис Саммерхэй в Лонг-Медоуз.

Да, верно, тетушка к ней ходила — два раза в неделю. Эти Саммерхэйи вернулись из Индии, у них там было полно местной прислуги, и миссис Саммерхэй в домашнем хозяйстве ни уха ни рыла. Взялись было выращивать овощи и фрукты на продажу, но и в этом ничего не смыслят. Когда на каникулы приезжают дети, в доме тарарам, хоть святых выноси. Но миссис Саммерхэй — женщина милая, тетушка ее любила.

Портрет миссис Макгинти выплывал из тумана, становился все отчетливее. Она вязала, скребла полы драила до блеска вазочки и дверные ручки, любила котов и не любила собак. Детей любила, но в меру Жила в своей скорлупе По воскресеньям ходила в церковь, но во всяких церковных начинаниях не участвовала. Иногда, довольно редко, ходила в кино. Нравов была пуританских — как-то отказалась работать у одного художника и его жены, когда узнала, что брак их не зарегистрирован. Книг не читала, но с удовольствием проглядывала воскресную газету, любила полистать старые журналы, которыми ее снабжали дамы.

Хотя в кино она почти не ходила, разговоры про кинозвезд и их жизнь слушала с интересом. Политики сторонилась, но голосовала за консерваторов, как это всегда делал ее муж. На одежду почти не тратилась, носила в основном то, что ей отдавали ее дамы, была слегка прижимиста.

По сути дела, именно такой Пуаро и представлял себе миссис Макгинти. А ее племянница, Бесси Берч, вполне соответствовала описанию инспектора Спенса.

Когда Пуаро уже собрался уходить, с работы на обед пришел Джо Берч. Невысокий, глаза умные, и отнюдь не так прост, как его жена. Во всем его облике сквозила легкая нервозность. Но в отличие от жены он почти не выказал подозрительности или враждебности. Скорее наоборот, всячески старался помочь. Но именно это Эркюля Пуаро насторожило. С чего вдруг Джо Берч так и жаждет задобрить докучливого иностранца, которого видит впервые в жизни? Причина одна — этот незнакомый иностранец привез с собой письмо от инспектора Спенса, из полиции графства.

Выходит, Джо Берч хочет хорошо выглядеть в глазах полиции? А почему? Потому что у него рыльце в пушку и лучше с полицией не ссориться? Жена его, напротив, ничего такого не боится.

Итак, у него нечистая совесть? Возможно. По какой причине? Причин может быть сколько угодно — и все не имеют никакого отношения к смерти миссис Макгинти. Или все-таки алиби с кино ловко подстроено и именно Джо Берч был впущен тетушкой и хватил ничего не подозревавшую старушку по голове? Потом вытащил из столов и шкафов ящики, перевернул все в комнатах — создать видимость ограбления, — спрятал деньги за домом, чтобы подозрение пало на Джеймса Бентли — тонкий ход, — а потом преспокойно получил деньги, лежавшие на банковском счету тетушки, ибо в действительности его интересовали именно они. Вдруг по какой-то неизвестной причине ему позарез требовались эти двести фунтов? Вот они и достались его жене. Пуаро вспомнил, что орудие убийства так и не нашли. Почему на месте преступления его не оставили? Сейчас любой лопух знает — либо идешь на дело в перчатках, либо потом стираешь отпечатки пальцев. Зачем тогда уносить с места преступления орудие убийства — тяжелое, с острой кромкой? Потому что его легко бы опознали, как один из предметов утвари Берчей? Может, это самое орудие, вымытое и надраенное, находится сейчас здесь, в этом доме? Полицейский врач сказал, что убийство совершено чем-то вроде секача, каким рубят мясо, но не секачом, а чем-то вроде него. Что же это за диковинка такая? Полиция вела поиски,

но ничего не нашла. Они прочесали близлежащий лес, обшарили дно в прудах. Из кухни миссис Макгинти ничего не пропало, а у Джеймса Бентли ничего похожего тоже никто не видел. Никто не мог засвидетельствовать, что Бентли покупал секач или что-то подобное. Это маленькое обстоятельство явно в его пользу. Но его не приняли во внимание — слишком велик груз прочих улик. Велик-то велик, но такое обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов…

Быстрым взглядом Пуаро окинул заставленную и оттого тесноватую гостиную.

А вдруг орудие убийства где-то здесь, в этом доме? И поэтому Джо Берч так неспокоен, так хочет угодить?

Этого Пуаро не знал. Скорее всего, никакого орудия здесь нет. Но наверняка разве скажешь?..

Глава 6

1

В компании «Бритер и Скаттл» Пуаро после небольшого замешательства провели прямо в кабинет мистера Скаттла.

Мистер Скаттл оказался энергичным суетливым человеком, натурой широкой и добродушной.

— Доброе утро. Доброе утро. — Он потер руки. — Чем могу быть полезен?

Он смерил Пуаро оценивающим взглядом профессионала, будто делал заметки на полях — что это, мол, за птица?

Иностранец. Одет от хорошего портного Наверное, богат. Владелец ресторана? Управляющий отелем? Кинопродюсер?

— Надеюсь, не отниму у вас много времени. Хочу поговорить с вами о вашем бывшем сотруднике, Джеймсе Бентли.

Выразительные брови мистера Скаттла стрельнули на дюйм вверх и вернулись в исходное положение.

— Джеймс Бентли. Джеймс Бентли? — пальнул он вопросом. — Вы из газеты?

— Нет.

— Но и не из полиции?

— Нет. По крайней мере… не из английской.

— Не из английской. — Мистер Скаттл сделал воображаемую пометку — вдруг пригодится. — И в чем же дело?

Свою педантичную любовь к истине Пуаро никогда не доводил до абсурда и потому заявил следующее:

— Я открываю новое расследование по делу Джеймса Бентли — по просьбе некоторых его родственников.

— Не слышал, что они у него есть. Впрочем, какая разница, его признали виновным и приговорили к смерти — вы об этом знаете?

— Да. Приговор еще не привели в исполнение.

— Пока живу — надеюсь, да? — Мистер Скаттл покачал головой. — Боюсь, вам ничего не светит. Уж слишком явные против него улики. А кто они, эти его родственники?

— Могу лишь сказать, что они богаты и могущественны. Невероятно богаты.

— Это любопытно. — Мистер Скаттл против своей воли немного оттаял. В словах «невероятно богаты» было что-то притягательное и гипнотическое. — Вы меня прямо-таки удивили.

— Мать Бентли, покойная миссис Бентли, — пояснил

Пуаро, — полностью порвала со своей семьей.

— Понятно, семейные распри. Так, так. В результате молодой Бентли оказался без единого фартинга за душой. Жаль, что эти родственники не бросили ему спасательный круг раньше.

— Факты стали им известны только теперь, — объяснил Пуаро. — Они наняли меня, поручив приехать в Англию как можно быстрее и сделать все, чтобы вызволить его.

Мистер Скаттл откинулся в кресле, расслабился, сбросил с себя личину делового человека:

— Не представляю, что можно сделать. Доказать, что он безумен? Но с этим вы несколько запоздали… хотя, если подрядить толковых врачей крупного калибра… Впрочем, я в этом ни черта не смыслю.

Пуаро подался вперед:

— Мосье, Джеймс Бентли у вас работал. Расскажите мне о нем.

— Да говорить-то нечего. Так, одни слезы. Он был младшим служащим. Я против него ничего не имел. Вроде бы вполне порядочный парень, совестливый и вообще… Но в торговле — как свинья в апельсинах. Если надо протолкнуть товар — тут он просто пасовал. А в нашей работе без этого никак. К нам приходит клиент и просит продать его дом — и мы обязаны его продать! А если клиент хочет купить дом, мы обязаны его купить. И если дом в уединенном месте, без удобств — мы налегаем на то, что он старинный, и на этом ставим точку, и никаких разговоров про водопровод! А если дом смотрит прямо на химический завод, мы рекламируем удобства, а о пейзаже — ни слова! Наша задача — сбыть клиенту товар. Любыми путями и средствами. «Мадам, мы вам рекомендуем заключить сделку немедленно. Этим домом заинтересовался один член парламента — очень заинтересовался. Сегодня после обеда он приедет смотреть его еще раз». На члена парламента покупаются почти все — это очень изящный ход. Срабатывает, сам не знаю почему! Ведь члены парламента всегда живут в своих избирательных округах. Видимо, эти слова просто ласкают слух. — Он внезапно засмеялся, показав сверкающую вставную челюсть. — Психология — вот что это такое. Чистая психология.

Пуаро ухватился за это слово:

— Психология. Как вы правы! Вижу, вы хорошо разбираетесь в людях.

— Пожалуй, неплохо. Пожалуй, неплохо, — скромно подтвердил мистер Скаттл.

— Поэтому хочу спросить вас еще раз: что вы думаете о Джеймсе Бентли? Между нами — строго между нами, — вы

считаете, что он убил эту старушку?

Скаттл пристально посмотрел на Пуаро:

— Конечно.

— И вы считаете, что для него это было делом естественным — с точки зрения психологии?

— Ну… если ставить вопрос так… не совсем. Я бы сказал, что он не из тех, кто на такое способен. Мое мнение: он просто свихнулся. Если с этой стороны поглядеть, все сходится. С головой у него всегда было слабовато, а тут еще остался без работы, переживания и все такое — вот и переступил черту.

— А вы его уволили… никакой особой причины не было?

Скаттл покачал головой:

— Неудачное время года. Сотрудники были недогружены. Мы решили уволить самого некомпетентного. Им оказался Бентли. Полагаю, в нашем деле он был бы таким всегда. Я дал ему нормальные рекомендации. Но другую работу он так и не нашел. Тусклый он какой-то, неживой. Людям это не нравится.

«Все поют одну песню, — думал Пуаро, выходя из кабинета. — Джеймс Бентли производил на людей плохое впечатление. Но ведь не все же убийцы — буки». Пуаро порылся в памяти — а часто ли ему попадались убийцы-симпатяги? Да, весьма часто.

2

— Ничего, если я подсяду к вам на минутку?

Пуаро, уютно устроившийся за маленьким столиком в «Синей кошке», вздрогнув, поднял голову от меню. В «Синей кошке», где стены из дуба по старой европейской традиции сочетались с освинцованными оконными стеклами, было довольно темно, но севшая напротив молодая женщина была настолько яркой, что этого не мог скрыть полумрак.

У нее были вызывающе золотистые волосы, костюм-комбинезон цвета электрик. И кажется, совсем недавно он эту женщину где-то видел.

Она продолжала:

— Видите ли, я случайно услышала, о чем вы говорили с мистером Скаттлом.

Пуаро кивнул. В компании «Бритер и Скаттл» он сразу сообразил, что перегородки скрывают тебя от посторонних глаз, но никак не от ушей. Его это ничуть не беспокоило — он ведь жаждал рекламы.

— Вы стучали на машинке, — вспомнил он, — справа от

последнего окна, в глубине комнаты.

Теперь кивнула она. Лицо ее осветилось приветливой белозубой улыбкой. Пышущая здоровьем, полногрудая молодая женщина, — с удовольствием отметил Пуаро про себя. Года тридцать три или тридцать четыре, от природы брюнетка, но не из тех, кто идет у природы на поводу.

— Насчет мистера Бентли, — уточнила она.

— Что именно?

— Он собирается подать апелляцию? Значит, в деле появились новые факты? Я так рада! Я просто не могла… не могла поверить, что он совершил такое.

Пуаро повел бровями.

— То есть вы с самого начала считали, что он невиновен, — медленно сказал он.

— Именно, что с начала. Думала, какая-то ошибка. Но улики… — Она остановилась.

— Что же улики? — спросил Пуаро.

— Получалось, кроме него, это никто не мог сделать. Я решила, может, у него просто ум за разум зашел.

— А он не казался вам… я бы сказал, немножечко чудным?

— Как будто нет. Чудной — это что-то другое. Застенчивый, неловкий — вот он какой. Таких много. Не нашел себя человек в этой жизни, мается. Отсюда и неуверенность, скованность.

Пуаро взглянул на незнакомку. Уж у нее уверенности в себе хоть отбавляй. С лихвой хватит и на двоих.

— Он вам нравился? — спросил он.

Она вспыхнула:

— Да, нравился. У нас в комнате сидит еще одна девушка, Эми, она всегда над ним подсмеивалась, называла растяпой, но мне он очень нравился. Такой добрый, тихий, учтивый. И много чего знал. В смысле — начитанный.

— Понятно, начитанный.

— По матери сильно тосковал. Она ведь много лет болела, вы, наверное, знаете. Даже не болела, а так, постоянный упадок сил, и он был ей как нянька.

Пуаро кивнул. Таких матерей он знал.

— Она, конечно, тоже о нем заботилась. Беспокоилась о его здоровье, чтобы он зимой не простужался, хорошо ел.

Сыщик снова кивнул. Потом спросил:

— Вы были друзьями?

— Трудно сказать… едва ли. Иногда разговаривали. Но когда он отсюда ушел, я… мы… почти не встречались. Однажды написала ему по-дружески, но он не ответил.

— Но он вам нравится? — негромко спросил Пуаро.

Она с вызовом ответила:

— Да, нравится…

— Это замечательно, — искренне обрадовался Пуаро.

Мысленно он вернулся к тому дню, когда разговаривал в тюрьме с осужденным… Перед глазами его, как наяву, возник Джеймс Бентли. Мышиного цвета волосы, худой и нескладный, выступающие костяшки на пальцах рук, большие кисти, на цыплячьей шее торчит кадык. Взгляд смущенный, исподлобья, даже какой-то коварный. Совсем не из прямых и открытых людей, которым готов верить на слово, — коварный и лживый тип себе на уме, как-то неприятно бормочет под нос… Именно такое впечатление Джеймс Бентли производил на поверхностных наблюдателей. Так восприняли его и присяжные. Этот и наврет с три короба, и ограбит, и старушку огреет по голове…

Но на инспектора Спенса, который хорошо разбирается в людях, Джеймс Бентли произвел совсем другое впечатление. И на Эркюля Пуаро тоже… А теперь, как выясняется, и на эту девушку.

— Как вас зовут, мадемуазель? — спросил он.

— Мод Уильямс. Могу я как-то… ему помочь?

— Думаю, что да. Есть люди, мисс Уильямс, которые считают, что Джеймс Бентли невиновен. Они собирают факты, чтобы доказать это. Расследование возглавляю я и могу сказать, что кое-чего уже добился… да, определенно добился.

Он произнес эту ложь не моргнув глазом. Ибо считал ее крайне необходимой. Кто-то где-то должен забеспокоиться. Мод Уильямс наверняка не станет молчать, об их встрече она кому-нибудь расскажет, и это будет брошенным в пруд камнем — по воде пойдут круги…

Он сказал:

— Вы с Джеймсом Бентли много разговаривали. Он рассказывал вам о своей матери, о своей семье. Может быть, он упоминал кого-то, с кем он или его мать были в плохих отношениях?

Мод Уильямс задумалась.

— Нет… о плохих отношениях, пожалуй, речи не было. По-моему, его мать недолюбливала молодых женщин.

— Матери преданных сыновей никогда не любят молодых женщин. Я имею в виду нечто другое. Какая-нибудь семейная распря, вражда. Может, у кого-то был на них зуб?

Она покачала головой:

— Ни о чем таком я никогда от него не слышала.

— А о своей домовладелице, миссис Макгинти, он когда-нибудь говорил?

Она чуть поежилась:

— Не называя по имени. Однажды сказал, что она слишком часто потчует его копченой селедкой… а в другой раз — что домовладелица переживает из-за пропавшего кота.

— А он не говорил вам — прошу вас, будьте со мной откровенны, — что знает, где она держит деньги?

Девушка чуть побледнела, но тут же с вызовом вскинула подбородок:

— Представьте, да. У нас зашел разговор о том, что люди перестали доверять банкам, и он сказал, что его домовладелица хранит свободные деньги под половицей. И добавил: «Я спокойно могу их взять, когда ее нет дома». Не то что в шутку, он был не мастер шутить, а так, будто тревожился за нее — что же она такая легко мысленная?

— Ага, — сказал Пуаро. — Это хорошо. С моей точки зрения, разумеется. То есть кража для Джеймса Бентли — это скрытое действие за чьей-то спиной, но отнюдь не связанное с убийством. Ведь он мог бы сказать и по-другому: «Однажды кто-нибудь из-за этих денег даст ей по голове».

— В любом *случае* он не мог говорить об этом всерьез.

— Конечно. Но в разговоре, пусть легком и бездумном, наружу обязательно выходит ваша суть — что вы за человек. Умный преступник держит рот на замке, но умный среди преступников — большая редкость, обычно они тщеславны и болтливы, в итоге большинство из них удается поймать.

Мод Уильямс резко бросила:

— Поделом.

— Но ведь кто-то эту старушку убил.

— Кто же? Вам это известно? Вы до чего-то додумались?

— Да, — снова солгал Эркюль Пуаро. — Кое до чего я уже додумался. Но нам предстоит пройти длинный путь.

Девушка посмотрела на часы:

— Мне пора. У нас перерыв — всего полчаса. Этот Килчестер такая дыра, ужасное захолустье… Раньше я работала только в Лондоне. Позвоните, если понадобится какая-то помощь… настоящая помощь, понимаете?

Пуаро достал одну из своих визитных карточек. Написал на ней «Лонг-Медоуз» и номер телефона.

— Сейчас меня можно найти здесь.

Он не без огорчения заметил, что его имя не произвело на нее никакого впечатления. Что поделаешь, молодежь теперь пошла темная, бок о бок с ними ходят выдающиеся современники, а им и дела нет.

Возвращаясь автобусом в Бродхинни, Пуаро пребывал в более радужном настроении. По крайней мере, хоть кто-то верит в невиновность Джеймса Бентли. И не так уж он одинок на этом свете, как сам о себе думает.

Пуаро мысленно вернулся к своей встрече с Бентли в тюрьме. Она оставила тяжелый осадок. У заключенного даже не заискрилась надежда в глазах, приход Пуаро почти не вызвал у него интереса.

— Спасибо, — вяло сказал Бентли, — только вряд ли мне что-нибудь поможет.

Нет, врагов у него нет, это точно.

— Откуда взяться врагам, если тебя вообще едва замечают?

— А ваша мама? Может быть, враги были у нее?

— Не было. Все ее любили и уважали. — В его голосе послышалось легкое негодование.

— Как насчет ваших друзей?

— Друзей у меня нет, — ответил, вернее буркнул Джеймс Бентли.

Но тут он был не совсем прав. Мод Уильямс была ему другом.

«Чудесно все-таки заведено в природе, — подумал Эркюль Пуаро, — любой мужчина, с виду совсем не привлекательный, обязательно становится избранником какой-то женщины».

Проницательный Эркюль Пуаро верно заметил: у мисс Уильямс сильно развито материнское начало, хоть и выглядела она весьма эротично.

Она обладала качествами, которых Джеймс Бентли был напрочь лишен, — энергичная, волевая, не желающая пасовать перед обстоятельствами, полная решимости добиться своего.

Пуаро вздохнул.

Он в тот день наврал с три короба. Просто какой-то кошмар. Что поделаешь — это было необходимо.

«Ибо где-то в стоге сена, — сказал себе Пуаро, погружаясь в водоворот смешанных метафор, — наверняка есть иголка; среди спящих псов наверняка есть один, которому я должен наступить на лапу; и, если вытащить шило из мешка и выстрелить им в белый свет, оно обязательно воткнется в паршивую овцу!»

Глава 7

1

Коттедж, где жила миссис Макгинти, находился в нескольких шагах от автобусной остановки. На крылечке играли двое детей. Один грыз червивое с виду яблоко, другой кричал и колотил в дверь оловянным подносом. Оба были бесконечно счастливы.

Пуаро внес в шум и свою лепту, решительно постучав в дверь.

Из-за угла дома выглянула женщина. На ней был цветастый халат, волосы нечесаны.

— Прекрати, Эрни, — сказала она.

— Не хочу, — ответил Эрни и продолжал стучать дальше.

Пуаро сошел со ступенек и направился к углу дома.

— Никакой управы нет на этих детей, верно? — сказала женщина.

Пуаро считал, что управу найти можно, но высказать свое мнение остерегся.

Они прошли к задней двери.

— Переднюю дверь я держу запертой, сэр. Проходите, пожалуйста.

Через очень грязную комнату, предназначенную для мытья посуды, Пуаро проследовал в еще более грязную кухню.

— Ее убили не здесь, — сообщила женщина. — В гостиной.

Пуаро от неожиданности моргнул.

— Вы ведь насчет этого, верно? Вы иностранец, что остановился у Саммерхэйев?

— Так вам обо мне все известно? — спросил Пуаро с сияющей улыбкой. — Да, вы правы, миссис…

— Киддл. Муж у меня штукатур. Четыре месяца назад мы сюда въехали. Раньше-то жили с матерью Берта… Некоторые так говорили: «Неужто ты поселишься в доме, где человека убили?» А я им на это: «Какой-никакой, а дом, все лучше, чем ютиться в задней комнатенке и спать на двух креслах». Жилья не хватает, прямо беда, верно? А живем *мы* тут без всяких хлопот. Есть такое поверье: если в доме кого убили, привидения так и шастают по дому. А у нас все тихо! Показать, где это случилось?

Пуаро согласно кивнул, чувствуя себя как турист на экскурсии.

Миссис Киддл ввела его в небольшую комнату, заставленную тяжелой дубовой мебелью. Вид у комнаты в отличие от остальной части дома был нежилой.

— Тут она лежала, на полу, с разбитым затылком. Миссис Эллиот сама едва не окочурилась. Это ведь она нашла ее — она и Ларкин, из кооператива, который хлеб развозит. А деньги забрали наверху. Идемте, покажу.

Вслед за миссис Киддл Пуаро поднялся по лестнице и вошел в спальню, где находились громоздкий комод, никелированная кровать, несколько стульев и великое множество детской одежды, влажной и сухой.

— Она держала их здесь, — с гордостью сообщила миссис Киддл.

Пуаро огляделся. Трудно представить, что здесь, где сейчас буйно и беспорядочно шла жизнь новых жильцов, когда-то коротала дни аккуратная старушка, содержавшая свое жилище в чистоте и порядке. Здесь жила и почила миссис Макгинти.

— Это не ее мебель, надо полагать?

— Нет, что вы. Весь ее скарб увезла племянница из Каллавона.

От миссис Макгинти здесь не осталось и следа. На ее территории победно обосновалось семейство Киддлов. Жизнь вытеснила смерть.

Снизу донесся пронзительный детский вопль.

— Малышка проснулась, — пояснила миссис Киддл, хотя это и так было ясно.

Она кинулась вниз по лестнице, и Пуаро последовал за ней.

Здесь ему делать было нечего.

Он решил зайти к соседям.

2

— Да, сэр, ее нашла я.

Миссис Эллиот словно вещала с подмостков. Дом ее поражал чистотой, строгостью и порядком и совсем не походил на театр. Мысль о подмостках навевала лишь сама миссис Эллиот, сухопарая темноволосая особа, ибо рассказывала она о событии, прославившем ее на всю округу.

— Ларкин, булочник, пришел и постучал в мою дверь. «Миссис Макгинти, — говорит он, — не подает никаких признаков жизни. Уж не заболела ли?» Я и сама подумала: а что, вполне возможно. Возраст есть возраст, молодой ее не назовешь. У нее бывало сильное сердцебиение, сама мне говорила. Вдруг, думаю, удар человека хватил? Ну, я сразу к ней — их там двое мужчин, ясно, что в спальню к женщине им заходить неудобно.

Пуаро понимающе хмыкнул — приличия есть приличия.

— Ну, я сразу поспешила наверх. Тут же, на площадке, и он стоит — бледный что твоя смерть. В тот момент я и думать ничего не думала — я же не знала, что там приключилось. Громко стучу в дверь, ответа нет, тогда я поворачиваю ручку и вхожу. Все в комнате вверх дном — и половица торчит. «Э-э, — говорю я, — тут не иначе как ограбление. Только где же сама старушка?» И мы решили — заглянем в гостиную. Там ее и нашли… Лежит, несчастная, на полу с пробитой головой. Убийство! Я с первого взгляда поняла — убийство! Что же еще? Ограбление и убийство! Здесь, у нас, в Бродхинни! Ну, я как заголосила! Задала им всем работы. Бухнулась в обморок. Они бегом в «Три утки», притащили мне бренди. Меня потом еще полдня трясло. «Не надо так переживать, матушка, — сказал мне сержант, когда приехал. — Не надо так переживать. Идите домой, приготовьте себе чашку хорошего чая и успокойтесь». Я так и сделала. А Эллиот, едва порог переступил, сразу спрашивает: «Что такое, что случилось?» — и смотрит на меня. А я все дрожь унять не могу. С детства была чувствительной.

Пуаро искусно прервал этот волнующий поток красноречия:

— Да-да, это сразу заметно. А когда вы в последний раз видели несчастную миссис Макгинти?

— Кажется, за день до этого, она вышла в огород с заднего крылечка нарвать мяты. А я как раз цыплят кормила.

— Она вам что-нибудь сказала?

— Так, добрый день да спросила, как несутся наседки.

— И больше не видели? А в тот день, когда она умерла?

— Нет. Зато я видела его. — Миссис Эллиот понизила голос. — Часов в одиннадцать утра. Шел по дороге. Как всегда, шаркал ногами, будто старик какой.

Пуаро подождал, но, видимо, добавить ей было нечего. Тогда он спросил:

— Вы удивились, когда его арестовала полиция?

— И да и нет. Я всегда подозревала, что у него с мозгами непорядок. А от таких только и жди, что выкинут какой-нибудь фортель. У моего дяди был слабоумный сын, тот такие фортеля выкидывал — чем старше, тем больше. Свою силу не мог соразмерить. У этого Бентли с мозгами точно был непорядок, и я бы не удивилась, если бы суд решил не повесить его, а отправить в лечебницу для психов. Ведь вы посмотрите, куда он спрятал деньги. Разве нормальный человек их так бы спрятал? Только если бы хотел, чтобы их нашли. Безмозглый простофиля, больше и сказать про него нечего.

— Только если бы хотел, чтобы их нашли, — пробормотал Пуаро. — У вас случайно никакой тесак не пропал… или топор?

— Нет, сэр, такого не было. Полиция меня про это спрашивала. И не меня одну, всех из наших коттеджей. Чем он ее убил — это по сей день загадка.

3

Эркюль Пуаро шагал в сторону почты.

Убийца хотел, чтобы деньги нашли, а орудие убийства — нет. Потому что деньги укажут на Джеймса Бентли, а орудие убийства указало бы… на кого?

Он покачал головой. Он успел нанести еще два визита. Хозяева оказались менее жизнерадостными, чем миссис Киддл, менее театральными, чем миссис Эллиот. Сказали они, по сути, следующее, миссис Макгинти была человеком очень достойным, жила очень замкнуто, имела племянницу в Каллавоне, кроме этой самой племянницы, никто к ней не приезжал, никто, сколько им известно, не относился к ней плохо, не держал на нее зла. И спрашивали, правда ли, что в защиту Бентли написана петиция и их попросят ее подписать?

«Чего я добился? — вопрошал себя Пуаро. — Ровным счетом ничего. Полный мрак, никакого просвета. Теперь ясно, в каком отчаянии пребывал инспектор Спенс. Но одно дело он, а другое — я. Инспектор Спенс — очень хороший и добросовестный работник полиции, а я? Я — Эркюль Пуаро! Уж мне должно что-то открыться!»

Он ступил лакированной туфлей в лужу и поморщился.

Да, он великий и несравненный Эркюль Пуаро, но при этом он далеко не молод и у него жмут туфли.

Он вошел в здание почты.

По правую руку находилась почтовая служба Ее Величества. По левую — в богатом ассортименте были представлены всякие товары: сладости, бакалея, игрушки, скобяные изделия, канцтовары, поздравительные открытки, шерсть для вязанья и детское белье.

Пуаро принялся неспешно разглядывать марки, собираясь купить несколько штук.

Энергичная женщина средних лет с живыми и проницательными глазами поспешила обслужить его.

Это явно мозговой центр деревни Бродхинни — так с одного взгляда определил Эркюль Пуаро.

И фамилия у нее была не сказать чтобы не к месту — миссис Толк.

— Еще двенадцать пенсов, — прибавила миссис Толк, ловко

извлекая марки из большой амбарной книги. — Всего четыре шиллинга и десять пенсов. Еще что-нибудь, сэр?

Она вперилась в него ясным, полным готовности взглядом. В проеме задней двери показалась голова девушки, она жадно вслушивалась в их разговор. Она была не причесана и шмыгала носом.

— Я в ваших краях человек новый, — торжественно провозгласил Пуаро.

— Да, сэр, я вижу, — подтвердила миссис Толк. — Вы ведь из Лондона?

— Я полагаю, цель моего приезда известна вам не хуже меня самого, — сказал Пуаро, чуть улыбаясь.

— Вовсе нет, сэр, я и понятия об этом не имею, — ответила миссис Толк совершенно равнодушно.

— Миссис Макгинти, — подсказал Пуаро.

Миссис Толк покачала головой:

— Прискорбная история. Мы все были потрясены.

— Полагаю, вы неплохо ее знали?

— Знала, конечно. Как, впрочем, и всех в Бродхинни. Бывало, зайдет ко мне за чем-нибудь и обязательно задержится — немножко поболтать. Да, кошмарная история. И как я слышала от людей, вопрос об убийце еще не закрыт?

— Кое-кто сомневается в виновности Джеймса Бентли.

— Что ж, — сказала миссис Толк, — с полицией такое бывает — схватят не того и упекут за решетку. Но боюсь, в этом случае они не ошиблись. Вообще-то на него и не подумаешь. Застенчивый такой, неловкий, и в голову не придет, что его нужно опасаться. А там кто их разберет, верно ведь?

Пуаро, собравшись с духом, попросил писчей бумаги.

— Разумеется, сэр. Подойдите, пожалуйста, на ту сторону.

Миссис Толк живо переместилась за левый прилавок.

— Вся штука в том, что, кроме мистера Бентли, ее и убивать некому, — заметила она, протягивая руку к верхней полке за бумагой и конвертами. — Случается, забредают к нам всякие бродяги, кто-то из них мог наткнуться на незакрытое окно и залезть в дом. Но тогда он бы унес с собой деньги, правильно? Коли ради них убил человека? Бояться нечего — обычные фунтовые банкноты, не какие-нибудь меченые или со специальными знаками. Вот, сэр, прекрасная голубая бумага и конверты в тон.

Пуаро заплатил за покупку.

— Миссис Макгинти никогда не говорила, что нервничает из-за кого-то, чего-то опасается? — спросил он.

— Мне не говорила. Вообще она была не из нервных.

Случалось, оставалась допоздна у мистера Карпентера — это в Холмли, на пригорке. Они часто устраивают приемы, кто-то у них останавливается, и миссис Макгинти иногда ходила к ним по вечерам — помочь с посудой, — а спускаться приходилось в темноте, лично мне такие прогулки не по душе. Уж очень темно. Одной спускаться с горы — страшно.

— А ее племянницу — миссис Берч — вы знаете?

— Так, «здравствуйте — до свидания». Она с мужем иногда к нам заезжает.

— После смерти миссис Макгинти они унаследовали небольшую сумму.

Проницательные темные глаза строго посмотрели на него.

— Но это вполне естественно, сэр? С собой в могилу всего не заберешь, оно и правильно, что нажитое тобой достается твоей плоти и крови.

— О да, о да, я с вами полностью согласен. А миссис Макгинти любила племянницу?

— Я бы сказала, даже очень. На свой манер, без особых эмоций.

— А мужа племянницы?

На ее лице появилась некоторая неопределенность:

— Насколько мне известно, тоже.

— Когда вы видели миссис Макгинти в последний раз?

Миссис Толк задумалась, уходя мыслями в прошлое.

— Сейчас соображу. Когда это было, Эдна? — Эдна в дверном проеме беспомощно шмыгнула носом. — В тот день, когда она умерла? Нет, за день до этого — или за два? Да, это был понедельник. Точно. Убили ее в среду. Значит, в понедельник. Она пришла сюда, чтобы купить бутылочку чернил.

— Ей понадобилась бутылочка чернил?

— Наверное, решила написать письмо, — бойко предположила миссис Толк.

— Вполне вероятно. И она была такая, как всегда? Ничего необычного вы не заметили?

— Н-нет, вроде не заметила.

Шмыгающая Эдна прошаркала в комнату и неожиданно включилась в разговор.

— А я заметила, — сообщила она. — Она была чем-то довольна… не то что довольная… а как бы возбужденная.

— Пожалуй, ты права, — согласилась миссис Толк. — Тогда я на это внимания не обратила. А сейчас, когда ты сказала… Будто кто здорово ее взбодрил.

— Не помните, о чем она в тот день говорила?

— Обычно у меня такие разговоры в голове не держатся. Но

тут все-таки человека убили, явилась полиция и все такое, поневоле запомнишь. Джеймса Бентли она не вспоминала — это помню точно. Поначалу речь шла о Карпентерах, потом о миссис Апуорд — у этих людей она работала.

— Да, я как раз хотел спросить: к кому она ходила работать?

Миссис Толк не замешкалась с ответом:

— По понедельникам и четвергам она убирала у миссис Саммерхэй в Лонг-Медоуз. Вы ведь как раз там остановились?

— Да. — Пуаро вздохнул. — Больше как будто негде?

— Прямо в Бродхинни негде. Вам, наверное, в Лонг-Медоуз не очень удобно? Миссис Саммерхэй женщина очень милая, но в домашнем хозяйстве мало чего смыслит. Как почти все дамы, которые подолгу живут за границей. В доме жуткий беспорядок, знай разгребай — со слов миссис Макгинти. Так вот, в понедельник после обеда и в четверг с утра — у миссис Саммерхэй, по вторникам с утра — у доктора Рендела, а после обеда — у миссис Апуорд в Лэбернемсе. Среда — у миссис Уэтерби в Хантер-Клоуз, пятница — у миссис Селкирк, теперь она миссис Карпентер. Миссис Апуорд — дама преклонных лет, живет с сыном. Они держат служанку, но та сама не первой молодости, и миссис Макгинти ходила туда раз в неделю, подсобить, навести порядок. У мистера и миссис Уэтерби никто из обслуги подолгу не задерживается — уж очень больна хозяйка. Мистер и миссис Карпентер живут в достатке, у них всегда полный дом гостей. Все жители Бродхинни — очень милые люди.

Выслушав это резюме, Пуаро попрощался и вышел на улицу.

Он медленно зашагал в гору, к Лонг-Медоуз. Будем надеяться, что консервы из вздувшейся банки и заляпанная кровью фасоль, как и намечалось, съедены на обед, а не оставлены ему на ужин. Впрочем, возможно, сомнительных консервов у миссис Саммерхэй хватает. Да, жизнь в Лонг-Медоуз чревата опасностями.

В целом день ничего, кроме разочарования, не принес.

Что все-таки удалось выяснить?

Что у Джеймса Бентли есть друг. Что врагов ни у него, ни у миссис Макгинти не было. Что миссис Макгинти за два дня до убийства была чем-то возбуждена и купила бутылочку чернил…

Пуаро остановился как вкопанный… А ведь это факт, пусть крошечный, но все-таки факт!

Он безо всякой задней мысли спросил, зачем миссис Макгинти могли понадобиться чернила, а миссис Толк на полном серьезе ответила: видимо, чтобы написать письмо…

Тут крылось что-то важное, и это важное он чуть не проморгал по простой причине: для него, как и для большинства

людей, писать письма — занятие вполне обыкновенное.

Другое дело — миссис Макгинти. За письма она садилась так редко, что пришлось специально идти в магазин покупать чернила.

Значит, любительницей писать письма миссис Макгинти не была. Миссис Толк, работница почты, прекрасно это знала, и вот за два дня до смерти миссис Макгинти написала письмо. Кому? Зачем?

Возможно, ничего за этим и не стоит. Могла написать племяннице, какой-то уехавшей подруге. Придавать такое значение простой бутылке чернил — нелепость.

Но другой ниточки у него не было, придется вытягивать эту.

Бутылочка чернил…

Глава 8

1

— Письмо? — Бесси Берч покачала головой. — Нет, никакого письма от тетушки я не получала. О чем она стала бы мне писать?

Пуаро предположил:

— Может, она хотела вас о чем-то известить?

— Тетушка была не из тех, кто любит писать. Ей ведь было уже под семьдесят, а в молодости она особого образования не получила.

— Но читать и писать умела?

— Да, конечно. Но до чтения не большая охотница была, хотя все-таки уважала и «Ньюс ов зи уорлд»[163], и «Санди компэниэн»[164]. А писать — это ей всегда давалось с трудом. Если ей надо было что-то мне передать: чтобы мы к ней не приезжали или что она не приедет к нам, — она обычно звонила мистеру Бенсону — аптекарю по соседству — и передавала через него. Он в таких делах человек любезный, услужливый. Район один и тот же, так что звонок стоит всего два пенса. В Бродхинни на почте стоит телефонная будка.

Пуаро кивнул. Разумеется, два пенса — это меньше, чем два с половиной. В портрете миссис Макгинти, который он для себя уже нарисовал, бережливость и прижимистость выделялись довольно заметно. Да, деньги старушка любила.

Мягко, но настойчиво он продолжал:

— Но иногда тетя вам все-таки писала?

— Ну, открытки на Рождество.

— Может быть, в других частях Англии у нее были подруги, которым она писала?

— Про это не знаю. Была у нее золовка, но два года назад она умерла, была еще такая миссис Бердлип — но и эту прибрал Господь.

— Значит, если она кому-то писала, то, скорее всего, в ответ на полученное письмо?

Бесси Берч снова засомневалась:

— Не представляю, кто мог бы ей написать… Впрочем, — лицо ее озарила догадка, — мы ведь забыли о властях.

Пуаро согласился — нынче послания от лиц, которых Бесси огульно окрестила «властями», были скорее правилом, нежели исключением.

— И пристают обычно со всякой ерундой, — развивала свою

мысль миссис Берч. — То им какие-то бланки заполняй, то отвечай на нелепые вопросы, какие порядочным людям и задавать неприлично.

— Значит, миссис Макгинти могла получить какое-то послание от властей, на которое ей пришлось отвечать?

— Если бы она что-то такое и получила, она бы привезла это Джо, чтобы он ей помог. Когда приходили такие бумажки, она, бедняжка, всегда страшно волновалась, суетилась и без Джо ничего не решала.

— А не помните, среди ее личных вещей какие-нибудь письма были?

— Точно не скажу. Кажется, не было. Но вообще-то сначала все там обшарила полиция. Только потом мне позволили запаковать ее вещи и забрать их.

— И что с ними стало?

— Вон стоит ее комод — добротное красное дерево, — наверху шкаф, кое-какая кухонная утварь, неплохая. Остальное мы продали — негде держать.

— Я имел в виду ее личные вещи, — уточнил Пуаро. — Ну, скажем, щетки, гребни, фотографии, всякие безделушки, одежда…

— Ах это. По правде говоря, я все это запаковала в чемодан, он так и стоит наверху. Не знаю, что со всем этим делать. Думала, одежду отнесу на Рождество на распродажу, да забыла. А идти на поклон к старьевщикам душа не лежит — уж больно мерзкая публика.

— Простите, а вы не позволите мне ознакомиться с содержимым этого чемодана?

— Отчего же, пожалуйста. Хотя едва ли вы там найдете что-то для вас полезное. Ведь полиция его уже переворошила.

— Да, знаю. И все же…

Миссис Берч, не тратя лишних слов, отвела его в крохотную спальню, в которой, как понял Пуаро, хозяева понемногу портняжничали. Она вытащила из-под кровати чемодан и сказала:

— Вот, пожалуйста, а я, извините, побегу, а то, чего доброго, жаркое подгорит.

Пуаро с благодарностью ее извинил и вскоре услышал, как она протопала вниз по лестнице. Он пододвинул чемодан поближе и открыл.

Поприветствовать его выкатились нафталиновые шарики.

С чувством жалости он вытащил содержимое, красноречиво открывавшее правду об умершей. Длинное черное пальто, изрядно поношенное. Два шерстяных свитера. Жакет и юбка.

Чулки. Нижнего белья нет (не исключено, его припрятала для себя Бесси Берч). Две пары туфель, завернутых в газету. Гребень и расческа, далеко не новые, но чистые. Выщербленное зеркало, посеребренное сзади. Фотография новобрачных в кожаной рамочке, если судить по туалетам, примерно тридцатилетней давности, — видимо, миссис Макгинти и ее муж. Две открытки с видом Маргейта[165]. Фарфоровая собачка. Вырезка из газеты — рецепт приготовления джема из овощной мякоти. Еще вырезка — сенсационная статейка о летающих тарелках. И еще одна — о пророчествах матери Шиптон. Библия и томик с молитвами.

Никаких дамских сумочек, никаких перчаток. Наверное, все это забрала миссис Берч либо кому-нибудь отдала. Одежда, прикинул Пуаро, наверняка тесновата для крепко сбитой Бесси.

Миссис Макгинти была женщиной худосочной, от избытка веса не страдала.

Он развернул одну пару обуви. Туфли были вполне приличного качества, почти не изношены. На лапищу Бесси Берч нипочем не налезут.

Он уже собрался аккуратно их завернуть, но тут ему в глаза бросились выходные данные газеты.

Это была «Санди компэниэн» от девятнадцатого ноября.

А двадцать второго ноября миссис Макгинти была убита.

Итак, эту газету она купила в последнее в своей жизни воскресенье. Она лежала у нее в комнате, а уже потом Бесси Берч завернула в нее тетушкины манатки.

Воскресенье, девятнадцатое ноября. А в понедельник миссис Макгинти отправилась на почту и купила бутылочку чернил…

Вдруг она что-то вычитала в воскресной газете?

Он развернул другую пару обуви. Эти туфли были завернуты в «Ньюс ов зи уорлд» от того же числа.

Он разгладил обе газеты, отнес их к креслу и погрузился в чтение. И тут же сделал открытие. Какая-то заметка со страницы «Санди компэниэн» была вырезана.

Прямоугольник на средней странице. Вырезки, которые он нашел, были по площади явно меньше.

Он внимательно проглядел обе газеты, но ничего достойного внимания больше не нашел. Снова завернул в них туфли и тщательно упаковал в чемодан.

Потом спустился вниз.

Миссис Берч суетилась на кухне.

— Ничего, конечно, не нашли?

— Увы, ничего. — Будто между прочим, он добавил: — Не попадалась ли вам в тетушкином кошельке или сумочке вырезка из газеты?

— Что-то не помню. Может, она там и лежала, да ее забрала полиция.

Но полиция ничего не забирала. Это было ясно из записей Спенса. В списке предметов, найденных в сумочке убитой, газетная вырезка не значилась.

«Eh bien, — сказал себе Эркюль Пуаро, — следующий шаг до смешного очевиден. Либо терплю очередное фиаско, либо дело наконец-то сдвигается с мертвой точки».

2

Пуаро сидел в задумчивой позе перед подшивкой

пропылившихся газет. Что ж, чутье его не подвело — бутылочка чернил была куплена не случайно.

Позабавить читателей всякого рода небылицами о событиях прошлых лет — это в «Санди компэниэн» любили.

Перед Пуаро лежала «Санди компэниэн» от девятнадцатого ноября.

Вверху средней страницы стоял следующий заголовок:

ЖЕНЩИНЫ — ЖЕРТВЫ ДАВНИХ ТРАГЕДИЙ. ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ СЕЙЧАС?

Под шапкой были напечатаны четыре замутненные фотографии, явно переснятые и сделанные много лет назад.

Люди, запечатленные на снимках, вовсе не выглядели трагически, скорее смехотворно, ибо почти все были одеты по моде давних лет. Нет ничего более нелепого, чем вчерашняя мода — хотя лет через тридцать она может снова захватить воображение общества или, по крайней мере, дать о себе знать.

Под каждым снимком стояла подпись.

«Ева Кейн — „другая женщина“ в знаменитом деле Крейга».

«Джейнис Кортленд — „несчастная жена“, чей муж оказался дьяволом в человеческом обличье».

«Маленькая Лили Гэмбл — трагическое порождение нашего перенаселенного мира».

«Вера Блейк — ничего не подозревавшая жена убийцы».

И ниже крупным шрифтом тот же вопрос:

ГДЕ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ СЕЙЧАС?

Пуаро моргнул и, сосредоточившись, углубился в эту своего рода романтическую прозу — жизнеописание вышеупомянутых героинь, смотрящих с замутненных и расплывчатых фотоснимков.

Имя Евы Кейн было у него на памяти — нашумевшее дело Крейга он знал хорошо. Альфред Крейг был секретарем городской корпорации Парминстера, довольно добросовестный и неприметный труженик, приятный в обращении и строго блюдущий условности света. Ему выпало несчастье взять в жены женщину настырную и импульсивную. Миссис Крейг заставила его влезть в долги, постоянно третировала его и дергала, страдала нервными заболеваниями, которые друзья из числа недоброжелателей считали чистой выдумкой. Ева Кейн служила у

них в доме гувернанткой. Это была хорошенькая девятнадцатилетняя простушка, довольно беспомощная. Она по уши влюбилась в Крейга, он ответил ей взаимностью. В один прекрасный день соседям стало известно, что врачи порекомендовали миссис Крейг «поехать на лечение за границу». Так сказал им Крейг. Вечером он отвез жену в Лондон на автомобиле — первый этап путешествия — и «отправил» ее на юг Франции. Потом вернулся в Парминстер и время от времени сообщал соседям: здоровье жены, судя по ее письмам, пока не улучшается. Ева Кейн осталась в доме вести хозяйство, и злые языки не заставили себя долго ждать. В конце концов Крейг получил известие о том, что его жена скончалась за границей. Он уехал, вернулся через неделю, рассказал, как прошли похороны.

В каком-то смысле Крейг оказался простаком. Он совершил ошибку — назвал место, где умерла жена, довольно известный курортный городок на Французской Ривьере[166]. Дальше события развивались так: у кого-то в этом городке оказался то ли родственник, то ли друг, и вскоре выяснилось, что женщина с такой фамилией там не умирала и не была похоронена, поползли слухи, и наконец об этом сообщили полиции.

Вкратце дело свелось к следующему.

Миссис Крейг на Ривьеру не уезжала. Ее тело, разрезанное на аккуратные куски, нашли зарытым в погребе Крейга. Вскрытие останков показало, что жертва была отравлена растительным алкалоидом[167].

Крейга арестовали и предали суду. Еву Кейн поначалу обвинили в соучастии, но потом обвинение сняли, потому что о случившемся она не имела ни малейшего представления — это было очевидно. Крейг в конце концов признал свою вину целиком и полностью, был приговорен к смерти и казнен.

Ева Кейн, ждавшая тогда ребенка, уехала из Парминстера, а в дальнейшем, если верить «Санди компэниэн»: *«Добрые родственники в Новом Свете согласились приютить ее. Несчастная девушка, по молодости лет уступившая домогательствам хладнокровного убийцы, поменяла фамилию и навсегда покинула эти берега, чтобы начать новую жизнь и заточить все пережитое в своем сердце, навеки сокрыть от дочери имя отца.*

„Моя дочь вырастет в счастливом неведении. Я не позволю, чтобы жестокое прошлое бросило тень на ее жизнь. В этом я себе поклялась. Мои трагические воспоминания навсегда останутся при мне“.

Бедная, хрупкая, доверчивая Ева Кейн! Познать на заре молодости, сколь низменны, сколь коварны бывают мужчины. Где-то она теперь? Может, обитает где-то на Среднем Западе

женщина на склоне лет, милая и спокойная, уважаемая соседями, женщина с грустными глазами… А к ней вместе с детишками, веселая и жизнерадостная, приезжает „повидать мамочку“ женщина много моложе и рассказывает ей о своих каждодневных заботах и хлопотах — и не подозревает она, какие страдания выпали на долю ее матери!»

— О-ля-ля! — только и вымолвил Эркюль Пуаро. И перешел к жертве следующей трагедии.

Джейнис Кортленд, «несчастная жена», с выбором мужа явно опростоволосилась. Восемь лет она терпела его странные выходки… Что это за «странные выходки»? Любопытно. Восемь лет мучений, так категорически утверждает «Санди компэниэн». В конце концов Джейнис завела себе друга. Этот молодой человек, со слегка романтическими представлениями о бренном мире, эдакий небожитель, стал случайным свидетелем сцены между мужем и женой и пришел в неописуемый ужас. Он накинулся на мужа с такой яростью, что тот, ударившись об острый край мраморной каминной облицовки, проломил себе череп. Суд присяжных решил, что обстоятельства, побудившие молодого человека к действию, были чрезвычайными, что у этого идеалиста не было намерения убивать, и приговорил его к пяти годам за непредумышленное убийство.

Страдающая Джейнис, приведенная в ужас «популярностью», которую она приобрела в ходе этого дела, уехала за границу, чтобы «обо всем забыть».

«Но удалось ли ей забыть? — вопрошала „Санди компэниэн“. — *Надеемся, что да. Наверное, живет где-то в подлунном мире счастливая жена и мать, и те страшные годы безмолвных страданий кажутся ей всего лишь кошмарным сном…»*

— Ясно, ясно, — пробурчал себе под нос Эркюль Пуаро и перешел к Лили Гэмбл, трагическому порождению нашего перенаселенного мира.

Семья Лили Гэмбл, как выяснилось, жила в такой чудовищной тесноте, что девочку решили отдать. Заботы о ней взяла на себя тетка. Однажды Лили захотела пойти в кино, а тетка ей не разрешила. Тогда Лили Гэмбл схватила со стола подвернувшийся под руку секач и кинулась с ним на свою обидчицу. Та хоть и была женщина властная, но при этом маленькая и хрупкая. От удара она скончалась. Для своих двенадцати лет Лили была вполне развитой и крепкой девочкой. Исправительная школа для малолетних преступников распахнула свои двери, и Лили скрылась с горизонта.

«Сейчас она — женщина во цвете лет, имеющая право занять свое место в цивилизованном мире. Все годы, проведенные в

заключении и под надзором, она вела себя образцово. Не значит ли это, что винить в происшедшей трагедии надо не ребенка, а систему? Невежество, нужда, трущобы — вот что окружало маленькую Лили, и она стала жертвой среды, в которой выросла. Произошла трагедия.

Лили искупила свою вину перед обществом, и мы надеемся, что она живет где-нибудь спокойно и счастливо, добропорядочной гражданкой, хорошей женой и матерью. Бедная маленькая Лили Гэмбл».

Пуаро покачал головой. Двенадцатилетняя девочка набрасывается на тетку с секачом и наносит ей смертельный удар — нет, сочувствия такая девочка не вызывает. В данном случае его симпатии на стороне тетки.

Он занялся Верой Блейк.

Вера Блейк безусловно была из числа женщин, о которых говорят: все у нее не слава Богу. Сначала она завела себе кавалера, а тот оказался гангстером, которого разыскивала полиция за убийство охранника в банке. Потом она вышла замуж за респектабельного коммерсанта, а он возьми и окажись скупщиком краденого. И двое ее детей, когда подросли, не остались без внимания полиции. Они ходили с мамочкой по магазинам и воровали вещички. Но вот и на ее улице наступил праздник — появился «хороший человек». Он предложил страдалице Вере перебраться в один из доминионов[168]. Вместе с детьми уехать из этой свихнувшейся страны.

«Впереди ее ждала новая жизнь. Судьба столько раз была немилостива к Вере, но наконец ее беды закончились».

«Это еще неизвестно, — скептически подумал Пуаро. — Вполне возможно, она вышла замуж за мошенника, который орудует на океанских лайнерах!»

Он откинулся в кресле и пристально вгляделся в четыре фотографии. Ева Кейн — взъерошенные кудри спадают на уши, огромная шляпа, букет роз доходит до самого уха, будто она держит телефонную трубку. На Джейнис Кортленд шляпа-колпак, нахлобученная на уши, талия подхвачена поясом. Лили Гэмбл — внешностью Бог не наградил, похоже, большие аденоиды[169]; рот приоткрыт, дышит тяжело, очки с сильными стеклами. Вера Блейк одета в черно-белые тона, эта трагедийность затмевает все остальное.

Миссис Макгинти зачем-то понадобилось вырезать эту статью со всеми фотографиями. Зачем? Просто сохранить, потому что ее заинтересовали описанные в ней истории? Едва ли. За свои шестьдесят с лишним лет она не обзавелась привычкой хранить что попало. Пуаро знал это наверняка — видел перечень ее

вещей, составленный в полиции.

Она вырезала эту статью в воскресенье, а в понедельник купила бутылочку чернил: по-видимому, она, никогда не писавшая писем, вдруг собралась кому-то написать. Будь письмо деловым, она, скорее всего, обратилась бы за помощью к Джо Берчу. Значит, речь шла не о делах. Тогда о чем же?

Пуаро еще раз вгляделся в фотографии.

Где, задавалась вопросом «Санди компэниэн», эти женщины сейчас?

«Вполне возможно, — подумал Пуаро, — в ноябре одна из них была в Бродхинни».

3

Поговорить с мисс Памелой Хорсфолл с глазу на глаз Пуаро удалось только на следующий день.

Мисс Хорсфолл заранее извинилась — не могу уделить вам много времени, очень тороплюсь в Шеффилд[170].

Мисс Хорсфолл была высокой, мужеподобной, по всей видимости, пьющей и курящей женщиной, и казалось совершенно невероятным, что именно из-под ее пера вышел слащаво-сентиментальный опус, опубликованный в «Санди компэниэн». Тем не менее это было так.

— Только покороче, покороче, — нетерпеливо бросила она Эркюлю Пуаро. — Времени совсем в обрез.

— Я насчет вашей статьи в «Санди компэниэн». В ноябре. Из серии о женщинах с трагической судьбой.

— Ах, вон вы про что. Серия-то, между прочим, барахло, а?

Пуаро предпочел не высказываться на эту тему и продолжил:

— Конкретно меня интересует статья от девятнадцатого ноября, о женщинах трагической судьбы. Каждая из них соприкоснулась с преступлением. Там речь идет о Еве Кейн, Вере Блейк, Джейнис Кортленд и Лили Гэмбл.

Мисс Хорсфолл ухмыльнулась.

— «Где эти женщины сейчас?» Как же, как же.

— После таких статей к вам, наверное, приходят письма?

— Просто уйма! Можно подумать, у людей других дел нет, вот они и строчат. Кто-то «своими глазами видел, как убийца Крейг шел по улице». Кто-то хочет поведать мне «историю своей жизни, такую трагическую, что и представить невозможно».

— После этой статьи вам не приходило письмо от некой миссис Макгинти из Бродхинни?

— Дорогой вы мой, разве все в голове удержишь? Я получаю

мешки писем. Поди-ка запомни всех по фамилиям.

— Эту могли бы и запомнить, — заметил Пуаро, — потому что через несколько дней миссис Макгинти убили.

— Ну, это уже интереснее. — Мисс Хорсфолл сразу забыла, что она торопится в Шеффилд, и уселась верхом на стул. — Макгинти… Макгинти… Да, эту фамилию я помню. Жилец чем-то рубанул ее по голове. Как материал для статьи преступление не особо захватывающее. Сексуальной подоплеки никакой. Значит, она мне писала?

— Я предполагаю, что она писала в «Санди компэниэн».

— Это одно и то же. Передать должны были мне. Значит, убийство… и ее имя в газетах… конечно, я должна помнить… — Она задумалась. — Было письмо, только не из Бродхинни. Из Бродвея[171].

— Вы вспомнили?

— Ну, не на все сто… Но фамилия… Смешная, из детской игры, да? Макгинти! Да… Жуткий почерк и полная безграмотность. Если бы я знала… Но оно было из Бродвея.

Пуаро сказал:

— Вы же говорите, почерк был неразборчивый. Бродвей и Бродхинни — очень похоже.

— Возможно. У этих деревушек названия — одно чуднее другого, откуда мне их знать? Макгинти — да.

Вспомнила, и совершенно четко. Наверное, фамилия застряла в памяти из-за убийства.

— А что было в письме, не вспомните?

— Что-то насчет фотографии. Она знала, у кого хранится напечатанная в газете фотографиями, если она назовет владельца, заплатим ли мы за это и сколько?

— Вы ответили ей?

— Дорогой вы мой, у нас и без этих сведений головы пухнут. Мы посылаем стандартный ответ. Вежливо благодарим и ставим на этом точку. Но ответ мы посылали в Бродвей, так что она вряд ли его получила.

Она знала, у кого хранится фотография… Так-так…

Пуаро вспомнились услышанные на днях слова. Морин Саммерхэй походя бросила: «Конечно, она любила совать нос в чужие дела».

Миссис Макгинти совала нос в чужие дела. Честный человек, но полюбопытничать любила. А люди чего только не хранят — целые ящики завалены дурацкими, бессмысленными бумажками из прошлого. У одних на то сентиментальные причины, другие в свое время их не выкинули, а потом вообще о них забыли.

Миссис Макгинти попалась на глаза старая фотография, а

потом она наткнулась на нее в «Санди компэниэн». И призадумалась — а вдруг на этом можно заработать?

Он проворно поднялся на ноги.

— Спасибо, мисс Хорсфолл. Ради Бога, извините, но сведения по делам, которые вы привели в статье, — они точны? Я, например, заметил, что год, когда судили Крейга, указан неверно — в действительности все случилось годом позже. Мужа Джейнис Кортленд, если не ошибаюсь, звали Херберт, а не Хуберт. А тетка Лили Гэмбл жила не в Беркшире[172], а в Бэкингемшире[173].

Мисс Хорсфолл взмахнула сигаретой:

— Дорогой вы мой, кому нужна такая точность? Все это — романтическая дребедень от начала до конца. Я просто подсобрала факты и сделала из них сентиментальное варево.

— У меня даже сложилось впечатление, что и характеры ваших героинь показаны не совсем правильно.

Памела издала звук сродни лошадиному ржанию.

— Ясно, что нет. А вы как думали? Не сомневаюсь, что Ева Кейн была отъявленной стервой, а не какой-то невинной овечкой. Что до этой дамочки Кортленд, с чего бы она стала тихо страдать целых восемь лет в обществе садиста и извращенца? Да с того, что он купался в деньгах, а у ее романтического любовника был кукиш с маслом.

— А девочка с трагическим детством, Лили Гэмбл?

— Не хотела бы я попасться под руку этой лилии с секачом.

Пуаро принялся загибать пальцы:

— «Они уехали из страны… отправились в Новый Свет… за границу… в один из доминионов… решили начать новую жизнь». А нет ли сведений, что кто-то из них впоследствии все-таки вернулся в Англию?

— Увы. — Мисс Хорсфолл пожала плечами. — А теперь извините, но мне пора бежать.

Вечером того же дня Пуаро позвонил Спенсу.

— А я как раз о вас думал, Пуаро. До чего-нибудь докопались? Есть хоть какая-то зацепка?

— Я навел справки, — сухо ответил Пуаро.

— И?

— Вот к какому выводу я пришел: все жители Бродхинни — исключительно милые люди.

— Как это понимать, мосье Пуаро?

— Подумайте, друг мой, подумайте. «Исключительно милые люди». Никому и в голову не пришло заподозрить в убийстве кого-то из них.

Глава 9

1

— Все исключительно милые люди, — пробормотал Пуаро себе под нос, сворачивая в ворота дома под названием Кроссуэйз, неподалеку от станции.

Медная табличка на дверях гласила, что здесь живет доктор Рендел.

Доктор Рендел оказался крупным мужчиной лет сорока, веселого нрава. Своего гостя он приветствовал с подчеркнутой любезностью.

— Нашей скромной деревушке оказана большая честь, — сказал он. — Нас почтил вниманием великий Эркюль Пуаро.

— Будет вам, — отмахнулся Пуаро. Он был доволен. — Значит, *вы* обо мне слышали?

— Разумеется. Кто же о вас не слышал?

Пуаро не стал отвечать на этот вопрос — достоинство надо блюсти. И лишь вежливо заметил:

— Мне повезло, что я застал вас дома.

Пуаро лукавил. Он знал, что явился не вовремя. Но доктор Рендел был великодушен:

— Да. Можно сказать, поймали меня за хвост. У меня через четверть часа прием. Чем могу быть полезен? Сгораю от желания узнать, что привело вас в нашу деревеньку? Решили отдохнуть от праведных трудов? Или в нашей тихой заводи свершилось преступление?

— Свершилось, но не сейчас, а в недавнем прошлом.

— В недавнем прошлом? Что-то не припомню…

— Миссис Макгинти.

— Ах да. Разумеется. Как это я забыл? Но неужели вы приехали из-за этого? Ведь столько времени прошло.

— Строго между нами, за помощью ко мне обратилась защита. Им нужны свежие факты, чтобы на их основании обжаловать решение суда.

— Но откуда возьмутся свежие факты? — удивился доктор Рендел.

— Этого, увы, я вам сказать не волен…

— Да-да, понимаю… простите, ради Бога.

— Но я наткнулся на нечто, я бы сказал, весьма любопытное, нечто… не знаю, как лучше выразиться… наводящее на размышления. А к вам, доктор Рендел, я пришел, потому что

миссис Макгинти какое-то время у вас работала — ведь так?

— О да, да, она была… Не хотите ли выпить? Херес? Виски? Лучше херес? На мой вкус тоже. — Он принес два стакана, сел рядом с Пуаро и продолжал: — Она приходила к нам раз в неделю, сделать дополнительную уборку. У меня очень хорошая прислуга, просто отличная, но драить медные ручки… Скрести пол на кухне… миссис Скотт и на колени встать не может. Миссис Макгинти — работница отличная.

— Как вы считаете, она — человек правдивый?

— Правдивый? Ну, это вопрос не из простых. Я даже не знаю, что вам сказать, не было возможности проверить… Насколько я ее знаю, вполне правдивый.

— Значит, если она что-то заявила, это, скорее всего, правда?

Лицо доктора Рендела выразило легкую озабоченность:

— Ну, этого я утверждать не могу. Я о ней почти ничего не знаю. Хотите, спрошу миссис Скотт. Ей в данном случае виднее.

— Нет-нет. Обойдемся без этого.

— Вы меня прямо интригуете, — добродушно признался доктор Рендел. — Что же она такого заявила? Оболгала кого-нибудь? В смысле оклеветала?

Пуаро лишь покачал головой. Он сказал:

— Видите ли, пока все это никак не подлежит разглашению. В моем расследовании я делаю только первые шаги.

Доктор Рендел не без сухости заметил:

— Наверное, вам надо поспешать.

— Вы правы. Времени у меня в обрез.

— Не скрою, вы меня удивляете… Мы здесь все были уверены, убийство — дело рук Бентли. Ни у кого и сомнений не было.

— Самое заурядное убийство в корыстных целях, ничем не примечательное. Так бы вы сказали?

— Да… да, вполне справедливое резюме.

— А Джеймса Бентли вы знали?

— Пару раз он приходил ко мне за врачебной консультацией. Очень тревожился о своем здоровье. Наверное, всю жизнь мамочка с ложечки кормила. Такое бывает часто. И у нас здесь, кстати, есть такое семейство.

— Неужели?

— Да. Миссис Апуорд. Лора Апуорд. На своем сыночке прямо помешана. От своей юбки не отпускает. Он то парень умный — между нами говоря, не такой умный, каким себя сам считает, но явно не без способностей. Ведь Робин — подающий надежды драматург.

— Они здесь давно живут?

— Три или четыре года. Вообще Бродхинни разрослась более или менее недавно. Поначалу — лишь несколько коттеджей вокруг Лонг-Медоуз. Вы, насколько я знаю, остановились именно там?

— Там, — подтвердил Пуаро без особого восторга.

Доктор Рендел озадаченно хмыкнул.

— Тоже мне дом для приезжих, — буркнул он. — Что она смыслит в гостиничном деле, эта молодуха? Ровным счетом ничего. Всю свою замужнюю жизнь провела в Индии, где слуг у нее было предостаточно. Готов спорить, вам там неудобно. Никто у нее долго не задерживается. Что до старины Саммерхэйя, бедняга носится с идеей выращивать фрукты и овощи на продажу, но это пустой номер. Он человек свойский, но у него нет коммерческой жилки, а в наши дни без коммерческой жилки на плаву не продержаться. Думаете, я лечу больных? Ошибаетесь. Я большой мастер выписывать рецепты и выдавать справки. Но Саммерхэйи мне нравятся. Она — существо очаровательное, а Саммерхэй, хоть и может вспылить и частенько бывает мрачен, все равно свой в доску, старая гвардия. Малый что надо. Жаль, что вы не знали старого полковника Саммерхэйя, вот уж у кого был необузданный нрав, сущий был дьявол.

— Он был отцом майора Саммерхэйя?

— Да. Наследство им старик оставил более чем скромное, и, разумеется, после его смерти пришлось платить всевозможным кредиторам, так что деньги у них совсем вывелись, но, поди ж ты, прикипели к старым стенам, продавать дом не хотят. И не знаешь, то ли восхищаться ими, то ли говорить «дураки».

Он посмотрел на часы.

— Не смею вас задерживать, — понял намек Пуаро.

— Еще несколько минут есть. К тому же я хотел представить вас жене. Не понимаю, куда она подевалась. Ваш приезд ее страшно заинтересовал. Мы оба помешаны на преступлениях. Много об этом читаем.

— Что именно: криминология, детективы или воскресные газеты?

— Все подряд.

— Снисходите ли вы до «Санди компэниэн»?

Рендел засмеялся:

— Какое же воскресенье без такого чтива?

— Месяцев пять назад эта газета печатала довольно занятные статьи. К примеру, насчет женщин, в чью жизнь вошла трагедия — они оказались втянуты в убийство.

— Да, я эту статью помню. Наполовину — чистая брехня.

— Вы так считаете?

— Ну, о деле Крейга мне известно только из газет, а вот о Джейнис Кортленд могу сказать, что невинной овечкой она не была. Распутная бабенка. Я это знаю, потому что ее мужа лечил мой дядя. Кортленд, разумеется, был не подарок, но и женушка его ненамного лучше. Она окрутила этого сопляка и науськала — убей. Дальше он отправляется в тюрьму за непредумышленное убийство, а она остается богатой вдовушкой и вскоре выскакивает за другого.

— В «Санди компэниэн» об этом ничего нет. А за кого она вышла, не помните?

Рендел покачал головой:

— Фамилию его я не знаю, но от кого-то слышал, что пристроилась она неплохо.

— После этой статьи у читателя возникает вопрос: а где эти четыре женщины сейчас? — задумчиво произнес Пуаро.

— Вы правы. Может, на прошлой неделе кто-то из них был вместе с тобой на коктейле. Спорить готов, о своем прошлом они не распространяются. А уж по этим фотографиям их нипочем не узнать. Клянусь Богом, они там все на одно лицо.

Пробили часы, и Пуаро поднялся:

— Не хотел бы злоупотреблять вашим вниманием. Вы были очень любезны.

— Боюсь, ничем вам не помог. Да и что занятой человек может знать о приходящей прислуге? Но подождите минутку, я обязательно должен представить вас жене. Если вы вот так уйдете, она мне этого не простит.

Опередив Пуаро, он вышел в холл и громко позвал:

— Шила! Шила!

Сверху донесся негромкий голос.

— Иди сюда. У меня для тебя сюрприз.

По ступеням легко сбежала худенькая белокожая блондинка.

— Шила, это мосье Эркюль Пуаро. Каков сюрприз, а?

— Ах! — Казалось, миссис Рендел лишилась дара речи. Ее очень тусклые голубые глаза в испуге уставились на Пуаро.

— Мадам, — засвидетельствовал свое почтение Пуаро и склонился к ее руке с чисто французской галантностью.

— Мы слышали, что вы здесь, — оправилась от шока Шила Рендел. — Но и подумать не могли… — Она оборвала фразу на полуслове и заискивающе глянула на мужа.

«Понятно, — подумал Пуаро, — он для нее царь и Бог».

Произнеся несколько напыщенных фраз, Пуаро распрощался с хозяевами.

Впечатление осталось такое: доктор Рендел весел и радушен, а миссис Рендел — бессловесна и испугана.

И к этой чете по вторникам с утра приходила миссис Макгинти. Ладно, на первый раз с них достаточно.

2

Хантер-Клоуз оказался массивным сооружением в викторианском стиле, к нему вела длинная неухоженная подъездная дорожка, заросшая сорной травой. В свое время этот дом не считался большим, но для нынешних обитателей он был явно велик — поддерживать порядок тут было некому.

Дверь Пуаро открыла женщина, показавшаяся ему иностранкой. Он спросил, можно ли видеть миссис Уэтерби.

Она внимательно посмотрела на него, потом сказала:

— Не знаю. Заходите, вас прошу. Может, вам надо мисс Хендерсон?

Она оставила его в холле. Если пользоваться терминологией агентов по продаже недвижимости, холл был «полностью обставлен» антиквариатом со всего света. Особой чистотой он не блистал, там и сям виднелись следы пыли.

Наконец девушка-иностранка вернулась. Она сказала: «Заходите, вас прошу» — и провела его в холодную комнату с большим столом. На каминной доске стоял объемистый и довольно зловещий медный кофейник с огромным искривленным носиком, прямо тебе ястребиный клюв.

За спиной Пуаро открылась дверь, и в комнату вошла девушка.

— Моя мама лежит, — сказала она. — Чем могу быть полезна?

— Вы мисс Уэтерби?

— Хендерсон. Мистер Уэтерби — мой отчим.

Ей было лет тридцать, заурядная с виду, крупная и неуклюжая. Глаза внимательные, чуть встревоженные.

— Я желал бы услышать от вас о миссис Макгинти, которая здесь работала.

Она посмотрела на него с недоумением:

— Миссис Макгинти? Но она умерла.

— Знаю, — мягко перебил ее Пуаро. — И тем не менее хотел бы, чтобы вы о ней рассказали.

— Ах так. По поводу страховки?

— Нет, дело не в страховке. Я ищу свежие факты.

— Свежие факты. Насчет… ее смерти?

— Меня наняли адвокаты Джеймса Бентли, — объяснил Пуаро, — чтобы я провел дополнительное расследование.

Не сводя с него глаз, она спросила:

— А разве ее убил не он?

— Суд присяжных решил, что он. Но присяжные тоже люди, иногда ошибаются и они.

— Тогда, выходит, ее убил кто-то другой?

— Вполне возможно.

— Кто же? — резко спросила она.

— Вот, — негромко заметил Пуаро, — в чем вопрос.

— Ничего не понимаю.

— Нет? Но кое-что рассказать о миссис Макгинти вы можете?

— Могу, наверное… — с неохотой согласилась она. — Что вы хотите знать?

— Для начала… что вы о ней думаете?

— Как «что»? Да ничего особенного. Женщина как женщина.

— Разговорчивая или молчаливая? Любопытная или сдержанная? Общительная или угрюмая? Симпатичная женщина… или не очень?

Мисс Хендерсон задумалась.

— Работала она хорошо… Только поговорить очень любила. Иногда такое загибала… Вообще-то она мне… не очень нравилась.

Открылась дверь, и горничная-иностранка сказала:

— Мисс Дейдри, ваша мама говорит: приведите, вас прошу.

— Мама хочет, чтобы я привела к ней этого джентльмена?

— Да, пожалуйста, спасибо.

Дейдри Хендерсон с сомнением взглянула на Пуаро:

— Вы подниметесь к маме?

— Разумеется.

Дейдри провела его через холл, потом вверх по лестнице. Вдруг она сказала невпопад:

— От этих иностранцев иногда так устаешь.

Поскольку она явно имела в виду их служанку, а не случайного гостя, Пуаро не принял ее слова близко к сердцу. Что от нее ждать, от этой Дейдри Хендерсон? Словно неотесанная простолюдинка.

Комната наверху была набита всевозможными безделушками. Так выглядит комната женщины, много поколесившей по белу свету и полной решимости из каждой точки земного шара привезти сувенир. Почти все сувениры были сделаны специально в расчете на туристов. Комната была явно перегружена диванами и стульями, воздуха не хватало, зато штор было в избытке — и посреди всего этого возлежала миссис Уэтерби.

Бедная маленькая миссис Уэтерби — на фоне огромной комнаты вид ее даже вызывал жалость. Таково было первое

впечатление. Видимо, ей нравился этот образ, хотя она совсем не была такой маленькой. Типаж под названием «ах я бедняжка» может легко достичь задуманной цели, даже если в действительности он вполне средних размеров.

Хозяйка удобно полулежала на диване, а вокруг нее расположились книги, вязанье, стакан апельсинового сока и коробка шоколада. Она бодро заговорила:

— Простите великодушно, что принимаю вас лежа, но доктор велит мне отдыхать каждый день, а если ослушаюсь, мне все потом за это выговаривают.

Пуаро взял ее протянутую ручку и склонился над ней, бормоча почтительное приветствие.

Из-за его спины раздался неумолимый голос Дейдри:

— Он хочет узнать насчет миссис Макгинти.

Хрупкая ручка, безвольно лежавшая в его руке, внезапно напряглась… прямо птичья лапа. Да, это уже не хрупкий дрезденский фарфор — это когтистая лапа стервятника…

— Что за чепуховину ты говоришь, милая Дейдри? — Негромко засмеявшись, сказала миссис Уэтерби. — Кто такая миссис Макгинти?

— Мамочка, ты все прекрасно помнишь. Она приходила к нам убирать. Та, которую убили.

Миссис Уэтерби закрыла глаза и поежилась:

— Не напоминай мне об этом, милая. Как это ужасно! Я потом неделю в себя прийти не могла. Несчастная старушка, но надо же додуматься — держать деньги под половицей. Положила бы в банк. Разумеется, я все помню — просто забыла ее *фамилию*.

Дейдри бесстрастно напомнила:

— Он хочет расспросить тебя о ней.

— Ради Бога, садитесь, мосье Пуаро. Я прямо умираю от любопытства. Мне недавно позвонила миссис Рендел и сказала, что в наши края приехал выдающийся сыщик, и описала вас. И когда эта идиотка Фрида рассказала как выглядит пришедший к нам мужчина, я сразу поняла, что это вы, и велела ей пригласить вас наверх. А теперь рассказывайте, что вас к нам привело?

— Ваша дочь права — я хочу расспросить вас о миссис Макгинти. Она у вас работала. Насколько я знаю, приходила к вам по средам. Как раз в среду она и умерла. Значит, в день смерти она была у вас?

— Наверное. Да, думаю, была. Но точно не припомню. Уж сколько воды утекло.

— Да. Прошло несколько месяцев. Она в тот день ничего не говорила — я имею в виду ничего необычного?

— Люди этой категории горазды на болтовню, — сказала

миссис Уэтерби с презрением. — Я обычно слушаю их вполуха. Да и не могла же она мне сказать, что вечером ее собираются ограбить и убить, правда?

— Существуют причинно-следственные связи, — заявил Пуаро.

Миссис Уэтерби наморщила лоб:

— Я не вполне вас понимаю.

— Может, мне и самому не все ясно… пока. Ведь пробиваться к свету приходится через тьму… Миссис Уэтерби, а воскресные газеты вы читаете?

Ее голубые глаза широко распахнулись.

— О да. Конечно. Мы получаем «Обсервер» и «Санди таймс». А почему вы спросили?

— Да так, из любопытства. Миссис Макгинти выписывала «Санди компэниэн» и «Ньюс ов зи уорлд».

Он смолк, но комментариев не последовало. Миссис Уэтерби вздохнула и прикрыла глаза. Потом сказала:

— Да, печальная история. Этот ее кошмарный жилец. Мне кажется, он был слегка не в своем уме. И ведь вроде бы человек образованный. Но это еще хуже, правда?

— Вы так считаете?

— Ну да… считаю. Такое зверское убийство) Секачом по голове. Брр!

— Орудие убийства полиция не нашла, — счел нужным напомнить Пуаро.

— Надо полагать, выкинул в пруд или еще куда.

— Они все пруды обшарили, — сообщила Дейдри. — Я сама видела.

— Дорогая, — взмолилась ее мать, — не нагоняй на меня тоску. Ты же знаешь, я терпеть не могу подобных разговоров. У меня от них голова раскалывается.

Тут Дейдри накинулась на Пуаро.

— Хватит вам про это, — зашипела она. — Ей такие разговоры во вред. Она жутко чувствительная. Даже детективы читать не может.

— Приношу извинения, — сказал Пуаро. Он поднялся. — У меня есть лишь одно оправдание. Через три недели человека должны повесить. И если он невиновен…

Миссис Уэтерби приподнялась на локте. В голосе ее появились визгливые нотки.

— Как это «невиновен»? — вскричала она. — Еще как виновен.

— Я в этом не уверен, — покачал головой Пуаро.

Он быстро вышел из комнаты. Уже почти спустился, когда на

лестнице появилась Дейдри. В холле она его догнала.

— Что вы хотели этим сказать? — спросила она.

— То, что сказал, мадемуазель.

— Да, но… — Она смолкла.

Пуаро тоже молчал.

Дейдри Хендерсон медленно проговорила:

— Вы расстроили мою маму. Она терпеть не может всякое такое… грабежи, убийства… насилие.

— Наверное, она была сильно потрясена, когда узнала, что убили женщину, которая приходила в ее дом.

— Ну да… да, так и было.

— Она была совсем разбита… да?

— Она ничего не желала про это слышать… Мы… я… мы стараемся уберечь ее от всякого такого. От всяких зверств.

— А как же война?

— По счастью, на нас здесь не упало ни одной бомбы.

— А вы, мадемуазель, во время войны чем занимались?

— О-о, работала в добровольческом медицинском отряде в Килчестере. И немного крутила баранку — для женской добровольной службы. Далеко уезжать от дома не могла. Кто же с мамой останется? Ош и так сердится, что меня долго не бывает дома. В общем, куча проблем. Потом нужна была прислуга — мама, естественно, никогда домашним хозяйством не занималась, здоровье не позволяет. А прислугу днем с огнем не найти. И тут появилась миссис Макгинти, мы о таком благе и мечтать не могли. Вот она и стала к нам ходить. Работала на совесть, тут ничего не скажешь. Хотя теперь все не так, как в прежние времена. Причем везде.

— И вас это очень не устраивает, мадемуазель?

— Меня? Мне что. — Она даже удивилась. — Вот маме трудно. Она часто вспоминает о прошлом.

— Да, это свойственно многим, — согласился Пуаро. Перед его мысленным взором возникла комната, из которой он недавно вышел. Вспомнился наполовину выдвинутый ящик комода. Чего в этом ящике только не было — подушечка для иголок, сломанный веер, серебряный кофейник, какие-то старые журналы. Ящик был так забит, что не закрывался.

Пуаро сказал негромко:

— И эти люди хранят все, что напоминает им о прошлом: программу танцев, веер, фотографии друзей молодости, даже ресторанные меню и театральные программки, потому что, глядя на всю эту мелочь, им удается оживить воспоминания.

— Наверное, вы правы, — согласилась Дейдри. — Только я этого не понимаю. Сама ничего не храню.

— Вы смотрите не назад, а вперед?

Дейдри медленно ответила:

— По-моему, я никуда не смотрю… Живу нынешним днем, разве этого мало?

Открылась входная дверь, и в холл вошел высокий худощавый пожилой мужчина. Увидев Пуаро, он замер на месте.

Потом, вопросительно подняв брови, взглянул на Дейдри.

— Это мой отчим, — представила Дейдри. — А это… извините, не знаю вашей фамилии…

— Я — Эркюль Пуаро, — объявил Пуаро, как всегда, чуть смущенно, будто признавался в принадлежности к королевскому роду.

Но на мистера Уэтерби это признание никак не подействовало.

— Угу, — сказал он и отвернулся, чтобы повесить пальто.

— Он пришел, чтобы расспросить про миссис Макгинти, — продолжила Дейдри.

Мистер Уэтерби на мгновение застыл, потом снова занялся пальто, аккуратно прилаживая его на вешалке.

— Это просто поразительно, — изрек он. — Женщина ушла из жизни несколько месяцев назад. Да, она тут работала, но у нас нет никаких сведений о ней или ее семье. А были бы, мы бы давно все рассказали полиции.

Тон его означал: вопрос исчерпан. Он взглянул на часы:

— Обедать, я полагаю, будем через четверть часа.

— Боюсь, обед сегодня немного задержится.

Мистер Уэтерби снова вопросительно поднял брови:

— Вот как? Можно узнать — почему?

— Фрида сегодня замешкалась.

— Моя дорогая Дейдри, неудобно об этом напоминать, но ведение хозяйства в доме лежит на тебе. Буду признателен, если в следующий раз ты проявишь большую пунктуальность.

Открыв входную дверь, Пуаро вышел на улицу. Потом оглянулся через плечо.

Мистер Уэтерби смотрел на падчерицу с холодной неприязнью. В ее же взгляде, направленном на отчима, читалось нечто очень похожее на ненависть.

Глава 10

Перед третьим визитом Пуаро решил слегка перекусить. Ему был подан недотушенный воловий хвост, водянистая картошка и еще блюдо, которое Морин с присущим ей оптимизмом пыталась выдать за блины. Но на блины это было похоже весьма отдаленно.

Пуаро неторопливо поднимался в гору. Сейчас справа появится Лэбернемс — два коттеджа, сбитые в один и перекроенные на современный манер. Здесь жила миссис Апуорд и подающий надежды молодой драматург Робин Апуорд.

Пуаро чуть помедлил у ворот, провел рукой по усам. В эту минуту из-за поворота сверху на малой скорости выкатилась машина, оттуда вылетел огрызок яблока и угодил Пуаро прямо в щеку.

Вздрогнув от неожиданности, Пуаро издал протестующий вопль. Машина остановилась, и в окошко высунулась голова.

— Извините. Я в вас попала?

Пуаро вознамерился ответить должным образом, но… минуточку… В окне машины он увидел весьма благородное лицо, густые брови, неухоженные седые локоны — и в памяти вспыхнуло воспоминание. Свою роль сыграл и огрызок яблока.

— Боже мой! — воскликнул он. — Это же миссис Оливер!

Действительно, это была она — знаменитая писательница, автор детективных романов.

Воскликнув «Господи, да это же мосье Пуаро!», романистка предприняла попытку выбраться из машины. Машина была маленькая, а миссис Оливер — женщина большая. Пуаро поспешил ей на помощь.

Бормоча какие-то объяснения — «ноги затекли после долгой дороги», — миссис Оливер все-таки выбралась из машины, и этот процесс чем-то напоминал извержение вулкана.

На дорогу также вывалилось множество яблок, веселой стайкой они покатились вниз под горку.

— Пакет лопнул, — объяснила миссис Оливер.

Со своего мощного бюста она смахнула остатки наполовину съеденного яблока, потом встряхнулась, как это делают большие ньюфаундленды. Последнее яблоко, укрывшееся в одной из многочисленных выемок ее могучей фигуры, присоединилось к своим братьям и сестрам.

— Жаль, что пакет лопнул, — сказала миссис Оливер. — Яблоки я купила у Кокса. Впрочем, надеюсь, яблок на мою долю хватит и здесь, в провинции. Или не хватит? Может, весь урожай они продают на сторону? В наши дни столько всего странного,

просто диву даешься. Ну, мосье Пуаро, как вы? Вы ведь живете не здесь, правда? Конечно, правда. Значит, вас привело сюда убийство. Надеюсь, жертвой стала не моя хозяйка.

— А кто ваша хозяйка?

— Она оттуда. — Миссис Оливер показала головой. — Если тот дом и есть Лэбернемс, на полдороге с холма, налево сразу после церкви, так мне сказали. Да, это он. Что она за особа?

— А вы не знакомы?

— Нет, я сюда, можно сказать, по делу. По моей книге делают пьесу, автор — Робин Апуорд. Предстоит обсудить детали, пройтись по тексту и все такое прочее.

— Мадам, примите мои поздравления.

— Поздравлять особенно не с чем, — возразила миссис Оливер. — Пока лишь одни мучения. Не знаю, зачем позволила втянуть себя в эту затею. Я и на романах зарабатываю достаточно — большую часть, само собой, забирают кровопийцы, стоит мне заработать еще больше, они снова тут как тут, так что перенапрягаться особого смысла нет. Но вы не представляете, какая это мука — кто-то берет твоих героев и заставляет их говорить то, чего они никогда бы не сказали, делать то, чего они никогда бы не сделали. А начинаешь возражать, в ответ одно — «у театра свои законы». Ничего другого этот Робин Апуорд и слышать не желает. Все говорят, что он очень башковитый. Если он такой башковитый, пусть напишет собственную пьесу и оставит моего бедного финна в покое. Ведь он теперь даже не финн. Этот Робин сделал из него участника норвежского Сопротивления[174]. — Она провела рукой по волосам. — Куда девалась моя шляпа?

Пуаро заглянул в машину:

— Боюсь, мадам, вы на ней сидели.

— Похоже, — согласилась миссис Оливер, изучая следы крушения. — Ну и ладно, — жизнерадостно продолжала она. — Все равно она мне не нравилась. Но взяла, подумала: вдруг в воскресенье придется идти в церковь? Архиепископ, правда, сказал мне, что можно обойтись и без шляпы, но я все равно считаю — если приход старомодный, консервативный, лучше прийти в шляпе. Ладно, расскажите мне о вашем убийстве или что вас сюда привело. Анаше убийство помните?

— Очень хорошо помню.

— Забавно было, правда? Я не имею в виду само убийство — в нем как раз ничего забавного не было, а вот потом! Ну, кого лишили жизни на сей раз?

— Особа куда менее живописная, чем мистер Шайтана. Пожилая поденщица, пять месяцев назад ее ограбили и убили.

Возможно, вы об этом читали. Некая миссис Макгинти Одного молодого человека судили и приговорили к смерти…

— А он ее не убивал, зато вы знаете, кто убийца, и хотите это доказать, — быстро докончила миссис Оливер. — Очаровательно.

— Вы опережаете события, — признался Пуаро со вздохом. — Я пока не знаю, кто убийца. Так что его сначала надо найти, а доказать его виновность — дело и вовсе не простое.

— Вы, мужчины, такие медлительные, — пренебрежительно заметила миссис Оливер. — Я скоро назову вам убийцу. Надо полагать, кто-нибудь из местных? Дайте мне день-другой, чтобы оглядеться, и я принесу вам вашего убийцу на тарелочке. Женская интуиция — вот чего вам не хватает. Ведь в деле Шайтаны я оказалась права, разве не так?

Пуаро галантно промолчал — в том деле миссис Оливер сначала подозревала одного, потом другого, третьего…

— Что с вас, мужчин, возьмешь, — снисходительно продолжала она. — Если бы во главе Скотленд-Ярда стояла женщина…

Но эта затасканная тема повисла в воздухе — от дверей коттеджа их кто-то окликнул.

— Здравствуйте, — сказал голос, приятный негромкий тенор. — Вы миссис Оливер?

— Она самая, — откликнулась миссис Оливер. Пуаро она прошептала: — Не беспокойтесь. Буду молчать как рыба.

— Нет-нет, мадам. Хранить молчание как раз не надо. Наоборот — играем в открытую.

По тропинке к воротам вышел Робин Апуорд. Непокрытая голова, потертые серые фланелевые брюки, поношенная спортивная куртка. Немного расположен к полноте, а так довольно интересный мужчина.

— Ариадна, драгоценная моя! — воскликнул он и тепло обнял писательницу.

Потом чуть шагнул в сторону, не снимая руки с ее плеч.

— Дорогая моя, у меня для второго акта есть потрясающая идея.

— В самом деле? — спросила миссис Оливер без особого энтузиазма. — Это мосье Эркюль Пуаро.

— Великолепно, — сказал Робин. — Вещи у вас есть?

— Да, в багажнике.

Робин выволок два чемодана.

— Тоска, и только, — скривился он. — Настоящих слуг у нас нет. Только старушка Дженит. Да и ту все время щадить приходится. Жуткое неудобство, правда? Тяжелые у вас чемоданы. Бомбы там, что ли?

Спотыкаясь, он потащился по дорожке, потом крикнул через плечо:

— Заходите, выпьете чего-нибудь!

— Это он вам, — пояснила миссис Оливер, забирая с переднего сиденья сумочку, книгу и пару разношенных туфель. — Я вас правильно поняла? Вы совсем не хотите, чтобы я молчала как рыба?

— Я же говорю, карты на стол.

— Я бы так действовать не стала, — заявила миссис Оливер. — Но убийство ваше, так что смотрите сами. Чем смогу — помогу.

В дверях появился Робин.

— Заходите, заходите! — крикнул он. — С машиной разберемся потом. Мать умирает от любопытства.

Миссис Оливер устремилась по тропинке, Эркюль Пуаро прошествовал за ней.

Внутри дом был как картинка. Пуаро сразу понял, что сюда вбуханы немалые деньги, но конечный результат вышел отменным — дорогая и чарующая простота. Все здесь было из натурального дуба, без фокусов.

В гостиной в кресле-коляске возле камина сидела Лора Апуорд, она приветственно улыбалась гостям. Это была энергичная по виду шестидесятилетняя женщина с седеющими волосами и резко очерченным подбородком.

— Счастлива видеть вас, миссис Оливер, — сказала она. — Вы, наверное, не любите разговоров о ваших книгах, но они уже многие годы скрашивают мне жизнь, особенно с тех пор, как я стала такой калекой.

— Спасибо за теплые слова, — поблагодарила миссис Оливер, явно смущенная. Она по-девчоночьи сплела руки. — А это мосье Пуаро, мой старый друг. Мы встретились возле вашего дома совершенно случайно. Собственно говоря, я попала в него огрызком яблока. Как Вильгельм Телль[175] — только наоборот.

— Здравствуйте, мосье Пуаро. Робин!

— Да, мать?

— Приготовь чего-нибудь выпить. Где сигареты?

— На столе.

Миссис Апуорд спросила:

— Вы тоже писатель, мосье Пуаро?

— О нет, — ответила миссис Оливер. — Он детектив. Как вам объяснить? Все равно что Шерлок Холмс — охота на оленей, игра на скрипке и все такое. А сюда он приехал, чтобы раскрыть убийство.

Где-то легонько звякнуло разбитое стекло. Миссис Апуорд

резко бросила:

— Робин, поаккуратнее. — Потом обернулась к Пуаро: — Это очень интересно, мосье Пуаро.

— Значит, Морин Саммерхэй была права! — воскликнул Робин. — Она плела мне что-то бессвязное насчет того, что у нее поселился детектив. Ей все это показалось жутко забавным. А дело, выходит, вполне серьезное, да?

— Да уж куда серьезнее, — подтвердила миссис Оливер. — Среди вас завелся преступник.

— Но, минуточку, кого же убили? Или кого-то откопали, но все это под жутким секретом?

— Никакого секрета нет, — сказал Пуаро. — Было совершено убийство, и вам о нем известно.

— Миссис Мак… что-то в этом роде… поденщица… ее убили осенью, — подсказала миссис Оливер.

— Вон что! — В голосе Робина послышалось разочарование. — Но ведь это — дело прошлое.

— Как сказать, — возразила миссис Оливер. — Полиция арестовала не того человека, и беднягу повесят, если мосье Пуаро вовремя не отыщет настоящего убийцу. Так что все это жутко увлекательно.

Робин разлил напитки:

— Тебе, мадре, «Белую леди».

— Спасибо, мой мальчик.

Пуаро слегка нахмурился. Робин передал стакан миссис Оливер, потом ему.

— Ну что ж, — провозгласил Робин, — за преступление.
Он выпил.
— Она у нас работала, — сказал он.
— Миссис Макгинти? — не поняла миссис Оливер.

— Да. Правда, мадре?

— Что значит «работала»? Приходила убирать раз в неделю.

— Бывало, и под вечер заглядывала.

— Что она была за особа? — спросила миссис Оливер.

— О-о, исключительно достойная особа, — ответил Робин. — И чистюля до умопомрачения. У нее была кошмарная Фанера чистить все подряд и все распихивать по ящикам, так что потом ничего нельзя было найти.

— Если в этом доме не разгребать залежи хотя бы раз в неделю, мы тут же живо зарастем по уши, — с мрачноватым юмором заметила миссис Апуорд.

— Знаю, мадре, знаю. Но все должно лежать там, где я оставил, иначе я просто не могу работать. От этого разгребания одна путаница.

— Да, быть такой беспомощной, как я, — это действует на нервы, — призналась миссис Апуорд. — У нас есть преданная старая служанка, но с нее спрос не велик — только что-нибудь несложное приготовить.

— А что вас тревожит? — поинтересовалась миссис Оливер. — Артрит?

— Какая-то его разновидность. Боюсь, скоро мне придется нанимать постоянную сиделку. Ужасная тоска. Так хочется ни от кого не зависеть.

— Ну ладно, дорогая, — остановил ее Робин. — Не заводись.

Он погладил ее по руке.

Она улыбнулась в ответ с неожиданной нежностью.

— Робин у меня как дочка, — сказала она. — Все делает, обо всем помнит. Такой он у меня заботливый.

И они улыбнулись друг другу.

Эркюль Пуаро поднялся.

— К сожалению, — сказал, он, — мне пора. Нужно нанести еще один визит и поспеть на поезд. Мадам, позвольте поблагодарить вас за гостеприимство. Мистер Апуорд, желаю вам успеха с вашей пьесой.

— А вам — успеха с вашим убийством, — ответила любезностью на любезность миссис Оливер.

— Так это все-таки серьезно, мосье Пуаро? — спросил Робин Апуорд. — Или какая-то немыслимая утка?

— Какая еще утка? — возмутилась миссис Оливер. — Все серьезно, более чем. Он не говорит мне, кто настоящий убийца, но сам уже знает, правда?

— Нет-нет, мадам, — запротестовал Пуаро, но как-то неубедительно. — Я ведь вам говорил, что пока этого не знаю.

— Именно что говорили, а на самом деле уже все знаете…

Просто вы человек до жути скрытный, разве не так?

Миссис Апуорд вмешалась:

— Так это все-таки правда? Без шуток?

— Да, мадам, без шуток, — подтвердил Пуаро.

Он откланялся и вышел.

Спускаясь по тропинке, он услышал звучный тенорок Робина.

— Но, Ариадна, дорогая, — говорил он, — все прекрасно, но эти усы! И вообще… разве можно принимать его всерьез? Вы и вправду считаете, что он мастер своего дела?

Пуаро улыбнулся. Мастер, мастер, еще какой!

Он уже начал переходить узкий переулок, но успел вовремя отпрыгнуть.

Мимо него, подпрыгивая и вихляя кузовом, пронесся фургон Саммерхэйев. За рулем сидел Саммерхэй:

— Извините! — выкрикнул он. — На поезд опаздываю. — И уже издалека: — Еду в Ковент-Гарден[176]…

Пуаро тоже собирался на станцию — съездить в Килчестер и встретиться с инспектором Спенсом.

Впрочем, у него оставалось время еще на один визит.

Он поднялся на вершину холма, вошел в ворота и по ухоженной подъездной дорожке направился еще выше, к современному дому из глазурованного бетона с квадратной крышей и уймой окон. Здесь жили мистер и миссис Карпентер. Гай Карпентер был одним из совладельцев компании «Карпентер инжиниринг» — очень богатый человек, свежеиспеченный политик. Поженились они совсем недавно.

Входную дверь Карпентеров открыла не горничная-иностранка, не преданная старушка. Перед Пуаро стоял невозмутимый слуга, отнюдь не сгоравший от желания впустить великого сыщика в дом. В его глазах Эркюль Пуаро был визитером, с которым лучше общаться через порог. Он явно решил, что Пуаро — торговый агент и жаждет всучить свой товар.

— Мистера и миссис Карпентер нет дома.

— Не могу ли я их подождать?

— Я не знаю, когда они вернутся.

Он закрыл дверь.

Пуаро не стал спускаться к воротам. Вместо этого он завернул за угол дома и нос к носу столкнулся с высокой молодой женщиной в норковом манто.

— Эй! — воскликнула она. — Какого черта вам здесь надо?

Пуаро галантно приподнял шляпу.

— Я надеялся, — начал он, — повидать мистера или миссис Карпентер. Не имею ли я удовольствие видеть миссис Карпентер?

— Да, это я, — небрежно, но уже с меньшей агрессивностью

подтвердила она.

— Меня зовут Эркюль Пуаро.

Никакой реакции. Мало того, что имя этого великого, уникального сыщика было ей неизвестно, она даже не признала в нем нынешнего постояльца Морин Саммерхэй. Выходит, сюда местные слухи не просачиваются. Мелкий факт, но, пожалуй, существенный.

— Слушаю вас?

— Я хотел бы повидаться с вами либо с вашим мужем, но мне, мадам, будет удобнее говорить с вами, ибо то, о чем я хочу вас расспросить, имеет отношение к домашним делам.

— Пылесос у нас уже есть, — с опаской предупредила миссис Карпентер.

Пуаро засмеялся:

— Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Я просто хотел задать вам несколько вопросов о ваших хозяйственных делах.

— А-а, вы имеете в виду эти вопросники по домашнему хозяйству. Вообще-то я считаю, это полный идиотизм… — Она умолкла. — Пройдемте в дом.

Пуаро еле заметно улыбнулся. В последнюю секунду она спохватилась, удержалась от пренебрежительного замечания. Все-таки муж занимается политикой, и критиковать деятельность правительства ей как-то не резон.

Через холл она провела его в просторную комнату, окна выходили в сад, содержавшийся в идеальном порядке. Похоже, вся комната была обставлена наново: большой парчовый гарнитур из дивана и двух кресел с подголовниками, три или четыре стула под «чиппендейл»[177] XVIII века, комод, письменный стол. Ясно, здесь не считались с затратами, были наняты лучшие фирмы, но вкуса, индивидуальности хозяев здесь не было и в помине. Интересно, что же себе думала молодая хозяйка? Была ко всему безразлична? Или, наоборот, действовала с дальним прицелом?

Она повернулась, и он оценивающе посмотрел на нее. Холеная интересная дама. Платиновая блондинка, косметика нанесена тщательно, а глаза… большие васильковые глаза, излучающие холод… красивые глаза с поволокой.

Она сказала, на сей раз вполне вежливо, но явно борясь со скукой:

— Садитесь, прошу вас.

— Вы в высшей степени любезны, мадам, — проговорил, усаживаясь, Пуаро. — Итак, вопросы, которые я хотел вам задать. Они касаются миссис Макгинти, которая умерла — вернее, была убита — в ноябре прошлого года.

— Миссис Макгинти? Не понимаю, о чем идет речь.

Она сердито уставилась на него, в глазах появилась жестокость, подозрительность.

— Вы помните миссис Макгинти?

— Нет. Я о ней ничего не знаю.

— Но про то, что ее убили, вы слышали? Или в ваших краях убийство — такая обыденная вещь, что вы могли о нем и не услышать?

— Ах, убийство? Да, конечно. Я просто забыла, как была фамилия этой старушки.

— Хотя она работала у вас в доме?

— Не у меня. Я здесь тогда не жила. Мы с мистером Карпентером поженились только три месяца назад.

— Но у вас она все-таки работала. Кажется, по пятницам, с утра. Вы тогда были миссис Селкирк и жили в Роуз-коттедж.

— Если вы сами все знаете, зачем спрашивать? — надув губы, бросила она. — А в чем, собственно, дело?

— Я расследую обстоятельства, при которых было совершено убийство.

— Но зачем? Чего ради? И почему вы пришли ко мне?

— Вам, возможно, что-то известно — что-то очень для меня важное.

— Ничего мне не известно. Да и что я могу знать? Жила-была старая поденщица. Она была настолько глупа, что хранила деньги под половицей, и кто-то у нее их украл, да еще и пристукнул в придачу. Все это омерзительно — чистое зверство. Как раз про такие страсти пишут в воскресных газетах.

Пуаро не преминул этим воспользоваться:

— Да, именно в воскресных газетах. Как в «Санди компэниэн». Вы, наверное, читаете «Санди компэниэн»?

Она подскочила и сделала несколько неверных шагов в сторону открытой балконной двери. Глаза ей словно застлал туман, она даже наткнулась на дверную раму. Словно большой прекрасный мотылек, подумал Пуаро, который слепо тычется в полотно абажура.

— Гай… Гай… — позвала она.

Хозяин был где-то неподалеку. Он откликнулся:

— Что, Ив?

— Иди скорее сюда.

В поле зрения появился высокий мужчина лет тридцати пяти. Он ускорил шаги, поднялся на террасу и подошел к двери.

Ив Карпентер, с трудом сдерживая негодование, проговорила:

— Тут пришел мужчина — иностранец. Он задает мне всякие вопросы про это кошмарное убийство — помнишь, в прошлом году? Убили какую-то старую поденщицу. Мне эти разговоры —

как острый нож. Ты же знаешь — я их терпеть не могу.

Гай Карпентер нахмурился и через балконную дверь шагнул в гостиную. Лицо у него было вытянутое, прямо-таки лошадиное, бледное, во взгляде сквозили надменность и высокомерие. И вообще держался он напыщенно. В общем, решил Пуаро, малопривлекательный тип.

— Позвольте узнать, в чем дело? — спросил мистер Карпентер. — Почему вы досаждаете моей жене?

Пуаро развел руками:

— Менее всего я собирался досаждать такой очаровательной даме. Я лишь надеялся, коль скоро покойная работала у нее, что миссис Карпентер сможет помочь в проводимом мной расследовании.

— Но… о каком расследовании идет речь?

— Да, вот спроси его об этом, — науськивала мужа жена.

— Проводится новое расследование обстоятельств, связанных со смертью миссис Макгинти.

— Что за вздор — дело давно закрыто.

— Нет-нет, тут вы ошибаетесь. Оно еще не закрыто.

— Новое расследование, говорите? — Гай Карпентер нахмурился. Потом с подозрением спросил: — А кто его проводит? Полиция? Вздор — к полиции вы не имеете никакого отношения.

— Тут вы правы. Я работаю независимо от полиции.

— Он газетчик, — вмешалась Карпентер. — Из какой-то кошмарной воскресной газеты. Он сам так сказал.

В глазах Гая Карпентера мелькнуло: эй, тут надо быть осмотрительней! В его положении настраивать против себя прессу — это может дорого обойтись. И он сказал более дружелюбно:

— Моя жена — человек чувствительный. Убийства и прочие подобные дела очень ее расстраивают. Я уверен, вам нет никакой нужды беспокоить ее. Она эту женщину почти не знала.

Дрожа от ярости, Ив повторила свои слова:

— Она была всего лишь старая глупая поденщица. Так я ему и сказала. — Потом добавила: — И жуткая врунья в придачу.

— Это уже интересно. — С сияющим лицом Пуаро смотрел на супругов. — Значит, она любила приврать. Это может быть хорошей зацепкой.

— Не представляю как, — буркнула Ив.

— Моя задача сейчас, — объяснил Пуаро, — определить мотив убийства.

— Ее просто ограбили, — резко произнес Карпентер. — Вот и весь мотив.

— Н-да, — негромко сказал Пуаро. — Но так ли это?

Он поднялся, словно актер, только что произнесший ключевую реплику.

— Весьма сожалею, мадам, если я вас огорчил, — вежливо извинился он. — В таких делах приятного обычно мало.

— Да, все это было очень печально, — быстро согласился Карпентер. — И конечно, моей жене больно вспоминать об этом. Извините, ничем не можем помочь.

— Вы мне помогли.

— Не понял?

Пуаро сказал негромко:

— Миссис Макгинти любила приврать. Это очень ценный факт. А что же это было за вранье, мадам?

Он вежливо ждал, когда Ив Карпентер заговорит. Та наконец сказала:

— Да ничего особенного. То есть… я не помню.

Видимо, почувствовав, что мужчины смотрят на нее с ожиданием, она выдавила из себя;

— Так, глупости… о разных людях. Не может такое быть правдой.

Но ответом ей снова была тишина. Затем Пуаро сказал:

— Понимаю… у нее был злой язык.

Ив Карпентер чуть вздрогнула:

— Да нет… не до такой степени. Просто была сплетница, вот и все.

— Просто сплетница, — негромко повторил Пуаро. Он поднял руку в знак прощания.

— А ваша газета… воскресная газета… как она называется?

— Газета, которую я упомянул в разговоре с мадам, — ответил Пуаро, тщательно подбирая слова, — называется «Санди компэниэн».

Он умолк. Гай Карпентер задумчиво повторил за ним:

— «Санди компэниэн». Боюсь, я эту газету почти не читаю.

— Там попадаются интересные статейки. И интересные фотографии.

Пауза начала затягиваться, поэтому он поклонился и быстро сказал:

— До свидания, мистер Карпентер. Извините, если я вас… потревожил.

Выйдя за ворота, он оглянулся на дом.

«Интересно, — сказал он себе, — очень интересно…»

Глава 11

Инспектор Спенс — он сидел напротив Эркюля Пуаро — вздохнул.

— Я не говорю, что вы ничего не нашли, мосье Пуаро, — медленно произнес он. — Лично я считаю, что нашли. Но для обжалования этого мало. Страшно мало!

Пуаро кивнул:

— Да, этого недостаточно. Нужно копать дальше.

— Но как же ни я, ни сержант не нашли эту газету!

— Ну, вам не за что себя винить. Преступление выглядело совершенно очевидным. Ограбление с применением силы. В комнате все вверх дном, деньги исчезли. Почему разорванная газета среди прочего беспорядка должна была привлечь ваше внимание?

Спенс упрямо повторил:

— Я должен был ее найти. К тому же бутылочка чернил…

— Я услышал о ней по чистой случайности.

— Но ведь вы сразу взяли это на заметку… а почему?

— Только потому, что случайно услышал фразу о письме, которое она писала. Мы с вами, Спенс, пишем письма часто, для нас это не событие, а для нее…

Инспектор вздохнул. Потом выложил на стол четыре фотографии.

— Вы просили меня достать эти снимки — оригиналы тех, что были напечатаны в «Санди компэниэн». Они, по крайней мере, немного четче. Но, честное слово, боюсь, большой пользы от них не будет. Старые, выцветшие… а прически! У женщин из-за прически меняется весь облик. Хоть бы от чего-то оттолкнуться — скажем, четкий профиль или ухо. А тут — ничего! Эта шляпа-колпак, эта прическа с претензией, эти розы! Нет, проку от них никакого.

— Вы согласны, что Веру Блейк можно сбросить со счетов?

— Пожалуй. Будь Вера Блейк в Бродхинни, об этом знали бы все — ведь рассказ о своей печальной судьбе она сделала профессией.

— А что скажете об остальных?

— Времени было мало, но я узнал, что мог. Как только Крейга осудили, Ева Кейн уехала из Англии. Я выяснил, какую она взяла фамилию. Она стала Хоуп, Надежда. Символично, не правда ли?

Пуаро пробормотал:

— Да-да, в этом есть что-то романтическое. «Прекрасная

Ивлин Хоуп с бренною жизнью рассталась»[178]. Это кто-то из ваших поэтов. Осмелюсь предположить, что именно эта строчка ее вдохновила. Ее, кстати, звали не Ивлин?

— Кажется, именно так. Но все знали ее как Еву. Кстати, мосье Пуаро, раз мы заговорили на эту тему, в полиции о Еве Кейн думают не совсем то, что написано в газете. Точнее, совсем не то.

Пуаро улыбнулся:

— То, что думают в полиции, — еще не доказательство. Но, как правило, хорошая основа для поиска доказательств. Так что же думают в полиции о Еве Кейн?

— Что она ни в коем разе не была невинной жертвой, каковой ее представили публике. Я был тогда еще не оперившимся птенцом и помню, как мой бывший шеф говорил о ней с инспектором, который вел это дело. Инспектор Трейл считал (хотя улик у него не было), что симпатичная идейка убрать с дороги миссис Крейг принадлежала именно Еве Кейн, что она все это не только замыслила, но и исполнила. Крейг однажды пришел домой и обнаружил, что его маленькая подруга совершила непоправимое. Она, надо полагать, считала, что все удастся выдать за естественную смерть. Но Крейг сообразил, что этот номер не пройдет. Он сильно сдрейфил, расчленил тело в собственном подвале, а потом выдумал историю о том, что миссис Крейг умерла за границей. Когда тайное стало явным, он клялся и божился, что все сделал сам, а Ева Кейн вообще ничего не знала. Ну вот, — инспектор Спенс пожал плечами, — а доказать что-то другое не удалось. Яд находился в доме. Воспользоваться им мог как он, так и она. Маленькая Ева Кейн — сама невинность, охваченное ужасом дитя… Эту роль она сыграла отменно: способная маленькая актриса. У инспектора Трейл а были свои сомнения — но где доказательства? Я вам это, как говорится, продаю, за что купил, мосье Пуаро. К делу это не подошьешь.

— Зато мы можем предположить, что, по крайней мере, одна из этих «женщин с трагической судьбой», по сути, еще и убийца и при определенных обстоятельствах способна пойти на убийство еще раз… Ладно, идем дальше, что скажете о Джейнис Кортленд?

— Я поднял все старые бумаги. Премерзкая бабенка. Если мы повесили Эдит Томпсон, повесить Джейнис Кортленд нам велел сам Бог. Они со своим мужем друг друга стоили, два сапога пара, а парня она охмурила, и ради нее он был готов на все. Но, заметьте, при этом у нее на прицеле все время был некий богач. И именно чтобы выйти за него, ей потребовалось убрать мужа.

— И она вышла замуж за этого богача?

Спенс покачал головой:

— Понятия не имею.

— Она уехала за границу — а потом?

Спенс еще раз покачал головой:

— Она была свободной женщиной. Ничем не обременена. Вышла она замуж или нет, что с ней потом сталось — нам не известно.

— В любой день ты можешь с ней встретиться на коктейле, — сказал Пуаро, вспомнив фразу доктора Рендела.

— Именно.

Пуаро перевел взгляд на последнюю фотографию:

— А девочка? Лили Гэмбл?

— По возрасту ее не стали судить за убийство. Отправили в исправительную школу. Отзывы оттуда хорошие. Она там освоила стенографию и машинопись, ее освободили условно-досрочно и дали работу. Отзывы опять-таки хорошие. Последние сведения о ней — из Ирландии. Мне кажется, мосье Пуаро, ее можно вычеркнуть из списка, как и Веру Блейк. В конце концов она встала на праведный путь, и потом — кто будет держать зло на двенадцатилетнего ребенка, совершившего что-то в припадке ярости? Вычеркиваем?

— Я бы с этим согласился, — сказал Пуаро, — если бы не тесак. Совершенно точно известно, что Лили Гэмбл набросилась на свою тетку с тесаком, а неизвестный убийца миссис Макгинти нанес удар чем-то вроде тесака.

— Возможно, вы правы, мосье Пуаро. Теперь послушаем вас. К счастью, никто на вас пока не покушался, верно?

— Верно, — подтвердил Пуаро после секундного колебания.

— Скажу откровенно, после того вечера в Лондоне у меня душа была не на месте, боялся за вас. Ну хорошо, что вы скажете о жителях Бродхинни, кто-то может нас интересовать?

Пуаро открыл записную книжку:

— Еве Кейн, если она еще жива, сейчас под шестьдесят. Ее дочери, чью теперешнюю жизнь так живописала «Санди компэниэн», сейчас тридцать пять. Примерно столько и Лили Гэмбл. Джейнис Кортленд — около пятидесяти.

Спенс согласно кивнул.

— Особое внимание — тем жителям Бродхинни, у кого работала миссис Макгинти.

— Что ж, подход логичный.

— Правда, дело усложняется тем, что миссис Макгинти наносила и разовые визиты, но для начала будем исходить из того, что увиденное ею — скорее всего фотография — находилось в одном из домов, куда она ходила регулярно.

— Согласен.

— Итак, с учетом возраста мы имеем следующее: во-первых, семья Уэтерби, где миссис Макгинти работала в день своей смерти. По возрасту миссис Уэтерби вполне может быть Евой Кейн, а ее дочь вполне может быть дочерью Евы Кейн — якобы от предыдущего брака.

— А фотография?

— Mon cher, опознать по ней человека — это исключено. Прошло слишком много времени, слишком много, как говорится, воды утекло. Точно сказать можно одно: миссис Уэтерби безусловно была хорошенькой. Это видно невооруженным глазом. Кажется слишком хрупкой и беспомощной, чтобы совершить убийство, но именно так, если не ошибаюсь, все воспринимали и Еву Кейн. Трудно сказать, какая физическая сила требовалась для того, чтобы убить миссис Макгинти: надо знать, каково было орудие убийства, какая была рукоятка, насколько легко им было взмахнуть, насколько острым было острие и так далее.

— Да-да. Ничего этого нам выяснить не удалось… по продолжайте, прошу вас.

— Насчет семейства Уэтерби могу высказать еще одно замечание: мистер Уэтерби, если пожелает, может вести себя весьма вызывающе, и, полагаю, иногда он это себе позволяет. Дочь фанатично предана матери. Отчима она ненавидит. Я никак не оцениваю эти факты. Просто принимаю их во внимание. Например, дочь могла пойти на убийство, чтобы уберечь мать, чтобы ее прошлое не стало известно отчиму. По той же причине совершить убийство могла и мать. И даже сам отчим — чтобы «скандал» не стал достоянием гласности. Вы не представляете, сколько убийств совершается во имя того, чтобы не упасть в глазах общества! Ведь Уэтерби — «милые люди».

Спенс кивнул.

— Если — подчеркиваю, если — публикация в «Санди компэниэн» — верный след, тогда преступник, вероятнее всего, в семье Уэтерби, — сделал он вывод.

— Именно. Единственный, кто еще в Бродхинни мог бы оказаться Евой Кейн, — это миссис Апуорд. Но есть два обстоятельства, которые заставляют усомниться, что убийца миссис Макгинти — это миссис Апуорд, она же Ева Кейн. Во-первых, у нее артрит, и почти все время она проводит в кресле-каталке…

— В романе, — не без горечи заметил Спенс, — кресло-каталка вполне могло оказаться липой, а в подлинной жизни, думаю, все точно как в аптеке.

— Во-вторых, — продолжал Пуаро, — миссис Апуорд

показалась мне человеком категоричным и волевым, склонным действовать скорее силой, нежели увещеваниями, а с обликом нашей молоденькой Евы это не вяжется. Впрочем, характеры конечно же меняются, и самоуверенность часто приходит с возрастом.

— Тут вы правы, — признал Спенс. — Итак, миссис Апуорд? Не исключено, но маловероятно. Теперь другие линии. Джейнис Кортленд?

— Думаю, от этой кандидатуры можно отказаться. В Бродхинни нет никого подходящего возраста.

— А вдруг кто-то из женщин помоложе — это Джейнис Кортленд, которая хорошо сохранилась? Простите, это я пошутил.

— Трем женщинам тридцать с небольшим. Дейдри Хендерсон, жене доктора Рендела и миссис Ив Карпентер. По возрасту любая из них может быть Лили Гэмбл или дочерью Евы Кейн.

— А реально?

Пуаро вздохнул:

— Дочь Евы Кейн может быть высокой или невысокой, блондинкой или брюнеткой — как она выглядит, мы не знаем. О Дейдри Хендерсон в этой связи мы уже говорили. Теперь две другие дамы. Прежде всего вот что: миссис Рендел чего-то боится.

— Боится вас?

— Полагаю, что да.

— Что ж, это важно, — задумчиво произнес Спенс. — Отсюда следует, что миссис Рендел может быть Лили Гэмбл либо дочерью Евы Кейн. Она блондинка или брюнетка?

— Блондинка.

— Лили Гэмбл была светловолосой девочкой.

— Но миссис Карпентер тоже светловолосая. Эта дама пользуется исключительно дорогой косметикой. Красивая она или не так уж, но глаза у нее необыкновенные. Очаровательные, широко распахнутые синие глаза.

— Послушайте, Пуаро… — Спенс осуждающе покачал головой.

— Знаете, как она выглядела, когда выбежала из комнаты, чтобы кликнуть мужа? Мне вспомнился прелестный трепыхающийся мотылек. Она вытянула руки вперед, будто слепая, задела что-то из мебели.

Спенс снисходительно на него посмотрел.

— Вы просто романтик, мосье Пуаро, — сказал он. — С вашими трепыхающимися мотыльками и широко распахнутыми синими глазами.

— Вовсе нет, — возразил Пуаро. — Мой друг Гастингс, тот

был сентиментальным романтиком, я же — никогда. Я до крайности практичен. И скажу вот что: если девушку делают красивой ее прелестные глаза, будь она десять раз близорукая, она нипочем не будет носить очки и научится двигаться на ощупь, даже если очертания затуманены, а расстояние определить трудно.

И указательным пальцем он легонько постучал по фотографии двенадцатилетней Лили Гэмбл — на ней были очки с сильными, уродующими лицо линзами.

— Так вот что вы решили? Лили Гэмбл?

— Ничего я не решил, говорю лишь о вероятности. Когда миссис Макгинти умерла, миссис Карпентер еще не была миссис Карпентер. Она была молодой вдовой, муж погиб на войне, средств к существованию почти никаких, жила в коттедже для сельскохозяйственных рабочих. И вот она обручилась с богатым человеком из местных — человек этот стремится сделать политическую карьеру и преисполнен чувства собственной значимости. Представьте себе, что Гай Карпентер узнает: он собирается взять в жены, скажем, девушку из низших социальных слоев, печально знаменитую тем, что в детстве она стукнула родную тетку тесаком по голове, либо дочь Крейга, одного из самых отвратительных преступников века, справедливо занявшего место в комнате ужасов в музее восковых фигур, — тут впору задать вопрос: а пойдет ли он на это? Вы скажете: если он ее любит, пойдет! Но что он за человек? Как я понимаю — эгоистичный, честолюбивый, очень дорожит своей репутацией. Думаю, если молодая мисс Селкирк, каковой она тогда была, жаждала заполучить его в мужья, она страстно жаждала и другого — чтобы до ушей ее жениха не дошел никакой порочащий ее слух.

— Так вы считаете, что это она?

— Еще раз повторяю, mon cher, — не знаю. Я лишь рассуждаю вслух. Миссис Карпентер отнеслась ко мне настороженно, явно чего-то испугалась, встревожилась.

— Да, это подозрительно.

— Так-то оно так, но все это очень запутанно. Однажды я остановился у друзей в сельской местности. В один прекрасный день они отправились поохотиться. Знаете, как это происходит? Один идет с собаками и с ружьями, собаки поднимают дичь, она вылетает из кустов, а те уже на стреме — ба-бах! Вот и у нас с вами то же самое. Только мы, может статься, поднимем не одну птицу, в кустах прячутся и другие. Другие, до которых нам, скорее всего, нет никакого дела. Но ведь сами птицы этого не знают. А нам, cher ami, нужна только одна птичка, и тут нам

ошибиться никак нельзя. Вполне вероятно, что миссис Карпентер, когда вдовствовала, совершила какой-то неблагоразумный поступок. Неблагоразумный, и только. Но все равно ей не хочется, чтобы о нем знали. Ведь не без причины она мне первым делом заявила, что миссис Макгинти — врунья!

Инспектор Спенс потер переносицу:

— Давайте внесем ясность, Пуаро. Что вы в действительности думаете?

— Что я думаю — это не имеет никакого значения. Я должен знать. А пока что наши собаки только забежали в кусты.

Спенс пробормотал:

— Нам бы напасть на что-то определенное. Что-то по-настоящему подозрительное. А пока все это всего лишь версия, да еще притянутая за уши. И версия ваша больно хлипкая, я уже говорил. Неужели из-за этого кто-то и вправду мог решиться на убийство?

— Всякое бывает, — сказал Пуаро. — Могут существовать какие-то семейные обстоятельства, нам с вами не известные. Но жажда не утратить положение в обществе очень сильна. В Бродхинни живут не художники, не богема. Тут живут очень «милые люди». Так сказала работница местной почты. А милые люди жаждут таковыми оставаться. Скажем, годы счастливой семейной жизни никто не подозревает, что ты была одной из главных фигур в сенсационном деле об убийстве, что твоя дочь — дочь мерзкого преступника, прославившегося на всю страну. Что может сказать себе такая женщина? «Я скорее умру, чем допущу, чтобы моему мужу это стало известно!» Или: «Я скорее умру, чем допущу, чтобы моя дочь узнала правду о своем происхождении!» А потом, пораскинув умом, она решит: а не лучше ли будет, если умрет миссис Макгинти…

Спенс негромко вставил:

— Значит, вы считаете, что это Уэтерби.

— Нет. Они лучше других вписываются в созданную нами картину, но это ничего не значит. Если хорошенько присмотреться, миссис Апуорд больше подходит на роль убийцы, чем миссис Уэтерби. Она женщина решительная, обладает недюжинной силой воли, безумно любит сына. Скрыть от сына, что с ней произошло до того, как она вступила в счастливый брак с его отцом, создала добропорядочное семейство, — ради этого она может пойти на многое.

— Неужели подобное открытие его сильно расстроит?

— Лично я так не думаю. Молодой Робин — это современный скептик, совершеннейший эгоист и, во всяком случае, предан своей матушке куда меньше, чем она ему. В этом смысле он и в

подметки не годится Джеймсу Бентли.

— Значит, если считать, что миссис Апуорд и Ева Кейн — одно и то же лицо, ее сын Робин не стал бы убивать миссис Макгинти, чтобы это скрыть?

— Ни в коем случае. Он бы еще нажил на этом деле капитал. Создал бы на нем рекламу для своих пьес! Не представляю, чтобы Робин Апуорд пошел на убийство, дабы сохранить личину добропорядочности либо из преданности; он мог бы решиться на такое лишь по одной причине — если это принесет выгоду, и немалую, лично ему.

Спенс вздохнул. Потом сказал:

— Поле деятельности уж больно широкое. Может, удастся найти что-нибудь в прошлом этих людей. Но на это уйдет время. А тут еще война все поперепутала. Многие документы и записи уничтожены — если кому-то надо скрыть следы своих прошлых деяний, возможностей масса! Ничего не стоило похитить документы другого человека, особенно после бомбежек, трупы лежали вповалку. Сосредоточь мы поиски на ком-то одном… Но у вас, мосье Пуаро, выбор богатый.

— Думаю, скоро мы сведем его к минимуму.

Пуаро вышел из кабинета инспектора Спенса с улыбкой на лице, но душа его была не на месте. Спенс прав, черт возьми, у них мало времени. Будь его побольше…

Поддразнивало и еще одно сомнение: вдруг вся их со Спенсом посылка неверна? И Джеймс Бентли все-таки виновен…

Поддаваться этой мысли он не стал, но и совсем ее отринуть тоже не мог.

Еще и еще раз он прокручивал в памяти свой разговор с Джеймсом Бентли. Он думал о нем, стоя на платформе в Килчестере в ожидании поезда. Был рыночный день, и на платформе томился народ. Да и возле станции было многолюдно.

Пуаро подался вперед и глянул вдоль путей. Вот наконец и поезд. Не успел он выпрямиться, как ощутил резкий, намеренный толчок в спину. Толчок был столь сильным и неожиданным, что Пуаро оказался к нему совершенно не готов. Еще секунда — и он упал бы на рельсы, прямо под наезжающий поезд, но в последний миг стоявший рядом мужчина поймал его и оттащил назад.

— Что это с вами? — прогудел он. Это был армейский сержант, крепыш и здоровяк. — Перебрали, что ли? Вы же чуть под поезд не брякнулись.

— Спасибо. Преогромное вам спасибо.

Толпа уже обтекала их, люди садились на поезд, другие выходили из вагонов.

— Ну что, очухались? Давайте подсажу.

Пуаро, все еще потрясенный, уселся на сиденье.

Не будешь ведь кричать: «Меня толкнули!» Но его действительно толкнули, он в этом не сомневался. Вплоть до сегодняшнего вечера он старался быть осторожным, не забывал об опасности. Но после разговора со Спенсом, после его добродушно-насмешливого вопроса о том, не покушался ли кто на жизнь Пуаро, великий сыщик бездумно решил, что опасность миновала и ему ничто не угрожает.

Как же он ошибался! Выходит, один из визитов, нанесенных им в Бродхинни, дал результат? Кто-то испугался. Кто-то решил, что воскрешение этого давно закрытого дела чревато для него опасностью и надо это воскрешение остановить.

Из телефона-автомата на станции в Бродхинни Пуаро позвонил инспектору Спенсу:

— Это вы, mon ami? Взываю к вам, будьте внимательны! У меня есть для вас новости. Просто чудесные новости. Кто-то пытался меня убить..

Он с удовлетворением выслушал бессвязно-бурный поток восклицаний с другого конца провода.

— Нет, я не ранен. Но я едва уцелел Да, под поезд. Нет, к сожалению, не видел. Но можете не сомневаться, друг мой, я этого человека найду. Теперь мы знаем: мы на верном пути.

Глава 12

1

Человек, проверявший электросчетчик, находился под неусыпным надзором дворецкого Гая Карпентера.

— Теперь платить за электричество будут по-новому, — объяснил электрик. — Исходя из числа проживающих.

Дворецкий скептически заметил:

— Вы хотите сказать, что за него будут брать дороже, как за все остальное?

— Необязательно. С каждого — равная доля, вот как будет. Вы вчера вечером не были на собрании в Килчестере?

— Нет.

— Говорят, ваш хозяин, мистер Карпентер, здорово там выступал. Думаете, его изберут?

— В прошлый раз ему как будто самой малости не хватило.

— Да. Сто двадцать голосов, что ли, не добрал. Вы его возите на эти собрания или он ездит сам?

— Обычно сам. Он любит водить. У него «роллс-бентли».

— Недурная машинка. А миссис Карпентер тоже водит?

— Водит. Только, по моему разумению, уж больно лихо.

— С женщинами такое бывает. А вчера она на собрание ездила? Или политика ее не интересует?

Дворецкий ухмыльнулся:

— Делает вид, что интересует. Но вчера у нее силенок не хватило. Какая-то мигрень с ней приключилась, и она ушла из зала, когда там вовсю речи толкали.

— Здорово! — Электрик заглянул в предохранительную коробку. — Ну вот и порядок, — заключил он. Задав еще пару ничего не значащих вопросов, он собрал инструменты и, попрощавшись, ушел.

Быстрым шагом он спустился по дорожке, но, выйдя за ворота и свернув за угол, остановился и вот что записал в книжечку.

> «К. вчера вечером вернулся домой на машине. Дома был в 10.30 (прибл.). В заданное время мог быть на станции в Килчестере. Миссис К. ушла с собрания раньше. Домой вернулась только за десять минут до К. Сказала, что приехала поездом».

В книжечке электрика это была вторая запись. Первая

гласила:

> «Доктор Р. вчера вечером выезжал по вызову. В направлении Килчестера. В заданное время мог быть на станции в Килчестере. Миссис Р. весь вечер провела дома одна (?). Экономка миссис Скотт отнесла ей кофе и больше ее в тот вечер не видела. У миссис Р. небольшая собственная машина».

2

В Лэбернемсе полным ходом шла работа над пьесой. Робин Апуорд с горячностью убеждал:

— Вы же видите, как прекрасно ложится эта строчка, неужели нет? И если мы создадим атмосферу сексуального антагонизма между ними, знаете, как это оживит пьесу? Даже представить себе не можете!

Миссис Оливер с грустью вонзила руки в свои растрепанные седые волосы, и тотчас возникло впечатление, что над ее прической покуражился торнадо[179].

— Вы же понимаете мою идею, дорогая Ариадна, правда?

— Понимать-то я понимаю, — мрачно согласилась миссис Оливер.

— Главное, чтобы вы были довольны сценой на все сто.

Довольной миссис Оливер мог назвать только человек, который сам себе вознамерился втереть очки.

Робин с упоением продолжал:

— Я это вижу так: замечательный молодой человек прыгает с парашютом…

— Ему шестьдесят лет, — перебила миссис Оливер.

— Ну нет!

— Шестьдесят.

— Таким я его не вижу. Тридцать пять — и ни на день старше.

— Но он герой моих романов вот уже тридцать лет, и ему было как минимум тридцать пять в первом из них!

— Но, дорогая, если ему шестьдесят, между ним и девушкой… как ее зовут? Ах да, Ингрид… так вот, между ними не может возникнуть сексуального напряжения. Он просто старый хрыч!

— Вне всякого сомнения.

— Вот видите, значит, ему должно быть тридцать пять, — торжествующе заключил Робин.

— Но тогда он не будет Свеном Хьерсоном. Пусть какой-нибудь молодой норвежец, участник Сопротивления…

— Но, дорогая Ариадна, весь смысл пьесы в Свене Хьерсоне. Народ обожает Свена Хьерсона, и посмотреть на него в театр примчатся огромные толпы! Нам гарантирован полный сбор, дорогая!

— Но мои читатели прекрасно знают, каков он! Нельзя же, в самом деле, придумать совершенно нового молодого героя, воткнуть его в норвежское Сопротивление и сказать, что это — Свен Хьерсон!

— Ариадна, дорогая, ведь я вам все уже объяснил. Это не книга, дорогая моя, а пьеса! Значит, зрителя нужно развлечь, дать ему что-то романтическое. И если мы создадим напряжение, антагонизм между Свеном Хьерсоном и этой — как ее зовут? — Ингрид… понимаете, получится, что они вроде и противны друг другу, но в то же время их друг к другу безумно тянет…

— Свен Хьерсон никогда не был бабником, — холодно заметила миссис Оливер.

— Но не делать же из него божьего одуванчика, дорогая! Не в такой же пьесе! У нас с вами не какая-нибудь сказка про старичка-боровичка. У нас боевик с убийствами, приключения на свежем воздухе…

Упоминание о свежем воздухе не осталось незамеченным.

— Я, пожалуй, выйду, — решительно прервала его миссис Оливер. — Мне не хватает воздуха. Я тут прямо задыхаюсь.

— Мне вас сопроводить? — елейным голосом предложил Робин.

— Нет, лучше я одна.

— Как хотите, дорогая. Может, вы и правы. А я пока пойду и приготовлю для мадре вино со взбитыми желтками. Моя разлюбезная матушка считает себя немножко обойденной. Ей надо время от времени уделять внимание. А вы подумайте об этой сцене в погребе, будьте душечкой. А вообще пьеса у нас получается первый класс! Успех будет колоссальный. На такие дела у меня нюх!

Миссис Оливер вздохнула.

— Но главное, — заключил Робин, — чтобы вы были по-настоящему довольны!

Бросив на него холодный взгляд, миссис Оливер прикрыла обширные плечи роскошной накидкой, купленной когда-то в Италии, и отправилась погулять по Бродхинни.

Свои проблемы забудутся, решила она, если попытаться пролить свет на преступление подлинное. Эркюль Пуаро нуждается в помощи. Она приглядится к обитателям Бродхинни,

а дальше интуиция, никогда ее не подводившая, сама подскажет ей, кто настоящий убийца. После этого Пуаро останется только собрать необходимые улики.

Свое дознание миссис Оливер начала с того, что спустилась с холма и, зайдя на почту, купила два фунта яблок. По ходу дела она разговорилась с миссис Толк.

Согласившись, что погода для этого времени года чересчур теплая, миссис Оливер сообщила, что остановилась у миссис Апуорд, в Лэбернемсе.

— Да, я знаю. Вы дама из Лондона, которая пишет романы об убийствах. Три ваши книги есть у меня в продаже прямо сейчас, издательство «Пингвин»[180].

Миссис Оливер бросила взгляд на книжную полку. Слегка перегружена детскими сердечками! А вот и ее книги.

— «Приключения второй золотой рыбки», — стала она рассуждать вслух, — недурственная книжечка. «Кто же умер — умер кот» — там трубку для отравленных стрел я сделала на фут длиннее, чем полагается, семь футов вместо шести. Бог знает, почему трубка должна быть именно такого размера, но мне об этом написали из какого-то музея. Иногда мне кажется, что некоторые только для того книги и читают, чтобы отыскать в них ошибки. А третья какая? О-о, «Смерть дебютантки» — жуткая дребедень! Я там сульфонал[181] растворила в воде, а он в ней не растворяется, и вообще вся эта история — чистый бред от начала до конца. Там человек восемь отправились к праотцам, прежде чем Свен Хьерсон скумекал, что к чему.

— Народ их читает вовсю, — сообщила миссис Толк, никак не отреагировавшая на эту любопытную самокритику. — Вы себе не представляете! Я-то сама ваших книг не читала, у меня на чтение времени не остается.

— У вас здесь было свое убийство, да? — спросила миссис Оливер.

— Да, в ноябре прошлого года. Можно сказать, прямо по соседству.

— Я слышала, сейчас здесь детектив, проводит расследование.

— А-а, вы имеете в виду этого маленького джентльмена-иностранца, что остановился в Лонг-Медоуз? Он заходил ко мне только вчера…

Миссис Толк смолкла — вошла еще одна покупательница, ей требовались марки.

Миссис Толк живо оказалась за стойкой почты.

— Доброе утро, мисс Хендерсон. Сегодня для этого времени года день теплый.

— Да, вы правы.

Миссис Оливер вперила взгляд в спину высокой девушки. На поводке она вела силихемтерьера[182].

— Значит, цвет побьет морозом попозже! — заявила миссис Толк с мрачным наслаждением. — Как дела у миссис Уэтерби?

— Более или менее, спасибо. Она сейчас почти не выходит из дому. Последнее время дует такой сильный ветер с востока — только держись!

— В Килчестере на этой неделе идет очень хороший фильм. Надо бы вам съездить, мисс Хендерсон.

— Я вчера вечером собиралась, но особого желания как-то не было.

— На следующей неделе пойдет фильм с Бетти Грейбл… пятишиллинговые марки у меня кончились. За два с половиной подойдут?

Когда девушка вышла, миссис Оливер сказала:

— Миссис Уэтерби тяжело больна, да?

— Может, тяжело, а может, и нет, — с кислой миной ответила миссис Толк. — Просто у одних есть время бока пролеживать, а у других нет.

— Полностью с вами согласна, — сказала миссис Оливер. — Я и миссис Апуорд говорю — упражняйте ноги, вам же будет *лучше.*

На лице миссис Толк отразилось удивление:

— Когда ей надо, она прекрасно поднимается — так я слышала.

— И сейчас?

«Интересно, — задалась вопросом миссис Оливер, — откуда у нее такие сведения?»

— Вам сказала об этом Дженит? — пустила она пробный шар.

— Дженит Грум немножко ворчит, — не стала возражать миссис Толк. — А что удивительного? Мисс Грум и сама не первой молодости, а как ветер с востока подует, ревматизм ей совсем житья не дает. Но у белой кости это называется артрит[183], тут тебе и инвалидная коляска, и Бог знает что еще. Нет, мне мои ноги нужны, я бы не рискнула убивать их бездействием. А сейчас что: даже если у человека насморк, он бегом к доктору — пусть Министерство здравоохранения за твои денежки для тебя хоть что-то сделает. Слишком многие занялись нынче нашим здоровьем. А по мне — чем меньше думаешь о своих болячках, тем лучше.

— Пожалуй, вы правы, — сказала миссис Оливер.

Забрав свои яблоки, она отправилась следом за Дейдри Хендерсон. Догнать ее оказалось нетрудно, потому что ее

силихемтерьер, старый, откормленный, лениво исследовал мелкие кустики и обнюхивал всякую всячину.

«Собаки, — мелькнуло в голове у миссис Оливер, — всегда прекрасный способ познакомиться».

— Какой красавец! — воскликнула она.

Крупная молодая женщина с простым лицом явно была довольна.

— Да, он у нас симпатяга, — сказала она. — Правда, Бен?

Бен поднял голову, слегка вильнул всем телом, похожим на сосиску, потом обнюхал кустики чертополоха, одобрил их и отметил свое одобрение всем известным способом.

— Он не дерется? — спросила миссис Оливер. — С силихемами такое бывает.

— Вообще-то он страшный драчун. Потому и держу его на поводке.

— Так я и подумала.

Обе женщины оценивающе оглядели силихемтерьера.

Затем Дейдри Хендерсон с какой-то поспешностью спросила:

— Вы… вы ведь Ариадна Оливер?

— Да. Я остановилась у Апуордов.

— Знаю. Робин говорил, что вы должны приехать. Вы не представляете, какое удовольствие я получаю от ваших книг.

Миссис Оливер, как обычно в таких случаях, залилась краской смущения.

— О-о, — пробормотала она, испытывая неловкость, и тут же уныло добавила: — Очень рада это слышать.

— Я бы с удовольствием прочла все ваши книги, да не получается — книги нам высылает книжный клуб «Таймс бук», а матушка детективные романы не очень жалует. Она — человек жутко чувствительный и потом не спит по ночам. А я детективы просто обожаю.

— Я слышала, у вас здесь произошло настоящее преступление, — направила разговор в нужное русло миссис Оливер. — В каком доме? В одном из этих коттеджей?

— Вон в том.

Голос Дейдри Хендерсон звучал как-то придавленно, приглушенно.

Миссис Оливер взглянула на бывшее обиталище миссис Макгинти, на ступеньках перед ним резвились два малоприятных сорванца, с радостным блеском в глазах они мучили кошку. Миссис Оливер шагнула вперед, чтобы унять маленьких разбойников, и кошка вырвалась, пустив в ход коготки.

Старший сорванец взвыл — кошка его здорово поцарапала.

— Так тебе и надо, — сказала миссис Оливер и повернулась к

Дейдри Хендерсон: — И не подумаешь, что в этом доме было совершено убийство, правда?

— Да, ни за что не подумаешь.

На этот счет женщины были единодушны.

— Это была старая поденщица, и кто-то ее ограбил, да? — продолжала миссис Оливер.

— Ее жилец. У нее были припрятаны деньги под половицей.

— Понятно.

Неожиданно Дейдри Хендерсон сказала:

— А может, это вовсе и не он. Тут сейчас появился странный человечек — иностранец. Его зовут Эркюль Пуаро…

— Эркюль Пуаро? Как же, я его хорошо знаю.

— Он и вправду детектив?

— Дорогая моя, он страшно знаменит. И потрясающе умен.

— Тогда, может, дознается, что не он ее убил.

— Кто?

— Как «кто»?.. Жилец. Джеймс Бентли. Надеюсь, его выпустят.

— Надеетесь? Но почему?

— Не верится мне, что это он. С самого начала не верилось.

Миссис Оливер с любопытством глянула на нее — надо же, до чего разволновалась!

— Вы его знали?

— Не-ет, — медленно произнесла Дейдри. — Не знала. Но однажды Бен угодил в капкан, и он помог мне его вызволить. Ну, мы немножко поговорили…

— И какое он произвел на вас впечатление?

— Очень одинокий. Незадолго до этого похоронил мать. А он был к ней очень привязан.

— А вы к вашей матери тоже привязаны? — неожиданно спросила миссис Оливер.

— Да. И его чувства были мне понятны. Я понимала, что он тогда чувствовал. Мы с матушкой… ведь у нас, кроме друг друга, никого нет.

— А я со слов Робина поняла, что у вас есть отчим.

Дейдри с горечью согласилась:

— Да, отчим у меня есть.

— Конечно, отчим и отец — это не одно и то же, — неопределенно заметила миссис Оливер. — А отца вы помните?

— Нет, он умер до того, как я родилась. Мама вышла замуж за мистера Уэтерби, когда мне было четыре года. Я… я всегда его ненавидела. А мама… — Она помолчала, потом сказала: — Мама прожила очень грустную жизнь. Не было рядом душевного человека, отзывчивого и понимающего сердца. Мой отчим —

человек страшно бесчувственный, холодный и бессердечный.

Миссис Оливер кивнула, затем пробормотала:

— Не похож этот Джеймс Бентли на преступника…

— Я и подумать не могла, что полиция его арестует. Наверняка это был какой-нибудь бродяга. По этой дороге иногда такие бродяги шляются — не приведи Господь! Вот один из них ее небось и пристукнул.

— Будем надеяться, что Эркюль Пуаро отыщет истину, — попыталась утешить ее миссис Оливер.

— Да, будем.

И она резко свернула в ворота Хантер-Клоуз.

Секунду-другую миссис Оливер смотрела ей вслед, потом вытащила из сумочки записную книжку. В ней она записала: «Дейдри Хендерсон — нет», при этом подчеркнула слово «нет» так решительно, что у нее сломался карандаш.

На полпути в гору ей встретился Робин Апуорд, он шел вниз вместе с молодой и очень красивой платиновой блондинкой.

Робин познакомил их.

— Ив, — сказал он, — это расчудесная Ариадна Оливер. Дорогая, не представляю, как ей это удается. При этом человек благожелательный, великодушный. И не подумаешь, что она купается в волнах преступлений. А это Ив Карпентер. Ее муж будет нашим новым членом парламента. А нынешний, сэр Джордж Картрайт, совсем впал в маразм, бедняга. Он прямо с порога на девочек бросается.

— Робин, ну как можно так врать? Ты дискредитируешь партию.

— А что мне эта партия? Я в ней не состою. Я либерал. Сегодня можно быть только либералом, эта партия маленькая, кто угодно в нее не пролезет, к тому же у нее никаких шансов захватить власть. Безнадежно проигранные дела — это моя слабость. — Он добавил, обращаясь к миссис Оливер: — Ив приглашает нас сегодня на коктейль. Вечеринка в вашу честь, Ариадна. Соберется местная публика на встречу со знаменитостью. Ведь ваш приезд для нас — грандиозное событие! Сделайте местом вашего следующего убийства Бродхинни, а? Что вам стоит?

— Пожалуйста, миссис Оливер, — поддакнула Ив Карпентер.

— Что вам стоит заслать сюда Свена Хьерсона, — развивал мысль Робин. — Он, как Эркюль Пуаро, остановится у Саммерхэйев, в доме для приезжих. Мы как раз туда идем, потому что я сказал Ив, что Эркюль Пуаро в своей области не меньшая знаменитость, чем вы в своей, а она, оказывается, была с ним вчера несколько неучтива, поэтому хочет исправиться и тоже

пригласить на вечеринку. Но, дорогая, без шуток, пусть ваше следующее убийство произойдет в Бродхинни. Мы все будем в таком восторге!

— Пожалуйста, миссис Оливер. Вот будет здорово! — еще раз присоединилась к просьбе Ив Карпентер.

— Кто у нас будет убийцей, а кто жертвой? — спросил Робин.

— А кто у вас теперь работает поденщицей? — ответила миссис Оливер вопросом на вопрос.

— О-о, дорогая моя, такое убийство нам не нужно. Уж больно скучно. Нет, я думаю, на роль жертвы прекрасно подойдет Ив. К примеру, кто-то задушил ее собственными нейлоновыми чулками. Нет, это уже было.

— По-моему, Робин, ты — более подходящая кандидатура для убийства, — предложила Ив. — Подающий надежды драматург убит ножом в загородном коттедже.

— Мы еще не выбрали убийцу, — вспомнил Робин. — Чем плоха моя матушка? Следов ног не будет, потому что она передвигается в кресле-каталке. По-моему, замечательно.

— Ну, вонзать нож в тебя, Робин, она едва ли захочет, — усомнилась Ив.

Робин задумался.

— Да, ты права. Возможен и другой вариант — она душит тебя. Тут, я думаю, у нее больших угрызений совести не будет.

— Но я хочу, чтобы жертвой был ты. А убийцей пусть будет Дейдри Хендерсон. Зачуханная простушка, на которую никто не обращает внимания.

— Вот вам, Ариадна, пожалуйста, — сказал Робин. — Канва вашего следующего романа. Вам осталось только продумать ложные следы, по которым вы поначалу направите следствие, ну и, разумеется, все записать. О Господи, какие у Морин кошмарные псы!

Они уже свернули в ворота Лонг-Медоуз, и навстречу им с лаем кинулись два ирландских волкодава.

Из сарая с ведром в руках появилась Морин Саммерхэй.

— Лежать, Флин. Кормик, ко мне. Привет! Я как раз убирала у Пигги.

— Догадались, дорогая, — усмехнулся Робин. — Это ясно по запаху. Как поживает Пигги?

— Вчера жутко нас напугал. Лежит, не поднимается, завтрак есть не желает. Мы с Джонни давай читать в специальной книге про поросячьи болезни, всю ночь не спали, все думали, как он и что, а сегодня с утра он жутко веселый и жизнерадостный. Джонни ему принес поесть, так тот на него как кинется! Едва с ног не сбил. Джонни потом пришлось ванну принимать.

— Да, вы с Джонни живете — не соскучишься, — подытожил Робин.

Ив пригласила Морин:

— Приходите к нам с Джонни сегодня, немного выпьем, хорошо?

— С удовольствием.

— Там будет миссис Оливер, — вступил Робин. — Но познакомиться с ней можно прямо сейчас. Вот она.

— Правда? — воскликнула Морин. — Вот это да! Вы, я слышала, вместе с Робином сочиняете пьесу?

— Нам вдвоем работается — лучше некуда, — заверил ее Робин. — Кстати, Ариадна, когда вы утром вышли, на меня снизошло озарение. Насчет актерского состава.

— А-а, насчет актерского состава, — с облегчением повторила миссис Оливер.

— Я знаю, кто блестяще сыграет Эрика. Сесил Лич — он из театра в Калленки, играет в «Отщепенце». Как-нибудь вечером поедем туда и посмотрим.

— А ваш постоялец дома? — обратилась Ив к Морин. — Я хочу и его пригласить в гости.

— Мы приведем его с собой, — предложила Морин.

— Я бы хотела пригласить сама. Дело в том, что вчера я ему немножко нагрубила.

— А-а! Ну, он где-то поблизости, — неопределенно сказала Морин. — Может, в саду… Кормик… Флин… вот чертовы псины…

Она с грохотом бросила ведро и помчалась к пруду, откуда доносилось отчаянное кряканье.

Глава 13

Когда вечеринка у Карпентеров близилась к концу, миссис Оливер с бокалом в руках подошла к Эркюлю Пуаро. До этой минуты каждый из них находился в центре восторженного внимания. Но сейчас, когда было выпито изрядное количество джина и атмосфера стала совсем непринужденной, старые знакомые начали собираться в группки, обсуждать местные сплетни, и двум пришельцам удалось пообщаться друг с другом.

— Выйдем на террасу, — заговорщически прошептала миссис Оливер.

В ту же секунду она сунула ему в руку маленький клочок бумаги.

Вместе они вышли через балконную дверь на террасу. Пуаро развернул листок.

— Доктор Рендел, — прочитал он.

Пуаро вопросительно взглянул на миссис Оливер. Миссис Оливер энергично закивала, на лицо даже упал длинный завиток седых волос.

— Убийца — он, — заявила миссис Оливер.

— Вы считаете? Но почему?

— Я просто знаю, — ответила миссис Оливер. — Это же типичный убийца. Само добродушие, сердечность, дружелюбие и все прочее.

— Возможно.

Убеждения в голосе Пуаро не было.

— Но каков, по-вашему, его мотив?

— Нарушение профессиональной этики, — отчеканила миссис Оливер. И миссис Макгинти об этом узнала. Но причина — дело второе, главное — это он. Я пригляделась ко всем и говорю вам — можете не сомневаться.

Вместо ответа Пуаро как бы мимоходом заметил:

— Вчера вечером на станции в Килчестере кто-то пытался столкнуть меня на рельсы.

— Боже правый! Вы хотите сказать, что вас пытались убить?

— Ни секунды не сомневаюсь.

— А доктор Рендел выезжал по вызову, мне это точно известно.

— Я понимаю… да… доктор Рендел выезжал по вызову.

— Вот все и сходится, — с удовлетворением подытожила миссис Оливер.

— Все, да не все, — возразил Пуаро. — Вчера вечером в Килчестере также были мистер и миссис Карпентер, и домой они

возвращались порознь. Теперь миссис Рендел — может, она и просидела весь вечер дома, слушая радио, а может, и нет — этого не знает никто. А мисс Хендерсон частенько ездит в Килчестер в кино.

— Вчера вечером не ездила. Она была дома. Сама мне сказала.

— Не следует верить всему, что вам говорят, — нравоучительно заметил Пуаро. — Родственники часто покрывают друг друга. С другой стороны, горничная Фрида, ну эта, иностранка, вчера была в кино и не знает, все ли жильцы Хантер-Клоуз провели вечер дома! Так что сузить круг непросто.

— Ну, за мою компанию я, кажется, могу поручиться, — сказала миссис Оливер. — Когда это с вами случилось?

— Ровно в девять тридцать пять.

— Стало быть, на обитателей Лэбернемса можно не грешить. С восьми до половины одиннадцатого Робин, его мама и я играли в покер.

— Я думал: вдруг вы с Робином заперлись в комнате и трудились на пару?

— А матушка тем временем вскочила на мотоцикл, спрятанный в кустах? — Миссис Оливер засмеялась. — Нет, матушка была у нас перед глазами. — Она вздохнула, ибо на ум ей пришли более грустные мысли. — Работать на пару, — горько вымолвила она. — Это не работа, а сущий кошмар! Представьте себе: инспектору Баттлу нацепят большие черные усы и объявят, что это — вы.

Пуаро даже вздрогнул от неожиданности:

— Предположить такое — уже кошмар!

— Теперь вам понятны мои страдания.

— Страдать приходится и мне, — признался Пуаро. — Кулинарные способности мадам Саммерхэй не поддаются описанию. Впрочем, о способностях тут вообще говорить не приходится. Сквозняки, ледяной ветер, расстройство желудка, кошачий запах, длинная собачья шерсть, сломанные ножки кресел, немыслимая кровать, в которой я сплю… — он закрыл глаза, вспоминая свои мучения, — едва теплая вода из-под крана, дырки в ковре на лестнице, а кофе? Жидкость, которую мне подают под видом кофе, невозможно описать словами. Мой желудок чувствует себя оскорбленным.

— Господи, — огорчилась миссис Оливер. — Но при этом она удивительно мила.

— Миссис Саммерхэй? Очаровательная женщина. Совершенно очаровательная. Но от этого только хуже.

— А вот и она, — сказала миссис Оливер.

К ним подходила Морин Саммерхэй.

На ее веснушчатом лице застыло счастливо-отрешенное выражение. Она нежно улыбнулась им обоим.

— Кажется, я слегка перебрала, — объявила она. — Джин просто прелесть. И так много! Обожаю вечеринки. В Бродхинни мы ими не очень избалованы. Это все в вашу честь — такие знаменитости! Как бы мне хотелось писать книги! Да вот беда — я ничего не умею делать как следует!

— Вы хорошая жена и мать, мадам, — напыщенно произнес Эркюль Пуаро.

Глаза Морин широко распахнулись. Привлекательные карие глаза на веснушчатом личике. «Интересно, — подумала миссис Оливер, — сколько ей лет? Пожалуй, не больше тридцати».

— Правда? — удивилась Морин. — Ну, не знаю. Я, конечно, всех их страшно люблю, но разве этого достаточно?

Пуаро кашлянул:

— Не сочтите меня бесцеремонным, мадам. Но если жена по-настоящему любит своего мужа, она должна заботиться о том, как он питается. Питание — вещь серьезная.

Морин, похоже, эти слова немного задели.

— А что? — вспыхнула она. — Голодным мой муж не ходит. Только и делаю, что его кормлю.

— Я имел в виду качество пищи.

— Вы хотите сказать, что я плохо готовлю, — догадалась Морин. — Но я всегда считала: что именно человек ест — это не важно.

Пуаро издал стон.

— Или что на нем надето, — рассеянно продолжала Морин. — Или чем он занимается. Я думаю, все это наносное и в жизни мало что значит.

Она замолчала, глаза от выпитого подернулись какой-то дымкой, будто она смотрела в дальние дали.

— На днях одна женщина написала в газету письмо, — вдруг сообщила она. — Дурацкое письмо. Спрашивает, как лучше поступить, отдать ребенка на усыновление чужим людям, которые смогут предоставить ему все — все что только возможно себе представить, так и написано, она имела в виду хорошее образование, приличную одежду, достойное окружение, — либо оставить его при себе, хотя никаких возможностей у нее нет. По-моему, дурацкое письмо — глупее не придумаешь. Главное, чтобы ты мог ребенка прокормить — все остальное не важно.

Она уставилась в пустой бокал, будто пыталась разглядеть на его дне будущее.

— Я-то знаю, — сказала она. — Ведь меня саму удочерили.

Мать меня отдала, и там мне, как пишет эта женщина, предоставили все что только возможно себе представить. Но всегда больно сознавать — даже сейчас, — что от тебя отказалась собственная мать, взяла и отдала тебя своими руками.

— Но, может, она пошла на эту жертву ради вашего же блага? — предположил Пуаро.

Проясненным взором она посмотрела на него:

— Нет, не согласна я с этим. Перед собой эти родители так и оправдываются. На деле все проще — оказывается, они просто могут без тебя обойтись… А сознавать это больно. Я бы *от моих* детей не отказалась — ни за какие возможности на свете!

— Я считаю, вы совершенно правы, — поддержала ее миссис Оливер.

— С этим я тоже согласен, — сказал Пуаро.

— Вот и договорились, — обрадовалась Морин. — О чем мы тогда спорим?

Как раз в этот момент на террасу вышел Робин и подхватил:

— Да, о чем мы тогда спорим?

— О приемных детях, — доложила Морин. — Мне не нравится быть приемным ребенком, а вам?

— Все же это лучше, чем быть сиротой, разве нет, дорогая? Пожалуй, нам пора идти, правда, Ариадна?

Гости собрались расходиться разом. Доктор Рендел куда-то умчался немного раньше других. Все вместе спустились с холма, весело и шумно болтая, слегка взвинченные, как оно и бывает, когда вольешь в себя несколько коктейлей.

У ворот Лэбернемса Робин стал настойчиво приглашать всех зайти:

— Расскажем мадре, как прошла вечеринка. Ей, бедняжке, так обидно, что не смогла пойти с нами — опять нога замучила. Но все равно ей жутко хочется знать, что творится вокруг.

Веселая гурьба хлынула в дом, миссис Апуорд и вправду очень обрадовалась.

— А кто еще там был? — спросила она. — Уэтерби?

— Нет, миссис Уэтерби нездоровится, а эта унылая девица Хендерсон без нее идти отказалась.

— Какая трогательная привязанность, — заметила Шила Рендел.

— Я бы скорее назвал это патологией, — вставил Робин.

— Это все ее мать, — подала голос Морин. — Некоторые матери своих чад прямо съесть готовы.

Она вдруг вспыхнула, наткнувшись на вопросительный взгляд миссис Апуорд.

— Я тебя не пожираю, Робин? — спросила она.

— Мадре! Конечно же нет!

Чтобы скрыть смущение, Морин быстренько переменила тему — стала рассказывать, как они воспитывают своих ирландских волкодавов. Какое-то время говорили о собаках.

Потом миссис Апуорд решительно сказала:

— От наследственности никуда не денешься — человек ты или собака.

Шила Рендел пробормотала:

— А как же среда?

Миссис Апуорд была категорична:

— Среда, моя дорогая, здесь ни при чем. Она позволяет тебе сменить облицовку — но не более. То, что в человеке заложено, все равно остается при нем, и никуда от этого не деться.

Эркюль Пуаро с любопытством остановил взгляд на Шиле Рендел — лицо ее вдруг пошло красными пятнами. С излишней, как ему показалось, пылкостью она возразила:

— Но ведь это жестоко… и несправедливо.

— В жизни много несправедливого, — заметила миссис Апуорд.

В разговор вступил Джонни Саммерхэй.

— Я согласен с миссис Апуорд, — сказал он неспешным, ленивым голосом. — Наследственность сказывается. Я всегда на этом стоял.

В голосе миссис Оливер прозвучал вопрос:

— Вы хотите сказать, что все передается? «И проявляется в грядущих поколениях…»

— Но у этой цитаты есть продолжение, — неожиданно отозвалась своим приятным высоким голосом Морин Саммерхэй, — «И потому будь к людям милосерден»[184].

Все снова немножко смутились — слишком серьезная нота зазвучала в разговоре.

Чтобы переменить тему, накинулись с вопросами на Пуаро:

— Расскажите нам про миссис Макгинти, мосье Пуаро. Почему вы считаете, что ее убил не этот омерзительный жилец?

— Между прочим, он вечно бормотал что-то невнятное, — припомнил Робин. — Бродит по переулкам и что-то себе бормочет. Я его часто встречал. И могу вам точно сказать — вид у него был очень странный.

— Наверное, мосье Пуаро, у вас есть какая-то причина полагать, что не он ее убил. Скажите нам, что это за причина.

Пуаро улыбнулся окружающим. Покрутил усы.

— Если ее убил не он, кто же тогда?

— Да, кто же?

— Не ставьте человека в неловкое положение, — сухо

произнесла миссис Апуорд, — возможно, он подозревает кого-то из нас.

— Кого-то из нас? Ого!

Поднялся гомон, а глаза Пуаро встретились с глазами миссис Апуорд. В них было хитрое довольство и что-то еще… вызов?

— Он подозревает кого-то из нас! — воскликнул Робин в полном восторге. — Так, начнем с Морин. — Он изобразил из себя напористого следователя. — Где вы были вечером… какое это было число?

— Двадцать второе ноября, — подсказал Пуаро.

— Где вы были вечером двадцать второго ноября?

— Убей Бог, не помню, — откликнулась Морин.

— Кто это может помнить? Столько времени прошло, — заметила миссис Рендел.

— А я помню, — похвастался Робин, — потому что в тот вечер я вещал на радио. В Коулпорте читал лекцию «О некоторых аспектах театрального искусства». Я хорошо это помню, потому что долго распространялся о поденщице из «Серебряной коробки» Голсуорси[185], а на следующий день убили миссис Макгинти, и я еще подумал: интересно, поденщица в пьесе была похожа на миссис Макгинти или нет? — Точно, — внезапно заявила Шила Рендел. — Я тоже вспомнила: вы тогда сказали мне, что у Дженит выходной и ваша мама останется одна. И я пришла сюда посидеть с ней после ужина. Но, увы, так и не достучалась.

— Сейчас, дайте подумать, — сказала миссис Апуорд. — Ах да, конечно. У меня разболелась голова, и я легла спать, а окна спальни выходят в сад.

— А на следующий день, — продолжала вспоминать Шила, — когда я услышала, что миссис Макгинти убили, еще подумала: «Какой ужас! Ведь я в темноте могла наткнуться на убийцу», — поначалу-то мы все решили, что в ее дом вломился какой-нибудь бродяга.

— А я все равно не помню, чем я занималась, — заявила Морин. — Зато следующее утро помню отчетливо. Нам про нее рассказал булочник. «Угробили, — говорит, — нашу миссис Макгинти». А я уже голову ломала: куда это миссис Макгинти запропастилась? — Она поежилась. — Даже вспомнить — и то жуть берет.

Миссис Апуорд не сводила глаз с Пуаро.

«Очень умная женщина, — подумал он, — и безжалостная. И еще эгоистка, каких поискать. Такая, если что сделает, не будет терзаться сомнениями, совесть ее мучить не будет…»

Раздался чей-то слабый голос — встревоженный, даже какой-то жалобный:

— Акакие-нибудь факты у вас есть, мосье Пуаро?

Это был голос Шилы Рендел.

Вытянутое мрачное лицо Джонни Саммерхэйя вдруг ожило.

— Вот именно, факты! — воскликнул он. — Этим меня и привлекают детективные истории. Факты — для детектива будто карта местности, а ты плутаешь среди них, как в лесу, и вдруг бац — дошло! Дайте нам хотя бы один факт, мосье Пуаро!

Смеющиеся просительные лица повернулись к нему. Для них это не более чем игра (или не для всех?). Но убийство — это не игра, убийство — вещь опасная. И кто знает…

Резким движением Пуаро вытащил из кармана фотографии.

— Вам требуются факты? — спросил он. — Voila![186]

И театральным жестом он бросил их на стол.

Все сгрудились вокруг стола, наклонили головы, стараясь получше разглядеть снимки; послышались возгласы:

— Смотрите-ка!

— Какая жуткая безвкусица!

— Только посмотрите на эти розы! «Ах, эти розы, ах, эти розы!»

— Господи, ну и шляпа!

— Какая жуткая девчонка!

— Но кто они такие?

— Ну и мода была в те времена!

— Эта женщина явно была хороша собой.

— Но почему это факты?

— Кто они такие?

Медленным взглядом Пуаро обвел лица всех, кто стоял вокруг стола.

Он увидел на них лишь то, что ожидал увидеть.

— Вы никого здесь не узнаете?

— Узнаем?

— Может, кто-то из вас уже видел эти фотографии? Может… да, миссис Апуорд? Вам что-то показалось знакомым, не так ли?

Миссис Апуорд колебалась:

— Да… мне кажется…

— Которая из них?

Ее указательный палец поднялся и застыл на фотографии девочки в очках — Лили Гэмбл.

— Вы видели эту фотографию… когда же?

— Совсем недавно… Вот только где… Не могу вспомнить. Но я ее видела, за это могу поручиться.

Она сидела, нахмурившись, сведя брови к переносице.

Из состояния сосредоточенной отрешенности ее вывела Шила Рендел. Она подошла и сказала:

— До свидания, миссис Апуорд. Надеюсь, вы как-нибудь заглянете ко мне на чашечку чаю, если будете хорошо себя чувствовать.

— Спасибо, милая. Робину придется закатить меня на горку.

— Разумеется, мадре. Благодаря твоей коляске я такие мышцы накачал — о-го-го! Помнишь, когда мы отправились к Уэтерби и стояла страшная грязища…

— Ага! — вдруг воскликнула миссис Апуорд.

— Что такое, мадре?

— Ничего. Продолжай.

— Ну и намаялись мы с этим штурмом холма! Сначала буксовала коляска, потом забуксовал я. Думал, нипочем домой не доберемся.

Посмеиваясь, гости распрощались и дружными рядами разошлись.

Да, думал Пуаро, алкоголь развязывает языки, что верно, то верно…

Свалял он дурака, показав фотографии, или, наоборот, поступил мудро?

Может, и он пал жертвой алкогольных паров?

Трудно сказать.

Буркнув что-то в знак извинения, он повернул назад.

Толкнул ворота и подошел к дому, из которого только что вышел. Из открытого окна слева доносилось журчание двух голосов — Робина и миссис Оливер. Ее вклад был минимален, львиная доля звуков в этом бессвязном потоке принадлежала Робину.

Толкнув входную дверь, Пуаро прошел в комнату направо, которую покинул минуту назад. У камина сидела миссис Апуорд. Судя по лицу, ее одолевали мрачные мысли. Она настолько ушла в себя, что появление Пуаро заставило ее вздрогнуть.

Он тактично кашлянул, и она резко вскинула голову.

— О-о… — сказала она. — Это вы. Вы меня напугали.

— Pardon[187], мадам. Вы думали, это кто-то другой? Кто же?

Не ответив на его вопрос, она спросила:

— Вы что-нибудь оставили?

— Боюсь, я оставил здесь опасность.

— Опасность?

— Опасность. Возможно, она угрожает вам. Потому что вы узнали одну из фотографий.

— Я этого не говорила. Все старые фотографии похожи одна на другую.

— Послушайте, мадам. Мне кажется, миссис Макгинти тоже узнала одну из этих фотографий. И миссис Макгинти рассталась с

жизнью.

В глазах миссис Апуорд неожиданно блеснул озорной огонек, и она продекламировала:

— Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, да там и осталась.
С жизнью своею рассталась. А как?
Высунулась сильно, как я, вот так!

Вы это имеете в виду?

— Да. И если вам что-то известно, хоть что-нибудь, — скажите мне об этом сейчас. Так будет безопаснее.

— Дорогой вы мой, не все так просто. Я совсем не уверена, что что-то знаю, — уж, во всяком случае, ничего такого, что можно назвать уликой. Смутные воспоминания — дело довольно хитрое. Пока не представишь себе, как, где и когда, делать выводы рано; надеюсь, вы со мной согласны.

— Мне кажется, все это вы уже представили.

— Все, да не все. Надо принять во внимание разные обстоятельства. Прошу вас, мосье Пуаро, не торопите меня. Я не из тех, кто принимает решения сгоряча. У меня своя голова на плечах, я привыкла ею пользоваться. А когда решение принято, я начинаю действовать. Но не раньше, чем я к этому готова.

— Во многих отношениях вы, мадам, человек скрытный.

— Возможно — до некоторой степени. Знание — сила. А силу надо использовать только во благо. Извините, но вы, видимо, не очень представляете себе устои жизни в английской провинции.

— Иначе говоря, «вы всего лишь чертов иностранец».

Миссис Апуорд чуть улыбнулась:

— Ну, это для меня слишком грубо.

— Если не хотите говорить со мной, есть инспектор полиции Спенс.

— Мой дорогой мосье Пуаро, только не полиция! Не на этом этапе.

Он пожал плечами.

— Я вас предупредил.

Ибо у него не было ни малейших сомнений — миссис Апуорд уже вспомнила совершенно отчетливо, где и когда она видела эту фотографию.

Глава 14

1

Нет сомнения, сказал себе Эркюль Пуаро на следующее утро, что в этих краях наступила весна.

Его вчерашние опасения сегодня представлялись ему совершенно беспочвенными.

Миссис Апуорд — очень разумная женщина и прекрасно сумеет о себе позаботиться.

Все же ей удалось заинтриговать Пуаро. Да, любопытно. Ее поведение осталось для него тайной за семью печатями. Собственно, к этому она и стремилась. Она узнала фотографию Лили Гэмбл и решилась на свою собственную игру.

Пуаро обдумывал все это, прогуливаясь по дорожке в саду, как вдруг за его спиной раздался голос. Пуаро вздрогнул от неожиданности.

— Мосье Пуаро!

Миссис Рендел подошла так тихо, что он не слышал ее приближения. Со вчерашнего вечера на душе у него было неспокойно.

— Pardon, мадам. Вы застали меня врасплох.

Миссис Рендел непроизвольно улыбнулась. «Если у меня на душе неспокойно, — подумал он, — что же сказать про миссис Рендел?» Одно веко у нее подергивалось, руки не находили себе места.

— Я… надеюсь, я вам не мешаю? Может быть, вы заняты?

— Нет, вовсе не занят. День — просто чудо. Ощущение весны — это прекрасно. Приятно находиться на улице. В доме миссис Саммерхэй всегда, ну совершенно всегда, ощущаешь поток воздуха.

— Поток…

— В Англии вы это называете сквозняком.

— Да. Да, наверное, вы правы.

— Окна у них в доме не закрываются, а двери так и летают взад-вперед.

— Этот дом уже дышит на ладан. К тому же у Саммерхэйев денег не густо, и серьезный ремонт им просто не осилить. На их месте я бы его продала, и дело с концом. Да, в нем не одну сотню лет жили их предки, но в наши дни нельзя цепляться за вещи только из чистой сентиментальности.

— Да, сентиментальность осталась в прошлом.

Наступила тишина. Уголком глаза он следил за ее белыми руками — она явно нервничала. Пусть берет инициативу на себя, если ей есть что сказать. Наконец она заговорила — неровно, отрывисто.

— Наверное, — сказала она, — когда вы, ну, как бы проводите расследование, всегда нужно иметь подходящий предлог, да?

Пуаро обдумал вопрос. Он не смотрел на нее, но мог побожиться — она, чуть повернув голову, смотрит на него во все глаза.

— Что ж, мадам, — уклончиво ответил он, — это довольно удобно.

— Как-то объяснить, почему вы здесь, почему задаете вопросы?

— Да, это может сослужить хорошую службу.

— Зачем… зачем вы на самом деле приехали в Бродхинни, мосье Пуаро?

С легким удивлением он повернулся к ней:

— Но, моя дорогая леди, это ведь всем известно — чтобы расследовать обстоятельства смерти миссис Макгинти.

— Вы только так говорите, — резко выпалила миссис Рендел. — Но это — курам на смех.

Пуаро поднял брови:

— В самом деле?

— Конечно. Никто в это не верит.

— И все же уверяю вас — я приехал сюда именно с этой целью.

Ее тусклые голубые глаза блеснули, и она отвела взгляд:

— Вы мне не скажете, я знаю.

— Чего не скажу, мадам?

Она снова внезапно, как показалось Пуаро, сменила тему:

— Я хотела спросить вас… про анонимные письма.

— Пожалуйста, — подбодрил ее Пуаро, потому что она тут же замолчала.

— Ведь в них всегда написана ложь, да?

— Иногда, — осторожно заметил Пуаро.

— Как правило, — настаивала она.

— Я бы не стал утверждать это с уверенностью.

Шила Рендел взорвалась:

— Писать такие письма — это трусливо, вероломно и низко!

— Тут я с вами согласен.

— И вы никогда не поверите тому, что написано в таком письме?

— Это очень трудный вопрос, — строго ответил Пуаро.

— А я бы не поверила. Такому письму — ни за что! — И добавила, с трудом сдерживаясь: — Я знаю, почему вы здесь. Так вот, это неправда, говорю вам — неправда.

И, круто повернувшись, она пошла прочь.

Брови Эркюля Пуаро снова поднялись — на сей раз выше обычного.

Что бы это значило? — спросил он себя. Меня хотят увести со следа? Или это птичка из другого гнездышка? Что-то здесь слишком много всего свалено в одну кучу.

Значит, миссис Рендел убеждена, что он здесь вовсе не из-за смерти миссис Макгинти. По ее мнению, это всего лишь предлог.

Она действительно так считает? Или же, как он только что себе сказал, хочет вывести его на ложный след?

И при чем тут анонимные письма?

Может, на фотографии, которую «недавно видела» миссис Апуорд, изображена миссис Рендел?

Другими словами, миссис Рендел и Лили Гэмбл — одно лицо? Сведения о Лили Гэмбл, исправившейся и вернувшейся в лоно цивилизованного общества, обрываются где-то в Ирландии. Что, если доктор Рендел встретил свою будущую жену именно там, не подозревая о ее прошлом? Лили Гэмбл окончила курсы стенографии. Ее с доктором пути вполне могли пересечься.

Пуаро покачал головой и вздохнул.

Разумеется, все это вполне возможно. Но хотелось бы знать наверняка.

Откуда ни возьмись налетел холодный ветер, а солнце скрылось за облаками.

Пуаро поежился и направил свои стопы к дому.

Да, хотелось бы знать наверняка. Найти бы орудие убийства…

И в эту секунду он его увидел и даже вздрогнул, потому что инстинкт подсказал ему — он не ошибается.

2

Потом он задавал себе вопрос: видел ли он этот предмет раньше, может, отметил его подсознательно? Ведь, надо полагать, он преспокойно лежал себе на этом месте со дня приезда Эркюля Пуаро в Лонг-Медоуз…

Прямо здесь, на захламленном книжном шкафу около окна.

Но почему он все-таки не заметил его раньше?

Пуаро взял предмет, прикинул его вес, внимательно осмотрел его, переложил из руки в руку, занес для удара…

В комнату, сопровождаемая двумя псами, обычным вихрем ворвалась Морин. И спросила своим певучим и дружелюбным голосом:

— Привет! Развлекаетесь с сахароколкой?

— Эта штука так называется? Сахароколка?

— Да. Сахароколка… или сахарный молоток… не знаю точного названия. Забавная штуковина, да? Еще и птичка наверху — прямо детская игрушка.

Пуаро неторопливо повертел в руках эту кухонную утварь. Эдакая медная безделушка в форме тесака, тяжелая, с острой режущей кромкой. Там и сям утыкана цветными камешками, небесно-голубыми и красными. Наверху — легкомысленная пташка с бирюзовыми глазками.

— Небось такой штучкой кого-нибудь убить — одно удовольствие, — заявила она беззаботно. И, забрав молоток у Пуаро, нанесла удар по какой-то точке в пространстве. — До жути просто, — сделала она вывод. — Как там у Теннисона[188] в «Королевских идиллиях»? «Настал мой час! — так Марк воскликнул и череп раскроил ему». А что, этой штуковиной ничего не стоит раскроить череп, верно?

Пуаро взглянул на нее. Улыбчивая безмятежность — ничего другого он не прочел на ее веснушчатом лице.

Она добавила:

— Я уж сказала Джонни, что его ждет, если он мне надоест хуже черта. В супружеской жизни — штучка незаменимая!

Она засмеялась, положила молоток для колки сахара на место и повернулась к двери.

— Я ведь за чем-то сюда шла. — Она застыла в раздумье. — Не могу вспомнить. Вот голова садовая! Ладно, пойду посмотрю на пудинг, может, надо долить воды в кастрюлю.

Но Пуаро остановил ее вопросом:

— Вы эту штуку привезли с собой из Индии?

— Нет-нет, — возразила Морин. — Я ее купила под Рождество, на П и П.

— П и П? — озадаченно переспросил Пуаро.

— «Приноси и покупай», — охотно разъяснила Морин. — В доме приходского священника. Приносишь вещи, которые тебе не нужны, ну и что-то покупаешь. Если найдешь что-то не совсем ужасное. На самом деле ничего для тебя нужного там нет. Я купила это, да еще кофейник. У кофейника мне носик понравился, а у молотка — птичка, просто загляденье.

Она показала на небольшой кофейник из чеканной меди. Искривленный носик-хоботок… где-то он такой уже видел?

— По-моему, они из Багдада, — припомнила Морин. — Если

не путаю, Уэтерби сказали именно так. А может, из Персии[189].

— Так они вам достались от Уэтерби?

— Да. У них жуть сколько всякого барахла. Все, побежала. Пудинг надо проверить.

Она вышла. Хлопнула дверь. Пуаро еще раз взял сахароколку и подошел с ней к окну.

На кромке острия виднелись — едва заметные, выцветшие, но все-таки виднелись — пятнышки.

Пуаро удовлетворенно кивнул.

Секунду поколебавшись, он забрал молоток и унес к себе в комнату. Там аккуратно упаковал его в коробку, завернул в бумагу, перевязал и со свертком под мышкой спустился вниз и вышел из дому.

Можно не волноваться — исчезновения сахароколки никто не заметит. Про этот дом не скажешь, что все в нем разложено по полочкам.

3

В Лэбернемсе своим чередом — со скрипом — шла совместная работа.

— Дорогая, что за прихоть — делать из него вегетарианца? Получится какой-то тип со странностями. И уж никак не романтический герой, — настаивал Робин.

— А что я могу поделать, — упрямилась миссис Оливер. — Он всю жизнь был вегетарианцем. Он возит с собой специальную машинку, чтобы натирать сырую морковь и репу.

— Но, Ариадна, драгоценная вы моя, почему?

— Откуда я знаю? — раздраженно огрызнулась миссис Оливер. — Откуда я знаю, почему я произвела на свет Божий такого мерзкого типа? Наверное, у меня ум зашел за разум. Почему вообще он финн? Я ни черта не знаю о Финляндии. Почему вегетарианец? Почему у него такие идиотские манеры? Уж так вышло — вот и все объяснение. Испробуешь что-то — а людям понравится; ты, окрыленная, дуешь дальше. И не успеешь оглянуться, как ты уже повязана по рукам и ногам — и будь любезна, всю жизнь терпи возле себя какого-то кошмарного Свена Хьерсона. А люди пишут письма — ах-ах, вы, наверное, от него без ума. Я от него без ума? Да попадись мне в жизни этот сухопарый и долговязый финн-вегетарианец под руку — быть убийству, да такому, какого в моих книгах еще не было.

Робин Апуорд посмотрел на нее взглядом, полным уважения:

— Знаете, Ариадна, а мысль, право, недурна. Подлинный

Свен Хьерсон — и счеты с ним сводите вы. Такая книга запросто может стать вашей лебединой песней — но опубликовать ее надо после вашей смерти.

— Э, нет! — взбунтовалась миссис Оливер. — А деньги? Все деньги, что мне причитаются за мои убийства, я хочу получить сейчас.

— Да. Разумеется. Тут я полностью с вами согласен.

С обеспокоенным видом драматург принялся ходить взад-вперед.

— И еще с этой Ингрид незадача, — сказал он. — Сцену в подвале мы сделали — пальчики оближешь, но как после нее сохранить напряжение в следующей сцене — ума не приложу.

Миссис Оливер промолчала. Что касается сцен, пусть голова болит у Робина Апуорда.

Робин метнул на нее взгляд, в котором читалось недовольство.

В то утро, охваченная новым настроением (такое с ней случалось часто), миссис Оливер вдруг внезапно разочаровалась в своей прическе — распущенные волосы надоели. Обмакнув щетку в воду, она яростно пригладила седые завитки. Высокий лоб, массивные очки, суровый взор — теперь она еще больше напоминала Робину его школьную учительницу, перед которой он трепетал все отроческие годы. Он чувствовал, что ему все труднее обращаться к ней «дорогая», его передергивало даже от «Ариадны».

Тоном капризного ребенка он произнес:

— Знаете, что-то я сегодня не в форме. Может, вчерашний ужин сказывается. Так что давайте оставим наши писания и подумаем об актерах. Если бы удалось заполучить Дэниса Кэллори, о лучшем нечего и мечтать, но он сейчас занят на съемках. А Джин Беллиус подошла бы нам на Ингрид — и она хочет сыграть эту роль, уже хорошо. И совершенно гениальная идея — пригласить Сесила на роль Эрика. Поедем вечером на «Отщепенца»? Поглядите на Сесила и скажете мне, что вы о нем думаете.

Миссис Оливер ухватилась за это предложение, и Робин пошел звонить.

— Порядок, — доложил он, вернувшись. — Билеты будут.

4

Утро выдалось многообещающим, но посулы так и остались посулами. Неизвестно откуда набежали тучи, день притих, вот-

вот грянет дождь. Пробираясь через густой кустарник к входной двери Хантер-Клоуз, Пуаро подумал: не хотел бы он жить в этой впадине у подножия холма. Сам дом был скрыт за деревьями, разросшийся плющ пленил все садовые дорожки. Тут бы пройтись с топором.

С топором? Или с сахароколкой?

Он позвонил, не дождался ответа — позвонил еще раз.

Дверь открыла Дейдри Хендерсон. Она явно удивилась.

— О-о, — сказала она, — это вы.

— Можно зайти? Я хочу поговорить с вами.

— Я… да, что ж, заходите.

Она провела его в небольшую полутемную гостиную, где он недавно сидел в ожидании. На каминной полке он тотчас опознал старшего брата небольшого кофейника, какой стоял у Морин. Его огромный искривленный хобот-ютов в этой маленькой на западный манер комнатке был главным, словно намекая на некую восточную свирепость.

— К сожалению, — извиняющимся тоном сказала Дейдри, — у нас сегодня неприятности на домашнем фронте. Наша служанка — она немка — от нас уходит. Прожила тут всего месяц. Похоже, она согласилась у нас работать, потому что хотела сюда переехать — у нее в Англии жених. А теперь у них все решилось, и сегодня она уезжает.

Пуаро прищелкнул языком:

— Довольно бесцеремонно с ее стороны.

— Вы тоже так считаете, да? Отчим говорит, она просто не имеет права. Может, и не имеет, но что тут поделаешь — она выходит замуж, а дальше ей хоть трава не расти. Мы бы вообще ничего не знали — я случайно увидела, что она собирает свои вещи. А то просто ушла бы из дому, никому не сказав и слова.

— Увы, в наше время бесцеремонность — вещь нередкая.

— Да, — уныло согласилась Дейдри. — Наверное.

Тыльной стороной ладони она потерла лоб.

— Я устала, — призналась она. — Очень устала.

— Понимаю, — учтиво произнес Пуаро. — Немудрено.

— Вы что-то хотели, мосье Пуаро?

— Я хотел спросить у вас про сахарный молоток.

— Сахарный молоток?

Она непонимающе посмотрела на него.

— Такая медная штуковина, с птичкой, инкрустированная голубыми, красными и зелеными камешками, — старательно объяснил Пуаро.

— А-а, да, знаю.

Но никакого интереса или оживления в ее голосе не

послышалось.

— Верно ли, что раньше он был здесь?

— Да. Мама купила его на базаре в Багдаде. Мы его вместе с другой утварью отнесли в дом священника на распродажу.

— «Приноси и покупай»?

— Да. Такие распродажи у нас часто бывают. Доход идет церкви. Отдавать деньги просто так желающих все меньше, а избавиться от ненужного старья вроде и не жалко. А кто-то его, глядишь, и купит.

— Значит, до Рождества этот молоток был здесь, в этом доме, а потом вы отдали его для торгов «Приноси и покупай». Верно я говорю?

Дейдри нахмурилась:

— Отдали, только не под Рождество. До этого были другие торги. В честь праздника урожая.

— Праздник урожая? Это когда же? В октябре? В сентябре?

— В конце сентября.

В комнатке воцарилась тишина. Пуаро смотрел на девушку, она смотрела на него. Не лицо, а море в штиль — никаких всплесков, никакой ряби, никакого волнения. Кроется там что-то или нет, за этой стеной вялости и апатии? Может, и нет. Может, она и вправду просто устала…

Он спросил спокойно, но настойчиво:

— Вы уверены, что это были торги в честь праздника урожая? А не под Рождество?

— Уверена.

Глаза ее, не мигая, смотрели на него. Эркюль Пуаро ждал. Ну, дальше, дальше… Но того, чего он ждал, не последовало. Тогда, уже официальным тоном, он произнес.

— Не смею вас больше задерживать, мадемуазель.

Она проводила его до двери.

И вот он уже снова шел вниз по дороге.

Итак, два взаимоисключающих заявления. Одно с другим — ну просто никак…

Кто же говорит правду? Морин Саммерхэй или Дейдри Хендерсон?

Если сахароколка — орудие убийства, вопрос этот принципиальный. Праздник урожая отмечают в конце сентября. Рождество — известно когда. А в промежутке, двадцать второго ноября, убили миссис Макгинти. И кому же в это время принадлежала сахароколка?

Он отправился на почту Миссис Толк, всегда готовая помочь, и на этот раз оказалась на высоте. Да, она была на обоих торгах. И на всех предыдущих. Там можно наткнуться на какую-нибудь

симпатичную вещицу. Она, кстати, помогала все раскладывать для продажи. Правда, почти ничего не присылали заранее — люди приносили с собой, что хотели отдать, а заодно приценивались к тому, что принесли другие.

Медный молоток, похожий на топорик, с цветными камешками и птичкой? Нет, такого она не припомнит. Вещей, надо сказать, натащили множество, была настоящая неразбериха, и многое выхватывали в ту же секунду. Впрочем: погодите, что-то такое и вправду было, да, и поставили за пять шиллингов с кофейником в придачу, кофейник-то был с дыркой, так что не попользуешься, только как украшение. А вот когда все происходило — этого она не помнит. Может, под Рождество, а может, и раньше. Как-то не отложилось в памяти…

Она приняла к отправке сверток, принесенный Пуаро. Отправить заказной почтой? Да.

Она записала адрес, и Пуаро заметил, беря квитанцию, что в ее черных живых глазах мелькнула искорка интереса.

Пуаро, размышляя на ходу, неторопливо зашагал в гору.

Скорее всего, ошибается Морин Саммерхэй — мозги у нее слегка набекрень, никогда ничего не помнит, суматошная и смешливая. Ей что урожай, что Рождество — один черт.

Дейдри Хендерсон — медлительная, неловкая, должна ориентироваться в пространстве и времени куда точнее.

Все так. Но занозой торчал в мозгу один вопрос. Незаданный.

Он из нее пытался что-то вытянуть, но она даже не поинтересовалась: зачем вам надо это знать? Ведь естественный вопрос, он же просто напрашивался!

Но Дейдри Хендерсон его не задала.

Глава 15

1

— Вам кто-то звонил! — крикнула Морин из кухни, едва Пуаро вошел в дом.

— Звонил? Кто же?

Действительно, кто?

— Не знаю. Я черкнула номер на продовольственной книжке.

— Спасибо, мадам.

Он открыл дверь в гостиную и подошел к столу. Среди кучи бумаг отыскал продовольственную книжку — прямо возле телефона. На ней было написано: *Килчестер 350.*

Подняв трубку, он набрал номер.

Женский голос мгновенно ответил:

— «Бритер и Скаттл».

Тугодумом Пуаро никогда не был.

— Можно попросить мисс Мод Уильямс?

После небольшой паузы женское контральто произнесло:

— Мисс Уильямс слушает.

— Говорит Эркюль Пуаро. Вы мне звонили?

— Да… да, звонила. Насчет собственности, о которой мы с вами вели речь в прошлый раз.

— Собственности? — Секунду Пуаро соображал. Потом понял: Мод просто неудобно говорить. Кто-то стоит или сидит рядом, а раньше, когда звонила ему, она была в кабинете одна.

— Если я вас правильно понимаю, вы звонили на счет Джеймса Бентли и убийства миссис Макгинти.

— Правильно. Мы можем для вас что-нибудь сделать?

— Вы хотите помочь. Вам сейчас неудобно говорить?

— Совершенно верно.

— Ясно. Слушайте внимательно. Вы действительно хотите помочь Джеймсу Бентли?

— Да.

— Не пойдете ли вы в услужение к людям? Возможно, семейный климат в этой семье не самый благоприятный.

— Пойду.

— Вы можете освободиться от работы? Чтобы приехать, скажем, завтра?

— О да, мосье Пуаро. Думаю, мы сможем это уладить.

— Вы поняли, что я вам предлагаю? Вы будете жить в семье, домработницей. Готовить умеете?

В голосе послышалось легкое удивление:

— Еще как!

— Mon Dieu[190], да вы просто находка! Значит, так, я сейчас же выезжаю в Килчестер. Встретимся в том же кафе, где мы беседовали в ваш обеденный перерыв.

— Да, конечно.

Пуаро повесил трубку.

Что же, достойная восхищения молодая особа. Сообразительная, толковая, самостоятельная… и даже неплохая повариха…

Не без труда он откопал местную телефонную книжечку — на ней покоился трактат о разведении свиней — и посмотрел номер телефона Уэтерби.

Трубку сняла миссис Уэтерби.

— Алло, алло! Это мосье Пуаро… Вы, наверное, помните меня, мадам?..

— Боюсь, что..

— Мосье Эркюль Пуаро.

— Ах да, разумеется… Простите. У нас тут неприятности на домашнем фронте…

— Именно поэтому я вам звоню. Узнав о ваших трудностях, я изрядно огорчился.

— Надо же быть такой неблагодарной! Эти иностранцы… Мы же ей проезд оплатили, и вообще. Терпеть не могу неблагодарности.

— Да-да. Искренне вам сочувствую. Это просто чудовищно — поэтому спешу сказать, что, возможно, смогу вам помочь. По чистой случайности у меня на примете есть молодая женщина, которая желает пойти в услужение. Боюсь, правда, что она не все умеет…

— Кто теперь все умеет? Но, по крайней мере, она готовит? А то ведь многие и не готовят.

— Да… да, кулинар она хороший. Тогда я вам ее пришлю? Пусть поначалу на время. Ее зовут Мод Уильямс.

— О, мосье Пуаро, пожалуйста, присылайте. Вы так любезны. Лучше что-нибудь, чем ничего. Муж у меня такой привереда, страшно сердится на мою дорогую Дейдри, когда что-то в хозяйстве не так. Где мужчинам понять, как в наши дни все достается… я…

Она умолкла на полуслове — кто-то вошел в комнату, и, хотя она прикрыла трубку рукой, ее приглушенный голос все же достиг ушей Пуаро:

— Это тот маленький детектив… он знает кого-то, кто сможет заменить Фриду… Нет, не иностранка… англичанка, слава Богу.

Очень мило с его стороны, надо же, какой заботливый… Дорогая, только не возражай. Какая тебе разница? Сама знаешь, как Роджер кипятится… Он так любезен… думаю, она нас вполне устроит.

Убрав руку, миссис Уэтерби заговорила елейным голоском:

— Огромное вам спасибо, мосье Пуаро. Мы вам бесконечно благодарны.

Пуаро положил трубку и взглянул на часы.

Потом отправился на кухню.

— Мадам, к обеду меня не ждите. Мне надо съездить в Килчестер.

— Слава тебе Господи, — обрадовалась Морин. — А то я пудинг проморгала. Вода выкипела, и он, подлый, подгорел Вообще-то он вышел ничего, только с горчинкой. Я уж решила — если покажется невкусно, открою банку малинового варенья, она у меня с прошлого лета сохранилась. Сверху оно немножко заплесневело, но сейчас говорят, что это не страшно, даже полезно — ведь это живой пенициллин[191].

Пуаро вышел из дому довольный — Бог уберег его от подгоревшего пудинга с пенициллиновым вареньем. Импровизации Морин Саммерхэй — штука опасная, лучше он перекусит в «Синей кошке» — макароны, заварной крем, оливки.

2

В Лэбернемсе возникла небольшая перепалка.

— Разумеется, Робин, когда ты работаешь над пьесой, ты вообще ни о чем не помнишь.

Робин был полон раскаяния:

— Мадре, прости меня Христа ради. Начисто вылетело из головы, что у Дженит сегодня свободный вечер.

— Ладно, не важно, — холодно буркнула миссис Апуорд.

— Очень даже важно. Я позвоню в театр и скажу, что мы приедем завтра.

— Ни в коем случае. Договорились на сегодня, вот и поезжайте.

— Но как же…

— Никаких разговоров.

— Давай я попрошу Дженит, пусть сегодня посидит, а в другой вечер мы ее отпустим.

— Отпадает. Она терпеть не может, когда ее вынуждают менять свои планы.

— Уверен, она не будет возражать. Если я ее как следует…

— Ни о чем ее не надо просить, Робин. Ты ей только испортишь настроение. И хватит об этом. Чувствовать себя занудной старухой, которая отравляет удовольствие другим, — это мне совсем не по нраву.

— Мадре, ты просто прелесть…

— Ну хватит — идите и развлекайтесь. Я знаю, кто разделит мое одиночество.

— Кто же?

— Это моя тайна. — Миссис Апуорд снова повеселела. — Не суетись, Робин.

— Я позвоню Шиле Рендел.

— Я сама позвоню кому надо, спасибо. Все уже договорено. Перед уходом свари кофе, перелей в кофейник и поставь на мой столик, чтобы осталось только подогреть. И еще чашечку принеси — вдруг придется попотчевать гостя.

Глава 16

Пуаро и Мод Уильямс обедали в кафе «Синяя кошка». Великий сыщик давал последние указания.

— Вы поняли, что именно следует искать?

Мод Уильямс кивнула.

— На работе договорились?

Она засмеялась:

— У меня серьезно захворала тетушка! Я сама себе послала телеграмму.

— Прекрасно. И вот еще что примите к сведению. По этой деревне разгуливает убийца. Ощущение не из самых приятных.

— Вы меня предупреждаете?

— Да.

— Я в состоянии о себе позаботиться, — заверила его Мод Уильямс.

— Эти слова следует отнести в разряд «крылатых», — пошутил Эркюль Пуаро.

Она снова засмеялась, смех был искренний, веселый. Кое-кто за соседними столами повернул в их сторону голову.

Пуаро поймал себя на том, что оценивающе к ней присматривается. Полная сил и уверенная в себе молодая женщина, живая и энергичная. Она рвалась в бой, жаждала взять на себя опасную миссию. Что ею движет? Перед его мысленным взором возник Джеймс Бентли — вялый безжизненный голос, потухший взгляд. Да, природа — штука прелюбопытная.

— Вы ведь сами мне это предложили? Зачем же теперь отговариваете? — сказала Мод.

— Я обязан четко объяснить вам, на что вы идете.

— Не думаю, что мне угрожает опасность. — Голос Мод звучал уверенно.

— Я тоже пока так не думаю. В Бродхинни вас кто-нибудь знает?

Мод задумалась.

— Пожалуй… Да, кое-кто знает.

— Вы там бывали?

— Пару-тройку раз… по делам фирмы, конечно… последний раз относительно недавно — пять месяцев назад.

— Кого вы там видели? Где были?

— Я приезжала к одной старушке… миссис Карстерс… или Карлайл… точно не помню. Она покупала небольшой участок земли здесь, неподалеку, и я привезла ей разные бумаги, документ, составленный землемером; надо было задать какие-то

вопросы. Она останавливалась там же, где и вы, — дом для приезжих или что-то в этом роде.

— Лонг-Медоуз?

— Он самый. Довольно убогое пристанище… от собак некуда деваться.

Пуаро кивнул.

— А миссис Саммерхэй или майора Саммерхэйя вы видели?

— Миссис Саммерхэй видела. Наверное, это была она. Она провела меня наверх. Та старая дама, этакая развалюшечка, принимала меня в постели.

— Миссис Саммерхэй вас запомнила?

— Едва ли. А хоть и запомнила, невелика беда. Ну и что, я решила сменить работу, сейчас этим никого не удивишь. Вообще-то она на меня и не посмотрела. Такие ни на кого не смотрят.

Мод Уильямс сказала это с легким порицанием.

— Кого-нибудь еще вы в Бродхинни видели?

Мод неохотно призналась:

— Да, мистера Бентли.

— Ага, мистера Бентли. Случайно.

Мод чуть поерзала в кресле.

— Честно говоря, нет, я послала ему открытку. Если уж совсем честно, даже попросила его о встрече. Идти там, конечно, некуда. Дыра дырой. Ни тебе кафе, ни кино. Ну в общем… мы просто поболтали на автобусной остановке. Пока я ждала обратного автобуса.

— Это было до того, как убили миссис Макгинти?

— О да. Буквально за несколько дней. Помню, вскоре об этом затрубили все газеты.

— Мистер Бентли когда-нибудь говорил с вами о своей домовладелице?

— Как будто нет.

— А еще с кем-нибудь вы в Бродхинни разговаривали?

— Я… только с мистером Робином Апуордом. Я слышала, как он выступал по радио. А тут вижу, выходит из дома собственной персоной — я узнала его по фотографии, — я подошла и попросила его дать мне автограф.

— И он дал?

— О да, с большой охотой. Записной книжки у меня с собой не было, но я выудила из сумки какой-то листок, и он тут же его подмахнул.

— Еще кого-то из Бродхинни вы знаете — хотя бы в лицо?

— Ну конечно, Карпентеров. Они в Килчестер наезжают часто. У них шикарная машина, миссис Карпентер всегда в шикарных туалетах. Месяц назад она открывала ярмарку.

Говорят, он будет нашим новым членом парламента.

Пуаро кивнул. Потом вытащил из кармана конверт, который всегда носил с собой. Разложил на столе четыре фотографии.

— Вы узнаете кого-нибудь… Что случилось?

— Вон мистер Скаттл. Видите, выходит отсюда. Надеюсь, он нас не заметил. Было бы нежелательно. Ведь о вас здесь говорят… что вас прислали сюда прямо из Парижа, из полиции — «Сюрте»[192] или что-то в этом роде.

— Вообще-то я не француз, а бельгиец, но это не важно.

— Так что у вас за фотографии? — Она наклонилась над столом, чуть прищурилась. — Какие-то старинные, правда?

— Самой старой из них тридцать лет.

— Забавно смотреть на моду прошлых лет. Женщины в этих старинных одеждах выглядят такими глупыми.

— Вы их раньше видели?

— Вас интересует, узнаю я кого-то из этих женщин или видела ли эти фотографии?

— То и другое.

— Вот эта кажется мне знакомой. — Палец ее остановился на фотографии Джейнис Кортленд в шляпе-колпаке. — То ли попадалась мне в какой-то газете, то ли еще где… только не помню когда. И эту девчонку, кажется, видела. Но когда? Вроде и не очень давно.

— Все эти фотографии были напечатаны в «Санди компэниэн» в последнее воскресенье перед убийством миссис Макгинти.

Мод резко вскинула голову:

— Они имеют к этому какое-то отношение? И поэтому вы хотите, чтобы я… — Она смолкла.

— Да, — сказал Эркюль Пуаро. — Именно поэтому.

Он вытащил из кармана еще что-то и показал ей. Это была статья из «Санди компэниэн».

— Вот, прочитайте.

Она стала внимательно читать. Ее голова в золотистых локонах склонилась над малюсенькой вырезкой. Она подняла на него глаза:

— Вот, значит, они кто? Вы это прочитали, и это натолкнуло вас на какие-то мысли?

— Точнее не скажешь.

— Но я все равно не понимаю… — Она задумалась.

Пуаро молчал. Даже если собственные мысли его вполне устраивали, он всегда с готовностью внимал мыслям кого-то другого.

— Вы полагаете, кто-то из них сейчас живет в Бродхинни?

— Это вполне возможно.

— Да, разумеется. Мало ли кого и куда забрасывает судьба… — Она ткнула пальцем в хорошенькое жеманное личико Евы Кейн. — Ей сейчас должно быть уже порядочно — примерно столько, сколько миссис Апуорд.

— Примерно.

— Я подумала… если она была такой женщиной… у многих мог быть на нее зуб.

— Это лишь точка зрения, — медленно произнес Пуаро. — Да, точка зрения. — Потом добавил: — А дело Крейга вы помните?

— Кто же его не помнит?! — воскликнула Мод Уильямс. — Ведь он стоит в музее мадам Тюссо![193] Я тогда была совсем девчонкой, но газеты и по сей день поминают это дело — для сравнения Прямо незабываемая история!

Пуаро метнул на нее быстрый взгляд.

Откуда вдруг такое раздражение в голосе?

Глава 17

Миссис Оливер, совершенно ошарашенная, пыталась как-то затеряться в углу крошечной театральной гардеробной. Но с ее габаритами разве затеряешься? Наоборот, она еще больше бросалась в глаза. Вокруг нее, стирая полотенцами грим с лица, так и роились бравые молодцы и то и дело навязывали ей теплое пиво.

Доброе расположение духа вернулось к миссис Апуорд довольно быстро, и она благословила их перед уходом Робин позаботился о том, чтобы все необходимое было у матушки под рукой, и, уже сев в машину, пару раз возвращался в дом — нанести последние штрихи.

Когда он уселся за руль окончательно, на лице его поигрывала ухмылка:

— Мадре уже звонит по телефону, а кому — так мне и не сказала. Вот старая шалунья! Но я и сам знаю.

— Я тоже, — откликнулась миссис Оливер.

— И кому, по-вашему?

— Эркюлю Пуаро.

— И я о нем подумал. Решила из него что-нибудь выудить Мадре обожает всякие тайны. Ладно, дорогая, насчет сегодняшнего спектакля. Вы должны мне сказать, как вам понравится Сесил — только, чур, честно — и таким ли вы видите Эрика…

Разумеется, Сесил Лич не имел ничего общего с Эриком, каким его видела миссис Оливер. Это было типичное не то. Сам спектакль доставил ей удовольствие, но после него пришлось «пообщаться с актерами», и это было для нее сущей мукой.

Зато Робин чувствовал себя в своей тарелке. Ухватив Сесила за грудки (по крайней мере миссис Оливер показалось, что это был Сесил), он трещал без умолку. Совсем не приняв Сесила, миссис Оливер отдала предпочтение некоему Майклу, который как раз занимал ее какой-то безобидной болтовней Майкл, во всяком случае, не ждал от нее ответных излияний, собственно говоря, он предпочитал монолог. Некто Питер изредка встревал в их беседу, но хлипкий ручеек, в котором перемывались чьи-нибудь косточки, все-таки тек по воле Майкла.

— …Это так мило со стороны Робина, — говорил он. — Мы так его упрашивали, так приглашали! Нет, мы понимаем, он же под каблуком этой кошмарной женщины, да еще под каким! Ходит перед ней на задних лапках. Но человек на диво талантливый, правда? Робин очень талантливый. Возлагать

такого на материнский алтарь — это просто грех! Ох эти женщины! Многие из них — настоящие чудовища. Знаете, как миссис Апуорд обошлась с несчастным Алексом Роскоффом? Сначала вцепилась в него мертвой хваткой и не выпускала целый год, а потом узнала, что никакой он не русский эмигрант. Понятное дело, он ей плел всякую всячину, расписывал свою прошлую жизнь, мы знали, что все это брехня, но, в конце концов, что тут такого, ей же с ним было весело. И тут она выясняет, что он всего-навсего сын портного из Ист-Энда[194], и в ту же секунду его бросает… Нельзя же быть таким снобом, верно, дорогая? Вообще-то Алекс был даже рад, что отделался от нее. Говорил, иногда она на него прямо ужас наводила, думал, у нее не все дома. А эти вспышки гнева! Робин, дорогой, мы как раз вашу замечательную мать вспоминаем. Жаль, что она не смогла приехать. Зато вы привезли миссис Оливер — это королевский подарок. Ее убийства просто прелесть.

Пожилой мужчина с низким гулким голосом схватил миссис Оливер за руку; ладонь его оказалась горячей и липкой.

— Как мне вас благодарить? — воскликнул он проникновенным, полным меланхолии голосом. — Вы спасли мне жизнь — и не однажды.

Потом все вышли на свежий воздух и перебрались в «Конскую голову», где легкие возлияния и театральные пересуды успешно были продолжены.

Наконец пришло время ехать домой. Миссис Оливер изрядно устала. В машине она откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. У Робина же, наоборот, открылось второе дыхание — он трещал как сорока.

— …вам тоже кажется, что это отличная мысль, верно? — закончил он.

— Что?

Миссис Оливер вскинулась, распахнула глаза.

Оказывается, она забылась в ностальгическом сне о доме. На стенах — чучела экзотических птиц, украшения из листьев, рабочий стол, пишущая машинка, черный кофе, повсюду яблоки… Какое блаженство — ты предоставлен сам себе, никому ничего не должен… Какое блаженство! Писателю незачем вылезать на свет Божий из своей тайной цитадели. Писатели — народ робкий, не очень общительный, не умея приноровиться к жизни в обществе, они изобретают себе спутников и говорят их устами.

— Вы, кажется, устали, — заметил Робин.

— Не сказала бы. Просто я не очень схожусь с людьми, вот и все.

— Я людей обожаю, а вы? — счастливо проворковал Робин.

— Нет, — твердо ответила миссис Оливер.

— Не может быть. В ваших книгах столько людей!

— Это другое. Я предпочитаю деревья, от них веет таким покоем.

— А я без людей не могу, — преподнес Робин как очевидный факт. — Они меня вдохновляют.

Они подъехали к воротам Лэбернемса.

— Идите в дом, — распорядился он. — А я сначала поставлю машину.

Миссис Оливер, как обычно, с трудом выбралась и зашагала по дорожке.

— Дверь не заперта, — напомнил Робин.

Так оно и оказалось. Миссис Оливер толкнула дверь и вошла в дом. Свет не горел — не очень-то любезно со стороны хозяйки. Или это она из соображений экономии? Богатые — они нередко такие экономные. В холле улавливался запах духов, каких-то экзотических и дорогих. На секунду миссис Оливер даже засомневалась — не в чужой ли дом она зашла? Потом нащупала выключатель и повернула рычажок.

Квадратный холл, обшитый дубовыми досками, озарился светом. Дверь в гостиную была приоткрыта, и в проеме она увидела ногу. Значит, миссис Апуорд спать так и не ушла. Она заснула в кресле, и, судя по тому, что свет был выключен, заснула давно.

Миссис Оливер подошла к двери и включила свет в гостиной.

— Мы вернулись, — начала она и тотчас осеклась.

Рука ее метнулась к горлу. Там словно застрял тугой ком, и в нем увяз крик, бессильно рвущийся наружу. Она лишь сдавленно пробормотала:

— Робин… Робин…

Вскоре она услышала его шаги — насвистывая, он шел по дорожке, — быстро обернулась и побежала к входной двери встретить его.

— Не входите туда… не входите. Ваша мама… она… она умерла… по-моему… ее убили…

Глава 18

1

— Чисто сработано, ничего не скажешь, — пробормотал инспектор Спенс.

Его и без того красное, крестьянское лицо побагровело от гнева. Он перевел взгляд на Эркюля Пуаро, тот сидел напротив и строго внимал ему.

— Чисто, но до чего мерзко! — продолжал он. — Ее задушили шелковым шарфом. Ее собственным, он был на ней — кто-то оплел его вокруг ее шеи, перекрестил концы и потянул. Чисто, быстро, по-деловому. Таким способом убивали своих жертв разбойники в Индии. Никакой борьбы, никакого крика, зажимается сонная артерия — и все.

— Такой способ убийства известен далеко не каждому.

— Как сказать… но из этого ничего не следует. Об этом вполне можно где-нибудь прочитать. А практической трудности никакой. Тем более если жертва ни о чем не подозревает — как оно и было в нашем случае.

Пуаро кивнул.

— Да, с убийцей она была знакома.

— Безусловно. Они вместе пили кофе — одна чашка перед ней, другая перед ее… гостем. С чашки гостя отпечатки пальцев стерли самым тщательным образом, а вот с помадой оказалось сложнее — едва заметные следы все-таки остались.

— Выходит, это женщина?

— Разве вы ждали другого?

— Не ждал. Конечно, я полагал, что это женщина.

Спенс продолжал:

— Миссис Апуорд узнала кое-кого на этих фотографиях — это было фото Лили Гэмбл. Получается, тут есть связь g убийством миссис Макгинти.

— Да, — согласился Пуаро. — Связь с убийством миссис Макгинти тут есть.

Он вспомнил озорной огонек, блеснувший в глазах миссис Апуорд, когда она декламировала.

Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, да там и осталась
С жизнью своею рассталась. А как?
Высунулась сильно, как я, вот так!

Спенс продолжал:

— Она воспользовалась благоприятной, как ей показалось, возможностью — ее сын и миссис Оливер отправлялись в театр. Она позвонила этой особе и пригласила ее зайти. Вы ведь так себе это представляете? Решила поиграть в детектива.

— Похоже. Ею двигало любопытство. Что-то она знала, держала это при себе и решила выведать побольше. Ей и в голову не приходило, что все может кончиться печально. — Пуаро вздохнул. — Для многих убийство — просто игра. Увы, это далеко не игра. И я сказал ей об этом. Но она не захотела меня слушать.

— Не захотела, теперь нам это известно. Что ж, все сходится. Когда молодой Робин перед самым отъездом забежал в дом, его мать как раз заканчивала телефонный разговор. И не захотела сказать Робину — с кем. Напустила таинственности Робин и миссис Оливер решили, что она звонила вам.

— Если бы это был я, — сокрушенно произнес Эркюль Пуаро. — Но кому она все-таки звонила? Узнать это никак нельзя?

— Как узнаешь? Вся связь у нас автоматическая.

— А служанка не может помочь?

— Нет. Она вернулась примерно в половине одиннадцатого — у нее свой ключ от задней двери. Прошла прямо в комнату — возле кухни — и легла спать. Света в доме не было, она решила, что миссис Апуорд уже спит, а остальные еще не приехали. — Спенс добавил: — Она глухая и с причудами. Что творится вокруг, ее не сильно волнует, да и работой она, как я понимаю, особенно себя не утруждает, зато поворчать — тут она первая.

— Верной и преданной дому ее не назовешь?

— Совсем нет. У Апуордов она всего пару лет.

В дверь просунулась голова полицейского.

— Сэр, вас хочет видеть молодая дама, — объявил он. — Говорит, ей нужно вам что-то рассказать. Насчет вчерашнего вечера.

— Насчет вчерашнего вечера? Пусть войдет.

Вошла Дейдри Хендерсон. Бледное лицо напряжено, как обычно, неуклюжая и неловкая.

— Я решила, лучше прийти к вам, — сказала она. — Если только не отрываю вас от важных дел, — добавила она извиняющимся голосом.

— Нисколько не отрываете, мисс Хендерсон.

Спенс поднялся и пододвинул ей стул. Она уселась и распрямила спину — эдакая школьница, гадкий утенок.

— Вы хотели что-то рассказать насчет вчерашнего вечера, — подбодрил ее Спенс. — Насчет миссис Апуорд?

— Да. Неужели правда, что ее убили? Мне и на почте сказали, и булочник. А мама говорит, быть такого не может… — Она смолкла.

— Боюсь, ваша мама, к сожалению, ошибается. Миссис Апуорд действительно убили. Итак, вы хотели сделать… хотели нам что-то рассказать.

Дейдри кивнула.

— Да, — сказала она. — Видите ли, я там была.

Весь облик Спенса как-то неуловимо изменился. С одной стороны, манеры его стали совсем мягкими и вкрадчивыми, с другой — он весь как-то подобрался, принял официальный вид.

— Вы были там, — повторил он. — В Лэбернемсе. В котором часу?

— Точно не скажу, — смутилась Дейдри. — Примерно между половиной девятого и девятью. Может, около девяти. Во всяком случае, после ужина. Понимаете, она мне позвонила.

— Миссис Апуорд вам позвонила?

— Да. Она сказала, что Робин и миссис Оливер уехали в театр в Калленки, что весь вечер она будет дома одна и приглашает меня составить ей компанию и посидеть за чашечкой кофе.

— И вы согласились?

— Да.

— И вы… пили с ней кофе?

Дейдри покачала головой:

— Нет, я подошла к дому… постучала в дверь. Но никто не ответил. Тогда я сама открыла и вошла в холл. Там было совсем темно, и в гостиной света не было, это я еще с улицы увидела. Ну, я удивилась. Позвала ее два или три раза, но она не

откликнулась. Ну, я решила, тут какая-то ошибка.

— Какая же именно?

— Я подумала, может, она вместе с остальными уехала в театр.

— И не предупредила вас?

— Мне тоже это показалось странным.

— А ничего другого вам в голову не пришло?

— Ну, я еще подумала, может, это Фрида что-нибудь не так передала. С ней такое бывает. Как-никак иностранка. А тут она как раз вещи паковала — собиралась уезжать, — вот, может, в спешке что-нибудь и напутала.

— И как вы поступили, мисс Хендерсон?

— Ушла, и все.

— Вернулись домой?

— Да… не сразу. Сначала я немножко прогулялась. Была чудесная погода.

Некоторое время Спенс просто молчал, глядя на нее. Даже не на нее, заметил Пуаро, а на ее рот.

Затем, словно освободившись от чар, деловито сказал:

— Что ж, спасибо, мисс Хендерсон. Вы правильно сделали, что рассказали нам об этом. Мы чрезвычайно вам признательны.

Он поднялся и пожал ей руку.

— Я и сама думала, что надо рассказать, — призналась Дейдри. — А мама была против.

— Даже сейчас?

— А я решила — надо рассказать.

— Вы поступили правильно.

Он проводил ее к выходу и вернулся.

Сел, побарабанил пальцами по столу и взглянул на Пуаро.

— Помады на губах не было, — объявил он. — Или это только сегодня?

— Нет, не только. Она вообще ею не пользуется.

— В наши дни? Как-то странно.

— Она вообще девушка странная. Неразвитая.

— И никаких духов, насколько я могу судить. А миссис Оливер говорит, что сразу учуяла запах духов — к тому же дорогих, — едва вошла в дом. И Робин Апуорд это подтверждает. Во всяком случае, мать его такими духами не пользовалась.

— Я думаю, эта девушка вообще не душится, — предположил Пуаро.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Спенс. — Она похожа на капитана хоккейной команды из старорежимного женского колледжа… Только ей, насколько я могу судить, уже под тридцать.

— Примерно так.

— Значит, запоздалое развитие?

Пуаро задумался.

— Дело не только в этом…

— Тут что-то не стыкуется, — хмуро вымолвил Спенс. — Ни помады, ни запаха духов. К тому же мать у нее самая настоящая, а из матери Лили Гэмбл вышибли дух в пьяной драке в Кардиффе[195], когда девочке было всего девять лет… так что вряд ли Дейдри Хендерсон может быть Лили Гэмбл. Но вчера вечером миссис Апуорд звонила именно ей — от этого никуда не денешься. — Он потер переносицу. — Да, есть над чем поломать голову.

— А что говорит медицина?

— Большой ясности они не внесли. Полицейский врач наверняка утверждает только одно: к половине десятого она уже была мертва.

— То есть к тому времени, когда к Лэбернемсу подошла Дейдри Хендерсон?

— Возможно, если девушка говорит нам правду. Либо она говорит нам правду, либо… либо это очень крепкий орешек. Она сказала, что мать не пускала ее к нам. Это не наводит вас на какие-нибудь мысли?

Пуаро задумался.

— Как будто нет. Со стороны матери это естественная реакция. Ее мать из тех, кто старается избежать всяких неудобств и сомнительных ситуаций.

Спенс вздохнул:

— Итак, Дейдри Хендерсон была на месте преступления. Возможно, кто-то побывал там до нее. Женщина. Женщина, которая пользуется помадой и дорогими духами.

Пуаро пробурчал:

— Вам придется провести расследование…

— Я его уже провожу, — перебил его Спенс. — Пока без лишнего шума. Иначе можно кого-то вспугнуть. Чем занималась вчера вечером Ив Карпентер? Чем занималась вчера вечером Шила Рендел? Десять против одного, что они просто сидели у себя дома. Карпентер, насколько мне известно, был на каком-то собрании.

— Ив, — задумчиво произнес Пуаро. — Мода на имена меняется, не правда ли? Вряд ли сегодня встретишь имя Ева. А Ив — имя вполне популярное.

— Дорогие духи ей по карману, — как бы рассуждая вслух, сказал Спенс.

Он вздохнул.

— Нужно как следует покопаться в ее прошлом. Муж погиб на войне — очень удобная версия. Объявляешься где угодно, эдакая печальная вдовушка, скорбящая по какому-нибудь храбрецу летчику. Ни у кого духа не хватит о чем-нибудь тебя расспрашивать.

Он перевел разговор на другую тему:

— Этот сахарный молоток, или как там его — то, что вы мне прислали, — думаю, тут вы попали в десятку. Это орудие убийства в деле миссис Макгинти. Доктор говорит, что такой удар вполне мог быть нанесен этим молотком. К тому же на нем — следы крови. Вымыть-то его вымыли, да не все знают, что даже крошечное количество крови можно выявить — если применить новейшие реагенты. И мы точно выяснили — на молотке была человеческая кровь. Но эта нить опять ведет нас к семейству Уэтерби и этой девице Хендерсон. Или нет?

— Дейдри Хендерсон сказала без капли сомнения: сахарный молоток был ими отдан на распродажу «Приноси и покупай» в честь праздника урожая.

— А миссис Саммерхэй абсолютно уверена, что дело было под Рождество?

— Миссис Саммерхэй ни в чем и никогда не уверена абсолютно, — мрачно сказал Пуаро. — Она очаровательная особа, но в делах ее, в том, как она ведет хозяйство, отсутствует какой-либо порядок. Кроме этого, могу засвидетельствовать — а я живу в Лонг-Медоуз и знаю, — двери и окна в этом доме всегда нараспашку. Кто угодно, свой или чужой, может войти и что-то забрать, а потом преспокойно положить на место, и ни майор Саммерхэй, ни миссис Саммерхэй этого даже не заметят. А если она вдруг его хватится, то решит: его взял муж, чтобы разделать кролика или нарубить дров, а он подумает, что она собралась рубить мясо для собак. Никто в этом доме не пользуется той утварью, какой положено, — здесь хватают первое, что попадется под руку, а потом кладут Бог знает куда. И никто ничего не помнит. Будь такая жизнь у меня, я бы, наверное, со всем извелся, а им… им хоть бы хны.

Спенс вздохнул:

— Что ж, во всей этой истории есть один плюс: пока не будет полной ясности, Джеймса Бентли не казнят. Мы уже направили письмо в Министерство внутренних дел. Значит, у нас будет время, которого нам так не хватало.

— Хорошо, — заключил Пуаро, — а я, пожалуй, еще раз встречусь с Бентли — нам ведь теперь кое-что известно.

2

Джеймс Бентли почти не изменился. Разве что немножко похудел да руки стали какими-то беспокойными — в остальном это был тот же человек, тихий и безрадостный.

Эркюль Пуаро говорил, тщательно подбирая слова:

— Появились новые факты. Полиция решила пересмотреть ваше дело. Значит, есть надежда…

Но Джеймс Бентли отнюдь не запрыгал от радости.

— Все равно это ничего не даст. Что нового они могут найти? — сказал он.

— Ваши друзья очень хотят вам помочь.

— Мои друзья? — Он пожал плечами. — Нет у меня друзей.

— Зачем же так? Есть как минимум двое, — уверил его Пуаро.

— Двое друзей? Интересно знать, кто же это?

В голосе его звучало лишь усталое неверие, ответ его словно и не интересовал.

— Во-первых, инспектор полиции Спенс…

— Спенс? Спенс? Полицейский, который скроил против меня дело? Это почти смешно.

— Смеяться тут нечему. Можно только радоваться. Спенс очень проницательный и добросовестный полицейский. И он хочет быть абсолютно уверенным, что за решеткой сидит виновный.

— Он в этом вполне уверен.

— Представьте себе, что нет. И именно поэтому он, как я уже сказал, ваш друг.

— Тоже мне друг!

Эркюль Пуаро выжидательно молчал. И у Джеймса Бентли должны быть черты, присущие любому человеку. И Джеймсу Бентли должно быть свойственно обычное человеческое любопытство.

И правда Джеймс Бентли наконец спросил:

— А кто же второй?

— Второй ваш друг — Мод Уильямс.

Похоже, Джеймс Бентли слышал это имя впервые:

— Мод Уильямс? А кто это?

— Она работала в компании «Бритер и Скаттл».

— А-а… мисс Уильяме.

— Precisement[196], мисс Уильямс.

— Но ей-то что до этого?

Бывали моменты, когда личность Джеймса Бентли казалась Эркюлю Пуаро крайне непривлекательной, и тогда ему искренне хотелось верить в его виновность. Но чем больше Бентли его раздражал, тем ближе ему становилась точка зрения Спенса. Ему

все труднее было представить, что Бентли способен на убийство. Скорее всего, Джеймс Бентли считает, что убивать бессмысленно — этим все равно ничего не изменишь. Если дерзость и наглость, как настаивал Спенс, присущи любому убийце, Бентли, безусловно, убийцей не был.

— Мисс Уильяме проявляет интерес к делу, — сказал Пуаро, стараясь не горячиться. — Она убеждена, что вы невиновны.

— Но что она может о нем знать?

— Она знает вас.

Джеймс Бентли моргнул, потом недовольно проворчал:

— Ну, знает чуть-чуть, но совсем немного.

— Вы вместе работали, да? Случалось вместе обедать?

— Ну… да… раз или два. В кафе «Синяя кошка», очень удобно, оно прямо через дорогу.

— А никогда вместе не прогуливались?

— Вообще-то однажды было. Поднялись на вершину холма, побродили.

И Эркюль Пуаро не сдержался:

— Ma foi[197], ну почему я должен это вытягивать из вас клещами? Прогуляться в обществе хорошенькой девушки — разве это преступление? Разве это не естественно? Не приятно? Вас это должно возвышать в собственных глазах!

— Не вижу причины, — сказал Джеймс Бентли.

— В вашем возрасте наслаждаться женским обществом — вполне естественно и правильно.

— У меня и девушек знакомых почти нет.

— Ca se voit![198] Но вы должны стыдиться этого, нашли чем бахвалиться! По крайней мере, мисс Уильямс вы знали. Вы с ней работали, разговаривали, иногда вместе обедали, а однажды даже отправились вместе на прогулку по холму. И вот я говорю вам о ней, а вы даже не помните, как ее зовут!

Джеймс Бентли вспыхнул:

— Видите ли… у меня насчет девушек своего опыта мало. Но ведь она не из тех, кого называют «леди», верно? Нет, очень милая, очень… но, боюсь, моей маме она бы показалась простоватой.

— Важно то, что думаете о ней *вы*.

Джеймс Бентли снова вспыхнул.

— Взять ее прическу, — сказал он, — или как она одевается. Мама, конечно, была человеком старых понятий… — Он не договорил.

— Но вам-то мисс Уильямс казалась… как бы лучше сказать… симпатичной?

— Она всегда была очень добра, — растягивая слова,

произнес Джеймс Бентли. — Но не совсем… если честно… не совсем меня понимала. Ее мама умерла, когда она была совсем ребенком.

— А потом вы лишились работы, — вступил Пуаро. — Найти другую было не так просто. Однажды вы, если не ошибаюсь, встретились с мисс Уильямс в Бродхинни?

Джеймс Бентли явно смутился:

— Да… да. Она приезжала туда по делу и заранее послала мне открытку. Чтобы я ее встретил. Ума не приложу, зачем ей это понадобилось. Не так уж близко мы были знакомы.

— Но вы с ней встретились?

— Да. Зачем обижать человека?

— И пошли с ней в кино? Или пообедать?

Джеймс Бентли был шокирован:

— Нет, что вы! Ничего такого не было. Мы… просто поговорили на остановке, пока она ждала свой автобус.

— Несчастная девушка, наверное, получила массу удовольствия.

Джеймс Бентли резко бросил:

— У меня совсем не было денег. Вы об этом забываете. Совсем.

— Да, конечно. Ведь это было за несколько дней до убийства миссис Макгинти?

Джеймс Бентли кивнул. Потом неожиданно добавил:

— Да, был понедельник. А ее убили в среду.

— Хочу спросить вас еще кое о чем, мистер Бентли. Миссис Макгинти читала «Санди компэниэн»?

— Да, читала.

— А вы когда-нибудь эту газету открывали?

— Она мне иногда ее предлагала, но я почти всегда отказывался. Моя мама такие газеты не признавала.

— Значит, последний перед ее убийством номер «Санди компэниэн» вы не видели?

— Нет.

— И миссис Макгинти ничего вам о том номере не говорила, о том, что в нем напечатано?

— Говорила, — неожиданно заявил Джеймс Бентли. — Можно сказать, взахлеб.

— О-ля-ля! Говорила, да еще и взахлеб. Что же она говорила? Только поточнее. Это важно.

— Ну, я теперь точно не помню. Там была статья про какое-то старое дело об убийстве. Кажется, дело Крейга… а может, и не Крейга. Во всяком случае, она сказала: кто-то, замешанный в том деле, сейчас живет в Бродхинни. Она прямо захлебывалась. Я

даже не понял, почему она так разволновалась.

— А она сказала, кто именно… живет в Бродхинни?

Джеймс Бентли неуверенно ответил:

— По-моему, это женщина, у которой сын пишет пьесы.

— Она назвала ее по фамилии?

— Нет… я… это ведь так давно было…

— Умоляю вас — сосредоточьтесь. Вы ведь хотите вернуться на свободу?

— На свободу? — Бентли даже удивился.

— Да, на свободу.

— Я… ну да, конечно…

— Тогда вспоминайте! Что сказала миссис Макгинти?

— Ну… что-то вроде «вся из себя довольная да гордая. А гордиться особенно и нечем, если все выйдет наружу». И что, мол, по фотографии никогда не скажешь, что это она и есть. Ну, понятное дело, снимок-то совсем старый.

— Но почему вы решили, что речь шла именно о миссис Апуорд?

— Даже не знаю… Откуда-то взялось такое впечатление. Перед этим она говорила о миссис Апуорд… мне было неинтересно, я отвлекся… а потом… вот сейчас пытаюсь вспомнить и не могу точно сказать, о ком шла речь. Миссис Макгинти вообще была болтушкой.

Пуаро вздохнул.

— Лично я считаю, что речь шла не о миссис Апуорд. Миссис Макгинти имела в виду кого-то другого. Какая нелепость — попасть на виселицу из-за того, что, разговаривая с людьми, ты был невнимателен… А миссис Макгинти рассказывала вам о домах, где она работала, о своих домохозяйках?

— Вообще-то бывало… но спрашивать меня об этом — пустое дело. Вы не хотите понять, мосье Пуаро, что я в то время был занят собственной жизнью, собственными проблемами. Я тогда был весь на нервах.

— На нервах! Сейчас у вас для этого гораздо больше причин! Вспомните, говорила ли миссис Макгинти о миссис Карпентер — тогда она была миссис Селкирк — или о миссис Рендел?

— Карпентер? Это у которого новый дом на вершине холма и шикарная машина? Он был обручен с миссис Селкирк… да, миссис Макгинти всегда эту миссис Карпентер чихвостила. Не знаю почему. «Выскочка» — вот как она ее называла. Что она этим хотела сказать, не знаю.

— А Ренделы?

— Он доктор, да? Про них она, кажется, ничего особенного не говорила.

— А Уэтерби?

— О них помню. — Джеймс Бентли был явно доволен собой. — «Все ей вынь да положь, вечно с какими-то дурацкими прихотями» — вот что она говорила. А про него: «Никогда слова не дождешься, ни доброго, ни грубого». — Он помолчал. — «Счастье в этом доме и не ночевало» — так она говорила.

Эркюль Пуаро поднял голову. На секунду в голосе Джеймса Бентли зазвучали нотки, каких Пуаро раньше не слышал. Бентли не просто послушно повторял то, что диктовала ему память. На какой-то короткий миг его мозг вышел из состояния апатии. Джеймс Бентли думал о Хантер-Клоуз, о жизни в этом доме, о счастье, которое там и не ночевало. Джеймс Бентли, казалось, словно пробудился от тяжелого сна.

Пуаро мягко спросил:

— Вы их знаете? Мать? Отца? Дочь?

— Не очень. И то благодаря силихемтерьеру. Собака попала в капкан. Хозяйка не могла ей помочь. Я ее вызволил.

В голосе Бентли опять прозвучали новые нотки. «Я ее вызволил». В этих словах пусть слабым отзвуком, но все-таки слышалась гордость.

Пуаро вспомнил, что поведала ему миссис Оливер о своем разговоре с Дейдри Хендерсон.

И негромко произнес:

— А с хозяйкой собаки вы говорили?

— Да. Она… рассказала мне, что ее мать очень страдает. Она свою мать очень любит.

— А вы рассказали ей про вашу маму?

— Да, — просто ответил Джеймс Бентли.

Пуаро молчал. Он ждал.

— Жизнь очень жестокая штука, — сказал Джеймс Бентли. — И очень несправедливая. На долю некоторых совсем не достается счастья.

— Возможно, — уклончиво заметил Эркюль Пуаро.

— Не думаю, что она очень счастлива. Мисс Уэтерби.

— Хендерсон.

— Ах да. Она сказала, что у нее отчим.

— Дейдри Хендерсон, — сказал Пуаро. — Печальная Дейдри. Красивое имя — только сама девушка некрасивая, на мой взгляд.

Джеймс Бентли вспыхнул.

— А мне она показалась довольно симпатичной… — пробормотал он.

Глава 19

— Ты слушай, что я тебе говорю, — наставляла миссис Толк.

Эдна шмыгнула носом. Она уже давно внимала миссис Толк. И этот бесполезный разговор шел не по первому кругу. Миссис Толк перепевала одно и то же на разные лады, а иногда повторяла себя дословно. Эдна же шмыгала носом, изредка бормотала что-то невнятное, и ее реальный вклад в этот разговор был вот какой: во-первых, не может она, и все тут! Во-вторых, отец с нее шкуру спустит, если узнает.

— Может, и спустит, — согласилась миссис Толк. — Но убийство — это убийство, и ты не имеешь права скрывать то, что видела.

Эдна шмыгнула носом.

— Тебе давно полагалось бы…

Миссис Толк оборвала себя на полуслове, чтобы обслужить миссис Уэтерби, пришедшую купить вязальные спицы и очередную унцию шерсти.

— Что-то вас давно не видно, мадам, — бодрым голосом приветствовала гостью миссис Толк.

— Мне в последнее время все как-то нездоровится, — пожаловалась миссис Уэтерби. — Сердце шалит. — Она тяжело вздохнула. — Приходится много лежать.

— Я слышала, вы взяли новую работницу, — сказала миссис Толк. — Шерсть светлая, поэтому спицы лучше взять темные.

— Да, верно. Она довольно толковая и готовит неплохо, но манеры… А внешность! Волосы покрашены, нелепые джемпера в обтяжку.

— Увы, — поддержала ее миссис Толк. — Искусству прислуживать девушек в наши дни никто не обучает. Моя мама ходила в люди с тринадцати лет, каждое утро поднималась без четверти пять. Она дослужилась до старшей горничной, у нее в подчинении были три девушки. И она выучила их на славу. А сейчас времена не те. Девушек нынче не готовят — им просто дают образование, вон как Эдне.

Обе женщины взглянули на Эдну — та стояла, облокотившись на почтовый прилавок, шмыгала носом и безмятежно посасывала леденец. Если она и являла собой образец образованности, то системе образования это никак не делало чести.

— Какая ужасная история с миссис Апуорд, правда? — подбросила тему миссис Толк, пока миссис Уэтерби выбирала среди разноцветных спиц нужную ей пару.

— Кошмарная, — согласилась миссис Уэтерби. — Мне даже

боялись сказать. А когда сказали, у меня началось жуткое сердцебиение. Я такая чувствительная.

— Для всех нас это было жуткое потрясение, — вздохнула миссис Толк. — На молодого мистера Апуорда было страшно смотреть. Эта дама-писательница не отходила от него ни на шаг, пока не приехал доктор и не дал ему утоляющее или как там его. Ночевать он уехал в Лонг-Медоуз, там решил и пожить какое-то время, возвращаться в коттедж не захотел, и я его вполне понимаю. Дженит Грум, та уехала домой к племяннице, а ключи взяла себе полиция. А дама, что пишет книги про убийства, вернулась в Лондон, но приедет сюда, когда начнется следствие.

Всю эту информацию миссис Толк выдала с большим наслаждением. Она гордилась тем, что всегда хорошо осведомлена. Не исключено, миссис Уэтерби потому и решила обзавестись новыми спицами, что сгорала от желания узнать подробности. Она расплатилась.

— Я так удручена, — сказала она. — Жить в нашей деревне становится просто опасным. Завелся какой-то маньяк. Подумать только, ведь моя доченька в этот вечер выходила из дому, на нее могли напасть, даже убить.

Миссис Уэтерби закрыла глаза и чуть качнулась из стороны в сторону. Миссис Толк наблюдала за ней с интересом, но без тревоги. Открыв глаза, миссис Уэтерби разразилась следующей напыщенной тирадой:

— Надо выставить охрану. Запретить молодежи выходить на улицу с наступлением темноты. Все двери держать запертыми и закрытыми на задвижки. Представляете, миссис Саммерхэй в Лонг-Медоуз двери вообще не запирает. Даже на ночь. Задняя дверь и окно в гостиную у нее распахнуты настежь, чтобы собакам и кошкам было вольготнее. Лично я считаю, что это — полное безумие, а она говорит: у них так всегда, и, если грабители захотят забраться в дом, их все равно не остановишь.

— Наверное, грабителям в Лонг-Медоуз особенно нечем поживиться, — заметила миссис Толк.

Миссис Уэтерби грустно покачала головой и удалилась со своей покупкой.

А миссис Толк и Эдна возобновили свой спор.

— Скрывать истину — да разве это дело, — наставляла миссис Толк. — Добро есть добро, а убийство есть убийство. Скажи правду и посрами дьявола. Вот тебе мой сказ.

— Отец с меня шкуру спустит как пить дать, — стояла на своем Эдна.

— Я поговорю с твоим отцом, — предлагала миссис Толк.

— Нет уж, не надо, — отказывалась Эдна.

— Миссис Апуорд убили, — настаивала миссис Толк. — А ты видела что-то такое, о чем полиция не знает. Ты работаешь в почтовом ведомстве, правильно? Значит, ты — государственная служащая. И должна выполнить свой долг. Ты должна пойти к Берту Хейлингу…

Эдна снова зашмыгала и засопела:

— Нет, к Берту не могу. Как это я пойду к Берту? Мигом вся деревня узнает.

С сомнением в голосе миссис Толк сказала:

— Еще этот джентльмен-иностранец…

— Нет, к иностранцу не могу. Только не к иностранцу.

— Может, здесь ты и права.

У здания почты, взвизгнув тормозами, остановилась легковая машина.

Лицо миссис Толк просияло:

— Майор Саммерхэй приехал. Ему все и расскажи, он тебе подскажет, как поступить.

— Да не могу я, — тянула свое Эдна, но уже не так убежденно.

Джонни Саммерхэй вошел в помещение почты, покачиваясь под тяжестью трех картонных коробок.

— Доброе утро, миссис Толк, — весело приветствовал он ее. — Надеюсь, тут перевеса не будет?

Миссис Толк приняла официальный вид и занялась оформлением посылки. Потом обратилась к Саммерхэйю, который с чинным видом наклеивал марки:

— Извините, сэр. Я бы хотела с вами посоветоваться.

— Да, миссис Толк?

— Вы здесь старожил, сэр, вам виднее, как поступить.

Саммерхэй кивнул. Феодальный дух и по сей день не выветрился из английских деревень — любопытно и трогательно. Лично его жители деревни знали мало, но, поскольку в Лонг-Медоуз жили его отец, дед и неизвестно сколько прадедов, считалось вполне естественным в случае надобности советоваться с ним — уж он-то разберется, как да что.

— Насчет Эдны, — сказала миссис Толк.

Та шмыгнула носом.

Джонни Саммерхэй с сомнением глянул на Эдну. Не скажешь, что эта девушка располагает к себе, никак не скажешь. Прямо какой-то освежеванный кролик. Да и мозгами, похоже, Бог обделил. Неужели ей, что называется, «заделали ребеночка»? Нет, кто же на такую позарится? Да и миссис Толк не стала бы с ним советоваться по такому делу.

— Ну, — любезно откликнулся он. — Что там приключилось?

— Это насчет убийства, сэр. В вечер убийства Эдна кое-что видела.

Джонни Саммерхэй перевел взгляд своих быстрых темных глаз с Эдны на миссис Толк, потом обратно на Эдну.

— И что же вы видели, Эдна? — спросил он.

Эдна засопела. Слово взяла миссис Толк:

— Конечно, до наших ушей долетает всякое. Что-то слухи, а что-то и правда. Но ведь доподлинно известно: какая-то дама в тот вечер пила с миссис Апуорд кофе. Верно я говорю, сэр?

— Да, думаю, что так.

— Уж это-то правда — нам ведь сам Берт Хейлинг сказал.

Элберт Хейлинг — это был местный констебль, Джоанн Саммерхэй хорошо его знал. Говорит медленно, со значением, считает себя важной птицей.

— Приятно, — сказал Саммерхэй.

— Но кто была эта дама — неизвестно, да? Ну вот, а Эдна ее видела.

Джонни Саммерхэй взглянул на Эдну. Поджал губы, словно собираясь свистнуть:

— Вы ее видели, Эдна? Она входила туда или выходила?

— Входила, — сказала Эдна. Приятное ощущение собственной важности вдруг развязало ей язык. — Я-то была на другой стороне дороги, под деревьями. Прямо где поворот в переулок, там темно. И видела ее. Она вошла в ворота, подошла к двери, постояла там немножко… а потом скрылась за дверью.

Лоб Джонни Саммерхэйя разгладился.

— Все правильно, — сказал он. — Это была мисс Хендерсон. Полиции об этом известно. Она сама им все рассказала.

Эдна покачала головой.

— Это была не мисс Хендерсон, — сказала она.

— Нет? Тогда кто же?

— Не знаю. Лица я не видела. Ко мне-то она спиной была, сперва шла по дорожке, потом стояла. Но только это не мисс Хендерсон.

— Как вы можете это утверждать, если не видели ее лица?

— Так у нее волосы были светлые, а у мисс Хендерсон — темные.

Джонни Саммерхэй смотрел на нее с явным недоверием:

— Вчера стояла страшная темень. Разве можно было различить цвет волос?

— А я вот различила. Над крыльцом горел свет. Некому было выключить — мистер Робин и дама, что детективы пишет, в театр уехали. А она прямо под светом и стояла. В темном пальто, без шляпы, а волосы так и блестели. Я все видела.

Джонни присвистнул. Глаза его посерьезнели.

— В котором часу это было? — спросил он.

Эдна шмыгнула носом:

— Чего не знаю, того не знаю.

— Примерно-то знаешь, вот и скажи, — подбодрила ее миссис Толк.

— Ну, девяти еще не было. Я бы колокол с церкви услышала. А половину девятого уже пробило.

— Значит, между половиной девятого и девятью. А внутри она долго оставалась?

— Не знаю, сэр. Ждать-то я больше не стала. И не слыхала ничего. Криков там или стонов, ничего такого. — Эдна даже слегка опечалилась.

Но Джонни Саммерхэй знал — никаких криков и стонов и не должно было быть. Суровым тоном он произнес:

— Что ж, тут сомнений нет. Надо все рассказать полиции.

Ответом были долгие шмыгающие всхлипывания.

— Отец с меня шкуру спустит, — ныла Эдна. — Уж как пить дать.

Она бросила умоляющий взгляд на миссис Толк и мигом скрылась в задней комнате. Миссис Толк уверенно взяла бразды в свои руки.

— Дело вот в чем, сэр, — заговорила она, отвечая на вопросительный взгляд Саммерхэйя. — Эдна ведет себя как последняя дурочка. Отец у нее — человек строгий, может даже чересчур, но в наши дни и не поймешь, как оно лучше. В Каллавоне живет один вполне приличный парень, он за Эдной давно ухаживал, и у ее отца сердце радовалось, но этот Рег, он не особенно расторопный, а девушкам, им, сами знаете, побыстрее охота. Вот Эдна и переметнулась к Чарли Мастерсу.

— Мастерс? Это который работает на ферме Коула?

— Он самый, сэр. Помощник фермера. Так ведь у него жена и двое детей. И ни одну девку не пропустит, развратник этакий. Ну, у Эдны мозги набекрень, чего от нее ждать, а ее отец решил это дело прекратить. И правильно. Так вот, Эдна в тот вечер якобы в Каллавон собралась, в кино сходить с Регом — так она отцу сказала. А на самом деле отправилась на свидание к этому Мастерсу. Вот и ждала его на углу переулка, видно, у них там обычное место. А он возьми и не приди. Может, с женой поцапался и уйти было неудобно, может, наоборот, другую дурочку подцепил, но факт, что не пришел. Эдна ждала ждала, да не дождалась. Ну вот, а теперь поди объясни, чего это она там стояла, вместо того чтобы на автобусе ехать в Каллавон, — неловко ей, ясное дело.

Джонни Саммерхэй понимающе кивнул. Надо же, вроде бы ни рожи ни кожи, а поди ж ты, подцепила сразу двух мужиков, значит, что-то эдакое в ней есть? Но, подавив неуместное любопытство, он перешел к практической стороне дела.

— Значит, она не хочет идти с этим к Берту Хейлингу, — быстро сориентировался он.

— Именно так, сэр.

Саммерхэй ненадолго задумался.

— Боюсь, скрывать это от полиции нельзя, — негромко сказал он.

— И я ей то же самое говорю, сэр, — поддакнула миссис Толк.

— Я думаю, они проявят такт, *учтут*… обстоятельства. Может, ей и не придется давать официальные показания. Она им просто расскажет, что видела, а они возьмут это на заметку. Я могу позвонить Спенсу и попросить его приехать сюда… нет, лучше я заберу вашу Эдну в Килчестер, отвезу на машине. Если она прямо там зайдет в полицейский участок, здесь об этом никто и знать не будет. Я им просто позвоню и предупрежу, что мы приедем.

И вот, после непродолжительного телефонного разговора, шмыгающая носом Эдна, застегнув доверху пуговицы пальто и получив последнее благословение миссис Толк, села в фургон Джонни Саммерхэйя, и машина быстро поехала в сторону Килчестера.

Глава 20

Эркюль Пуаро находился в кабинете инспектора Спенса в Килчестере. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, чуть прикрыв глаза, поигрывая перед собой кончиками пальцев.

Инспектор принял какие-то сообщения, проинструктировал сержанта и наконец перевел взгляд на знаменитого сыщика.

— Вас, никак, осенило, мосье Пуаро? — спросил он.

— Я просто анализирую, — сказал Пуаро, — оцениваю факты.

— Я забыл у вас спросить. Ваша встреча с Джеймсом Бентли — она что-нибудь дала?

Пуаро покачал головой. Потом нахмурился.

Ибо в эту минуту его занимал именно Джеймс Бентли.

Надо же, раздраженно думал Пуаро, в кои веки он предложил свои услуги бесплатно, исключительно из дружбы и уважения к честному и порядочному полицейскому, и именно в таком деле жертва обстоятельств оказалась начисто лишена романтической привлекательности. Ну почему на месте Бентли не миловидная девушка, загнанная в тупик, но совершенно безвинная, не достойный и прямодушный молодой человек, тоже загнанный в тупик, чья голова «хоть и в крови, но не склонилась»[199] — Пуаро пришла на ум строчка, недавно вычитанная им в сборнике английской поэзии. А тут что? Взвалил на себя ношу по имени Джеймс Бентли, случай, можно сказать, патологический, законченный эгоист, сосредоточенный исключительно на своей особе. И ни капли благодарности к людям, которые пытаются его спасти, — ему на их усилия, можно сказать, наплевать.

Так, может, пусть его и повесят, если ему недорога собственная жизнь?

Ну нет, это уж он погорячился…

Инспектор Спенс кашлянул и нарушил эти мысли.

— Наш разговор, — очнулся Пуаро, — оказался, я бы сказал, крайне непродуктивным. Если Бентли и мог вспомнить что-то полезное, он этого не сделал, а что вспомнил, ничего нам не дает — зацепиться не за что, все сплошь туман и неопределенность. Но одно я себе уяснил: статья в «Санди компэниэн» и вправду взбудоражила миссис Макгинти, она рассказала о ней Бентли и даже обмолвилась, что «кто-то, имеющий отношение к этому делу», живет в Бродхинни.

— К какому делу? — быстро переспросил Спенс.

— Тут у нашего друга уверенности нет, — сказал Пуаро. — Он упомянул, правда, дело Крейга, но, поскольку о других он раньше не слышал, не исключено, что в памяти засело именно

это. Но этот «кто-то» — женщина. Тут он даже процитировал слова миссис Макгинти. Ей, мол, «гордиться особенно нечем, если все выйдет наружу».

— Гордиться?

— Mais oui[200]. — Пуаро кивнул, как — бы оценивая проницательность Спенса. — Это слово о многом говорит, верно?

— Но он не назвал ее, эту горделивую даму?

— Представьте себе, назвал: миссис Апуорд. Но, насколько я понимаю, безо всяких на то оснований.

Спенс покачал головой:

— Может, просто потому, что эти черты — горделивая да властная — были ей еще как присущи. Но это не могла быть миссис Апуорд, потому что ее убили, причем убили по той же причине, что и миссис Макгинти, — она узнала женщину на фотографии.

— Я ведь ее предупредил, — с горечью произнес Пуаро.

Спенс раздраженно забубнил:

— Лили Гэмбл! По возрасту у нас кандидатки только две: миссис Рендел и миссис Карпентер. Девицу Хендерсон в расчет не беру — ее прошлое известно.

— А двух других — нет?

Спенс вздохнул:

— Вы ведь знаете, какие нынче дела. Война все и вся перемешала, никаких концов не найдешь. В исправительную школу, где жила Лили Гэмбл, попала бомба, и все документы сгорели дотла. Или взять людей. Проверить прошлое живых людей — труднее задачи не придумаешь. Вот Бродхинни — о ком из местных жителей нам хоть что-то известно? Только о Саммерхэйях, которые живут здесь добрые триста лет, да о Гае Карпентере, он потомственный инженер. А все остальные — как бы это сказать? — весьма неопределенные. Доктор Рендел зарегистрирован в медицинском справочнике, и мы знаем, где он учился, где практиковал, но о корнях его нам не известно ничего. Жена у него откуда-то из-под Дублина[201]. Ив Селкирк — так ее звали, пока она не вышла за Карпентера, — была молоденькой вдовушкой со времен войны. Военная вдовушка — что может быть проще, если надо замести следы? Любая может объявить себя таковой. А возьмите Уэтерби — похоже, они помотались по белу свету, и там были, и сям. А почему? По какой причине? Может, он совершил растрату в банке? Или они как-то оскандалились? Не хочу сказать, что мы не можем как следует покопаться в прошлом. Можем, но на это нужно время. Ведь сам никто ничего тебе не расскажет.

— Им есть что скрывать, но это вовсе не значит, что они кого-

то убили, — заметил Пуаро.

— Разумеется. Мало ли что… кто-то преступил закон, кто-то стесняется незнатного происхождения, кто-то скрывает старый скандал, а то и просто сплетни. Как бы то ни было, люди предприняли немалые усилия, чтобы поглубже закопать свое прошлое, — и выкопать его ох как непросто.

— Но все-таки возможно.

— Конечно, возможно. Но на это, повторяю, нужно время. Я считаю, что, если Лили Гэмбл сейчас в Бродхинни, это либо Ив Карпентер, либо Шила Рендел. Я их допрашивал, сказал им, что это простая формальность. Обе они в вечер убийства были дома, причем одни. Миссис Карпентер была сама невинность, миссис Рендел нервничала, но она, если на то пошло, вообще особа нервная.

— Да, — задумчиво согласился Пуаро. — Она — особа нервная.

Ему вспомнилась сцена в саду в Лонг-Медоуз. Миссис Рендел получила анонимное письмо — по крайней мере, так она сказала. Интересно, что означали те ее слова? Он уже не раз спрашивал себя об этом…

Спенс продолжал:

— И мы должны быть осторожны — даже если одна из них и совершила преступление, другая совершенно невиновна.

— А Гай Карпентер метит в парламент и на местном фоне фигура видная.

— Да, и если он виновен в убийстве или является соучастником, это может выйти ему боком, — мрачно заявил Спенс.

— Это понятно. Только нам надо знать наверняка, ведь так?

— Так. Но ведь вы не станете возражать, что убийца — либо одна, либо другая?

Пуаро вздохнул:

— Стану. Это будет слишком категорично. Возможны другие варианты.

— Какие?

Пуаро отозвался не сразу, и голос его прозвучал почти беззаботно:

— Зачем люди хранят фотографии?

— Зачем? Господь их разберет! Зачем они вообще хранят вещи? Всякое старье, безделушки, хлам? Хранят — и все тут!

— Отчасти я с вами согласен. Кто-то любит хранить вещи. А кто-то, наоборот, тут же все выбрасывает. У Кого какой темперамент. Но я сейчас говорю только о фотографиях. Так вот, зачем все-таки хранят фотографии?

— Ну я же говорю, кто-то вообще ничего не выбрасывает. Или потому, что фотографии напоминают…

Пуаро ухватился за эти слова:

— Именно. Напоминают. А теперь зададим тот же вопрос — зачем? Зачем женщине хранить фотографию своей молодости? Первой и главной причиной я бы назвал тщеславие. Она была хорошенькой, вот и хранит свою фотографию, чтобы помнить, какой хорошенькой она была. И когда зеркало говорит ей непереносимую правду, у нее как-то легче на душе становится, стоит взглянуть на старое фото. Достает она, допустим, такую фотографию, показывает ее подруге и говорит: «Вот какая я была в восемнадцать лет!» — и вздыхает… Согласны?

— Да… да, думаю, вы правы.

— Итак, это причина номер один. Тщеславие. Перейдем к причине номер два. Сентиментальность.

— Разве это не одно и то же?

— Нет-нет, не совсем. Это чувство заставляет тебя хранить не только собственные фотографии, но и чьи-то еще… Фотографию замужней дочери — вот она, малышка, в тюлевой накидке сидит на каминном коврике.

— Встречались мне такие. — Спенс ухмыльнулся.

— Да. Выросших детей такие снимки иногда смущают, а матерям — радость. С другой стороны, сыновья и дочери часто хранят фотографии матерей, особенно, скажем, если мать умерла молодой. «Это моя мама в молодости».

— Я начинаю понимать, куда вы клоните, мосье Пуаро.

— А возможна, я полагаю, и третья категория. Не тщеславие, не сентиментальность, не любовь… что скажете про ненависть?

— Ненависть?

— Да. Чтобы не угасала жажда мести. Кто-то вас здорово обидел — и вот вы, как напоминание, храните у себя фотографии обидчика. Возможно такое?

— Но к нашему делу это явно не относится.

— Так ли явно?

— Что у вас на уме?

Пуаро пробурчал:

— Ошибки в газетных сообщениях — не редкость. В «Санди компэниэн» было написано, что Ева Кейн служила в доме Крейгов гувернанткой. Так оно и было на самом деле?

— Да, так и было. Но разве мы с вами ищем не Лили Гэмбл?

Пуаро внезапно выпрямился в кресле и, назидательно подняв палец, погрозил им Спенсу:

— А вы вглядитесь. Вглядитесь в фотографию Лили Гэмбл. Хорошенькой ее не назовешь — ну никак! Если честно, с этими

зубами, в этих очках она просто уродина. Выходит, по первой причине хранить такую фотографию не стал бы никто. Нет женщины, которая станет хранить такое фото из тщеславия. Ив Карпентер и Шила Рендел — женщины интересные, особенно Ив Карпентер, и, будь это фотография кого-то из них в отрочестве, они немедленно бы разорвали ее на мелкие кусочки — не дай Бог, кто-нибудь увидит!

— Да, в этом что-то есть.

— Значит, первая причина отпадает. Теперь сентиментальность. Любил ли кто-нибудь Лили Гэмбл в том возрасте? В том-то и дело, что никто, и в этом трагедия всей ее жизни. Это был ребенок заброшенный и никому не нужный. Если кто и был к ней добр, так это ее тетка, но она умерла от удара тесаком. Стало быть, сентиментальные соображения тоже отпадают. Как насчет мести? Но и ненавидеть ее было некому. Ее убиенная тетка была женщиной одинокой, без мужа, без близких друзей. Кому было ненавидеть несчастную девчонку из трущоб? Кто-то мог ее разве что пожалеть.

— Слушайте, мосье Пуаро, у вас получается, что держать у себя это фото не мог никто.

— Именно! Рассуждения привели меня как раз к этому выводу.

— Но ведь кто-то держал его у себя. Потому что миссис Апуорд его видела.

— Так уж и видела?

— Черт подери! Вы же сами мне это сказали. А услышали от нее.

— Да, услышал от нее, — согласился Пуаро. — Но покойная миссис Апуорд была во многих отношениях женщиной скрытной. Ей нравилось самой управлять ходом событий. Я показал фотографии, и одну из них она узнала. Но по какой-то причине решила не раскрывать карты до конца. Более того, перетасовать их, запутать положение. Ей так было интереснее. И поэтому, будучи женщиной сообразительной, цепкой, она нарочно указывает не на ту фотографию. И правда не становится достоянием окружающих.

— Но зачем ей это?

— Я же говорю: чтобы разыграть всю партию самой.

— Вряд ли она хотела кого-то шантажировать. Ведь она — богатейшая женщина, вдова промышленника с севера.

— Нет-нет, шантаж тут ни при чем. Скорее это было благодеяние. Скажем, к этой особе она относилась по-доброму и не хотела разглашать ее тайну. Но любопытство есть любопытство. Она решила поговорить с ней наедине. И, улучив

момент, выяснить, имеет ли эта особа отношение к убийству миссис Макгинти. Что-то в этом роде.

— Но тогда три остальные фотографии нельзя сбрасывать со счетов?

— Именно. Миссис Апуорд решила связаться с интересующей нас особой при первой возможности. Она появилась, когда ее сын и миссис Оливер отправились в театр в Калленки. И тут она позвонила Дейдри Хендерсон. Стало быть, Дейдри Хендерсон снова в списке подозреваемых. А заодно и ее мать!

Инспектор Спенс грустно поглядел на Пуаро и покачал головой.

— Вы нарочно все усложняете, мосье Пуаро? — спросил он.

Глава 21

Миссис Уэтерби возвращалась с почты домой, и походка ее была удивительно бойкой для тяжко больного человека.

Но, войдя в дом, она, уже едва волоча ноги, с трудом доплелась до гостиной и рухнула на диван.

Под рукой был звонок, и она нажала на кнопку.

Ничего не произошло, и она позвонила снова, на сей раз не торопясь убирать палец с кнопки.

Вскоре появилась Мод Уильямс. На ней был цветастый комбинезон, в руке она держала щетку для пыли.

— Вы звонили, мадам?

— Звонила, и дважды. Когда я звоню, я жду, что на мой зов откликнутся немедленно. А вдруг у меня опасный приступ?

— Извините, мадам. Я была наверху.

— Знаю. Вы были в моей комнате. Я слышала ваши шаги над головой. Вы выдвигали и задвигали ящики. Интересно знать зачем? Совать нос в мои вещи — это в ваши обязанности не входит.

— И не думала совать нос. Просто убрала в ящики то, что лежало не на месте, навела порядок.

— Вздор. Вы все только и делаете, что шпионите. Я этого не потерплю. Я едва на ногах держусь. Мисс Дейдри дома?

— Она выгуливает собаку.

— Что за недомыслие! Могла сообразить, что может мне понадобиться. Принесите мне взбитое яйцо с молоком, добавьте немного бренди. Бренди стоит в столовой, на буфете.

— В доме осталось только три яйца на завтрак.

— Значит, кто-то обойдется без яйца. Извольте поторопиться. Что вы стоите и пялитесь на меня? На вас слишком много косметики. Здесь она неуместна.

В холле раздался собачий лай, и в гостиную, пропустив выходившую Мод, вместе с силихемтерьером вошла Дейдри.

— Я слышала твой голос, — запыхавшись, проговорила Дейдри. — Ты ее за что-то отчитала?

— Ничего особенного.

— Она была прямо как фурия.

— Я просто поставила ее на место. Будет знать, как дерзить.

— Мамуля, дорогая, ну зачем? Ведь так трудно кого-нибудь найти. А готовит она хорошо.

— А что она со мной нагличает, так это пускай? Ладно, мне уже недолго осталось вас мучить. — Миссис Уэтерби закатила глаза и несколько раз прерывисто вздохнула. — Ну и находилась

же я, — пробормотала она.

— Зачем, дорогая мамочка? Почему не сказала мне, что тебе куда-то надо?

— Решила, что прогулка по свежему воздуху мне не помешает. Тут прямо дышать нечем. Впрочем, какая разница? Если ты для людей обуза, то и жить не хочется.

— Никакая ты не обуза, мамочка. Я без тебя просто умру.

— Ты у меня хорошая, но я же вижу, как я изматываю тебя, как действую тебе на нервы.

— Не говори так… это неправда, — пылко возразила Дейдри.

Миссис Уэтерби вздохнула, и веки ее опустились.

— Мне трудно много разговаривать, — пробормотала она. — Надо полежать спокойно.

— Пойду потороплю Мод, что она там запропастилась с напитком?

Дейдри выбежала из комнаты. В спешке она задела за стол, и бронзовый божок бухнулся на пол.

— До чего неловкая, — буркнула миссис Уэтерби, чуть нахмурившись.

Открылась дверь, и вошел мистер Уэтерби. Минутку постоял молча. Миссис Уэтерби открыла глаза:

— О-о, это ты, Роджер.

— Что тут у вас за гвалт? В доме невозможно спокойно почитать.

— Это всего лишь Дейдри, дорогой. Вернулась с собакой.

Мистер Уэтерби наклонился и поднял с пола бронзовое чудовище.

— До каких пор Дейдри, как малое дитя, будет все сметать на своем пути?

— Просто она немножко неловкая.

— В ее возрасте быть неловкой — это ни в какие ворота не лезет. И неужели она не может унять эту собаку? Псина все время лает.

— Я поговорю с ней, Роджер.

— Раз уж она живет здесь, пусть считается с нашими желаниями, а то ведет себя, будто она здесь одна.

— Ты, наверное, предпочел бы, чтобы она с нами не жила? — пробормотала миссис Уэтерби. Сквозь полуприкрытые веки она наблюдала за мужем.

— Нет, вовсе нет. Конечно нет. Пусть живет с нами, я не против. Только не мешало бы ей иметь чуть больше здравого смысла и чуть больше заботиться об окружающих. — Потом добавил: — Ты куда-то выходила, Эдит?

— Да. Прошлась до почты.

— Насчет этой бедняги, миссис Апуорд, ничего нового?

— Убийцу полиция пока не нашла.

— Похоже, что и не найдет. А мотив какой? Кому достанутся ее деньги?

— Сыну, наверное.

— Да… тогда, скорее всего, это и вправду какой-нибудь бродяга. Скажи этой девице, пусть следит, чтобы входная дверь была всегда заперта. А ближе к сумеркам если будет ее для кого-то открывать, то только через цепочку. С разными бродягами надо ухо востро держать, такое наглое отребье!

— У миссис Апуорд как будто ничего не пропало.

— Странно.

— Не то что у миссис Макгинти, — добавила миссис Уэтерби.

— Миссис Макгинти? А-а! Поденщица. Но что общего между миссис Макгинти и миссис Апуорд?

— Она у нее работала, Роджер.

— Не говори ерунды, Эдит.

Миссис Уэтерби снова закрыла глаза. Когда мистер Уэтерби вышел из комнаты, миссис Уэтерби улыбнулась каким-то своим мыслям.

Потом в испуге открыла глаза — перед ней стояла Мод со стаканом в руках.

— Ваш напиток, мадам, — сказала Мод.

Голос ее звучал громко и четко. Для могильной тишины дома эхо было очень гулким.

Миссис Уэтерби с неосознанным чувством тревоги подняла голову.

Какая она высокая, эта девушка, как распрямлена ее спина. Она стояла над миссис Уэтерби, как… как страшный судия… миссис Уэтерби стало не по себе — что вдруг ей в голову пришло такое жуткое сравнение?

Она приподнялась на локте и взяла стакан.

— Спасибо, Мод, — поблагодарила она.

Мод повернулась и вышла из комнаты.

Ощущение смутной тревоги все не покидало миссис Уэтерби.

Глава 22

1

Наняв машину, Эркюль Пуаро вернулся в Бродхинни.

От непрерывных размышлений у него даже заболела голова. Думать — это всегда утомительное занятие. А тут еще раздумья эти не приносили никаких результатов. Так бывает: в материал вплетен какой-то узор, ты силишься его разглядеть, но ничего не получается.

Но узор есть. В этом все дело. Есть, конечно же. Но до того однотонный, до того неуловимый, что никак его не распознать.

Когда они выехали из Килчестера, навстречу попался фургон Саммерхэйев. За рулем сидел Джонни, рядом еще кто-то, Пуаро едва их заметил, так был поглощен своими мыслями.

Вернувшись в Лонг-Медоуз, он прошел в гостиную и сел в самое удобное кресло, предварительно убрав покоившийся в нем дуршлаг со шпинатом. Сверху доносился негромкий перестук пишущей машинки. Это Робин Апуорд сражался с собственной пьесой. Он признался Пуаро, что три варианта уже разорвал. Никак не удается сосредоточиться.

Что ж, может, он безмерно любил свою мать и был глубоко опечален ее смертью, но все равно остался Робином Апуордом — человеком, для которого собственные интересы превыше всего.

— Мадре, — провозгласил он торжественно, — хотела бы, чтобы я продолжал работать.

Подобные слова Эркюль Пуаро слышал не раз. Это была довольно удобная посылка — мы, мол, только исполняем желание покойника. Безутешные родственники никогда не сомневались относительно сокровенных желаний усопшего, и эти желания обычно не противоречили их собственным намерениям.

Но в данном случае большого греха против истины, скорее всего, не было. Миссис Апуорд искренне верила в талант Робина и, несомненно, гордилась им.

Пуаро откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Он стал думать о миссис Апуорд. Что же она была за человек, эта миссис Апуорд? Ему вдруг вспомнились слова, услышанные им как-то от одного полицейского чина: «Мы разберем его на части и посмотрим, что у него внутри».

Так что же было внутри у миссис Апуорд?

Раздался какой-то грохот, и в комнату влетела Морин Саммерхэй. Волосы ее развевались, будто на сильном ветру.

— Не представляю, что могло случиться с Джонни, — сказала она. — Он поехал на почту получить заказанный товар и уже час, как должен был вернуться. Надо, чтобы он приделал дверь в курятнике.

Истинный джентльмен, с испугом подумал Пуаро, галантно предложил бы свои услуги — где он, этот ваш курятник? Но Пуаро предлагать свои услуги не стал. Он хотел поразмышлять о двух убийствах и о личности миссис Апуорд.

— И не могу найти бланк из Министерства сельского хозяйства, — сокрушалась Морин. — Прямо обыскалась.

— На диване лежит шпинат, — чем мог, помог Пуаро.

Но шпинат в данную минуту Морин не интересовал.

— Этот бланк прислали еще на той неделе, — рассуждала она. — Значит, я его куда-то сунула. Кажется, я как раз штопала Джонни пуловер.

Она кинулась к комоду и начала вытягивать ящики. Почти все содержимое она безжалостно выбрасывала на пол. Наблюдать за ней было для Эркюля Пуаро настоящей пыткой.

Вдруг она издала победный клич:

— Нашла!

И в восторге бросилась вон из комнаты.

Эркюль Пуаро вздохнул и вновь предался размышлениям.

Нужно все упорядочить, разложить по полочкам…

Он нахмурился. Внимание его отвлекла куча предметов, в беспорядке разбросанных по полу. Хороший способ поиска, ничего не скажешь!

Упорядоченно и методично — только так. Тогда будет результат. Упорядоченно и методично…

Он развернул кресло чуть в сторону, но хаос на полу все равно оставался в поле его зрения. Какая-то штопка, носки, письма, шерсть для вязания, журналы, сургуч, фотографии, пуловер…

Нет, это просто невыносимо!

Пуаро поднялся, подошел к комоду и быстрыми ловкими движениями принялся распихивать вещи по открытым ящикам.

Пуловер, носки, шерсть для вязания. Следующий ящик — сургуч, фотографии, письма…

Зазвонил телефон.

Так пронзительно, что Пуаро даже подскочил.

Он подошел к телефону и поднял трубку.

— Алло! Алло! Алло! — произнес он.

Ему ответил голос инспектора Спенса:

— Ага, мосье Пуаро. Вы-то мне и нужны.

Голос Спенса был почти неузнаваем. Тревога и озабоченность

куда-то исчезли, их сменила деловитость, уверенность в себе.

— Ваша история о не той якобы фотографии — чистой воды выдумки, — заявил он с легким упреком, но снисходительно. — У нас есть новые показания. Майор Саммерхэй только что привез сюда работницу почты в Бродхинни. Как я понимаю, в тот вечер она стояла прямо напротив коттеджа Апуордов и видела, как туда вошла женщина. Где-то от восьми тридцати до девяти. Не Дейдри Хендерсон. У женщины были светлые волосы. И стало быть, мы возвращаемся к тому, от чего едва не ушли, — это либо Ив Карпентер, либо Шила Рендел. Вопрос только в том, кто именно.

Пуаро открыл рот, но не произнес ни слова. И аккуратно положил трубку на место.

Какое-то время он стоял, уставившись в пространство невидящим взглядом.

Телефон зазвонил снова.

— Алло! Алло! Алло!

— Можно попросить мосье Пуаро?

— Эркюль Пуаро у телефона.

— Так и поняла. Это Мод Уильямс. На почте через четверть часа.

— Буду.

Он повесил трубку.

Потом взглянул на ноги. Переобуться? Ноги слегка побаливали. Впрочем, ладно — какая разница?

Решительно нахлобучив шляпу, Пуаро вышел из дому.

Он спускался с холма, когда его окликнул один из людей Спенса, только что вышедший из Лэбернемса:

— Доброе утро, мосье Пуаро.

Пуаро вежливо ответил. От его внимания не укрылось, что сержант Флетчер выглядит возбужденным.

— Инспектор послал меня все еще раз проверить, — объяснил он. — Мало ли, вдруг не заметили какую-то важную мелочь? Всяко бывает, правда же? Письменный стол мы, ясное дело, и тогда обшарили, но инспектору взбрело в голову поискать — вдруг там есть потайной ящичек? Начитался небось шпионских историй. В общем, никакого потайного ящичка не оказалось. Но потом я занялся книгами. Иногда люди суют письмо прямо в книгу, которую читают. Вы, наверное, с таким сталкивались?

Пуаро сказал, что сталкивался.

— Вы что-то нашли? — вежливо спросил он.

— Письма или чего-то в этом роде — нет. Но одна находка есть. И как мне кажется, весьма интересная. Посмотрите.

Он развернул обрывок газеты и извлек на свет Божий потертую и обветшавшую книгу.

— Стояла на одной из полок. Старая, издана много лет назад. Но вот посмотрите. — Он открыл чистый лист в начале книги. Карандашом поперек было написано: «Ивлин Хоуп». — Интересно, не правда ли? Ведь это, если вы забыли, имя…

— Имя, которое взяла Ева Кейн, уехав из Англии. Я помню, — сказал Пуаро.

— Получается, миссис Макгинти узнала на фотографии как раз нашу миссис Апуорд? И дело, выходит, усложняется?

— Усложняется, — с нажимом произнес Пуаро. — Смею вас уверить, когда вы принесете инспектору это маленькое вещественное доказательство, он начнет рвать на себе волосы — да, именно рвать.

— Надеюсь, до этого дело не дойдет, — усомнился сержант Флетчер.

Пуаро не ответил. Он пошел дальше вниз по холму. Ему вдруг расхотелось думать. Карточный домик в очередной раз рухнул.

Он зашел на почту. Мод Уильямс уже была там, она разглядывала выкройки для вязанья. Пуаро не стал с ней заговаривать, а прошел к почтовой стойке. Когда Мод расплатилась за покупку, миссис Толк подошла к Пуаро, и он купил у нее марки. Мод вышла на улицу.

Миссис Толк была словно чем-то озабочена. Во всяком случае, заводить разговор не стала. В итоге Пуаро отправился следом за Мод Уильямс довольно быстро. Вскоре он догнал ее и зашагал рядом.

Миссис Толк, наблюдавшая за ним из окна почты, истолковала увиденное по-своему. Она неодобрительно воскликнула:

— Ох уж эти иностранцы! Все бабники, все до одного. Он ей в дедушки годится, а туда же!

2

— Eh bien, — заговорил Пуаро. — Вы хотите мне что-то сказать?

— Не знаю, насколько это важно. Кто-то пытался проникнуть в комнату миссис Уэтерби через окно.

— Когда?

— Сегодня утром. Сама она ушла. Девушка прогуливала собаку. А заплесневелый сухарь, как всегда, торчал у себя в кабинете. Я в это время обычно на кухне — она на другой стороне дома, как и кабинет, — но тут подумала: вот подходящая

возможность… понимаете?

Пуаро кивнул.

— Ну, я прошмыгнула наверх в комнату ее величества Ехидны[202]. И увидела — к окну приставлена лестница и какой-то мужчина пытается открыть задвижку. У нее после убийства все на засовах и на задвижках. Свежего воздуха впустить — ни-ни! Ну, этот человек меня заметил и дал деру, только его и видели. А лестница — садовника, он подстригал плющ и отошел перекусить.

— Кто был этот мужчина? Описать его можете?

— Я видела его только мельком. Пока подлетела к окну, он уже соскочил с лестницы и убежал, а в первую секунду лица я не разглядела — за его спиной было солнце.

— Вы уверены, что это был мужчина?

Мод задумалась.

— Одет он был как мужчина… на голове старая фетровая шляпа. Вообще-то могла быть и женщин а…

— Интересно, — пробурчал Пуаро. — Очень интересно… Еще что-нибудь?

— Пока ничего. А сколько в доме хлама! Эта старуха, должно быть, совсем выжила из ума. Сегодня утром устроила мне выволочку: я, мол, только и знаю, что шпионю. В другой раз я ее пристукну. Если кого и стоит убить, так это ее. Такая мерзкая, что не приведи Господь!

Пуаро пробурчал будто про себя:

— Ивлин Хоуп…

— Почему вы назвали это имя? — встрепенулась она, пристально посмотрев на Пуаро.

— Так оно вам знакомо?

— Ну да… Его взяла эта Ева… как там ее… когда отчалила в Австралию. Об этом… об этом было в газете… «Санди компэниэн».

— В «Санди компэниэн» было много чего, но как раз этого не было. В доме миссис Апуорд полиция нашла книгу, на которой стояло это имя.

Мод воскликнула:

— Так это была она!.. И она там совсем не умерла… Майкл был прав…

— Майкл?

Мод решительно прервала разговор:

— Больше задерживаться не могу. Надо кормить хозяев обедом. Вообще-то у меня все в духовке, но вдруг подсохнет?

И она убежала. Пуаро стоял и смотрел ей вслед.

Миссис Толк, приклеившись к окну почты, недоумевала:

неужели этот иностранец сделал ей предложение известного свойства?..

3

Вернувшись в Лонг-Медоуз, Пуаро разулся и надел шлепанцы. Они не были шикарными, не были, как он считал, comme il faut[203] — зато какое облегчение!

Он снова сел в кресло и принялся напряженно думать. Работы для мозга хватало.

Поначалу он кое-что упустил… некоторые мелочи…

Итак, узор стал наконец-то вырисовываться. Ну-ка, попробуем его оживить…

Морин, со стаканом в руке, мечтательным голосом несет какую-то ахинею… задает вопрос… Миссис Оливер рассказывает о вечере в театре. Сесил? Майкл? Конечно, она называла какого-то Майкла… Ева Кейн, гувернантка у Крейгов…

Ивлин Хоуп…

Конечно же! Ивлин Хоуп!

Глава 23

1

Ив Карпентер вошла в дом Саммерхэйев, как это делали почти все, через первую попавшуюся дверь.

Ей был нужен Эркюль Пуаро, и, найдя его, она не стала ходить вокруг да около.

— Послушайте, — начала она. — Вы детектив и якобы неплохой. Раз так, я вас нанимаю.

— Кто вам сказал, что меня можно нанять? Mon Dieu, я же не таксист!

— Вы частный детектив, а частные детективы работают за деньги, разве нет?

— Да, так принято.

— Я про это и говорю. Я вам заплачу. Хорошо заплачу.

— За что? Что вы хотите мне поручить?

Ив Карпентер резко бросила:

— Чтобы вы защитили меня от полиции. Они совсем спятили. Им взбрело в голову, что эту Апуорд убила я. И теперь лезут ко мне со всякими расспросами, что-то такое вынюхивают. Мне это не нравится. Так человека и до психбольницы довести недолго.

Пуаро взглянул на нее. Доля правды в ее словах явно была. Со дня их первой встречи прошло несколько недель, а постарела она на несколько лет. Круги под глазами — верный признак бессонных ночей. От уголков рта к подбородку побежали морщинки, а когда она закуривала, руки ее сильно дрожали.

— Вы должны это прекратить, — потребовала она. — Должны, и все.

— Мадам, но как это сделать?

— Отгоните их, вам виднее как. До чего обнаглели! Будь Гай мужчиной, он бы сразу это прекратил. Не позволил бы им трепать мое имя.

— А он… ничего не предпринимает?

— Я его об этом не просила, — хмуро ответила она. — Вот он и разглагольствует с надутым видом, что полиции, мол, нужно всячески помочь. Ему хорошо. Он в тот вечер был на каком-то своем дурацком собрании.

— А вы?

— Я просто сидела дома. Слушала радио.

— Но если вы можете доказать…

— Как я могу это доказать? Я предложила Крофтам немалые

деньги, чтобы они сказали: вечером мы почти не отлучались и хозяйка была дома. Так он, неблагодарная свинья, отказался!

— С вашей стороны это был очень неразумный поступок.

— Что тут неразумного? Если бы они не артачились, все бы уладилось.

— Наверное, теперь ваши слуги убеждены, что вы и вправду совершили убийство.

— Ну… я ведь все равно заплатила Крофту за…

— За что?

— Нет, ничего.

— Не забывайте, что вы просите меня о помощи.

— Да так, ничего серьезного. Просто ее приглашение передал мне Крофт.

— Ее? Миссис Апуорд?

— Да. Она пригласила меня прийти к ней вечером.

— А вы отказались?

— А что мне у нее делать? Старая зануда! Идти туда, поглаживать ее по руке — только этого мне не хватало! У меня и в мыслях не было туда идти.

— А когда она позвонила?

— Меня не было. Точно не знаю когда — наверное, где-то от пяти до шести. С ней разговаривал Крофт.

— И вы дали ему деньги, чтобы он забыл про этот телефонный звонок. Но зачем?

— Не задавайте идиотских вопросов. Я не хотела, чтобы меня в это впутывали.

— А потом вы предложили ему деньги, чтоб он сделал вам алиби? Что, по-вашему, теперь думают он и его жена?

— Кому есть дело до того, что они думают?

— Например, это может заинтересовать суд присяжных, — строго предположил Пуаро.

— Вы серьезно? — Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Абсолютно.

— Что же, они поверят прислуге, а не мне?

Пуаро взглянул на нее попристальней.

Какая немыслимая бестактность, какая непроходимая глупость! Эти люди могли бы ей помочь, а она настроила их против себя. Близорукая примитивная политика. Близорукая…

Какие очаровательные большие голубые глаза!

— Почему вы не носите очки, мадам? — ровным голосом поинтересовался он. — Вам они нужны.

— Что? А-а, иногда ношу. В детстве носила.

— И скобы для выравнивания зубов тоже.

Она пристально посмотрела на него:

— Было и такое. А к чему вы это?

— Гадкий утенок превращается в лебедя?

— Да, особой красотой я тогда не блистала.

— Ваша мама тоже так считала?

Она буркнула:

— Маму я не помню. Но что это, черт возьми, за разговор? Беретесь вы за эту работу или нет?

— К сожалению, взяться за нее я не могу.

— Почему?

— Потому что в этом деле я представляю интересы Джеймса Бентли.

— Джеймс Бентли? А-а, это тот полоумный, который пристукнул поденщицу. Но какое отношение он имеет к Апуордам?

— Вполне возможно, что никакого.

— Так в чем же дело? В деньгах? Сколько?

— В этом ваша самая большая ошибка, мадам. Вы все меряете деньгами. Они у вас есть, и вы искренне убеждены, что других ценностей не существует.

— Деньги у меня были не всегда, — сказала Ив Карпентер.

— Не всегда, — согласился Пуаро. — Я и сам так думал. — Он едва заметно кивнул. — Это многое объясняет. И кое-что оправдывает…

2

Миссис Карпентер вышла тем же путем, что и вошла, не вполне уверенно двигаясь на свету; Пуаро вспомнил, что и раньше обращал на это внимание.

Пуаро негромко произнес:

— Ивлин Хоуп…

Итак, миссис Апуорд позвонила и Дейдри Хендерсон, и Ив Карпентер. А может, не только им? Может… В комнату с грохотом влетела Морин:

— Теперь пропали ножницы. Извините, с обедом задержка. В доме трое ножниц, и ни одних не могу найти.

Она бросилась к комоду, и процедура, Пуаро уже столь хорошо знакомая, повторилась. На сей раз поиски увенчались успехом довольно быстро. Взвизгнув от радости, Морин убралась восвояси.

Почти машинально Пуаро подошел к комоду и начал складывать вещи в выдвинутый ящик. Сургуч, писчая бумага,

корзинка для рукоделия, фотографии фотографии…

Он вгляделся в фотографию, которую держал в руке.

Из коридора снова донесся резвый топот.

Пуаро был человеком подвижным, несмотря на возраст. Прежде чем в комнате снова появилась Морин, он успел бросить фотографию на диван, прикрыть ее подушкой и усесться сверху.

— Черт возьми, куда же я сунула дуршлаг со шпинатом?..

— Вон он, мадам.

Он показал на дуршлаг, покоившийся рядом с ним на диване.

— Ага, вот где он, милый! — Она схватила его. — Отстала сегодня на всех фронтах… — Взгляд ее упал на Пуаро, который сидел, вытянувшись в струнку. — Что вы себе такое место выбрали? Хоть и с подушкой, все равно сидеть на этом диване неудобно. Все пружины поломаны.

— Знаю, мадам. Просто я… наслаждаюсь этим полотнам.

Морин перевела взгляд на написанную маслом картину — на ней был изображен морской офицер возле телескопа.

— Да, картина хорошая. Пожалуй, единственная достойная вещь в этом доме. Возможно, это даже Гейнсборо[204]. — Она вздохнула. — Но Джонни ее нипочем не продаст. Это его прапра-, а то и еще какой-то более древний дед, он приплыл на своем корабле и совершил какой-то жутко отважный поступок. Джонни этим страшно гордится.

— Да, — мягко подтвердил Пуаро, — вашему мужу есть чем гордиться!

3

В три часа Пуаро стучался в дверь дома доктора Рендела.

Незадолго до этого он съел жаркое из кролика со шпинатом и недоваренной картошкой, а десерт состоял из какого-то странного пудинга, на сей раз не подгоревшего. Зато, как объяснила Морин, «в нем откуда-то взялась вода». Все это он запил мутным кофе. И чувствовал себя не лучшим образом.

Дверь открыла миссис Скотт, пожилая экономка, и он спросил, можно ли видеть миссис Рендел.

Миссис Рендел сидела в гостиной и слушала радио, приход Пуаро явно застал ее врасплох — встрепенувшись, она поднялась со своего места.

Пуаро помнил, какое впечатление миссис Рендел произвела на него при первой встрече. Настороже, смотрит с опаской, словно боится его или того, что он олицетворяет. Сейчас это впечатление подтвердилось.

Впрочем, с прошлого раза она еще больше побледнела, на лице залегли какие-то тени. Резче обозначились черты.

— Я хочу задать вам один вопрос, мадам.

— Вопрос? Какой же?

— Звонила ли вам миссис Апуорд в день ее смерти?

Она удивленно на него посмотрела, потом кивнула.

— В котором часу?

— Трубку брала миссис Скотт. Часов в шесть, кажется.

— Что миссис Апуорд просила передать? Чтобы вечером вы пришли к ней?

— Да. Она сказала, что миссис Оливер и Робин уезжают в Килчестер, у Дженит выходной и она будет дома одна. Спрашивала, не хочу ли я составить ей компанию.

— На какое время она вас пригласила?

— На девять часов или позже.

— И вы пошли?

— Собиралась. Хотела пойти. Но как-то вышло, что после ужина я нечаянно заснула. А проснулась уже после десяти. Ну и решила, что уже поздно.

— А полиции о звонке миссис Апуорд вы не сказали?

Она сделала большие глаза. Это был взгляд невинного ребенка.

— А что, надо было? Раз я туда не пошла, о чем рассказывать? Я даже чувствовала себя немножко виноватой. Пойди я к ней, может, сейчас она была бы жива. — Она вдруг судорожно вздохнула. — Ужасно, если это именно так.

— Это не совсем так, — уточнил Пуаро.

Чуть помолчав, он спросил:

— Скажите, мадам, чего вы боитесь?

Она снова судорожно вздохнула.

— Чего боюсь? Ничего.

— Нет, боитесь.

— Какая ерунда. Чего… чего я должна бояться?

После долгой паузы Пуаро произнес:

— Мне показалось, что вы боитесь мен я…

Она не ответила. Но глаза ее расширились. Медленно, с каким-то вызовом она покачала головой.

Глава 24

1

— Кажется, я вот-вот созрею для Бедлама[205], — произнес Спенс.

— Ну, не так все плохо, — утешил его Пуаро.

— Что вы меня успокаиваете? Я уже не знаю, куда деваться от этих новых сведений. Все только усложняется. Теперь вы мне говорите, что миссис Апуорд звонила трем женщинам. И всех их пригласила прийти вечером. Но почему трех? Она что, не знала, кто из них Лили Гэмбл? Или Лили Гэмбл тут вообще ни при чем? Ведь на книжке написано «Ивлин Хоуп». Разве из этого не следует, что миссис Апуорд и Ева Кейн — одно лицо?

— И у Джеймса Бентли сложилось такое впечатление после разговора с миссис Макгинти.

— Кажется, он говорил об этом без уверенности.

— Да, полной уверенности не было. Но Джеймс Бентли из тех, кто ни в чем не уверен полностью. Миссис Макгинти он слушал вполуха. И тем не менее, если у Джеймса Бентли сложилось впечатление, что миссис Макгинти вела речь о миссис Апуорд, вполне возможно, что так оно и есть. От впечатлений отмахиваться не стоит.

— По последним сведениям из Австралии (кстати, она уехала именно туда, а не в Америку), интересующая нас «миссис Хоуп» почила там двадцать лет назад.

— Мне об этом уже говорили, — заметил Пуаро.

— Вам, мосье Пуаро, всегда все известно, да?

Пуаро пропустил колкость мимо ушей и продолжал:

— Итак, с одной стороны у нас есть «миссис Хоуп», которая отдала Богу душу в Австралии, а с другой?

— С другой — миссис Апуорд, вдова богатого промышленника с севера. Они жили около Лидса[206], у них родился сын. Вскоре после рождения мальчика муж умер. Мальчик был подвержен вспышкам туберкулеза, и после смерти мужа она в основном жила за границей.

— И когда же началась эта сага?

— Эта сага началась через четыре года после того, как Ева Кейн уехала из Англии. Апуорд познакомился с будущей женой где-то за границей и после свадьбы привез ее домой.

— То есть миссис Апуорд вполне могла быть Евой Кейн. А ее девичья фамилия известна?

— Харгрейвз, насколько я знаю. Но в этом ли дело?

— Вот именно! Ева Кейн, или Ивлин Хоуп, могла умереть в Австралии — а могла инсценировать собственную кончину и возродиться в другом месте под фамилией Харгрейвз и удачно выйти замуж.

— Все это дела давно минувших лет, — сказал Спенс. — Но предположим, что так все и было. Предположим, она сохранила у себя старую фотографию, а миссис Макгинти ее увидела. Тогда напрашивается вывод, что миссис Макгинти была убита именно миссис Апуорд.

— Вам это кажется невозможным? Робин Апуорд в тот вечер выступал на радио. А что говорила миссис Рендел, помните? Она в тот вечер приходила в коттедж Апуордов, но не смогла достучаться. А миссис Толк, со слов Дженит Грум, утверждала, что миссис Апуорд не была такой уж немощной, а больше делала вид.

— Все это очень хорошо, Пуаро, но ведь *ее* убили, причем после того, как она узнала кого-то на фотографии. Или теперь вы станете уверять меня, что эти две смерти одна с другой не связаны?

— Ну зачем же? Очень даже связаны.

— Тогда я сдаюсь.

— Ивлин Хоуп. Вот ключ к решению загадки.

— Ив Карпентер? Вот куда вы клоните? Не Лили Гэмбл — а дочка Евы Кейн? Что же, выходит, она порешила собственную мать?

— Нет-нет. Убийство матери здесь ни при чем.

— Знаете, Пуаро, с вами не соскучишься. Сейчас вы мне скажете, что и Ева Кейн, и Лили Гэмбл, и Джейнис Кортленд, и Вера Блейк — все они окопались в Бродхинни. Все четверо подозреваемых.

— У нас их больше, чем четверо. Помните, Ева Кейн была в доме Крейгов гувернанткой?

— Ну и что?

— Если есть гувернантка, должны быть и дети — хотя бы один ребенок… Куда девались дети Крейгов?

— Если не ошибаюсь, у Крейгов были девочка и мальчик. Их забрали какие-то родственники.

— Ага, вот вам еще двое. Еще двое могли хранить фотографию по третьей из упомянутых мной причин — мести.

— Я в это не верю, — сказал Спенс.

Пуаро вздохнул:

— Пренебрегать этой версией все равно нельзя. Мне кажется, я уже знаю правду, хотя один факт меня крайне озадачивает.

— Рад слышать, что вас хоть что-то озадачивает, — подпустил шпильку Спенс.

— Мне нужно кое-что прояснить, mon cher Спенс. Ева Кейн уехала из Англии до того, как был казнен Крейг?

— Совершенно верно.

— И тогда она ждала ребенка?

— Совершенно верно.

— Mon Dieu! До чего же я глуп, — пробормотал Эркюль Пуаро. — Ведь дело-то — проще не придумаешь, верно?

После этих слов едва не произошло третье убийство — инспектор полиции Килчестера Спенс едва не прикончил великого сыщика Эркюля Пуаро.

2

— Мне нужно, — потребовал Эркюль Пуаро, — позвонить по личному делу. Миссис Ариадне Оливер.

Но дозвониться миссис Оливер оказалось совсем непросто. Миссис Оливер работала и просила ее не отвлекать. Пуаро, однако же, ничего не желал слышать. Наконец на другом конце провода раздался голос писательницы.

Он был сердитым, дыхание — прерывистым.

— Ну, что у вас там? — грозно вопросила она. — Неужели это не могло подождать? Мне пришла в голову блестящая идея для романа — убийство совершается в магазинчике трикотажных изделий. Знаете, такой старомодный магазинчик, где продают трико и всякие забавные вязаные жилеты с длинными рукавами…

— Нет, не знаю, — прервал этот восторженный поток Пуаро. — Во всяком случае, я хочу сообщить вам нечто более важное.

— Едва ли вам это удастся, — усомнилась миссис Оливер. — Может, для кого-то важное, но не для меня. Мне надо немедля набросать план романа, иначе идея улетучится!

Но эти муки творчества не тронули Пуаро. Категоричным тоном он принялся задавать четкие вопросы, на которые миссис Оливер стала давать туманные ответы.

— Да… да… небольшой театр с постоянной труппой… как называется, не помню… Да, одного из них действительно звали Сесил, фамилию не помню, а того, с кем я разговаривала, звали Майкл.

— Великолепно. Это все, что я хотел узнать.

— Но почему вас интересует Сесил и Майкл?

— Мадам, можете спокойно возвращаться к трико и жилетам

с длинными рукавами.

— Не понимаю, почему вы еще не арестовали доктора Рендела, — удивилась миссис Оливер. — Будь я начальником Скотленд-Ярда, я бы давно это сделала.

— Если бы да кабы. Желаю успешного убийства в трикотажном магазинчике.

— Вся идея уже улетучилась, — пожаловалась миссис Оливер. — А по чьей вине? По вашей.

Пуаро принес ей свои глубочайшие извинения. Положив трубку, он с улыбкой взглянул на Спенса:

— Теперь мы поедем — если вы не можете, я поеду один — поговорить с молодым актером по имени Майкл, который занят на второстепенных ролях в театре в Калленки. Уповаю на Бога в надежде, что это тот Майкл, который нам нужен.

— Но за каким, черт подери…

Пуаро, не мешкая, отвел от себя праведный гнев, который готов был выплеснуть на него инспектор Спенс.

— Знаете ли вы, cher ami, что такое secret de Polichinelle?[207]

— У нас с вами что, урок французского? — спросил преисполненный ярости инспектор.

— Secret de Polichinelle — это секрет, который знают все. Но если кто-то про этот секрет ничего не знает, он так и живет в неведении — никто ему об этом секрете не говорит, ибо зачем же говорить об общеизвестном?

— Уму непостижимо, как я вас до с их пор не задушил, — заявил в ответ на эту тираду инспектор Спенс.

Глава 25

Дознание было закончено. Оно признало: миссис Апуорд была убита одним лицом или несколькими лицами.

После дознания по приглашению Эркюля Пуаро все присутствовавшие перебрались в Лонг-Медоуз.

Пуаро с присущим ему тщанием навел в вытянутой гостиной какое-то подобие порядка. Стулья были расставлены аккуратным полукругом, псов Морин хоть и не без труда, но удалось выдворить, и Эркюль Пуаро, взявший бразды правления в свои руки, отошел в конец комнаты и, смущенно прокашлявшись, открыл заседание.

— Дамы и господа…

Он выдержал паузу. А потом, ко всеобщему удивлению — что за нелепость? — продекламировал:

Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, да там и осталась.
С жизнью своею рассталась. А как?
Стоя на колене, как я, вот так!
Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, да там и осталась.
С жизнью своею рассталась. А как?
Вытянув руку, как я, вот так!
Миссис Макгинти с жизнью рассталась,
На небо улетела, да там и осталась.
С жизнью своею рассталась. А как?
Вот так…

Видя озадаченные лица собравшихся, он продолжал:

— Только не сочтите меня сумасшедшим. Да, это считалочка из детской игры, но это вовсе не означает, что я впал в детство. Возможно, в детские годы кто-нибудь из вас тоже играл в эту игру. Миссис Апуорд в нее играла. Она даже повторила мне эти строчки — только с небольшим изменением. Она сказала: «Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, да там и осталась. С жизнью своею рассталась. А как? Высунулась сильно, как я. Вот так!» Да-да, она сказала именно это, именно это она и сделала. Сильно высунулась — и рассталась с жизнью, как и миссис Макгинти…

Чтобы провести наше расследование, давайте вернемся к самому началу — к миссис Макгинти, которая, стоя на коленях,

скребла полы в чужих домах. Миссис Макгинти убили, по подозрению в убийстве был арестован Джеймс Бентли, его судили и приговорили к смертной казни. По некоторым причинам инспектор полиции Спенс, ведший это дело, усомнился в справедливости приговора и виновности Бентли, хотя улик было вполне достаточно. Я с ним согласился. И приехал сюда, чтобы выяснить: как и почему рассталась с жизнью миссис Макгинти?

Не буду занимать ваше внимание долгими и запутанными историями. Скажу лишь, что на след меня навела очень простая вещь: бутылочка чернил. В газете «Санди компэниэн», которую миссис Макгинти прочитала в последнее в своей жизни воскресенье, были напечатаны четыре фотографии. Вам про эти фотографии уже все известно, поэтому скажу лишь, что одну из них миссис Макгинти узнала — такую же она видела в одном из домов, куда ходила убирать.

Она сказала об этом Джеймсу Бентли, но он тогда — да и потом — не отнесся к ее словам серьезно. Он вообще слушал ее вполуха. Однако у него создалось впечатление, что миссис Макгинти видела эту фотографию в доме миссис Апуорд, и, когда она говорила о женщине, которой будет нечем гордиться, если все выйдет наружу, она имела в виду миссис Апуорд. Полагаться на Бентли в этом деле мы не можем, но слова насчет гордости, безусловно, были сказаны, а миссис Апуорд, несомненно, была женщиной горделивой и надменной.

Как всем вам известно — кто-то из вас присутствовал при этом лично, остальные узнали от очевидцев, — я показал эти четыре фотографии в доме миссис Апуорд. Я заметил, что в глазах миссис Апуорд мелькнула искорка удивления — она явно кого-то узнала, — я не преминул сказать ей об этом. Ей пришлось признаться, что так оно и есть. Она видела одну из этих фотографий, только не помнит где — так она сказала. Когда я спросил, о какой фотографии идет речь, она указала на маленькую Лили Гэмбл. Но это, позвольте вам сообщить, было неправдой. По каким-то своим соображениям миссис Апуорд решила пока не обнародовать свое открытие. И показала не на ту фотографию, чтобы отделаться от меня.

Но одного человека она не могла обмануть — *убийцу*. Один человек точно знал, какую именно фотографию узнала миссис Апуорд Я не буду ходить вокруг да около — речь идет о фотографии Евы Кейн, женщины, которая была соучастницей, жертвой, а может быть, и вдохновительницей в нашумевшем деле Крейга.

Назавтра вечером миссис Апуорд была убита. Причина убийства та же, что и в случае с миссис Макгинти. Обе они

высунулись — и их постигла одна участь.

Незадолго до смерти миссис Апуорд в квартирах трех женщин зазвонил телефон. Миссис Карпентер, миссис Рендел и мисс Хендерсон получили приглашение навестить вечером миссис Апуорд. У ее служанки был выходной, а Робин Апуорд вместе с миссис Оливер отправился в Калленки. Логично предположить, что с каждой из этих трех дам она хотела поговорить наедине.

Но зачем говорить с тремя? Знала ли миссис Апуорд, где она видела фотографию Евы Кейн? Или только знала, что видела где-то, а где именно — не помнила? Было ли у этих женщин что-то общее? Пожалуй, ничего, кроме возраста. Каждой из них приблизительно тридцать или около того.

Наверное, все вы читали статью в «Санди компэниэн». Там есть сентиментальные строчки о дочери Евы Кейн, выросшей в счастливом неведении. По своему возрасту каждая из женщин, приглашенных миссис Апуорд, вполне могла быть дочерью Евы Кейн.

Сказанное позволяет предположить, что в Бродхинни живет молодая женщина, дочь знаменитого убийцы Крейга и его любовницы Евы Кейн, можно предположить и другое — женщина эта пойдет на все, чтобы сохранить свою родословную в тайне. Даже на убийство — на два убийства. Ведь когда миссис Апуорд нашли мертвой, на столе стояли две чашки из-под кофе, из обеих явно пили, и на чашке гостя оказались слабые следы помады.

Вернемся к трем женщинам, получившим в тот вечер приглашение навестить миссис Апуорд. Миссис Карпентер говорит, что решила в Лэбернемс не ходить. Миссис Рендел собиралась пойти, но заснула в кресле. Мисс Хендерсон пошла в Лэбернемс, но в доме не было света, достучаться она не смогла и потому вернулась домой.

Так утверждают сами эти женщины, но есть факты, которые противоречат сказанному. Во-первых, имеется вторая чашка со следами помады на ней, во-вторых, у нас есть свидетельница, почтовая служащая Эдна, и она твердо заявляет, что видела, как в дом входила светловолосая женщина. В-третьих, в доме пахло духами — дорогими и экзотическими, какими из названных дам пользуется только миссис Карпентер.

Тут повествование было прервано выкриком Ив Карпентер:

— Это ложь! Злонамеренная и жестокая ложь! Это была не я! Меня там и близко не было. Гай, что ты сидишь и молчишь, когда на меня так гнусно клевещут?

Гай Карпентер побелел от гнева:

— Позвольте напомнить вам, мосье Пуаро, что за клевету

можно пойти под суд и все сидящие здесь — свидетели.

— Я сказал лишь, что ваша жена пользуется определенным сортом духов и определенным сортом помады, если на то пошло, — где же здесь клевета?

— Это чушь! — воскликнула Ив. — Полная чушь! Мои духи там мог разбрызгать кто угодно.

Пуаро неожиданно одарил ее сияющей улыбкой:

— Вот именно! Кто угодно. Не очень изящный ход, но вполне очевидный. Неуклюжий и прямолинейный. Столь неуклюжий, что был достигнут результат, обратный желаемому, — таково мое личное мнение. Скажу больше. Этот ход дал мне, как говорится, пищу для размышлений. Да, пищу для размышлений.

Итак, запах духов и следы помады на чашке. Но удалить помаду с чашки — дело простое, уверяю вас, следы помады уничтожаются очень легко. Кстати, чашки можно было вообще унести и вымыть. Почему бы нет? В доме — ни души. Но этого сделано не было. Возникает вопрос — почему? И вот до чего я додумался: меня пытаются убедить, что это — дело рук женщины, что убийство совершила женщина. Я стал размышлять о телефонных звонках трем женщинам — всем трем приглашение было передано! Ни одна из них не говорила с миссис Апуорд лично. Так, может быть, спросил я себя, им звонила вовсе не миссис Апуорд? А кто-то другой, кто очень хотел вовлечь в это преступление женщину — причем любую. И я опять спросил себя — почему? И нашел только один ответ — миссис Апуорд была убита не женщиной, ее убил мужчина.

Он оглядел аудиторию. Все сидели не шелохнувшись. Лишь двое как-то выразили свое отношение к его словам. Ив Карпентер с облегчением перевела дух:

— Теперь вы говорите дело!

А миссис Оливер, энергично закивав головой, сказала:

— Разумеется.

— К какому же выводу я пришел? Обе женщины — и миссис Апуорд, и миссис Макгинти — были убиты мужчиной! Но кем именно? Причина убийства одна и та же — узнанная фотография. Кому она принадлежала? Это первый вопрос. И почему хранилась?

На второй вопрос ответить, пожалуй, несложно. Допустим, поначалу она хранилась из сентиментальности. После того как миссис Макгинти была… устранена, убийца решил, что уничтожать фотографию вроде бы и незачем. А вот после второго убийства… Тут уже было ясно, что убийство и фотография связаны напрямую. Хранить ее теперь опасно. Поэтому, вы со мной согласитесь, фотографию надо немедленно уничтожить.

Он оглядел собравшихся, и все закивали головами.

— Однако фотография не была уничтожена! Нет, не была! Мне это точно известно, потому что я ее нашел. Нашел несколько дней назад. В этом самом доме. В ящике комода, что стоит у стены. Вот она.

Он извлек из кармана выцветшую фотографию девушки с жеманной улыбкой. В руках — розы.

— Да, — сказал Пуаро. — Это Ева Кейн. На обороте — карандашная надпись. Два слова. Сказать, что там написано? «Моя мама…»

Взгляд его, строгий и обвиняющий, остановился на Морин Саммерхэй. Она откинула волосы со лба и, пораженная, уставилась на него вытаращенными глазами.

— Не понимаю… У меня никогда…

— Конечно, миссис Саммерхэй, не понимаете. Сохранить фотографию после второго убийства — тут могли быть только две причины. Первая — сентиментальность самого невинного свойства. У вас — подчеркиваю, у в а с — чувства вины не было, вот вы и сохранили фотографию. Вы как-то сами сказали в доме миссис Карпентер, что были приемным ребенком. Думаю, вы никогда не знали, каково было имя вашей настоящей матери. Но это знал кто-то другой. Кто-то, для кого семья — нечто незыблемое, предмет гордости, и гордость эта заставляет его жить в доме своих предков, он гордится ими, гордится своей родословной. Человек этот скорее умрет, чем позволит миру — и собственным детям — узнать, что Морин Саммерхэй — дочь убийцы Крейга и Евы Кейн. Человек этот, повторяю, скорее умрет. Только что даст его смерть? И вот вам серьезнейший мотив для убийства.

Джонни Саммерхэй поднялся со своего места. Голос его, когда он заговорил, был спокойным, почти дружелюбным:

— Вам очень нравится пороть чушь, да? Разглагольствуете тут, теоретизируете. Но теория — она теория и есть! Оскорбляете мою жену…

Гнев его вдруг выплеснулся наружу:

— Грязная свинья, черт вас дери…

Он кинулся к Пуаро так стремительно, что никто и слова не успел вымолвить. Пуаро, однако же, проворно отскочил в сторону, и между ним и Саммерхэйем возник невесть откуда взявшийся инспектор Спенс.

— Успокойтесь, майор Саммерхэй, полегче… полегче…

Саммерхэй тотчас взял себя в руки и, пожав плечами, сказал:

— Извините. Но это же бред! В конце концов… сунуть фотографию в ящик мог кто угодно.

— Совершенно верно, — подхватил Пуаро. — Фотография эта интересна еще и тем, что на ней нет отпечатков пальцев.

Он сделал паузу, потом легонько кивнул.

— А ведь они были бы, — продолжал он, — если бы фотография принадлежала миссис Саммерхэй, она ведь хранила бы ее без всякой задней мысли и, естественно, оставила бы на ней свои отпечатки пальцев.

— Вы просто сумасшедший! — перебила его Морин. — Я в жизни не видела этой фотографии — только в тот раз у миссис Апуорд.

— На ваше счастье, — сказал Пуаро, — я знаю, что вы говорите правду. Фотографию подбросили в ящик комода всего за несколько минут до того, как я ее там нашел. В то утро содержимое этого ящика выбрасывалось на пол дважды, дважды я клал вещи на место; в первый раз фотографии среди них не было, а во второй — была. Стало быть, в этот отрезок времени ее и положили — и я знаю, кто это сделал.

В голосе его незаметно возникла новая нотка. Это уже не был смешной человечек с нелепыми усами и крашеными волосами, это был охотник, который чувствовал — преследуемый зверь где-то рядом.

— Оба эти преступления совершил мужчина, и причина, толкнувшая его на убийство, была до смешного простой — деньги. В доме миссис Апуорд найдена книга, на самом первом, пустом листе ее сделана надпись: «Ивлин Хоуп». Хоуп — эту фамилию взяла Ева Кейн, когда уехала из Англии. Если ее подлинное имя было Ивлин, она вполне могла наречь этим именем и своего ребенка. Но Ивлин — имя не только женское, но и мужское. Почему мы решили, что у Евы Кейн родилась девочка? Скорее всего, потому, что так сказано в «Санди компэниэн»! Но в действительности в «Санди компаниэн» ничего такого не сказано, там упоминается дочь, но лишь как следствие сентиментального интервью с Евой Кейн. Между тем Ева Кейн уехала из Англии еще до рождения ребенка. Поэтому никто не мог сказать, мальчик у нее родился или девочка.

Меня и самого это ввело в заблуждение. Надуманная мелодрама — отсюда и вранье в газетах.

Ивлин Хоуп, сын Евы Кейн, приезжает в Англию. Он — человек одаренный и привлекает внимание богатой женщины, которая ничего не знает о его происхождении — лишь придуманную им романтическую историю (история была замечательная, о трагической судьбе молодой балерины, умершей в Париже от туберкулеза!).

Миссис Апуорд, женщина одинокая, недавно потеряла

собственного сына. И вот молодой одаренный драматург берет ее фамилию.

Но на самом деле вы Ивлин Хоуп, не так ли, мистер Апуорд?

— Конечно, не так! — буквально завизжал Робин Апуорд. — Я вообще не понимаю, о чем речь!

— Запираться бесполезно. Есть люди, которые знают вас под этим именем. Имя Ивлин Хоуп в книге написано вашим почерком — тем же почерком на обороте этой фотографии написаны слова: «Моя мама». Миссис Макгинти увидела эту фотографию и надпись на ней, когда разбирала ваши вещи. Прочитав статью в «Санди компэниэн», она сказала вам об этом. Миссис Макгинти решила, что на фотографии изображена миссис Апуорд в молодости, потому что и понятия не имела, что миссис Апуорд — не настоящая ваша мать. Но вам было ясно — если миссис Макгинти начнет болтать и разговор этот дойдет до миссис Апуорд, всему конец. У нее были совершенно фанатичные взгляды на наследственность. Она ни минуты не стала бы терпеть приемного сына, чей отец — прогремевший на всю страну убийца. Не простила бы она и того, что вы ей солгали с самого начала.

Итак, миссис Макгинти надо заставить замолчать — любой ценой. Возможно, вы обещали ей маленький подарок — чтобы держала язык за зубами. Но в следующий вечер по дороге в радиостудию вы заглянули к ней — и убили ее! Вот так…

Резким движением Пуаро схватил с полки молоток для колки сахара и, раскрутив его, с силой опустил вниз, словно нанося сокрушительный удар по голове Робина.

Жест вышел таким зловещим, что несколько человек, сидевших полукругом, вскрикнули.

Закричал и Робин Апуорд. Это был вопль ужаса.

— Не надо!.. Не надо… — взмолился он. — Это вышло случайно. Клянусь, все вышло случайно. Я не собирался ее убивать. Просто потерял голову. Клянусь вам!

— Вы смыли кровь и положили молоток туда, откуда взяли, — в эту самую комнату. Но наука теперь определяет наличие крови новыми методами и выявляет невидимые отпечатки пальцев.

— Говорю вам, я не собирался ее убивать… Все это — чистая случайность… И вообще я не виноват… Я за свои действия не отвечаю. Это у меня наследственное. Помимо моей воли. Вы не можете меня повесить за то, в чем я не виноват…

— Не можем? Еще как можем! — едва слышно пробурчал Спенс.

А вслух произнес строго и официально:

— Должен предупредить вас, мистер Апуорд: все, что вы

скажете, может быть использовано против вас…

Глава 26

— Не представляю, мосье Пуаро, как вы могли заподозрить Робина Апуорда.

Пуаро не без самодовольства оглядел повернувшиеся к нему лица.

Давать объяснения — это он любил.

— Странно, что я не заподозрил его раньше. Ключом, простейшим ключом были слова, которые произнесла миссис Саммерхэй на вечере с коктейлями. Она сказала Робину Апуорду: «Мне не нравится быть приемным ребенком, а вам?» Вот он ключ, — в двух послед них словах «а вам?». Эти слова могли значить только одно — миссис Апуорд не была родной матерью Робина.

Миссис Апуорд сама жаждала скрыть правду — не дай Бог, кто-нибудь узнает, что Робин не сын ей. Возможно, она не раз слышала соленые шутки насчет блестящих молодых людей, которые живут со стареющими женщинами за их счет. Правду знали очень немногие — узкий театральный круг, где она впервые встретилась с Робином. Близких друзей в Англии у нее почти не было — она слишком долго жила за границей, во всяком случае, она решила обосноваться здесь, подальше от родного Йоркшира[208]. Иногда она встречалась с друзьями былых лет, и они, само собой разумеется, полагали, что этот Робин и есть тот самый мальчик, которого они знали ребенком, а она не считала нужным их разубеждать.

Но атмосфера в Лэбернемсе с самого начала показалась мне какой-то неестественной. Робин относился к миссис Апуорд не как испорченный ребенок, не как преданный сын. Он относился к ней, как протеже относится к своему патрону. В его неизменном обращении к ней «мадре» было что-то театральное. А миссис Апуорд, хоть и явно любила Робина, все же подсознательно обращалась с ним как с ценной собственностью, за которую заплачены большие деньги.

Итак, Робин Апуорд прекрасно устроен. Кошелек «матери» оплачивает все его смелые начинания, и вдруг в этот безоблачный мир вторгается миссис Макгинти — она узнала фотографию, хранимую им в ящике, фотографию с надписью «моя мама» на обороте. А ведь он сказал миссис Апуорд, что его мама — молодая балерина, умершая от туберкулеза! Миссис Макгинти, разумеется, считает, что на фотографии изображена миссис Апуорд в молодости, потому что у нее и в мыслях нет, что Робин — не сын миссис Апуорд. Не думаю, что миссис Макгинти

решилась на шантаж в чистом виде, скорее всего, она рассчитывала на «скромный подарок» в награду за молчание, потому что, если давно забытая сплетня вдруг всплывет, такой «горделивой» женщине, как миссис Апуорд, это явно придется не по вкусу.

Но Робин Апуорд решил не рисковать. Он похищает молоток для колки сахара, о котором миссис Саммерхэй со смехом говорит, что это — идеальное орудие для убийства, и на следующий вечер по пути в радиостудию заходит к миссис Макгинти. Она, ничего не подозревая, проводит его в гостиную, и там он ее убивает. Он знает, где она хранит свои сбережения — об этом, кажется, знает вся деревушка, — и инсценирует ограбление, пряча деньги за домом. Подозрение падает на Бентли, и того арестовывают. Умный Робин Апуорд празднует победу, и его горизонт снова безоблачен и чист.

Но тут я показываю четыре фотографии, и миссис Апуорд узнает фотографию Евы Кейн — ведь это же фотография балерины, матери Робина! Ей нужно немного подумать. Шутка ли — совершено убийство! Возможно ли, что Робин?.. Нет, она отказывается в это верить.

Какие шаги она бы предприняла, мы не знаем. Но Робин опять-таки решил не рисковать. Он разрабатывает всю мизансцену. Поездка в театр, когда в доме нет Дженит, телефонные звонки, кофейная чашка, тщательно вымазанная губной помадой, взятой из сумочки Ив Карпентер, он даже покупает флакон ее духов с характерным запахом. Сцена была срежиссирована блестяще, с применением реквизита. Пока миссис Оливер ждала в машине, Робин дважды забегал в дом. На убийство ушло всего несколько секунд. Потом быстренько пошел в ход реквизит. Миссис Апуорд умерла и оставила ему по завещанию большие деньги, а сам он вне подозрений — все решат, что убийство совершила женщина. Ведь в тот вечер в коттедж должны были прийти три женщины. Ясно, что подозрение падет на одну из них. Так, собственно, и случилось.

Но Робин, как все преступники, проявил легкомыслие, слишком уверовал в свою безнаказанность. Мало того что в коттедже хранилась книга, на которой стояло его подлинное имя, он, по ему одному известным причинам, решил сохранить роковую фотографию. Было бы безопасней ее уничтожить, но он, видимо, посчитал, что она ему пригодится — поможет кого-то в нужный момент скомпрометировать.

Наверное, он остановил свой выбор на миссис Саммерхэй. Скорее всего, по этой причине он и переселился из коттеджа в Лонг-Медоуз. В конце концов, молоток для колки сахара

принадлежал ей, а сама миссис Саммерхэй — он это знал — была приемным ребенком, пусть попробует доказать, что она не дочка Евы Кейн!

Но тут Дейдри Хендерсон призналась, что была на месте убийства, и у него возникла мысль подбросить фотографию ей. Он попытался это сделать, воспользовавшись лестницей, которую садовник оставил под окном. Но миссис Уэтерби нервничала и настояла на том, чтобы все окна были заперты, и Робину проникнуть в дом не удалось. Он вернулся сюда и положил фотографию в ящик, с содержимым которого, к несчастью для него, я незадолго до этого ознакомился.

Итак, мне стало известно, что фотографию подбросили, понял я и чьих рук это дело — в доме кроме меня находился еще один человек, и человек этот прилежно стучал на машинке у меня над головой.

Поскольку имя Ивлин Хоуп стояло на книге из коттеджа, мне стало ясно: Ивлин Хоуп — это либо миссис Апуорд… либо Робин Апуорд…

Имя Ивлин ввело меня в заблуждение — я связал его с миссис Карпентер, потому что ее зовут Ив. Но Ивлин — это не только женское имя, но и мужское.

Я вспомнил о разговоре в маленьком театре в Калленки, который мне пересказала миссис Оливер. Она разговаривала с молодым актером, который мог подтвердить мою версию — версию о том, что Робин не был родным сыном миссис Апуорд. Я понял, что этому актеру известны подлинные факты. Он рассказал миссис Оливер о том, как миссис Апуорд без особых раздумий покарала молодого человека, сказавшего ей неправду о своем происхождении. Это не могло не навести меня на размышления.

Откровенно говоря, я должен был докопаться до истины гораздо раньше, но я допустил одну серьезную ошибку, и она замедлила ход расследования. Я был уверен, что на вокзале кто-то специально пихнул меня, намереваясь столкнуть на рельсы, — и, как решил я тогда, это был убийца миссис Макгинти. Однако Робин Апуорд оказался чуть ли не единственным человеком в Бродхинни, который не мог быть на вокзале в Килчестере в то время.

— Может, это была какая-нибудь старая торговка с корзиной. Пихаться — их любимое занятие, — неожиданно хмыкнул Джонни Саммерхэй.

Пуаро сказал:

— Между прочим, Робин Апуорд вообще не принимал меня всерьез — настолько был уверен в себе. Это, впрочем, характерно

для убийц. Может, оно и к лучшему. Потому что в этом деле улик нам явно не хватало.

Миссис Оливер пошевелилась.

— Вы хотите сказать, — вопросила она, потрясенная, — что Робин убил свою мать, пока я сидела в машине и ни о чем таком не подозревала? Да у него просто не было на это времени!

— Оказывается, было. Представления людей о времени подчас до смешного ошибочны. Никогда не замечали, как быстро меняется декорация на сцене? В нашем случае на расстановку реквизита ушло больше времени, чем на само убийство.

— Хорошенький театр, — машинально пробормотала миссис Оливер.

— Да, это было в высшей степени театральное убийство. Убийце не откажешь в выдумке и изобретательности.

— А я сидела себе в машине и ни о чем не подозревала!

— Боюсь, — Пуаро тонко улыбнулся, — что ваша женская интуиция в тот день взяла выходной…

Глава 27

— В «Бритер и Скаттл» я не вернусь, — заявила Мод Уильяме. — Все равно это не фирма, а болото.

— К тому же свое предназначение она уже выполнила.

— Что вы хотите этим сказать, мосье Пуаро?

— Зачем вы приехали в эти края?

— Раз вы такой мистер Всезнайка, вам, наверное, известно и это?

— Есть у меня одна идея…

— И что же это за идея?

Пуаро окинул задумчивым взглядом волосы Мод.

— Я, признаться, умолчал кое о чем, — сказал он. — Все поняли так, что женщина, вошедшая в дом миссис Апуорд, светловолосая женщина, которую видела Эдна, была миссис Карпентер и что она отрицала это просто из страха. Поскольку миссис Апуорд была убита Робином, уже не имело значения, кто туда заходил: миссис Карпентер или миссис Хендерсон. И все-таки я не думаю, что там была миссис Карпентер. Я думаю, мисс Уильямс, что Эдна видела вас.

— Почему меня?

В голосе ее зазвучали жесткие нотки.

Пуаро ответил вопросом на вопрос:

— Почему эта деревушка, Бродхинни, вас так интересовала? Почему, приехав туда, вы попросили у Робина Апуорда автограф — вы ведь не из тех, кто охотится за автографами. Вам было что-то известно про Апуордов? Зачем вы вообще приехали в эти края? Как узнали, что Ева Кейн умерла в Австралии, как узнали, под каким именем она уехала из Англии?

— Все загадки разгадали, да? Что ж, мне скрывать нечего, греха на мне нет.

Она открыла сумочку. Из потертого бумажника вытащила газетную вырезку, пожелтевшую от времени. С фотографии на него смотрело так хорошо теперь ему известное, жеманное личико Евы Кейн.

Поперек снимка было написано: «Она убила мою маму…»

Пуаро вернул фотографию:

— Да, так я и думал. Ваша настоящая фамилия Крейг?

Мод кивнула:

— Меня воспитала какая-то родня — хорошие, порядочные люди. Когда это случилось, я была уже не такая маленькая, чтобы все забыть. И много об этом думала. Думала о ней. Она ведь была жуткая дрянь — дети это чувствуют! А мой отец… он был просто

слабак. И она опьянила его, вскружила голову. А ответ пришлось держать ему. За то, что сделала она, — да-да, я никогда в этом не сомневалась. Знаю, конечно, он соучастник, потому что скрыл правду от властей, но что же сталось с ней? Когда я подросла, наняла детективов, чтобы выяснить это. Они обнаружили ее след в Австралии и в конце концов сообщили, что она умерла. У нее остался сын — и звали его Ивлин Хоуп. Казалось бы, можно поставить точку. Но тут я подружилась с одним молодым актером. И услышала от него, что из Австралии приехал некий Ивлин Хоуп, он пишет пьесы, но живет здесь под другим именем — Робина Апуорда. Я, естественно, навострила ушки. Как-то вечером мне его показали — и он был со своей матерью. Выходит, подумала я, Ева Кейн вовсе не умерла. Наоборот, живет по-королевски, купается в деньгах. Я устроилась сюда на работу. Меня разбирало любопытство — нет, просто любопытством это не назовешь. Что ж, могу признаться, как-то поквитаться мне с ней хотелось… И когда вы раскопали всю подоплеку дела Джеймса Бентли, я, недолго думая, решила: убийца миссис Макгинти — это миссис Апуорд. Ева Кейн взялась за старое. Случайно я узнала от Майкла Уэста, что к ним на спектакль в Калленки приедут Робин Апуорд и миссис Оливер. И я решила поехать в Бродхинни и войти в логово к этой тигрице. Я хотела… сама толком не знаю, чего я хотела. Я сейчас говорю вам всю правду… в сумочке у меня лежал маленький пистолет, оставшийся с войны. Чего я хотела? Напугать ее? Или… Сама не знаю, говорю как на духу… В общем, пришла я к этому дому. Изнутри — ни звука. А дверь не заперта. Я вошла. В каком виде я ее застала, вы знаете. Она сидела там мертвая, лицо распухло, посинело. И тут все, чем я жила последнее время, показалось такой глупостью, такой мелодрамой… Я поняла, глядя на нее, что у меня никогда не поднялась бы рука на человека… Но поняла и другое — попробуй объясни, каким ветром меня занесло в этот дом? Вечер был прохладный, я была в перчатках, значит, отпечатков пальцев оставить не могла, а что меня кто-то заметил, мне и в голову не пришло. Вот и все. — Она помедлила, потом резко спросила: — Как теперь вы поступите?

— Никак, — ответил Эркюль Пуаро. — Просто пожелаю вам счастья в жизни.

Эпилог

Эркюль Пуаро и инспектор Спенс праздновали победу в «Vieille Grand-mere».

Когда подали кофе, Спенс откинулся на спинку кресла и, донельзя удовлетворенный, перевел дух.

— Пища здесь явно недурна, — одобрительно заметил он. — Слегка на французский манер, но, скажем прямо, где сегодня умеют приготовить приличный бифштекс с жареной картошкой?

— Я здесь обедал в тот самый вечер, когда вы впервые приехали ко мне, — предался воспоминаниям Пуаро.

— Да, много воды утекло с тех пор. Но надо отдать вам должное, мосье Пуаро. Вы этот номер провернули ловко. — Он чуть улыбнулся, и закаменелые черты его лица сразу ожили. — Ведь какое везенье, что этот молодой наглец не сообразил — улик-то у нас кот наплакал. Толковый адвокат стер бы нас в порошок вместе с нашей версией! Но он совсем очумел от неожиданности и бросил карты на стол. Сам себя закопал, так можно выразиться. Тут нам здорово повезло!

— Дело не только в везенье, — с укором произнес Пуаро. — Я ведь его вел, как ведут крупную рыбу! Вот он думает, что улику против миссис Саммерхэй я воспринимаю всерьез, — и тут выясняется, что ничего подобного, он страшно переживает, нервничает. К тому же он трус. Когда я замахал молотком, он и вправду подумал, что сейчас я его ударю. А внезапный страх всегда заставляет говорить правду.

— Хорошо еще, что вам не досталось от мистера Саммерхэйя. — Спенс ухмыльнулся. — Человек он вспыльчивый да быстрый — прямо ртуть! Я едва успел между вами вклиниться. Он вас простил?

— Да, мы теперь первейшие друзья. А миссис Саммерхэй я подарил поваренную книгу и лично научил ее готовить омлет. Mon Dieu, какие страдания я претерпел в этом доме! — Он прикрыл глаза.

— Да, тут было над чем поломать голову, — в раздумье произнес Спенс, не обращая внимания на тягостные воспоминания Пуаро. — Вся эта история показывает, насколько верна старая поговорка: у каждого рыльце в пушку. Взять миссис Карпентер: еще чуть-чуть — и ее обвинили бы в убийстве! Уж больно подозрительно она себя вела, а какая за ней вина? Так, тьфу.

— Eh bien, какая же? — полюбопытствовал Пуаро.

— Обычная история — сомнительное прошлое. Она была

профессиональной партнершей в дансинге — девица видная, от мужчин не было отбоя. Приехала в Бродхинни и заявила, что муж ее погиб на войне! Куда там! Состояла с кем-то, как теперь говорят, в гражданском браке. Но напыщенному чистоплюю вроде Гая Карпентера такая партия ни к чему, вот она и наплела ему про погибшего мужа. Понятное дело, когда мы стали копать, кто да откуда взялся, она прямо взбеленилась — не дай Бог, правда о ее прошлом выйдет наружу!

Он отхлебнул кофе, потом негромко хмыкнул:

— Или Уэтерби. Прямо не дом, а какое-то осиное гнездо. Ненависть и злоба. Неуклюжая и обездоленная девушка. А что за всем этим? Да ничего особенного. Деньги, и не более того. Самые обыкновенные фунты, шиллинги и пенсы.

— Только и всего?

— У девушки есть деньги — и немалые. Достались по наследству от тетки. Мать вцепилась в нее, будто клещ, — упаси Господи, запросится замуж! А отчим, тот ее ненавидит лютой ненавистью, потому что звонкая монета — у нее, по счетам платит она. Сам-то он, наверное, неудачник — за что в жизни ни брался, все впустую. Сволочной тип… а миссис Уэтерби — это чистый яд в сахарной оболочке.

— Согласен с вами. — Пуаро удовлетворенно кивнул. — Очень удачно, что у миссис Хендерсон есть деньги. Ей будет гораздо легче заключить брак с Джеймсом Бентли.

На лице Спенса отразилось удивление:

— Брак с Джеймсом Бентли? Дейдри Хендерсон и Джеймс Бентли? Кто это сказал?

— Я, — ответил Пуаро. — Потому что самолично занимаюсь этим делом. Нашу маленькую проблему мы разрешили, и у меня образовался избыток свободного времени. Вот я и взял на себя хлопоты, связанные с их женитьбой. Правда, заинтересованные стороны на этот счет пока в полном неведении. Но их тянет друг к другу. Оставь их на произвол судьбы — и ничего не произойдет… но Эркюль Пуаро обязательно скажет свое веское слово. Увидите! Дело сдвинется с мертвой точки.

Спенс ухмыльнулся:

— Вы не прочь, как говорится, запустить палец в чужой пирог?

— Ну, mon cher, это удар ниже пояса, — укоризненно сказал Пуаро.

— Да, вы правы. Все равно, какой-то он жалкий, этот Джеймс Бентли.

— Пожалеть его стоит, это верно! Ведь он наверняка удручен — узнал, что виселица от него отвернулась.

— Он должен на коленях перед вами ползать от благодарности, — заметил Спенс.

— Скорее перед вами. Правда, он, наверное, так не считает.

— Вот тюфяк!

— Может, и так, но не забывайте — две женщины проявили к нему неподдельный интерес. Природа — штука непредсказуемая.

— Я думал, что ему в пару вы прочите Мод Уильямс.

— Выбирать он будет сам. — Пуаро пожал плечами. — Он сам — как бы это сказать? — вручит яблоко своей избраннице. Но полагаю, что выбор его падет на Дейдри Хендерсон. Мод Уильямс уж слишком бойкая, так и пышет энергией. С ней он совсем забьется в свою раковину.

— Не понимаю одного — что они в нем находят?

— Пути Господни воистину неисповедимы.

— В общем, теперь у вас работы непочатый край. Сначала Джеймса Бентли надо подготовить к плаванию по морю любви, а потом даровать девушке свободу, вырвать ее из когтей пропитанной ядом матери. О-о, эта кошка еще даст вам бой, покажет свои коготки!

— Орудия крупного калибра — залог успеха.

— Вы, наверное, хотите сказать — усы крупного калибра. — Спенс расхохотался.

Пуаро довольно погладил усы и предложил:

— Не выпить ли нам бренди?

— Не откажусь, мосье Пуаро.

Пуаро сделал заказ.

— Да, — спохватился Спенс. — Едва не забыл. Вы помните Рендела?

— Естественно.

— Так вот, мы проверяли его, и выяснились довольно странная вещь. Оказалось, когда его первая жена умерла в Лидсе — он там в то время практиковал, — в полицию на его пришло несколько анонимных писем. Довольно мерзких. Собственно, в них говорилось, что жену он отвил. Разумеется, такие сплетни — не новость. Доктор, что проводил экспертизу, был человеком посторонним, с надежной репутацией, и он твердо заявил: жена доктора Рендела умерла своей смертью. Зацепиться было не за что, сомнение вызывало одно: каждый из них застраховал свою жизнь в пользу другого… но ведь такое не редкость… Тоже не Бог весть какая зацепка, и все-таки… Что скажете?

Пуаро вспомнил: миссис Рендел словно была чем-то испугана. Намекала на какие-то анонимные письма, уверяла, что в них нет и слова правды. И не сомневалась: расследование дела миссис Макгинти — всего лишь предлог. Пуаро приехал с другой

целью.

— Надо полагать, — задумчиво произнес он, — что анонимные письма получала не только полиция.

— Его новая жена тоже?

— Думаю, да. Когда я появился в Бродхинни, жена мистера Рендела решила, что я приехал по его душу, а миссис Макгинти — всего лишь предлог. Это же подумал и он… Вот все и сошлось! В тот вечер столкнуть меня под поезд пытался доктор Рендел!

— Думаете, он и эту жену попытается спровадить на тот свет?

— Думаю, ей не следует страховать свою жизнь в его пользу, — сухо заявил Пуаро. — Но если он поймет, что он у нас на заметке, — возможно, проявит благоразумие.

— Что ж, это нам по силам. Будем держать нашего приветливого доктора под наблюдением, да так, чтобы от него это не укрылось.

Пуаро поднял стакан с бренди.

— За миссис Оливер, — провозгласил он.

— Почему вдруг за нее? Вам что-то припомнилось?

— Женская интуиция, — ответил Пуаро.

На минуту установилась тишина, потом Спенс раздумчиво проговорил:

— Робин Апуорд предстанет перед судом на следующей неделе. Знаете, Пуаро, ничего не могу с собой поделать, но…

Пуаро в ужасе перебил его:

— Mon Dieu! Вы что же, теперь сомневаетесь в виновности Робина Апуорда? Только не говорите, что хотите начать все сначала!

Инспектор Спенс успокоил его, широко улыбнувшись:

— Бог мой, с чего вы взяли? Уж он-то точно убийца! — Потом добавил: — Такой дерзкий да наглый — ни перед чем не остановится!

ПОСЛЕ ПОХОРОН
After the Funeral 1953 © Перевод Бужинская И

Джеймсу — в память о счастливых днях, проведенных в Эбби

Глава 1

Старик Лэнскомб ковылял из комнаты в комнату, поднимая жалюзи. Время от времени, прищуривая ослабевшие с возрастом глаза, он посматривал в окна.

Скоро все вернутся с похорон. Лэнскомб засеменил быстрее. Сколько окон в этом доме!

Эндерби-холл был внушительным особняком викторианской эпохи[209], выстроенным в готическом стиле[210]. В каждой комнате богатые шторы из потускневшей парчи или бархата. Кое-где стены еще обтянуты выцветшим шелком. В зеленой гостиной старый дворецкий задержал взгляд на висевшем над камином портрете Корнелиуса Эбернети, для которого в свое время был выстроен Эндерби-холл. Темно-каштановая бородка Корнелиуса Эбернети вызывающе торчала вперед. Одной рукой он опирался на большой глобус, то ли по собственному желанию, то ли по причине тяготения к символизму[211] автора портрета.

Весьма энергичный и решительный на вид джентльмен, всегда думал о нем Лэнскомб, радуясь, однако, что ему так и не довелось узнать его лично. Его хозяином — и каким! — был мистер Ричард. Внезапная кончина мистера Ричарда была для всех как гром с ясного неба, хотя, конечно, доктор уже некоторое время пользовал его. Но, сказать по правде, хозяин так и не оправился по-настоящему после смерти молодого мистера Мортимера. Старик печально покачал головой, проходя через дверь в белый будуар. И какой прекрасный здоровый молодой джентльмен! Кто бы мог подумать, что с ним приключится такое? Донельзя грустно все это. А мистера Гордона убили на войне. Одно к одному. На хозяина свалилось слишком много бед, и все-таки он выглядел не хуже, чем обычно, всего лишь неделю назад.

Жалюзи на одном из окон в белом будуаре заупрямились и не поднимались как должно. Надо думать, ослабли пружины. Жалюзи были старыми, как все остальное в доме. И теперь эти вещи уже не починишь. Уж очень они старомодные, говорят все эти молодые задаваки, словно старые вещи не лучше во сто раз новых! Он бы мог много чего сказать об этом. Барахло эти модные новинки, половина разваливается, едва возьмешь их в руки. То материал никудышный, то мастеру не хватило сноровки. Да, он мог бы много чего сказать на эту тему.

Ему не справиться с этими жалюзи без стремянки. По правде говоря, он теперь избегал на нее подниматься, боясь головокружения. Ладно, окна белого будуара все равно расположены не по фасаду, и прибывшие с похорон их не увидят.

Да и комнатой этой сейчас не пользуются. Она предназначалась для леди, а в Эндерби уже так давно жили без хозяйки. Какая жалость, что мистер Мортимер не женился! Без конца ездил то в Норвегию ловить рыбу, то в Шотландию охотиться, то в Швейцарию кататься на лыжах, вместо того чтобы взять в жены какую-нибудь милую девушку и зажить по-семейному, чтобы ребятишки бегали по всему дому, давно не видевшему детей в своих стенах.

Мысли Лэнскомба обратились к еще более далеким временам, которые он помнил четко и ясно, не то что последние годы, не оставившие в памяти ничего, кроме смутных и расплывчатых образов и впечатлений. А вот прошлое вставало перед ним как живое.

Ричард Лео (ум.) — Элен Лаура (ум.) — Рекс (ум.) Кроссфилд (ум.).

Тимоти — Мод Гордон — Памела (ум.) Джонс (ум.).

Джеральдина — Энтони (ум.) Карсон (ум.).

Кора — Пьер Ланскене (ум.).

Мортимер Джордж (ум.).

Сьюзен — Грегори Бэнкс Розамунд — Майкл Шейн.

СЕМЬЯ ЭБЕРНЕТИ

Жирным шрифтом даны имена присутствовавших на похоронах Ричарда Эбернети.

Мистер Ричард был для младших в семье скорее отцом, нежели просто старшим братом. Ему было двадцать четыре года, когда скончался его батюшка, и он сразу взял на себя управление семейной фирмой, отправляясь каждый день в контору с такой точностью, что по нему можно было проверять часы, а в доме при нем все было так налажено, все устроено так удобно и богато, что лучшего и желать было нельзя. Веселый и счастливый был этот дом, когда в нем подрастали юные леди и джентльмены. Разумеется, время от времени случались драки и ссоры, а уж как доставалось несчастным гувернанткам! Жалкие создания эти гувернантки, Лэнскомб всегда презирал их. Молодые люди любили поозорничать, особенно мисс Джеральдина. Да и мисс Кора тоже, хотя лет ей было намного меньше. А теперь мистер Лео и мисс Лаура умерли. Мистер Тимоти стал инвалидом, которому жизнь немила. Мисс Джеральдина умерла где-то за границей. Мистер Гордон убит на войне. Хозяин Лэнскомба пережил их всех, хотя и был самым старшим. Правда, еще живы мистер Тимоти и маленькая мисс Кора, которая вышла за того неприятного парня, художника, что ли. Лет двадцать пять Лэнскомб ее не видел, а она была такая миленькая девушка, когда сбежала с этим типом. Теперь он еле-еле узнал ее: так она

располнела и одета очень уж чудно. Муж ее был французом или что-то вроде этого. Это ж надо было додуматься, чтобы выйти за такого! Ну, да мисс Кора всегда была чуточку, как бы это сказать… Живи она в деревне, ее бы называли дурочкой. Впрочем, в семье не без урода.

А она-то его припомнила. «Да ведь это Лэнскомб!» — сказала мисс и, кажется, была рада увидеться с ним. Да что говорить, в старые времена все они любили его, а он, когда в доме устраивали званый обед, всегда оставлял им что-нибудь вкусненькое. Всем им был близок старый Лэнскомб, а теперь… Молодое поколение, в котором он толком никого не различает, видит в нем лишь старого, прижившегося в доме слугу. «Сплошь чужая компания, — подумал он, когда они явились на похороны, — и притом не Бог весть какая компания».

Другое дело миссис Лео. После женитьбы мистера Лео они часто приезжали сюда. Милая была леди миссис Лео, настоящая дама. Одевалась и причесывалась как подобает. И выглядела соответственно. Хозяин всегда ее любил. Жаль, что у нее и мистера Лео не было детей…

Лэнскомб встрепенулся: что это он размечтался о старине, когда еще полно дел? Он, горничная Джанет и кухарка Марджори присутствовали только на заупокойной службе в церкви и в крематорий не поехали, вернулись в дом, чтобы поднять жалюзи[212] и приготовить ленч. Ленч, в общем-то, будет холодным: ветчина, цыплята, язык и салат, потом лимонное суфле и яблочный торт. Но прежде всего — горячий суп. Пожалуй, стоит пойти и посмотреть, как идут дела у Марджори, потому что ждать осталось совсем недолго.

Лэнскомб зашаркал через комнату. Глаза его равнодушно скользнули по портрету над камином, написанному в пару тому, что висел в зеленой гостиной. Прекрасно выписанный белый шелк и жемчуга. Женщина же, на которой все это красовалось, не выглядела и вполовину так импозантно. Собственно говоря, и смотреть особенно было не на что: кроткое личико, губки бантиком, прямой пробор в волосах. В покойной миссис Корнелиус Эбернети примечательным было только одно: ее имя — Корали. Ведь и сейчас, спустя шестьдесят лет после своего появления, мозольный пластырь «Коралл» и одноименный крем для ног шли нарасхват. Никто не мог сказать, что же так нравилось в них публике, но как раз они позволили выстроить этот неоготический[213] особняк, разбить прилегающий к нему обширный сад и выплачивать доход семерым детям, а Ричарду Эбернети три дня назад скончаться очень богатым человеком.

Лэнскомб заглянул в кухню со словами строгого наказа, но

кухарка Марджори только отмахнулась. Ей было всего двадцать семь лет, и она постоянно раздражала Лэнскомба своим несоответствием его представлениям о настоящей кухарке. У нее не было ни столь необходимой солидности, ни должного понимания его, Лэнскомба, положения в доме. Сам дом она нередко непочтительно именовала «старым мавзолеем», а по поводу огромных кухни, буфетной и кладовки ворчала, что «дня не хватит, чтобы обойти все это». Марджори служила в Эндерби-холле два года и не уходила только потому, что, во-первых, было хорошее жалованье, а, во-вторых, потому, что мистер Эбернети по-настоящему ценил ее стряпню. Готовила она действительно превосходно. Пожилая горничная Джанет, подкреплявшаяся сейчас чаем возле кухонного стола, обычно, несмотря на вечные ядовитые перебранки с Лэнскомбом, вступала с ним в союз против молодого поколения — то бишь против Марджори. Еще в кухне была миссис Джекс, приходившая «подсобить» в случае необходимости, — она явно наслаждалась всей этой похоронной суетой.

— Все было шикарно, — рассказывала она, благопристойно шмыгая носом и наливая себе другую чашку. — Девятнадцать автомобилей, и церковь почти полная, и священник служил, по-моему, просто великолепно. К тому же такая прекрасная погода. Ах, бедный, милый мистер Эбернети! Теперь таких людей почти не осталось. А как все его уважали!

Со двора раздался звук клаксона и шум подъезжающей автомашины. Миссис Джекс поспешно поставила чашку и сказала:

— А вот и они.

Марджори прибавила огня на газовой плите под большой кастрюлей с куриным супом. Старинный же кухонный очаг, огромный, холодный и праздный, стоял как памятник былому величию.

Машины подъезжали одна за другой. Из них выходили люди в черном и неуверенным шагом шли через холл в просторную зеленую гостиную. Там в камине пылал огонь — дань первым осенним холодным дням и хоть какое-то утешение в леденящей душу церемонии похорон.

Лэнскомб внес в гостиную серебряный поднос, уставленный рюмками с хересом.

Мистер Энтуисл, ведущий партнер старой и уважаемой фирмы «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард», стоял у камина, грея спину. С рюмкой хереса в руках он окидывал собравшихся проницательным взглядом юриста. Не всех он знал лично, а знакомство перед отъездом на похороны было торопливым и небрежным.

Обратив прежде всего внимание на Лэнскомба, мистер Энтуисл подумал: «Бедный старик здорово сдал, ему ведь, пожалуй, за восемьдесят. У него будет приличная ежегодная пенсия, так что ему-то беспокоиться не о чем. Таких слуг, как он, нынче нет. Теперь люди и понятия не имеют о старой вышколенной прислуге, обходятся домработницами и приходящими няньками. Грустный мир! Пожалуй, оно и хорошо, что бедняга Ричард не дожил свой век. Ради чего ему было жить?»

Для семидесятидвухлетнего Энтуисла смерть Ричарда Эбернети в возрасте всего каких-то шестидесяти восьми лет явно была преждевременной. Практически Энтуисл отошел от дел два

года назад, но как душеприказчик Ричарда Эбернети, а также из уважения к памяти своего личного друга и одного из старейших клиентов фирмы он приехал сюда.

Перебирая в уме условия завещания, юрист оценивающе приглядывался к собравшимся членам семьи.

Разумеется, миссис Лео Эбернети он знал достаточно хорошо. Очаровательная женщина, к ней он относился с симпатией и уважением. В его взгляде, остановившемся на ней сейчас, когда она подошла к окну, явственно сквозило одобрение. Черное было ей к лицу. Энтуислу нравились ее хорошо сохранившаяся фигура, четкий профиль, серебристо-седые волосы, поднимавшиеся от висков красивой волной, и глаза, еще не совсем утратившие прежнюю васильковую яркость.

Сколько сейчас Элен лет? Пожалуй, пятьдесят один — пятьдесят два. Странно, что столь привлекательная женщина не вышла замуж вновь после смерти Лео. Правда, они обожали друг друга.

Глаза Энтуисла остановились на миссис Тимоти. С ней он был знаком мало. Вот ей черное не идет, ее стиль — твидовый[214] костюм, столь удобный, когда живешь в сельской местности. Крупная, рассудительная, судя по всему, дельная женщина. Бесконечно предана мужу. Вечно носится с его здоровьем, может, даже чересчур. А что, собственно говоря, у Тимоти со здоровьем? Энтуисл всегда подозревал, что тот просто-напросто симулянт из породы мнительных нытиков. Ричард Эбернети разделял это подозрение. «Правда, когда Тимоти был мальчишкой, у него была слабая грудь, — говорил он, — но будь я проклят, если поверю, что и сейчас у него что-то не так». Впрочем, у каждого свое хобби. У Тимоти это свелось к помешательству на своих хворостях. Попалась ли миссис Тимоти на эту удочку? Вероятно, нет, но ведь женщины ни за что в подобном не сознаются. Тимоти, надо полагать, человек состоятельный, ведь он всегда был скуповат. Однако лишнее не помешает при теперешних-то налогах. Наверное, ему после войны пришлось здорово сократить расходы.

Следующим объектом наблюдения мистера Энтуисла стал Джордж Кроссфилд, сын Лауры. В свое время Лаура вышла за сомнительного типа. Никто толком о нем ничего не знал. Сам он называл себя биржевым маклером. Молодой Джордж служит в юридической конторе, не очень-то респектабельной. Симпатичный на вид малый, но есть в нем что-то ненадежное. Вряд ли он хорошо обеспечен. Его мать, красивая романтичная женщина, в денежных делах была полнейшей дурой. Когда она умерла пять лет назад, то после нее почти ничего не осталось.

А эти две девушки, вернее молодые женщины: кто из них кто? А, вот эта, что разглядывает восковые цветы на малахитовом столике, Розамунд, дочка Джеральдины. Хорошенькая, даже красивая. Правда, мордашка глуповата. Подвизается на сцене, в гастрольной труппе, или как это сейчас называется. И за актера же вышла замуж. «Красивый парень этот Майкл Шейн. И знает, что красив, — подумал мистер Энтуисл, не жаловавший актерскую профессию. — Интересно, откуда он взялся и что собой представляет?» Энтуисл неодобрительно глядел на Майкла Шейна с его белокурой шевелюрой и худым обаятельным лицом.

А вот Сьюзен, дочь Гордона, смотрелась бы на сцене гораздо лучше, чем Розамунд. В ней больше индивидуальности. Пожалуй, даже многовато для повседневной жизни. Сьюзен стояла почти рядом, и мистер Энтуисл украдкой разглядывал ее. Темные волосы, карие с золотистым блеском глаза, привлекательный, но неулыбчивый рот. Рядом с ней муж, помощник аптекаря, насколько ему, Энтуислу, известно. По мнению Энтуисла, девушки не должны выходить замуж за людей, зарабатывающих на жизнь стоя за прилавком. Впрочем, теперь они выскакивают за кого попало. Молодой человек с бледным незапоминающимся лицом и волосами песочного цвета. Явно чувствует себя не в своей тарелке. Мистер Энтуисл снисходительно объяснил это тем, что Грегори Бэнкс ошеломлен таким наплывом жениных родственников.

Последней под испытующий взгляд юриста попала Кора Ланскене. В этом была известная закономерность, ведь и в семье Кора оказалась последышем. Появление на свет самой младшей сестры Ричарда стоило жизни ее матери. Этой кроткой женщине было уже под пятьдесят, и десяток родов (трое детей умерли во младенчестве) она не перенесла. Бедная маленькая Кора! Всю жизнь она доставляла хлопоты окружающим, особенно своей привычкой говорить вещи, которым лучше бы оставаться невысказанными. Все старшие братья и сестры были очень добры к ней, прощая ее недостатки и покрывая промахи в обществе. Как-то никому и в голову не приходило, что Кора выйдет замуж. Она не была особенно привлекательной девушкой, и ее довольно неуклюжие заигрывания с гостившими в доме молодыми людьми обычно заставляли тех поспешно ретироваться. Затем появился этот Ланскене, полуфранцуз, с которым она встретилась в художественной школе, где брала благопристойные уроки акварельной живописи, чтобы потом рисовать цветы. Но каким-то ветром ее занесло в класс живой натуры, где она и познакомилась с Пьером, после чего объявила дома о своем намерении выйти за него замуж. Ричард Эбернети решительно воспротивился: увидев

Пьера, он сразу заподозрил, что тот просто-напросто ищет жену с основательным приданым. Пока Ричард наводил справки о прошлом Ланскене, Кора сбежала с ним и обвенчалась. Ланскене был отвратительным художником, и, с какой стороны ни взгляни, его никак нельзя было назвать особо порядочным человеком, но Кора души в нем не чаяла. Она так и не простила своим родным их отношения к ее ненаглядному Пьеру. Впрочем, Ричард Эбернети все-таки назначил сестре щедрое содержание, на которое, по мнению Энтуисла, парочка, вероятнее всего, и жила. Он бы крайне удивился, если бы Ланскене когда-нибудь заработал своей мазней хоть грош. Он, припоминал Энтуисл, скончался лет двенадцать назад. И вот теперь его вдова, женщина с сильно расплывшейся и весьма нескладной фигурой, облаченная в очень претенциозное и довольно безвкусное черное платье с оборками, вернулась в дом, где когда-то жила девочкой и девушкой. Она расхаживает по комнате, трогая одну вещь за другой и вскрикивая от удовольствия, когда что-то напоминает ей какой-нибудь эпизод из детства. Она почти не скрывает, что смерть брата не вызвала у нее особой скорби. Впрочем, размышлял Энтуисл, Кора никогда не любила и не умела притворяться.

Вновь войдя в комнату, Лэнскомб произнес приличествующим случаю приглушенным голосом: «Кушать подано».

Глава 2

После восхитительного супа и множества холодных мясных блюд, запиваемых превосходным шабли[215], похоронная атмосфера несколько разрядилась. Никто из присутствующих не скорбел особенно по поводу смерти Ричарда Эбернетц, поскольку никто из них не был с ним по-настоящему близок. Их манеры были подчеркнуто сдержанны, а голоса приглушенны, как того требовали приличия (правда, это не относилось к Коре, которая явно была настроена весело). Но когда приличия были соблюдены, ничто не мешало им возобновить нормальную беседу. Мистер Энтуисл поощрял подобное поведение. У него был богатый опыт по части похорон, и он точно знал, когда и что надлежит делать.

Когда все встали из-за стола, Лэнскомб предложил подать кофе в библиотеку. Это соответствовало его понятиям о благопристойности. Наступило время поговорить о делах, иными словами, о завещании, и библиотека, с ее книжными шкафами и тяжелыми занавесями красного бархата, как нельзя лучше подходила для этого. Он подал кофе и вышел, плотно притворив за собой дверь.

После нескольких отрывочных фраз все начали вопросительно поглядывать на Энтуисла. Он немедленно отреагировал, предварительно взглянув на часы.

— Я должен успеть на поезд в пятнадцать тридцать, — начал он.

Оказалось, что все остальные тоже были должны попасть на этот поезд.

— Как вам известно, — продолжал юрист, — я являюсь душеприказчиком Ричарда Эбернети.

Его тут же перебила Кора Ланскене:

— А я и не знала! Оставил он мне что-нибудь?

Бросив на миссис Ланскене укоряющий взгляд, старый юрист сказал:

— Примерно год назад завещание Ричарда Эбернети было очень простым. За исключением нескольких мелких сумм, он оставлял все своему сыну Мортимеру.

— Бедный Мортимер, — вновь не удержалась Кора. — Уже взрослый человек, и вдруг этот ужасный детский паралич!

Презрев это вмешательство, Энтуисл продолжал:

— Столь неожиданная и трагическая смерть Мортимера была для Ричарда страшным ударом. Прошли месяцы, прежде чем он немного оправился. Я указал ему тогда на желательность

составления нового завещания.

Мод Эбернети спросила своим низким голосом:

— А что произошло бы, не будь новое завещание составлено? Разве не перешло бы все к Тимоти, как ближайшему родственнику?

Энтуисл открыл было рот, чтобы подробно остановиться на вопросе о ближайших родственниках, но передумал и продолжил деловым тоном:

— Итак, по моему совету Ричард решил составить новое завещание. Однако прежде всего он захотел получше ознакомиться с молодым поколением.

— Он устроил всем нам конкурсный экзамен, — с неожиданным звонким смехом вмешалась на этот раз Сьюзен. — Сначала Джорджу, потом Грегу и мне, а напоследок Розамунд и Майклу.

Грегори Бэнкс, чье лицо внезапно вспыхнуло, резко возразил:

— Я не думаю, Сьюзен, что тебе следует употреблять подобные выражения, — я про конкурсный экзамен.

— Но ведь так оно и было, мистер Энтуисл! — воскликнула Сьюзен. — Не правда ли?

— Так оставил он мне что-нибудь? — не унималась Кора.

Мистер Энтуисл кашлянул и несколько холодно сказал:

— Я разошлю всем вам копии завещания, но суть его могу изложить сейчас. После удержания довольно значительной суммы на выплату пожизненной пенсии Лэнскомбу и на ряд нескольких финансовых распоряжений помельче, состояние, и очень значительное, должно быть разделено на шесть равных частей. Четыре из них после уплаты всех налогов переходят соответственно к Тимоти, брату Ричарда, племяннику Джорджу Кроссфилду, племянницам Сьюзен Бэнкс и Розамунд Шейн. С оставшихся двух частей надлежит выплачивать пожизненный доход миссис Коре Ланскене, сестре Ричарда, и миссис Элен Эбернети, вдове его брата Лео. После их смерти капитал будет поделен между четырьмя вышеназванными наследниками или их потомками.

— Как это мило со стороны Ричарда! — воскликнула с искренней признательностью Кора. — Годовой доход! И сколько же это?

Мистер Энтуисл понял, что она не отвяжется.

— Что-то около трех или четырех тысяч фунтов в год.

— Господи! — ахнула Кора. — Вот дивно-то! Я поеду на Капри[216].

Элен произнесла своим мягким голосом:

— Как это великодушно со стороны Ричарда! Я очень

благодарна за его отношение ко мне.

— Он был привязан к вам, Элен, — сказал Энтуисл. — Ведь Лео был его любимым братом. Да и после его смерти он всегда так радовался вашим визитам!

Элен вновь заговорила, и в ее словах прозвучали печаль и раскаяние:

— Если бы я знала, что он так болен! Я ведь гостила здесь незадолго до смерти Ричарда, но, хотя мне и было известно, что со здоровьем у него неважно, я не думала, что это настолько серьезно.

— Это всегда было серьезно. Но он не хотел говорить об этом, и, мне кажется, никто не ожидал такого быстрого конца. Я знаю, что врач был удивлен.

— «Скоропостижно у себя дома» — вот что было сказано в некрологе, — проговорила Кора, кивая головой. — Я тогда еще подумала…

— Такой удар для всех нас, — вмешалась в разговор Мод Эбернети. — Бедный Тимоти ужасно расстроился. Он все время повторял: «Так внезапно, Бог мой, так внезапно».

— Но ведь все удалось великолепно замять, правда? — спросила Кора.

Все изумленно воззрились на нее, и а, несколько смешавшись, продолжила поспешно и сбивчиво:

— Я думаю, вы все совершенно правы. Абсолютно правы. То есть я хочу сказать, к чему это., эта огласка? Это должно остаться в семье, и незачем посторонним что-то знать…

Обращенные к ней лица выражали полнейшее недоумение.

Мистер Энтуисл наклонился вперед:

— Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, Кора.

Кора Ланскене оглядела родных, и в ее широко раскрытых глазах, в свою очередь, выразилось удивление. Она каким-то птичьим движением склонила голову к плечу и сказала:

— Но ведь Ричарда убили, не так ли?

Глава 3

Возвращаясь в Лондон, Энтуисл, устроившийся в углу купе первого класса, задумался о странном замечании Коры Ланскене, вызвавшем в его душе какое-то смутное беспокойство. Конечно, Кора — женщина несколько неуравновешенная и в высшей степени недалекая. Он помнил, как она, будучи еще девочкой, нередко ставила окружающих в неловкое положение своей манерой ни с того ни с сего выпаливать неприятные истины. То есть как раз не «истины» — в данном случае это выражение совершенно неуместно.

Мысленно Энтуисл восстановил сцену, последовавшую за злополучными словами.

Мод воскликнула:

— Ну, Кора, это уж слишком!

Джордж сказал:

— Дорогая тетя Кора!

Еще кто-то спросил, что, собственно, она имеет в виду.

Поняв под удивленными и неодобрительными взглядами присутствующих, что она натворила, Кора окончательно смутилась и растерянно залепетала:

— О, мне так жаль… Я не хотела сказать… Само собой, я знаю, что все в порядке, просто он умер так внезапно, а из его слов я поняла… О, прошу вас, забудьте, что я тут наговорила. Вечно я сболтну что-нибудь…

После этого инцидент, казалось, был предан забвению, и разговор перешел на то, как распорядиться личными вещами Ричарда. Ранее мистер Энтуисл сообщил, что дом будет продан с аукциона.

В конце концов, Кора всегда была если не ненормальной, то, во всяком случае, потрясающе наивной. Она понятия не имела о том, что бывают моменты, когда лучше придержать язык. То, что подходит девятнадцатилетнему сорванцу, совершенно не подходит пятидесятилетней даме. Манеры сорванца терпимы до определенного возраста, но в ее-то лета они, признаться, раздражают. Так вот, за здорово живешь выпаливать нежелательные истины…

Тут ход мыслей Энтуисла неожиданно застопорился. Вот уже второй раз ему приходит на ум это беспокоящее слово «истины». А почему, собственно говоря, беспокоящее? Да потому, что неуместные, наивные заявления Коры неизменно оказывались либо чистейшей правдой, либо содержали в себе хотя бы ее крупицу.

Хотя в пухлой сорокадевятилетней матроне Энтуисл обнаружил не так уж много сходства с прежней неуклюжей девочкой, некоторые из присущих ей манер сохранились. Например, легкий, какой-то птичий наклон головы, когда Кора ляпала что-нибудь некстати и лукаво ждала, что из этого выйдет. Именно таким вот образом она когда-то сказала про судомойку: «Молли еле протискивается за кухонный стол, так у нее живот выпирает. И это только последний месяц или два. Интересно, с чего она так толстеет?»

Кору немедленно заставили замолчать. В доме чтили викторианские порядки[217]. И судомойка исчезла из кухни на следующий же день, а после надлежащего расследования младший садовник получил распоряжение сделать из нее честную женщину, для чего им был выделен небольшой коттедж. Далекие воспоминания, но в них есть свой смысл.

Энтуисл снова задумался. Что же в несуразных речах Коры так тревожит его? Поразмыслив, он выделил две ключевые фразы: «Из его слов я поняла» и «Он умер так внезапно».

Сначала Энтуисл занялся последней из двух фраз. Да, в какой-то степени смерть Ричарда можно считать внезапной. Энтуисл обсуждал состояние здоровья Ричарда как с ним самим, так и с его лечащим врачом, который прямо дал понять, что долгих лет жизни ожидать нельзя. При разумных мерах предосторожности мистер Эбернети может прожить года два или, быть может, дольше, но это маловероятно. Так или иначе, доктор не ожидал столь быстрого конца и ошибся. Но врачи, и они первые это признают, никогда не могут быть уверены в индивидуальной реакции пациента на болезнь. Приговоренные к смерти люди вдруг выздоравливают, а те, кто, казалось бы, уже находился на пути к выздоровлению, неожиданно начинают чувствовать себя хуже и умирают. Все зависит от жизненной силы больного, от его воли к жизни. А у Ричарда, пусть даже человека сильного и энергичного, в жизни осталось так мало привлекательного.

Полгода назад его единственный оставшийся в живых сын заразился детским параличом, и за неделю его не стало. Это было тем большим потрясением, что Мортимер был исключительно сильным и энергичным молодым человеком. Заядлый спортсмен, сроду не болевший. Он как раз собирался обручиться с очаровательной девушкой. И все надежды Ричарда на будущее связывались с этим его горячо любимым и во всех отношениях удачным сыном. А вместо этого — трагедия. Ричарда угнетало чувство личной утраты, тем более что теперь жизнь не сулила ему ничего интересного. У него не было внуков — один сын умер в

детстве, второй не оставил потомства. Фактически уже не оставалось никого, кто носил бы имя Эбернети. А ведь он имел крупное состояние и широкие деловые интересы, которые до известной степени контролировал. Кому было передать это состояние и этот контроль? Ричарда это глубоко тревожило. Его единственный оставшийся в живых брат был почти инвалидом. Оставалось лишь младшее поколение. Как считал Энтуисл, его друг собирался выбрать себе только одного главного наследника, хотя в мелочах не обошел бы и остальных. Так или иначе, за последние полгода Ричард по очереди приглашал к себе погостить своего племянника Джорджа, племянниц Сьюзен и Розамунд с их мужьями и, наконец, свою невестку миссис Эбернети. По-видимому, он намеревался выбрать наследника из детей своих покойных сестер и брата. Элен же он пригласил из чувства искреннего расположения к ней, возможно, и для того, чтобы посоветоваться, поскольку высоко ценил ее здравый смысл и практичность. Энтуисл также припомнил, что за эти полгода Ричард нанес короткий визит своему брату Тимоти.

Судя по завещанию, которое сейчас покоилось в портфеле мистера Энтуисла, Ричард разочаровался и в племяннике, и в племянницах, а быть может, в мужьях племянниц.

Насколько было известно Энтуислу, Ричард не приглашал к себе свою сестру Кору. Мысль об этом вновь напомнила юристу фразу Коры: «Я поняла из его слов».

Что же сказал Ричард? И когда? Если Кора не приезжала в Эндерби к брату, значит, он сам навестил ее в деревне в Беркшире, где она снимала коттедж? Или это что-то было сказано Ричардом в письме?

Так или иначе, мистер Энтуисл теперь же твердо решил поговорить с Корой. Торопиться, разумеется, не следует, чтобы не придавать делу особого значения. Но вникнуть во все это, безусловно, стоит.

В том же поезде, но в купе третьего класса, Грегори Бэнкс обратился к жене:

— У этой твоей тетки явно винтика в голове не хватает.

— У тети Коры? Да она, кажется, всегда была очень простоватой, — откликнулась Сьюзен.

Сидевший напротив Джордж Кроссфилд заговорил резким тоном:

— Надо бы отучить ее от привычки болтать всякую несуразицу. Послушав ее, люди могут подумать черт знает что.

Розамунд Шейн сосредоточенно обводила помадой контуры своего очаровательного ротика. Потом она сказала:

— Не думаю, чтобы кто-нибудь обратил внимание на слова

такого огородного пугала. Платье дикого фасона, а уж оборки-то!

— Я думаю, этому надо бы положить конец, — заявил Джордж.

— Прекрасно, дорогой, — рассмеялась Розамунд, откладывая помаду и с удовлетворением изучая в зеркальце свое отражение. — Вот ты и положи.

Ее супруг неожиданно вмешался:

— Я полагаю, Джордж прав. Людям ничего не стоит начать трепать языками.

— Ну и что? — Розамунд на мгновение задумалась, кончики ее губ приподнялись в лукавой улыбке. — Это может быть даже забавно.

— Забавно?! — воскликнули четыре голоса.

— Столкнуться с убийством в собственной семье, — сказала Розамунд. — Прямо дух захватывает!

Грегори Бэнксу, этому нервному и хмурому молодому человеку, вдруг пришло в голову, что кузина его жены имеет, если оставить в стороне ее соблазнительную внешность, почти неуловимое сходство со своей тетей Корой.

Следующие же слова Розамунд подтвердили его впечатление:

— Ну а если дядю действительно убили, то кто, по-вашему, это сделал? — Она задумчиво оглядела всех в купе. — Дядюшкина смерть была как нельзя более на руку нам всем. Мы с Тиком как раз оказались абсолютно на мели. Мику предложили чудную роль в Сэндберновском шоу, если он сможет потерпеть и дождаться ее. Теперь-то, конечно, все будет в ажуре. Мы сможем даже финансировать собственную постановку, если захотим. Есть тут одна пьеса с дивной ролью.

Никто не слушал восторженных речей Розамунд. Каждый обратился в мыслях к собственному ближайшему будущему.

«Вовремя подвалило, — думал Джордж. — Теперь я положу деньги назад, и никто ничего не узнает. Но, ей-богу, все висело на волоске».

Грегори, откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза. «Побег из рабства, — размышлял он, — вот что это такое».

Сьюзен сказала своим внятным звонким голосом:

— Мне, конечно, весьма жаль бедного дядю Ричарда, но ведь он был очень стар, а после смерти Мортимера у него в жизни ничего дорогого не осталось. И для него было бы просто ужасным доживать свой век жалким инвалидом. Так что внезапная, без лишней суетни, смерть оказалась не худшим выходом.

Жесткий взгляд молодых глаз Сьюзен смягчился, упав на замкнутое лицо мужа. Она обожала Грега, хотя и сознавала смутно, что он относится к ней с гораздо меньшим пылом. Это

обстоятельство, однако, только усиливало ее собственное чувство. Грег принадлежит ей, она сделает для него все. Буквально все.

Мод Эбернети, переодеваясь к обеду в Эндерби, где она осталась переночевать, размышляла над тем, не следует ли ей задержаться здесь подольше и помочь Элен разобраться в доме. Тут оставались личные вещи Ричарда, а быть может, и письма… Впрочем, тут же предположила она, все важные бумаги уже наверняка находятся у Энтуисла. Она должна вернуться к Тимоти как можно скорее. Он так дуется, когда ее нет рядом, чтобы ухаживать за ним. Надо надеяться, он будет доволен завещанием и не рассердится. Мод знала, что ее супруг рассчитывал получить большую часть состояния Ричарда. В конце концов он остался единственным, кто носит имя Эбернети. Ричард наверняка мог бы доверить ему заботу о молодом поколении. Пожалуй, Тимоти все-таки рассердится, а это всегда плохо отражается на его пищеварении. Опять начнет злоупотреблять лекарствами, не слушая ее, Мод. По правде говоря, временами с ним трудно, очень трудно. Надо бы поговорить об этом с доктором Бартоном. Например, эти снотворные… В последнее время Тимоти так увлекается ими, а ведь они могут быть опасными. Доктор Бартон говорит, что человек, случается, задремлет и забывает, что он уже принял таблетку, и глотает вторую, а уж тогда может случиться все что угодно. Действительно, последний раз во флаконе осталось таблеток меньше, чем следовало бы. Но Тимоти всегда так злится, когда она старается держать снотворные подальше от него. Он становится поистине невыносим, когда речь заходит о лекарствах.

Она вздохнула, затем лицо ее снова прояснилось. Многое теперь станет проще. Уход за садом, например.

Элен Эбернети сидела у горящего камина в зеленой гостиной, поджидая, когда Мод спустится к обеду.

Она оглядывалась вокруг, вспоминая старые дни, Лео и всех, кого уже нет. Это был счастливый дом. Но такому дому необходимы люди. Ему нужны дети и слуги, долгие шумные трапезы и бушующее пламя в каминах зимой. Не было зрелища печальнее, чем этот огромный особняк, когда в нем остался только старик, потерявший единственного сына.

Интересно, кто купит Эндерби? Может, он превратится в отель, в какой-нибудь институт или в молодежное общежитие? Сейчас это обычная участь старых больших домов. Никто не хочет в них жить. А может, его снесут, и весь участок застроят заново. Мысли были печальные, и Элен решительно от них отмахнулась. К чему тосковать о прошлом? Этот дом, и счастливые дни здесь, и Ричард, и Лео — все было прекрасно, но именно было. Теперь у

нее другая жизнь, друзья и интересы. Получив завещанную Ричардом долю, она сможет сохранить за собой виллу на Кипре и сделать все, что намеревалась.

Как беспокоили ее в последнее время денежные дела — налоги, неудачные вложения! Сейчас, спасибо Ричарду и его деньгам, эти тревоги позади.

Бедный Ричард. Как там было в некрологе? «Скоропостижно скончался…» Не эти ли слова заронили в голову Коры абсурдную мысль? Поистине Кора невозможна. И всегда была такой. Да еще и глупа. Ну да Бог с ней, бедняжка в этом не виновата. Элен вспомнила, как когда-то давно встретилась с Корой за границей. Это было вскоре после выхода Коры замуж за Пьера Ланскене. В тот день Кора вела себя особенно глупо и бестактно. Без конца вертела головой, высокопарно рассуждала о живописи, особенно о работах своего мужа, а он явно чувствовал себя при этом весьма неуютно. Еще бы, какому мужчине понравится, когда его жена прилюдно выставляет себя такой дурой. Ну, да ладно, бедняжка просто не могла, не умела вести себя иначе. Да и ее муж обращался с ней не очень-то хорошо.

Рассеянный взгляд Элен остановился на букете восковых цветов, стоявшем на круглом малахитовом столике. Кора сидела около него, когда все они собрались в гостиной перед тем, как отправиться в церковь. Она была переполнена воспоминаниями, радовалась, узнавая знакомые ей с детства вещи, и, по-видимому, совершенно забыла о том, что привело ее и всех Других в этот дом.

«А может, — подумала Элен, — она просто-напросто меньшая лицемерка, чем остальные?»

Кора никогда не заботилась о приличиях. Только она могла брякнуть такое: «Но ведь Ричарда убили, не так ли?»

Как все были ошеломлены и шокированы… и как уставились на Кору. И на каждом лице свое, особое выражение.

Воскрешая в уме эту сцену, Элен вдруг нахмурилась. Что-то здесь было не так…

Выражение на чьем-то лице? Или что-то — как бы это выразиться — чего не должно было быть?

Элен не знала… не могла понять, но что-то было не так.

В эту самую минуту дама в безвкусном траурном платье, прихлебывая чай, поглощала сдобные булочки в привокзальном буфете в Суиндоне и с удовольствием думала о будущем. Никакие мрачные предчувствия не беспокоили ее. Она была счастлива.

Эти поездки с пересадками, безусловно, могут вымотать всю душу. Было бы легче вернуться в Литчетт Сент-Мэри через

Лондон и не настолько уж дороже. Впрочем, теперь расходы не имеют значения. Но пришлось бы ехать вместе с родственниками и, вероятно, разговаривать всю дорогу. Слишком утомительно. Нет, лучше вернуться прежним путем. Эти булочки действительно превосходны. Странно, как хочется есть после похорон. Суп в Эндерби был великолепен, да и холодное суфле тоже. Как люди самодовольны и, лицемерны! Все эти лица, когда она сказала насчет убийства… Забавно вспомнить, как все уставились на нее. Ну что же, она сказала то, что нужно было сказать. Дама одобрительно кивнула самой себе. Затем взглянула на часы: пять минут до отхода поезда. Она допила чай. Чай не очень хорош. Она слегка поморщилась.

Несколько мгновений дама сидела погрузившись в мечты об открывшемся перед ней будущем. Улыбка на ее лице напоминала улыбку счастливого ребенка. Наконец-то можно будет взять кое-что от жизни… Она направилась к поезду, всецело занятая своими планами.

Глава 4

Мистер Энтуисл провел очень беспокойную ночь. Утром он чувствовал себя таким усталым и разбитым, что остался в постели. Его сестра, ведшая хозяйство в доме, принесла ему на подносе завтрак и заодно доходчиво объяснила, как глупо было с его стороны лететь сломя голову на север Англии, в его-то возрасте и при его-то здоровье.

— Похороны! — произнесла она тоном глубочайшего неодобрения. — Для человека твоих лет похороны совершенно губительны. Если ты не будешь беречь себя, то умрешь столь же скоропостижно, как твой драгоценный мистер Эбернети.

Энтуисл не стал с ней спорить. Но он прекрасно знал, почему слово «скоропостижно» заставило его вздрогнуть. Кора Ланскене! Высказанная ею мысль была абсолютно невероятной, но ему все-таки хотелось бы знать, откуда она у нее взялась. Да, он отправится в Литчетт Сент-Мэри и повидается с Корой. Можно будет сослаться на какие-нибудь дела, связанные с завещанием. Чтобы она не догадалась, что ее дурацкое замечание привлекло его внимание. Но он поедет к ней, и как можно скорее.

Энтуисл покончил с завтраком и откинулся на подушки, держа в руках «Таймс»[218]. Чтение этой газеты всегда весьма его успокаивало.

Примерно без четверти шесть вечера раздался телефонный звонок. Энтуисл взял трубку. Звонил мистер Джеймс Паррот, его партнер в фирме «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард».

— Послушайте, Энтуисл, — начал он, — со мной только что связался инспектор полиции из какого-то Литчетт Сент-Мэри.

— Литчетт Сент-Мэри?

— Да. — Мистер Паррот сделал короткую паузу. Казалось, он не знал, как продолжить. — Это насчет некой миссис Коры Ланскене. Она ведь одна из наследниц состояния Эбернети?

— Ну конечно. Я видел ее вчера на похоронах.

— Так она была на похоронах?

— Да, а что с ней такое?

— Видите ли, — извиняющимся тоном ответил Паррот, — произошла удивительная вещь: ее у б и А и. — Паррот произнес это слово с величайшим отвращением. Сам тон его наводил на мысль о том, что между словом «убийство» и фирмой «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард» нет и не может быть ничего общего.

— У били?!

— Боюсь, что так… То есть я хотел сказать, что в этом нет никаких сомнений.

— А почему полиция обратилась к нам?

— Это все ее компаньонка, или экономка, или кто она там, некая мисс Джилкрист. Ее спросили о ближайших родственниках или поверенных миссис Ланскене. Она, по-видимому, ничего толком не знает о родственниках, но о нашей фирме ей известно. Так что полиция сразу связалась с нами.

— Почему там думают, что ее убили? — спросил мистер Энтуисл.

— Ничего другого просто быть не может. В ход был пущен топор или что-то вроде этого. Зверское преступление.

— Грабеж?

— Судя по всему, да. Окно разбито вдребезги, все ящики выдвинуты, пропали кое-какие безделушки. Но полиция, кажется, подозревает что-то иное.

— Когда это произошло?

— Сегодня днем где-то между двумя и четырьмя с половиной часами.

— А где была экономка?

— Меняла библиотечные книги в Рединге[219]. Она вернулась примерно в пять часов и нашла миссис Ланскене мертвой. Полицию интересует, не можем ли мы пролить какой-либо свет на это дело. Я сказал, — голос Паррота зазвучал возмущенно, — что, по моему мнению, это крайне маловероятно. Лично я считаю, что это сделал какой-нибудь парень с придурью из местных. Решил что-нибудь стянуть, потом потерял голову и укокошил женщину. Наверняка это так, вы не считаете, Энтуисл?

— Да, да… — рассеянно отозвался Энтуисл.

Паррот прав, внушал он себе, ничего другого быть просто не могло. Но на душе у него скребли кошки, а в ушах звучал жизнерадостный Корин голос: «Но ведь Ричарда убили, не так ли?» Кора — дурочка. Всегда она была так неосмотрительна. Изрекала неприятные истины. Истины! Опять это треклятое слово…

Мистер Энтуисл и инспектор Мортон оценивающе глядели друг на друга.

В своей четкой и сухой манере юрист изложил инспектору все, что знал о Коре Ланскене. Ее рождение, воспитание, замужество, вдовство, финансовое положение и родственные связи. Ближайшим родственником покойной является ее единственный оставшийся в живых брат, мистер Тимоти Эбернети. Он почти инвалид, живет затворником и практически лишен возможности покидать свой дом. Поэтому он уполномочил его, Энтуисла, действовать от своего имени и предпринять все необходимые шаги.

Инспектор кивнул. Ему было приятно иметь дело с этим пожилым и проницательным человеком. Кроме того, он надеялся, что тот поможет ему разобраться в деле, которое начинало казаться довольно запутанным.

— Со слов мисс Джилкрист, — заговорил он, — мы поняли, что миссис Ланскене накануне своей смерти была на севере на похоронах своего старшего брата.

— Совершенно верно, инспектор. Я и сам там был.

— Вы не заметили в ее поведении странности или настороженности?

— Разве в поведении человека, не подозревающего о своей скорой смерти, появляются странности? — поднял брови Энтуисл с хорошо разыгранным удивлением.

Инспектор улыбнулся, словно извиняясь:

— Я вовсе не имел в виду непонятного возбуждения, выражения какого-либо предчувствия или чего-нибудь в этом роде.

— Боюсь, я не совсем понимаю, инспектор.

— В этой истории не все ясно, мистер Энтуисл. Допустим, кто-то видел, как эта Джилкрист вышла из дома и направилась к автобусной остановке. Затем этот кто-то берет топор, лежащий у дровяного сарая, разбивает окно в кухне, проникает в коттедж, поднимается наверх и накидывается на миссис Ланскене. Накидывается зверски, нанеся топором шесть или восемь ударов.

Мистер Энтуисл вздрогнул.

— После этого, — продолжил инспектор, — убийца выдвигает несколько ящиков, прихватывает с собой пару побрякушек ценой не более десяти фунтов и отбывает восвояси.

— Она была в постели?

— Да. Насколько известно, накануне она вернулась из поездки крайне усталая и возбужденная. Она ведь получила какое-то наследство?

— Да.

— Спала она очень плохо и проснулась со страшной головной болью. Выпила несколько чашек чаю, приняла какое-то лекарство и попросила мисс Джилкрист не беспокоить ее до ленча. К этому времени ей, однако, не полегчало, и она приняла две таблетки снотворного. Тогда же она послала мисс Джилкрист в Рединг обменять книги в библиотеке. Когда кто-то, кто бы это ни был, проник в дом, миссис Ланскене уже спала или, во всяком случае, дремала. Взломщик вполне мог бы взять все, что ему хотелось, пустив в ход угрозы или засунув ей кляп в рот. Топор, столь предусмотрительно захваченный им с собой, представляется в этих обстоятельствах совершенно излишним.

— Может быть, он просто хотел пригрозить ей топором, — предположил Энтуисл, — на случай, если бы она начала сопротивляться.

— Никаких следов борьбы не обнаружено. Судя по медицинскому заключению, миссис Ланскене мирно спала, когда на нее напали.

Мистер Энтуисл беспокойно пошевелился в кресле.

— Известны случаи таких варварских и, по сути дела, бессмысленных убийств, — сказал он.

— Вероятно, к этому все и сведется. Разумеется, предписано задерживать всех подозрительных личностей. Впрочем, мы почти уверены, что никто из местных тут не замешан: у большинства железное алиби, поскольку в это время дня они находились на работе. Правда, коттедж миссис Ланскене находится не в самой деревне, а на дороге, ведущей к ней. Туда мог незаметно пробраться кто угодно. Вокруг деревни целый лабиринт дорог и тропинок. В то утро стояла прекрасная погода, а дождя не было уже несколько дней, так что, даже если кто-нибудь и подъезжал туда на машине, никаких следов обнаружить было уже невозможно.

— Вы полагаете, что все так и происходило? — живо спросил Энтуисл.

Инспектор пожал плечами.

— Не знаю. Хочу лишь сказать, что в этом деле есть любопытные детали. Вот, например…

Он выложил на стол несколько безделушек: брошку в форме трилистника с мелкими жемчужинами, брошь с аметистами, небольшую нитку недорогого жемчуга и браслет, украшенный гранатами.

— Эти вещи были взяты из шкатулки с драгоценностями. Их нашли совсем рядом с домом, в кустах.

— Гм, это любопытно. Может, убийца испугался содеянного и…

— Вполне возможно. Но тогда он наверняка оставил бы эти вещицы в ее комнате наверху. Паника, впрочем, могла овладеть им и на пути между спальней и воротами.

Мистер Энтуисл спокойно вставил:

— Или же, как вы предполагаете, эти штуки были взяты лишь для отвода глаз.

— Вариантов тут несколько… Не исключено, конечно, что это дело рук мисс Джилкрист. Знаете, когда две женщины живут только вдвоем, могут быть всякие ссоры, обиды и тому подобное. Мы учли и это. Версия, однако, сомнительная. По всем данным, они отлично уживались друг с другом.

Он помолчал и продолжил:

— Итак, вы полагаете, что никто не получил бы выгоды от смерти миссис Ланскене?

— Не совсем так, — чуть помедлив, сказал юрист.

Инспектор Мортон быстро вскинул на него глаза.

— Но ведь вы сказали, что миссис Ланскене жила на содержание, выделенное ей братом, и что собственных средств у нее не было.

— Да, именно. Ее супруг умер полным банкротом, а она, насколько я знал ее до замужества, да и после, была абсолютно неспособна скопить хоть что-нибудь.

— Коттедж она арендовала, принадлежащая ей мебель «под дуб» не представляет собой ничего особенного. Остались еще какие-то картины. Кто все это унаследует, не особенно-то разживется, если, разумеется, она вообще оставила завещание.

Энтуисл покачал головой:

— Мне абсолютно ничего не известно о ее завещании. Я же говорил вам, что не видел ее много лет.

— Тогда что вы, собственно, имеете в виду? Ведь вы что-то имели в виду?

— Да, имел. Но я хотел быть предельно точным.

— Вы о наследстве, оставленном ей братом? Имела она право распорядиться им по своему усмотрению?

— Не совсем так, как вы предполагаете. Она не могла распоряжаться капиталом. Сейчас, когда она умерла, он будет разделен между пятью другими наследниками Ричарда Эбернети. Вот это я и имел в виду. Все они автоматически получают выгоду в результате смерти Коры Ланскене.

Инспектор казался разочарованным.

— А я-то думал, мы на что-то наткнулись. Тут наверняка нет мотива для того, чтобы набрасываться с топором на человека. Похоже, это действительно учинил какой-то малый, у которого не все дома. Один из этих несовершеннолетних правонарушителей, которых сейчас хоть пруд пруди. А потом нервы у него сдали, он швырнул свою добычу в кусты и дал тягу. Так оно скорее всего и было, если только здесь не замешана уважаемая мисс Джилкрист, что, по правде говоря, представляется крайне маловероятным.

— Когда она обнаружила труп?

— Почти в пять часов. Вернувшись из Рединга автобусом в шестнадцать пятьдесят, она вошла в коттедж через парадную дверь и сразу направилась в кухню, чтобы поставить чайник. Из комнаты миссис Ланскене не доносилось ни звука, и мисс Джилкрист решила, что та еще спит. Попозже она заметила разбитое окно в кухне: осколки валялись по всему полу. Но даже

и тогда она ничего не заподозрила, подумала, что стекло наверняка разбил — мячом или из рогатки — соседский мальчишка. Мисс Джилкрист прошла наверх и осторожно заглянула в комнату хозяйки, чтобы узнать, не пора ли подавать чай. Увидев, что случилось, она от ужаса чуть было не упала в обморок, затем закричала и кинулась к соседям. Ее рассказ выглядит абсолютно логичным и последовательным. Ни в ее комнате, ни в ванной, ни на ее одежде не обнаружено следов крови. Нет, я не думаю, что мисс Джилкрист имеет к этому какое-либо отношение. Врач прибыл в половине шестого. По его мнению, смерть наступила не позднее, чем в половине пятого, а вероятнее всего, ближе к двум часам. Так что, похоже, кто-то болтался поблизости, выжидая, когда уйдет мисс Джилкрист.

Юрист поморщился.

Инспектор продолжил:

— Вы, я полагаю, захотите повидать ее?

— Да, я подумывал об этом.

— Это хорошо. Думаю, она рассказала нам все, что могла, но кто знает… Иногда в беседе нет-нет да и вынырнет какой-нибудь фактик, вообще-то она типичная субтильная старая дева, но человек вполне разумный и практичный. Она вела себя очень расторопно и дельно и во многом помогла нам.

Он сделал паузу, а затем сказал:

— Тело в морге. Если вы хотите взглянуть…

Мистер Энтуисл согласился, но без всякого энтузиазма. Спустя несколько минут он стоял, глядя на бренные останки Коры Ланскене. Ей нанесли поистине страшные удары по голове — выкрашенная хной челка на лбу слиплась и залубенела от запекшейся крови. Энтуисл сжал губы и отвернулся со стесненным сердцем.

Бедная маленькая Кора. Как ей позавчера не терпелось узнать, оставил ли брат что-нибудь и для нее. Какие радужные планы она, должно быть, строила на будущее. Каких глупостей она могла бы натворить — и с каким удовольствием! — располагая деньгами. Бедная Кора… Не много же времени было отпущено ей на розовые мечты.

Никто не извлек никакой выгоды из ее смерти, даже изверг-убийца, бросивший при бегстве украденные безделушки. Пять человек получат еще несколько тысяч фунтов, но капитала, который им уже достался, вероятно, более чем довольно. Нет, здесь не могло быть причин для убийства. И что удивительно — мысли Коры были заняты убийством как раз накануне ее собственной насильственной смерти. «Ведь Ричарда убили, не так ли?» Абсурд! Рассказывать об этом инспектору Мортону было

просто смешно. Возможно, хотя это и маловероятно, мисс Джилкрист могла бы пролить свет на сказанное Ричардом Коре… «Из его слов я поняла…» Что именно сказал Ричард?

«Разумеется, необходимо поговорить с мисс Джилкрист… Я должен увидеться с ней немедленно», — сказал себе мистер Энтуисл.

Мисс Джилкрист оказалась сухощавой увядшей женщиной с коротко стриженными седыми волосами. У нее были неопределенные черты лица, столь обычные для женщин в возрасте около пятидесяти. Энтуисла она встретила с радостью.

— Как хорошо, что вы приехали, мистер Энтуисл. Я ведь так мало знаю о семье миссис Ланскене и уж конечно раньше мне никогда не приходилось иметь дела с убийствами. Это так ужасно!

Энтуисл охотно поверил, что мисс Джилкрист раньше никогда не сталкивалась с убийством. По сути дела, ее реакция на случившееся была во многом похожа на реакцию его собственного компаньона.

— Разумеется, о подобных вещах читаешь в газетах, — сказала мисс Джилкрист, решительно ставя убийство на полагающееся ему место. — Но в последнее время я даже читать о таком избегала. Большинство этих преступлений так вульгарны.

Проследовав за ней в гостиную, Энтуисл внимательно огляделся вокруг. В помещении сильно пахло масляной краской. Оно было битком набито, но не мебелью, о которой говорил инспектор Мортон, а картинами, очень темными и грязными, написанными в основном маслом. Были также наброски акварелью и пара натюрмортов. Холсты меньшего формата громоздились на подоконнике.

— Миссис Ланскене обычно покупала их на распродажах, — объяснила мисс Джилкрист. — Она была страшно увлечена картинами, не пропускала ни одной распродажи в окрестностях. Их сейчас можно приобрести почти даром. Она никогда не платила больше одного фунта. Иногда всего несколько шиллингов. И все говорила, что, если повезет, за гроши можно купить и нечто стоящее. Миссис Ланскене думала, что вот это итальянский примитивист[220], который, может быть, стоит уйму денег.

Энтуисл с сомнением взглянул на предложенного его вниманию «итальянского примитивиста». Кора, если быть откровенным, мало что понимала в живописи. Пусть его, Энтуисла, повесят, если что-нибудь из этой мазни стоит хотя бы пять фунтов!

— Конечно, — продолжала мисс Джилкрист, заметив

выражение его лица, — сама я не очень разбираюсь в таких вещах, хотя мой отец и был художником. Правда, не очень удачливым. Но в молодости я рисовала акварели и слышала много разговоров о живописи. Миссис Ланскене была так довольна, что ей есть с кем поболтать об этом. Она, бедняжка, просто обожала искусство.

— Вы любили ее?

«Глупый вопрос, — тут же упрекнул он себя. — Разве она ответит „нет“? А ведь жизнь с Корой наверняка была не сахар».

— О да, — сказала мисс Джилкрист. — Мы прекрасно ладили. Кое в чем, знаете ли, миссис Ланскене была совсем как ребенок. Она говорила все, что приходило ей в голову. Я не уверена, что ее суждения всегда были здравыми…

— Я бы не рискнул назвать покойную непроходимой дурой, — заметил Энтуисл. — Скажем так: она ни в коей мере не была интеллектуалкой.

— Наверное, вы правы. Однако, мистер Энтуисл, она была очень и очень проницательна. Я иногда просто поражалась, как она быстро соображала, что к чему.

Мистер Энтуисл взглянул на собеседницу с возросшим интересом. Он подумал, что она и сама далеко не глупа.

— Насколько я знаю, вы пробыли с миссис Ланскене несколько лет?

— Три с половиной года.

— Вы… э… были компаньонкой и… м-м… присматривали за домом?

Очевидно, он затронул щекотливую тему. Щеки мисс Джилкрист покрылись легким румянцем.

— Да, это так. На мне была почти вся стряпня, я очень люблю готовить. Ну еще пыль смахнуть и другая легкая работа по дому. Никакой черной работы, разумеется.

Тон мисс Джилкрист не допускал возражений. Энтуисл, понятия не имевший о том, что такое черная работа, пробормотал что-то примирительное.

— Для этого два раза в неделю приходила миссис Пэнтер из деревни. Видите ли, мистер Энтуисл, я не потерпела бы, чтобы меня считали прислугой. У меня самой была маленькая чайная, но все пошло прахом во время войны. А такое милое было заведение, называлось «Ивушка». Вся чайная посуда была так очаровательно разрисована голубыми ивами И к чаю подавали превосходную сдобу. У меня всегда была легкая рука на кексы и ячменные лепешки. Потом война, начались перебои со снабжением, я обанкротилась, потеряла те небольшие деньги, которые мне оставил папа и которые я вложила в это дело. Что

мне оставалось? Я ведь никогда ничему не училась. Вот я и пошла в компаньонки, устроилась к одной леди. Но ничего хорошего из этого не полнилось, она была слишком труба и заносчива. Затем я одно время служила в конторе, но это тоже было не по мне. Ну а потом я познакомилась с миссис Ланскене, и мы сразу зажили душа в душу. Ведь ее покойный супруг тоже был художником, ну и так далее… Но как я любила свою милую маленькую чайную! Туда приходили такие замечательные люди…

Глядя на мисс Джилкрист, Энтуисл невольно вспоминал про множество подобных ей женщин: с корректными манерами, облаченных в опрятные розовые или оранжевые халатики, принимающих у посетителей заказы на чай с кексом в бесчисленных «Прибрежных рощицах», «Рыжих котах», «Голубых попугаях», «Ивушках» и «Уютных уголках». У мисс Джилкрист было свое духовное прибежище — респектабельная чайная, этакий обломок «старых добрых времен», с сугубо приличной клиентурой. По всей стране, подумал он, снует множество женщин вроде мисс Джилкрист, похожих друг на друга своими кроткими терпеливыми лицами, упрямой складкой губ и старомодными прическами.

Печально задумавшаяся мисс Джилкрист встряхнулась:

— Право же, я не должна отнимать у вас время разговорами о себе. Полицейские были очень внимательны и добры. Инспектор Мортон из Главного управления такой любезный человек. Он даже устроил так, что я могла бы переночевать у миссис Лейк, дальше по дороге, но я сочла своим долгом остаться здесь и присмотреть за всеми прекрасными вещами миссис Ланскене. Они, разумеется, увезли, — она нервно сглотнула, — тело и заперли дверь спальни, а инспектор оставил на всю ночь полисмена в кухне, знаете, из-за разбитого стекла… кстати сказать, сегодня вставили новое. Так о чем это я? Значит, я сказала, что прекрасно проведу ночь в моей комнате, хотя, по правде, я все же загородила дверь комодом и поставила большой кувшин с водой на подоконник. Если это действительно какой-то ненормальный…

Здесь мисс Джилкрист остановилась, чтобы перевести дыхание.

Энтуисл быстро вставил:

— Инспектор изложил мне основные факты. Но если вам будет не очень тягостно рассказать кое-какие подробности…

— О да, мистер Энтуисл, я вас прекрасно понимаю. Полицейские подходят к делу так официально… Но ведь это, должно быть, правильно.

— Миссис Ланскене, насколько мне известно, вернулась с

похорон позавчера поздно вечером?

— Да. Поезд немного опоздал. Я заказала такси, чтобы встретить ее на станции, как она распорядилась. Бедняжка ужасно устала — и это так естественно! — но, в общем-то, была в хорошем настроении.

— Так, так. Рассказывала она о похоронах?

— Очень мало. Я дала ей чашку горячего молока, больше она ничего не захотела, и она рассказала только, что в церкви было много народу и масса цветов. Да, еще она очень жалела, что не увидела своего другого брата… Тимоти, кажется?

— Да, Тимоти.

— По ее словам, она не видела его больше двадцати лет и надеялась встретиться с ним на похоронах, но потом решила, что он, наверное, поступил верно — при сложившихся обстоятельствах ему даже лучше было не приезжать. Правда, приехала его жена, которую миссис Ланскене всегда терпеть не могла… о, простите, мистер Энтуисл, это у меня просто сорвалось, я вовсе не хотела…

— Ничего, ничего, — успокоил ее юрист. — Вы ведь знаете, я не член семьи, и, кроме того, мне известно, что Кора и ее невестка никогда особенно друг с другом не ладили.

— Примерно то же самое она сказала и мне. По ее словам, она всегда знала, что Мод когда-нибудь превратится в этакую властную, деспотичную особу. Миссис Ланскене была страшно усталой и сказала, что сразу ляжет спать. Я принесла ей грелку с горячей водой, и она поднялась к себе наверх.

— Больше вам ничего не запомнилось из того, что она говорила?

— Если вы имеете в виду предчувствие, мистер Энтуисл, то ничего такого не было. Наоборот, она была прекрасно настроена, если не считать усталости и… печальных обстоятельств. Она спросила меня, не хочу ли я поехать на Капри. Подумать только, на Капри! Конечно, я сказала, что это было бы просто замечательно, а она объявила: «Мы поедем туда!» Я поняла — прямо мы об этом, естественно, не говорили, — что брат оставил ей ежегодный доход или что-то вроде этого.

Мистер Энтуисл утвердительно кивнул.

— Бедняжка! Ну что же, я рада, что она хоть получила удовольствие, когда строила всякие планы. — Мисс Джилкрист помолчала и уныло добавила: — Теперь-то я уж никогда не попаду на Капри.

— А на следующее утро? — поторопился вставить мистер Энтуисл, не обращая внимания на разочарованный тон компаньонки.

— На следующее утро миссис Ланскене чувствовала себя очень плохо и выглядела просто ужасно. Она сказала, что не спала всю ночь и что ее мучили кошмары. Я ответила, что она, наверное, переутомилась. Она позавтракала в постели и не вставала целое утро. Когда наступило время ленча, она сказала мне, что так и не смогла уснуть: «Просто места себе не нахожу, все думаю и думаю о разных вещах». Потом сказала, что примет несколько таблеток снотворного и постарается как следует выспаться во второй половине дня. Ей было нечего читать, и она попросила меня съездить в Рединг и обменять в библиотеке две книги, дочитанные ею накануне в поезде. Обычно двух книжек ей хватало на неделю. Я уехала на автобусе, и… это был последний раз… — Мисс Джилкрист зашмыгала носом. — Она, вероятно, крепко спала. Инспектор уверяет, что она не успела ничего почувствовать и что первый удар, должно быть, сразу убил ее. О, Господи, мне тошно даже думать об этом!

— Простите, простите. Я вовсе не хотел, чтобы вы задерживались на этих тягостных воспоминаниях. Я хотел только, чтобы вы рассказали мне о настроении миссис Ланскене накануне трагедии.

— Вполне естественно. Скажите ее родным, что, если не считать предыдущей плохой ночи, она была вполне счастлива и с удовольствием думала о будущем.

Энтуисл задумался на мгновение, прежде чем задать следующий вопрос, так как не хотел, чтобы он был наводящим.

— Не упоминала ли она о ком-нибудь из своих родных конкретно?

— Нет, нет. Вот только насчет брата Тимоти.

— А о смерти своего брата Ричарда? О причине или о чем-то еще в этом роде?

— Нет.

На лице мисс Джилкрист не было ни малейшего следа тревоги, которая, был уверен Энтуисл, наверняка появилась бы, обмолвись Кора хоть одним словом о своих подозрениях насчет убийства.

— Но ведь он, кажется, болел, — неопределенно высказалась мисс Джилкрист. — Хотя, признаюсь, я удивилась, услышав, что он умер. Он выглядел таким крепким.

Мистер Энтуисл вздрогнул от неожиданности.

— Вы видели его? Когда?

— Когда он приезжал сюда к миссис Ланскене. Это было, дай Бог памяти… примерно недели три назад.

— Он гостил здесь?

— О нет. Просто приехал к ленчу. Миссис Ланскене не ждала

его. Насколько я могу судить, там в прошлом были какие-то семейные неурядицы. Она сказала мне, что не виделась с братом много лет. Ее расстроил его неожиданный приезд и то, что он так болен.

— А она знала, что он болен?

— Да, это я хорошо помню. Потому что я подумала, только подумала про себя, вы понимаете, уж не страдает ли мистер Эбернети размягчением мозга. Моя тетя…

Собеседник ловко обошел вопрос о тете.

— Что заставило вас подумать о размягчении мозга? Что-нибудь сказанное миссис Ланскене?

— Да, она сказала что-то вроде: «Бедный Ричард, смерть Мортимера ужасно состарила его. Он совсем одряхлел и, кажется, начал заговариваться. Все эти фантазии насчет преследования и что кто-то мало-помалу отравляет его. Со стариками такое случается». И она была совершенно права. Эта моя тетушка была уверена, что прислуга подсыпает ей яд в пищу, и кончила тем, что ела только вареные крутые яйца, потому что считала, что в такое яйцо нельзя подложить отраву. Мы тогда смеялись над ней, но теперь я думаю, а что бы мы делали с ней сейчас, когда яйца такой дефицит, да и те, что есть, — сплошь заграничные, их и варить-то страшно.

Мистер Энтуисл не вслушивался в сагу о тетушке. Он был глубоко озабочен. Когда мисс Джилкрист остановилась, чтобы перевести дух, он поинтересовался:

— Полагаю, миссис Ланскене не воспринимала все это всерьез?

— Нет, нет, мистер Энтуисл, она все прекрасно поняла.

Этот ответ встревожил юриста еще больше, поскольку в слово «поняла» он вкладывал иной смысл, чем, видимо, мисс Джилкрист. Действительно ли Кора Ланскене поняла, в чем дело? Быть может, не сразу, а несколько позже. Не поняла ли она все слишком хорошо?

Мистер Энтуисл прекрасно знал, что Ричард Эбернети никоим образом не страдал старческим слабоумием. Ни о какой мании преследования у него не могло быть и речи. До последнего момента он оставался тем, кем был всегда: деловым человеком с трезвым и холодным умом В этом смысле его болезнь ровным счетом ничего не изменила. Странно, если он говорил с сестрой на такую тему и в таких выражениях. Но, быть может, Кора с ее детской проницательностью сама поставила все точки над «i» в том, что ей рассказал Ричард? Во многих и многих отношениях, размышлял Энтуисл, Кора была самой настоящей дурой. В ней не было ни здравомыслия, ни уравновешенности, но она отличалась

какой-то инфантильной прямотой и беспощадностью, которые помогали ей порой инстинктивно увидеть правду, скрытую от других.

Мистер Энтуисл вздохнул и осведомился, что мисс Джилкрист известно о завещании Коры. Та сразу же ответила, что завещание миссис Ланскене хранится в банке. Он настоял, чтобы компаньонка взяла небольшую сумму на текущие расходы, и обещал поддерживать с ней связь. Не согласится ли мисс Джилкрист остаться в коттедже, пока не подыщет себе новое место? О, конечно, конечно, ее это вполне устраивает.

Перед уходом Энтуислу еще пришлось полюбоваться картинами покойного Пьера Ланскене, развешанными в маленькой столовой. В основном это были изображения «обнаженной натуры», поражавшие почти полным отсутствием у живописца всякого таланта и в то же время его склонностью тщательно прорисовывать даже самые мелкие детали. Энтуисл только содрогнулся. И в заключение ему были продемонстрированы этюды маслом самой Коры Ланскене виды рыбацких деревушек большей частью.

— Полперро, — с гордостью произнесла мисс Джилкрист. — Мы были там в прошлом году, и миссис Ланскене была очарована его живописностью.

Рассмотрев виды Полперро с северо-запада, с юго-запада и со всех других направлений, мистер Энтуисл признал, что миссис Ланскене действительно вкладывала в живопись всю душу.

— Она обещала оставить мне свои этюды, — мечтательно говорила тем временем компаньонка. — Я ими так всегда восхищалась. Даже если она забыла упомянуть об этом в завещании, я, быть может, могу оставить себе хотя бы один на память, как вы думаете?

— Уверен, что это можно будет устроить, — великодушно кивнул мистер Энтуисл.

Согласовав еще кое-какие мелочи, он направился в банк, а затем к инспектору Мортону для дальнейшей консультации.

Глава 5

— Ты вымотался, абсолютно вымотался, — сказала мисс Энтуисл тем возмущенным и агрессивным тоном, каким любящие сестры имеют привычку говорить со своими братьями, у которых они ведут хозяйство. — В твоем возрасте это не годится. И какое ты имеешь ко всему этому отношение, хотела бы я знать? Ведь ты ушел на покой, не правда ли?

Мистер Энтуисл кротко ответил, что Ричард Эбернети был одним из его старейших друзей.

— Пусть так, но ведь он умер. Чего же ради тебе вмешиваться в дела, которые тебя абсолютно не касаются, и простужаться насмерть в этих кошмарных, насквозь продуваемых поездах. И к тому же убийство! Я вообще не понимаю, почему они послали за тобой.

— Потому, что в коттедже нашли подписанное мною письмо, которым я уведомлял Кору о некоторых подробностях похорон Ричарда.

— Похороны за похоронами! Кстати, это напомнило мне… Кто-то из этих Эбернети звонил тебе. Он назвался Тимоти. Откуда-то из Йоркшира, кажется. Сказал, что позвонит позднее.

Звонок раздался в тот же вечер. Взяв трубку, поверенный услышал на другом конце провода голос Мод Эбернети:

— Слава Богу, наконец я застала вас! Тимоти в ужасном состоянии, это известие о Коре, безумно расстроило его.

— Вполне понятно, — ответил мистер Энтуисл.

— Вы хотите сказать, что ее действительно убили? — спросила Мод с некоторым сомнением в голосе.

«Но ведь Ричарда убили, не так ли?» — припомнился Энтуислу вопрос Коры. На этот раз ответить можно было без всяких колебаний.

— Да, ее убили, — подтвердил Энтуисл.

— И, судя по газетным сообщениям, топором?

— Да.

— Мне это кажется совершенно невероятным. Чтобы сестра Тимоти, его родная сестра была убита топором!

Энтуислу это казалось столь же невероятным. Тимоти был так далек от всего связанного с насилием, что казалось, будто от него застрахованы и его родственники.

— Полагаю, что факты — упрямая вещь, — сказал Энтуисл вежливо, но твердо.

— Я так тревожусь за Тимоти. Сейчас мне пришлось уложить его в постель, но он хочет, чтобы вы приехали поговорить с ним.

Его интересует сотня вещей: будет ли дознание и когда, выражала ли покойная какие-либо пожелания насчет похорон, есть ли завещание?

— Да, завещание есть. Она назначила Тимоти своим, душеприказчиком.

— О, Господи! Боюсь, что он не сможет…

— Фирма позаботится о всех формальностях. Завещание очень простое. Свои собственные этюды и аметистовую брошь она оставила компаньонке, мисс Джилкрист, а все остальное — Сьюзен.

— Сьюзен? Интересно, почему? Кора ведь ее почти не видела, разве что ребенком.

— Я думаю, это потому, что Сьюзен не очень угодила родным своим замужеством.

Мод фыркнула.

— Пьер Ланскене не годился бы в подметки даже Грегори. Правда, в мое время девушке и в голову бы не пришло выйти замуж за человека, который обслуживает людей за прилавком. И к тому же аптека — это все же лучше, чем, скажем, галантерейный магазин. В любом случае, Грегори хоть выглядит прилично. Значит, Сьюзен получит доход, который Ричард оставил Коре?

— Нет, капитал будет разделен соответственно условиям завещания Ричарда. Бедняжка Кора оставила только несколько сот фунтов и мебель в своем коттедже.

Сомневаюсь, чтобы после уплаты долгов и продажи мебели общая сумма составила более пятисот фунтов. Разумеется, будет дознание, оно назначено на следующий четверг. И если Тимоти не возражает, мы пошлем туда молодого Ллойда, чтобы он присутствовал от имени семьи. К сожалению, некоторой огласки не избежать, учитывая… обстоятельства.

— Как неприятно! А этого бандита уже схватили?

— Пока нет.

— Наверное, это один из тех кошмарных юнцов, которые болтаются по сельской местности и всех подряд убивают. Полиция так беспомощна.

— Нет, нет, — возразил Энтуисл, — полиция вовсе не беспомощна, выкиньте эту мысль из головы.

— Вообще, это все просто невероятно. Тимоти абсолютно выбит из колеи. Так не могли бы вы приехать, мистер Энтуисл? Это так успокоило бы его.

Юрист помолчал. Пожалуй, стоит принять приглашение.

— Хорошо, в этом есть некий резон. Мне все равно понадобится подпись Тимоти под некоторыми документами. Он

же душеприказчик.

— Прекрасно, у меня словно гора с плеч! Значит, завтра, и вы останетесь переночевать? Поезд идет в одиннадцать двадцать с Сент-Панкраса.

— Сожалею, но мне придется воспользоваться вечерним поездом. Утром у меня будут другие дела.

Джордж Кроссфилд приветствовал мистера Энтуисла сердечно, но чуточку удивленно.

В порядке объяснения, хотя на самом деле это ничего не объясняло, Энтуисл сказал:

— Я только что вернулся из Литчетт Сент-Мэри.

— Так, значит, это действительно тетя Кора? Я читал об этом в газетах, но просто не мог поверить и решил, что это, должно быть, просто однофамилица.

— Ланскене не такая уж распространенная фамилия.

— Конечно, конечно. Но человеку всегда трудно поверить, что убит кто-то из его родственников. Судя по всему, этот случай напоминает убийство в прошлом месяце в Дартмуре[221].

— Разве?

— Те же обстоятельства. Такой же одинокий коттедж и две пожилые женщины. Похищена какая-то сумма наличными, но столь мизерная, что почти невозможно счесть это достаточным мотивом.

— Как знать, — вставил Энтуисл. — Ценность денег всегда относительна. Тут главное, насколько они вам нужны.

— Да, полагаю, вы правы.

— Если, например, вы нуждаетесь в десяти фунтах, то пятнадцати будет более чем достаточно. И наоборот. Если, допустим, вам необходима сотня, никак не обойдешься сорока пятью.

— По-моему, в наше время пригодятся любые деньги. Все так стеснены в средствах, — перебил его Джордж, и глаза его блеснули.

— Да, но не настолько чтобы деньги становились вопросом жизни и смерти, а я имел в виду именно это. Кстати, Джордж, не нужен ли вам аванс, пока дело с наследством не улажено окончательно?

— Собственно, я и сам хотел заговорить об этом. Впрочем, в банке, когда я сослался на вас, охотно согласились потерпеть, хотя по текущему счету у меня там перерасход.

Глаза Джорджа снова блеснули, и искушенный в подобных делах Энтуисл узнал этот странный блеск. Теперь он был уверен, что Джордж, даже если деньги не стали для него вопросом жизни и смерти, весьма и весьма нуждался в них. И еще он подумал, что

сам никогда не доверился бы Джорджу в денежных делах. А не пришел ли к такому же выводу и старый Ричард Эбернети, превосходно разбиравшийся в людях? Мистер Энтуисл был уверен, что после смерти Мортимера Ричард подумывал о том, чтобы сделать Джорджа своим единственным наследником. Не будучи формально Эбернети, тот был единственным мужчиной среди молодого поколения. Он был бы естественным преемником Мортимера. Однако Ричард, когда Джордж прогостил у него несколько дней, по-видимому, разочаровался в нем. Не подсказала ли ему интуиция, так же как теперь и самому Энтуислу, что на честность Джорджа положиться нельзя? В свое время семья сочла, что, выйдя замуж за отца Джорджа, Лаура сделала далеко не лучший выбор. Какой-то биржевой маклер, у которого помимо биржи были какие-то другие таинственные делишки. Судя по всему, Джордж больше пошел в своего батюшку, нежели в родственников по материнской линии.

Неправильно истолковав, вероятно, молчание юриста, Кроссфилд, смущенно посмеиваясь, сказал:

— Честно говоря, в последнее время мне не везет в делах. Я рискнул — и многое потерял на этом. Но теперь я снова смогу встать на ноги. Нужен только небольшой капитал. Акции «Ардене консолидейтед» — дело верное, как вы считаете?

Энтуисл промолчал. У него в голове невольно мелькнуло: уж не спекулирует ли Джордж на деньги своих клиентов? Если это так и если ему грозит судебное преследование… Энтуисл решился:

— Я пытался связаться с вами на следующий день после похорон, но вас, кажется, не было в конторе.

— Да? Мне даже ничего не сказали. Вообще-то я счел, что имею право на свободный денек, так сказать, в честь добрых известий.

— Добрых известий?

Джордж покраснел.

— О, я совсем не имел в виду смерть дяди Ричарда. Но когда узнаешь, что на тебя свалилось наследство, это как-то возбуждает. Появляется настроение отметить такое событие. Вот я и отправился на бега в Хёрст-парк, поставил на двух фаворитов. И уж если везет, так везет: оба выиграли. Всего каких-то пятьдесят фунтов, но и они не лишние.

— Безусловно, — поддержал собеседника Энтуисл. — А теперь, после смерти вашей тети Коры, вы получите и еще кое-что.

Лицо Джорджа омрачилось.

— Бедная старушенция. Дьявольски ей не повезло, и как раз в

то время, когда она рассчитывала пожить в свое удовольствие.

— Будем надеяться, полиция скоро схватит убийцу, — сказал Энтуисл.

— Они молодцы, наши полицейские. Соберут всех подозрительных типов, что есть в окрестностях, заставят каждого отчитаться, где он был в это время.

— Не так уж это просто, — перебил его Энтуисл. — Я, например, в тот день в половине четвертого был в книжном магазине Хэтчарда. Но весьма сомневаюсь, что смогу припомнить это, если полиция начнет допрашивать меня, допустим, дней через десять. А вы, Джордж, были в Хёрст-парке. Вспомните ли вы, когда именно вы были на бегах, если вас спросят об этом, ну, скажем, через месяц? Хотя вы ведь тогда выиграли, а люди редко забывают имена лошадок, которые привезли им деньги. Кстати, как их звали?

— Минуточку… Геймарк и Фрогг Второй. Да, я не скоро их забуду.

Мистер Энтуисл издал короткий сухой смешок и откланялся.

— Просто замечательно, что вы зашли, — сказала Розамунд без видимого энтузиазма, — но ведь еще страшно рано. — Она откровенно зевнула.

— Уже одиннадцать, — сказал Энтуисл.

Розамунд снова зевнула и добавила, словно извиняясь:

— Мы тут вчера повеселились и, пожалуй, перебрали. У Майкла еще жуткое похмелье.

В этот момент появился и сам Майкл, тоже зевая, с чашкой черного кофе в руках. Он был облачен в нарядный халат, и его улыбка была обаятельна, как всегда.

На Розамунд была черная юбка, грязноватый желтый свитер и, насколько мог судить Энтуисл, ничего больше.

Методичный и чопорный Энтуисл не одобрял образа жизни молодых Шейнов. Жалкая квартирка в Челси — бутылки, рюмки, повсюду окурки, прокуренный воздух — общее впечатление беспорядка и неухоженности. На этом безотрадном фоне Розамунд и Майкл поражали своим цветущим видом. Энтуисл подумал, что они представляют собой, безусловно, очень красивую пару и кажутся по уши влюбленными друг в друга. Во всяком случае, Розамунд наверняка обожает Майкла.

— Милый, — обратилась она к мужу, — как насчет капельки шампанского? Просто чтобы поскорее очухаться, а заодно и выпить за будущее. О, мистер Энтуисл, как это немыслимо удачно, что дядя оставил нам деньги именно сейчас!

Юрист заметил, что лицо Майкла стало на мгновение хмурым, почти мрачным, но его жена безмятежно продолжала:

— Потому что представляется чудный случай поставить одну вещичку. Там изумительная роль для Майкла, и даже для меня найдется крохотная ролька. Это, знаете, об одном из этих молодых преступников, сплошь все самые новые идеи. Он, знаете ли, ворует и убивает, а полиция и общество травят его, а под конец оказывается, что он святой.

Шокированный мистер Энтуисл хранил ледяное молчание. «Что за вздор несут нынешние молодые идиоты! — размышлял он. — И пьески их тоже не лучше».

Все еще хмурившийся Майкл наконец вмешался:

— Не думаю, Розамунд, чтобы мистеру Энтуислу это было интересно. Помолчи немного и дай человеку возможность сказать, зачем он пришел к нам.

— Надо уладить некоторые мелочи, — сказал юрист. — Я только что из Литчетт Сент-Мэри.

— Значит, тетку Кору действительно укокошили. Мы читали в газетах. Бедная старушка! На похоронах дяди Ричарда я все смотрела на нее и думала, что лучше уж быть мертвой, чем такой нелепой и несуразной на вид, и вот она и вправду мертва. Наша вчерашняя компания просто не могла поверить, когда я сказала, что, похоже, это мою родную тетку убили топором. Они все чуть не умерли со смеху, правда, Майкл?

Майкл Шейн не ответил, и Розамунд, которую все это явно забавляло, продолжала:

— Два убийства одно за другим. Многовато, не так ли?

— Не будь дурой, Розамунд. Твой дядя Ричард не был убит.

— А Кора думала, что был.

Мистер Энтуисл вмешался:

— Вы ведь вернулись в Лондон после похорон?

— Ну конечно, в одном поезде с вами.

— Разумеется, разумеется. Я спрашиваю потому, что пытался дозвониться вам на следующий день, — он метнул быстрый взгляд на телефон, — но никто не отвечал.

— Ой, как мне жаль! Что же мы тогда делали? Значит, это было позавчера… До двенадцати мы были дома, это точно. Потом ты, Майкл, ушел, чтобы поймать Розенхейма и Оскара, а я отправилась по магазинам. Мы должны были встретиться с Джанет, но каким-то образом разминулись. Вечером мы обедали в «Кастилии» и вернулись часов в десять. Кстати, мистер Энтуисл, мы получим деньги сейчас или придется ждать еще целую вечность?

— Боюсь, — ответил Энтуисл, — что закон в таких делах не склонен торопиться.

— Но ведь мы можем получить аванс, правда? — Розамунд

казалась встревоженной. — Майкл сказал, мы можем. Ведь это страшно важно из-за постановки, понимаете?

Майкл вставил, приятно улыбаясь:

— О, никакой особой спешки нет. Просто надо решить, воспользоваться этим случаем или подождать, не подвернется ли что-нибудь еще.

Мистер Энтуисл успокаивающе заметил:

— Авансом необходимую сумму оформить не сложно.

— Тогда все в порядке. — Розамунд вздохнула с облегчением. — А тетя, оставила она какие-нибудь деньги?

— Очень немного. Она оставила их вашей кузине Сьюзен.

— Интересно, почему Сьюзен? И сколько?

— Несколько сот фунтов и кое-какую мебель.

— Хорошую?

— Нет.

Розамунд явно утратила интерес к разговору о наследстве.

— Как-то странно все это. Сначала тетя Кора ляпнула после похорон: «Ведь Ричарда убили, не так ли?», а на следующий день и ее убили. Непонятно, правда?

Воцарилось неловкое молчание. Потом мистер Энтуисл спокойно ответил:

— Да, не совсем понятно.

Пока Сьюзен Бэнкс, облокотившись на стол, что-то говорила со свойственными ей оживлением и энергией, мистер Энтуисл исподтишка ее разглядывал.

Ничего общего с кукольной красотой Розамунд. Но лицо привлекает необыкновенной живостью — полные, чувственные губы, подчеркнуто женственная фигура. В то же время Сьюзен во многом напомнила ему покойного Ричарда Эбернети. Форма головы, линия подбородка, глубоко посаженные вдумчивые глаза. В ней чувствовались та же сила характера, дальновидность и смелость в суждениях. Из трех представителей молодого поколения Эбернети она одна, казалось, была выкована в том же огне, что и семейное богатство и благополучие. Ричард Эбернети, тонкий знаток человеческой натуры, безусловно, встретил в Сьюзен качества, которые искал. Но в своем завещании он ничем ее не выделил. Не доверяя, как и Энтуисл, Джорджу, не обратив внимания на очаровательную глупышку Розамунд, разве не нашел он в Сьюзен то, что ему было нужно — наследницу, во всем достойную его? Логичнее всего предположить, что причиной тут был человек, которого его племянница выбрала себе в мужья…

Взгляд мистера Энтуисла осторожно скользнул через плечо Сьюзен туда, где стоял и с отсутствующим видом затачивал карандаш Грегори Бэнкс.

Худой, бледный молодой человек с рыжеватыми волосами. Заурядная внешность. На фоне яркой Сьюзен он казался совершенно бесцветным, и было трудно понять, что именно он, собственно, собой представляет. Ничего примечательного в нем нет — просто приятный услужливый юноша. И все же в незаметности Грегори Бэнкса было что-то вызывающее неосознанную тревогу. Он явно не подходил на роль мужа Сьюзен, но тем не менее она настояла на этом замужестве, преодолела все препятствия. Почему? Что она разглядела в нем?

«Да и сейчас, спустя полгода после свадьбы, она без ума от этого парня», — сказал себе мистер Энтуисл.

Ему и раньше приходилось видеть такое. Множество жен со своими супружескими проблемами прошли через юридическую фирму «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард». Жен, обожавших своих мужей, которые им и в подметки не годились. Жен, которым до смерти надоели их примерные и зачастую, казалось бы, безупречные мужья. Что именно та или иная женщина видит в конкретном представителе противоположного пола, было загадкой, неразрешимой для человека с рядовым интеллектом. Это следовало принимать как данность! Женщина, умная во всех других отношениях, становилась абсолютной дурой, когда дело касалось определенного мужчины. Сьюзен была одной из таких женщин. Для нее центром мироздания был Грег, а подобные настроения таят в себе опасность.

Сьюзен тем временем быстро и возмущенно говорила:

— Просто безобразие! Помните ту женщину, которую убили в прошлом году в Йоркшире? Никто даже не был арестован. А старуха, убитая кочергой в кондитерской? Они арестовали какого-то человека, но скоро выпустили его.

— Не было улик, моя дорогая, — сказал Энтуисл.

Сьюзен не обратила внимания на его слова.

— А тот другой случай, с медсестрой на пенсии, там тоже фигурировал топор, точь-в-точь как в случае с тетей Корой.

— Да вы, Сьюзен, просто ходячая уголовная хроника, — мягко сказал Энтуисл.

— Естественно, такие вещи невольно западают в память, а когда убивают кого-то из твоих родственников, да еще при таких обстоятельствах, начинаешь думать, что сельская местность кишмя кишит бандитами, которые вламываются в дома и нападают на одиноких женщин, а полиции на это наплевать.

Мистер Энтуисл протестующе покачал головой:

— Не хулите полицию, Сьюзен. Там работают люди умные, упорные и терпеливые. Даже если газеты замолчали, это еще не означает, что дело закрыто. Это далеко не так.

— И все же сотни преступлений остаются каждый год нераскрытыми.

— Сотни? — Взгляд Энтуисла выразил сомнение. — Какое-то количество, да. Но частенько случается, что полиция знает, кто совершил преступление, но не располагает уликами, достаточными для обращения в суд.

— Я этому не верю, — сказала Сьюзен. — По-моему, если точно знаешь, кто преступник, всегда можно получить улики.

— Сомневаюсь, — задумчиво произнес Энтуисл, — весьма сомневаюсь.

— Есть у полицейских хоть какая-то идея насчет того, кто убил тетю Кору?

— Этого я сказать не могу. Насколько мне известно, нет. Да они и не стали бы со мною откровенничать на столь раннем этапе расследования. Не забывайте, что убийство произошло только вчера.

— Это наверняка должен быть человек определенного типа, — размышляла вслух Сьюзен. — Жестокий, быть может, наполовину свихнувшийся. Возможно, бывший солдат или сбежавший из тюрьмы уголовник. Ну кто еще стал бы орудовать топором.

Энтуисл лукаво приподнял брови и пробормотал себе под нос:

Лиззи Борден — вот умора! —
Пристукнула папашу топором
И маменьку свалила споро,
Ведь все ей стало нипочем.

Сьюзен рассердилась:

— С Корой не жил никто из родственников, только компаньонка. А Лиззи Борден оправдали. Никто не мог точно сказать, что именно она убила своих отца и мачеху.

— Песенка, безусловно, клевещет, — согласился Энтуисл.

— Вы думаете, это сделала компаньонка? Тетя оставила ей что-нибудь?

— Недорогую аметистовую брошь и несколько изображений рыбацких поселков, ценных только как память о ней.

— Нужно иметь достаточный повод для убийства, если, конечно, речь не идет о каком-то психе.

Мистер Энтуисл ответил со смешком:

— Пока что единственный человек, у которого был такой повод, — это вы, моя дорогая.

— Что такое? — Грег резко качнулся вперед. Казалось, он

пробудился ото сна. В его глазах загорелся недобрый огонек. Грег уже не производил впечатления незначительной фигуры на заднем плане. — Куда это вы клоните? Какое отношение имеет к этому Сью?

Резко прозвучал голос Сьюзен:

— Прекрати, Грег! Мистер Энтуисл не имел в виду ничего плохого.

— Просто шутка, — подтвердил, словно прося прощения, юрист, — и, боюсь, не очень удачная. Кора оставила все, что у нее было, вам, Сьюзен. Но для молодой леди, которая только что унаследовала несколько сот тысяч фунтов стерлингов, какие-то жалкие несколько сотен вряд ли могут послужить мотивом для убийства.

— Она оставила свои деньги мне?! — Голос Сьюзен звучал удивленно. — Как странно! Она меня, можно сказать, и не знала вовсе. Почему это, как вы думаете?

— Насколько мне известно, до нее дошли какие-то слухи… э… об осложнениях, связанных с вашим замужеством. В свое время ее собственный брак тоже наделал немало шума, и, наверное, она хотела… ну… выразить вам чувство солидарности, что ли…

Сьюзен с явным интересом спросила:

— Она ведь вышла за художника, которого вся наша семья терпеть не могла. Он был хорошим художником?

Мистер Энтуисл решительно покачал головой в знак отрицания.

— Там, в коттедже, есть его картины?

— Да.

— Тогда я решу сама.

Энтуисл с улыбкой взглянул на вздернутый подбородок Сьюзен:

— Да будет так! Правда, я старый хрыч, и мои взгляды на искусство безнадежно старомодны, но не думаю, что вы оспорите мое суждение.

— Ведь мне, наверное, придется поехать туда? Кто-нибудь там сейчас есть?

— Я договорился с мисс Джилкрист, она пока останется там.

Грег вставил:

— У нее, должно быть, крепкие нервы, если она не боится оставаться в доме, где совершено убийство.

— Мисс Джилкрист вполне разумная женщина. И кроме того, — сухо добавил Энтуисл, — не думаю, что ей есть куда деваться, пока она не приискала себе другого места.

— Значит, смерть тети Коры оставила ее у разбитого корыта?

Она и тетя дружили?

Мистер Энтуисл взглянул на Сьюзен с некоторым любопытством, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— Более или менее, — ответил наконец он. — Кора никогда не обращалась с мисс Джилкрист как с прислугой.

— Значит, она обращалась с ней гораздо хуже. Этим несчастным так называемым леди сейчас приходится ох как несладко. Постараюсь найти ей где-нибудь приличное место. Вряд ли это будет трудно. Сейчас каждый, кто не прочь делать что-нибудь по дому и умеет готовить, просто на вес золота. Она ведь умеет готовить?

— О да. Мне кажется, она возражает только против черной работы. Кстати, Сьюзен, ваша тетушка назначила своим душеприказчиком Тимоти.

— Тимоти! — насмешливо воскликнула Сьюзен. — Да ведь дядя Тимоти просто миф. Его же никто никогда не видит.

— Я, — сообщил мистер Энтуисл, посмотрев на часы, — как раз еду к нему сегодня вечером. Заодно скажу ему, что вы сами решили съездить в Литчетт Сент-Мэри.

— Думаю, это займет у меня не больше двух дней. Мне не хочется надолго уезжать из Лондона. У меня столько идей, хочу стать коммерсанткой.

Мистер Энтуисл осмотрелся в невзрачной гостиной этой крошечной квартиры. Грег и Сьюзен явно были стеснены в средствах. Он знал, что ее отец промотал большую часть своего состояния и оставил дочь почти в нищете.

— Какие у вас планы на будущее, осмелюсь спросить?

— Я присмотрела помещение на Кардиган-сквер. Полагаю, в случае необходимости вы сможете выдать мне немного денег вперед? Мне придется, возможно, внести залог.

— Это мы устроим. Я несколько раз звонил вам на следующий день после похорон, хотел спросить насчет аванса, но вас, наверное, не было в городе?

— О нет, — быстро ответила Сьюзен. — Мы в тот день вообще никуда не выходили.

Грег тихо добавил:

— Знаешь, Сью, мне кажется, наш телефон был тогда не в порядке. Помнишь, во второй половине дня я никак не мог дозвониться к себе на службу. Я хотел сообщить на станцию, но на следующий день все наладилось.

— Телефоны, — подтвердил Энтуисл, — оказываются иногда штукой крайне ненадежной.

Сьюзен вдруг спросила:

— Откуда тетя Кора узнала о нашем браке? Ведь венчания в

церкви не было, и мы никому ничего не говорили заранее.

— Возможно, ей сказал Ричард. Она изменила свое завещание примерно три недели назад, то есть приблизительно в то время, когда он навестил ее. По старому завещанию все отходило какому-то теософскому обществу[222].

Сьюзен, казалось, была поражена.

— Дядя Ричард навещал ее? Я и понятия об этом не имела. Выходит, вот когда…

— Когда что?

— Ничего, — ответила Сьюзен.

Глава 6

— Очень любезно с вашей стороны, что вы приехали, — сказала своим чуть хрипловатым голосом Мод, встречая мистера Энтуисла на платформе в Бэйхэм Комптоне. — Будьте уверены, Тимоти и я ценим это. По правде сказать, для Тимоти ничего не могло быть хуже, чем смерть Ричарда.

Мистеру Энтуислу как-то не приходило в голову воспринимать кончину своего друга с такой точки зрения. Но он уже убедился в том, что миссис Тимоти рассматривала все исключительно в этом ракурсе.

— Прежде всего — потрясение. Ведь в действительности Тимоти был очень привязан к Ричарду. Ну а потом это внушило ему разные мрачные мысли. Тимоти настолько больной человек, что стал бояться за себя. Он как-то вдруг осознал, что остался единственным живым из своих братьев, твердит, что теперь — его очередь и что долго он не протянет. Одним словом, всякий похоронный бред, я так ему и сказала.

Продолжая развивать эту тему, Мод подвела своего спутника к фантастически дряхлой автомашине баснословно древнего, по-видимому, возраста.

— Прошу прощения за нашу старую тарахтелку, — сказала она. — Мы просто не можем позволить себе купить новую. У этой два раза меняли двигатель. Надеюсь, он заведется сразу, а то иногда приходится действовать вручную.

Мод несколько раз нажала на стартер, но добилась лишь слабого пофыркивания. Мистер Энтуисл, которому в жизни не приходилось заводить автомобильный двигатель, начал нервничать, но Мод сама вылезла из машины и, энергично крутанув пару раз заводную ручку, пробудила мотор к жизни. «Счастье, — подумал с чувством облегчения Энтуисл, — что Мод такая здоровая и крепко сбитая женщина».

— Но вообще старые машины на деле очень выносливы, — говорила тем временем она. — Правда, эта паршивка недавно подвела меня. Вдруг встала, когда я возвращалась с похорон. Пришлось отшагать пару миль до ближайшего гаража, вернее до сельской автомастерской, и заночевать в тамошней гостинице, пока механик разбирался с машиной. Разумеется, Тимоти это ужасно расстроило. Мне пришлось сообщить ему по телефону, что вернусь только на следующий день. Он так разволновался. Конечно, я стараюсь по возможности скрывать от него всякие неприятности, но как скроешь, например, смерть Коры? Мне пришлось послать за доктором Бартоном, чтобы он дал Тимоти

успокоительное. Такие вещи, как убийство, — просто гибель для больных людей. Впрочем, Кора всегда была идиоткой.

Мистер Энтуисл молча переваривал это замечание. Ход мыслей Мод был ему не совсем ясен.

— Мне кажется, — продолжала она, — мы с Корой не встречались со времени моей свадьбы. Мне не хотелось тогда говорить Тимоти, что его сестра совершенно ненормальна. Но я действительно считала ее такой. Чего только она, бывало, не говорила! Случалось, я просто не знала, что делать — сердиться или смеяться. Ну да что там, теперь она, бедняжка, за все это заплатила. Думаю, она жила в каком-то своем воображаемом мире, полном самых фантастических представлений о других людях. У нее не было протеже?

— Протеже? Что вы имеете в виду?

— Ну, какого-нибудь молодого, подающего надежды художника или музыканта, кого-то, кого она могла впустить в дом в тот день, и кто потом кокнул ее ради денег. Какой-нибудь юнец. Они часто бывают такие странные в этом возрасте, особенно если увлекаются искусством, и с психикой у них не все в порядке. Это же абсурд — вломиться в дом и убить ее средь бела дня, когда любой тебя может увидеть. Если уж на то пошло, для таких дел существует ночь.

— Но тогда в доме были бы обе женщины.

— Ах да, компаньонка. Но я не могу поверить, чтобы кто-то дожидался, пока компаньонка уйдет из дому, а потом влез и убил Кору. Не мог же он рассчитывать, что найдет в доме наличные или еще что-нибудь стоящее. Да и наверняка можно было выбрать время, когда обеих женщин не будет дома. И вообще, что за глупая блажь совершать убийство, когда в этом нет никакой необходимости.

— Вы считаете, убийство Коры не было необходимостью?

— Я не знаю, что и считать, настолько это все дико.

«Должно ли убийство иметь смысл? — размышлял про себя мистер Энтуисл. — Теоретически говоря, да. Но ведь известно и множество бессмысленных преступлений. Все зависит, — решил он, — от мышления убийцы».

Что, собственно, знал он об убийцах и их мышлении? Очень мало. Его фирма никогда не вела уголовных процессов. Сам он криминалистикой не увлекался. Насколько он мог судить, среди убийц всякие люди встречались. Некоторые, наподобие Седдона, отличались непомерным честолюбием. Другие, вроде Смита и Роуза, были как-то особенно привлекательны для женщин. Третьи были мелочными и алчными. Четвертые, как Армстронг, были просто приятными людьми Эдит Томпсон жила в мире

ирреального насилия. Медсестра Уоддингтон убивала своих пожилых пациентов с бодрой деловитостью.

Его размышления прервал голос Мод:

— Если бы только я могла держать его подальше от газет. Но он хочет читать их, а потом, естественно, расстраивается. Вы понимаете, мистер Энтуисл, что не может быть и речи о присутствии Тимоти на дознании? Доктор Бартон, если нужно, выдаст необходимую справку.

— На этот счет можете не беспокоиться.

— Слава Богу.

Машина свернула в ворота Стэнсфилд-Грейдж. В свое время это была привлекательная, ухоженная усадьба с большим садом, но сейчас все выглядело несколько унылым и заброшенным. Мод вздохнула:

— Все заросло. Во время войны обоих садовников мобилизовали. Теперь у нас работает только один старик, да от него проку мало, хотя жалованье приходится платить большое. Должна сказать, это просто счастье, что можно будет потратить кое-что на дом и сад и привести их в порядок Мы оба так любим это место. А я уже побаивалась, что нам придется продать виллу Тимоти, само собой, я ничего такого не говорила, он бы с ума сошел.

Они подъехали к украшенному колоннами парадному крыльцу очень старого дома в георгианском стиле[223], который явно нуждался в ремонте и покраске.

— Никакой прислуги, — раздраженно выкладывала свои невзгоды Мод, пока они поднимались по ступенькам и входили в дом. — Приходят на несколько часов две женщины, и это все. Еще месяц назад у нас была постоянная прислуга — горбатенькая девушка с хроническим насморком и не очень сообразительная. Но она жила здесь, и какое же это было облегчение! К тому же она недурно готовила, если, конечно, не требовать от нее слишком многого. Но, можете себе представить, она попросила расчет и перешла к какой-то дуре, которая держит у себя шесть китайских мопсов[224]. Там большой дом и, следовательно, больше работы, однако она все-таки ушла, потому что, видите ли, она «прямо обожает собачек». Собачки! Их без конца рвет, и грязь от них кошмарная. По-моему, эта девчонка просто ненормальна. Но, так или иначе, мы остались без прислуги. Теперь, если днем мне нужно куда-то выйти, Тимоти остается совершенно один, и, случись с ним что-нибудь, кто ему поможет? Правда, я ставлю телефон поближе к его креслу, так что он может позвонить доктору Бартону, если почувствует себя плохо.

Мод ввела юриста в гостиную, где около камина был накрыт

к чаю стол, и ненадолго исчезла. Вернувшись с кипящим чайником, домашним кексом и свежими булочками, она захлопотала возле гостя.

— А что Тимоти? — поинтересовался он, и Мод объяснила, что отнесла мужу поднос с чаем, перед тем как уехать на станцию.

— Он теперь немного вздремнет, — добавила хозяйка дома, — и вам лучше всего побеседовать с ним после этого. Постарайтесь только не слишком волновать его.

Мистер Энтуисл заверил, что проявит максимум осторожности. Глядя на Мод, освещенную отблесками огня в камине, он внезапно понял, что жалеет ее. Эта женщина внушала ему искреннее сострадание. Такая крупная, практичная, здоровая, полная здравого смысла, но столь трогательно уязвимая в одном-единственном отношении. Ее любовь к мужу слишком уж походила на материнскую, решил мистер Энтуисл. Мод Эбернети не произвела на свет ребенка, хотя была просто создана для материнства. Больной муж стал для нее ребенком, которого она холит и лелеет. И, будучи, вероятно, гораздо сильнее его по характеру, она, сама того не ведая, приучила его считать себя очень больным — при других обстоятельствах такого бы не произошло. «Бедная миссис Тим», — подумал про себя старый юрист.

— Хорошо, что вы приехали, Энтуисл.

Тимоти приподнялся в кресле, протягивая руку. Это был крупный мужчина, очень похожий на своего брата Ричарда. Но энергичные черты Ричарда в его лице словно бы преобразились: линии рта и подбородка выдавали нерешительность характера, глаза были не так глубоко посажены. На лбу пролегли морщины, порожденные привычкой часто хмуриться от раздражения. Его статус инвалида подчеркивали плед на коленях и богатая коллекция лекарств на столике справа от кресла.

— Я не должен волноваться, — сказал Тимоти предостерегающим тоном. — Врач категорически запретил мне это. Все время твердит, чтобы я не нервничал. Посмотрел бы я, как не нервничал бы он, если бы в его семье произошло убийство! Это слишком много для одного человека — смерть Ричарда, потом разговоры о его похоронах и завещании. И, Бог мой, каком завещании! А теперь вот малютка Кора убита топором. Топором! После войны Англия полна бандитов, которые бродят кругом и убивают беззащитных женщин. И ни у кого не хватает решимости положить этому конец. Куда только катится эта проклятая страна, хотел бы я знать!

Мистеру Энтуислу подобные речи были знакомы. Последние

двадцать лет этот вопрос он неизменно слышал почти от каждого клиента и научился ловко парировать. Он произнес несколько уклончивых слов, которые при желании можно было принять за утешение.

— Все из-за этого окаянного лейбористского правительства[225], — продолжал бушевать Тимоти. — Оно пустило страну под откос. Да и теперешнее ничем не лучше. Мягкотелые слюнявые социалисты! Взгляните на нас. Не можем раздобыть приличного садовника, не в состоянии нанять прислугу, бедная Мод вынуждена сама до изнеможения возиться на кухне. Кстати, милочка, неплохо бы сегодня к обеду камбалу и сладкий пудинг. А перед этим немного консоме[226], а? Доктор Бартон сказал, что я должен поддерживать свои силы. Так о чем это я? Ах да, Кора! Можете себе представить, каково это услышать, что Твоя родная сестра убита. У меня были перебои с сердцем минут двадцать, не меньше. Вы должны позаботиться обо всем вместо меня, Энтуисл. Я абсолютно не в силах заниматься чем-либо, связанным с этим делом. Кстати, что будет с Кориной долей в наследстве Ричарда? Перейдет ко мне, надо думать?

Пробормотав что-то насчет дел по хозяйству, Мод поднялась и вышла из комнаты.

Тимоти откинулся в кресле и сказал:

— Теперь можно поговорить о делах без всяких глупых женских замечаний.

— Сумма, с которой должна была получать доход Кора, — разъяснил мистер Энтуисл, — теперь будет разделена поровну между вами и вашими племянником и племянницами.

— Но послушайте, — щеки Тимоти побагровели от негодования, — я ведь ее ближайший родственник! Единственный оставшийся в живых брат.

Мистер Энтуисл, стараясь не очень раздражать собеседника, изложил пункты завещания Ричарда Эбернети, заодно мягко напомнив, что ему была послана копия этого документа.

— Уж не думаете ли вы, что я буду ломать себе голову над вашими юридическими терминами? — сварливо вопросил Тимоти. — Эти мне юристы! Я просто ушам своим не поверил, когда Мод вернулась домой и рассказала мне о завещании. Был уверен, что она все перепутала. Женщины такие тупицы! Мод лучшая женщина в мире, но женщины ни черта не смыслят в денежных делах. Мне кажется, что моя жена даже не понимает, что, не умри сейчас Ричард, нам, пожалуй, пришлось бы выметаться отсюда.

— Но если бы вы обратились к Ричарду…

Тимоти рассмеялся отрывистым лающим смехом.

— Это не в моем стиле. Наш отец оставил всем нам по вполне приличной доле своих денег на тот случай, если мы не захотим вступить в семейную фирму. Я не захотел. Духовно я выше торговли мозольным пластырем, Энтуисл. Ричарду мои взгляды пришлись не по душе. Ну, из-за налогов и всяких других причин мне пришлось реализовать значительную часть капитала. Как-то я намекнул Ричарду, что содержать этот дом становится трудновато. Он же высказался в том смысле, что нам, дескать, лучше подыскать себе что-нибудь поменьше по размерам. Говорил, что и Мод тогда будет легче. О нет, я не стал бы просить Ричарда о помощи! Но, могу сказать вам, Энтуисл, все эти заботы ужасно отразились на моем здоровье. Человека в моем состоянии не следовало бы заставлять волноваться. Когда Ричард умер, я не мог не горевать — ведь как-никак он мой родной брат, — но, естественно, я почувствовал облегчение при мысли о будущем. Однако условия завещания Ричарда меня обидели, и жестоко.

— Вот как? — вопросительно протянул мистер Энтуисл. — Вы ожидали чего-то другого?

— Надо думать! Разумеется, я полагал, что после смерти Мортимера Ричард все оставит мне.

— Он намекнул вам на это?

— Конкретно нет. Ричард был скрытным малым. Но он напросился к нам в гости вскоре после кончины Мортимера. Хотел поговорить о наших семейных делах, интересовался моим мнением. Мы обсудили молодого Джорджа, а потом девочек и их мужей. Я, конечно, мало чего мог сказать ему, ведь я жалкий инвалид, и мы с Мод живем затворниками. Но, на мой взгляд, обе эти девчонки вышли замуж по-дурацки. Короче говоря, я был уверен, что Ричард беседовал со мной как с человеком, который возглавит семью после его смерти. Черт побери, Энтуисл, я — Эбернети, последний Эбернети, и ко мне должно было перейти право распоряжаться всем!

В возбуждении Тимоти отшвырнул плед и выпрямился в кресле. В нем не было ни малейших признаков слабости. Он выглядит, подумал мистер Энтуисл, вполне здоровым, хотя чрезмерно раздражителен и вспыльчив. Кроме того, старый юрист понимал, что Тимоти в глубине души всегда завидовал своему брату Ричарду, силе его характера и деловой хватке. Когда Ричард умер, Тимоти втайне возликовал, предвкушая, как теперь и он начнет распоряжаться судьбами других. Ричард Эбернети не дал ему такой возможности.

Внезапный взрыв кошачьих воплей в саду сорвал Тимоти с кресла. Подскочив к окну, он поднял раму и, схватив подвернувшийся под руку здоровенный том, с яростью швырнул

его в хвостатых мародеров, оглушительно рявкнув: «Брысь отсюда!»

— Чертовы кошки, — проворчал он, возвращаясь к своему гостю. — Губят сад, и я не выношу их проклятого мяуканья.

Усевшись, он спросил:

— Хотите выпить, Энтуисл?

— Не сейчас. Мод только что напоила меня великолепным чаем.

— Мод — дельная женщина. Но она слишком много работает. Верите ли, ей даже приходится самой возиться с нашим старым драндулетом, она стала заправским механиком.

— Я слышал, у нее что-то случилось с машиной, когда она возвращалась с похорон.

— Да. Она догадалась позвонить сюда, чтобы я не тревожился, но эта старая дура, наша поденщица, записала все так, что получилась полная бессмыслица. Я как раз вышел подышать свежим воздухом — доктор рекомендовал мне по мере сил совершать моцион, — а вернувшись, нашел вот такую записку: *«Хозяйка жалеет, автомобиль испортился, пришлось ночевать»*. Естественно, я подумал, что Мод еще в Эндерби. Позвонил туда и узнал, что она уехала утром. Хорошенькое дельце! Наша деревенщина оставила мне на ужин нечто совершенно несъедобное — макароны с сыром, да еще пришлось спуститься вниз, самому все разогреть, самому приготовить себе чашку чаю, не говоря уже о том, что я должен был сам растопить котел. У меня мог бы быть сердечный приступ, но разве подобным женщинам есть до этого дело? Как бы не так! Низшие классы забыли, что такое преданность.

Он мрачно задумался. Разговор возобновил Энтуисл.

— Не знаю, что именно рассказала вам Мод про похороны и родственников. Из-за Коры был очень неловкий момент. Она вдруг преспокойно заявила, что Ричарда убили. Мод не рассказывала вам?

Тимоти хихикнул.

— Да, она говорила об этом. Все уставились в пространство и сделали вид, будто страшно шокированы. Но как это похоже на Кору! Помните, Энтуисл, как она, будучи еще девчонкой, всегда ухитрялась сообразить, где собака зарыта. На нашей свадьбе она тоже что-то брякнула и расстроила Мод. Моя жена никогда ее не любила. Так вот, Мод позвонила мне в тот вечер после похорон, чтобы узнать, все ли у меня в порядке и подала ли мне ужин миссис Джон. Она сказала, что все прошло очень хорошо. Я спросил о завещании. Она попыталась увернуться от ответа, но я быстро вытряс из нее правду. Я просто не мог поверить тому, что

услышал, и сказал, что это, вероятно, ошибка. Но Мод твердо стояла на своем. Говорю вам, Энтуисл, это по-настоящему меня задело. По-моему, это просто низость со стороны Ричарда. Я знаю, о мертвых плохо не говорят, но, честное слово…

Тимоти продолжал распространяться на эту тему, но тут в комнату вошла сама хозяйка дома и решительно произнесла:

— Я думаю, дорогой, мистер Энтуисл провел с тобой достаточно времени. Тебе положительно необходимо от дохнуть. Если вы все уладили…

— Да, мы все уладили, — сказал Тимоти. — Я во всем полагаюсь на вас, Энтуисл. Дайте мне знать, когда они схватят этого подонка, если они, конечно, когда-нибудь его схватят. Не доверяю я нынешней полиции. Вы ведь присмотрите за погребением? Мы, к сожалению, приехать не сможем. Закажите дорогой венок и позаботьтесь о со ответствующем памятнике. Кора, полагаю, будет похоронена там, на месте. Нет смысла везти тело на север, и я понятия не имею, где похоронен этот ее Ланскене, думаю, где-нибудь во Франции. Не знаю, что пишут на памятнике человеку, которого убили. Вряд ли здесь подойдет «Воскресну с миром». По-моему, это только для католиков.

— «Ты, Господи, видишь мои грехи, будь моим судией», — пробормотал Энтуисл. Заметив изумленный взгляд Тимоти, поверенный слегка улыбнулся. — Это из «Плача Иеремии»[227]. Пожалуй, подойдет, хотя и звучит несколько мелодраматично. Пройдет какое-то время, прежде чем встанет вопрос о памятнике. Надо подготовить почву, знаете ли. Ни о чем не беспокойтесь. Мы обо всем позаботимся и будем держать вас в курсе дела.

На следующее утро мистер Энтуисл поездом возвратился в Лондон. Оказавшись дома, он после некоторого колебания позвонил одному из своих друзей.

Глава 7

— Вы не можете себе представить, как я рад вашему приглашению. — Мистер Энтуисл горячо пожал руку гостеприимному хозяину.

Эркюль Пуаро радушно указал на кресло у горящего камина, и старый юрист с легким вздохом уселся. Стоявший поодаль стол был накрыт на двоих.

— Сегодня утром я вернулся из деревни, — сообщил мистер Энтуисл.

— Значит, вы хотите посоветоваться со мной по какому-то делу?

— Да. Боюсь, это длинная и запутанная история.

— Тогда поговорим об этом после обеда. Жорж!

Расторопный камердинер мгновенно появился в комнате с паштетом из гусиной печенки и теплыми тостами в салфетке.

— Мы закусим около камина, а затем перейдем к столу.

Спустя полтора часа мистер Энтуисл удовлетворенно вытянулся в своем кресле.

— Вы безусловно знаете толк в еде, Пуаро. Сразу видно настоящего француза.

— Я бельгиец, но в остальном ваше замечание верно. В моем возрасте главное удовольствие, почти единственное оставшееся у меня, — это удовольствие хорошо поесть. К счастью, у меня превосходный желудок.

— А, — понимающе протянул мистер Энтуисл.

На обед были поданы камбала под пикантным соусом, телячий эскалоп по-милански, груши в коньяке и мороженое. Пили сотрапезники Пуи Фюис[228], куртон[229] и превосходный портвейн, бутылка с которым теперь стояла близ локтя Энтуисла. Пуаро, не любивший портвейна, мелкими глотками пил какао-ликер.

— И где вы достаете такой эскалоп? — вопросил Энтуисл, исполненный сладостных воспоминаний об обеде. — Он буквально таял во рту.

— У меня есть приятель, мясник с континента. Когда-то я решил для него маленькую домашнюю проблему. Он признателен мне и с тех пор старается угодить моим вкусам.

— Домашние проблемы, — вздохнул Энтуисл. — Жаль, что вы напомнили мне… Ведь это мгновение так прекрасно…

— Так продлите его, друг мой. Мы еще выпьем с вами по чашечке кофе и глоточку превосходного бренди, а потом, пока будет мирно совершаться пищеварительный процесс, вы

расскажете, в чем вам нужен мой совет.

В половине десятого мистер Энтуисл пошевелился в кресле. Подходящий психологический момент наступил. Теперь ему хотелось поговорить о своих заботах.

— Я не уверен, — начал он, — быть может, все это дело выеденного яйца не стоит. Во всяком случае, я не знаю, что здесь можно сделать. Но мне хотелось бы изложить факты и услышать ваше мнение.

После минутной паузы он в своей сухой педантичной манере приступил к рассказу. Тренированный ум юриста позволил ему вспомнить все существенное, не добавляя ничего не имеющего отношения к делу. Это был на диво лаконичный и в то же время исчерпывающий отчет, по достоинству оцененный внимательно слушавшим его маленьким пожилым человечком с головой яйцеобразной формы.

Закончив, мистер Энтуисл приготовился отвечать на вопросы, однако в течение нескольких минут вопросов не последовало. Пуаро обдумывал услышанное. Наконец он заговорил:

— Ну что же, все ясно. Вы подозреваете, что ваш друг Ричард Эбернети убит. Это подозрение или предположение основывается только на одном, а именно на словах, сказанных Корой Ланскене на его похоронах. Уберите это, и не останется ровно ничего. Тот факт, что она сама была убита на следующий день, может быть чистейшим совпадением. Правда, Ричард Эбернети скончался скоропостижно, но его лечил уважаемый врач, хорошо знавший своего пациента. У него не возникло никаких подозрений, и он выдал свидетельство о смерти. Ричарда похоронили или кремировали?

— Кремировали по его собственному желанию.

— Да, таков закон, а это значит, что свидетельство о смерти должен был подписать второй врач, который и сделал это без колебаний. Итак, мы снова возвращаемся к главному, к словам Коры Ланскене. Вы были там и слышали ее. Она заявила: «Но ведь Ричарда у б и А и, не так ли?»

— Да.

— И вы полагаете, на ее слова следовало бы обратить внимание?

Энтуисл поколебался мгновение. Потом ответил: — Да.

— Почему?

— Почему? — повторил Энтуисл в легком замешательстве.

— Да, почему? Быть может, в глубине души вас уже тревожили обстоятельства смерти Ричарда?

Собеседник отрицательно покачал головой.

— Тогда дело в самой Коре? Вы хорошо ее знали?

— Я не видел ее больше двадцати лет.

— Узнали бы вы ее, случайно встретив на улице?

Мистер Энтуисл задумался.

— Возможно, прошел бы мимо. Ведь я помню ее худенькой девушкой. Это потом она превратилась в грузную пожилую женщину, довольно жалкую на вид. Но, думаю, разговорись мы с ней, оказавшись лицом к лицу, я обязательно узнал бы Кору. Та же челка на лбу, из-под которой она, бывало, поглядывала на собеседника словно робкий зверек. Кроме того, осталась в ней и характерная манера отрывисто говорить, и привычка склонять голову набок перед тем, как выпалить что-нибудь особенно шокирующее. Понимаете, в ней, как бы это сказать, была индивидуальность.

— Значит, она осталась той же Корой, которую вы знали много лет назад. И она по-прежнему говорила возмутительные, по мнению окружающих, вещи. А что, в прошлом эти ее высказывания обычно оказывались правдой?

— В том-то и беда с Корой. Когда лучше было о чем-то умолчать, она выдавала тут же все как есть.

— И на этот раз она не изменила себе. Ричарда Эбернети убили, и она не замедлила объявить об этом факте во всеуслышание.

Мистер Энтуисл заерзал в кресле.

— Вы считаете, его убили?

— Нет, нет, друг мой, не так быстро. Пока констатируем одно: Кора думала, что Ричарда Эбернети убили. Даже была уверена в этом. А для такой уверенности у нее должны были быть причины. Теперь скажите мне: когда она произнесла Свою знаменательную фразу, раздался хор протестующих голосов, не так ли?

— Совершенно верно.

— Тогда Кора смутилась, сконфузилась и попробовала отказаться от сказанного, пробормотав что-то вроде: «Но я поняла из его слов…»

Энтуисл кивнул:

— Я бы хотел припомнить поточнее, но я почти уверен, что она сказала: «Из его слов я поняла…» или «Он сказал…»

— Затем беседу на эту тему замяли и все заговорили о другом. Припомните, не бросилось ли вам в глаза необычное выражение на чьем-нибудь лице? Не запомнилось ли что-нибудь, скажем, странное?

— Нет.

— На следующий день Кору убили, и теперь вас мучит вопрос: нет ли тут причины и следствия?

— А вам это кажется чистой фантастикой?

— Отнюдь. Если допустить, что наше исходное предположение верно, то все вполне логично. Дело с убийством Ричарда Эбернети сошло великолепно, и вдруг оказывается, что есть человек, который знает правду! Естественно, этого человека надо заставить замолчать, и как можно скорее.

— Итак, вы думаете, что это… убийство?

— Я думаю, дорогой мой, то же, что и вы, а именно: что это дело стоит расследовать, — важно изрек Пуаро. — Вы предприняли какие-нибудь шаги, обращались в полицию?

— Нет, — показал головой мистер Энтуисл. — Мне показалось это нецелесообразным. Ведь формально я представляю семью Эбернети. Если Ричарда убили, то, по-видимому, лишь одним способом.

— Вы имеете в виду яд?

— Совершенно верно. Но тело было кремировано, так что никаких улик не осталось. Но я решил, что самому мне необходимо знать правду. Вот почему, дорогой Пуаро, я обратился к вам.

— Кто был в доме в момент смерти Ричарда Эбернети?

— Старый дворецкий, кухарка и горничная. Казалось, это должен быть кто-то из них…

— Не пытайтесь сбить меня с толку, друг мой. Ведь Кора… полагала, что брата убили, но согласилась с тем, что лучше всего замять дело. Следовательно, это один из членов семьи, кого сам Ричард Эбернети, возможно, предпочел бы открыто не обвинять. Иначе Кора, которая все-таки любила своего брата, не оставила бы убийцу в покое. Вы согласны со мной?

— Я рассуждал примерно так же, — признался мистер Энтуисл, — хотя каким образом кто-то из членов семьи мог…

Пуаро прервал его:

— Когда дело касается яда, способов хоть отбавляй. Поскольку, как вы говорили, мистер Эбернети скончался во сне и никаких подозрений не возникло, убийца, должно быть, воспользовался наркотиком. Возможно, покойный уже принимал то или иное наркотическое средство, прописанное врачом.

— Так или иначе, — сказал мистер Энтуисл, — вопрос о том как вряд ли имеет значение. Все равно мы ничего не сумеем доказать.

— В случае с Ричардом Эбернети — нет. Но убийство Коры Ланскене — иное дело. Как только мы узнаем, кто совершил его, наверняка можно будет получить и интересующие нас доказательства. — Пуаро испытующе взглянул на собеседника. — А может, вы уже предприняли какие-то шаги?

— Весьма незначительные. Я пытался действовать главным образом методом исключения. Мне претит сама мысль о том, что среди Эбернети есть убийца. Не могу в это поверить. Я надеялся, что несколько на первый взгляд случайных вопросов помогут мне безусловно снять подозрения с кого-то из членов семьи, быть может, со всех. Это означало бы, что Кора ошиблась в своих предположениях и что ее собственная смерть лежит на совести какого-то взломщика. Проблема, в конце концов, очень проста. Чем занимались члены семьи Эбернети в момент убийства Коры Ланскене?

— И чем же, — спросил Пуаро, — они занимались?

— Джордж Кроссфилд был в Хёрст-парке на бегах. Розамунд Шейн ходила по магазинам в Лондоне. Ее муж, а мы должны не упускать из виду и мужей, заканчивал переговоры о праве на постановку пьесы. Сьюзен и Грегори Бэнкс провели весь день дома. Тимоти Эбернети был у себя дома в Йоркшире, а его жена возвращалась домой на машине из Эндерби.

Энтуисл замолчал. Пуаро взглянул на него и понимающе кивнул головой.

— Это то, что они говорят. И все это правда?

— Просто не знаю, Пуаро. Я поделюсь с вами некоторыми выводами. Джордж, возможно, и был в Хёрст-парке, но я не думаю, что это так. Он поспешил похвастаться, что поставил на двух лошадей, выигравших заезды. Из своего опыта я знаю, что правонарушителей часто губит их собственная болтливость. Я поинтересовался кличками этих лошадей, и Джордж сразу же назвал их. После проверки оказалось, что на обеих многие ставили, и одна действительно победила. Но те, кто поставил на вторую, потеряли свои денежки.

— Интересно! Была ли у этого Джорджа настоятельная нужда в деньгах в момент смерти дяди?

— По-моему, деньги были ему нужны до зарезу. У меня нет доказательств, но я сильно подозреваю, что он спекулировал на средствах своих клиентов, и ему грозило судебное преследование. Это мое личное впечатление, но у меня есть кое-какой опыт в подобных делах. К сожалению, мошенники среди юристов встречаются нередко. Могу только сказать вам, что лично я никогда не доверил бы свои деньги Джорджу. Я подозреваю, что Ричард Эбернети, хорошо разбиравшийся в людях, был разочарован в своем племяннике. Его мать, — продолжал юрист, — была хорошенькой, несколько глуповатой девушкой и вышла замуж за человека, скажем так, сомнительной репутации. — Он вздохнул. — Девушки из семьи Эбернети выбирают себе не лучших суженых.

Сделав паузу, мистер Энтуисл продолжил:

— Что касается Розамунд, то это просто очаровательная глупышка. Я никак не могу представить ее с топором в руках. Ее муж, Майкл Шейн, темная лошадка, он человек честолюбивый и, я бы сказал, крайне тщеславный. Правда, я знаю о нем очень мало. Нет никаких основании подозревать его, но, пока я не удостоверюсь, что он не солгал относительно своего времяпрепровождения в тот день, я не могу исключить его из списка подозреваемых.

— А насчет его жены у вас нет никаких сомнений?

— Нет. Правда, в ней чувствуется некая черствость. Но топор… К тому же Розамунд такое хрупкое создание.

— И красивое! — добавил Пуаро с насмешливым огоньком в глазах. — А другая племянница?

— Сьюзен? Она полная противоположность Розамунд, обладает, по-моему, недюжинными способностями. Они с мужем оставались весь день дома. Я взял грех на душу и наплел, что тщетно пытался дозвониться им во второй половине дня. Грег тут же объяснил, что телефон был испорчен. По его словам, он и сам пробовал звонить, но безуспешно.

— Звучит тоже неубедительно. А что он, этот Грег?

— Трудно сказать. Есть в нем что-то неприятное, а вот что именно, не поймешь. Сьюзен же напоминает мне Ричарда. Те же энергия, напористость, ум. Но мне кажется, хотя я, возможно, и ошибаюсь, что ей не хватает доброты и сердечности моего старого друга.

— Женщины никогда не бывают добрыми, — назидательным тоном произнес Пуаро, — хотя порой способны на нежность. Любит она своего мужа?

— До безумия, мне кажется. Но, Пуаро, я даже на миг не могу поверить, чтобы Сьюзен…

— Вы предпочитаете Джорджа? Ну что же, это вполне естественно. Что касается меня, то я лишен сентиментального преклонения перед молодыми и прекрасными дамами. Теперь расскажите мне о визите к представителям старшего поколения.

Мистер Энтуисл подробно описал свою поездку к Тимоти и Мод. Пуаро резюмировал:

— Итак, миссис Эбернети хороший механик, для нее нет секретов в устройстве автомашины. А мистер Эбернети, хотя ему нравится думать о себе как о беспомощном инвалиде, на самом деле не таков. Он ходит на прогулки и даже способен, судя по вашему рассказу, совершать поступки, требующие известной физической силы. Кроме того, он большой эгоист и всегда завидовал своему брату, его более сильному характеру и успеху в

жизни.

— Он очень нежно говорил о Коре и высмеял ее глупое замечание на похоронах.

— А как насчет Элен?

— Миссис Лео? Ее я ни на секунду ни в чем не подозреваю. К тому же ее невиновность легко доказать. Она была в Эндерби вместе с тремя слугами.

— Eh bien[230], давайте поговорим конкретно, — предложил Пуаро. — Чего вы хотите от меня?

— Я хочу знать правду, Пуаро.

— Понятно. На вашем месте я чувствовал бы то же самое.

— И вы как раз тот человек, который докопается до нее. Я знаю, вы больше не практикуете, но я прошу вас расследовать этот случай. Это деловое предложение: заботу о вашем гонораре я беру на себя. Согласитесь, деньги всегда пригодятся.

Пуаро улыбнулся.

— Все равно все уйдет на налоги. Но, признаюсь, эта история меня заинтересовала. Случай непростой. Все так туманно, так неопределенно… Вот что, друг мой, кое-что вам лучше сделать самому. После этого всем займусь я. Вам следует побеседовать с врачом, который лечил мистера Ричарда Эбернети. Вы знакомы с ним?

— Да, слегка.

— Что он собой представляет?

— Средних лет, вполне компетентный, был в самых дружеских отношениях с Ричардом. Человек очень славный и порядочный.

— Так побывайте у него. С вами он будет говорить свободнее, чем со мной. Расспросите насчет болезни мистера Эбернети, узнайте, какие лекарства он принимал. Выясните, не говорил ли он когда-нибудь, что ему кажется, будто его пытаются отравить. Кстати, эта мисс Джилкрист уверена, что в разговоре с сестрой он произнес слово «отравляют»?

Мистер Энтуисл подумал.

— Это ее выражение, но она из тех свидетелей, которые нередко заменяют услышанные слова другими, лишь бы правильно передать смысл услышанного. Если Ричард выразил опасение, что его хотят убить, мисс Джилкрист вполне мог прийти на ум яд, потому что она связала опасения Ричарда со страхами своей тетушки: той казалось, будто ей что-то подмешивают в еду. Я могу как-нибудь вновь поговорить с мисс Джилкрист на эту тему.

— Пожалуйста. Или я сам поговорю. — Пуаро помедлил, а потом сказал несколько изменившимся тоном: — А вам не

приходило в голову, друг мой, что ваша мисс Джилкрист, быть может, сама подвергается опасности?

Мистер Энтуисл удивился.

— Нет, мне этого не кажется.

— Подумайте, ведь Кора высказала свои подозрения в день похорон. Убийца не мог не спрашивать себя: а что, если она говорила на этот предмет с кем-нибудь еще, когда впервые услышала о смерти Ричарда? А если говорила, то, вероятнее всего, со своей компаньонкой. Я думаю, друг мой, лучше не оставлять ее в этом коттедже одну.

— Кажется, Сьюзен собирается туда.

— Вот как?

— Она хочет разобраться в Кориных вещах.

— Так, так… Ну что же, друг мой, сделайте то, о чем я вас просил. И предупредите миссис Лео Эбернети, что, возможно, я навещу Эндерби-холл. Посмотрим. С этого момента я всем займусь сам.

И Пуаро энергично подкрутил усы.

Глава 8

Мистер Энтуисл задумчиво смотрел на доктора Ларраби. Жизненный опыт научил его мысленно давать оценку людям. Нередко ему приходилось действовать в трудных ситуациях или заниматься щекотливыми делами. Он стал настоящим мастером, когда следовало выбрать наиболее правильный подход. Как же наилучшим образом подойти к доктору Ларраби в этом трудном деле… так чтобы доктор не счел, что брошена тень на его профессиональную компетентность?

Откровенность, подумал мистер Энтуисл, или, по крайней мере, частичная откровенность. Признаться, что подозрения родились на основании случайно высказанного предположения недалекой женщины, было опрометчиво. Ведь доктор Ларраби не знал Кору. Мистер Энтуисл откашлялся и смело принялся за дело:

— Я хочу посоветоваться с вами по очень деликатному вопросу. Возможно, вы обидитесь, но я искренне надеюсь, что этого не случится Я знаю, что вы разумный человек. Уверен, что и на самое абсурдное предположение лучше всего было бы дать разумный ответ — а не отвергать его с ходу. Дело касается моего клиента, покойного мистера Эбернети. Спрошу прямо: вы совершенно уверены, что он умер по естественным причинам?

Цветущее добродушное лицо доктора Ларраби выразило глубочайшее изумление.

— Какого черта… Само собой, по естественным. Ведь я выдал свидетельство о смерти, не так ли? Если бы я не был абсолютно уверен…

— Конечно, конечно, — прервал его мистер Энтуисл. — Уверяю вас, что я и не предполагал ничего другого. Но я был бы рад иметь ваше твердое заверение в виду, э… распространяющихся слухов.

— Слухов? Каких слухов?

— Трудно сказать, как они возникают, — ответил мистер Энтуисл. — Но лично я считаю, что их необходимо пресечь, и по возможности авторитетно.

— Эбернети был больной человек. Он страдал от болезни, которая привела бы к роковому исходу самое меньшее, я бы сказал, через два года, а возможно, и на много раньше. Смерть сына ослабила его волю к жизни и сопротивляемость организма. Признаюсь, я не ожидал столь быстрого конца, но прецедентов в этом смысле сколько угодно. Любой врач, который точно предсказывает, когда именно умрет его пациент или сколько он

проживет, просто шарлатан. Индивидуальный фактор не поддается точному учету. Слабый человек проявляет вдруг неожиданную силу сопротивления, а сильный погибает.

— Я все это понимаю и не сомневаюсь в вашем диагнозе. Мистер Эбернети был, хотя это и звучит несколько мелодраматично, обречен. Я спрашиваю вас только об одном: возможно ли, чтобы человек, знающий или подозревающий свою обреченность, сократил по собственной воле время ожидания смерти или что кто-то сделал это за него?

Доктор Ларраби нахмурился:

— Вы имеете в виду самоубийство? Эбернети был не из таких.

— Понимаю. Можете вы заверить меня, говоря медицинским языком, что подобное предположение абсолютно невозможно?

Доктор поерзал в кресле.

— Я бы не воспользовался словом «невозможно». После смерти сына жизнь для Эбернети утратила былую привлекательность. Я считаю, что самоубийство было бы маловероятным, но назвать его невозможным не рискну.

— Вы судите с психологической точки зрения, а я, когда говорил о медицинской точке зрения, имел в виду следующее: делают ли обстоятельства его смерти невозможным такое предположение?

— Нет, нет, этого я сказать не могу. Он умер во сне, это случается часто. Не было никаких оснований предполагать самоубийство и никаких свидетельств подобного умонастроения. Если требовать вскрытия всякий раз, когда серьезно больной человек умирает во сне…

Лицо доктора побагровело.

— Конечно, конечно, — поспешил, согласиться мистер Энтуисл. — Но если бы были такие доказательства, о которых вы не знали? Если, например, он что-нибудь сказал кому-нибудь?

— Что-нибудь, свидетельствующее о том, что он подумывает о самоубийстве? А он такое говорил? Должен сказать, это меня удивляет.

— Но если бы это было так — это чисто гипотетическое предположение, — можете ли вы исключить такую возможность?

Доктор Ларраби раздумчиво сказал:

— Нет, нет, этого сделать я не могу, но я был бы очень удивлен.

Энтуисл поспешил развить достигнутый успех.

— Тогда, если мы предположим, повторяю, чисто гипотетически, что смерть его не была вызвана естественными причинами, что могло вызвать ее? Я имею в виду медицинские

препараты.

— Их могло быть несколько. Напрашивается мысль о каком-нибудь наркотике. Следов цианоза на трупе не было, да и поза была совершенно спокойной.

— Принимал он какие-либо снотворные?

— Да, сламберил, весьма надежный и безобидный транквилизатор[231]. Я выписывал ему по одной упаковке. Да и принимал он его не каждый вечер. Доза даже вдвое или втрое больше предписанной и то не могла бы оказаться смертельной. К тому же я помню, что после его смерти видел почти полный флакон на умывальнике.

— А что еще вы ему прописывали?

— Разные вещи: лекарства с маленьким содержанием морфия, которые он должен был принимать в случае приступов боли, микстуру для пищеварения, витамины в капсулах.

Мистер Энтуисл оживился.

— Витамины в капсулах? Помню, мне как-то тоже их прописывали. Маленькие круглые желатиновые капсулы?

— Да. Они содержат в себе адексолин[232].

— А можно ли подмешать что-нибудь в одну из таких капсул?

Доктор казался все более удивленным.

— Но, разумеется, никто и никогда… Послушай те, куда вы клоните?! Бог мой, вы предполагаете убийство?

— Я и сам не знаю, что я предполагаю. Просто спрашиваю, возможно ли это?

— Но какие же у вас доказательства, чтобы выдвигать подобное предположение?

— У меня нет доказательств, — устало ответил Энтуисл. — Мистер Эбернети умер. Особа, с которой он говорил, также мертва. Все это только слухи, неопределенные, расплывчатые слухи, и я хочу пресечь их, если возможно. Если вы скажете мне, что никто ни в коем случае не мог отравить Эбернети, я буду счастлив! Вы снимете огромную тяжесть с моей души, уверяю вас.

Ларраби встал и зашагал по комнате взад и вперед.

— Я не могу сказать вам этого, — ответил он наконец. — Конечно, кто угодно мог вскрыть капсулу и заменить содержимое, скажем, чистым никотином или десятком других веществ. Кто угодно мог подмешать что-нибудь в его еду или питье. Разве это не более вероятно?

— Возможно. Но, видите ли, в момент его смерти в доме были только слуги, но я не думаю, что это был кто-то из них, я даже уверен, что это не так. Поэтому я ищу, так сказать, какой-то препарат замедленного, так сказать, действия. Нет ли какого-либо препарата, которым можно было бы воспользоваться так,

чтобы жертва умерла, например, спустя несколько недель?

— Соблазнительная идея, но, боюсь, совершенно несостоятельная, — сухо ответил врач. — Я знаю, Энтуисл, что вы разумный человек, но скажите: кто именно сделал такое предположение? Оно кажется мне просто абсурдным.

— А вам Эбернети ничего не говорил? Не намекал, что кто-то из родных хочет устранить его?

Доктор с любопытством взглянул на Энтуисла.

— Нет, ничего подобного я от него не слышал. А вы совершенно уверены, Энтуисл, что кто-то не хочет привлечь к себе внимания? Ведь некоторые люди истерического склада внешне производят впечатление вполне разумных и нормальных.

— Хотел бы надеяться, что так оно и есть. Это вполне могло быть.

— Давайте разберемся. Кто-то, полагаю, это была женщина, утверждает, что Эбернети сказал ей об этом.

Юрист, загнанный в угол, неохотно рассказал о высказываниях Коры на похоронах. Лицо доктора Ларраби прояснилось.

— Дорогой мой, я бы не стал обращать на это внимания! Женщины в определенном возрасте бывают совершенно неуправляемыми и безответственными и могут сказать все что угодно.

Энтуислу не очень понравился столь беспечный подход доктора к делу. Ведь ему самому приходилось встречаться со множеством истеричных, неуравновешенных женщин, мечтающих лишь о том, чтобы произвести впечатление.

— Возможно, вы правы, — сказал Энтуисл, поднимаясь. — К несчастью, мы не можем поговорить с ней на эту тему, так как ее самое убили.

— Как убили? — Казалось, что доктор Ларраби усомнился в трезвости ума своего собеседника.

— Вы, возможно, читали в газетах. Миссис Ланскене в Беркшире[233].

— Конечно… Я и понятия не имел, что она родственница Эбернети. — Доктор Ларраби выглядел искренне потрясенным.

Чувствуя, что отплатил доктору за его прежнее профессиональное высокомерие, Энтуисл вышел. Он, однако, сознавал, что беседа с врачом не рассеяла его собственных сомнений и подозрений.

В Эндерби юрист решил поговорить с Лэнскомбом и для начала поинтересовался планами дворецкого на будущее.

— Миссис Лео просила меня остаться здесь до продажи дома. Я буду очень рад услужить ей. — Он вздохнул. — Надеюсь, сэр,

вы извините меня, если я скажу, что очень расстроен продажей дома. Ведь я столько лет пробыл здесь и видел, как выросли все молодые леди и джентльмены. Мне всегда думалось, что мистер Мортимер унаследует дом после своего отца и поселит здесь свою собственную семью. Было договорено, сэр, что, когда я уже не смогу продолжать работать, я переберусь в северную сторожку. Это такое милое местечко. Я заранее предвкушал, какие чистоту и порядок я там наведу. Теперь ничему этому не бывать.

— Сожалею, Лэнскомб. Имение должно быть продано как единое целое, но с вашим наследством…

— О, я вовсе не жалуюсь, сэр. Я очень тронут щедростью мистера Эбернети. Моя замужняя племянница просила меня поселиться вместе с ее семьей, но, видите ли, это совсем не то, что остаться жить в поместье.

— Знаю, — вздохнул Энтуисл. — Этот новый мир суров к нам, старикам. Жаль, что я так редко виделся с моим старым другом перед его кончиной. Как он выглядел в последние месяцы?

— Ну, сэр, он был сам не свой после смерти мистера Мортимера.

— Да, это горе сломило его. К тому же он был больным человеком, а у больных часто бывают странные фантазии. Насколько я понял, в последние дни жизни этим грешил и мистер Эбернети. Быть может, он иногда говорил о каких-то врагах, о том, что кто-то хочет причинить ему вред? Скажем, подмешать отраву в кушанье?

Старый Лэнскомб казался удивленным и шокированным.

— Не могу припомнить ничего такого, сэр.

Мистер Энтуисл внимательно посмотрел на него.

— Вы преданный слуга, Лэнскомб, я знаю. Но если у мистера Эбернети и бывали такие причуды, то ведь в этом нет ничего особенного… просто, э-э… признак болезненного состояния.

— Вот как, сэр? Могу только сказать, что мистер Эбернети никогда не говорил ничего подобного мне или в моем присутствии.

Юрист понял, что лучше сменить тему.

— Перед смертью ваш хозяин пригласил к себе погостить кое-кого из родственников. Насколько мне известно, племянника и двух племянниц с мужьями. Доставили ему удовольствие эти визиты? Или он был разочарован?

Глаза Лэнскомба приобрели отчужденное выражение, спина чопорно выпрямилась.

— Мне об этом ничего не известно, сэр.

— А я думаю, вы кое-что знаете, — мягко возразил

собеседник. — Вы хотите сказать, что не ваше дело распространяться о подобных вещах. Но бывают случаи, когда приходится нарушать принятые правила. Я был одним из самых старинных друзей вашего хозяина и очень любил его. Вы тоже. Поэтому я спрашиваю вас не как дворецкого, а как человека.

Лэнскомб помолчал мгновение, потом осведомился своим бесцветным голосом:

— Что-нибудь не так, сэр?

— Сам не знаю. Надеюсь, что нет. А вам не казалось, будто что-то неладно?

— Разве только после похорон, сэр. Я не могу точно сказать, в чем, собственно, дело. Но миссис Лео и миссис Тимоти, обе они были вроде бы не в своей тарелке, когда все остальные разъехались.

— Вам известно содержание завещания?

— Да, сэр. Миссис Лео подумала, что мне, пожалуй, это будет интересно. Позволю себе сказать, сэр, что, на мой взгляд, завещание очень справедливое.

— Безусловно. Но, я думаю, это не то завещание, которое мистер Эбернети хотел составить сразу после смерти сына. Не ответите ли вы теперь на мой вопрос?

— Это ведь только мое личное мнение, сэр, вы понимаете…

— Само собой разумеется. И что же?..

— Хозяин, сэр, был очень разочарован после визита мистера Джорджа. Мне кажется, он надеялся, что мистер Джордж похож на мистера Мортимера. Но мистер Джордж, с позволения сказать, оказался совсем не того склада. Супруга мисс Лауры, матери мистера Джорджа, всегда считали неподходящей для нее парой, и, я боюсь, мистер Джордж пошел в него. Потом приезжали барышни со своими мужьями. Мисс Сьюзен сразу пришлась хозяину по душе, такая красивая и бойкая молодая женщина, но вот, по-моему, муж ее мистеру Эбернети не понравился. Леди сейчас выбирают себе странных супругов, сэр.

— А другая пара?

— О них я мало что могу сказать. Очень приятные молодые люди и на вид такие симпатичные. Мне кажется, хозяин был рад видеть их здесь. Вот только… мне думается, он всегда избегал

тех, кто выступает в театрах… Как-то он сказал мне: «Не могу понять, почему теперь всех тянет на сцену. Дурацкое занятие. Лишает людей остатков здравого смысла. И, уж во всяком случае, отражается на морали, нарушает чувство меры». Конечно, он прямо не имел в виду…

— Да, да, я понимаю. Ну а после этих визитов мистер Эбернети ездил сам, сначала к брату, а потом к своей сестре миссис Ланскене, не так ли?

— Насчет этого мне ничего не известно, сэр. Он как-то лишь обмолвился при мне, что собирается к мистеру Тимоти, а после куда-то в Сент-Мэри… запамятовал, как дальше.

— Так, так. Не припомните ли, что он говорил об этих поездках по возвращении?

Лэнскомб задумался.

— Прямо даже не знаю, что сказать… Он был доволен, что снова дома. Сказал, помню, что поездки и ночевки в чужих домах утомляют его. Вообще-то хозяин имел привычку говорить сам с собою вслух, не обращая на меня внимания, если я был рядом. Это и неудивительно: ведь он так привык ко мне.

— И доверял вам.

— Но я очень смутно помню его слова. Что-то насчет того, что он не знает, куда кто-то подевал свои деньги. Полагаю, это о мистере Тимоти. А потом он говорил, что, дескать, «женщина может быть дурой в девяноста девяти случаях и оказаться удивительно умной в сотом».

Потом добавил: «Только сверстникам можно выложить все, что у тебя на душе. Они не подумают, как молодежь, что ты просто фантазируешь». И еще, но я не знаю, в какой связи: «Не очень-то красиво подстраивать людям ловушки, но, право, не вижу, что я еще могу сделать». По-моему, сэр, он имел в виду помощника садовника: у нас как раз в то время начали пропадать персики из оранжереи.

Однако мистер Энтуисл не считал, что Ричард Эбернети имел в виду помощника садовника. Задав еще пару вопросов, он отпустил Лэнскомба и начал анализировать то, что узнал. Кое-что явно наводило на размышления. Безусловно, когда Ричард говорил о женской глупости и уме, он думал не о своей невестке Мод, а о сестре Коре. И это ей он рассказал о своих «фантазиях». Кроме того, он упоминал о ловушке. Ловушке для кого?

Мистер Энтуисл долго ломал голову над тем, что именно он скажет Элен. Наконец он решил быть с нею совершенно откровенным и посвятить во все. Сначала он поблагодарил ее за то, что она разобралась в вещах Ричарда и еще кое-что сделала в доме. Дом был выставлен на продажу, и уже появилась пара

возможных покупателей, которые вскоре должны приехать и осмотреть его.

— Частные покупатели? — спросила Элен.

— К сожалению, нет. Христианская Ассоциация молодых людей, какой-то молодежный клуб и Фонд Джефферсона, который ищет место для размещения своих коллекций.

— Похоже, жить в доме не будут, ведь сейчас это непрактично.

— Я буду вам благодарен, Элен, если вы сможете побыть здесь еще немного. Видите ли, один мой друг, некий Эркюль Пуаро…

Элен перебила его:

— Эркюль Пуаро? Значит, вы думаете…

— Вы знаете о нем?

— Да. Одни мои друзья… но я думала, он давным-давно умер.

— Да нет, живехонек, хотя, разумеется, не молод.

Лицо его собеседницы стало бледным и напряженным. Она с усилием выговорила:

— Значит, вы думаете, Кора была права и Ричарда убили?

Тут мистер Энтуисл отвел душу и рассказал ей все, радуясь возможности доверить свои мысли и опасения человеку с таким ясным и спокойным умом, как у Элен. Когда он закончил, она сказала:

— Все это должно бы казаться просто фантастикой, но не кажется. В тот вечер, после похорон, Мод и я не могли не думать об этом. Твердили себе, что Кора дурочка, и все же тревожились и нервничали. А потом Кору убили, и я все пыталась внушить себе, что это лишь совпадение. Может, так оно и есть. Если бы только знать наверняка! Как все сложно…

— Да. Но Пуаро человек весьма оригинальный и в чем-то почти гений. Он прекрасно понимает, что нам нужна уверенность в том, что дело не стоит выеденного яйца.

— А если это не так?

— Что заставляет вас думать таким образом? — отрывисто спросил ее собеседник.

— Сама не знаю. Просто чувствую неладное. Не только слова Коры. Что-то еще в тот момент показалось мне странным.

— Странным? В каком смысле?

— Не знаю, это какое-то смутное ощущение, не больше.

— Связано оно с кем-то из присутствовавших в комнате?

— Да, похоже. Но я не могу сказать, кто или что это было… Я знаю, это звучит просто глупо…

— Вовсе нет. Ваши наблюдения чрезвычайно интересны. Вы

умная женщина, Элен. Если что-то заметили, значит, что-то действительно было.

— Да, но я не могу вспомнить, что именно. Чем больше я думаю…

— Не надо думать. Это плохой способ вспомнить что-либо. Со временем все вспомнится само собой. И тогда сообщите мне немедленно.

— Хорошо, — послушно ответила Элен.

Глава 9

Мисс Джилкрист решительным движением надела свою черную шляпку и подоткнула под нее выбившуюся прядь седых волос. Предварительное дознание назначено на двенадцать часов дня, а сейчас было только двадцать минут двенадцатого. «Ее серый костюм выглядит вполне прилично, — подумала мисс Джилкрист, — особенно с этой только что купленной черной блузкой». Конечно, ей бы хотелось быть одетой во все черное, но, увы, ей это не по средствам. Она окинула взглядом свою чистую и аккуратную спаленку, где на стенах красовались изображения гавани Бриксхэм, Коккингтон-Форджа, Энстейс-Коува, Кьянси-Коува, Польфлексан-Харбора, Баббакомб-Бэй и т, п. И на каждом размашистая подпись Коры Ланскене. С особой нежностью глаза мисс Джилкрист остановились на этюде с видом Польфлексан-Харбора. Другой любящий взгляд, сопровождаемый вздохом, достался выцветшей фотографии на комоде, по которой можно было судить о том, что представляла собой незабвенная чайная «Ивушка».

Звонок на входной двери внизу оторвал мисс Джилкрист от созерцания ее сокровищ.

«Господи Боже мой, кто бы это мог…» — пробормотала мисс Джилкрист и начала спускаться вниз по скрипучей лестнице. Звонок повторился, а следом раздался и сильный стук в дверь. Мисс Джилкрист встревожилась. На мгновение она даже замедлила шаг, но затем двинулась к двери, уговаривая себя не быть такой дурой.

На пороге стояла молодая, изящно одетая женщина в черном, с небольшим чемоданчиком в руках. Она сразу же заметила на лице мисс Джилкрист тревогу и быстро сказала:

— Мисс Джилкрист? Я Сьюзен Бэнкс, племянница миссис Ланскене.

— Ах, ну да, конечно. Входите, пожалуйста, миссис Бэнкс. Осторожно, не наткнитесь на вешалку, она стоит так неудобно. Сюда, будьте любезны. Я не знала, что вы приедете на дознание, а то приготовила бы кофе.

— Благодарю, мне ничего не надо. Простите, если я вас испугала.

— Нет, нет, что вы, хотя, по правде говоря, я действительно чуточку испугалась. Очень глупо с моей стороны. Вообще-то я совсем не нервная. Я сказала адвокату, что не побоюсь остаться здесь одна, и осталась. Наверное, из-за дознания и оттого, что я… думала о всех этих вещах, но целое утро я что-то нервничаю.

Поверите ли, примерно полчаса назад в дверь позвонили, я едва смогла заставить себя открыть, хотя, разумеется, просто глупо думать, что… убийца *вернется*, да и зачем ему это? И конечно, это была всего-навсего монахиня, собиравшая на сиротский приют, и я почувствовала такое облегчение, что дала ей два шиллинга, хотя я сама не католичка и вовсе не симпатизирую этой религии с ее монахинями. Впрочем, думаю, что сестры из ордена Милосердного Сердца действительно делают доброе дело. Но, прошу вас, садитесь миссис Бэнкс. Вы приехали поездом?

— Нет, у меня машина. Проулок такой узкий, что я не смогла проехать к дому. Но у вас тут есть что-то вроде заброшенного карьера, и я оставила машину там.

— Проулок действительно узкий, но ведь здесь почти нет движения. И вообще это очень одинокое место. — При последних словах мисс Джилкрист слегка вздрогнула.

Сьюзен Бэнкс оглядывалась вокруг.

— Бедная старая тетя Кора, — сказала она. — Тетя оставила все, что у нее было, мне, вы знаете?

— Да, мистер Энтуисл говорил мне. Надеюсь, мебель вам пригодится. Я знаю, вы недавно вышли замуж, а мебель сейчас такая дорогая. У миссис Ланскене были такие прекрасные вещи!

В душе Сьюзен не согласилась с этим. У Коры не было вкуса к антиквариату. Обстановка здесь представляла собой нечто среднее между образчиками модернизма[234] и предметами с претензией на «художественность».

— Мебель мне не понадобится, — сказала Сьюзен, — у меня есть своя. А это все пойдет с аукциона. Вот… разве только вы захотите что-нибудь взять. Я буду очень рада… — Сьюзен остановилась в некотором смущении, но мисс Джилкрист не нашла в предложении ничего странного и просияла.

— Вы очень добры, миссис Бэнкс. Но, видите ли, у меня тоже есть мои собственные вещи. Когда мне пришлось расстаться с моей маленькой чайной, знаете, из-за войны… это было так грустно… то я не все продала. Кое-что из мебели и картины, оставшиеся после моего папы, я сдала на хранение, потому что, я надеюсь, когда-нибудь у меня снова будет мой маленький домашний очаг. Но все равно, я вам очень благодарна, и если вам действительно не жаль, то вот этот раскрашенный чайный столик милой миссис Ланскене… Он такой очаровательный, и мы всегда пили за ним чай.

Сьюзен, поморщившись, взглянула на маленький зеленый стол, разрисованный огромными пурпурными цветами клематиса[235], и поспешила сказать, что она с удовольствием подарит его мисс Джилкрист.

— Огромное спасибо, миссис Бэнкс, но, право же, мне неловко быть такой корыстной. Ведь у меня уже есть все прекрасные картины миссис Ланскене и ее аметистовая брошь… Быть может, мне следует вернуть ее вам?

— Нет, нет, что вы!

— Вы хотите разобрать вещи? После дознания, наверное?

— Пожалуй, я останусь на пару дней и разберусь со всем.

— Вы хотите сказать, что будете ночевать здесь?

— Да, а что, это почему-то неудобно?

— О, конечно нет, миссис Бэнкс. Я сменю белье на моей постели, а сама великолепно устроюсь здесь, на кушетке.

— Но ведь я вполне могу спать в комнате тети Коры.

— Вы… ничего не имеете против этого?

— Из-за того, что ее там убили? О нет, мисс Джилкрист, нервы у меня достаточно крепкие. Там ведь… все теперь в порядке?

Мисс Джилкрист поняла смысл вопроса.

— Разумеется, миссис Бэнкс. Все одеяла отправлены в чистку, и мы с миссис Пэнтер выскребли всю комнату. Но поднимитесь и взгляните сами.

Комната, где Кору Ланскене настигла смерть, была чистой, свежей и абсолютно лишенной какой бы то ни было зловещей атмосферы. Она отражала свойственное Коре отсутствие вкуса. Над камином висело писанное маслом изображение молодой полногрудой особы, намеревающейся войти в купальню. При взгляде на нее Сьюзен содрогнулась. Мисс Джилкрист пояснила:

— Это нарисовал супруг миссис Ланскене. Внизу много его картин.

— Какой ужас!

— Самой мне не очень нравится такой стиль, но миссис Ланскене весьма гордилась своим мужем и считала, что его творчество просто никто не понимал.

— А где картины самой тети Коры?

— В моей комнате. Хотите посмотреть?

Мисс Джилкрист с гордостью продемонстрировала свои богатства. Сьюзен сказала, что тетя Кора, по-видимому, обожала приморские деревушки.

— О да, она много лет прожила с мистером Ланскене в маленькой рыбацкой деревушке в Бретани[236]. Рыбачьи лодки так живописны, не правда ли?

— Несомненно, — пробормотала Сьюзен.

Все картины Коры вообще-то больше всего смахивали на цветные почтовые открытки своею верностью деталям и слишком яркими красками. Казалось, они просто срисованы с таких

открыток. Но когда Сьюзен решилась высказать это соображение, мисс Джилкрист была шокирована.

— Миссис Ланскене всегда рисовала только с натуры. Однажды она даже получила солнечный удар, потому что не хотела упустить удачное освещение. Миссис Ланскене была настоящей художницей, — заключила мисс Джилкрист, взглянув на часы.

— Нам пора отправляться на дознание, — тут же заторопилась Сьюзен. — Это далеко? Подогнать машину?

— Всего пять минут ходьбы, — ответила мисс Джилкрист.

Они отправились пешком.

Мистер Энтуисл, приехавший поездом, встретил их и проводил в сельскую мэрию.

На дознание, по-видимому, собралось много посторонних. В самой процедуре, впрочем, не было ничего сенсационного. Показания об опознании личности убитой. Показания врача о характере ранений, повлекших за собой смерть. Его же мнение, что жертва в момент гибели была, очевидно, под воздействием какого-то наркотического, вероятнее всего снотворного, средства и оказалась застигнутой совершенно врасплох. Мисс Джилкрист рассказала, как и когда она обнаружила труп. Констебль и инспектор Мортон также дали свои показания. Коронер подвел итог. Вердикт был вынесен быстро и гласил: «Убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами».

На том дело и кончилось. Мистер Энтуисл ловко провел дам мимо нескольких репортеров, щелкавших фотоаппаратами, в сельскую гостиницу с баром под названием «Королевский герб», где он предусмотрительно заказал ленч[237] в отдельную комнату. Предложив женщинам садиться, он выразил опасение, что ленч будет не очень хорош.

Но ленч оказался совсем не плох. Мисс Джилкрист, для приличия пару раз шмыгнув носом, с аппетитом откушала ирландского рагу и даже, по настоянию мистера Энтуисла, осушила рюмку хереса.

— Я и понятия не имел, — обратился юрист к Сьюзен, — что вы приедете сегодня. Мы могли бы отправиться вместе.

— Да я и не думала приезжать сюда так скоро. Но в последнюю минуту решила, что все-таки свинство, если не будет никого из семьи. Я позвонила Джорджу, но он страшно занят, у Розамунд репетиция, а дядя Тимоти вообще не в счет. Так что пришлось ехать мне.

— А ваш супруг?

— Грег не смог выкроить времени: ему надо все уладить со своей нудной аптекой.

Поймав удивленный взгляд мисс Джилкрист, Сьюзен объяснила:

— Мой муж работает в аптекарском магазине.

Наличие мужа, работающего в торговле, не очень вязалось с элегантным видом Сьюзен. Но компаньонка тем не менее смело заметила:

— О, совсем как Ките[238].

— Грег не поэт, — сказала Сьюзен. — У нас с ним грандиозные планы на будущее: кабинет красоты и при нем лаборатория для изготовления косметических средств по нашим собственным рецептам.

— Вот это гораздо приличнее, — сказала мисс Джилкрист. — Это напоминает Элизабет Арден, которая на самом деле была графиней. Или Елену Рубинштейн? Во всяком случае, аптека — это не какой-то обычный магазин, вроде магазина тканей или бакалейного.

— Ведь у вас у самой была чайная, не правда ли?

— Совершенно верно.

Лицо мисс Джилкрист просветлело. Ей раньше никогда не приходило в голову, что кто-то мог счесть ее незабвенную чайную чем-то имеющим отношение к обычной торговле. Для нее содержать чайную было воплощением респектабельности. Она начала рассказывать Сьюзен о своей «Ивушке».

Мистер Энтуисл, уже слышавший это раньше, задумался о другом, и только повторное обращение Сьюзен заставило его поспешно извиниться.

— Простите за невнимательность, моя дорогая. Я думаю о вашем дядюшке Тимоти. Дело в том, что я несколько встревожен.

— Из-за дяди? Вот уж на вашем месте я не стала бы беспокоиться. Он просто симулянт и…

— Может быть, вы и правы. Но сейчас дело не в нем, а в его жене. Миссис Тимоти поскользнулась на лестнице, упала и вывихнула ногу. Она слегла, а ваш дядя в жутком состоянии.

— Потому что теперь ему придется ухаживать за ней, а не наоборот? Ничего, это ему только на пользу.

— Возможно. Но проблема в том, будет ли вообще уход за вашей бедной тетей? Ведь в доме нет прислуги.

— Н-да, — согласилась Сьюзен, — обстановка для стариков неважнецкая. Они ведь живут в особняке, не так ли?

После ленча все они не без опаски вышли из «Королевского герба», но репортеры, судя по всему, испарились. Впрочем, двое поджидали Сьюзен у ворот коттеджа. По подсказке мистера Энтуисла она произнесла несколько необходимых, ничего не значащих фраз. Затем дамы вошли в дом, а мистер Энтуисл

вернулся в гостиницу, где для него был оставлен номер. Похороны должны были состояться на следующий день.

— Моя машина все еще в карьере, — спохватилась Сьюзен. — Я пригоню ее в деревню позднее.

Мисс Джилкрист с легкой тревогой проговорила.

— Только не очень поздно. Вы ведь не выйдете, когда стемнеет, правда?

Сьюзен взглянула на нее и рассмеялась.

— Уж не думаете ли вы, что убийца еще болтается где-нибудь поблизости?

— Нет, нет, что вы… — Мисс Джилкрист казалась несколько смущенной.

«Держу пари, она думает именно это, — подумала Сьюзен. — Как забавно!»

Мисс Джилкрист предложила выпить чаю и исчезла в кухне, а молодая женщина вошла в гостиную. Довольно скоро раздался звонок в дверь. Сьюзен вышла в холл, и в ту же секунду на пороге кухни появилась мисс Джилкрист, вытирая о передник выпачканные в муке руки. Она нерешительно маячила позади Сьюзен, пока та направлялась к входной двери, и Сьюзен мысленно спросила себя, не полагает ли мисс Джилкрист, что снаружи ждет некто вооруженный топором. Неожиданный гость, однако, оказался пожилым джентльменом. Он вежливо приподнял шляпу и спросил, одаряя Сьюзен отеческой улыбкой:

— Миссис Бэнкс, не так ли?

— Да.

— Мое имя Гатри, Александр Гатри. Я старый друг миссис Ланскене. А вы, я полагаю, ее племянница, бывшая мисс Сьюзен Эбернети?

— Совершенно верно.

— Теперь, когда мы познакомились, не разрешите ли мне войти?

— Ну, разумеется.

Мистер Гатри тщательно вытер ноги о коврик, снял пальто и шляпу и проследовал за Сьюзен в гостиную.

— Это печальный случай, — заговорил посетитель вполне, однако, бодрым голосом. — Да, весьма печальный случай. Я как раз оказался в здешних местах и счел своим долгом побывать на дознании и, естественно, на похоронах. Бедная глупенькая Кора! Я, миссис Бэнкс, знал Кору с первых дней ее замужества. Весьма восторженная была особа, она дьявольски серьезно относилась к искусству, и даже к Пьеру Ланскене как к художнику, я имею в виду. В общем, он был ей не таким уж плохим мужем. Правда, погуливал, но Кора, к счастью, считала, что человек с

артистическим темпераментом таким и должен быть. А во всем, что касается искусства, Кора ровно ничего не соображала, хотя, заметьте, в других отношениях проявляла много здравого смысла.

— По-видимому, это общее мнение, — сказала Сьюзен. — Я-то, по сути дела, ее почти не знала.

— Да, да, она ведь рассорилась с родственниками, потому что они не оценили ее обожаемого Пьера. Она никогда не была хорошенькой, но излучала какое-то обаяние. И была очень компанейской. Правда, бывало, не знаешь, что она скажет в следующий момент и действительно ли она наивна или просто валяет дурака. Вечный ребенок, вот кем мы ее считали.

Сьюзен предложила мистеру Гатри сигарету, но старый джентльмен протестующе покачал головой.

— Благодарю вас, я не курю. Вас, должно быть, удивляет мой визит. По правде говоря, совесть у меня не совсем спокойна. Несколько недель назад я обещал Коре навестить ее. Обычно я бывал у нее раз в год. В последнее время у нее появилось хобби — скупать картины на местных распродажах, и она хотела, чтобы я взглянул на некоторые из них. Я ведь по профессии художественный критик. Само собой, большинство Кориных приобретений оказывались жуткой мазней, но вообще-то это не столь уж бесперспективное дело. Картины сейчас идут почти даром. На этих сельских распродажах рамы иногда стоят больше, чем картины. Естественно, на каждой интересной распродаже присутствуют опытные перекупщики, так что на шедевры рассчитывать не приходится. Впрочем, иногда можно задешево приобрести что-нибудь довольно ценное. Недавно, например, маленькая картина Кейпа[239] была продана за несколько фунтов. История довольно интересная. Картина была подарена старой няньке, много лет прослужившей в семье владельцев. Никто и понятия не имел, что она представляет собой какую-то ценность. Нянька, в свою очередь, подарила ее племяннику фермера, которому понравилась изображенная на ней лошадь. Но все думали, что это всего-навсего кусок грязного холста. Да, такое иногда случается. Кора к тому же была уверена, что у нее нюх на картины. На самом деле она была совершеннейшим профаном. Помню, как она просила меня приехать и взглянуть на Рембрандта[240], которого она купила в прошлом году. Представляете, на Рембрандта! Оказалась копия — и при этом жалкая! Однажды ей действительно посчастливилось подцепить довольно приличную гравюру Бартолоцци[241], к сожалению несколько подпорченную сыростью. Я продал ее потом для Коры за тридцать фунтов, и, разумеется, она возликовала. Я получил от нее восторженное письмо насчет итальянского примитивиста,

которого она отхватила на каком-то аукционе, и обещал заехать посмотреть.

— Не этот? — спросила Сьюзен, указывая на одну из картин на стене.

Мистер Гатри встал, надел очки и подошел поближе.

— Бедная милая Кора, — произнес он наконец.

— Тут еще много других, — вставила Сьюзен.

Мистер Гатри неторопливо приступил к осмотру сокровищ искусства, собранных преисполненной надежд миссис Ланскене. Время от времени он сожалеюще причмокивал языком или вздыхал. Наконец он снял очки и повернулся к Сьюзен:

— Грязь, миссис Бэнкс, замечательная вещь. Она покрывает романтической патиной[242] самые ужасающие образчики бездарнейшей мазни. Боюсь, что Бартолоцци был удачей новичка. Бедняжка Кора! Но это делало ее жизнь интереснее. Я благодарен судьбе за то, что мне не пришлось ее разочаровывать.

— Тут еще есть несколько картин в столовой, — сказала Сьюзен, — но они, по-моему, написаны ее мужем.

Мистер Гатри слегка вздрогнул и протестующе поднял руку.

— Не заставляйте меня вновь смотреть на них. Тем, кто пользуется услугами натурщиков, за многое придется ответить на Страшном суде. Я всегда старался щадить Корины чувства. Преданная жена, весьма преданная жена! Ну, миссис Бэнкс, я больше не вправе посягать на ваше время.

— Не хотите ли выпить с нами чаю? Он, наверное, уже готов.

— Вы очень добры, — охотно согласился критик.

Сьюзен вышла на кухню. Мисс Джилкрист вынимала из духовки последнюю порцию лепешек. На подносе все уже было приготовлено, и чайник тоже кипел.

— Тут пришел некий мистер Гатри, и я пригласила его к чаю.

— Мистер Гатри? Ну конечно, он ведь большой друг милой миссис Ланскене. Знаменитый критик. Как удачно, я как раз напекла лепешек, и у меня найдется немного домашнего клубничного джема, да еще я приготовила несколько воздушных пирожных. Чай уже готов. О, прошу вас, миссис Бэнкс, не поднимайте этот тяжелый поднос, я сделаю все сама.

Сьюзен, тем не менее, взяла поднос, а мисс Джилкрист последовала за ней с чайником. В гостиной она радушно поздоровалась с гостем, и чаепитие началось.

— Горячие лепешки — просто объедение, — сказал мистер Гатри. — Особенно с этим джемом. Не сравнить с тем, что сейчас продается в магазинах.

Мисс Джилкрист расцвела от этих комплиментов. Все действительно было восхитительно на вкус. Ясно, что тут мисс

Джилкрист в своей стихии. Тень «Ивушки» витала в комнате.

— Огромное спасибо, — сказал мистер Гатри, принимая из рук мисс Джилкрист последнее пирожное. — Хотя, честно говоря, мне немного стыдно распивать этот восхитительный чай в доме, где так зверски была убита бедная Кора.

Мисс Джилкрист неожиданно отреагировала на эти слова чисто по-викториански:

— Но миссис Ланскене наверняка была бы рада, что вы напились хорошего чая. Вам нужно подкрепиться.

— Быть может, вы правы, — сказал Гатри. — Однако как трудно себе представить, что кто-то, кого вы знали лично, убит.

— Я согласна с вами, — заметила Сьюзен, — чистейший абсурд.

— И уж конечно не каким-то случайным бродягой, забредшим в дом, — продолжил Гатри. — Я, кстати, могу представить себе возможные причины убийства.

— Какие же? — быстро спросила Сьюзен.

— Кора всегда была неосторожна, очень неосторожна. Она, как бы это получше выразиться, обожала показывать, какая она, дескать, умная и как много знает. Ну, вроде ребенка, случайно вызнавшего чей-то секрет. Кора всегда выбалтывала чужие секреты, о которых ей удавалось пронюхать. Выбалтывала, даже если обещала молчать. Ничего не могла с собой поделать, это было у нее в крови.

Сьюзен молчала. Мисс Джилкрист тоже. Она казалась несколько озабоченной. Мистер Гатри продолжал:

— Да, чуточку мышьяка в чашке чаю или присланная по почте коробка отравленных шоколадных конфет меня не удивили бы. Но пошлый грабеж и убийство — это, знаете ли, слишком. Впрочем, при теперешнем беззаконии в стране…

Поблагодарив хозяек за чай, мистер Гатри вежливо распрощался. Мисс Джилкрист пошла проводить его до двери и помогла ему надеть пальто. Из окна гостиной Сьюзен наблюдала, как он бодро зашагал к воротам.

Спустя несколько минут мисс Джилкрист вернулась в комнату с небольшим свертком в руках.

— Должно быть, заходил почтальон, когда мы были на дознании. Он протолкнул это в дверное отверстие для почты и посылок, и пакет завалился в угол. Интересно, что там… Похоже на свадебный пирог!

Сияя улыбкой, мисс Джилкрист развернула сверток. В нем была маленькая коробка, перевязанная серебряной лентой. На дне коробки лежал порядочный кусок пирога, покрытого глазурью и усыпанного сверху миндалем.

— Как это мило! — воскликнула мисс Джилкрист и взглянула на приложенную к посылке карточку. — «Джон и Мэри»! Интересно, кто это может быть? Как глупо не указывать в таких случаях фамилию.

Сьюзен, оторвавшись от своих мыслей, рассеянно посочувствовала:

— Понимаю вас: на днях я получила открытку, подписанную Джоан, и насчитала восемь своих знакомых по имени Джоан. Сейчас, когда общаешься с людьми главным образом по телефону, и по почерку никого не узнаешь.

Мисс Джилкрист с наслаждением перебирала всех известных ей Джонов и Мэри.

— Может быть, это дочка Дороти… Ее зовут Мэри, но я ничего не слышала о помолвке, не говоря уже о свадьбе. Потом есть еще маленький Джон Бэнфилд… Он, я полагаю, уже достаточно взрослый, чтобы жениться. Или это дочка Энфилдов? Нет, ее зовут Маргарет… И на посылке нет обратного адреса… Ну, Бог даст, со временем я вспомню. — Она собрала поднос и вышла на кухню.

Сьюзен поднялась и сказала:

— Думаю, мне лучше пойти попробовать пристроить где-нибудь машину.

Глава 10

Сьюзен вывела машину из карьера, где она ее оставляла, и отправилась в деревню. Гаража при сельской бензоколонке не было, и Сьюзен посоветовали воспользоваться автостоянкой при «Королевском гербе». Так она и сделала, поставив свой автомобиль рядом с готовым отправиться в путь большим «даймлером»[243], за рулем которого сидел шофер, а на заднем сиденье виднелась фигура укутанного в шарфы и плед пожилого иностранца с внушительными усами.

Мальчишка, с которым Сьюзен говорила насчет своей машины, смотрел на нее с таким жадным вниманием, что вряд ли уловил смысл сказанного хотя бы наполовину. Наконец он не выдержал и спросил с благоговением в голосе:

— Это вы ведь племянница, верно?

— Что, что?

— Вы племянница той леди, которую убили?

— Да. Ну и что же?

— То-то я все думал, где же это я видел вас прежде.

«Малолетний вампир», — раздраженно думала Сьюзен, возвращаясь в коттедж.

— Слава Богу, наконец-то вы вернулись, — встретила ее мисс Джилкрист с таким явным облегчением, что это усилило раздражение Сьюзен. — Вы не откажетесь от спагетти? Я подумала, что сегодня на ужин…

— Все что угодно, — прервала ее Сьюзен. — Я не очень голодна.

— Могу похвастаться, я очень вкусно готовлю спагетти!

Это хвастовство было оправданным. Сьюзен убедилась, что миссис Джилкрист действительно великолепно готовит. После ужина она предложила мисс Джилкрист помочь вымыть посуду, но та заверила, что не стоит, хотя и была весьма польщена этим предложением. Вскоре мисс Джилкрист принесла кофе, который удался ей хуже и был слабоват. Она предложила Сьюзен кусок свадебного пирога, но та отказалась.

— А пирог-то недурен, — сказала мисс Джилкрист, попробовав.

К собственному удовлетворению, она наконец отыскала в своей памяти кого-то, кого она называла «дочкой дорогой Элен», которая, «как я слышала, собиралась замуж, хотя имени ее я не помню».

Сьюзен, не мешая собеседнице беззаботно чирикать о чем попало, сидела молча, ожидая подходящего момента завязать

беседу о том, что интересовало лично ее. Время после ужина, когда они обе сидели возле камина, располагало к доверительной беседе. Наконец она сочла, что этот момент наступил, и спросила:

— Мой дядя Ричард, кажется, заезжал сюда незадолго до смерти?

— Да.

— А поточнее вы не вспомните?

— Должно быть, за две-три недели до сообщения о его смерти.

— Выглядел он больным уже тогда?

— Да нет, я бы не сказала. Такой бодрый и энергичный мужчина. Миссис Ланскене очень удивилась, увидев его. «Ну и ну, Ричард, — сказала она, — сколько лет, сколько зим!» А он в ответ: «Да вот, решил заехать, посмотреть, как у тебя дела». Она ему и скажи: «О, у меня-то все в порядке». Мне кажется, что миссис Ланскене немножко обидело, что он приехал так вот, почти случайно. А мистер Эбернети сказал: «Кто старое помянет, тому глаз вон. Ведь теперь остались только ты, я и Тимоти, а с ним ни о чем нельзя говорить, кроме его драгоценного здоровья. Ну а ты… Что ж, Пьер, видимо, сделал тебя счастливой, так что, похоже, я был не прав, признаю. Довольна теперь?» И как мило он все это вы сказал. Красивый джентльмен, хотя и в годах, конечно.

— Сколько он здесь пробыл?

— Он остался у миссис Ланскене на ленч. Я как раз готовила мясные фрикадельки. К счастью, именно в этот день приезжал мясник. — Воспоминания мисс Джилкрист имели исключительно гастрономический характер.

— Вам показалось, что они поладили?

— О да.

Сьюзен помедлила и задала следующий вопрос:

— Была ли тетя Кора удивлена, когда он умер?

— Да, ведь это случилось так внезапно.

— Да, внезапно… Значит, она удивилась… А он не намекал ей на то, как он серьезно болен?

— Ах, вот что… — Мисс Джилкрист на секунду задумалась. — Пожалуй, что-то такое было. Я помню, потом миссис Ланскене говорила, что он очень постарел, даже одряхлел.

— Но *вам* он не показался дряхлым?

— На вид нет. Но ведь я с ним почти не говорила. Естественно, я оставила их вдвоем.

Сьюзен бросила на нее испытующий взгляд. Не из тех ли она женщин, что подслушивают у дверей? Сьюзен не сомневалась в честности мисс Джилкрист, и ей бы в голову не пришло, скажем, заподозрить ее в том, что она обманывала хозяйку в денежных

делах или вскрывала чужие письма. Но ведь любопытство можно облечь в безупречно корректные формы. Она, например, могла найти срочное дело в саду поблизости от открытого окна или вытирать пыль в холле. И тогда, разумеется, просто не могла не услышать чего-нибудь.

— Вы не слышали, о чем они говорили? — спросила Сьюзен.

Чересчур в лоб. Мисс Джилкрист вспыхнула от негодования:

— Могу вас заверить, миссис Бэнкс, что у меня нет привычки подслушивать!

«Значит, подслушивала, — решила про себя Сьюзен, — иначе просто сказала бы „нет“». Вслух же она произнесла:

— Прошу прощения, мисс Джилкрист, я совсем не это имела в виду. Просто в этих маленьких коттеджах, выстроенных на живую нитку, иногда невольно слышишь буквально все. Видите ли, сейчас, когда оба они мертвы, родным важно и интересно знать, о чем они беседовали в свою последнюю встречу.

Мисс Джилкрист попалась на удочку:

— Тут вы правы, миссис Бэнкс, дом небольшой, и я, конечно, понимаю, что вам хотелось бы знать, о чем они говорили. Вряд ли я смогу вам особенно помочь. Кажется, они толковали о здоровье мистера Эбернети и о том, что у него, э… иногда появляется что-то вроде фантазий, если можно так сказать. Судя по ее внешнему виду, я бы о нем такого никогда не подумала. Но, в конце концов, он был болен, а больные люди часто приписывают свое нездоровье внешним, так сказать, причинам. Моя тетушка, например…

Мисс Джилкрист в подробностях описала случай со своей тетушкой. Сьюзен, как и мистер Энтуисл до нее, постаралась незаметно перевести разговор на другое:

— Да, да, мы так и думали. Все дядины слуги были очень привязаны к нему, и, разумеется, их огорчает, что он считал, будто… — Она сделала паузу.

— Само собой! Слуги всегда так обидчивы в подобных случаях. Помню, моя тетушка…

Сьюзен прервала ее:

— Полагаю, он подозревал слуг? Ну… думал, что они хотят отравить его?

От глаз молодой женщины не укрылось, что этот вопрос смутил мисс Джилкрист, и она быстро продолжила:

— Значит, это не был кто-то из прислуги? Называл он кого-нибудь конкретно?

— Я не знаю, миссис Бэнкс, правда не знаю…

Но ее глаза избегали взгляда собеседницы. Сьюзен подумала, что мисс Джилкрист знает больше, чем говорит. Не исключено,

что ей известно даже очень многое. Решив пока не настаивать, Сьюзен спросила, какие у мисс Джилкрист планы на будущее.

— О, я как раз хотела поговорить об этом с вами, миссис Бэнкс. Я сказала мистеру Энтуислу, что охотно останусь здесь, пока все не будет улажено.

— Я знаю и очень вам благодарна.

— Нельзя ли узнать, как долго вам еще понадобится мое присутствие здесь? Мне ведь пора подыскивать себе другое место.

Сьюзен задумалась.

— Здесь осталось не так уж много дел. Полагаю, за пару дней я разберу вещи и договорюсь об аукционе.

— Значит, вы решили все продать?

— Да. Надеюсь, сдать коттедж будет не очень трудно?

— Да в него просто вцепятся! Теперь так мало сдается коттеджей. Почти всегда их предлагают только на продажу.

— Как видите, все очень просто, — сказала Сьюзен и, несколько поколебавшись, добавила: — Надеюсь, вы не сочтете за обиду, если я попрошу вас принять от меня трехмесячное жалованье?

— Вы так добры, миссис Бэнкс! Поверьте, я глубоко вам признательна. И может, вы не откажетесь, я хочу сказать, если это потребуется… дать мне рекомендацию? Подтвердить, что я была при вашей родственнице… и что мною были довольны…

— Разумеется.

— Не знаю, могу ли я просить еще об одном. — Руки мисс Джилкрист задрожали, она тщетно пыталась придать твердость своему голосу. — Нельзя ли в рекомендации не упоминать об… обстоятельствах и даже не называть имя…

Сьюзен удивленно посмотрела на нее:

— Я не совсем понимаю вас.

— Это потому, что вы не задумывались об этом, миссис Бэнкс. Ведь речь идет об *убийстве*, о котором писали в газетах, так что каждый мог прочесть. Люди могут подумать: «Две женщины живут вместе, одна из них убита. Уж не компаньонкиных ли рук это дело?» Неужели вы не понимаете, миссис Бэнкс? Подыскивай я кого-нибудь, я бы дважды подумала, прежде чем связаться с… ну, да вы сами знаете, что я хочу сказать. Это так беспокоит меня, миссис Бэнкс, я ночами не сплю, все думаю: а что, если я так и не найду другой такой работы? Ведь я больше ничего не умею. Что же мне тогда делать?

Вопрос прозвучал как неосознанный крик души, и у Сьюзен внезапно сжалось сердце. Ей вдруг со всей отчетливостью представилось жалкое положение этой приятной, скромной женщины, для которой возможность заработать кусок хлеба

зависит от страхов и капризов нанимателей. То, что сказала мисс Джилкрист, было правдой. Нанимая компаньонку, вы, безусловно, не пожелаете иметь возле себя человека, хоть как-то замешанного в деле об убийстве.

Сьюзен нерешительно произнесла:

— Но если полиция найдет человека, который сделал это?

— О, тогда, разумеется, все будет в порядке. Но найдут ли его? Я лично не думаю, чтобы у полиции была хоть какая-то идея насчет того, кто убийца. И если его не поймают, то обо мне будут думать ну пусть не как о самом вероятном виновнике, но, во всяком случае, как о человеке, который мог сделать это.

Молодая женщина задумчиво покачала головой. Действительно, мисс Джилкрист ровно ничего не выиграла от смерти Коры Ланскене, но ведь всем об этом не расскажешь. А кроме того, ходит так много страшных разговоров — о внезапной вражде, вспыхивающей между живущими рядом женщинами, о странных патологических поводах для неожиданных вспышек насилия. Кто-нибудь, кто не знал этих двух женщин, может вообразить, будто Кора Ланскене и мисс Джилкрист были в таких отношениях.

— Не беспокойтесь, мисс Джилкрист, — наконец сказала она со своей обычной решительностью. — Я уверена, что смогу подыскать вам место у кого-нибудь из моих друзей. Это будет нетрудно.

— Боюсь, — сказала мисс Джилкрист, возвращаясь в какой-то степени к своему прежнему тону, — я не смогу взяться за действительно грязную работу… Мне подойдет только простая готовка и легкая уборка…

Зазвонил телефон, и мисс Джилкрист вскочила, но Сьюзен остановила ее:

— Это, наверное, мой муж. Он обещал позвонить мне сегодня вечером.

Она подошла к телефону.

— Слушаю. Да, это миссис Бэнкс. — Наступила пауза, потом ее голос изменился. В нем зазвучали теплота и ласка. — Да, это я… О, все нормально… Убийство, совершенное неизвестным, как и следовало ожидать… Да, все как мы думали… точно по плану… Я продам это барахло, нам из него ничего не пригодится… День, два, не больше… Грег, ты не… ты постараешься… Ах, это… Не беспокойся, я знаю, что делаю. Но, Грег… Нет, нет, ничего. Спокойной ночи, дорогой.

Сьюзен повесила трубку. Присутствие мисс Джилкрист несколько стесняло ее. Она, вероятно, может слышать из кухни, куда тактично удалилась. Сьюзен хотела бы кое о чем спросить

Грега, но предпочла промолчать. Она постояла еще у телефона, хмуря в раздумье лоб. Внезапно ей пришла в голову некая мысль. «Разумеется, — сказала она себе. — Как раз то, что надо». Она вновь подняла трубку и заказала междугородный разговор. Спустя примерно четверть часа усталый голос телефонистки произнес:

— Ваш номер не отвечает.

— Продолжайте вызывать, пожалуйста.

Тон у Сьюзен был властный. Она вслушивалась в далекие безответные гудки. Потом они вдруг прекратились, и капризный, слегка возмущенный мужской голос произнес:

— Ну, что такое?

— Дядя Тимоти?

— Что, что? Плохо вас слышу, говорите громче!

— Дядя, это Сьюзен Бэнкс.

— Какая Сьюзен?

— Бэнкс. Бывшая Эбернети. Ваша племянница Сьюзен.

— А-а, это ты, Сьюзен. В чем дело? Чего это тебе вздумалось звонить так поздно?

— Еще довольно рано.

— Нет, поздно. Я уже в постели.

— Вы, должно быть, ложитесь очень рано. Как тетя Мод?

— И только ради этого ты звонишь? Тетя очень страдает и совершенно беспомощна. В хорошенькое положение мы тут попали. Этот болван врач не может даже раздобыть сиделку. Я ничего не могу делать, даже пробовать не решаюсь. Сегодня у нас ночует эта дура из деревни, но она все время твердит, что должна вернуться домой к своему мужу. Понятия не имею, как мы вывернемся.

— Собственно, я насчет этого и звоню. Не подойдет ли вам мисс Джилкрист?

— Кто это? Никогда о такой не слышал.

— Компаньонка тети Коры. Очень милая и расторопная женщина.

— Готовить умеет?

— Да, она прекрасно готовит и могла бы ухаживать за тетей Мод.

— Все это хорошо, но когда она сможет приехать? Я тут один-одинешенек, только эта деревенщина заглядывает иногда, а сердце у меня то и дело шалит.

— Постараюсь отправить ее к вам как можно скорее. Быть может, послезавтра. Подойдет?

— Ну, большое спасибо, — ворчливо прозвучал ответ. — Ты хорошая девочка, Сьюзен, спасибо тебе.

Сьюзен повесила трубку и прошла в кухню.

— Не хотели бы вы отправиться в Йоркшир и поухаживать за моей теткой? Она упала и вывихнула ногу, а от моего дядюшки толку как от быка молока. Он порядочная зануда, но тетя Мод молодчина. Для черной работы к ним кто-то приходит из деревни, а вы могли бы готовить и ухаживать за тетей Мод.

Мисс Джилкрист в волнении уронила кофейник.

— Благодарю, благодарю вас! Вы так добры и внимательны. Полагаю, я могу сказать о себе, что я неплохая сиделка, и, конечно, я смогу угодить вашему дяде и готовить ему вкусные легкие блюда. Вы, право же, очень добры, миссис Бэнкс, и, уверяю вас, я вам очень признательна.

Глава 11

Сьюзен лежала в постели и тщетно пыталась уснуть. Позади был долгий день, и она устала. Сьюзен была уверена, что заснет, как только ее голова коснется подушки. Она никогда не страдала бессонницей, а сейчас вот лежит уже не один час, а сна ни в одном глазу, и беспокойные мысли так и мечутся в голове.

Она ведь сама сказала, что не прочь ночевать в этой комнате, на этой постели, принадлежавшей Коре Ланскене…

«Ну, хватит, пора выбросить все это из головы. — Сьюзен всегда гордилась тем, что у нее стальные нервы. — К чему думать о том роковом дне? Лучше думать о будущем. Эти помещения на Кардиган-стрит… как раз то, что им с Грегом нужно. Салон красоты на первом этаже и очаровательная квартирка на втором. Заднюю комнату можно отлично приспособить под лабораторию для Грега. Это позволит сократить подоходный налог, плохо ли? Грег успокоится, придет в себя. У него больше не будет этих непонятных заскоков, когда он смотрит на нее, не соображая, по-видимому, кто перед ним. Пару раз она даже испугалась… Старый мистер Коул, врач, предупреждал: „Если это повторится…“ И это могло бы повториться, наверняка повторилось бы. Если бы дядя Ричард не умер именно в тот момент… Дядя Ричард… Но к чему все драматизировать? Откровенно говоря, ему не для чего было жить. Усталый и больной старик, потерявший сына. Право, это благо умереть как он, так спокойно, во сне… Ах, если бы уснуть. Просто идиотизм часами лежать вот так, слушая, как потрескивает рассохшаяся мебель и шуршат за окном деревья. Как все пустынно и тихо в деревне… и непохоже на шумный равнодушный город, там в людской толчее чувствуешь себя в безопасности. А тут… В домах, где кого-то убили, иногда творятся странные вещи. Говорят, в таких домах селятся привидения. Может, и про этот коттедж скоро пойдут слухи, будто по нему разгуливает привидение Коры Ланскене?»

Тетя Кора… Странно, с первой минуты приезда сюда Сьюзен все время кажется, что тетя Кора здесь, рядом с ней. Но эта, конечно, вздор. Кора Ланскене мертва, и завтра ее похоронят. В доме нет ни души, кроме самой Сьюзен и мисс Джилкрист. Так почему же Сьюзен явственно чувствует, будто тут кто-то есть, в этой самой комнате?

Кора лежала на этой вот кровати, когда на нее обрушился удар топора… Лежала, ничего не опасаясь и не подозревая, и, между прочим, спокойненько спала… А мне вот теперь совсем не

спится…

Снова скрипнула мебель… или это кто-то крадется? Сьюзен включила свет. Никого. Надо же, нервы совсем никуда, нужно взять себя в руки. Расслабиться, закрыть глаза… Но что такое? Чей-то стон или вскрик? Такое впечатление, словно кто-то жестоко страдает, будто его вот-вот настигнет смерть…

«Я не должна давать волю фантазии, — шепотом приказала себе Сьюзен. — Смерть — это конец, после нее ничего нет и быть не может. Оттуда никто еще не возвращался. Воображение, все оно, так живо представляется прошлое — умирающая женщина и ее предсмертный стон…»

Вот опять… гораздо явственнее… кто-то стонет от нестерпимой боли.

Так это не игра воображения? Сьюзен снова включила свет, села на кровати и прислушалась. Стоны, безусловно, были самыми настоящими и доносились из соседней комнаты.

Молодая женщина спрыгнула на пол, накинула халат и вышла на площадку лестницы. Стукнула в дверь мисс Джилкрист, секунду помедлила и вошла. В комнате горел свет, а сама мисс Джилкрист сидела в постели и выглядела просто ужасно. Лицо ее было искажено от боли.

— В чем дело, мисс Джилкрист? Вам плохо?

— Да. Понятия не имею, что я такого… — Она попыталась спуститься с кровати, но тут ее одолел новый приступ рвоты, после чего она беспомощно откинулась на подушки, еле слышно пробормотав: — Пожалуйста, позвоните врачу. Должно быть, я что-то съела…

— Я дам вам выпить соды. Врача можно будет вызвать завтра, если не станет лучше.

Та покачала головой.

— Нет, позвоните ему сейчас. Мне… страшно плохо…

— Какой у него номер? Или посмотреть в справочнике?

Мисс Джилкрист, еле справляясь с подступавшей рвотой, с трудом назвала номер. На вызов отозвался заспанный мужской голос:

— Кто? Джилкрист? А, на Мид-Лейн, знаю. Сейчас буду.

Не прошло и десяти минут, как Сьюзен услышала шум подъехавшей машины и поспешила вниз встретить доктора. Провожая его наверх, она коротко объяснила, что произошло:

— Я думаю, она съела что-нибудь не то и выглядит весьма неважно.

У доктора был вид человека, умеющего владеть собой и привыкшего к тому, что его нередко вытаскивают по ночам из дома без всякой на то нужды. Однако стоило ему посмотреть на

стонущую женщину, как выражение его лица изменилось. Дав Сьюзен несколько лаконичных указаний, он направился к телефону. Затем вошел к Сьюзен в гостиную.

— Я вызвал «скорую». Ее надо отправить в больницу.

— Ей действительно так плохо?

— Да. Я сделал ей укол морфия, чтобы ослабить боли, но, похоже, что… Что она ела?

— У нас были на ужин макароны и сладкий пудинг, а потом кофе.

— Вы ели и пили то же самое?

— Да.

— И с вами все в порядке? Никаких болезненных ощущений?

— Абсолютно никаких.

— Больше она ничего не ела? Скажем, рыбных консервов или колбасы?

— Нет. У нас был ленч в «Королевском гербе» после

дознания.

— Ах да, конечно. Вы ведь племянница миссис Ланскене?

— Да.

— Жуткое дело! Надеюсь, они скоро схватят этого мерзавца.

— Я тоже.

Появилась «скорая помощь». Мисс Джилкрист увезли, и врач отправился вместе с ней. Он обещал позвонить утром.

Распрощавшись с доктором, Сьюзен поднялась наверх и на этот раз уснула моментально.

Народу на похоронах было порядочно. Явилось большинство местных жителей. Присутствовали мистер Энтуисл и Сьюзен. Другие члены семьи прислали венки. Мистер Энтуисл поинтересовался, где мисс Джилкрист, и Сьюзен торопливым шепотом объяснила ему, что произошло. Юрист поднял брови.

— Я бы сказал, довольно странный случай.

— Ну, сегодня ей уже лучше. Мне звонили из больницы. Что-то с пищеварением. В общем случай довольно обыкновенный, просто некоторые поднимают слишком много шума из-за таких вещей.

Мистер Энтуисл предпочел промолчать. Сразу после похорон он уехал в Лондон.

Сьюзен же вернулась в коттедж. Она нашла несколько яиц и приготовила себе омлет. Затем поднялась в комнату Коры и принялась разбирать вещи покойной.

От этого занятия ее отвлек доктор. Он выглядел озабоченным. Отвечая на вопросы Сьюзен, сказал только, что мисс Джилкрист чувствует себя гораздо лучше.

— Через пару дней она совсем оправится и сможет выйти из больницы. Счастье, что вы так быстро вызвали меня. В противном случае она бы так легко не отделалась.

Сьюзен удивленно уставилась на него и спросила:

— Неужели ей действительно было так плохо?

— Миссис Бэнкс, пожалуйста, перечислите мне снова, что именно мисс Джилкрист ела и пила, перечислите все, буквально все.

Сьюзен напрягла память и аккуратно все перечислила. Собеседника это явно не удовлетворило.

— Наверняка было что-то, что она ела, а вы нет.

— Не думаю… лепешки, джем, чай, спагетти на ужин, больше ничего не могу припомнить.

Доктор задумчиво потер нос и заходил взад и вперед по комнате.

— А что, у нее действительно пищевое отравление?

Врач бросил на нее быстрый взгляд, подумал и решился:

— Это был мышьяк.

— Мышьяк! — воскликнула потрясенная Сьюзен. — Вы хотите сказать, кто-то подсыпал ей мышьяк?

— Похоже на то…

— А не могла она принять его сама, то есть умышленно?

— Самоубийство? Она говорит, что не знает, откуда взялся яд. Кроме того, если уж человек захотел покончить жизнь самоубийством, он вряд ли выберет мышьяк при наличии в доме стольких снотворных. Она просто могла бы принять большую дозу одного из них.

— А не мог мышьяк попасть во что-нибудь случайно?

— Об этом я и думаю. Такие вещи маловероятны, хотя иногда и случаются. Но если вы обе ели одно и то же…

Сьюзен кивнула.

— Это совершенно невозможно, — начала она, потом внезапно замерла. — Ну конечно! Свадебный пирог!

— Какой свадебный пирог?

Сьюзен объяснила. Врач слушал с напряженным вниманием.

— Странно. И вы говорите, что она не знает, кто прислал его? От него что-нибудь осталось? И что с коробкой?

— Понятия не имею. Сейчас взгляну.

Вдвоем они принялись за поиски и наконец обнаружили на кухонном столе белую картонную коробку с оставшимися крошками пирога. Врач осторожно упаковал ее.

— Я позабочусь об этом. А обертка, куда она могла деться?

На этот раз поиски оказались безуспешными, и Сьюзен предположила, что оберточная бумага, должно быть, угодила в отопительный котел «Идеал».

— Вы ведь пока еще не уезжаете, миссис Бэнкс?

Это было сказано дружелюбно и непринужденно, но Сьюзен стало как-то не по себе.

— Нет, побуду здесь несколько дней, разберу тетины вещи.

— Прекрасно. Полиция, по всей вероятности, пожелает задать кое-какие вопросы. Ни о ком никогда ничего нельзя сказать наверняка. Вот вы, например, знаете кого-то, кто затаил зло против мисс Джилкрист?

Сьюзен покачала головой.

— Я почти ничего о ней не знаю. Она была с моей тетей несколько лет. Вот все, что мне известно.

— Так, так, — сказал доктор. — Эта мисс Джилкрист… Мне она всегда казалась приятной, но самой что ни на есть заурядной женщиной. У таких людей не бывает врагов или каких-нибудь роковых тайн. Свадебный пирог по почте! Наводит на мысль о ревнивой женщине, но кому придет в голову ревновать к мисс

Джилкрист?

— Действительно.

— Ну, мне пора. Понятия не имею, что это нашло на наш тихий Литчетт Сент-Мэри. Сначала зверское убийство, потом попытка отравления. И буквально одно за другим. Странно, что и говорить.

Доктор направился к своей машине. В коттедже было душно, и Сьюзен оставила входную дверь открытой, а сама медленно поднялась наверх, чтобы возобновить прерванную работу.

Кора Ланскене не была аккуратной или методичной. Чем только не были набиты ящики ее шкафа и стола! В одном были в беспорядке свалены туалетные принадлежности, письма, старые носовые платки и кисти для рисования. В другом под несколькими шерстяными свитерами Сьюзен обнаружила картонную коробку с двумя накладками для волос. Третий был наполнен старыми фотографиями и альбомами для эскизов. Сьюзен задумалась над групповым снимком, сделанным, очевидно, где-то во Франции много лет назад. На нем молодая и стройная Кора цеплялась за руку долговязого мужчины, облаченного в нечто вроде бархатной блузы. Сьюзен решила, что это не иначе как покойный Пьер Ланскене.

Фотографии заинтересовали Сьюзен, но она отложила их пока в сторону и начала внимательно просматривать сваленные в кучу бумаги. Она копалась в них минут двадцать, когда в руки ей вдруг попалось письмо. Она прочла его, затем перечитала еще раз, и все еще не могла оторвать от него взгляда, казалось забыв обо всем… но тут за спиной ее неожиданно прозвучало:

— И что же ты нашла здесь, Сьюзен? Хэлло, в чем дело?

Сьюзен, ахнув, вскочила и тут же покраснела от раздражения. Возглас тревоги вырвался у нее помимо ее воли, и теперь она чувствовала себя несколько пристыженной.

— Джордж! Как ты меня напугал!

Ее кузен лениво улыбнулся.

— Похоже на то.

— Как ты здесь очутился?

— Дверь внизу открыта, и, не обнаружив там ни одной души, я поднялся сюда. Если же тебя интересует, как я попал в эти места вообще, то я отбыл сюда сегодня утром на похороны. Но моя старая колымага по дороге отказала. Что-то стряслось с мотором, а потом он вроде бы как сам прочистился. На похороны я уже опоздал, но решил уж доехать до места. Я знал, что ты тут.

Он помедлил и продолжал:

— Я звонил к вам домой, и Грег сказал мне, что ты отправилась вступать в права владения. Я подумал, что смогу

чем-нибудь помочь.

— А тебя не хватятся в конторе? — спросила Сьюзен. — Или ты можешь прогулять, когда тебе захочется?

— Похороны вполне уважительный повод для отлучки. Кроме того, слово «убийство» всегда завораживающе действует на людей. Так или иначе, впредь я буду не так уж часто появляться в конторе. Теперь, когда я сделался человеком со средствами, у меня найдутся дела поинтереснее. — Он помолчал и добавил, широко улыбнувшись: — Как и у Грега.

Сьюзен задумчиво смотрела на Джорджа. Она мало общалась с этим своим родственником, и, когда они встречались, ей всегда было трудно разобраться в том, как она к нему относится.

Она спросила:

— Зачем ты на самом деле приехал сюда, Джордж?

— Да как тебе сказать… Пожалуй, для того, чтобы немного заняться сыскным делом Я порядочно думал о тех, прошлых похоронах, на которых мы все присутствовали. Тетушка Кора тогда, безусловно, заварила густую кашу. Я все ломал голову над тем, были ли ее слова пустой болтовней или имели под собой какую-то основу. А что в этом письме, которое ты так внимательно читала, когда я вошел?

Сьюзен медленно ответила:

— Это письмо, которое дядя Ричард написал Коре после того, как приезжал сюда повидаться с ней.

Какие черные у Джорджа глаза! Они всегда казались Сьюзен карими, но это не так: они черные, а в черных глазах есть какая-то странная непроницаемость. Понять, что на уме у человека с такими глазами, невозможно.

Джордж лениво протянул:

— Что-то интересное?

— Нет, не совсем, но…

— Можно взглянуть?

Секунду она колебалась, но потом вложила письмо в протянутую руку.

Джордж читал, повторяя монотонным голосом вслух отдельные фразы:

— *Я был рад снова увидеть тебя после стольких лет… Ты прекрасно выглядишь… Обратная дорога была не очень утомительной…*

Внезапно голос его изменился, утратив ленивую мягкость:

— *Пожалуйста, не говори никому о том, что я тебе рассказал. Возможно, все это ошибка. Твой любящий брат Ричард.*

Джордж взглянул на Сьюзен.

— Что это значит?

— Это может значить все что угодно. Не исключено, что он просто имел в виду свое здоровье… Или какие-то сплетни об общих знакомых.

— Да, сказать трудно. Все это очень неясно, но наводит на размышления… Интересно, что же он все-таки сказал Коре. Знает кто-нибудь, о чем он толковал с нею?

— Мисс Джилкрист, вероятно, знает, — сказала Сьюзен задумчиво. — Мне кажется, она подслушивала.

— Ах да, компаньонка. Кстати, где она?

— Угодила в больницу после отравления мышьяком.

— Ты шутишь! — изумленно воскликнул Джордж.

— И не думаю. Кто-то прислал ей кусок отравленного свадебного пирога.

Ее собеседник опустился на один из стоявших в спальне стульев и протяжно свистнул.

— Похоже, — сказал он, — дядя Ричард не ошибся.

На следующее утро в коттедж зашел инспектор Мортон, сдержанный человек средних лет со спокойными, несуетливыми манерами, но с настороженным и проницательным взглядом.

— Вы понимаете, о чем идет речь, миссис Бэнкс, не так ли? — начал он. — Доктор Проктор уже говорил вам о мисс Джилкрист. Анализ крошек от пирога показал наличие мышьяка.

— Значит, кто-то умышленно хотел отравить ее?

— Смахивает на то. Сама мисс Джилкрист не в состоянии помочь нам. Твердит, что это невозможно, что никто не мог бы так поступить с нею. Не можете ли вы сказать что-нибудь по поводу этой истории?

Сьюзен покачала головой.

— Нет, я сама теряюсь в догадках. А почтовая марка и почерк ничего вам не говорят?

— Вы забываете, что оберточная бумага была, по-видимому, сожжена в котле. Да и вообще посылка, возможно, пришла вовсе не по почте. Молодой Эндрюс, шофер почтового автофургона, не может точно вспомнить, доставлял он ее или нет: в тот день он заезжал очень ко многим.

— Но… тогда как же это можно было сделать?

— Очень просто, миссис Бэнкс. Взять бумагу из-под какой-нибудь старой посылки с уже написанным на ней именем мисс Джилкрист и почтовым штемпелем, завернуть в нее пирог, а потом сунуть сверток в дверную щель для почты — она достаточно широка.

Инспектор помолчал и бесстрастно добавил:

— Это, знаете ли, было умно придумано, подсунуть свадебный пирог. Одинокие немолодые женщины

сентиментальны в таких случаях, им приятно, что о них не забывают, когда справляют свадьбу. Коробка конфет или что-нибудь в этом роде могли бы вызвать подозрение.

— Мисс Джилкрист долго ломала голову над тем, от кого могла быть посылка, — медленно сказала Сьюзен, — но никаких подозрений у нее не возникло. Вы верно говорите, она была довольна и даже польщена. А этот пирог… достаточно в нем было яду, чтобы убить человека?

— Трудно сказать, пока мы не получим результатов количественного анализа. Это зависит также от того, съела ли мисс Джилкрист весь кусок или нет. У нее такое впечатление, что немного осталось. Вы не помните?

— Не могу припомнить точно. Она угощала меня, но я отказалась, а она поела и очень хвалила. А вот съела ли она все, хоть убейте, не могу сказать.

— Мне бы хотелось пройти наверх, если вы не возражаете.

Сьюзен последовала за инспектором в комнату мисс Джилкрист, извиняясь на ходу:

— Боюсь, комната в жутком состоянии. Но из-за хлопот с тетиными похоронами у меня просто не было времени на уборку, а после визита доктора Проктора я решила, что, пожалуй, там лучше ничего не трогать.

— Очень разумно с вашей стороны, миссис Бэнкс. Не всякий бы сообразил так поступить.

Он подошел к постели и сунул руку под подушку. По его лицу начала медленно расплываться улыбка.

— Ага, вот он.

Под откинутой подушкой лежал на простыне небольшой ломтик свадебного пирога, выглядевший, мягко выражаясь, малоаппетитно.

— Как странно! — воскликнула Сьюзен.

— Ничего странного. Ваше поколение такого, вероятно, не делает. Теперь для молодых людей замужество не так уж важно. Но это старый обычай. Положите под подушку кусок свадебного пирога, и вам приснится суженый.

— Но, безусловно, мисс Джилкрист…

— Не хотела бы рассказывать нам об этом, понимая, что в ее возрасте делать такие вещи просто глупо. Но у меня была мысль, что такое возможно. — Лицо его изменилось, взгляд стал жестким. — И не будь этой стародевичьей глупости, мисс Джилкрист, вероятно, сегодня не было бы в живых.

— Но кому могло понадобиться убить ее?

Инспектор Мортон задумался, а затем бросил на Сьюзен пронзительный взгляд, под которым она почувствовала себя

неуютно.

— А вы не знаете?

— Конечно нет!

— Похоже, нам придется это выяснить.

Глава 12

Два пожилых человека сидели в комнате, обставленной в подчеркнуто современном стиле. Все в помещении было выдержано в строгих прямоугольных формах. Единственное исключение являл собой Эркюль Пуаро, весь состоявший из округлостей. Его брюшко приятно круглилось, голова своей формой напоминала яйцо, а великолепные усы победно вздымались двумя полумесяцами. Пуаро потягивал из стакана черносмородинный сироп и задумчиво смотрел на невысокого, худощавого, словно съеженного человечка с абсолютно незапоминающейся внешностью. Мистер Гоби не глядел на Пуаро, потому что он вообще никогда не глядел на собеседника. В данный момент он, судя по всему, адресовал свои слова углу камина, отделанного хромированным металлом.

Мистер Гоби был знаменит сверхъестественным умением добывать информацию и, что самое главное, делать это непостижимо быстро. Про него мало кто знал и его услугами пользовались лишь немногие. Как правило, это были весьма состоятельные особы, ибо услуги мистера Гоби стоили очень дорого. По мановению его руки сотни терпеливых людей, мужчины и женщины, молодые и старые, из самых различных слоев общества, отправлялись в сотни разных мест, проникали куда угодно, выспрашивали, вынюхивали и в конце концов узнавали то, что им было поручено узнать. Теперь мистер Гоби практически отошел от дел, но временами еще оказывал «любезность» избранным старым клиентам. Эркюль Пуаро был одним из них.

— Я раздобыл для вас все, что мог, — доверительным шепотом поведал мистер Гоби камину. — Я послал на это дело своих ребят. Отличные мальчики, все как на подбор. Конечно, не чета тем, что работали у меня когда-то. Теперь таких не сыщешь. Вся беда в том, что нынешние не хотят учиться. Поработают пару лет, и думают, что все уже знают и умеют. К тому же они работают ужасающе медленно. — Он печально покачал головой и переместил взгляд на электрическую розетку. — В этом виновато правительство, — продолжил он, — со своей продажной системой образования. Они проходят через эту систему, а затем являются к вам и твердят: «Я думаю то-то», а вот думать-то большинство из них как раз и не умеет. Вся их «мудрость» вычитана из книг. В нашем деле это лишнее. Нам положено не думать, а добывать информацию и отвечать на те вопросы, которые нам задают. — Мистер Гоби откинулся в кресле и подмигнул абажуру на

лампе. — Но мне грех жаловаться на правительство. Не знаю, что бы мы делали без него. Нынче ведь как — стоит одеть человека поприличнее, да сунуть ему в руки блокнот и карандаш, да научить его грамотно говорить по-английски — и он может спрашивать о чем угодно, выуживать самые интимные подробности из чьей-то повседневной жизни или из чьего-то прошлого. Вы можете, например, спросить, что было у такого-то господина двадцать третьего ноября на обед, потому что именно в этот день власти рассылают большинство анкет людям со средним уровнем доходов. Впрочем, в том, что касается доходов, людям можно немного польстить, беды от этого не будет. В девяти из десяти случаев они, не дрогнув, выложат вам всю подноготную, а в десятом если даже и отошьют вас, то все равно ни на миг не заподозрят, что вы не тот, за кого себя выдаете, искренне полагая, что властям по какой-то неведомой причине действительно нужны ответы на все эти вопросы. Могу сказать вам, мосье Пуаро, — продолжал мистер Гоби, по-прежнему адресуясь к абажуру, — что это самый лучший способ, гораздо лучше, чем проверять электросчетчики, выдавая себя за служащих электрической компании, или собирать на что-нибудь по подписке, изображая монахинь или скаутов[244]. Впрочем, этими приемами мы тоже не пренебрегаем.

Пуаро не прерывал собеседника. Мистер Гоби с возрастом стал несколько болтлив, но это не беда, в свое время он перейдет к делу. И действительно, мистер Гоби достал из кармана маленькую пухлую записную книжку и, послюнив палец, перелистал ее. На этот раз он беседовал с абажуром торшера:

— Итак, начнем. Мистер Джордж Кроссфилд. Ограничимся фактами. Уже давно на мели. Причина — главным образом лошади и игра. Женщинами не особенно увлекается. Время от времени бывает во Франции, заглядывает в Монте-Карло. Слишком умен, чтобы расплачиваться чеками, но денег у него гораздо больше, чем можно судить по его аккредитивам. Не буду входить в подробности, потому что это не то, что вас интересует. Не прочь при случае обойти закон и, будучи юристом, знает, как при этом спрятать концы в воду. Есть основания думать, что использовал доверенные ему клиентами средства для игры на бирже. В последнее время ему там дьявольски не везло, в основном из-за непродуманных решений. Все эти три месяца был озабочен, плохо настроен и раздражителен на службе. Но после дядюшкиной смерти все изменилось: превосходное настроение, расточает улыбки и любезности направо и налево.

Теперь затребованная конкретная информация. Заявление, что в интересующий нас день был на скачках в Хёрст-парке, почти

наверняка ложь. Как правило, имеет там дело с двумя букмекерами[245]. В тот день никто из них его там не видел. Возможно, отбыл из Паддингтона[246] поездом в неизвестном направлении. Один из таксистов по предъявленной фотографии вроде бы узнал человека, которого отвозил в Паддингтон. Но я бы не особенно этому доверял. Внешность самая обычная, ничего бросающегося в глаза, так что тут легко ошибиться. В Паддингтоне его по фотографии не опознали ни носильщики, ни кто-либо еще. На станцию Чолси, ближайшую к Литчетт Сент-Мэри, безусловно, не прибывал. Станция маленькая, постороннего сразу заметили бы. Мог, однако, доехать до Рединга и сесть там на автобус. Автобусы переполнены и проходят по маршрутам, от которых до Литчетта не больше мили, а один даже доходит до самой деревни. Правда, в самом Литчетте мистера Кроссфилда не видели, но это еще ни о чем не говорит. Между прочим, во время учебы в Оксфорде[247] он был членом любительского театрального кружка. Если он был в коттедже в тот день, то внешне мог ничем не напоминать Кроссфилда, которого все привыкли видеть. Я оставлю его в списке, да?

— Оставьте, — кивнул Пуаро.

Мистер Гоби снова лизнул кончик пальца и перевернул страницу записной книжки.

— Мистер Майкл Шейн. В артистических кругах о нем высокого мнения. Сам воображает о себе еще больше, чем другие. Хочет стать звездой, и как можно скорее. Огромный успех у женщин. Сам тоже порядочный бабник, но дело для него прежде всего. Шли разговоры о его романе с Соррел Дейнтон, которая играла главную роль в последней постановке с его участием. У него-то роль была небольшая, но он сумел в ней блеснуть. Мужу Соррел Дейнтон он весьма не по душе. Собственная жена ничего не знает об этой истории. Похоже, вообще мало о чем знает. Не бог весть какая актриса, но внешность весьма привлекательная. Без ума от своего муженька. Правда, ходили слухи, что их брак вот-вот пойдет прахом, но после смерти мистера Эбернети все, по-видимому, наладилось.

Мистер Гоби выделил последние слова, многозначительно кивнув несколько раз диванной подушке.

— По словам мистера Шейна, в тот день он встречался по каким-то театральным делам с некими мистером Розенхеймом и мистером Оскаром Льюисом. На самом деле он с ними не встречался, а лишь послал им телеграмму, извинившись, что не сможет прийти. Сам же отправился в контору фирмы «Эмеральдо» по прокату автомашин. Примерно в полдень взял авто и отбыл куда-то, причем за рулем был сам, без шофера. Вернулся

приблизительно в шесть вечера. Судя по спидометру, проехал путь более или менее равный интересующему нас расстоянию. Никаких подтверждений из Литчетт Сент-Мэри. Там в тот день не было замечено никаких чужих машин. Но автомобиль можно незаметно оставить где угодно, скажем, в миле от деревни. Мистер Шейн остается в списке?

— Безусловно.

— Теперь миссис Шейн. — Мистер Гоби потер нос и поведал левой манжете своей рубашки: — Говорит, что ходила по магазинам. — Мистер Гоби поднял глаза к потолку. — Женщины, занятые покупками, обычно бывают рассеянными. Ничего странного, особенно если учесть, что накануне она узнала о наследстве. Вряд ли она покупала что-нибудь на самом деле, так как уже по уши в долгах и кредиторы настойчиво требуют уплаты. Вероятнее всего, просто приценялась к тому к сему, примеряла платья, приглядывалась к драгоценностям. Я напустил на нее одну из моих молодых леди, знающую, как общаться с этой театральной публикой, они ведь никогда не помнят, где и по какому поводу они с кем-то знакомились и знакомились ли вообще. Пару минут они болтали о всяких сценических новостях, а потом моя девочка бросает этак небрежно, что она, дескать, не видела миссис Шейн со дня премьеры пьесы «Путь вниз»: «Вы были в ней просто восхитительны! Кстати, вы в последнее время видели Хьюберта?» Хьюберт — это продюсер, а миссис Шейн просто провалила роль, — пояснил мистер Гоби. — Дальше идет разговор на театральные темы, моя девочка время от времени вставляет какое-нибудь нужное имя, а потом говорит, как бы случайно, что она видела миссис Шейн там-то или там-то в интересующее нас время. Большинство женщин ловится на это и возражает: «Не может быть. Я тогда была в…» Ну не важно где. Большинство, но… не миссис Шейн. Она лишь посмотрела пустым взглядом и сказала: «Вот как?» Ну что прикажете делать с такими людьми? — Мистер Гоби строго посмотрел на радиатор отопления.

— Безнадежно, — с чувством поддержал его Пуаро. — Уж мне ли не знать? В жизни не забуду убийства лорда Эджвера. Я, Эркюль Пуаро, чуть было не оказался в дураках по милости особы с умом прямо-таки примитивным. Такие люди часто в состоянии совершить преступление, не мудрствуя лукаво, а затем пустить дело на самотек. Будем надеяться, наш убийца, если в этом деле есть убийца, умен и тщеславен и не преминет нарисоваться. Но продолжайте, прошу вас.

Мистер Гоби вновь заглянул в свою книжечку.

— Мистер и миссис Бэнкс, которые говорят, что весь день

провели дома. Во всяком случае, миссис дома не было. Она отправилась в гараж, вывела свою машину и примерно в час дня куда-то укатила. Вернулась в пять. Не могу сказать, на какое расстояние она тогда ездила, потому что с тех пор пользовалась машиной каждый день.

Насчет мистера Бэнкса мы раскопали кое-что любопытное. Должен сказать, что мы не знаем точно, чем именно он был занят в интересующий нас день. На работе его не было. Похоже, он уже просил пару дней, чтобы поехать на похороны. И с тех пор явно манкирует своими обязанностями. Служит в приличной старой аптеке, и там от него не в восторге. Говорят, временами на него находит странная и очень неприятная для окружающих раздражительность.

Итак, чем он занимался в день смерти миссис Ланскене, нам неизвестно, с женой он не поехал. Швейцара в доме нет, никто не знает, когда жильцы приходят и уходят. Так что, возможно, он действительно провел весь день в квартире. Но вот в его прошлом имеется кое-что интересное. Только четыре месяца тому назад, то есть перед самым знакомством со своей супругой, мистер Бэнкс находился в психиатрической клинике. Ничего страшного: просто, как говорят врачи, нервное потрясение. И в клинику-то он явился добровольно. Судя по всему, перед этим допустил какую-то ошибку при составлении лекарства, а в то время он работал в другой аптеке, в Мэйфере[248]. Все обошлось, женщина, принявшая это лекарство, оправилась, фирма рассыпалась в извинениях, и никакого дела возбуждено не было. Многие даже сочувствовали бедному молодому человеку, который так ошибся, тем более что все окончилось хорошо. В конце концов, любой из нас может ошибиться. Бэнкса даже не уволили, он ушел по собственному желанию, заявив, что слишком потрясен случившимся. Но после у него наступил полнейший упадок духа, и он объявил своему врачу, что, дескать, его мучает чувство вины, что все это он сделал умышленно: женщина, видите ли, была с ним груба и заносчива, говорила, что лекарство по выписанному ей рецепту было плохо, приготовлено. Он разобиделся на нее и нарочно добавил в лекарство почти смертельную дозу какого-то зелья. И еще заявил: «Ее следовало покарать за тон, которым она осмелилась говорить со мной!» А потом ударился в слезы, называл себя грешником, недостойным жизни, и тому подобное. Медики определяют такое состояние каким-то длинным словом, комплекс вины или что-то в этом духе. В общем, решили, что ошибку парень допустил все-таки неумышленно, а теперь просто фасонит. Так или иначе, его поместили в этот самый санаторий или клинику и через некоторое время выписали как

выздоровевшего. Вскоре он встретил мисс Эбернети, потом получил работу в небольшой аптеке, где и служит сейчас. Сказал там, что полтора года не был в Англии, и представил какую-то старую рекомендацию. На новом месте ничем не проштрафился, но другой фармацевт, его коллега, говорит, что иногда мистер Бэнкс ведет себя странновато. Ну, например, однажды какой-то клиент сказал, не всерьез, конечно, что не прочь приобрести яду, чтобы отделаться от супружницы. А этот Бэнкс и говорит ему тихо и спокойно: «Могу устроить… Это будет стоить вам две сотни фунтов». Клиент, разумеется, почувствовал себя неловко и свел все к шутке. Возможно, так оно и было, только мне кажется, что этот Бэнкс не из шутников.

— Друг мой, — сказал Пуаро, — меня просто поражает ваше умение добывать информацию. Ведь медики в большинстве своем народ весьма скрытный.

Глаза мистера Гоби обежали комнату, он выжидательно посмотрел на дверь и, пробормотав, что всегда есть способы, продолжил:

— Перейдем теперь к сельским жителям. Мистер и миссис Тимоти Эбернети. У них неплохая усадебка, но явно не хватает денег на ее содержание. Налоги и неудачное приобретение акций. У мистера Эбернети не важно со здоровьем, и это обстоятельство, судя по всему, служит для него главным источником интереса и даже развлечений. Без конца жалуется то на одно, то на другое и любит, чтобы все плясали вокруг него. Ест за троих и кажется довольно крепким физически, если соблаговолит что-нибудь сделать сам. В доме нет никого, кроме приходящей прислуги, и никто не осмеливается зайти в комнату мистера Эбернети, если он сам не позвонит. Утром следующего после похорон дня был в исключительно плохом настроении. Обругал прислугу, миссис Джонс, сказал, что ужин, который она оставила ему накануне, был совершенно несъедобен, и добавил многое еще. Съел только завтрак и отказался от ленча. Был один в доме, и никто его не видел с половины десятого утра до утра следующего дня.

— А миссис Эбернети?

— Отбыла из Эндерби на машине в упомянутое вами время. Явилась пешком в маленький гараж в местечке под названием Кэтстоун и объяснила, что машина внезапно отказала в двух милях оттуда. Механик отвез ее на место аварии, разобрался в происшедшем и сказал, что автомобиль придется отбуксировать в гараж и что вряд ли его удастся отремонтировать до вечера. Леди казалась очень расстроенной, но, делать нечего, договорилась на местном постоялом дворе о ночлеге и попросила завернуть ей несколько сандвичей, так как, дескать, хочет воспользоваться

случаем и прогуляться по окрестностям. Это место находится на самом краю болот. Вернулась на постоялый двор только поздно вечером. Человек, сообщивший мне эти сведения, этому не удивился: там страшная грязь и вообще гнусно.

— А время?

— Сандвичи она взяла в одиннадцать. Прошагав милю до шоссе, она могла попросить кого-нибудь подвезти ее до Уоллкастера и успеть на специальный экспресс, идущий к побережью. Не буду вдаваться в подробности насчет расписания автобусов и прочих деталей. Скажу только, что теоретически она имела возможность совершить, э… нападение, если оно было совершено во второй половине дня.

— Насколько мне известно, врач считает крайним пределом половину пятого.

— Лично я не считаю, что это могла сделать миссис Эбернети, — вставил мистер Гоби. — Она, по-видимому, весьма достойная дама, которую все любят. Обожает своего супруга, нянчится с ним, словно с ребенком.

— Да, да, комплекс материнства.

— Она рослая и здоровая женщина, сама колет дрова и нередко втаскивает в дом огромные корзины с поленьями. Может в случае чего разобраться с забарахлившим мотором машины. Хотите подробности?

— Боже упаси, я ничего не смыслю в технике. Что, собственно, у нее случилось с автомобилем на этот раз?

— Причину поломки было трудно обнаружить и нелегко устранить. И это могло быть сделано умышленно кем-то, для кого возиться с машиной является привычным занятием.

— C'est magnifiquc![249] — воскликнул с сарказмом Пуаро. — Ничто не исключено, все возможно. Bon Dieu[250], неужели мы не можем никого вычеркнуть из списка подозреваемых? Как насчет миссис Лео Эбернети?

— Тоже исключительно приятная леди. Покойный мистер Эбернети очень ее любил. Она гостила у него примерно за две недели до его Смерти.

— После того, как он побывал в Литчетт Сент-Мэри у своей сестры?

— Нет, как раз перед этим. Ее состояние заметно уменьшилось после войны. Ей пришлось отказаться от собственного дома и снять в Лондоне небольшую квартиру. Правда, у нее есть вилла на Кипре, где она проводит часть года. Имеет племянника, которому помогает получить образование, и время от времени оказывает финансовую поддержку паре молодых художников.

— Святая Елена[251], ведущая безгрешную жизнь, — прокомментировал Пуаро, закрывая глаза. — И у нее не было никакой возможности оставить в тот день Эндерби, чтобы прислуга об этом не знала? Скажите, что это так, заклинаю вас!

Мистер Гоби устремил взор на начищенные до блеска ботинки собеседника и сообщил извиняющимся тоном:

— Боюсь, я не могу сказать этого, мосье Пуаро. Как раз в тот день миссис Эбернети и ездила в Лондон, чтобы взять там кое-какие вещи, так как они с мистером Энтуислом договорились, что она какое-то время поживет в Эндерби и присмотрит за домом.

— Ill he manquait ca![252] — с чувством воскликнул Пуаро.

Глава 13

Эркюль Пуаро удивленно приподнял брови, когда ему подали визитную карточку инспектора полиции Мортона из графства Беркшир.

— Просите, Жорж, просите. И давайте… что там предпочитают полицейские?

— Я предложил бы пиво, сэр.

— Кошмар! Но чисто по-английски. Давайте пиво.

Инспектор Мортон сразу взял быка за рога:

— Мне пришлось приехать в Лондон по делам, и я раздобыл ваш адрес, мосье Пуаро. Я был весьма заинтригован, увидев вас в четверг на дознании.

— Вы заметили меня там?

— Да, и ваше присутствие меня заинтересовало. Вы меня не помните, но зато я помню вас очень хорошо по делу в Пэнгборне.

— Так им вы занимались?

— Только в качестве мелкой полицейской сошки. Это было давно, но я никогда не забывал вас.

— И мгновенно меня узнали?

— Это было нетрудно, сэр. — Инспектор подавил легкую улыбку. Его взгляд задержался на великолепных, лихо закрученных усах Пуаро. — На деревенском фоне ваша, э… внешность сразу бросается в глаза.

— Возможно, возможно, — благодушно согласился собеседник.

— Я спросил себя, что могло привести вас туда. Нападение с целью грабежа… такого рода преступления вас обычно не интересуют.

— А это действительно примитивное, грубое преступление?

— Я и сам хотел бы знать. До сих пор мы действовали по принятой схеме. Задержали парочку типов для допроса, но у всех оказалось алиби. Но это было совсем не «примитивное» преступление, мосье Пуаро. И начальник полиции тоже так думает. Оно было совершено кем-то, кто хотел придать ему такой вид. Это могла сделать мисс Джилкрист, но, судя по всему, у нее не было никаких мотивов, в том числе и эмоциональных. Миссис Ланскене, может, и была, как бы это выразиться, немного простоватой, что ли, но их отношения были отношениями хозяйки и женщины, которой платят, чтобы она была на побегушках. Ни о какой страстной женской дружбе не может быть и речи. Таких мисс Джилкрист полно кругом, и, как правило, они не проявляют склонности к убийству. Складывается впечатление,

что нам надо искать виновника где-то подальше. Не могли бы вы помочь нам в этом деле? Ведь *что-то* же привело вас туда, мосье Пуаро?

— Скорее не привело, а привезло: великолепный «даймлер». Но не только это.

— У вас была… информация?

— Вряд ли в вашем понимании этого слова. Ничего, что могло бы служить доказательством на суде.

— Тогда что же? Какой-нибудь намек?

— Да.

— Видите ли, мосье Пуаро, тут появились новые обстоятельства.

Методично и подробно инспектор рассказал об отравленном куске свадебного пирога.

Пуаро с присвистом втянул в себя воздух.

— Умно… очень умно. А ведь я предупреждал мистера Энтуисла, чтобы он присматривал за мисс Джилкрист. Ей с самого начала грозило покушение, но, признаюсь, яда я не ожидал. Я думал, что может повториться история с топором. И что, пожалуй, ей не стоит прогуливаться по сельским дорогам в одиночку, когда стемнеет.

— Но *почему* вы ожидали покушения на нее? Мне кажется, мосье Пуаро, вам следовало бы рассказать мне об этом.

Пуаро кивнул.

— Конечно расскажу. Мистер Энтуисл, тот промолчал бы, ведь он юрист, а юристы не любят предположений и выводов, построенных исключительно на особенностях характера жертвы или на нескольких, быть может, безответственно сказанных словах. Но он не рассердится, если об этом расскажу вам я, наоборот, почувствует облегчение. Он не желает показаться глупцом или фантазером, но хочет, чтобы полиция знала о том, что, может, со временем и подтвердится.

В этот момент в комнату вошел Жорж с внушительным бокалом пива.

— Немного освежиться, а, инспектор? Нет, нет, прошу вас.

— А вы не составите мне компании?

— Я не пью пива. Но с удовольствием выпью стаканчик черносмородинного сиропа. Англичане, я заметил, его не любят.

Инспектор Мортон с вожделением принялся за пиво. Пуаро, делая маленькие деликатные глотки из стакана, наполненного густой темно-красной жидкостью, продолжал прерванную речь:

— Все это началось на похоронах. Или, точнее, после похорон.

Красочно, не скупясь на выразительные жесты, он изложил

рассказанное ему мистером Энтуислом, присовокупив, однако, колоритные детали, подсказанные его пылким воображением. Казалось, Эркюль Пуаро сам был очевидцем описываемой сцены. Инспектор Мортон, обладавший даром мыслить четко и конкретно, моментально выделил из рассказа то, что представлялось важным с его профессиональной точки зрения.

— Значит, этого мистера Эбернети, может статься, отравили?

— Вполне вероятно.

— И тело кремировали, так что доказать ничего нельзя?

— Совершенно верно.

— Интересно. Но для нас тут ничего нет. Я хочу сказать, ничего, что оправдывало бы расследование обстоятельств смерти Ричарда Эбернети. Это было бы пустой тратой времени.

— Да.

— Но есть люди… люди, которые были там, которые слышали слова Коры Ланскене, и одному из этих людей могла прийти мысль, что она, чего доброго, начнет повторять свои домыслы, да еще прибавит парочку-другую подробностей.

— Что она, безусловно, и сделала бы. Как вы отметили, инспектор, все дело в людях. Теперь вы понимаете, почему я оказался на дознании, почему этот случай привлек мое внимание: мне интересны всегда именно люди, а не обстоятельства.

— Итак, покушение на мисс Джилкрист…

— Его следовало ожидать. Ричард Эбернети навестил Кору в ее коттедже и беседовал с ней. Не исключено, что он назвал конкретное имя. Единственным человеком, который мог знать об этом, скажем, подслушав разговор, была мисс Джилкрист. Заставив Кору навеки замолчать, убийца продолжал тревожиться. Известно ли что-нибудь другой женщине? Разумеется, будь убийца умнее, он сидел бы тихо. Но убийцы, инспектор, редко бывают умными людьми. К счастью для нас. Они без конца размышляют над содеянным, их одолевают опасения, они хотят устранить всякий риск… Это покушение на мисс Джилкрист само по себе уже ошибка. Ведь теперь полиция расследует два дела. В ее распоряжении, скажем, почерк на карточке, приложенной к посылке. Жаль, что обертку сожгли.

— Да, жаль… Тогда я мог бы точно выяснить, пришла посылка по почте или нет.

— А у вас есть основания сомневаться?

— Я могу сослаться только на то, что думает почтальон, а он ни в чем не уверен. Если бы посылка прошла через сельское почтовое отделение, девять шансов из десяти, что заведующая отделением заметила бы ее, но сейчас почту, к сожалению, доставляют не из местного отделения, которое находится в самой

деревне, а из другого пункта, Маркет Кейнса, так что шоферу приходится ездить по множеству адресов и доставлять уйму всякой всячины. Ему кажется, что в коттедже миссис Ланскене он оставил только письма и что никакой посылки не было, но точно он не помнит. Парень этот к тому же влип сейчас в какую-то историю с девушкой и не в состоянии думать ни о чем другом. Крайне ненадежный свидетель. Если он действительно доставил пакет, то странно, что его обнаружили только после ухода этого… как его, мистера Гатри.

— Ах да, мистер Гатри.

Инспектор Мортон улыбнулся.

— Да, мосье Пуаро, мы навели о нем справки. В конце концов, не так уж трудно заявиться в коттедж с правдоподобной историей насчет старой дружбы с миссис Ланскене. Ее племянница не могла знать, так это или нет. Ему было бы нетрудно подбросить пакетик. Имитировать доставку по почте тоже несложно: немного сажи на палец, чуточку размазать — вот вам и штемпель на марке.

— Вы думаете?

— Есть и другие варианты. В наших краях побывал мистер Джордж Кроссфилд, но, правда, только на следующий день после инцидента с мисс Джилкрист. Говорит, что хотел присутствовать на похоронах, но опоздал из-за неполадок с мотором в пути. Вы о нем что-нибудь знаете, мосье Пуаро?

— Да так кое-что. Хотелось бы знать побольше.

— Вот как? Выходит, завещание покойного мистера Эбернети представляет интерес для целой компании. Надеюсь, нам не придется гоняться за каждым, кто в нее входит.

— Я собрал кое-какие сведения. Они в вашем распоряжении. Конечно, формально у меня нет права задавать этим людям вопросы. Да это было бы и неразумно.

— Я и сам не намерен спешить. Не хотелось бы спугнуть добычу преждевременно. Но уж когда наступит подходящий момент, шугануть ее надо будет хорошенько!

— Весьма здравое рассуждение. Итак, для вас, друг мой, обычная процедура с использованием всех имеющихся в вашем распоряжении каналов. Для меня же…

— Да, мосье Пуаро?

— Что касается меня, я отправляюсь на север. Ибо, как я уже сказал, меня прежде всего интересуют люди. Да, да, небольшой предварительный камуфляж, и я отбываю, Я намереваюсь, — добавил Эркюль Пуаро, — присмотреть в сельской местности дом для иностранных беженцев. Я представляю ЮННАРКО.

— А что такое ЮННАРКО?

— Организация при ООН по оказанию помощи беженцам. Звучит неплохо, как вы считаете?

Инспектор Мортон лишь широко улыбнулся в ответ.

Глава 14

Эркюль Пуаро вежливо поблагодарил Джанет, хмурую и неразговорчивую.

— Большое вам спасибо. Вы были очень добры.

Джанет с по-прежнему кислой миной на лице вышла из комнаты. Эти иностранцы с их нахальными вопросами! Говорят, этот тип — специалист по скрытым болезням сердца, вроде той, от которой скончался мистер Эбернети. Хозяин действительно умер так скоропостижно, и доктор был этим удивлен. Но какое до этого дело этому типу? Нечего ему здесь вынюхивать!

Легко миссис Лео говорить: «Пожалуйста, ответьте мосье Понталье на его вопросы. У него есть причина спрашивать». Вопросы! Вечные вопросы! Иногда на целых листах, а какое, собственно говоря, правительству или еще кому-нибудь дело до чьей-то личной жизни? Во время этой переписи у нее спрашивали, сколько ей лет. Так она им и скажет, как же! Она убавила себе пять. И что с того? Если женщина чувствует себя только на пятьдесят четыре, она и говорит, что ей пятьдесят четыре.

Правда, этот мосье Понталье не интересовался ее возрастом. Какая-никакая совесть у него, видно, есть. Расспрашивал только, какие лекарства принимал покойный хозяин да где они хранились, и все прочее в этом духе.

Еще спросил, не осталось ли в доме чего-нибудь из лекарств. Ну конечно же все это выкинули. Сердечная недостаточность, сказал он, и еще какое-то длинное слово. Доктора! Вечно они выдумывают что-то новое, а болезни-то все остаются прежними. Прострел, скажем, он и есть прострел, как ты его ни назови.

Тем временем самозваный врач, вздохнув, отправился вниз на поиски Лэнскомба. Из Джанет он выжал немного, да, впрочем, ни на что особенно и не рассчитывал. Он лишь хотел сравнить сведения, словно клещами вытянутые им из Джанет, с полученными от Элен Эбернети. Та, в свою очередь, получила их из того же источника с той лишь разницей, что Джанет разговаривала с ней гораздо охотнее, признавая полное право миссис Лео задавать любые вопросы.

Да, решил Пуаро, на информацию, добытую для него Элен, можно положиться. В сущности, он и полагался. Но в силу характера и укоренившейся привычки Пуаро никому не верил на слово.

Так или иначе, данных было не густо. Они сводились к тому, что Ричарду Эбернети были прописаны витамины в капсулах. Они

хранились в большом флаконе, который к моменту смерти был почти пуст. Кто угодно мог, вооружившись шприцем, подмешать что-нибудь в одну или несколько капсул и расположить их во флаконе так, чтобы Эбернети проглотил отравленную, скажем, спустя лишь несколько недель после того, как злоумышленник покинет дом. Еще вариант: кто-нибудь вполне мог незаметно проскользнуть в дом за день до смерти его владельца, начинить смертоносным ядом одну из капсул или, что еще вероятнее, подменить безобидную таблетку снотворного в пузырьке, стоявшем на столике возле кровати. И наконец, вполне можно было просто подмешать яд в питье или еду.

Пуаро проделал несколько экспериментов. Парадную дверь держали на замке, но боковую, выходящую в сад, запирали только вечером. Примерно в четверть второго, когда садовники ушли на ленч, а прислуга обедала, он вошел в ворота усадьбы, проник через боковую дверь в дом, поднялся по лестнице и добрался до комнаты Ричарда Эбернети, не встретив ни души. Затем он спустился вниз и проскользнул в кладовку при кухне — до него доносились голоса, но его никто не заметил.

Итак, все эти варианты возможны. Но так ли обстояло дело в действительности? Пуаро не то чтобы искал улики, он лишь хотел проверить все версии. В конце концов, убийство Ричарда Эбернети было не больше чем гипотезой. Улики же необходимы, чтобы найти убийцу Коры Ланскене. Пуаро хотел изучить людей, собравшихся в тот день на похороны, и сделать свои выводы. Некий план уже сложился в его голове, но сначала он намеревался перекинуться несколькими словами со стариком Лэнскомбом.

Лэнскомб держался вежливо, но отчужденно. Менее обидчивый, чем Джанет, он, однако, считал, что появление иностранца не сулит ничего хорошего. Вот до чего докатились! Он отложил кусок замши, которой любовно полировал старинный серебряный чайник, и выпрямился.

— Чем могу служить, сэр?

Пуаро осторожно присел на табуретку.

— Миссис Эбернети говорила мне, что вы надеялись остаться жить в северной сторожке, когда закончите здесь службу.

— Да, сэр. Но сейчас, конечно, все изменилось. Когда имение будет продано…

— Все еще возможно, — ловко ввернул Пуаро. — Тут ведь есть коттеджи для садовников, а сторожка потребуется для гостей или для их сопровождающих. Думаю, все это можно как-нибудь устроить.

— Благодарю вас за доброту, сэр. Но я полагаю…

большинство гостей будут иностранцы?

— Да, это будут иностранцы, из тех, что бежали из Европы в вашу страну. Некоторые из них люди старые и больные, их не ждет ничего хорошего в случае возвращения на родину, особенно тех, чьи родные погибли. Они не могут заработать себе на хлеб здесь, как это могут сделать люди здоровые и сильные. Организация, которую я представляю, через своих сотрудников в разных странах собрала и распределяет средства, необходимые для приобретения здесь крова для таких людей. Это имение кажется мне весьма подходящим. Вопрос практически уже решен.

Лэнскомб вздохнул.

— Я все понимаю, сэр. Но мне грустно думать, что дом больше не будет частным жилищем. Впрочем, сейчас это обычное дело. Никто из семьи не может себе позволить жить здесь. Да, по-моему, молодые леди и джентльмены и не захотят. Сейчас трудно найти прислугу, а та, что есть, обходится слишком дорого, да и проку от нее мало. Я понимаю, что все эти прекрасные дома отжили свое. — Лэнскомб снова вздохнул. — Наступают перемены. Я рад, что здесь будет то, о чем вы говорили. Мы тут были избавлены от многих напастей благодаря нашему флоту и авиации, а также благодаря нашим храбрым молодым людям. Наше счастье, что Англия — остров. Если бы Гитлер сунулся сюда, мы поднялись бы все как один и живо разделались бы с ним. Зрение у меня уже не то, что прежде, и я не могу стрелять, но, если бы понадобилось, я мог бы копать окопы. Мы всегда давали приют несчастным и бездомным, и, надеюсь, так будет и впредь.

— Благодарю вас, Лэнскомб, — мягко сказал Пуаро. — Смерть хозяина, должно быть, была для вас тяжелым ударом.

— Еще бы, сэр! Ведь я состоял при мистере Эбернети со времен его молодости. Мне повезло в жизни, сэр. Лучшего хозяина нельзя было и пожелать.

— Я беседовал с моим другом и, э… коллегой доктором Ларраби. Мы с ним подумали: может быть, у вашего хозяина перед смертью были какие-то особые неприятности или тревоги? Вы не помните, приезжал к нему кто-нибудь накануне дня его кончины?

— Да нет, сэр, не могу никого припомнить.

— И никто не заходил примерно в это время?

— За день до смерти хозяина к чаю был наш местный священник. Заходили несколько монахинь, собирали на что-то по подписке… Ах да, с черного хода приходил еще молодой человек, весьма настырный: все старался всучить Марджори, кухарке, какие-то новые щетки для мытья посуды. Больше никого не было.

На лице Лэнскомба появилось озабоченное выражение, и Пуаро не стал к нему больше приставать. Старый слуга уже высказался откровенно мистеру Энтуислу, с Пуаро он, несомненно, будет вести себя гораздо сдержаннее.

С Марджори же, напротив, Пуаро сразу же повезло. У нее не было ни одной из привычек, свойственных «старой, верной прислуге». Она была первоклассной кухаркой, и, похвалив со знанием дела ее стряпню, собеседник мгновенно нашел дорогу к ее сердцу и языку. Воспоминания Марджори были, правда, несколько специфическими:

— В тот день, когда умер хозяин, я как раз приготовила к ужину шоколадное суфле, приберегла для этого полдюжины яиц, благо молочник — мой приятель, а еще у меня было немного сливок, уж и не спрашивайте, как я их раздобыла.

Столь же детально были охарактеризованы другие блюда, подававшиеся в тот день. Остатки ужина прикончили на кухне. В общем, несмотря на всю словоохотливость Марджори, Пуаро не узнал от нее ничего ценного.

Покинув кухню, Пуаро закутался парой шарфов, дабы уберечься от холодного воздуха Северной Англии, и вышел в сад, где Элен Эбернети срезала поздние розы.

— Выяснили что-нибудь новое? — поинтересовалась она.

— Ничего. Но я ни на что и не рассчитывал.

— Знаю. С тех пор как мистер Энтуисл сообщил мне, что вы приедете, я сама пытаюсь докопаться хоть до чего-нибудь, но увы…

Она помолчала и затем спросила с надеждой в голосе:

— Может быть, на самом деле все это просто мираж?

— Убийство с применением топора — мираж?

— Я не думала о Коре.

— А я как раз думаю о ней. Для чего кому-то понадобилось убивать ее? Мистер Энтуисл сказал мне, что в ту самую минуту, когда Кора Ланскене произнесла свою несуразную фразу, вы и сами почувствовали что-то неладное. Это так?

— Да… но я не знаю…

— Что именно было «неладно»? — перебил ее Пуаро. — Неожиданно? Удивительно? Странно… тревожно или страшно?

— О нет, только не страшно. Просто что-то такое… нет, не могу припомнить, да это и не важно.

— Но почему вы не можете вспомнить? Что-нибудь тогда отвлекло ваши мысли, что-то более важное?

— Пожалуй, тут вы правы. Наверное, это было упоминание об убийстве. Оно отодвинуло все остальное на задний план.

— Быть может, это была реакция какого-то конкретного лица

на слово «убили»?

— Вероятно… Но не помню, чтобы я обратила внимание на кого-либо. Мы все уставились на Кору.

— Тогда, возможно, вы что-то услышали? Какой-то звук… Что-нибудь упало… или разбилось?

Элен нахмурила лоб, напрягая память.

— Нет… не думаю.

— Хорошо, оставим пока. В конце концов, это, наверное, не имеет значения. Теперь скажите мне, мадам, кто из присутствовавших там знал Кору лучше всех?

Элен задумалась.

— Я полагаю, Лэнскомб. Он помнит ее еще ребенком. Горничная Джанет поступила в дом уже после того, как Кора вышла замуж и уехала.

— А кроме Лэнскомба?

— Пожалуй, я, — поразмыслив, сказала Элен. — Мод ее практически не знала.

— Тогда, исходя из того, что вы знали ее лучше, чем остальные, скажите: почему, по вашему мнению, она задала свой нелепый вопрос?

Элен улыбнулась:

— Ну, это было так характерно для Коры.

— Значит, это была просто глупость? Она выпалила, не думая, то, что взбрело ей в голову? Или же тут был какой-то умысел? Не захотелось ли ей, например, позлить и встревожить окружающих?

Собеседница помолчала.

— Никогда нельзя быть уверенным в человеке полностью, не правда ли? Я лично не могу с уверенностью сказать, была ли Кора просто наивной или хотела своими выходками привлечь к себе внимание. Вы ведь это имеете в виду?

— Да. Я рассуждал так: допустим, эта миссис Кора сказала себе: «Вот будет забавно спросить, не был ли Ричард убит, и посмотреть, как все они при этом будут выглядеть». Можно ли было ожидать от нее такого?

Во взгляде Элен появилось сомнение.

— Не исключено. У нее, безусловно, было странное, озорное чувство юмора, какое иногда бывает у детей. Но что из того?

— Это лишний раз доказывает, насколько опасно шутить с такой вещью, как убийство, — сухо ответил Пуаро.

Элен содрогнулась.

— Бедная Кора!

Пуаро переменил тему разговора:

— Миссис Тимоти Эбернети ночевала здесь после похорон?

— Да.

— Вы говорили с ней о сказанном Корой?

— Да. Она считает, что это просто возмутительно, но вполне в Корином духе.

— Но она не приняла этого всерьез?

— Нет, я уверена, что нет.

Пуаро подумал, что второе отрицание прозвучало несколько нерешительно, но разве не бывает так всегда, когда человек пытается припомнить что-то из прошлого?

— А вы сами, мадам? Вы отнеслись к этому серьезно?

Глаза Элен Эбернети казались очень голубыми и удивительно юными. Особенно по контрасту с поднимающимися от висков волнами седых волос. Она подумала и сказала:

— Думаю, что да, мосье Пуаро.

— Из-за появившегося у вас ощущения, будто что-то неладно?

— Возможно.

Пуаро подождал, но Элен больше ничего не добавила, и он продолжил:

— Насколько мне известно, отношения между миссис Ланскене и ее семьей были натянутыми?

— Да. Никому из нас не нравился ее муж, ее это обижало, и отчуждение все росло.

— И тем не менее ваш деверь внезапно отправился навестить ее. Почему?

— Не знаю… Может быть, он знал или догадывался, что долго не протянет, и хотел помириться с ней перед смертью… Но я действительно не знаю.

— Он не говорил вам?

— Говорил мне?

— Ведь вы гостили здесь перед его отъездом туда. Он не упоминал о намерении съездить к ней? — Пуаро подумал, что в манерах собеседницы появилась большая сдержанность.

— Он сказал, что собирается повидать своего брата Тимоти, но даже не упоминал о Коре. Не войти ли нам в дом? Скоро будет подан ленч.

Она шла рядом с Пуаро, неся срезанные цветы. Они вошли в дом через боковую дверь. Пуаро спросил, словно между прочим:

— Вы абсолютно уверены, что, когда вы гостили здесь незадолго до смерти мистера Эбернети, он не говорил ничего интересного — с точки зрения этого дела — о ком-нибудь из членов семьи?

— Вы спрашиваете как настоящий полицейский. — В голосе Элен звучал укор.

— Я и был когда-то полицейским. Сейчас у меня нет

официального статуса и нет права допрашивать вас. Но ведь вы хотите знать правду, так, во всяком случае, мне дали понять.

Они вошли в зеленую гостиную. Элен сказала со вздохом:

— Ричард был разочарован в молодом поколении, как это обычно бывает со стариками. Многое в молодежи ему крайне не нравилось, но, поверьте, не было ничего, абсолютно ничего, что могло бы выглядеть как мотив для убийства.

В гостиной Элен взяла китайскую вазу и начала расставлять в ней розы. Когда наконец вид букета удовлетворил ее, она оглянулась в поисках места для вазы.

— Вы превосходно расставили цветы, мадам, — сказал Пуаро. — Я думаю, вы делаете наилучшим образом все, за что ни возьметесь.

— Спасибо. Я люблю цветы. Кажется, они будут хорошо смотреться на этом зеленом малахитовом столике.

На столике, о котором шла речь, уже красовался букет восковых цветов. В момент, когда Элен убирала этот букет вместе с покрывавшем его стеклянным колпаком, Пуаро небрежно поинтересовался:

— Говорил кто-нибудь мистеру Эбернети, что муж его племянницы Сьюзен чуть было не отравил клиентку, допустив ошибку при изготовлении лекарства по рецепту? Ах, pardon[253].

Пуаро рванулся вперед… но было уже поздно: прелестная хрупкая вещица викторианской эпохи выскользнула из пальцев Элен. Стеклянный колпак разлетелся вдребезги. Элен издала возглас досады:

— Боже, какая я неловкая! Слава Богу, цветы не пострадали. Можно будет заказать для них другое стекло. А пока я уберу их в шкаф под лестницей.

Только после того, как Пуаро помог ей положить восковой букет на полку в темном глубоком шкафу и они вернулись в гостиную, он сказал:

— Это моя вина: я испугал вас.

— А о чем вы спрашивали меня? Я забыла…

— О, не стоит повторять… да я и сам уже забыл.

Элен подошла к Пуаро и взяла его за руку.

— Мосье Пуаро, есть ли на свете хоть один человек, чья жизнь окажется безупречной, если присмотреться к ней как следует? Так ли уж необходимо влезать в жизнь людей, если они не имеют никакого отношения к…

— К смерти Коры Ланскене? Да, необходимо. Проверять нужно буквально все. О, это старая истина, мадам: каждому — есть что скрывать. Это относится ко всем нам, это, возможно, относится и к вам. Ничего не следует оставлять без внимания.

Вот почему ваш друг мистер Энтуисл обратился ко мне. Я не из полиции. В отличие от них я могу умолчать о семейных тайнах, не относящихся к расследованию. Но я должен знать правду. А так как в этом деле важны не столько вещественные доказательства, сколько люди, то я занимаюсь именно ими. Я должен, мадам, встретиться с каждым, кто был здесь в день похорон. И было бы лучше всего, если бы я мог встретиться с ними именно здесь, в этом доме.

— Боюсь, — медленно сказала Элен, — это будет трудно устроить.

— Не так уж трудно, как вы полагаете. Я уже кое-что наметил. Дом ведь продается. Так, во всяком случае, объявит мистер Энтуисл. Сделка, само собой, может и сорваться, как это часто случается. Он пригласит сюда членов семьи, чтобы каждый из них мог выбрать приглянувшиеся ему вещи — из мебели или что-то еще, — до того как будет назначен аукцион. Это можно будет организовать, скажем, в конце недели.

Элен смотрела на него в упор. Взгляд ее голубых глаз был холодным, почти ледяным.

— Готовите для кого-нибудь ловушку, мосье Пуаро?

— Увы! Мне хотелось бы иметь для этого достаточно оснований. Нет, нет, пока я подхожу к делу совершенно непредвзято. Разумеется, можно было бы устроить некую проверку…

— Например?

— О, тут я и сам еще не до конца все продумал. И при данных обстоятельствах, мадам, лучше, чтобы пока и вы не знали всех подробностей.

— Значит, вы будете проверять и меня?

— Вас, мадам, уже провели за кулисы, если можно так выразиться. Но вот какое дело: молодежь, мне кажется, примет приглашение охотно. А как быть с мистером Тимоти Эбернети? Я слышал, он никуда не выезжает из дома?

Неожиданно Элен улыбнулась.

— Думаю, тут вам повезло. Мод звонила мне вчера. В их доме работают маляры, и Тимоти ужасно досаждает запах краски. Он говорит, что это плохо отражается на его здоровье. Полагаю, что он и Мод с удовольствием погостят здесь недельку-другую. Мод еще не очень хорошо ходит. Вы знаете, что она серьезно повредила себе ногу?

— Нет, я ничего не слышал. Какая неприятность!

— К счастью, им удалось заполучить к себе Корину компаньонку мисс Джилкрист. И она, судя по всему, оказалась настоящим кладом.

— Что такое? — Пуаро резко обернулся к Элен. — Они просили мисс Джилкрист приехать к ним? Чья это была идея?

— По-моему, все это устроила Сьюзен. Сьюзен Бэнкс.

— А… — протянул Пуаро с какой-то странной ноткой в голосе. — Значит, это было предложение маленькой Сьюзен? Я вижу, в ней есть организаторская жилка.

— Сьюзен кажется мне очень практичной.

— Это безусловно так. Кстати, вы знаете, что мисс Джилкрист чуть было не отправилась на тот свет, откушав присланного ей отравленного свадебного пирога?

— Нет! — Элен выглядела изумленной и даже испуганной. — Мод сказала мне по телефону, что мисс Джилкрист только что вышла из больницы, но я и понятия не имела о том, с чем она там лежала. Отравление? Но, мосье Пуаро, почему?..

— И вы еще спрашиваете?

Выдержка изменила Элен, и голос ее сорвался почти на крик:

— О, соберите их всех здесь! Докопайтесь до истины! Пусть не будет новых убийств!

— Итак, вы готовы мне помочь?

— Конечно!

Глава 15

— Линолеум выглядит просто прекрасно. Вы действительно умеете с ним обращаться. Чайник на кухонном столе, садитесь и наливайте. Я приду, как только отнесу наверх завтрак мистеру Эбернети.

Мисс Джилкрист деловитой рысцой поспешила вверх по лестнице, неся поднос с завтраком. Она постучала в дверь комнаты Тимоти и, истолковав раздавшееся в ответ недовольное ворчание как приглашение войти, вошла.

— Утренний кофе и бисквиты, мистер Эбернети. Надеюсь, сегодня вы чувствуете себя бодрее. Такой прекрасный день!

В ответ Тимоти пробурчал себе под нос:

— На молоке нет пенки?

— Нет, нет, мистер Эбернети. Я очень тщательно сняла ее, ведь я всегда пользуюсь ситечком. Но некоторые, знаете ли, любят пенку, говорят, что это почти сливки. Да так оно и есть на самом деле.

— Идиоты! — возразил Тимоти. — Что это за бисквиты?

— Очень полезные для пищеварения.

— Воображаю! Бисквиты с имбирем[254] — вот единственные бисквиты, которые можно есть.

— К сожалению, на этой неделе у бакалейщика не было бисквитов с имбирем. Но эти очень и очень вкусны. Попробуйте и сами убедитесь.

— Спасибо, я знаю, на что они похожи. Оставьте эту занавеску в покое, слышите!

— Я думала впустить побольше солнца, день такой хороший.

— Я хочу, чтобы в комнате было темно, у меня страшно болит голова. Это все краска, я всегда был чувствителен к запаху краски, она просто отравляет меня.

Мисс Джилкрист шмыгнула носом и бодро отозвалась:

— Здесь запах почти не чувствуется. Маляры работают с другой стороны.

— Вы не так чувствительны, как я. Неужели так необходимо убирать все книги, которые я читаю, так чтобы их нельзя было достать?

— Прошу прощения, мистер Эбернети. Я не знала, что вы читаете их все одновременно.

— Где моя жена? Я не видел ее уже больше часа.

— Миссис Эбернети отдыхает на диване.

— Скажите ей, пусть поднимется и отдыхает здесь.

— Я скажу ей, мистер Эбернети, но, быть может, она

задремала? Не подождать ли четверть часика?

— Нет, скажите ей, что она мне нужна. Что вы возитесь с этим пледом? Он лежит именно так, как мне удобно.

— Прошу прощения, мистер Эбернети, я думала, что он соскользнул.

— А мне нравится, когда он соскальзывает. Идите и приведите Мод, она мне нужна.

Мисс Джилкрист на цыпочках вошла в гостиную, где Мод Эбернети, положив больную ногу на высокую скамеечку, с увлечением читала какой-то роман.

— Прошу прощения, миссис Эбернети, — извиняющимся тоном произнесла мисс Джилкрист, — но мистер Эбернети желает вас видеть.

— О Господи, — сказала Мод. — Сейчас иду.

Она с виноватым выражением лица отбросила книгу и потянулась за палкой, без которой еще не могла обходиться.

Тимоти взорвался, как только она вошла в его комнату:

— А, наконец соизволили заглянуть!

— Извини, дорогой, я не знала, что ты хочешь меня видеть.

— Эта женщина, которая по вашей милости теперь толчется в доме, сведет меня с ума, не иначе! Кудахчет и трепыхается, как клушка. А со мной обращается так, словно я дефективный ребенок. Типичная старая дева!

— Я понимаю, что она тебя раздражает, но, Тимоти, умоляю, постарайся не быть с ней грубым. Я еще совсем беспомощна, и ты сам говоришь, что готовит она хорошо.

— Верно, тут все хорошо, — неохотно признал Тимоти. — Но держи ее, ради Господа, в кухне и не позволяй суетиться вокруг меня.

— Конечно, дорогой, я постараюсь. Как ты себя чувствуешь?

— Отвратительно. Пожалуй, пошли за Бартоном, нашим идиотом врачом, пусть он меня осмотрит. Этот запах краски действует мне на сердце. Пощупай-ка мне пульс…

Мод пощупала пульс, помолчала и потом сказала:

— Тимоти, может, нам пожить в гостинице, пока ремонт в доме не кончится?

— Это будет чересчур дорого стоить.

— Но ведь сейчас это не так уж важно.

— Ты такая же, как все женщины, — лишь бы сорить деньгами! Только потому, что нам досталась смехотворно маленькая доля наследства моего брата, ты решила, что мы теперь можем обретаться в самых роскошных отелях!

— Но я имела в виду совсем не это, родной мой.

— Позволь мне сказать тебе, что деньги Ричарда не означают

особой перемены в нашем положении: эта пиявка, наше теперешнее правительство, позаботится об этом. Попомни мои слова, почти все уйдет на налоги!

Миссис Эбернети печально покачала головой.

— Это не кофе, а лед, — сетовал страдалец, глядя на чашку кофе, к которому даже не притронулся. — Неужели уж так трудно приготовить мне чашку по-настоящему горячего кофе?

— Я спущусь вниз и подогрею.

В кухне мисс Джилкрист распивала чай и любезно, хотя и с оттенком снисходительности, беседовала с приходящей прислугой, миссис Джонс.

— Мне так хочется по возможности помочь миссис Эбернети, — говорила мисс Джилкрист. — Вся эта беготня с подносами вверх и вниз по лестнице страшно утомляет ее.

— Да уж ради него она прямо в лепешку расшибется.

— Ужасно печально, что ее супруг такой больной и беспомощный.

— Не такой уж он беспомощный, — туманно изрекла миссис Джонс, — просто ему нравится полеживать, звонить в звонки и чтобы ему все приносили и уносили. Но он прекрасно может и встать, и ходить, и что хотите. Я, например, видела его даже в деревне, когда хозяйки здесь не было. Шагал за милую душу! Все, что ему действительно нужно, скажем, табак или марки, он прекрасно может принести себе сам. Вот почему, когда миссис Эбернети уехала на похороны и не вернулась вовремя, а он сказал мне, чтобы я осталась тут, чтобы подать ему ужин и приготовить на следующее утро завтрак, я отказалась. «Прошу прощения, сэр, — сказала я ему, — но у меня есть муж, и, когда он вечером возвращается с работы, я должна позаботиться о нем». И я поставила на своем. Утром я готова прийти подсобить, но уж больше — извините! Я подумала: ничего, если мистер Эбернети раз в жизни сделает для себя сам что-нибудь по дому. Может, он поймет тогда, как много делают для него другие.

Миссис Джонс глубоко вздохнула и самозабвенно отхлебнула из чашки крепчайшего чая.

— Ах, — с удовольствием произнесла она.

Миссис Джонс, хотя и относилась к мисс Джилкрист с глубоким подозрением и считала ее «типичной старой девой», которая «разыгрывает из себя тонкую штучку», тем не менее весьма одобряла щедрость, с которой та расходовала хозяйские чай и сахар. Она поставила свою чашку и любезно сказала:

— Я как следует выскоблю пол в кухне, а уж потом пойду домой. Картошка уже почищена, дорогая. Она стоит возле мойки.

Мисс Джилкрист, хотя ее и несколько задело обращение

«дорогая», вполне оценила ее великодушие, избавившее ее от необходимости самой чистить картошку.

Прежде чем она успела ответить, раздался телефонный звонок. Мисс Джилкрист поспешила к телефону. Аппарат был из тех, что ставили в домах полвека назад, и находился в неудобном темном закутке за лестницей. Мод Эбернети появилась на верхней площадке лестницы, когда мисс Джилкрист еще говорила по телефону. Взглянув наверх, она сказала хозяйке:

— Это миссис Лео Эбернети.

— Скажите ей, что я сейчас подойду.

Мод начала медленно, с видимым усилием спускаться по лестнице.

Мисс Джилкрист сочувственно произнесла:

— Мне так жаль, что вам пришлось снова идти вниз. Кончил мистер Эбернети завтракать? Я сию минуту загляну к нему и уберу поднос.

Она потрусила вверх по ступенькам, а миссис Эбернети взяла трубку.

— Элен? Это Мод.

Болящий встретил мисс Джилкрист злобным взглядом и, когда она взяла поднос, брюзгливо спросил:

— Кто звонит?

— Миссис Лео Эбернети.

— Да? Полагаю, теперь они будут сплетничать не менее часа. Стоит женщинам дорваться до телефона, как они абсолютно теряют чувство времени. Даже не подумают, каких денег это стоит.

Мисс Джилкрист бодро ответила, что за разговор заплатит миссис Лео. Тимоти проворчал:

— Теперь отодвиньте эту занавеску. Нет, не эту, а другую. Я не хочу, чтобы свет бил мне в глаза. Вот так лучше. Я инвалид, но из этого еще не следует, что меня нужно весь день держать в темноте. Посмотрите на книжной полке, — продолжил он, — книгу в зеленом переплете. Ну, что еще? Куда вы понеслись?

— Звонят во входную дверь, мистер Эбернети.

— Я ничего не слышал. Ведь там внизу поденщица, пусть она и откроет.

— Хорошо, мистер Эбернети. Так какую книгу мне достать?

Тимоти закрыл глаза.

— Я уже не помню. Вы отвлекли меня. Лучше уходите.

Мисс Джилкрист забрала поднос и поспешно удалилась. На обратном пути она прошла мимо миссис Эбернети, которая все еще говорила по телефону. Через мгновение мисс Джилкрист вернулась и сказала приглушенным голосом:

— Простите, что прерываю ваш разговор, но там пришла монахиня. Собирает пожертвования. Кажется, в Фонд сердца Девы Марии. У нее есть книга для записи жертвователей. Похоже, большинство дает по пять шиллингов или по полкроны.

Мод обронила в телефонную трубку: «Минуточку, Элен», — и обернулась к мисс Джилкрист:

— Мы никогда ничего не даем католикам. У нас своя приходская благотворительность.

Та засеменила к входной двери.

Спустя несколько минут Мод закончила беседу по телефону словами: «Хорошо, я скажу Тимоти».

Она положила трубку и вышла в холл. Мисс Джилкрист стояла в дверях гостиной нахмурившись и с несколько озадаченным выражением на лице. Когда Мод заговорила с ней, она сильно вздрогнула.

— Что такое, мисс Джилкрист, что-нибудь случилось?

— О нет, миссис Эбернети, я просто задумалась. Как это глупо с моей стороны стоять вот так, без толку, когда кругом столько дел.

Мисс Джилкрист снова забегала по дому на манер хлопотливого муравья, а Мод, с трудом поднявшись по лестнице, вошла к Тимоти.

— Звонила Элен. По-видимому, дом продан… под какой-то приют для иностранных беженцев…

Ей пришлось сделать паузу на несколько минут, в течение которых Тимоти энергично выражал свое мнение по поводу иностранных беженцев, в чьи руки попадет теперь дом, где родился он, Тимоти Эбернети.

— В этой стране не осталось и следа моральных принципов! Мой родной дом! Мне тошно даже подумать об этом!

Когда муж выдохся, Мод продолжила:

— Элен прекрасно понимает, что ты… что мы чувствуем в связи с этим. Она предлагает нам приехать туда погостить, пока продажа еще не оформлена. Ее огорчает состояние твоего здоровья, и, поскольку запах краски так мешает тебе, ей кажется, что будет лучше, если мы пока поживем в Эндерби. Прислуга еще там, так что за тобой будет надлежащий уход.

Тимоти, уже открывший было рот для яростного протеста, вдруг закрыл его. В его глазах внезапно появилось хитрое выражение, и он одобрительно кивнул головой:

— Очень мило со стороны Элен предложить это. Надо подумать. Проклятая краска отравляет меня, это несомненно. Я где-то слышал, что в нее кладут мышьяк. С другой стороны, поездка может стать причиной чрезмерного напряжения. Просто

не знаю, как быть…

— Быть может, ты предпочитаешь отель, милый? Пребывание в хорошем отеле стоит дорого, но когда речь идет о твоем здоровье…

Тимоти прервал ее:

— Мы не миллионеры, Мод, пойми ты наконец! Зачем перебираться в отель, если Элен любезно приглашает нас в Эндерби? Не то чтобы у нее было на это какое-то особенное право. Дом не ее. Я не разбираюсь во всех этих юридических тонкостях, но, полагаю, он принадлежит всем нам в равной мере, пока его не продали. А потом вырученные деньги будут поделены между нами всеми. Иностранные беженцы! Старик Корнелиус в гробу бы перевернулся, узнай он об этом! Да, я не прочь еще раз взглянуть на старое пепелище, пока жив.

Мод ловко разыграла свою последнюю карту:

— Кажется, мистер Энтуисл предложил, чтобы члены семьи выбрали, что им по вкусу из обстановки, фарфора и других вещей в доме, прежде чем состоится аукцион.

Тимоти резко выпрямился.

— Мы, безусловно, должны поехать. Необходимо точно оценить то, что выберет каждый. Эти молодцы, за которых вышли девочки замуж… Судя по тому, что я о них слышал, им ни на грош нельзя верить: Элен слишком дружелюбна и гостеприимна. Мой долг, как главы семьи, присутствовать при всем этом!

Он встал и заходил взад и вперед упругим, энергичным шагом.

— Да, это превосходный план. Напиши Элен и прими приглашение. Я больше всего думаю о тебе, дорогая. В последнее время ты очень утомилась. Небольшой отдых и перемена обстановки пойдут тебе на пользу. Маляры могут закончить работу в наше отсутствие, а эта, как ее… Джилспай присмотрит за домом.

— Джилкрист, — поправила Мод.

Тимоти махнул рукой и заявил, что это не имеет значения.

— Я не могу сделать этого, — сказала мисс Джилкрист.

Мод смотрела на нее в изумлении.

Мисс Джилкрист дрожала и умоляюще смотрела в глаза Мод.

— Я знаю, это звучит просто нелепо. Но я не могу, не могу… Остаться одной во всем доме… Вот если бы кто-нибудь мог приходить сюда и ночевать вместе со мной…

Мод лишь покачала головой: она прекрасно знала, что во всей округе можно найти, да и то с трудом, только приходящую прислугу.

Мисс Джилкрист продолжала с ноткой отчаяния в голосе:

— Я знаю, вы сочтете это за глупость и истеричность. Мне раньше и самой в голову бы не пришло, что на меня может найти такое. Никогда я не была ни нервной, ни истеричкой. Но сейчас… Я боюсь, смертельно боюсь остаться здесь в одиночестве.

— Ну конечно, — сообразила Мод. — Как это я не подумала? После того, что произошло в Литчетт Сент-Мэри…

— Должно быть, в этом все дело. Я знаю, что это неразумно. И ведь сначала я ничего такого не чувствовала. Я не боялась остаться одна в коттедже после… после того, как это случилось. Все началось потом, постепенно. Вы сочтете меня дурой, миссис Эбернети, но, с тех пор как я здесь, я все время чего-то боюсь. Не чего-то конкретного, просто боюсь… Это так глупо, мне самой стыдно, право же, стыдно. У меня все время такое чувство, словно вот-вот стрясется какая-то страшная беда. Даже эта монахиня, которая подошла к двери, и та испугала меня до полусмерти. О Господи, с ума я, что ли, схожу?

— Врачи, кажется, называют это вторичным шоком, — неуверенно высказалась Мод.

— Не знаю, не знаю… Боже, мне так не хочется, чтобы вы сочли меня неблагодарной после того, как были ко мне так добры. Что только вы обо мне подумаете…

— Нам придется устроить все как-то иначе, но мы что-нибудь придумаем, — успокоила ее Мод.

Глава 16

Джордж Кроссфилд мгновение помедлил в нерешительности, наблюдая, как некая заинтересовавшая его женская спина исчезает в дверном проеме. Потом кивнул сам себе и двинулся следом.

Вышеупомянутая дверь вела в пустующий сейчас магазин, занимавший низ двухэтажного здания. В ответ на стук Джорджа в стеклянную створку закрытой двери на пороге появился молодой очкастый парень с туповатым выражением лица.

— Прошу прощения, — обратился к нему Джордж, — но мне показалось, что сюда только что вошла моя кузина.

Юноша посторонился, пропуская Джорджа.

— Хэлло, Сьюзен!

Сьюзен, стоявшая на упаковочном ящике со складным метром в руках, с некоторым удивлением обернулась.

— Привет, Джордж! Откуда ты вынырнул?

— Я узнал тебя по спине.

— Ну, Джордж, у тебя не глаз, а просто алмаз! Разве спины не все одинаковые?

— Они отличаются друг от друга гораздо больше, чем человеческие лица. Приклей бороду, засунь за щеки комочки ваты, сделай что-нибудь со своими волосами — и никто из твоих знакомых не узнает тебя, даже столкнувшись с тобой нос к носу. Но старайся не поворачиваться к ним спиной!

— Спасибо, я запомню. Теперь запомни ты, пока я не запишу: семь футов пять дюймов…

— Что это, книжные полки?

— Нет, кубатура.

Очкастый молодой человек, нетерпеливо переминавшийся с ноги на ногу, робко кашлянул.

— Извините, миссис Бэнкс, но если вы еще хотите побыть здесь…

— Да, да. Оставьте ключи. Я запру дверь и занесу их вам в контору на обратном пути. Так будет хорошо?

— Да, благодарю вас. Как раз сегодня у нас так много работы…

— Я рада, что мы отделались от него, — объявила Сьюзен, когда юноша торопливо отбыл. — Эти агенты по продаже недвижимости без конца треплются и не дают человеку сосредоточиться именно тогда, когда ему надо подумать над цифрами.

— Убийство в пустом магазине, — задумчиво изрек

Джордж. — Представляешь, прохожие столпились бы перед стеклянной дверью, за которой на полу лежит труп молодой красивой женщины!

— У тебя нет повода убивать меня, Джордж.

— Не скажи. Ведь я получу четверть твоей доли состояния нашего досточтимого дядюшки. Это весьма веская причина для того, кто любит деньги.

Сьюзен внимательно взглянула на Джорджа. Ее глаза расширились.

— Ты выглядишь другим человеком, Джордж. Просто удивительно.

— В каком смысле «другим»?

— Ну, знаешь, как на этой рекламе: «Тот же человек до и после приема соли Аппингтона[255]».

Сьюзен присела на другой ящик и закурила сигарету.

— Должно быть, твоя доля денежек старика Ричарда пришлась тебе как нельзя кстати, Джордж?

— В наше время каждый может, положа руку на сердце, сказать, что он рад любым полученным деньгам.

Тон Джорджа был беспечным и легкомысленным.

Сьюзен сказала:

— Но ты-то попал в настоящий переплет, не правда ли?

— А собственно говоря, почему тебя это интересует?

— Да так просто, интересно, и все.

— Ты арендуешь этот магазин?

— Я покупаю весь дом. В верхнем этаже две квартиры. Одна пустует и продается вместе с магазином. За другую я выплачу жильцам компенсацию.

— А хорошо заиметь деньги, кузиночка?

В вопросе явно прозвучала ирония, но Сьюзен лишь глубоко затянулась сигаретой и ответила:

— Лично для меня это было просто чудо. Словно ответ на молитву.

— Разве молитвы теперь убивают престарелых родственников?

Не слушая его, Сьюзен продолжала:

— Эти помещения как раз то, что нам нужно. Дом выстроен в хорошем стиле. Жилую часть я превращу в нечто уникальное. В комнатах высокие потолки, и они прекрасно спланированы. Здесь внизу уже был сделан кое-какой ремонт, так что мне осталось только навести полный марафет.

— А что это будет? Магазин готового платья?

— Нет, салон красоты. Знаешь, всякие кремы, лосьоны, вытяжки из трав. Это всегда покупается. Надо только наложить на

все дело свой, индивидуальный отпечаток. Это я смогу.

Джордж смерил двоюродную сестру оценивающим взглядом. Его восхищали превосходная лепка ее лица, чувственный рот, яркость красок. Вообще лицо необычное, поражающее стремительной сменой выражений. Она, безусловно, обречена на успех.

— Во всяком случае, свои расходы ты оправдаешь.

— Здесь вполне подходящий квартал, и парковку автомашин можно устроить прямо напротив двери.

Джордж снова кивнул.

— Не сомневаюсь, что ты преуспеешь, Сьюзен. И давно ты носишься с этой идеей?

— Да уже больше года.

— Почему же ты не обратилась к старому Ричарду? Он мог бы подкинуть тебе деньжат.

— Я обращалась к нему.

— И он не выручил тебя! Странно. По идее, он должен был безошибочно признать в тебе удачливого дельца своей собственной породы.

Сьюзен промолчала, а умственному взору Джорджа внезапно представилась другая фигура: худой нервный молодой человек с подозрительным и настороженным взглядом.

— А какая роль во всем этом отводится твоему, как его, Грегу? Полагаю, он будет стряпать все эти кремы и пудры?

— Вот именно. У него будет лаборатория здесь же. Мы собираемся работать по собственным рецептам и формулам.

Джордж подавил усмешку. Ему хотелось сказать: «Итак, бэби получит новую игрушку». Он был не прочь съязвить этак по-родственному, но подсознательно чувствовал, что по поводу ее отношения к мужу лучше не шутить. Он вполне мог вообразить, каковы будут последствия… И точно так же, как в день похорон, он подумал об этом странном типе, Грегори: такой неприметный на вид парень, но все же в каком-то смысле и не такой уж неприметный. Он вновь взглянул на Сьюзен, спокойную и торжествующую.

— Да, в тебе есть что-то присущее всем Эбернети. Пожалуй, во всей семейке только у тебя это и есть. Жаль, что ты женщина. Будь ты мужчиной, старик, держу пари, оставил бы тебе всю свою кубышку.

— Думаю, что да… — медленно проговорила Сьюзен.

Сделав паузу, она продолжила:

— Знаешь, ему не понравился Грег…

Джордж приподнял брови:

— Это была ошибка с его стороны.

— Да.

— Ну, да ладно. Так или иначе, сейчас все хорошо, все идет по плану. Верно?

Не успели эти слова сорваться у него с языка, как его поразила их исключительная уместность в данной ситуации. На мгновение ему стало как-то неуютно от этой мысли. В принципе ему были не по душе такие женщины, как Сьюзен, — живое воплощение хладнокровия, энергии и деловитости.

Чтобы сменить тему, он спросил:

— Кстати, ты получила письмо от Элен? Насчет Эндерби?

— Да, сегодня утром. Мы с Грегом подумываем поехать туда на конец следующей недели, если это подходит остальным. Элен, по-видимому, хочет собрать нас всех вместе.

Джордж лукаво рассмеялся.

— А то, пожалуй, кто-нибудь выберет мебелишку поценнее, чем другой?

— Да нет, я полагаю, все будет оценено по справедливости. Но нам это обойдется дешевле, чем на аукционе. Я с удовольствием взяла бы что-нибудь на память об основателе семейного благополучия. Будет забавно иметь здесь, у нас, один-два образчика обстановки времен королевы Виктории. Кстати, сейчас такие вещи снова входят в моду. Мне помнится, в гостиной там был зеленый малахитовый стол. Вокруг него можно развернуть интересную цветовую гамму. И еще что-нибудь вроде коллекции колибри[256] под стеклом или восковых цветов… Что-нибудь в этом духе. Это послужит отличным завершающим штрихом. Это всегда сильно действует на людей.

— Полагаю, твоему вкусу можно доверять.

— А ты сам-то поедешь?

— Безусловно. Хотя бы только для того, чтобы убедиться, что игра идет по правилам.

— Рассчитываешь полюбоваться крупным семейным скандалом?

— Розамунд, вероятно, захочет получить твой зеленый столик для какой-нибудь постановки в театре.

Сьюзен почему-то нахмурилась.

— Ты видел ее в последнее время?

— Я не встречался с прекрасной кузиной Розамунд с тех пор, как мы все вместе возвращались с похорон в вагоне третьего класса.

— Я видела ее пару раз, и она… показалась мне немножко странной.

— А что с ней такое? Пробует научиться думать?

— Нет. Кажется, она была чем-то расстроена.

— Расстроена перспективой получить кучу денег и иметь возможность поставить какую-нибудь совершенно идиотскую пьесу, в которой ее Майкл выставит себя на посмешище?

— Ты не прав. Знаешь ли, Майкл совсем неплохой актер. Он умеет увлечь публику или как это у них там говорится. Не то что Розамунд — так прелестна и так бездарна.

— Бедная очаровательная глупышка Розамунд.

— А ведь Розамунд не так уж глупа, как можно подумать. Иногда она высказывается очень даже метко. Или заметит что-нибудь, что, казалось бы, ей и заметить-то не под силу. По временам это… действует на нервы.

— Как тетя Кора…

— Да.

На мгновение оба они ощутили смутное беспокойство, словно вызванное упоминанием этого имени.

Затем Джордж сказал с несколько искусственной беззаботностью:

— Кстати, как насчет этой Кориной компаньонки? Тебе не кажется, что нам следовало бы что-нибудь для нее сделать?

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что семейству было бы не грех чуточку о ней позаботиться. Кора была нашей теткой… и этой ее мисс будет, пожалуй, нелегко подыскать себе другое место.

— Так вот что пришло тебе в голову. Интересно!

— Да, пришло. Люди так дрожат за свою шкуру. Не хочу сказать, что они действительно сочтут мисс Джилкрист способной накинуться на них с топором, но, поверь мне, мыслишка вроде этой будет у них копошиться. Люди ведь так суеверны.

— Как странно, что ты подумал обо всем этом, Джордж!

Ответ Джорджа прозвучал сухо:

— Не забывай, что я юрист. Мне приходится быть свидетелем многих странных поступков. А конкретно я хочу сказать, что, по-моему, мы должны что-то сделать для этой женщины, назначить ей пенсион, чтобы она могла продержаться, или подыскать работу где-нибудь в конторе, если она, конечно, в состоянии с ней справиться.

Я думаю, нам нужно установить с ней контакт.

— Можешь не беспокоиться, — с оттенком язвительности в голосе ответила Сьюзен. — Я это уже устроила. Мисс Джилкрист отправилась к Тимоти и Мод.

Джордж взглянул на собеседницу с изумлением.

— Ты очень уверена в себе, правда, Сьюзен? Знаешь, что делаешь, и никогда не жалеешь о сделанном.

— Такие сожаления пустая трата времени, — легко и

беспечно отозвалась Сьюзен.

Глава 17

Майкл перебросил письмо через стол жене.

— Что скажешь, Розамунд?

— Конечно, мы должны поехать. А ты думаешь, не стоит?

— Пожалуй, что и стоит.

— Вдруг там остались какие-нибудь украшения. Разумеется, большинство вещей в доме — просто уродство: чучела птиц и восковые цветы… брр!

— Да, все там здорово смахивает на мавзолей. Впрочем, мне хотелось бы сделать пару зарисовок в той гостиной — может пригодиться для мизансцены в «Карьере баронета», если мы ее возобновим. Например, камин или диван такой оригинальной формы.

Майкл встал из-за стола и взглянул на часы.

— Пора двигаться. Мне нужно встретиться с Розенхеймом. Не жди меня, я вернусь поздно. У меня обед с Оскаром: надо обсудить, что делать с этим предложением американцев насчет постановки.

— Душка Оскар! Он, верно, рад увидеться с тобой после такого долгого перерыва. Передай ему привет.

Майкл пристально взглянул на жену. Он больше не улыбался, его лицо приняло настороженное, немного хищное выражение.

— Что ты хочешь сказать этим «долгим перерывом»? Можно подумать, будто я не видел его месяцы!

— А ты и не видел, не так ли? — безмятежно проворковала Розамунд.

— Нет, видел. Мы завтракали с ним всего неделю назад.

— Как забавно! Должно быть, он позабыл об этом. Он звонил вчера и сказал, что не виделся с тобой со дня премьеры «Тилли смотрит на Запад».

— Старый идиот просто спятил!

Майкл рассмеялся. Розамунд спокойно смотрела на него широко раскрытыми, ясными голубыми глазами.

— Ты считаешь меня дурой, Мик, правда?

— Конечно нет, дорогая!

— Считаешь, считаешь! Но я не настолько уж глупа. Ты и близко не подходил к Оскару в тот день, и я знаю, где ты был.

— Розамунд, милая, что ты под этим подразумеваешь?

— Я подразумеваю под этим, что мне известно, где ты был на самом деле.

Майкл, на привлекательном лице которого явственно читались смятение и неуверенность, уставился на жену. Она

ответила ему абсолютно невозмутимым взглядом.

«Просто удивительно, — подумал он вдруг, — как совершенно пустой взгляд может довести человека до белого каления».

Майкл попытался говорить с привычным апломбом:

— Послушай, не знаю, куда ты клонишь…

— Я никуда не клоню, а прямо говорку что с твоей стороны глупо без конца врать мне.

— Вот что, Розамунд! — Майкл чуть было не взорвался.

Розамунд же мягко произнесла:

— Мы ведь хотим воспользоваться преимущественным правом и поставить эту пьесу, не так ли?

— Хотим ли мы? Да я о такой роли мечтал всю жизнь!

— Я так и думала.

— Что ты думала?

— Видишь ли, это очень дорогая затея, и не стоит чересчур рисковать…

Он пристально поглядел на нее и задумчиво сказал:

— Я знаю, это твои деньги, и если ты не хочешь рисковать ими…

— Это наши деньги, дорогой, — Розамунд сделала особый упор на слово «наши», — и я считаю это весьма важным обстоятельством.

— А эту роль Эйлин, дорогая, ее ведь можно дописать, и тогда…

Розамунд улыбнулась.

— Не думаю, что мне так уж хочется сыграть эту роль.

— Девочка моя! — Майкл смотрел на жену почти с ужасом. — О чем это ты? И вообще, что с тобой происходит в последнее время? Злишься, нервничаешь…

— Со мной ничего не происходит, но вот ты, Мик, будь поосторожнее.

— Поосторожнее в чем? Я всегда осторожен.

— О нет, ты уверен, что тебе все сойдет с рук и что ты можешь заставить людей верить каждому твоему слову. А между прочим, эта твоя выдумка насчет Оскара была просто бездарна.

Майкл вспыхнул от гнева:

— А сама-то ты лучше, что ли? Сказала, что ходила за покупками с Джанет, а она уже несколько недель как была в Америке.

— Да, — согласилась Розамунд, — это тоже было бездарно. На самом деле я просто ходила гулять… в Риджент-парк[257].

Майкл посмотрел на нее с любопытством.

— В Риджент-парк? На прогулку? Чего ради? Ты в жизни

этого не делала. У тебя что, дружок завелся? Что ни говори, Розамунд, а ты изменилась. В чем же все-таки дело?

— Я просто думаю о разных вещах… думаю, что делать.

Майкл обогнул стол и бросился к ней в порыве, который, как ему казалось, наверняка должен был польстить ей. В его голосе прозвучала вполне искренняя страсть, когда он воскликнул:

— Родная, ты же знаешь, что я тебя безумно люблю!

Розамунд ответила на объятие с должным пылом, но стоило им разомкнуть руки, как Майкл вновь был поражен странно расчетливым взглядом ее прекрасных глаз.

— Что бы я ни натворил, ты ведь простишь меня, правда? — спросил он.

— Думаю, да, — как-то рассеянно ответила Розамунд. — Дело не в этом. Но нужно хорошенько подумать и все спланировать.

— Подумать над чем? Спланировать что?

— Бывает, человек что-то сделает, — ответила Розамунд, нахмурясь, — а потом видит, что это только начало и что теперь ему надо обдумать, каким будет следующий шаг и что на самом деле важно, а что нет.

Она сидела с отсутствующим видом, глядя на что-то, к чему Майкл, по-видимому, не имел никакого отношения. Он трижды окликнул ее по имени, и только тогда она слегка вздрогнула и вышла из транса.

— Ты что-то сказал?

— Я спросил, о чем ты думаешь?

— Я думала, не съездить ли мне, что ли, в Литчетт — повидаться с тетиной экономкой, компаньонкой… или кем она там была.

— Но зачем?

— А то она еще уедет куда-нибудь, может, к родственникам. Мне кажется, мы должны ее расспросить.

— О чем?

— О том, кто убил тетю Кору.

Майкл смотрел на нее в изумлении.

— Ты думаешь, она знает?

— Ну разумеется. Она ведь жила там, — с отсутствующим видом ответила Розамунд.

— Но она сказала в полиции…

— О, я не говорю, что она знает что-то определенное. Просто догадывается и, должно быть, не так далека от истины — видимо, ей что-то сказал дядя Ричард, когда приезжал туда. Он же был там, мне Сьюзен рассказала.

— Но ведь она могла и не слышать того, что он сказал.

— Конечно она слышала, дорогой. — Розамунд говорила с ним словно с несмышленым ребенком.

— Ерунда! Я просто не могу представить себе, чтобы Ричард Эбернети обсуждал свои подозрения касательно собственной семьи в присутствии посторонних.

— Он этого, несомненно, не делал, но она наверняка подслушивала под дверью.

— Ты хочешь сказать, шпионила?

— Думаю, да. Я даже уверена в этом. Там же скука жуткая, в этой глуши, где никогда ничего не происходит. И разговаривать им было не о чем, разве только о том, что нужно вымыть посуду, выпустить погулять кота и все такое прочее. Естественно, она подслушивала под дверьми и читала чужие письма, да на ее месте каждый бы так делал.

Майкл посмотрел на нее в некотором отупении.

— И ты тоже? — почти грубо спросил он.

— Я никогда не отправилась бы компаньонкой в деревню, — содрогнулась Розамунд. — Лучше бы умерла.

— Я имею в виду, ты бы тоже читала чужие письма и шпионила?

— Если бы я хотела что-нибудь узнать, то, конечно, да. — Молодая женщина говорила абсолютно спокойно. — Просто узнать, и больше ничего. Это же так понятно. Поэтому я и уверена, что эта, как ее, мисс Джилкрист чувствовала то же самое. Я уверена, что она знает.

Майкл спросил сдавленным голосом:

— Розамунд, кто, по-твоему, убил Кору? И старика Ричарда?

И снова в ответ этот пустой небесно-голубой взгляд:

— Милый… не будь глупышом. Ты это знаешь не хуже меня. Но гораздо разумнее помалкивать. Так что давай лучше не будем на эту тему.

Глава 18

Со своего места у камина в библиотеке Эркюль Пуаро наблюдал за собравшимися. Его взгляд задумчиво переходил с одного на другого. Вот Сьюзен. Она сидит выпрямившись, буквально излучая энергию и жизнерадостность. Рядом с ней ее муж с отрешенным выражением лица вертит в пальцах обрывок шпагата. Дальше Джордж Кроссфилд, беззаботный и самодовольный, рассказывает Розамунд о компании пароходных шулеров, встреченной им во время атлантического круиза. А Розамунд время от времени механически повторяет абсолютно незаинтересованным голосом: «Это безумно интересно, дорогой!» и «Ну и что дальше?». Майкл с видом томного и пресыщенного красавца. Элен, корректная, сдержанная, с несколько холодноватыми манерами. Тимоти уютно устроился в самом удобном кресле, с лишней подушкой, подложенной под спину. Мод, массивная, крепко сбитая, устремила обожающий взгляд на мужа, готовая в любой момент оказать ему какую-нибудь услугу. И наконец, чуть поодаль этого чисто семейного круга, мисс Джилкрист, с видом несколько виноватым, в своей безвкусной блузке. Пуаро подумал, что в надлежащий момент она встанет, пробормочет какое-нибудь извинение, выйдет и отправится в свою комнату. Ему пришло в голову, что мисс Джилкрист хорошо знает свое место и что сия премудрость досталась ей недешево. Полузакрыв глаза, Пуаро потягивал свой послеобеденный кофе и давал мысленную оценку присутствующим. Он хотел собрать их здесь всех вместе и добился своего. И что же ему теперь с ними делать? С ощущением внезапного усталого неудовольствия он вдруг почувствовал, что ему, пожалуй, хочется бросить это дело. Интересно, откуда это чувство? Быть может, под влиянием пассивного, но сильного сопротивления Элен Эбернети? Он знал, что при всей своей внешней любезности и сдержанности в глубине души она была против извлечения на свет Божий подробностей смерти Ричарда Эбернети. Не она ли заразила его своим настроением? Она хотела забыть о прошлом, и это казалось Пуаро даже естественным. Что его удивляло, так это его собственная готовность согласиться с ней.

Он понимал, что отчет мистера Энтуисла о членах этой семьи заслуживал всяческого восхищения. Характеристики, данные им этим людям, были вдумчивыми и исчерпывающими. Однако, руководствуясь знаниями и оценками старого юриста, Пуаро захотел лично увидеть всех этих людей. Он надеялся, что при тесном общении с ними его осенит какая-то светлая идея — не о

том, как и когда (этими вопросами он не собирался заниматься, убедившись, что убийство действительно было вероятно), а о том, кто именно. За плечами у Эркюля Пуаро был опыт всей его жизни. Он считал себя способным сразу распознать этот тип преступника-любителя, готового ради собственных интересов стать убийцей. Так знаток картин в состоянии с первого взгляда назвать имя художника.

Но в данном случае дело обстояло не так просто. Беда в том, что у Пуаро были основания представить себе в роли возможного, пусть не очень вероятного, убийцы почти каждого из этих людей. Джордж мог убить, как убивает крыса, загнанная в угол. Сьюзен — спокойно, деловито, по заранее разработанному плану. Грегори — потому, что в нем есть этот странный душевный сдвиг, толкающий людей на преступление и заставляющий их хотеть, даже жаждать возмездия ради сладости последующего раскаяния. Майкл — из-за честолюбия и свойственной многим потенциальным убийцам тщеславной самоуверенности. Розамунд — по внезапному побуждению неразвитого, судя по ее простодушному виду, ума. Тимоти — потому, что ненавидел брата, завидовал ему и жаждал завладеть его деньгами, сулившими власть и влияние. Мод — ради Тимоти, которого она, в сущности, воспринимает как своего ребенка и готова для него быть жестокой и беспощадной. Даже мисс Джилкрист, думал Пуаро, не испугала бы мысль об убийстве, помоги это возродить ее «Ивушку» в былом великолепии.

А Элен? Нет, он не мог себе представить Элен совершающей убийство, она слишком утонченна, слишком далека от всего, что связано с насилием. Пуаро вздохнул. Видимо, короткого пути здесь не будет. Придется воспользоваться другим, довольно надежным способом, хотя он и требует больше времени. Разговоры, как можно больше разговоров — вот где в конечном итоге люди выдают себя, говорят ли они правду или лгут, все равно…

Элен представила его собравшимся, и он всячески постарался преодолеть почти всеобщее раздражение, вызванное присутствием постороннего, да к тому же иностранца, на сугубо семейной встрече. Он пустил в ход свои глаза и уши. Наблюдал и прислушивался, и у всех на виду, и что называется «под дверьми» — скрываясь от глаз! Брал на заметку взаимные симпатии и антипатии, запоминал неосторожные слова, которые нет-нет да и отпускались при дележе имущества. Ловко устраивал встречи наедине, прогулки по террасе, наблюдая и делая выводы. Он беседовал с мисс Джилкрист о секретах кулинарного искусства, о рецептах бриошей и шоколадных эклеров, о славном прошлом ее

уютной чайной, сопровождал ее в огород и обсуждал с нею, сколько пряностей необходимо положить в то или иное блюдо. Не жалея времени, выслушивал разглагольствования Тимоти о драгоценном его здоровье и о губительном воздействии запаха краски на таковое.

«Краски? — Пуаро нахмурился. — Кто-то уже говорил что-то о краске… Мистер Энтуисл?»

Не было недостатка и в разговорах о живописи. Пьер Ланскене как художник. Картины Коры Ланскене — предмет восхищения мисс Джилкрист и насмешек Сьюзен. «Точь-в-точь почтовые открытки, — говорила эта молодая особа. — Да она и срисовывала их с открыток».

Услышав это, мисс Джилкрист совсем расстроилась и с некоторой даже запальчивостью заявила, что ее милая покойная хозяйка рисовала исключительно с натуры.

— Да нет же, старушенция плутовала, — сказала Сьюзен Пуаро, когда мисс Джилкрист вышла из комнаты. — Я в этом уверена, просто не хочу огорчать этот божий одуванчик.

— Но почему вы так в этом уверены?

Пуаро любовался решительной и четкой линией подбородка Сьюзен. «Она всегда будет уверена в себе, — думал он, — и, быть может, наступит день, когда эта уверенность сыграет с ней злую шутку…»

А Сьюзен тем временем продолжала:

— Я вам расскажу, только не говорите Джилкрист, ладно? У тетки там есть изображение Польфлексана: гавань, причал, маяк — одним словом, обычная дилетантская мазня. Но причал был взорван в войну, а так как тетушка сотворила свой шедевр года два назад, значит, это не могло быть срисовано с натуры, верно? Но на старых открытках причал, разумеется, на месте. Я нашла одну такую открытку в ящике стола в Кориной спальне. Она, должно быть, сделала когда-то эскиз с натуры, а потом дома тайком довела картину до конца, воспользовавшись открыткой. Вот на таких мелочах можно иногда поймать человека. Это даже забавно.

— Совершенно верно, это забавно. — Пуаро помолчал и вдруг произнес, сочтя случай благоприятным: — Вы не помните меня, мадам, но я помню вас. Мы ведь встречаемся не впервые.

Сьюзен с удивлением смотрела на него. Пуаро самодовольно кивнул головой.

— Да, да. Я сидел, весь закутавшись, в автомобиле и оттуда видел вас. Вы разговаривали с механиком в гараже и, меня, естественно, не заметили. Замотанный шарфами пожилой иностранец. Но я, я заметил вас, потому что вы молоды, хороши

собой и стояли на ярком солнечном свету. Так что, приехав сюда, я сказал себе: «Какое совпадение!»

— В гараже? Где и когда это было?

— О, недавно, что-то около недели назад. А вот где, я уже не помню, — солгал Пуаро, прекрасно помнивший все обстоятельства встречи у «Королевского герба». — Мне приходится столько разъезжать!

— В поисках дома для ваших беженцев?

— Вот именно. Ведь так трудно найти подходящий дом. Приходится учитывать столь многое… Цену, и кто по соседству, и вероятность основательных переделок.

— Вам придется здесь много перестраивать? Делать эти безобразные перегородки?

— В спальнях — безусловно. Но большинство комнат внизу мы не тронем. А вас, мадам, не огорчит, если этот старый семейный особняк перейдет в чужие руки?

Вопрос этот, казалось, лишь позабавил Сьюзен.

— Конечно нет! Разве тут можно жить? К тому же это не мой отчий кров, если вы это имеете в виду. Мои родители жили в Лондоне, а сюда мы лишь приезжали изредка на Рождество. По правде говоря, мне эта махина всегда казалась прямо-таки непристойным храмом в честь богатства.

— Да, я знаю, сейчас другие алтари — с встроенной мебелью, скрытым освещением… дорогая простота… У богатства еще множество храмов… Надеюсь, я не покажусь слишком навязчивым, если спрошу вас: вы ведь и сами задумали сооружение подобного храма?

Сьюзен рассмеялась.

— Ну какой же это храм? Просто деловое предприятие…

— Название дела не меняет. Ведь это будет стоить больших денег, верно?

— Все сейчас просто безумно дорого, но, по-моему, стоит пойти на эти затраты.

— Расскажите мне что-нибудь о ваших планах, если это, конечно, не секрет. Вы необычайно практичны для столь молодой и очаровательной женщины. В дни моей молодости — увы, это было так давно — красавицы думали только о своих удовольствиях, о косметике, о туалетах.

— Ну, о косметике-то они думают и сейчас. На нее я и делаю ставку.

— Так расскажите же мне.

Она рассказала. С массой подробностей, которые, хотя сама она этого и не сознавала, во многом раскрывали ее характер. Собеседник оценил деловую хватку и смелость замыслов молодой

леди. Наблюдая за ней, он сказал:

— Вам, мадам, успех наверняка обеспечен. Как удачно, что, в отличие от многих, вам не приходится думать о деньгах. Без капитала в наши дни далеко не уедешь. Вынашивать такие блестящие планы и не иметь возможности осуществить их из-за нехватки средств — это было бы нестерпимо!

— Я бы этого просто не пережила! Нет, так или иначе я нашла бы деньги, уговорила бы кого-нибудь поддержать меня.

— Ну конечно, ваш богатый дядюшка, безусловно, пришел бы вам на помощь!

— Только не дядя Ричард! Он держался каких-то допотопных взглядов, когда дело касалось женщин. Вот если бы я была мужчиной… По правде говоря, он меня здорово разозлил. — Ее лицо вспыхнуло гневным румянцем при одном воспоминании. — Старики не должны стоять на пути у молодых… о, прошу прощения…

Эркюль Пуаро благодушно рассмеялся и подкрутил усы.

— Я стар, да. Но я не стою на дороге у молодых. Ни у кого нет причин с нетерпением дожидаться моей смерти.

— Что за мысль!

— Но вы же реалистка, мадам. Давайте взглянем фактам в лицо: мир полон молодых — или даже не очень молодых — людей, которые терпеливо или с нетерпением ждут кончины кого-то, чья смерть принесет им если не богатство, то шанс.

— Шанс! — повторила Сьюзен с глубоким вздохом. — Вот что нужно человеку!

Пуаро, взглянув через ее плечо, весело сказал:

— Ваш супруг собирается присоединиться к нашей беседе… Мы говорили о шансах, мистер Бэнкс. Шанс, золотой шанс, который надо хватать обеими руками, пока он не ускользнул, хватать, не думая ни о чем. А каково ваше мнение на этот счет?

Однако ему не суждено было узнать мнение Грегори Бэнкса по поводу золотого шанса или чего бы то ни было еще. Была в этом молодом человеке какая-то странная уклончивость. То ли по собственному желанию, то ли по желанию своей жены, но он не проявлял ни малейшей охоты к беседам с глазу на глаз, да и к общим беседам тоже. Разговора с ним никак не получалось.

Зато Пуаро всласть побеседовал с Мод Эбернети. В частности, о том, как хорошо, что Тимоти смог поехать в Эндерби, и о том, как любезно было со стороны Элен пригласить и мисс Джилкрист, которая и здесь оказалась совершенно незаменимой. Ведь Тимоти часто хандрит, а от чужой прислуги нельзя требовать слишком многого. К счастью, здесь рядом с кладовой есть комнатка с газовой горелкой, где мисс Джилкрист может в любой момент

подогреть овалтин[258] и прочие при надобности лекарства, никого при этом не беспокоя. Кроме того, ее всегда можно послать за какой-нибудь вещью, и она не считает за труд по десять раз на дню подняться и спуститься по лестнице. Поистине им просто неслыханно повезло, что мисс Джилкрист так перепугалась и не захотела оставаться одна в их доме, хотя, честно говоря, поначалу это ужасно раздосадовало ее, Мод.

— Перепугалась? — оживился Пуаро.

Мод подробно рассказала ему о необъяснимом приступе паники у мисс Джилкрист.

— Итак, вы говорите, что она испугалась, и сама не знает почему. Это интересно, очень интересно.

— Я решила, что это у нее затянувшийся шок.

— Ну что же, возможно, так оно и было.

— Однажды в войну бомба упала примерно в миле от нашего дома, и я помню, Тимоти тогда…

Но до Тимоти Пуаро уже не было дела.

— А скажите, в тот день в доме не произошло ничего необычного?

— В какой день? — непонимающе взглянула на него Мод.

— В день, когда у мисс Джилкрист случился этот приступ паники.

— Ах, тогда… Нет. Похоже, это начало находить на нее с тех пор, как она уехала из Литчетт Сент-Мэри. До этого, по ее словам, она абсолютно ничего не боялась.

«Тут, — размышлял про себя Пуаро, — сыграл свою роль отравленный пирог. Неудивительно, что мисс Джилкрист с тех пор начала бояться, и даже когда она оказалась в Стэнсфилд-Грендже, в спокойной сельской обстановке, ее страх не только не рассеялся, но еще и возрос. Почему? Ведь потакать капризам мнительного Тимоти дело настолько изматывающее, что всякие беспочвенные страхи должны были бы уступить место раздражению. Тем не менее было в том доме что-то, что пугало мисс Джилкрист. Что? Знала ли она это сама?»

Оказавшись как-то наедине с мисс Джилкрист незадолго до обеда, Пуаро смело взял быка за рога, продемонстрировав свойственное иностранцам непомерное любопытство.

— Вы, конечно, понимаете, что я не могу говорить с членами семьи о такой вещи, как убийство. Но скажу честно: я заинтригован. Да и кто не был бы заинтригован, окажись он на моем месте? Зверское преступление — художница, человек тонкой душевной организации, подверглась нападению в своем собственном уединенном коттедже. Ужасно для ее семейства, полагаю, ужасно и для вас. Ведь миссис Тимоти Эбернети

намекнула мне, что вы как раз в то время были там.

— Да, была. Но, простите, мосье Понталье, мне не хотелось бы говорить на эту тему.

— Я понимаю вас, понимаю.

Сказав это, Пуаро сделал выжидательную паузу, и, как он и предполагал, мисс Джилкрист немедленно заговорила «на эту тему».

Он не услышал от нее ничего нового, но превосходно играл роль внимательного слушателя, издавая по временам легкие возгласы понимания и сочувствия, проявляя жадный интерес, который не мог не льстить собеседнице Только когда мисс Джилкрист со всеми подробностями рассказала ему, что пережила она сама, что сказал врач и как любезен был мистер Энтуисл, Пуаро осторожно перешел к следующему пункту.

— Вы поступили очень умно, не захотев остаться одна в том коттедже.

— Я не могла этого сделать, мосье Понталье, я просто не могла.

— Из слов миссис Тимоти Эбернети я понял, что вы не согласились остаться одна даже в доме мистера Эбернети.

Вид у достойной мисс сделался смущенный и даже несколько виноватый:

— Мне так стыдно за эту сцену. Не могу понять, почему вдруг я впала в такую панику.

— Ну-ну, вы прекрасно знаете почему. Ведь вы только что оправились после гнусной попытки отравить вас, насколько мне известно.

Мисс Джилкрист снова вздохнула и сказала, что она просто не понимает, зачем кому-то нужно было попытаться отравить ее.

— Ну, моя дорогая леди, затем, что этот преступник, этот убийца, думал, будто вы знаете что-то, что со временем может повлечь за собой его разоблачение.

— Но что я могла знать? Какой-нибудь бродяга или полусумасшедший…

— Думаете, бродяга. Мне это кажется мало вероятным.

— О, прошу вас, мосье Понталье! — Мисс Джилкрист, казалось, была готова заплакать. — Не намекайте на это. Я не хочу этому верить.

— Чему именно?

— Не хочу верить, что это не был… то есть я имею в виду, что это был… — Совсем запутавшись, она беспомощно замолчала.

— Ага, — сказал Пуаро, внимательно глядя на нее. — Значит, вы все-таки верите?

— Нет, не верю!

— Верите, верите. Поэтому и боитесь… Вы ведь все еще боитесь, не правда ли?

— Нет, после того, как я приехала сюда. Так много людей. И такая уютная семейная обстановка.

— Мне кажется… простите мне мое любопытство, у меня есть стариковская слабость размышлять над тем, что меня заинтересовало. Так вот, мне кажется, в Стэнефилд-Грендже, в доме мистера Тимоти Эбернети, произошло какое-то конкретное незначительное событие, подстегнувшее, так сказать, ваши подсознательные опасения. Врачи сейчас признают большую роль подсознания. Скажем, какой-то пустяк, какое-то мелкое происшествие, какое-то постороннее обстоятельство могло послужить чем-то вроде катализатора, направившего ваши мысли по определенному пути.

Мисс Джилкрист с радостью ухватилась за эту подсказку.

— Полагаю, вы совершенно правы, — сказала она.

— Не припомните ли, что это могло быть?

На какое-то время мисс Джилкрист задумалась, потом вдруг сказала:

— Знаете, мосье Понталье, я думаю, это была монахиня.

Прежде чем Пуаро успел переварить это неожиданное сообщение, в комнату вошли Сьюзен с мужем и сразу после них Элен.

«Монахиня, — размышлял Пуаро. — Где же это я, черт побери, слышал что-то о монахине в связи с этим делом?»

И он решил как-нибудь незаметно навести вечером разговор на тему о монахинях.

Глава 19

Вся семья была любезна с мосье Понталье, представителем ЮНАРКО. Пуаро не уставал поздравлять себя с удачной мыслью прикрыться этой аббревиатурой. Все признали ЮНАРКО как нечто само собой разумеющееся и даже делали вид, что всё знают об этой организации. Ведь люди терпеть не могут признавать собственное невежество! Исключением была Розамунд, рассеянно вопросившая: «А что это? Я об этом никогда не слышала». К счастью, рядом в тот момент никого не было, и Пуаро пустился в такие объяснения, что всякий, кроме Розамунд, сгорел бы от стыда за то, что не знает о существовании столь всемирно известной организации. Розамунд же лишь равнодушно обронила: «А, опять эти беженцы. Как они мне надоели». Тем самым она выразила общее, но молчаливое мнение многих, которые слишком закоснели в своих привычках, чтобы высказываться так откровенно.

Итак, с присутствием мосье Понталье примирились, хотя и без восторга. Его сочли как бы предметом обстановки, привезенным из-за границы. Конечно, лучше бы Элен не приглашать его именно на эти выходные, но если уж он здесь… К тому же этот иностранец, по-видимому, не силен в английском и многого в разговоре просто не понимает, особенно если собеседников несколько и все говорят сразу. Он, похоже, интересовался только беженцами и условиями послевоенной жизни. Лексикон его ограничивался исключительно словами, связанными с этими темами. Легкая же непринужденная болтовня приводила его в полное замешательство.

Более или менее забытый всеми, Пуаро уютно устроился в кресле и, потягивая кофе, наблюдал за собравшимися. Наблюдал как кот, готовящийся к стремительному прыжку, наблюдает за стайкой воробьев, беззаботно перепархивающих с места на место. Кот еще не был готов к прыжку.

Походив сутки по дому и ознакомившись с его содержимым, наследники Ричарда Эбернети приготовились изложить свои желания и, если понадобится, зубами и когтями выдрать добычу.

Первые залпы прогремели из-за десертного сервиза споудовского фарфора[259]. С тарелок из этого сервиза семейство только что откушало десерт.

— Вряд ли мне осталось долго жить, — произнес Тимоти слабым меланхоличным голосом. — Детей у нас с Мод нет, так что не стоит обременять себя на остаток дней бесполезными пожитками. Но на память о далеких милых днях я хотел бы

получить этот сервиз. Разумеется, он не моден, и вообще такие сервизы сейчас не в цене, но… Так вот, я вполне удовольствуюсь им и, пожалуй, булевским мебельным гарнитуром из белого будуара…

— Опоздали, дядя, — перебил его Джордж с веселой ухмылкой. — Сегодня утром я просил Элен оставить сервиз за мной.

Тимоти побагровел.

— Оставить за тобой? Что это ты имеешь в виду? Ничего еще не решено. И на кой дьявол тебе сервиз? Ты ведь не женат!

— Я коллекционирую споудовский фарфор, представьте себе, а это как раз превосходный образчик. Но у меня нет никаких возражений против гарнитура. Я его и даром бы не взял.

Тимоти махнул рукой, оборвав разговор о гарнитуре.

— Не нахальничай, молодой человек! Я постарше тебя, и, кроме того, я единственный оставшийся в живых брат Ричарда. Этот сервиз мой, понятно!

— Почему бы вам не взять сервиз из дрезденского фарфора[260], дядя? Тоже превосходная вещь и, безусловно, столь же дорогая вам по воспоминаниям. Как бы то ни было, споудовский сервиз мой. Первым пришел — первым получил, знаете ли.

— Ничего, ничего подобного, — брызгал слюной Тимоти.

Мод строго проговорила:

— Пожалуйста, не расстраивай дядю, Джордж. Ему это вредно. Разумеется, он получит споуд, если ему так хочется. Право первого выбора принадлежит *ему*, а вам всем придется подождать. В конце концов, он брат Ричарда, а ты всего-навсего племянник!

— И вот что я скажу тебе, молодой человек, — Тимоти кипел от возмущения, — будь все сделано как подобает, этот дом со всем, что в нем есть, был бы моим. Если бы не это смехотворное завещание… А теперь я могу предположить только постороннее влияние. Да, да, повторяю — постороннее влияние. — Тимоти глядел на племянника с откровенной злобой. — Смехотворное завещание, — пропыхтел он, — просто смехотворное!

Он откинулся назад, приложил руку к сердцу и простонал:

— Мне плохо… Нельзя ли… немного бренди?

Мисс Джилкрист выбежала из комнаты и тут же вернулась с небольшим стаканчиком этого благодетельного средства в руках.

— Вот, мистер Эбернети. Прошу вас, пожалуйста, не волнуйтесь так. Не лучше ли вам лечь в постель?

— Не будьте дурой, — рявкнул Тимоти, одним духом проглотив бренди. — Лечь в постель? Я намерен защищать свои

интересы.

— Ты просто удивляешь меня, Джордж, — снова вмешалась Мод. — Твой дядя совершенно прав. Если он хочет получить споудовский сервиз…

— Тем более что это такое уродство, — вступила в разговор Сьюзен.

— А ты попридержи язык! — коротко распорядился Тимоти.

Худой молодой человек, сидевший рядом со Сьюзен, внезапно поднял голову. Голосом чуть более визгливым, чем обычно, он возразил:

— Не смейте так разговаривать с моей женой!

Сьюзен быстро произнесла:

— Все в порядке, Грег. Я не обиделась.

— Зато я обиделся.

Спокойно, как всегда, заговорила Элен:

— С твоей стороны, Джордж, будет очень мило, если ты уступишь дяде этот сервиз.

— Что значит «уступить»! — Брызгая слюной, Тимоти по-прежнему задыхался от возмущения.

Но Джордж отвесил Элен легкий поклон:

— Ваше желание — закон, тетя Элен. Я снимаю свою заявку.

— Действительно, Джордж, ведь сервиз тебе не нужен, — сказала Элен.

— Беда с вами, тетя Элен, в том, что вы слишком проницательны. Вы видите гораздо больше, чем должны были бы. Успокойтесь, дядюшка, чашки-плошки ваши. Я просто пошутил.

— Он пошутил, скажите на милость! — взорвалась Мод. — У дяди мог быть сердечный приступ!

— Полно, полно, — веселился Джордж. — Дядюшка, вероятно, переживет нас всех. Знаете, битая посуда…

Тимоти пронзил его яростным взглядом.

— Я не удивляюсь, — прорычал он, — что Ричард разочаровался в тебе.

— Что такое? — Все добродушие Джорджа словно рукой сняло.

— Ты ведь заявился сюда сразу после смерти Мортимера, надеясь, что Ричард сделает единственным наследником тебя, верно? Но мой бедный брат быстро тебя раскусил. Он знал, куда уплывут денежки, если попадут в твои руки. Удивляюсь, что он вообще тебе что-то оставил. Лошади, игра, Монте-Карло[261], иностранные казино, а может, и что-нибудь похуже! Ричард подозревал, что от тебя всего можно ожидать!

Крылья носа у Джорджа побелели, но он сказал довольно сдержанно:

— Поосторожнее в выражениях, дядя.

— Я плохо себя чувствовал, и не смог приехать на похороны, — медленно продолжал Тимоти, — но со слов Мод я знаю, что сказала Кора. Кора всегда была дурой, но если в ее словах что-то есть, я знаю, кого подозревать…

— Тимоти! — Мод встала, спокойная и несокрушимая, как скала. — У тебя был трудный вечер. Подумай о своем здоровье! Я не могу допустить, чтобы ты снова заболел. Ты сейчас же пойдешь со мной, примешь успокоительное и ляжешь в постель. Элен, мы возьмем споудовский сервиз и мебельный гарнитур. Надеюсь, возражений не будет?

Ее взгляд обежал собравшихся. Все молчали, и она решительным твердым шагом вышла из комнаты, поддерживая под локоть своего мужа и отстранив мисс Джилкрист, нерешительно топтавшуюся на пороге.

— Изумительная женщина! — прервал затянувшееся молчание Джордж. — Одно слово, изумительная! Я бы поостерегся мешать ее триумфальному шествию.

Мисс Джилкрист снова неловко села и пробормотала:

— Миссис Эбернети всегда так добра.

Ее слова упали в пустоту.

Майкл Шейн внезапно рассмеялся:

— Знаете, я просто наслаждаюсь всем этим. Это ведь ожившая сцена из «Наследства Войси»![262] Кстати, мы с Розамунд хотели бы получить малахитовый стол из гостиной.

— Ну уж нет! — воскликнула Сьюзен. — Его хочу взять я.

— О Боже, все начинается снова! — Джордж в комическом ужасе поднял глаза к потолку.

— У нас нет необходимости ссориться из-за этого, — сказала Сьюзен. — Дело в том, что стол мне нужен для салона красоты, который я намереваюсь открыть. Именно такое цветовое пятно

там необходимо. Я поставлю на него большой букет восковых цветов. Все вместе будет изумительно смотреться. Восковые цветы найти довольно просто, а вот с малахитовым столом будет посложнее.

— Но, дорогая, — воскликнула Розамунд, — мы ведь хотим взять стол как раз для нашей новой постановки. Как ты правильно сказала, это будет необходимая цветовая гамма, а к этому — или восковые цветы, или коллекция чучел колибри. Это будет так стильно!

— Понимаю, — кивнула Сьюзен, — но не думаю, что твои доводы весомее моих. Ты можешь взять для сцены любой раскрашенный под малахит стол из реквизита, а для моего салона нужна подлинная вещь.

— Вот что, леди, — вмешался Джордж. — Почему бы не решить это дело по-спортивному? Скажем, бросить монетку или разыграть в карты? К тому же это будет весьма стильно, вполне в духе времени изготовления этого стола.

Лицо Сьюзен озарилось очаровательной улыбкой, она казалась, как всегда, уверенной в себе.

— Мы с Розамунд поговорим об этом завтра.

Джордж с интересом переводил взгляд с ее лица на лицо Розамунд, на котором было рассеянное, почти отрешенное выражение.

— А на кого вы поставите, тетя Элен? — спросил Джордж. — Я бы сказал, шансы почти равны. На стороне Сьюзен — решительность, а Розамунд так поразительно целеустремленна.

— А может быть, отказаться от колибри? — пробормотала Розамунд. — Одну из этих больших китайских ваз можно переделать в прелестную лампу с золотистым абажуром…

Мисс Джилкрист поспешила внести свою лепту в установление мира:

— В этом доме столько прекрасных вещей, Зеленый стол просто прелесть. Я такого никогда не видела. Он, должно быть, дорого стоит.

— Его стоимость, конечно, будет вычтена из моей доли наследства, — сухо откликнулась Сьюзен.

— О, простите, я не хотела сказать… — Мисс Джилкрист не знала куда деваться от смущения.

— Стоимость стола можно вычесть из нашей доли, — вставил Майкл. — Даже добавив для ровного счета восковые цветы.

— Они так чудно выглядят на этом столе, — механически обронила мисс Джилкрист. — Так к месту, так художественно.

Но никто не обращал внимания на продиктованные самыми благими побуждениями банальности мисс Джилкрист.

Высоким нервным голосом вновь заговорил Грег:

— Сьюзен нужен этот стол!

Наступило мгновенное замешательство, словно слова Грега перевели разговор в другую тональность.

Элен быстро спросила:

— А ты, Джордж, что хочешь получить в действительности?

Джордж широко ухмыльнулся, и напряжение явно спало.

— Я просто хотел подразнить старика Тимоти, — сказал он. — Совершенно невозможная личность! И, заметьте, своими патологическими штучками он всегда умеет поставить на своем.

— Будьте снисходительны к больному человеку, — воззвала мисс Джилкрист.

— Он просто хам и старая брюзга, — возразил Джордж.

— Разумеется, — согласилась Сьюзен. — Лично я считаю, что он здоров, как ломовая лошадь. А ты как думаешь Розамунд?

— Что?

— Я говорю, что у дяди Тимоти со здоровьем все в полном порядке.

— Думаю, что да. — Тон у Розамунд был рассеянным. — Прошу прощения, я размышляла о том, какое освещение лучше подойдет к этому столу.

— Видите? — спросит Джордж. — Человек одной идеи! Твоя жена, Майкл, опасная женщина. Надеюсь, ты понимаешь это?

— Я понимаю, — хмуро отозвался Майкл.

Джордж, которого все это забавляло, продолжил:

— Итак, Великая Битва За Стол! Она разыграется завтра. Противники будут сражаться корректно, но с мрачной решимостью. Нам всем нужно выбрать себе фаворита. Лично я выбираю Розамунд, которая кажется — но только кажется — такой милой и уступчивой. Мужья, надо полагать, поддержат своих жен. А вы, мисс Джилкрист, очевидно, будете на стороне Сьюзен?

— О, мистер Кроссфилд, я бы никогда не осмелилась…

— Тетя Элен? — вопросил Джордж, не обращая внимания на слова мисс Джилкрист. — А вы за кого? О, я совсем забыл мосье Понталье!

— Pardon? — Пуаро, казалось, ничего не понимал.

Джордж начал было объяснять, но передумал. «Бедный старикан ровно ничего не понял из того, что здесь говорилось», — решил он и ограничился краткой репликой.

— Просто семейная шутка.

— Да-да, я понял, — сказал Пуаро.

— Итак, тетя Элен, ваше решающее слово. На чьей вы стороне?

— Быть может, Джордж, я хочу заполучить этот стол сама, — с улыбкой ответила Элен.

Она умышленно изменила тему разговора, обратившись к иностранцу:

— Вам, наверное, все это кажется очень скучным, мосье Понталье?

— Нет, нет, мадам, напротив, я чувствую себя польщенным тем, что мне было дозволено, если можно так выразиться, прикоснуться к жизни английской семьи. — Он поклонился. — К несчастью, я не могу точно выразить смысл моих слов, но я хотел бы высказать сожаление по поводу того, что этот дом должен будет перейти из ваших рук к посторонним людям. Это, несомненно, весьма прискорбно.

— Да нет же, мы вовсе не жалеем об этом, — заверила его Сьюзен.

— Вы очень любезны, мадам. Позвольте сказать, что моим исстрадавшимся подопечным здесь будет просто великолепно. Такой покой, такая тишина! Прошу вас вспомнить об этом, если недобрые чувства когда-нибудь войдут в вашу душу. А это может случиться. Впрочем, я слышал, что на дом были и другие претенденты. Какая-то школа… Ну не совсем школа, а заведение, которым руководят монахини. Быть может, семья предпочла бы продать дом им?

— Вовсе нет, — равнодушно отозвался Джордж.

— Орден Святого сердца Девы Марии, — продолжал Пуаро. — К счастью, благодаря доброте неизвестного благодетеля мы смогли предложить более высокую цену. — Теперь он прямо обратился к мисс Джилкрист: — Вы, кажется, не любите монахинь?

Мисс Джилкрист вспыхнула и, по-видимому, была смущена.

— О, право же, мосье Понталье, вы не должны… То есть я хочу сказать, что лично ничего против них не имею. Но мне всегда казалось, что ни к чему вот так удаляться от мира. Есть в этом что-то эгоистичное. Конечно, я не имею в виду тех, кто учит детей и помогает бедным. Хотя, я уверена, эти женщины бескорыстны и делают много добра.

— Я просто и представить себе не могу, чтобы меня угораздило стать монахиней, — сказала Сьюзен.

А Розамунд добавила:

— Монахини могут быть очень декоративными. Помните, когда в прошлом году возобновили постановку «Чуда» с Сони Уэлс, она была просто шикарна в костюме монахини.

— Меня удивляет, — вставил Джордж, — это их стремление одеваться в какие-то средневековые балахоны. Неужели они

считают, что Богу приятнее смотреть на них, если они таскают на себе эти неуклюжие антисанитарные и непрактичные одеяния?

— К тому же в них все они так похожи друг на друга, — подхватила мисс Джилкрист. — Глупо, конечно, но я прямо обомлела, когда к двери миссис Эбернети в Йоркшире подошла монахиня, собиравшая пожертвования. Хотите — верьте, хотите — нет, но мне показалось, будто это та же самая, что приходила в наш коттедж в день дознания по поводу смерти бедной миссис Ланскене. У меня, знаете ли, возникло тогда ощущение, словно она меня преследует.

— Я думал, что монахини всегда ходят за пожертвованиями парами, — сказал Джордж. — Есть даже один детективный роман, где на этом построен весь сюжет.

— На этот раз она была одна, — продолжила мисс Джилкрист. — Наверное, им тоже приходится экономить.

Но это никак не могла быть одна и та же монахиня, потому что первая собирала на орган для церкви Святого Варнавы, а вторая на что-то связанное с детьми.

— Может быть, они были похожи внешне? — поинтересовался Пуаро.

Мисс Джилкрист, польщенная вниманием, оказанным ее рассказу, повернулась к гостю:

— Пожалуй, вы правы. Верхняя губа… словно там у нее были усики. Наверное, это меня и растревожило, да я вообще нервничала тогда. Знаете эти рассказы из военного времени? О монашках, которые на самом деле были вражескими шпионами, мужчинами и их сбрасывали на парашютах. Похоже, мне это и припомнилось… Потом-то я поняла, что это глупость.

— Монашеское платье — неплохая маскировка, — задумчиво проговорила Сьюзен. — Оно скрывает ноги.

— По правде говоря, — присоединился к беседе Джордж, — люди редко смотрят друг на друга внимательно. Поэтому в суде так часто разные свидетели по-разному описывают одного и того же человека: высокий — низкий, толстый — худой, блондин — брюнет, одетый в светлое — одетый в черное, ну и так далее. Дай Бог, если окажется хотя бы один надежный свидетель, но найти такого ой как трудно.

— А то еще бывает, — увлеченно продолжала Сьюзен, — вдруг взглянешь на себя в зеркало и не сразу сообразишь, кто это. Вроде бы кто-то знакомый, но пока до тебя дойдет: «Господи, да ведь это я сама!»

Джордж вмешался:

— Было бы еще труднее, если бы люди могли видеть действительно себя, а не зеркальное отражение.

— Как это? — озадаченно спросила Розамунд.

— Понимаешь, человек всегда видит себя иначе, чем его видят другие. Он знает только свое отражение в зеркале.

— А какая разница?

— Разница есть, — быстро вставила Сьюзен. — Ведь лица у людей несимметричны. Линии бровей разные, и носы не совсем прямые. Вот я тебе сейчас покажу. Есть у кого-нибудь карандаш?

Появился карандаш, и все весело начали экспериментировать с ним, прикладывая его к носу с разных сторон и со смехом замечая забавные отклонения ют прямой линии. Грозовая атмосфера разрядилась. Все пребывали в наилучшем расположении духа. Теперь это были уже не наследники Ричарда Эбернети, собравшиеся для дележа имущества, а компания вполне нормальных жизнерадостных людей, собравшихся за городом, чтобы приятно провести выходные.

Одна Элен оставалась задумчивой и погруженной в свои мысли.

Эркюль Пуаро со вздохом поднялся и вежливо пожелал хозяйке спокойной ночи.

— Пожалуй, мадам, мне следует сейчас заодно и распрощаться. Мой поезд отходит завтра в девять часов утра. Это очень рано. Так что позвольте поблагодарить вас за доброту и гостеприимство. Дату передачи дома мы согласуем с милейшим мистером Энтуислом.

— Это можно будет сделать в любой момент, мосье Понталье. Я… я закончила свои дела здесь.

— Вы возвращаетесь на свою виллу, на Кипр?

— Да. — По губам Элен скользнула легкая улыбка.

— Я вижу, вы рады этому. И вам не жалко?

— Жалко покидать Англию или этот дом? Что вы имеете в виду?

— Я имел в виду дом.

— О нет. С прошлым надо расставаться без оглядки.

— Да, если это возможно. — Пуаро с несколько виноватым видом обвел взглядом все эти вежливые лица вокруг. — Но иногда прошлое не позволяет забыть о себе. Оно стоит рядом, у локтя, и шепчет: «Со мною еще не покончено».

Сьюзен нерешительно хихикнула.

— Я говорю серьезно, — сказал Пуаро.

— Вы хотите сказать, — спросил Майкл, — что ваши беженцы, перебравшись сюда, не смогут полностью отрешиться от своих прежних страданий?

— Я не имею в виду моих беженцев.

— Он имеет в виду нас, милый, — сказала Розамунд. — Он

имеет в виду дядю Ричарда, тетю Кору, топор и все остальное. — Она обернулась к Пуаро: — Ведь правда?

Пуаро посмотрел на нее бесстрастным взглядом, потом спросил:

— Почему вы так думаете, мадам?

— Да вы же детектив, потому сюда и приехали АНАРКО, или как ее там, — это просто чушь и бред собачий.

Глава 20

Возникла атмосфера чрезвычайной напряженности. Пуаро почувствовал ее, хотя, не дрогнув, продолжал смотреть на прелестное безмятежное личико Розамунд.

Он слегка поклонился ей:

— Вы очень проницательны, мадам.

— Вовсе нет. Просто мне вас однажды показали в ресторане, и я запомнила ваше лицо.

— Но до сих пор молчали?

— Да. Мне казалось, так будет забавнее.

Майкл произнес не совсем твердым голосом:

— Но… дорогая моя девочка…

Пуаро перевел на него взгляд. Майкл явно был охвачен гневом и еще каким-то чувством… Может быть, чувством страха? Пуаро быстро оглядел всех остальных. Рассерженная и настороженная Сьюзен. Как всегда замкнутый Грег. Мисс Джилкрист с открытым от изумления ртом, что придает ей глуповатый вид. Джордж, весь начеку. Выведенная на этот раз из равновесия Элен. Выражение всех этих лиц было нормальным при данных обстоятельствах. Жаль, что он не видел их долей секунды раньше, когда с губ Розамунд сорвалось слово «детектив». Сейчас момент упущен.

Расправив плечи, Пуаро поклонился снова, теперь уже всем присутствующим.

— Да, я детектив. — Иностранный акцент в его речи сразу стал менее заметен.

— Кто прислал вас сюда? — спросил Джордж, побелев от гнева.

— Мне поручено выяснить обстоятельства смерти Ричарда Эбернети.

— Кем поручено? — Голос Джорджа Кроссфилда не сулил ничего хорошего.

— Пока этот вопрос не должен вас беспокоить. Но было бы хорошо, не так ли, если бы все вы могли полностью увериться в том, что Ричард Эбернети умер естественной смертью?

— Разумеется, он умер естественной смертью. Разве кто-нибудь утверждал обратное?

— Кора Ланскене утверждала. И она тоже мертва.

По комнате словно пронеслось дуновение чего-то недоброго.

— Да, она говорила это как раз здесь, — нерешительно промолвила Сьюзен, — но я не думаю, чтобы на самом деле…

— Не думаешь, Сьюзен? — Сардонический взгляд Джорджа

обратился на нее. — К чему продолжать притворяться? Ты хочешь провести мосье Понталье?

— Все мы думали, что тетя Кора сказала правду, — вставила Розамунд. — А его зовут не Понталье, а что-то вроде Геркулеса.

— Эркюль Пуаро к вашим услугам. — Пуаро отвесил новый поклон.

Если он ожидал возгласов изумления или страха, то он просчитался. Его имя явно им ничего не говорило. Оно встревожило их меньше, чем одно-единственное слово «детектив».

— Могу я спросить, к каким выводам вы пришли? — поинтересовался Джордж.

— Он тебе не скажет, — ответила Розамунд вместо Пуаро. — А если и скажет, то соврет.

Из всех участников этой сцены только она одна, по-видимому, искренне забавлялась происходящим. Пуаро задумчиво смотрел на нее.

В эту ночь Пуаро спал плохо. Его ум был в смятении, он и сам не мог себе объяснить *почему*. Обрывки речей, чьи-то взгляды, чьи-то странные жесты сплелись в ткань пестрых и беспокойных сновидений. То и дело какая-нибудь терзающая усталый мозг мысль вырывала его из непрочного забытья. Краска — Тимоти и краска. Запах масляной краски, как-то связанный с мистером Энтуислом. Что-то фальшивое в рисунках Коры, художественные почтовые открытки… Что-то сказанное Энтуислом, или это был Лэнскомб? Монахиня, явившаяся в дом в день кончины Ричарда Эбернети… Монахиня с усиками. Монахиня в Стэнсфилд-Грендже… и в Литчетт Сент-Мэри. Не слишком ли много монахинь? Розамунд, очаровательная в сценическом костюме монашки, заявляющая, что он детектив, и изумление на лицах всех остальных, безмолвно уставившихся на нее. Так, должно быть, они смотрели и на Кору, когда она произнесла свою знаменитую фразу. В тот момент Элен Эбернети показалось «что-то неладное». Что именно? Элен, без сожаления расстающаяся с прошлым… Элен, уезжающая на Кипр… Элен, с шумом роняющая, на пол восковые цветы, когда он сказал… Что же он тогда сказал?

Пуаро вновь забылся, и ему приснился сон: зеленый малахитовый стол и на нем букет восковых цветов под стеклянным колпаком. Только весь колпак покрыт слоем яркой масляной краски цвета крови. Сквозь сонное забытье он чувствовал запах этой краски, а Тимоти стонал и говорил: «Я умираю, умираю… это конец». Мод стояла рядом, высокая и суровая, с большим ножом в руках и вторила ему: «Да, это конец». Конец — смертное ложе, свечи и молящаяся монахиня. Ах, если

бы он мог увидеть ее лицо, тогда он узнал бы правду.

Эркюль Пуаро пробудился, и правда со всей непреложностью вдруг предстала перед ним.

Да, это действительно был конец. Он мысленно перебирал разрозненные куски мозаики.

Мистер Энтуисл и запах краски, дом Тимоти и нечто, что должно или может в нем быть… восковые цветы… Элен… разбитое стекло…

Элен Эбернети в своей комнате медлила перед тем, как лечь в постель. Она обдумывала ситуацию, сидя перед туалетным столиком, она невидяще глядела на свое отражение в зеркале.

Ей пришлось пригласить Эркюля Пуаро в дом, хотя и против собственного желания. Но мистер Энтуисл поставил вопрос так, что отказаться она не могла. А теперь все выплыло наружу. Не судьба праху Ричарда Эбернети мирно покоиться в могиле. И все из-за нескольких слов, сказанных Корой…

Тот день после похорон… Интересно, как все они выглядели? Какими казались они Коре? Как выглядела сама Элен? Что это говорил Джордж насчет того, какими люди видят самих себя? Что-то про то, что «человек всегда видит себя иначе, чем его видят другие». Она внимательно посмотрела на себя в зеркало. Одна бровь действительно круче, чем другая, но углы рта симметричны. Нет, нет, она не так уж отличается от своего изображения в зеркале. Не то, что Кора. Мысленным взором она ясно увидела Кору такой, какой та была в день похорон… Склоненная набок голова, этот ее нелепый вопрос… взгляд, устремленный на Элен.

Внезапно Элен подняла руки к лицу. Она твердила себе: «Это невозможно… Этого просто не может быть…»

Телефонный звонок вырвал мисс Энтуисл из глубины приятного сна, в котором она играла в пикет[263] с королевой Марией[264]. Она попыталась проигнорировать звонки, но они не прерывались. Наконец она сонно приподняла голову с подушки и взглянула на часы около постели: пять минут седьмого. Кому это понадобилось звонить в такое время? Должно быть, ошиблись номером. Раздражающие звонки продолжались. Мисс Энтуисл вздохнула, рывком накинула на себя халат и направилась в гостиную.

— Кенсингтон восемь шестьсот семьдесят пять четыреста девяносто слушает, — раздраженно бросила она в трубку.

— Это говорит миссис Эбернети, миссис Лео Эбернети. Могу я поговорить с мистером Энтуислом?

— Доброе утро, миссис Эбернети. — Слова «доброе утро» были лишены всякого намека на сердечность. — Мой брат еще

спит, и я тоже спала.

— Прошу прощенья, — вынуждена была извиниться Элен, — но, поверьте, мне очень важно поговорить с вашим братом.

— А попозже нельзя?

— К сожалению, нет.

— Ну хорошо.

С естественным раздражением человека, разбуженного телефонным звонком в пять минут седьмого, мисс Энтуисл, предварительно постучав, вошла в спальню брата:

— Опять эти Эбернети!

— Что?

— Миссис Лео Эбернети просит тебя к телефону. Нашла время!

— Миссис Лео? К чему бы это? Где мой халат? А, вот он, спасибо!

Энтуисл схватил трубку.

— Я слушаю. Это вы, Элен?

— Простите, что бужу вас так рано, но вы просили сразу сообщить вам, если я вспомню, что показалось мне странным в тот момент, когда Кора так ошеломила нас своими словами о том, что Ричарда убили.

— А, и вы вспомнил и?

— Да, но это так нелепо. — В голосе Элен прозвучали извиняющиеся нотки.

— Об этом позвольте судить мне. Это было что-то, что вы заметили в ком-то из присутствующих?

— Да.

— Расскажите мне.

— Даже не знаю, как объяснить, хотя сама я вполне уверена. Меня осенило, когда я смотрела на себя в зеркало вчера вечером. О!..

За слабым полузадушенным возгласом последовал совершенно непонятный мистеру Энтуислу звук — словно от падения на пол чего-то тяжелого… Не получая ответа, он продолжал взывать в онемевшую телефонную трубку:

— Алло! Алло! Элен, вы у телефона?.. Элен, что случилось?

Глава 21

Мистер Энтуисл потратил не меньше часа и обзвонил уйму телефонных инстанций, пока наконец не услышал голос Эркюля Пуаро:

— Слава Богу! Междугородная не могла дозвониться к вам целую вечность.

— Ничего удивительного, трубка была снята. — В голосе Пуаро было нечто испугавшее собеседника.

— Что-нибудь произошло? — резко спросил мистер Энтуисл.

— Да. Час назад горничная обнаружила миссис Лео Эбернети лежащей без сознания рядом с телефонным аппаратом в кабинете. Серьезное сотрясение мозга.

— Вы хотите сказать, что она ушибла голову?

— Возможно, она упала и ударилась головой о мраморный стопор, который вставляют между косяком и дверью, чтобы не дать ей закрыться. Но ни доктор, ни я так не думаем.

— В этот момент она как раз говорила со мной по телефону, но внезапно замолчала, и я никак не мог сообразить, что случилось.

— Она звонила вам? Что она сказала?

— Я как-то просил ее немедленно сообщить, если она вспомнит, что именно показалось ей странным во время того разговора после похорон. К несчастью, тогда она не могла вспомнить, почему у нее сложилось такое впечатление.

— И вдруг она вспомнила?

— Да.

— И позвонила вам, чтобы сообщить об этом?

— Да.

— Хорошо.

— Ничего хорошего здесь нет, — сварливо возразил Энтуисл. — Разговор прервался, когда она начала рассказывать.

— И что она успела сказать?

— Ничего, что могло бы нам пригодиться.

— Друг мой, позвольте судить об этом мне. Что именно она сказала?

— Она напомнила мне, что я просил ее дать мне знать, если она вспомнит, что именно показалось ей странным. Она сказала, что вспомнила, но что это «нелепо». Я спросил ее, касается ли это людей, присутствовавших там в тот день, и она ответила утвердительно. По ее словам, ее осенило, когда она смотрелась в зеркало.

— Так, так.

— Это все.

— Она не намекнула, кого из присутствовавших это касается конкретно?

— Я вряд ли позабыл бы сообщить об этом, если бы она мне рассказала, — язвительно ответил Энтуисл.

— Прошу прощения, mon ami![265] Конечно, вы сказали бы мне.

Мистер Энтуисл продолжал:

— Теперь придется подождать, когда она придет в себя, и тогда мы узнаем остальное.

Голос Пуаро был очень печальным:

— Это произойдет еще не скоро. Возможно, никогда.

— Неужели дело обстоит так скверно? Но это ужасно, Пуаро!

— Да, это ужасно, и поэтому мы не можем позволить себе ждать. Похоже, мы имеем дело с кем-то либо совершенно беспощадным, либо испуганным настолько, что это заставляет его быть беспощадным.

— Но послушайте, Пуаро, как быть с Элен? Я очень обеспокоен. Вы уверены, что в Эндерби она будет в безопасности?

— Абсолютно не уверен! Поэтому ее нет в Эндерби. «Скорая помощь» уже повезла ее в больницу, где к ней будут приставлены опытные сиделки и где ни родным, ни кому-либо другому не будет позволено с ней видеться.

— Ну, прямо гора с плеч! — облегченно вздохнул Энтуисл. — Ведь она, наверное, действительно могла оказаться в опасности.

— Уже оказалась.

— Я очень уважаю Элен Эбернети и всегда уважал ее. — В голосе мистера Энтуисла звучало глубокое волнение. — Это исключительная женщина. Возможно, в ее жизни есть, если можно так выразиться, скрытые обстоятельства.

— Ах, скрытые обстоятельства?

— Мне всегда так казалось.

— Отсюда вилла на Кипре. Да, это объясняет многое…

— Я не хочу, чтобы вы думали…

— Вы не можете запретить мне думать. А для вас у меня есть небольшое поручение. Минутку.

Последовала пауза, после которой в трубке вновь раздался голос Пуаро:

— Я проверял, не подслушивают ли нас. Все в порядке. А теперь о поручении. Вам придется отправиться в поездку.

— В поездку? — Судя по интонации, мистер Энтуисл отнюдь не был в восторге. — А, понимаю! Вы хотите, чтобы я приехал в Эндерби.

— Вовсе нет. Здесь я вполне справлюсь и с а м. А вам нужно

доехать на поезде всего лишь до… Ну и названия у ваших городов!.. До Бэри Сент-Эдмундс, это недалеко от Лондона, наймете там машину и отправитесь в расположенную по соседству неврологическую клинику — Форсдайк-хаус. Найдите там доктора Пенрита и наведите у него справки относительно одного пациента. Его не так давно выписали.

— Какой пациент? Но наверняка…

Пуаро прервал его:

— Имя пациента Грегори Бэнкс. Выясните точно, от чего именно его лечили.

— Вы хотите сказать, что Грегори Бэнкс сумасшедший?

— Тсс, поосторожнее со словами. А теперь… я еще не завтракал, и вы, подозреваю, тоже.

— Нет еще, я был слишком встревожен…

— Итак, позавтракайте, отдохните. Удобный поезд в Сент-Эдмундс отправляется в двенадцать часов. Если у меня будут новости, я позвоню вам до вашего отъезда.

— Поберегите себя, Пуаро, — сказал мистер Энтуисл с некоторым беспокойством.

— Ну насчет этого не волнуйтесь. Я вовсе не хочу получить куском мрамора по голове. Можете быть уверены, я приму все меры предосторожности. А теперь — до свидания!

Пуаро услышал, как на другом конце провода положили трубку, а секунду спустя раздался второй, похожий, но очень слабый звук. Детектив улыбнулся: кто-то осторожно опустил трубку на рычажок параллельного аппарата, стоявшего в холле.

Пуаро отправился туда, но там не было *ни души.* Тогда он на цыпочках проследовал к вместительному шкафу под лестницей и заглянул внутрь. Лэнскомб, вышедший в это время из кухни с подносом, на котором были тосты и серебряный кофейник, с удивлением смотрел на появившегося из-под лестницы Пуаро.

— Завтрак уже в столовой, сэр.

Пуаро задумчиво посмотрел на Лэнскомба. Старый дворецкий был бледен и выглядел потрясенным.

— Держитесь, — сказал Пуаро, похлопав его по плечу. — Все еще может кончиться хорошо. Скажите, *нельзя* ли подать кофе мне в спальню?

— Разумеется, сэр. Я пришлю его с Джанет.

Лэнскомб неодобрительно смотрел в спину Пуаро, пока тот поднимался по лестнице.

«Иностранец, — горько подумал Лэнскомб. — А у миссис Лео сотрясение мозга! Не знаю, куда мы катимся! С тех пор как умер мистер Эбернети, здесь все изменилось».

Когда Джанет принесла кофе, Пуаро был уже совсем одет.

Выражения сочувствия с его стороны были приняты благосклонно, ибо детектив упирал больше всего на то, какое потрясение выпало сегодня утром на ее, Джанет, долю.

— И не говорите, сэр. Никогда не забуду, что я почувствовала, когда вошла с пылесосом в кабинет и увидела миссис Лео на полу. Сначала я подумала, что она умерла. Должно быть, ей стало плохо, когда она стояла около телефона. Странно, что она поднялась так рано. Прежде она никогда этого не делала.

— Действительно странно, — согласился Пуаро и словно невзначай спросил: — Наверное, кроме нее, в доме еще никто не вставал?

— Миссис Тимоти была уже на ногах. Она просыпается очень рано и нередко гуляет перед завтраком.

— Она из поколения тех, кто встает рано, — кивнув, сказал Пуаро. — А молодые люди, конечно, не поднялись так рано?

— Да, сэр. Почти все они спали, когда я принесла чай. А ведь было уже очень поздно, потому что из-за этого потрясения и приезда доктора я сначала сама должна была выпить чашечку, чтобы немного приободриться.

Итак, Мод Эбернети была уже на ногах, а молодое поколение в постелях, но это ни о чем не говорит, размышлял Пуаро. Каждый мог услышать, как Элен открывает и закрывает свою дверь, последовать за ней, а потом вернуться к себе и притвориться полусонным.

«Но если я прав, — думал Пуаро, — а в конце концов для меня естественно быть правым, никуда от этого не денешься, то нет необходимости задумываться над тем, где в конкретный момент находилось какое-то конкретное лицо. Прежде всего я должен поискать доказательство там, где оно должно быть согласно моим умозаключениям. Потом я произнесу свою маленькую речь, а затем, сяду, буду думать и посмотрю, что произойдет».

Как только Джанет вышла из комнаты, Пуаро осушил чашку кофе, надел пальто и шляпу и незаметно покинул дом через боковую дверь. Резво прошагав четверть мили до почтового отделения, он заказал междугородный разговор и вскоре вновь беседовал с мистером Энтуислом:

— Да, это опять я. Забудьте о моем прежнем поручении. Все это было для отвода глаз. Кто-то нас подслушивал. А теперь, старина, настоящее задание: вы, как я уже говорил, воспользуетесь поездом, но отправитесь не в Бэри Сент-Эдмундс, а в дом мистера Тимоти Эбернети.

— Но Тимоти и Мод сейчас в Эндерби!

— В доме нет никого, кроме некой Джонс, которую, посулив

ей щедрую плату, уговорили постеречь дом. Я хочу, чтобы вы кое-что забрали из этого дома.

— Дорогой мой Пуаро! Я, право же, не могу унизиться до ограбления.

— Это не будет выглядеть как ограбление. Вы скажете добрейшей миссис Джонс, которая вас знает, что мистер или миссис Эбернети просили вас взять эту вещь и доставить ее в Лондон. Она ничего не заподозрит.

— Вероятно, нет. Но мне это не нравится. Почему бы вам не сделать это самому?

— Потому, друг мой, что я иностранец, а следовательно, в глазах таких людей, как миссис Джонс, личность крайне подозрительная. Ваше же появление ее не удивит.

— Да, да, понимаю… Но что подумают Тимоти и Мод, когда услышат об этом? Я знаком с ними сорок с лишним лет!

— Столько же вы знали Ричарда Эбернети. И вы знали Кору Ланскене, когда она была еще девочкой!

— Вы уверены, что это действительно необходимо?

— Старый вопрос с плакатов военной поры: «Ваша поездка действительно необходима?»[266] Это необходимо, говорю я вам. Это жизненно важно.

— И что я должен там забрать?

Пуаро сказал.

— Но, право же, Пуаро, я не понимаю… — возразил Элтуисл.

— Это не имеет значения. Важно, что понимаю я.

— А что мне потом делать с этой проклятой штукой?

— Вы доставите ее в Лондон, в Элм-Парк-Гарденс. Есть у вас карандаш? Записывайте адрес.

Проделав эту операцию, мистер Энтуисл вопросил голосом мученика, в котором звучало сильное сомнение:

— Надеюсь, Пуаро, вы знаете, что делаете?

В ответе детектива не было ни малейшего сомнения:

— Конечно, я знаю. Мы близимся к концу.

Мистер Энтуисл вздохнул:

— Ах, если бы мы могли догадаться, что хотела сказать мне Элен.

— Нет никакой нужды в догадках. Я знаю.

— Вы знаете? Но, дорогой Пуаро…

— С объяснениями придется подождать. Однако позвольте заверить вас: я совершенно точно знаю, что увидела Элен Эбернети, когда взглянула на себя в зеркало.

За завтраком все чувствовали себя скованно и неловко. Розамунд и Тимоти отсутствовали, а все остальные явно ощущали себя не в своей тарелке. Говорили приглушенными голосами и

ели с меньшим, чем обычно, аппетитом. Первым пришел в свое обычное расположение духа Джордж, вообще обладавший характером переменчивым и жизнерадостным.

— Полагаю, с тетей Элен все обойдется, — сказал он. — В конце концов, что такое сотрясение мозга? Через какую-нибудь пару дней все проходит.

— У одной моей знакомой было в войну сотрясение мозга, — общительным тоном заговорила мисс Джилкрист. — На Тоттенхэм-Корт-роуд, во время бомбежки, ей в голову угодил то ли кирпич, то ли что-то похожее. Она в тот момент абсолютно ничего не почувствовала, продолжила свой путь и потеряла сознание двенадцать часов спустя в вагоне поезда, шедшего в Ливерпуль[267]. И, представьте себе, она совершенно не помнила, как добралась до вокзала и села в поезд, вообще абсолютно ничего не помнила. Когда она очнулась в госпитале, то просто ничего не могла понять. Там она пролежала три недели.

— Я не могу понять, — сказала Сьюзен, — почему Элен звонила по телефону в такой несусветный час и кому она звонила?

— Вероятно, почувствовала себя плохо, — сказала Мод решительно, — проснулась от этого и спустилась вниз, чтобы позвонить врачу. Потом у нее закружилась голова, и она упала. Это единственное разумное объяснение.

— Плохо, что она ударилась головой об этот мраморный стопор, — сказал Майкл. — Упади она на толстый ковер, ничего не было бы.

Открылась дверь, и в столовую вошла нахмуренная Розамунд.

— Никак не могу найти эти восковые цветы, — пожаловалась она. — Ну те, что стояли на малахитовом столике в день похорон дяди Ричарда. — Она устремила обвиняющий взгляд на Сьюзен: — Ты их случайно не брала?

— Конечно нет! Побойся Бога, Розамунд! Как можно думать о каких-то малахитовых столах, когда бедную старую тетю Элен отвезли в больницу с сотрясением мозга?

— А почему бы мне об этом не думать? Когда у человека сотрясение мозга, он не знает, что происходит, и вообще ему на все наплевать. Для тети Элен мы все равно ничего не можем сделать, а нам с Майклом обязательно нужно вернуться к ленчу в Лондон, чтобы встретиться с Джеки Лайго и поговорить о сроках постановки «Карьеры баронета». Но сначала я бы хотела окончательно решить вопрос о столе pi взглянуть еще раз на восковые цветы. Сейчас там на столе стоит китайская ваза, прелестная вещь, но абсолютно не того стиля. Интересно, куда девались цветы? Может, Лэнскомб знает?

Лэнскомб как раз вошел в столовую, чтобы спросить, кончили ли они завтрак.

— Мы кончили, Лэнскомб, — сказал Джордж, вставая. — А что наш иностранный друг?

— Ему подали наверх кофе и тосты, сэр.

— Легкий завтрак для ЮНАРКО!

— Лэнскомб, вы не знаете, где восковые цветы, которые обычно стояли на зеленом малахитовом столе в гостиной? — спросила Розамунд.

— Насколько я знаю, миссис Лео как-то повредила их, мэм. Она собралась заказать для них новое стекло, но, по-видимому, не успела.

— Так где же они?

— Наверное, в шкафу под лестницей, куда мы прячем все, что нуждается в починке. Посмотреть?

— Я пойду и взгляну сама. Майкл, прелесть моя, проводи меня. После того, что случилось с тетей Элен, я не хочу забираться одна в темные углы.

Все смотрели на нее, пораженные. Наконец Мод спросила своим низким голосом:

— Что ты хочешь этим сказать, Розамунд?

— Ну кто-то ведь треснул ее сзади по голове, правда?

Грегори Бэнкс резко возразил:

— Ей внезапно стало плохо, и она упала.

Розамунд рассмеялась:

— Она тебе сама об этом сказала? Не будь дураком, Грег. Конечно, ее ударили сзади.

— Тебе не следовало бы говорить такие вещи, Розамунд, — сердито сказал Джордж.

— Ерунда, — ответила Розамунд. — Именно так оно и было. Все одно к одному: детектив в доме ищет улики, дядю Ричарда отравили, тетку Кору зарубили топором, мисс Джилкрист прислали отравленный пирог, а теперь вот тетю Элен оглоушили сзади. Помяните мое слово, так вот нас всех прикончат одного за другим, а тот, кто останется в живых, тот и есть неуловимый убийца. Но меня-то не убьют.

— А зачем кому-то убивать тебя, прелестная Розамунд? — добродушно поинтересовался Джордж.

— Затем, что я слишком много знаю, конечно.

— Что ты знаешь? — раздались почти в унисон голоса Грегори Бэнкса и Мод Эбернети.

Розамунд одарила их своей ангельской и неопределенной улыбкой.

— Вам до смерти хочется узнать, правда? Пошли, Майкл.

Глава 22

В одиннадцать часов утра Пуаро попросил всех собраться в библиотеке. Явились все, и он обратился к ним с небольшой речью:

— Вчера вечером миссис Шейн сообщила вам, что я частный детектив. Лично я надеялся сохранить мое инкогнито немного дольше. Но это не важно. Сегодня, самое позднее завтра, я бы сказал вам правду. А сейчас прошу выслушать меня внимательно. В своем деле я личность выдающаяся, можно сказать, самая выдающаяся. Мои дарования, по сути дела, не имеют себе равных.

— Реклама — двигатель торговли! — возгласил, ухмыльнувшись, Джордж. — Не так ли, мосье Понталь… то есть Пуаро? Забавно, что я, например, даже никогда про вас не слыхал.

— Это не забавно, — строго возразил Пуаро, — это прискорбно. Увы, сейчас людей учат только экономике и методике тестов на коэффициент интеллекта. Но продолжим. Я много лет дружу с мистером Энтуислом.

— Вот, значит, где собака зарыта!

— Можете считать и так, мистер Кроссфилд. Так вот, мистер Энтуисл был весьма расстроен кончиной своего старого друга, мистера Ричарда Эбернети. Особенно его встревожили слова, сказанные после похорон здесь, в этой комнате, сестрой покойного миссис Ланскене.

— Страшная глупость, и так похоже на Кору, — сказала Мод. — Мистеру Энтуислу следовало бы быть благоразумнее и не обращать на эти слова внимания.

Пуаро продолжил:

— Еще большую тревогу вызвали у него обстоятельства смерти самой миссис Ланскене. Он хотел одного: удостовериться, что тут лишь случайное совпадение и трагическая гибель Коры никак не связана со смертью Ричарда Эбернети и что последний умер естественной смертью. С этой целью мистер Энтуисл поручил мне произвести необходимое расследование.

Все молчали.

— Я выполнил его просьбу.

И снова все как один молчали. Эркюль Пуаро вздернул подбородок.

— Eh bien[268], я пришел к выводу, который, несомненно, обрадует вас всех, а именно: нет абсолютно никаких оснований думать, что мистер Эбернети погиб насильственной смертью. Ничто не свидетельствует о том, что он был убит!

Триумфально воздев руки, Пуаро лучезарно улыбнулся:

— Это хорошее известие, не правда ли?

Его аудитория явно так не считала. В устремленных на него глазах всех, за исключением одного человека, по-прежнему тлели сомнения и недоверие.

Исключением был Тимоти Эбернети, энергично кивавший головой в знак согласия:

— Конечно, Ричарда никто не убивал! Не понимаю, как можно было хотя бы на мгновение поверить в такую чепуху. Просто Кора снова принялась за свои фокусы. Хотела вас всех напугать. Решила, наверное, что это будет удачная шутка. Хотя она и моя сестра, я должен сказать, что она, бедняжка, всегда была малость не в себе. Ну что же, мистер, как вас там, я рад, что у вас хватило ума прийти к правильному выводу. Но Энтуисл, по-моему, тут слишком много на себя взял. С его стороны было просто наглостью поручить вам шпионить здесь. Но если он думает, что сможет взыскать с нас ваш гонорар, то скажу прямо: этот номер у него не пройдет! В конце концов, если семейство было уверено, что все в порядке…

— Но семейство не было уверено, дядя Тимоти!

— Что такое? — Тимоти сердито уставился на Розамунд из-под кустистых бровей.

— Мы вовсе не были в этом уверены. А что вы скажете насчет тети Элен сегодня утром?

Мод резко возразила:

— Элен как раз в таком возрасте, когда с человеком легко может случиться удар, вот и все.

— Понимаю, — ответила Розамунд. Взглянув на Пуаро, она спросила: — Вы думаете, это еще одно совпадение? Не слишком ли много совпадений.

— Совпадения — вещь возможная, — ответил он.

— Чепуха все это! — заявила Мод. — Просто Элен почувствовала себя плохо, спустилась вниз, позвонила доктору, а потом…

— Но она не звонила доктору, — настаивала Розамунд, — я спрашивала у него.

— Тогда кому же она звонила? — Голос Сьюзен звучал напряженно.

— Не знаю. — По лицу Розамунд скользнула тень досады. — Но, можешь быть уверена, я обязательно узнаю, — сказала она с надеждой.

Эркюль Пуаро обосновался в беседке, выстроенной в викторианском стиле. Свои внушительные карманные часы он положил перед собой на стол.

Объявив ранее, что уезжает двенадцатичасовым поездом, Пуаро ждал. До отъезда оставалось еще полчаса. Этого хватит для того, чтобы кто-то одумался, принял решение и пришел к нему. Быть может, даже не один человек, а несколько.

Беседка просматривалась почти из всех окон дома. Безусловно, вскоре кто-нибудь появится. Если же нет, значит, он совсем не разбирается в людях, а его основные умозаключения неверны.

Пуаро ждал, а над его головой, притаившись в паутине, поджидал неосторожную муху паук.

Первой явилась мисс Джилкрист. Она говорила не очень связно и явно нервничала.

— О, мосье Понталье… простите, я никак не могу запомнить ваше другое имя. Я решила прийти и поговорить с вами, хотя мне это так неприятно. Но я чувствую, что это мой долг, после того что случилось сегодня утром с бедной миссис Лео. Я думаю, что миссис Шейн совершенно права, и это вовсе не удар, как предполагает миссис Тимоти. У моего отца был удар, и это выглядело совсем иначе. Да и доктор говорил, что это сотрясение мозга. — Она замолчала и умоляюще посмотрела на Пуаро.

— Да, да, — ободряюще поддержал ее Пуаро. — Так что же вы хотели мне сказать?

— Я уже говорила, что мне это ужасно не по душе… Она была так добра, нашла мне место у миссис Тимоти и все такое… Вот почему я не хочу показаться неблагодарной. Она столько для меня сделала: подарила мне ондатровый жакет миссис Ланскене — он сидит прекрасно, и сразу даже не заметишь, что мех чуточку вытерся, а когда я хотела вернуть аметистовую брошь, она не взяла…

— Вы, я полагаю, — мягко сказал Пуаро, — имеете в виду миссис Бэнкс?

Мисс Джилкрист от волнения переплела пальцы и, нервно глотнув, воскликнула:

— Видите ли, я слышала!

— Вы хотите сказать, что случайно подслушали беседу?

Мисс Джилкрист затрясла головой с видом героической решимости:

— Думаю, мне лучше всего сказать правду. К тому же вы ведь не англичанин.

Пуаро понял ее и не обиделся.

— По-вашему, иностранцы считают нормальным, если люди подслушивают и читают чужие письма?

— Я никогда не читала чужих писем! — воскликнула шокированная мисс Джилкрист. — Этого нет, не было! Но в тот

день, когда мистер Эбернети приехал навестить свою сестру… Он явился так неожиданно, после всех этих лет, и мне стало очень любопытно… Когда не имеешь собственной семьи или друзей, естественно, начинаешь интересоваться чужой жизнью, особенно тех, кто живет бок о бок с тобой.

— Разумеется, это вполне естественно, — подбодрил ее Пуаро.

— Я знаю, что подслушивать некрасиво, но я… Короче говоря, я слышала, что он сказал!

— Вы слышали, что мистер Эбернети сказал миссис Ланскене?

— Да, что-то вроде: «С Тимоти разговаривать бесполезно, он просто отмахнется. Но я подумал, что стоит, пожалуй, поделиться с тобой, Кора. И хотя ты всегда любила разыгрывать из себя простушку, на самом деле здравого смысла у тебя более чем достаточно. Итак, что бы ты сделала на моем месте?» Я не совсем расслышала, что ответила миссис Ланскене, но уловила слово «полиция», и тогда мистер Эбернети, похоже, рассердился и произнес очень громко: «Я не могу пойти на это! Не забывай, что речь идет о моей родной племяннице». Тут на кухне что-то убежало, и я поспешила туда, а когда вернулась, мистер Эбернети произнес: «Даже если я умру насильственной смертью, мне хотелось бы, чтобы полицию по возможности к этому делу не привлекали. Ты поняла, дорогая? Но не беспокойся, теперь, когда я знаю, я приму все меры предосторожности». Еще он сказал, что составил новое завещание и что она, Кора, будет вполне обеспечена. Потом добавил, что она, видимо, была счастлива со своим мужем и что он, Ричард, ошибался, похоже, в этом вопросе.

Мисс Джилкрист замолчала.

— Понятно, понятно, — сказал Пуаро.

— Я не хотела об этом рассказывать и уверена, что миссис Ланскене тоже предпочла бы, чтобы я промолчала! Но после этого случая с миссис Лео… О, мосье, даже вы, кажется, думаете, что это просто совпадение. Но это не так!

— Да, это не совпадение, — с улыбкой ответил детектив. — Благодарю вас, мисс Джилкрист, за то, что пришли. Вы очень помогли мне.

Пуаро, надеясь, что ему посчастливится выслушать и другие доверительные признания, поспешил отделаться от мисс Джилкрист, что удалось ему не без некоторого труда.

Чутье не обмануло его. Не успела мисс Джилкрист удалиться, как, пронесшись прямо по газону, в беседку буквально ворвался Грегори Бэнкс. Его лицо было бледным, на лбу выступили капли пота, а глаза странно блестели.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Я уже думал, что эта идиотка никогда не уйдет. Я пришел сказать, что вы не правы во всем, что говорили сегодня утром. Ричард Эбернети был убит. Я убил его!

Эркюль Пуаро не выразил ни малейшего удивления и оглядел молодого человека с ног до головы.

— Значит, вы убили его? Как?

Грегори Бэнкс улыбнулся.

— Это было нетрудно Ведь я мог запросто раздобыть хоть пару дюжин препаратов, способных отправить его на тот свет. Труднее было придумать, как заставить его принять яд, но я и с этим справился. При этом мне даже не было необходимости находиться здесь в тот момент.

— Умно.

— Да, — Грегори с горделивой скромностью потупил взор, — льщу себя надеждой, что все проделано просто блестяще.

— А почему вы убили его? Из-за денег, которые должны были перейти к вашей жене? — поинтересовался Пуаро.

Грегори был явно возмущен:

— Я не гонюсь за деньгами. Я женился на Сьюзен вовсе не из-за ее денег!

— Вы в этом уверены, мистер Бэнкс?

— Это он так думал, — сказал Грегори с внезапной злобой. — Ричард Эбернети! Он гордился и восхищался Сьюзен как настоящей Эбернети, но думал, что я ее не стою Я бы сказал, он просто презирал меня! Я, видите ли, не так одевался, не так говорил. Он сноб, мерзкий сноб!

— Этого я бы не сказал, — мягко возразил Пуаро. — Судя по тому, что я о нем слышал, Ричард Эбернети вовсе не был снобом.

— Нет, был, был! — Молодой человек, казалось, находился на грани истерики. — Он меня в грош не ставил! Насмехался надо мной, не в лицо, конечно: внешне он всегда был очень любезен. Но я знаю, что не нравился ему.

— Весьма возможно. Ну и что?

— Если кто-то осмеливается так обращаться со мной, это не может сойти ему с рук! Была одна женщина, заказывала у нас лекарства… Она нагрубила мне. Знаете, что я сделал?

— Да.

Грегори удивился:

— Значит, вам известно о том случае? Она чуть было не умерла. — В голосе Бэнкса звучало глубокое удовлетворение. — Теперь вы видите, что я не тот человек, с которым можно шутить! Ричард Эбернети задирал передо мною нос, и что произошло с ним? Он мертв!

— Весьма квалифицированное убийство, — серьезно оценил его Пуаро. — Но почему вы рассказываете об этом мне?

— Потому, что вы сказали, что он не был убит. Я должен был показать вам, что вы не так уж умны, как воображаете, и, кроме того…

— Кроме того?

Грег внезапно рухнул на скамью. Лицо его изменилось. Казалось, он был охвачен каким-то экстазом.

— Я поступил дурно, грешно… Меня нужно покарать. Я должен вернуться туда, где меня накажут. Я жажду искупления, раскаяния, понимаете?!

Несколько мгновений Пуаро внимательно смотрел на Бэнкса и вдруг спросил:

— Вам очень хочется сбежать от вашей жены? Куда угодно, но сбежать, правда?

Лицо Грегори изменилось:

— Сбежать от Сьюзен? Сьюзен великолепна, изумительна!

— Да, Сьюзен изумительна. И это ко многому обязывает ее мужа. Сьюзен страстно любит вас. Это тоже налагает какую-то ответственность.

Грегори смотрел ничего не видящим взглядом. Затем сказал, как мог бы сказать надувшийся на взрослых мальчишка:

— Почему она не может оставить меня в покое? — Он вскочил. — Она идет сюда. Вы расскажете ей, хорошо? Скажите ей, что я пошел в полицию сознаваться.

…Сьюзен вошла, запыхавшись от быстрой ходьбы.

— Где Грег? Он был здесь, я видела его!

— Да, ваш муж был здесь. Он приходил сказать мне, что отравление Ричарда Эбернети — дело его рук.

— Какой немыслимый бред! Надеюсь, вы не поверили ему?

— А почему я должен был не поверить ему?

— Да его и поблизости не было, когда умер дядя Ричард!

— Возможно. Но где он был в день смерти Коры Ланскене?

— В Лондоне. Мы оба были в Лондоне.

Пуаро покачал головой.

— Нет, нет, так не пойдет. Вы, например, в тот день взяли свою машину и отсутствовали всю вторую половину дня. Полагаю, я знаю, куда вы ездили: в Литчетт Сент-Мэри.

— Ничего подобного!

Пуаро улыбнулся:

— Когда я встретил вас здесь, мадам, я сказал вам, что вижу вас не впервые. После дознания по поводу смерти миссис Ланскене вы были в гараже около Кингс Арме. Вы разговаривали с механиком, а рядом в автомашине сидел пожилой иностранец.

Вы не заметили его, но он заметил вас.

— Понятия не имею, куда вы клоните. Это было в день дознания.

— Но вспомните, что сказал вам механик! Он спросил, не родственница ли вы убитой? А вы ответили, что вы ее племянница.

— Это было просто нездоровое любопытство, которое люди проявляют всегда, когда речь идет об убийстве.

— Его следующие слова были: «А я все думаю, где это я видел вас прежде?» Должно быть, он видел вас в Литчетт Сент-Мэри, потому что в его сознании встреча с вами была связана с убийством миссис Ланскене. Это заслуживает внимания, не так ли? И в результате проведенного расследования выяснилось, что в день смерти Коры Ланскене вы были в Литчетт Сент-Мэри. Вы оставили свою машину в том самом карьере, где оставляли ее в день дознания. Машину видели, номер ее запомнили, и сейчас инспектор Мортон уже знает, кому она принадлежит.

Сьюзен смотрела на него широко раскрытыми глазами, дыхание ее участилось, но она не выказала никаких признаков страха или смущения.

— Вы говорите чепуху, мосье Пуаро, и заставили меня забыть о том, почему я хотела поговорить с вами наедине…

— Быть может, для того, чтобы признаться мне, что не ваш муж, а вы совершили убийство?

— Конечно нет. Или я, по-вашему, полная идиотка? И, кроме того, я уже сказала вам, что Грег в тот день не уезжал из Лондона.

— Этого вы знать не можете, вас самой не было в Лондоне. Зачем вы ездили в Литчетт Сент-Мэри, миссис Бэнкс?

Сьюзен глубоко вздохнула:

— Ну ладно, ваша взяла! Слушайте. Эта фраза Коры на похоронах меня встревожила. Я все время думала о ней и наконец решила порасспросить ее и отправилась к ней в ее захолустье. Грег думал, что все это глупости, и поэтому ему я ничего не сказала. Я приехала туда часа в три дня, стучала и звонила, но мне никто не отвечал, и я решила, что в доме никого нет. Вот и все. Если бы я обошла коттедж кругом, то, вероятно, заметила бы разбитое окно, но я этого не сделала. Я просто вернулась в Лондон, и мне даже в голову не пришло, что что-то тут неладно.

Лицо Пуаро было бесстрастно. Он спросил:

— Почему ваш муж обвиняет себя в преступлении?

— Потому что он… — Слова трепетали на кончике языка Сьюзен, но она удержала их. Пуаро, однако, закончил за нее:

— Вы хотите сказать, что он не в своем уме, сказать в шутку. Но в данном случае шутка слишком походит на правду, не так

ли?

— С Грегом все в порядке, слышите, все в порядке!

— Видите ли, я кое-что о нем знаю. Например, что незадолго до вашей с ним встречи он провел несколько месяцев в клинике для душевнобольных Форсдайк-хаус.

— Он лечился там добровольно, на него даже не завели историю болезни!

— Это правда. Я знаю, что врачи не признали его душевнобольным, но он явно человек неуравновешенный. У него очевидный комплекс преступления и наказания. Полагаю, это с детства.

Сьюзен заговорила быстро и горячо:

— Вы не понимаете, мосье Пуаро! У Грега никогда не было шанса показать себя. Вот почему мне были так нужны дядины деньги. Дядя Ричард был очень деловым и очень сухим человеком. Он не мог понять, но я поняла. Я знала, что Грегу надо было самоутвердиться. Он должен был почувствовать, что он самостоятельная личность, а не просто ничтожный помощник аптекаря, которым помыкают все, кому не лень. Теперь все будет иначе. У него будет собственная лаборатория. Он сможет разрабатывать свои собственные формулы…

— Да, да, вы дадите ему все, потому что любите его. Но вы любите его так сильно, что это не принесет ему ни покоя, ни счастья. Даже вы не в состоянии дать человеку то, чего он не может, не умеет принять. В конце концов, он останется чем-то, чем ему быть не хочется, иными словами, мужем Сьюзен, и не более того.

— Как вы жестоки! И какой вздор несете!

— Когда речь идет о Грегори Бэнксе, все остальное для вас не существует. Дядины деньги требовались вам не для себя, а для вашего мужа. Они действительно были вам настолько необходимы?

Все себя от гнева Сьюзен резко повернулась и выбежала из беседки.

— Я подумал, — непринужденно вымолвил Майкл Шейн, — что мне следует зайти к вам попрощаться.

Он улыбался, и Пуаро, невольно почувствовав, насколько обаятельным может быть этот человек, несколько мгновений молча изучал его. Он подумал, что, пожалуй, знает о Майкле Шейне меньше, чем об остальных членах семейства, потому что Майкл всегда демонстрировал окружающим только ту сторону своей натуры, которую хотел показать.

— Ваша жена, — сказал Пуаро общительным тоном, — весьма необычная женщина.

Майкл чуть приподнял брови:

— Вы так думаете? Она прелестна, я согласен, но по части интеллекта не блещет. Зато точно знает, чего именно ей хочется, и никогда и не будет пытаться умничать.

Пуаро вздохнул:

— Очень немногие могут похвалиться этим.

Майкл вновь расплылся в улыбке:

— Вы думаете о малахитовом столе?

— Возможно. — Пуаро помолчал и добавил: — И о том, что стояло на нем.

— Восковые цветы?

— Вот именно.

Майкл нахмурился.

— Я не совсем понимаю, мосье Пуаро. Но, во всяком случае, — он снова включил свою ослепительную улыбку, — хорошо, что мы все теперь знаем, как обстоит дело. Было не очень-то приятно, мягко выражаясь, жить с подозрением, что кто-то из нас отправил на тот свет бедного старого дядю Ричарда.

— Вы думаете о нем как о «бедном старом дяде»? И только?

— Ну, конечно, он очень хорошо сохранился…

— Но ведь до самой своей смерти он оставался человеком весьма умным и проницательным.

— Пожалуй, что так.

— И отлично разбирался в людях?

Улыбка на лице собеседника оставалась такой же сияющей.

— Тут, мосье Пуаро, я вряд ли могу согласиться с вами. Меня, например, он явно не оценил.

— Быть может, потому, что считал вас не особенно способным хранить супружескую верность?

— Что за старомодная идея! — засмеялся Майкл.

— Но ведь это правда, не так ли?

— Что вы хотите этим сказать?

Пуаро молча соединил кончики пальцев.

— Наводились кое-какие справки, видите ли.

— Кем? Вами?

— Не только мною.

Майкл Шейн бросил на него быстрый испытующий взгляд. Пуаро отметил скорость его реакции. Майкл Шейн явно не был дураком.

— Вы хотите сказать, что полиция…

— Я хочу сказать, что полиция так и не сочла убийство Коры Ланскене случайным преступлением.

— И они наводили справки обо мне?

Пуаро чопорно ответил:

— Они интересовались передвижениями родственников миссис Ланскене в день, когда она была убита.

Ну и влип же я! — Майкл говорил с обезоруживающей искренностью.

— Вот как, мистер Шейн?

— Вы себе и представить не можете! Я ведь в тот день сказал Розамунд, что обедал с неким Оскаром Льюисом.

— А на самом деле?..

— На самом деле я отправился к одной леди. Ее зовут Соррел Дейнтон, она довольно известная актриса, и я играл с ней в последней постановке. А сейчас я в идиотском положении: полиция-то будет удовлетворена, но вот Розамунд!

Пуаро напустил на себя скромный вид.

— Из-за этой дружбы у вас были неприятности?

— Да… Розамунд заставила Меня пообещать, что я больше не буду встречаться с Соррел.

— Действительно положение затруднительное. Между нами, у вас был роман с этой дамой?

— Не скажу, что я питал к ней какое-то особо сильное чувство… Так, знаете, обычная интрижка.

— Но она любит вас?

— Пожалуй, но женщины вообще народ привязчивый и иногда могут быть надоедливыми. Итак, хотя полиция и будет удовлетворена…

— Вы в этом уверены?

— Ну вряд ли я мог наброситься с топором на Кору, если в тот момент увивался за Соррел совсем в другом месте за много миль. У Соррел коттедж в Кенте[269].

— Так, так. И эта мисс Дейнтон подтвердит ваши слова?

— Ей это наверняка не понравится, но, поскольку речь идет об убийстве, ей, я полагаю, придется дать показания.

— И она, быть может, подтвердит ваше заявление, даже если выв тот день и не увивались, говоря вашими словами, за ней?

— Что такое? — Только что беспечно улыбавшийся Майкл внезапно стал похож на грозовую тучу.

— Эта дама любит вас, а женщины, когда любят, могут присягнуть в чем угодно.

— Вы хотите сказать, что не верите мне?

— Дело не во мне. И не меня вам придется убеждать.

— А кого же?

Пуаро улыбнулся:

— Инспектора Мортона, который только что вышел на террасу из боковой двери.

Майкл Шейн стремительно обернулся.

Глава 23

— Я услышал, что вы здесь, мосье Пуаро, — сказал инспектор Мортон.

Они стали вдвоем прогуливаться по террасе.

— Я приехал сюда вместе со старшим инспектором Паруэллом из Матчфилда. Доктор Ларраби позвонил ему по поводу случая с миссис Лео Эбернети, и он хотел бы здесь кое-что выяснить. Доктор был не совсем удовлетворен.

— А вы, мой друг? — спросил Пуаро. — Каким образом вы причастны к этому? Ведь вы оказались так далеко от вашего родного Беркшира.

— Я хотел бы задать пару вопросов, а люди, которых я намереваюсь расспросить, собрались по счастливой случайности здесь. — Инспектор помолчал и добавил: — Ваших рук дело?

— Моих.

— И в результате миссис Лео Эбернети получила удар по голове.

— Ну здесь уж моей вины нет, — возразил Пуаро. — Если бы она обратилась ко мне… Но она не обратилась. Вместо этого позвонила своему адвокату в Лондон.

— И собиралась все рассказать ему, как вдруг — трах!

— Именно так, как вы сказали: трах!

— И что же она успела сказать этому адвокату?

— Очень мало. Она как раз говорила ему, что смотрелась в зеркало.

— А-а-а, — философски протянул Мортон, — все женщины одинаковы. — Он бросил быстрый взгляд на Пуаро. — Это что-нибудь говорит вам?

— Да. По-моему, я знаю, что она собиралась ему сказать.

— Вы всегда были мастером отгадывать подобные ребусы! Ну, и что же это было?

— Простите, теперь я хочу задать вам вопрос: вы не собираетесь расспрашивать их о смерти Ричарда Эбернети?

— Официально нет. Формально же мои вопросы имеют отношение только к убийству миссис Ланскене.

— Понятно. Однако, друг мой, прошу вас дать мне еще несколько часов. К тому времени я буду знать, правильны ли мои предположения, только предположения, понимаете? И если они правильны…

— Тогда?

— Тогда я смогу дать вам в руки конкретную улику.

— Видит Бог, она нам здорово пригодилась бы, — с чувством

отозвался инспектор Мортон, искоса взглянув на Пуаро. — Что это вы прячете в рукаве?

— Ничего, абсолютно ничего. Дело в том, что улики, существование которой я предполагаю, возможно, нет вообще. Я сделал предположение о ее существовании на основании нескольких случайно услышанных фраз. Быть может, — добавил Пуаро абсолютно неубедительным тоном, — я ошибаюсь.

Мортон улыбнулся:

— Но это с вами случается нечасто, верно?

— Да, нечасто. Хотя, вынужден признаться, бывало и такое.

— Не могу сказать, что меня это огорчает. Оказываться всегда правым иногда может и прискучить.

— Я этого не нахожу, — возразил Пуаро.

Инспектор Мортон рассмеялся:

— Итак, вы хотите, чтобы я повременил с расспросами?

— Нет, вовсе нет. Действуйте как намеревались. Полагаю, вы не думаете о немедленном аресте?

Мортон покачал головой:

— Нет, улики для этого слишком слабы. Для начала мы должны заиметь санкцию прокурора, а нам до этого еще далеко. Мы просто хотим получить объяснения от определенных лиц об их передвижении в тот злополучный день. Кому-то мы, возможно, сопроводим эту просьбу официальным предупреждением.

— Вы имеете в виду миссис Бэнкс?

— Угадали. Она была там в тот день. Ее машина была припаркована в старом карьере.

— А за рулем ее никто не видел?

— Нет. Но плохо, что она умолчала об этой поездке. Ей придется дать убедительные объяснения.

— Будьте уверены, она объяснит вам все что угодно, — сухо заверил собеседника Пуаро. — В этом деле она мастер.

— Охотно верю. Умная молодая особа. Возможно, слишком умная. Плохо быть слишком умной. Как раз на этом и попадаются.

— Всплыло что-нибудь насчет Кроссфилда?

— Ничего особенного. Он относится к самому обычному типу людей. Масса молодых вроде него колесит по всей стране в поездах, автобусах, на велосипедах. Людям трудно вспомнить неделю спустя, в среду или в четверг они видели кого-то в каком-то определенном месте. — Он сделал паузу и продолжил: — Кстати, у меня есть кое-какие любопытные данные. От матери настоятельницы одного монастыря. Две ее монахини собирали пожертвования и заглянули в коттедж миссис Ланскене. Это было за день до того, как ее убили. Они не смогли достучаться и

дозвониться, и это вполне естественно: сама она уехала на похороны брата на север, а компаньонка взяла свободный день и отправилась с экскурсией в Борнмут[270]. Но странное дело: монахини утверждают, что в коттедже все-таки кто-то был, что они ясно слышали вздохи и стоны. Я спросил, может, это было день спустя, но настоятельница совершенно уверена, что нет. Все их походы за пожертвованиями заносятся в какую-то книгу. Что скажете? Может, какой-то неизвестный искал что-то в коттедже, воспользовавшись отсутствием обеих женщин, и, ничего не найдя, вернулся на следующий день? Что касается вздохов и стонов, то это, по всей вероятности, плод воображения монахинь. Даже монахини впечатлительны, а в коттедже, где было совершено убийство, не захочешь да услышишь вздохи и стоны. Они ведь рассказывали о своем визите уже после того, как стало известно об убийстве, и наверняка что-нибудь присочинили. Важно другое: был ли кто-нибудь в коттедже? И если да, то кто именно? Ведь вся семейка Эбернети пребывала здесь, на похоронах.

Вместо ответа Пуаро задал вопрос, казалось бы не относящийся к делу:

— Эти монахини не повторили позднее своей попытки попасть в коттедж?

— Представьте себе, да! Примерно неделю спустя. Кажется, в день дознания.

— Все сходится, — воскликнул Пуаро, — просто великолепно сходится!

Инспектор Мортон взглянул на него:

— Я вижу, вас эти монашенки сильно заинтересовали. Почему, собственно?

— Потому, что мое внимание как будто специально привлекают к этому обстоятельству, и весьма настойчиво. Вы, инспектор, разумеется, отметили, что монахини приходили в коттедж в тот же день, когда там неизвестно откуда появился отравленный свадебный пирог?

— Но вы ведь не думаете, что… Эта идея просто смешна!

— Мои идеи никогда не бывают смешными, — сурово парировал Пуаро. — А теперь, дорогой мой, я предоставляю вам возможность заняться выяснением обстоятельств покушения на миссис Эбернети, которые, несомненно, вас весьма интересуют, а сам отправлюсь побеседовать с племянницей покойного Ричарда.

— Будьте осторожны в разговоре с миссис Бэнкс, не спугните ее раньше времени.

— Вы меня не поняли. Я имею в виду другую племянницу покойного мистера Эбернети.

Пуаро нашел Розамунд сидящей на скамье у ручья в зарослях

рододендронов[271]. Она смотрела на воду и о чем-то размышляла.

— Надеюсь, я не помешаю Офелии[272], — галантно сказал он, устраиваясь рядом. — Быть может, вы учили эту роль?

— Я никогда не играла Шекспира. Один раз, правда, я была Джессикой в «Венецианском купце». Вшивенькая роль.

— Но очень трогательная, согласитесь. Вспомните, например, то место, где говорится о сладостных звуках музыки. Как тяжело, должно быть, бедной Джессике, дочери всеми ненавидимого и презираемого еврея. Какие сомнения, надо думать, терзали ее, когда она с червонцами своего отца бежала из родительского дома к возлюбленному. Джессика с золотом — одно дело, Джессика без золота — совсем другое.

Розамунд повернула голову и взглянула на Пуаро.

— Я думала, вы уехали, — сказала она укоризненно, посмотрев на свои ручные часики. — Сейчас уже больше двенадцати.

— Я опоздал на поезд, — ответил Пуаро.

— Почему?

— Вы полагаете, я сделал это намеренно?

— Конечно. Вы ведь человек пунктуальный, не так ли? Если бы вы хотели успеть на поезд, то, я думаю, успели бы.

— Ваша логика, мадам, восхитительна. А знаете, сидя в беседке, я рассчитывал на ваш визит.

Розамунд удивленно взглянула на него.

— С какой стати? Вы вроде бы попрощались со всеми нами в библиотеке.

— Совершенно верно. Но вы больше ничего не хотите сказать — мне лично?

— Нет, — покачала головой Розамунд. — Мне нужно было подумать о многом. О важных вещах.

— Понятно.

— Я не очень часто думаю, жаль терять на это время. Но на этот раз дело действительно важное. Человек должен думать о том, какой он хочет видеть свою будущую жизнь.

— И вы думали именно об этом?

— В общем, да… Я пыталась решить для себя кое-что.

— Это касается вашего супруга?

— В некотором смысле да.

Пуаро, помедлив, сказал:

— Только что приехал инспектор Мортон. Он расследует дело о смерти миссис Ланскене и хотел бы услышать, что вы все делали в день ее убийства.

— Понятно. Алиби, — весело подхватила Розамунд. Ее

очаровательное личико озарилось плутоватой улыбкой. — Интересно, как выкрутится Майкл? Он думает, я не знаю, что на самом деле он в тот день ездил к этой бабе.

— А почему вы так решили?

— Ну хотя бы по его виду, когда он сказал, что отправляется обедать с Оскаром. Так небрежно, так между прочим, а кончик носа у него слегка дергался, как всегда, когда он врет.

— Слава Богу, мадам, что я не ваш муж!

— Ну а потом, конечно, я просто позвонила Оскару, — продолжила Розамунд. — Мужчины всегда так неумело лгут.

— Боюсь, мистер Шейн не самый верный из мужей? — отважился Пуаро.

Розамунд, однако, ничуть не обиделась.

— Да, не самый верный, — спокойно подтвердила она. — Но это даже забавно — иметь мужа, которого старается отбить каждая женщина. Я бы не хотела, как бедняжка Сьюзен, быть замужем за мужчиной, на которого другие женщины и не смотрят. Право же, Грег в этом смысле полное ничтожество.

Пуаро испытующе смотрел на нее.

— А вдруг кому-то все же удастся отбить у вас мужа?

— Не удастся. Теперь не удастся.

— Почему?

— Никуда он не уйдет сейчас, когда у меня в руках денежки дяди Ричарда. Эти шлюхи были бы не прочь отбить его. Эта Соррел Дейнтон, например, буквально вцепилась в него мертвой хваткой. Он, безусловно, бабник, но на первом месте у него всегда театр. Теперь он может развернуться как следует, не только сам играть, но и ставить спектакли. Он, знаете, честолюбив и по-настоящему талантлив. Не то что я. Я обожаю сцену, но как актриса ничего не стою, если не считать, конечно, внешности. Нет, теперь, когда у меня есть деньги, Майкл меня ни за что не бросит.

Ее глаза спокойно встретили взгляд Пуаро. Он подумал: «Как странно, что обе племянницы Ричарда Эбернети глубоко полюбили мужчин, неспособных ответить на эту любовь. А ведь Розамунд настоящая красавица, да и Сьюзен по-женски привлекательна. Но если Сьюзен нужна любовь Грега и она изо всех сил цепляется хотя бы за иллюзию этой любви, то Розамунд ни в коей мере на этот счет не обманывается, но зато твердо знает, чего она хочет».

— Дело в том, — сказала Розамунд, — что я должна принять важное решение на будущее. Майкл еще ничего не знает. — На ее лице снова появилась улыбка, сделавшая ее похожей на прелестного лукавого бесенка. — Я проговорилась ему, что не

ходила в тот день за покупками, а была в Риджент-парке. Так у него от ревности вся шерсть встала дыбом.

— Риджент-парк? — Пуаро, казалось, не понимал, в чем дело.

— Ну да. Я сначала была на Харли-стрит[273], где живут все эти врачи. Потом пошла в парк, просто походить и подумать. А Майкл, естественно, решил, что уж если меня туда понесло, так не иначе как на свидание с каким-нибудь мужиком. — Она улыбнулась ангельской улыбкой: — Ему это было как кость поперек горла.

— А почему бы вам было не пойти в Риджент-парк? Вы что, раньше никогда этого не делали?

— Вы хотите знать, ходила ли я в Риджент-парк просто на прогулку? Конечно нет, никогда. Да и зачем туда ходить?

— Вам незачем, — взглянув на нее повнимательнее, ответил Пуаро. Подумал и добавил: — Мне кажется, мадам, вы должны уступить зеленый малахитовый столик вашей кузине Сьюзен.

Розамунд посмотрела на него широко распахнутыми глазами.

— С какой это стати? Он мне самой нужен.

— Знаю, знаю. Но вы сохраните при себе своего мужа, а бедная Сьюзен своего потеряет.

— Потеряет? Вы считаете, Грег удерет от нее с кем-нибудь? Этот рохля?

— Мужей теряют не только из-за их супружеской неверности, мадам.

— Вы ведь не думаете… — Розамунд воззрилась на Пуаро с искренним удивлением. — Вы ведь не думаете, что это Грег отравил дядю Ричарда, укокошил тетю Кору и стукнул по голове тетю Элен? Какая чепуха! Даже я знаю, кто все это сделал в действительности.

— Кто же?

— Да Джордж, разумеется. Он всегда был продувной бестией. Я знаю, он запутался в каких-то валютных аферах. Мне говорили об этом мои друзья, которые как раз тогда были в Монте[274]. Наверняка дядя Ричард пронюхал про это и собирался вычеркнуть его из своего завещания. — Розамунд улыбнулась улыбкой мадонны и заключила с полнейшим благодушием: — Я-то всегда знала, что это Джордж.

Глава 24

Телеграмму принесли около шести часов вечера. Согласно особой просьбе ее не передали по телефону, а доставили на дом, и Пуаро, слонявшийся уже некоторое время у входной двери, выхватил ее у Лэнскомба, как только тот взял ее из рук рассыльного, и вскрыл с несколько меньшей, чем обычно, аккуратностью.

В телеграмме было два слова и подпись. Пуаро испустил глубочайший вздох облегчения и вручил фунт стерлингов совершенно обалдевшему от столь неслыханной щедрости парнишке.

— Бывают моменты, — пояснил детектив Лэнскомбу, — когда экономия неуместна.

— Весьма возможно, сэр, — вежливо отозвался Лэнскомб.

— А где инспектор Мортон? — спросил Пуаро.

— Один джентльмен из полиции уехал, — Лэнскомб говорил с отвращением, явно давая понять своим тоном, что запоминать имена полицейских ниже его достоинства, — а другой, по-моему, в кабинете.

— Великолепно! — воскликнул Пуаро. — Я сейчас же присоединюсь к нему. — Он похлопал Лэнскомба по плечу и сказал: — Потерпите, мы близки к месту прибытия.

Лэнскомб, слегка озадаченный этим заявлением, поскольку его мысли были заняты не прибытием, а, наоборот, отъездом, спросил:

— Значит, вы не уезжаете, как собирались, поездом в девять тридцать?

— Не теряйте надежды, — успокоил его Пуаро. Он повернулся на каблуках и спросил: — Не припомните ли вы, какими были первые слова, сказанные миссис Ланскене, когда она приехала сюда на похороны вашего хозяина?

— Прекрасно помню, сэр, — охотно ответил старик, и лицо его просветлело. — Мисс Кора… прошу прощения, миссис Ланскене, но я про себя всегда называю ее мисс Корой…

— Вполне естественно.

— Так вот, она сказала мне: «Хэлло, Лэнскомб. Много прошло времени с тех пор, как вы, бывало, приносили нам пирожные в наши шалаши». У всех детей были свои, как они их называли, шалаши близ изгороди в парке. Летом, когда в доме устраивали званый обед, я обычно приносил молодым господам туда несколько пирожных. Мисс Кора, сэр, очень любила покушать.

— Да, я так и думал. — Пуаро утвердительно кивнул. — Это

было весьма характерно для нее, — заключил он и отправился в кабинет.

Найдя там Мортона, он молча протянул ему телеграмму.

— Ничего не понимаю, — сказал инспектор, прочтя ее.

— Пришло время рассказать вам все.

Мортон ухмыльнулся:

— Вы выражаетесь как молодая барышня в викторианском романе: «Пришло время рассказать правду». Но вам действительно пора сказать что-нибудь. Я не могу больше тянуть. Этот парень, Бэнкс, все твердит, что он отравил Ричарда Эбернети, и хвастается, что нам нипочем не догадаться, как он это сделал. И почему это, когда речь идет об убийстве, всегда найдется кто-нибудь, кто будет с пеной у рта доказывать, что убийца — это он? Не могу понять, что находят в этом люди.

— Они находят, вероятно, защиту от необходимости отвечать за реальные поступки в реальной жизни, иными словами, своеобразный санаторий Форсдайк.

— Вероятнее всего, Бродмур[275].

— Ну что же, может, оно и так.

— Неужели это действительно он, Пуаро? Джилкрист рассказала нам то же, что и вам. Поведение же Сьюзен в этом случае совпадает с мнением о ней ее покойного дядюшки. Если ее муж и впрямь сделал это, она поневоле стала его соучастницей. Правда, я и представить себе не могу ее замешанной в нечто подобное. С другой стороны, она конечно же пойдет на все, чтобы выручить мужа…

— Я расскажу вам…

— Да, да, расскажите мне все. И, ради всего святого, сделайте это поскорее!

На этот раз Пуаро собрал всех в большой гостиной. Сейчас лица присутствовавших выражали не столько страх и напряженность, сколько желание развлечься. Это намерение материализовалось с появлением инспектора Мортона и старшего инспектора Паруэлла. Присутствие полицейских, отвечающих за следствие и уполномоченных задавать вопросы, делало частного детектива фигурой почти шутовской. Тимоти выразил почти общее настроение, когда, обращаясь к жене, но явно желая быть услышанным всеми, заявил:

— Этот коротышка просто прощелыга! А Энтуисл, должно быть, совсем выжил из ума? Вот и все, что я могу сказать.

Похоже, что Пуаро будет трудновато достичь должного эффекта.

Он начал слегка напыщенным тоном:

— Вот уже второй раз я объявляю о своем отъезде. Сегодня

утром я назначил его на двенадцать часов дня. Сейчас я говорю, что уеду в девять тридцать вечера, иными словами, сразу после обеда. Я уезжаю потому, что мне больше нечего здесь делать.

— Это я мог бы сказать ему с самого начала, — проворчал Тимоти, откровенно желая, чтобы Пуаро его услышал. — Ему тут и нечего было делать. Ну и нахал.

— Я приехал сюда, чтобы разгадать загадку. Теперь она разгадана. Позволю себе остановиться на нескольких моментах, к которым привлек мое внимание милейший мистер Энтуисл.

Во-первых, скоропостижно умирает Ричард Эбернети. Во-вторых, после похорон его сестра Кора Ланскене говорит: «Но ведь Ричарда убили, не так ли?» Возникает вопрос: не являются ли эти события причиной и следствием? Далее: мисс Джилкрист, компаньонка убитой, заболевает, отведав свадебного пирога, начиненного мышьяком. Не является ли это следующим звеном в цепи связанных между собой происшествий?

Как я уже говорил вам сегодня утром, в ходе моих расследований я не обнаружил абсолютно ничего, подтверждающего подозрение, что мистер Эбернети был отравлен. Точно так же я не обнаружил ничего, со всею несомненностью доказывающего, что он не был отравлен. С прочими звеньями цепи дело обстояло яснее. Кора Ланскене, безусловно, задала свой роковой вопрос. Это подтверждают все. Точно так же несомненно, что на следующий день, сама миссис Ланскене была убита. Рассмотрим четвертое из интересующих нас событий. Водитель почтового фургона утверждает, хотя он и не решился бы поклясться в этом, что не доставлял в коттедж посылку со свадебным пирогом. А значит, сверток был принесен туда кем-то другим. Поэтому, хотя мы и не можем исключить причастности к этому делу некоего «неизвестного», прежде всего следует заняться теми, кто был там, на месте, и имел возможность подбросить пирог. Это, разумеется, сама мисс Джилкрист; Сьюзен Бэнкс, приехавшая в тот день на дознание; мистер Энтуисл, ибо он присутствовал, когда Кора задала свой роковой вопрос; некий мистер Гатри, художественный критик, и монахиня или монахини, забредшие утром за пожертвованиями.

Для начала я решил исходить из того, что память не подвела шофера. Следовательно, необходимо было внимательнее присмотреться ко всем членам нашей маленькой группы подозреваемых. Мисс Джилкрист ничего не выиграла от смерти Ричарда Эбернети и получила лишь крайне незначительную выгоду от кончины миссис Ланскене, убийство которой, с другой стороны, заметно затруднило ей подыскание нового места. Кроме того, мисс Джилкрист была сама доставлена в больницу с

несомненными признаками отравления мышьяком.

Сьюзен Бэнкс получила крупную выгоду от кончины своего дяди и — правда, гораздо меньшую — от смерти Коры Ланскене, впрочем, в этом последнем случае побудительным мотивом могло быть, почти наверняка, желание обезопасить себя. К тому же у нее были веские основания предполагать, что мисс Джилкрист подслушала беседу миссис Ланскене с братом, в которой упоминалось ее имя, и она вполне могла счесть необходимым убрать опасного свидетеля. Напомню, что сама она не пожелала откушать свадебного пирога, а когда мисс Джилкрист ночью стало плохо, предлагала повременить до утра с вызовом врача.

Мистер Энтуисл теоретически ничего не выигрывал от этих смертей, но он в значительной мере распоряжался делами мистера Эбернети, ему были доверены крупные суммы, и — как знать! — быть может, у него были свои причины не позволять мистеру Эбернети слишком заживаться на этом свете. Вы спросите: почему мистер Энтуисл обратился к в а м, если он виновен? Отвечу: это был бы не первый случай, когда убийцу губит излишняя самонадеянность.

Остаются двое: мистер Гатри и монахиня. Если первый действительно мистер Гатри, критик и искусствовед, это снимает с него всякие подозрения. То же относится и к монахине, если она на самом деле таковой является. Вопрос, значит, в том, действительно ли они те, за кого себя выдают?

И тут вырисовывается любопытный лейтмотив. Я бы назвал его монашеским. Монахиня подходит к дому мистера Тимоти Эбернети, и мисс Джилкрист кажется, что это та же самая, которую она видела в Литчетт Сент-Мэри. Монахиня или монахини заглядывали и сюда накануне смерти мистера Эбернети.

Джордж Кроссфилд пробормотал:

— Ставлю три против одного за монахиню.

Пуаро продолжил:

— Итак, налицо отдельные фрагменты картины: смерть мистера Эбернети, убийство Коры Ланскене, отравленный пирог, лейтмотив в виде монахини.

Добавлю к этому еще несколько моментов, привлекших мое внимание: визит художественного критика, запах масляной краски, почтовая открытка с видом гавани в Польфлексане и, наконец, букет восковых цветов на том вон малахитовом столике, где сейчас стоит китайская ваза.

Размышляя над этими вещами, я постепенно добрался до истины и сейчас расскажу вам, что же произошло на самом деле.

Кое о чем я уже говорил вам сегодня утром. Ричард Эбернети

умер внезапно, но не было бы ровно никаких причин заподозрить, что дело нечисто, если бы не слова, сказанные его сестрой Корой на похоронах. Все дело об убийстве Ричарда Эбернети держится на этих словах. Из-за них вы поверили в убийство, и не потому, что они были так уж убедительны, а потому, что их произнесла именно Кора Ланскене, известная своей способностью говорить правду в самые неподходящие моменты. Итак, в основе дела об убийстве Ричарда не только сказанное Корой, но и сама Кора.

Дойдя в своих рассуждениях до этого места, я вдруг задал себе вопрос, насколько хорошо вы все знали Кору Ланскене?

На мгновение воцарилось молчание, и Сьюзен спросила резким тоном:

— Что вы имеете в виду?

Однако Пуаро продолжил:

— И сам себе ответил: вы знали ее очень и очень мало. Молодое поколение если и видело ее, то только в детстве. Фактически из всех присутствовавших в тот день Кору знали лишь трое: дворецкий Лэнскомб, старый и полуслепой; миссис Тимоти Эбернети, видевшая ее на своей собственной свадьбе и несколько раз потом; и миссис Лео Эбернети, знакомая с Корой довольно хорошо, но не видевшая ее более двадцати лет.

Тогда я спросил себя: а что, если на похороны в тот день приезжала вовсе не Кора Ланскене?

— Вы хотите сказать, что тетя Кора *это* не тетя Кора? — В голосе Сьюзен прозвучало откровенное недоверие. — Вы хотите сказать, что убили не тетю Кору, а кого-то другого?

— Нет-нет. Убили-то Кору Ланскене. Но *не* Кора Ланскене приехала в Эндерби накануне похорон своего брата. Женщина, явившаяся сюда под ее именем, сделала это с единственной целью — обыграть, если можно так выразиться, факт внезапной кончины Ричарда Эбернети и заставить родственников поверить, что его убили. Надо сказать, ей это вполне удалось!

— Чепуха! Зачем? С какой целью? — грубовато сыпала вопросами Мод Эбернети.

— С какой целью? С целью отвлечь внимание от другого убийства, а именно от убийства самой Коры Ланскене. Ведь если Кора говорит, что Ричарда убили, а на следующий день сама погибает насильственной смертью, то есть все основания рассчитывать, что эти две смерти будут восприняты как причина и следствие. Но если Кору найдут убитой, а версия насчет грабежа со взломом не покажется полиции достаточно убедительной, то где она начнет искать убийцу? Разумеется, поближе к дому, и подозрение неизбежно падет на женщину, делившую кров с покойной.

Мисс Джилкрист запротестовала почти беспечным тоном:

— О, мосье Понталье… не думаете же вы на самом деле, что я убила человека из-за аметистовой брошки и нескольких эскизов, которые ломаного гроша не стоят?

— Нет, я думаю, вас привлекла добыча покрупнее. Один из этих эскизов, мисс Джилкрист, изображает гавань в Польфлексане и, как правильно догадалась миссис Бэнкс, срисован с почтовой открытки, на которой еще красуется старый причал. Но миссис Ланскене всегда рисовала с натуры. Я вспомнил, что мистер Энтуисл упомянул о запахе масляной краски, который он почувствовал, впервые войдя в коттедж. Вы ведь умеете рисовать, не правда ли, мисс Джилкрист? Ваш отец был художником, и вы разбираетесь в картинах. Допустим, что одна из картин, купленных Корой по дешевке на распродаже, действительно ценное полотно. Допустим, сама она этого не поняла, но поняли вы. Вам было известно, что в скором времени она ожидает визита старого друга, известного искусствоведа. Потом вдруг скоропостижно умирает ее брат, и в вашем мозгу стремительно складывается некий план. В чай, поданный вами рано утром миссис Ланскене, подмешана лошадиная доза снотворного, и на протяжении всего дня похорон, пока она в бессознательном состоянии лежит в запертом коттедже, вы играете ее роль в Эндерби, о котором вы все знаете со слов Коры. Как это нередко бывает со стареющими людьми, она много и часто рассказывала о своем детстве. Вам было легче легкого начать с адресованных старику Лэнскомбу слов о пирожных и шалашах, они сразу бы рассеяли подозрения, если бы старик вдруг насторожился. Вы прекрасно использовали в тот день свои сведения об Эндерби, узнавая старые вещи, припоминая тот или другой эпизод из прошлого. Никому из присутствовавших и в голову не пришло, что вы вовсе не Кора. На вас было ее платье, под которое вы что-то надели, чтобы казаться пополнее, а поскольку миссис Ланскене пользовалась накладкой, то и прическа не представила для вас никаких трудностей: вы просто-напросто взяли запасную накладку своей хозяйки. Никто не видел Кору двадцать лет, а за такой срок люди так меняются, что нередко слышишь что-нибудь вроде: «Я и не узнал бы ее, так она переменилась». Но привычки, манера вести себя запоминаются, а у Коры были свойственные только ей манеры и ужимки, которые вы тщательно отрепетировали перед зеркалом.

И вот тут-то, как ни странно, вы допустили вашу первую ошибку. Вы забыли, мисс Джилкрист, что в зеркале все отражается наоборот. Оттачивая перед зеркалом движение, которым Кора склоняла голову к плечу, вы упустили из виду, что

перед вами зеркальное отображение. Кора наклоняла голову вправо, вы же, чтобы получить в зеркале тот же эффект, склоняли ее влево.

Вот что озадачило и смутно встревожило Элен Эбернети в момент, когда вы обронили свой роковой намек. Что-то показалось ей неладным. Вчера вечером, когда Розамунд Шейн тоже сделала одно крайне неожиданное для всех замечание, я собственными глазами убедился, что происходит в подобных случаях: все присутствующие обязательно смотрят на говорящего. Это неизбежная психологическая реакция. Следовательно, когда миссис Лео ощутила «что-то неладное», это имело отношение к Коре Ланскене. Я думаю, после вчерашних разговоров о «зеркальном отражении» и «взгляде на себя со стороны» миссис Лео, сидя перед зеркалом, задумалась о Коре, вспомнила ее привычку склонять голову к правому плечу и машинально повторила это движение. Но отражение в зеркале показалось ей каким-то странным. Вот тут-то она и поняла, что именно озадачило ее в день похорон. Миссис Лео попыталась найти объяснение. Одно из двух: либо Кора с годами приобрела привычку склонять голову к другому плечу, что крайне маловероятно, либо Кора не была Корой. И то и другое представилось ей одинаково абсурдным, но, тем не менее, она решила сразу же сообщить о своем открытии мистеру Энтуислу. Однако кто-то, привыкший вставать рано, был уже на ногах, последовал за ней, услышал начало разговора и, опасаясь возможного разоблачения, ударил ее по голове тяжелым мраморным стопором для двери.

Пуаро помолчал и добавил:

— Кстати, мисс Джилкрист, могу сообщить вам, что сотрясение мозга у миссис Элен Эбернети не столь уж серьезное. Вскоре она сможет сама все рассказать.

— Никогда я не делала ничего подобного! — возмущенно воскликнула мисс Джилкрист. — С вашей стороны просто грешно возводить на меня такую напраслину!

— Это были вы… в тот день, — внезапно заговорил Майкл Шейн. — Как это я не сообразил раньше? У меня было смутное ощущение, что где-то я вас уже видел, но, естественно, никто ведь не приглядывается к… — Он умолк.

— …К какой-то компаньонке, — закончила за него мисс Джилкрист. Голос ее слегка дрогнул. — Серая рабочая скотинка. Вечная прислуга! Но продолжайте свою фантастическую историю, мосье, прошу вас.

— Намек на убийство, оброненный на похоронах, был, конечно, лишь первым шагом, — вновь заговорил Пуаро. — У вас

было в резерве еще кое-что. В любой момент вы были готовы признаться, что подслушали разговор Ричарда с сестрой. На самом деле он, несомненно, сказал ей, что жить ему осталось недолго, и в этом смысл загадочной фразы в письме, которое он написал Коре, вернувшись домой. Другой вашей блестящей выдумкой была «монахиня». Монахиня, вернее, монахини, заглянувшие в коттедж в день дознания, подсказали вам этот лейтмотив, которым вы воспользовались, чтобы подслушать телефонный разговор Мод Эбернети с Элен, находившейся в Эндерби. Он же пригодился вам как один из предлогов для того, чтобы сопровождать мистера Тимоти Эбернети и его жену в Эндерби и выяснить, на кого падают подозрения. Что же касается довольно серьезного, но неопасного для жизни отравления мышьяком, то это старая уловка, которая, собственно, и заставила инспектора Мортона заподозрить вас.

— Ну а картина? — спросила Розамунд. — Что это была за картина?

Пуаро медленно развернул телеграмму.

— Сегодня утром я позвонил мистеру Энтуислу и попросил его отправиться в Стэнсфилд-Грейдж. Там, действуя по поручению самого мистера Эбернети, — тут Пуаро устремил непреклонный взгляд на Тимоти, — он должен был отыскать среди картин, принадлежащих мисс Джилкрист, одну с изображением Польфлексана и увезти ее под предлогом изготовления рамы как сюрприза для мисс Джилкрист. Вернувшись в Лондон, мистер Энтуисл, как ему было поручено, доставил полотно мистеру Гатри, которого я заранее предупредил телеграммой.

Йод торопливо намалеванным эскизом, когда его смыли, оказалась другая картина. — Пуаро поднес телеграмму к глазам и прочел вслух: — *«Безусловно, Вермеер*[276] *Гатри».*

Внезапно, словно подталкиваемая какой-то неведомой силой, мисс Джилкрист разразилась потоком слов:

— Я знала, что это Вермеер. Я сразу догадалась! Ей это и в голову не пришло! Вечно рассуждать о Рембрандтах, об итальянских примитивистах и не разглядеть Вермеера под самым своим носом! Всегда разглагольствовать об искусстве, ничего в нем не смысля! Она, если хотите знать, всегда была дурой каких мало. Без конца до тошноты рассказывала об этом самом Эндерби, о своем детстве, о Ричарде, Тимоти, Лауре и всех остальных. У этой семейки денег куры не клевали, всегда у этих деточек все было только самое лучшее, как же иначе?! Вы представить себе не можете, какая тоска была выслушивать все это — час за часом, день за днем. Да еще поддакивать: «Да,

миссис Ланскене», «Да что вы, миссис Ланскене». И делать вид, будто тебе интересно, а на самом деле умирать от скуки. И знать, что никакого просвета в жизни уже не будет… И вдруг — Вермеер! Недавно я читала в газетах, что какую-то картину Вермеера продали на днях за пять тысяч фунтов!

— И вы убили ее, да еще так зверски… ради каких-то пяти тысяч? — Вопрос Сьюзен звучал так, словно она не верила собственным ушам.

— За пять тысяч фунтов, — разъяснил Пуаро, — можно было бы снять помещение под чайную и обставить его.

Мисс Джилкрист обернулась к нему:

— По крайней мере, хоть вы понимаете. Это был мой единственный шанс, первый и последний в жизни. Мне нужен был капитал на обзаведение. — Она была в каком-то исступлении, заставлявшем вибрировать ее голос. — Я собиралась назвать свою чайную «Пальма». И маленькие фигурки верблюдов в качестве держалок для меню. При случае можно купить неплохой фарфор из остатков посуды на экспорт, а не эти ужасные белые плошки. Мне хотелось начать в каком-нибудь приличном месте так, чтобы в мою чайную приходили милые, порядочные люди. В Рае, скажем… или, может быть, в Честере[277]… Я уверена, дело у меня пошло бы. — Мисс Джилкрист помолчала и добавила мечтательно: — Дубовые столики, а вокруг них плетеные кресла с подушками в красную и белую полоску…

Несколько мгновений маленькая чайная, которой не суждено было появиться на свет, казалась чем-то более реальным, нежели гостиная в Эндерби с ее викторианской солидностью…

Чары разрушил инспектор Мортон.

Мисс Джилкрист встряхнулась.

— Сию минуту, — вежливо произнесла она. — Со мной у вас не будет никаких хлопот. В конце концов, если уж у меня не будет моей «Пальмы», остальное не имеет значения…

Она вышла из комнаты в сопровождении инспектора.

— Мисс-убийца… — дрожащим голосом сказала Сьюзен. — Я и вообразить себе не могла… Это страшно, правда?

Глава 25

— Но я не понимаю, при чем тут восковые цветы, — говорила Розамунд.

Она с выражением упрека устремила на Пуаро свои огромные глаза. Собеседники сидели в лондонской квартире Элен. Сама хозяйка отдыхала, лежа на диване, а Розамунд и Пуаро пили чай.

— Не вижу, какое отношение восковые цветы или малахитовый столик имеют ко всему этому, — продолжала допытываться молодая женщина.

— Малахитовый столик — никакого. Но восковые цветы были второй ошибкой мисс Джилкрист. Она сказала, что они прекрасно выглядят на этом столе. Но, мадам, она никак не могла видеть их там. Ведь колпак, которым они были накрыты, разбился, и их убрали в шкаф прежде, чем она приехала в Эндерби с Тимоти Эбернети и его женой. Значит, она могла видеть эти цветы только тогда, когда была там под видом Коры Ланскене.

— Как глупо с ее стороны, не правда ли? — спросила Розамунд.

Пуаро укоризненно погрозил ей пальцем.

— Это доказывает, мадам, насколько опасны разговоры. По моему твердому убеждению, если вам удастся заставить человека разговориться, он рано или поздно так или иначе выдаст себя. Это и случилось с мисс Джилкрист.

— Мне придется быть поосторожнее, — задумчиво произнесла Розамунд. Лицо ее просветлело. — А знаете, у меня будет бэби.

— А-а-а! Так вот что значили Харли-стрит и Риджент-парк?

— Да. Я была так расстроена и ошеломлена, что мне было просто необходимо пойти куда-нибудь и как следует подумать.

— Я помню, вы сказали, что с вами такое случается не очень часто.

— Ну, гораздо легче не слишком задумываться. Но на этот раз мне нужно было принять решение о будущем. И я решила оставить сцену и стать просто мамой.

— Вот роль, которая вам очень подойдет. Я уже предвижу восхитительные фотографии в «Скетче»[278] и «Татлере»[279].

Розамунд счастливо улыбнулась:

— Да, это чудесно. И Майкл в восторге от перспективы стать отцом. Я, по правде говоря, этого от него не ожидала. — Она помолчала и добавила: — Сьюзен получила малахитовый стол. Я подумала, что если уж у меня будет ребенок… — Она оставила фразу незаконченной.

— Салон красоты, открытый Сьюзен, процветает, — вставила Элен. — Я думаю, она добьется большого успеха.

— Да, она просто рождена для успеха, — согласился Пуаро. — В этом отношении она очень напоминает своего дядю.

— Вы, полагаю, имеете в виду Ричарда, а не Тимоти? — спросила Розамунд.

— Конечно, не Тимоти, — подтвердил Пуаро.

Они засмеялись.

— Грег куда-то уехал, — сообщила Розамунд. — По словам Сьюзен, врачи предписали ему полный покой. — Она вопросительно взглянула на Пуаро, но тот промолчал, и она продолжила: — Не могу понять, почему он так упорно твердил, что убил дядю Ричарда. Вы не думаете, что ему просто хотелось порисоваться?

Но Пуаро вернулся к ранее затронутой теме:

— Я только что получил весьма любезное письмо от мистера Тимоти. Он благодарит меня за услуги, оказанные семье.

— По-моему, с дядей Тимоти можно просто рехнуться, — сказала Розамунд.

— Я собираюсь погостить у них на следующей неделе, — вставила Элен. — По-видимому, они нашли садовника, но с домашней прислугой там по-прежнему сложно.

— Им, наверное, не хватает этой ужасной Джилкрист, — прокомментировала Розамунд. — Но, полагаю, в конце концов она укокошила бы и дядю Тимоти. Вот было бы забавно!

— Убийства вас, кажется, вообще забавляют, мадам.

— Да нет, не всегда. Но на этот раз я была так уверена, что это Джордж. Но, может, он еще убьет кого-нибудь, — с надеждой сказала Розамунд.

— И это будет так забавно, — саркастически заметил Пуаро.

— А разве нет? — вопросила Розамунд, беря еще один эклер со стоящей перед ней тарелки.

Пуаро обратился к Элен:

— А вы, мадам, уезжаете на Кипр?

— Да, через две недели.

— Тогда разрешите пожелать вам счастливого пути.

Он поцеловал ей руку. Элен пошла проводить его до двери, оставив в одиночестве Розамунд, которая мечтательно уписывала одно кремовое пирожное за другим. Внезапно Элен проговорила:

— Я хочу, чтобы вы знали, мосье Пуаро. Наследство, оставленное мне Ричардом, значило для меня больше, чем для других.

— Даже так, мадам?

— Видите ли, там, на Кипре, есть мальчик… Мы с мужем

очень любили друг друга и горевали, что у нас нет детей. После его смерти я была невыносимо одинока. В конце войны я работала в госпитале в Лондоне и встретила одного человека. Он был моложе меня и женат, хотя не очень счастливо. Мы пробыли вместе так недолго. Потом он вернулся в Канаду к жене и детям. Он до сих пор ничего не знает о нашем ребенке. Он не обрадовался бы его появлению, а для меня… это было просто ослепительное чудо, начало новой жизни в момент, когда я думала, что я уже старуха и все у меня в прошлом. Теперь, с деньгами Ричарда, я могу дать образование моему так называемому племяннику и помочь ему пробиться в жизни. — Она помолчала и добавила: — Ричард тоже ничего не знал. Я очень любила Ричарда, и он меня тоже… но он не понял бы. Вы знаете так много обо всех нас, что мне захотелось рассказать вам и это.

Пуаро снова склонился к ее руке.

— Привет, Пуаро, — сказал мистер Энтуисл. — Я только что с заседания суда. Ее признали виновной, конечно. Но я не удивлюсь, если все закончится Бродмуром. Она совсем свихнулась, очутившись в тюрьме. Чувствует себя вполне счастливой и ведет себя со всеми очень любезно. Большую часть времени занята планами открытия чайных. Ее последнее заведение называется «Сирень». Она открывает его в Кроумере.

— Интересно, не была ли она всегда чуточку не в своем уме?

— Бог мой, разумеется, нет! Замышляя это убийство, она была столь же нормальна и разумна, как мы с вами. И какое хладнокровие! У этой внешне суетливой и незадачливой старой девы была хорошая голова на плечах, можете мне поверить.

Пуаро слегка вздрогнул.

— Я думаю, — сказал он, — о словах Сьюзен Бэнкс… Насчет того, что она не могла вообразить себе мисс-убийцу.

— А почему бы и нет? — просто спросил мистер Энтуисл. — Среди них попадаются всякие.

Они замолчали. Пуаро задумался об убийцах, с которыми жизнь сталкивала его…

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Багдадская встреча»

Этим романом Агата Кристи спустя 10 лет вновь возвращается к триллеру. Написан он, как и предыдущий роман, во время раскопок в Нимруде. Как раз в это время миссис Кристи была предоставлена персональная комната, которую так и назвали «Комната Агаты». Там стояли стол, два стула, на стене висели две картины иракских художников.

Принято считать, что с начала 50-х годов уровень романов Кристи падает, и «Багдадская встреча» является наглядным тому примером — в нем особенно отчетливо проявляется романтически-авантюрное изображение политических конфликтов, появляются морализаторские нотки, а герои слишком уж смахивают на Томми и Таппенс. Тем не менее и в этот триллер ей, как всегда, удалось привнести столь желанную читателю таинственность ортодоксального детектива. Кроме того, не может не восхищать изящество, легкость повествования и тонкий юмор, выражающийся главным образом в явном подтрунивании над самой собой. Здесь еще не иссяк и юношеский задор, отличающий шпионские романы миссис Кристи. Все это вкупе с явно удавшимся образом прелестной, совершенно в духе Агаты Кристи, главной героини, а также выразительными характерами прочих персонажей делает роман приятнейшим чтением.

Впервые вышел в Англии в 1951 году.

До настоящей публикации существовал один перевод на русский язык. Перевод И. Бернштейн выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Миссис Макгинти с жизнью рассталась»

Один из немногих романов Агаты Кристи, где на сцену выведены представители рабочего сословия, а наиболее типичные для ее творчества представители «среднего класса» показаны по-послевоенному обнищавшими.

Кстати, слово «сцена» довольно точно отражает схему построения романа — он появился благодаря близкому знакомству Агаты Кристи с миром театра. Убийства явно поданы в драматическом ракурсе, и все происходящее читатель

наблюдает как бы находясь в зрительном зале. Недаром роман посвящен Питеру Сондерсу, режиссеру многих успешных постановок ее пьес и близкому другу, и можно не сомневаться, что в сценах споров миссис Оливер с одним из персонажей романа — драматургом Робином Апуордом Кристи воссоздала хорошо знакомую ей ситуацию, когда инсценировщик романа «Убийство Роджера Экройда» пожелал сделать Пуаро намного моложе.

В романе много колоритных персонажей, в том числе и основной подозреваемый Джеймс Бентли, крайне непривлекательный типаж. Стоит отметить, что в 1952 году убийство в Англии все еще каралось смертной казнью, что было несомненным благом для авторов детективов, ибо придавало сюжету остроту — ошибка судьи могла обернуться трагедией — гибелью невиновного.

Спустя долгие годы на страницах романа снова появляется автор детективных романов миссис Ариадна Оливер — персонаж, явно списанный с самой Агаты Кристи. В этой связи интересен ответ Ариадны Робину Апуорду на его предложение написать «посмертный» роман и в нем «убить» героя ее многочисленных сериалов, частного сыщика Свена Хьерсона. «Еще чего! А как же деньги? Нет, деньги, которые приносят мои убийства, нужны мне сейчас», — отрезала Ариадна Оливер. Читая эти слова, будто слышишь, как озорно усмехается сама Агата Кристи.

Впервые роман опубликован в Англии в 1952 году.

На русский язык переведен М. Заготом и опубликован в книге: Кристи Агата. Миссис Макгинти с жизнью рассталась. Ночная тьма. М., Радуга, 1989. Роман неоднократно переиздавался. Перевод взят из вышеуказанного издания.

«После похорон»

Очередной из цикла романов, написанных на раскопках в Нимруде.

С первых же страниц Агата Кристи погружает читателя в сложные перипетии семейных отношений, попутно прослеживая генеалогию клана Эбернети и направляя все внимание в нужное ей русло. По оценке критики, данная история безусловно более высокого уровня, чем прочие ее истории о семейных распрях.

В романе — большое количество опробованных уже приемов — миссис Кристи использует самые шаблонные свои ситуации и стандартный набор действующих лиц, но делает это явно намеренно, так как читателю предлагается весьма оригинальное

разрешение типовой ситуации — жаль только, что действующие лица, включая «сварливого шизофреника» Тимоти и «приятную женщину» Элен, выглядят несколько незавершенными. Чувствуется, как со временем акценты смещаются на более пожилых персонажей и очевидно некоторое отторжение от молодых людей, что характерно для поздней Кристи.

Впервые роман опубликован в Англии в 1953 году.

На русском языке был издан со значительными купюрами в сборнике: «Зарубежный детектив», Молодая гвардия, 1983.

В дальнейшем неоднократно переиздавался. Специально для этого издания автором перевода И. Бужинской были переведены части, никогда прежде не публиковавшиеся. Кроме того, текст был заново отредактирован. Полностью печатается впервые.

Л. Лстапенков Л. Титов

notes

Примечания

1

Дорогу! *(араб.)*.

2

Ар-Рашид — главная торговая магистраль Багдада; названа именем легендарного халифа Харун-ар-Рашида.

3

Тигр — крупная река в Ираке и Турции, сливается с рекой Евфрат. Междуречье Тигра и Евфрата — один из древнейших центров цивилизации (Вавилония, Ассирия, Шумер).

4

Ярд — единица длины в системе английских мер, равная 0,9144 м.

5

Оттоманка — широкий мягкий диван с подушками, заменяющими спинку, и с валиками по бокам.

6

Киркук город на северо-востоке Ирака (в Курдистане).

7

Здесь явный намек на Иосифа Сталина (1879–1953), которого в правительственных кругах Запада именовали не иначе, как «дядя Джо».

8

британский музей — один из крупнейших музеев мира, в Лондоне, открыт в 1759 году. Памятники первобытного, древневосточного, средневекового искусства, собрания рисунков, гравюр, рукописей, керамики, монет, медалей.

9

Бернадотт — шведский дипломат, в 1949 году был похищен палестинскими террористами.

10

Стрэнд — одна из главных улиц в центральной части Лондона; соединяет Уэст-Энд с Сити; на ней расположены театры, фешенебельные магазины и гостиницы.

11

Тутинг — лесопарковая зона на юге Лондона.

12

Канапе небольшой диван с приподнятым изголовьем.

13

Виктория — большой лондонский вокзал, соединяет столицу с портами на южном побережье Англии.

14

Королева Виктория (1819–1901) — королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии.

15

Шекспир Вильям (1564–1616) — английский поэт и драматург. Крупнейший гуманист эпохи Возрождения.

16

Мильтон Джон (1608–1674) — английский поэт и политический деятель. Основные литературные произведения «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», где, используя библейские сюжеты и образы, он отразил события английской революции XVII века.

17

Британский совет — правительственная организация по развитию культурных связей Великобритании с зарубежными странами.

18

Уехать — значит отчасти умереть *(искаж, фр.)*.

19

Слова Ромео в сцене прощания с Джульеттой. (Акт II, сц. 2).

20

Кенсингтон — рабочий район Лондона на южном берегу реки Темзы.

21

«Картье» — известный ювелирный магазин, расположенный на Бонд-стрит.

22

Бонд-стрит — одна из главных торговых улиц Лондона; известна фешенебельными магазинами, особенно ювелирными, и частными картинными галереями. На Бонд-стрит жил национальный герой Британской империи адмирал Нельсон (1758–1805).

23

Трафальгар-сквер — площадь в центральной части Лондона; одно из известнейших мест города; здесь проводятся различные митинги и демонстрации, на площади находится памятник адмиралу Нельсону; названа в память о победе английского флота в трафальгарском сражении.

24

Адмиралтейство — здание в Лондоне, где до 1964 года находилось Адмиралтейство — Военно-морское министерство Великобритании.

25

Пэл-Мэл — улица в центральной части Лондона, на которой расположены несколько известных клубов.

26

Пикадилли — одна из главных улиц в центральной части Лондона.

27

Сэвил-роу — улица в Лондоне, где расположены дорогие мужские ателье.

28

«Савой» — одна из самых фешенебельных лондонских гостиниц на улице Стрэнд.

29

Макинтош пальто из непромокаемой ткани, названо по имени шотландского химика Макинтоша, нашедшего способ изготовления этих тканей.

30

«Сэндерс, Начальник реки» — популярный приключенческий роман Эдгара Уоллеса (1875–1932).

31

Портланд — Плейс — широкая улица в центральной части Лондона, на которой находятся здания некоторых посольств.

32

Миля — единица длины, применяющаяся главным образом в Великобритании, равная 1,609 км.

33

Абердин — город и порт в Великобритании (Шотландии) на Северном море.

34

Бирмингем — город в Великобритании, административный центр графства Уэст-Мидлендс.

35

Тотнем-Корт-роуд — улица в центральной части Лондона; известна своими магазинами радиотелевизионной и акустической аппаратуры.

36

Юнеско — межправительственная специализированная организация ООН. Существует с 1946 года с целью содействия миру и международной безопасности путем развития сотрудничества между государствами в области просвещения, науки и культуры. Штаб-квартира находится в Париже.

37

Басра — город и морской порт в Ираке.

38

Стерлинговая зона — ряд стран, в которых наряду с национальной валютой имел хождение английский фунт стерлингов. Как правило, это либо бывшие колонии Великобритании, либо страны, находившиеся под ее протекторатом.

39

Мосул город в Ираке на реке Тигр, административный центр.

40

Грин-парк — парков центре Лондона, тянется вдоль улицы Пикадилли, известен со 2-й половины XVII века.

41

«Ритц» — лондонская фешенебельная гостиница на улице Пикадилли. Основана швейцарцем С. Ритцом в 1906 году; название ее стало символом роскоши.

42

Вестминстерское аббатство — особая королевская церковь в Лондоне, место коронации английских монархов, в ней похоронены многие выдающиеся люди.

43

Месопотамия — область в среднем и нижнем течении рек Тигр и Евфрат. Один из древнейших очагов цивилизации. На территории Месопотамии в 4–3 тысячелетиях до н. э. уже сформировалась государственность (Ур, Урук, Лагош и др.).

44

Фулемский дворец — официальная резиденция епископа Лондонского.

45

«Америкен-экспресс» — английский филиал крупной американской туристической фирмы; имеет отделения во многих городах Великобритании.

46

Хитроу — крупнейший аэродром Великобритании. Расположен к западу от Лондона.

47

Шатэль-Арабу — общее русло Тигра и Евфрата в нижнем течении.

48

Фут — единица длины в системе английских мер, равная 0,3048 м.

49

Кашгар — город в Западном Китае, на реке Кашгар, в центре большого оазиса у южного подножия Тянь-Шаня.

50

Эфенди — господин (вежливое обращение к мужчине в странах Ближнего и Среднего Востока).

51

Я бедный *(араб.)*.

52

Динар — денежная единица некоторых стран, в том числе Ирака.

53

Кербела — город в Ираке в долине реки Евфрат, административный центр. Священный город у мусульман-шиитов, здесь находится мавзолей (с мечетью и медресе) внука пророка Мухаммеда — имама Хуссейна, а также мечеть-мавзолей дяди пророка — Абасса.

54

Мари — гель (холм из осгагков древних строений) на правом берегу реки Евфрат близ Сирийско-Иракской границы, является наиболее сохранившимся памятником в Месопотамии. При раскопках было обнаружено 25 000 клинописных табличек, содержащих ценные сведения о политической жизни XVIII века до н. э., а также описание административной и экономической структуры царства.

55

Согласно Библии (Быт. XXXV, 18, 1 Цар. IX, 25, Суд. V, 14 и др.) — передвижения потомков Вениамина, младшего сына Якова от Рахили, образовавших с потомками Иуды царство Иудейское.

Да процветает Итон *(лат.)*.

57

Итон — престижная мужская привилегированная средняя школа в городе Итоне; учащиеся в основном дети аристократических семей; почти все премьер-министры Великобритании выходцы из этой школы. Основана в 1440 году.

58

«Панамерикен» — крупная американская авиационная компания.

59

Кастель Бенито — аэропорт близ города Триполи.

60

Триполитания — историческая область в Ливии. В первой половине I тысячелетия до н. э. в ее прибрежной полосе были основаны три финикийские колонии: Сабрата, Осптис-Магна и Эа (современный Триполи). В конце VI века до н. э. эти колонии получили относительную самостоятельность и вместе со своими владениями составили область Триполитании. В дальнейшем эта территория была под властью различных завоевателей. С декабря 1951 года по май 1969 года Триполи гания — одна из провинций независимой Ливии. В 1963 году как административная единица упразднена.

61

Имеется в виду автономный район Внутренняя Монголия в Северном Китае.

62

Лхаса — город в Китае, в долине реки Джину, на Тибетском нагорье, административный центр Тибетского авюномного района, основан в VII веке, религиозный центр ламаизма.

63

Курдистан — территория в Западной Азии в пределах Ирана, Турции, Сирии, главным образом в Курдистанских горах. Населена в основном курдами.

64

Малая Азия — полуостров в Западной Азии, территория Турции, омывался Черным, Мраморным, Эгейским и Средиземным морями.

65

Сити — исторический центр Лондона, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.

66

Морфий — наркотическое болеутоляющее и снотворное средство. При значительной передозировке действует как яд.

67

Дувр, Фолкстон — города и порты на юго-востоке Великобритании в графстве Кент, у пролива Па-де-Кале.

68

Гастроэнтерит — воспалительное заболевание желудка и тонкою кишечника, обычно сопровождается поражением толстого кишечника.

69

Массивный помпезный шкаф с богатой резьбой.

70

Сарацинская дева — персонаж средневековой легенды, повествующей о любви крестоносца Гилберта и молодой арабской девушки, которая отравилась на поиски возлюбленного, зная только его имя и страну, из которой он родом.

71

Оранжад — прохладительный напиток с апельсиновым соком.

72

«Алиса в Стране Чудес» — повесть-сказка английского писателя, математика Льюиса Кэррола (1832–1898), в которой даны юмористические картины нравов английского общества конца XIX века.

73

Почтенный — титулование представителей наследственных английских дворян — пэров, которое ставится перед именем.

74

Вордсворт Уильям (1770 1850) английский поэт-романтик, представитель так называемой «Озерной школы», приблизил поэтический язык к разговорной речи.

75

Строчка из поэмы Уильяма Вордсворта «Питер Белл».

76

Базар Медников — небольшой базар в старой части города, где продают в основном вещи, изготовленные из меди, а также занимаются их починкой.

77

Наблюдение в бинокль за птицами — развлечение весьма популярное у англичан.

78

Левант — старинное название стран восточной части Средиземноморья и Эгейского моря (от Греции до Египта).

79

«Сон в летнюю ночь» — комедия Вильяма Шекспира.

80

Сайдкар — коктейль из апельсинового ликера и коньяка с лимонным соком и льдом.

81

«Лайм» — сильно газированный лимонный напиток (по названию сорта лимона).

82

Симла — город в Северной Индии, в предгорьях Гималаев, на высоте 2000 м. Административный и научный центр, бальнеологический курорт.

83

Микоберы — бедное, неунывающее, доброжелательное семейство из романа Чарлза Диккенса (1812–1870) «Давид Копперфилд».

Шекспир Вильям «Гамлет» (Акт II, сц 2).

85

Пятая колонна — понятие, славшее именем нарицательным. Возникло от названия агентуры генерала Франко во время гражданской войны в Испании (1936–1939); во время Второй мировой войны «Пятой колонной» называли фашистскую агентуру в различных странах.

86

Золотой век — в представлении многих древних народов, самая ранняя пора человеческого существования, когда люди оставались вечно юными, не знали забот и огорчений, были подобны богам, а смерть, приходившая к ним, была похожа на сладкое забвение.

87

Ромео и Джульетта — персонажи одноименной трагедии Вильяма Шекспира.

88

Белуджистан — историческая область в Азии, на юго-востоке Иранского нагорья, территория Белуджистана входила в различные государства, в настоящее время — в составе Ирана и Пакистана.

89

Упоение жизнью *(фр.)*.

90

Эдем — согласно библейской традиции — страна, где обитали Адам и Ева до грехопадения, синоним Рая.

91

Вавилон — древний город в Месопотамии, к юго-западу от современного Багдада, в XIX–VI веках до н. э. столица древнего Государства Вавилонии.

92

Шекспир Вильям. «Антоний и Клеопатра». (Акт V, сц. 2).

93

Миро — церковное благовонное масло.

Вас слышат вражеские уши! *(фр.)*.

95

Шираз — город на юго-западе Ирана, административный центр, основан в VII веке, во 2-й половине XVIII века столица Ирана, средневековый центр миниатюры, ковроделия.

Бадра город на востоке Ирака, близ границы с Ираном.

97

Али (?—661) — четвертый праведный халиф, двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда.

98

Баальбек — город в Ливане, на территории которого находятся развалины древнего Гелиополя, позднейшей римской колонии Юлии-Августы-Феликс.

99

Дорога процессий — знаменитая дорога, украшенная рельефами из глазурованного кирпича с изображениями фигур идущих животных, построена во времена царя Навуходоносора II, соединяла ворота богини Иштар с главным храмом города.

100

Ворота богини Иштар — самые красивые из семи названных в честь богов ворот Вавилона; служили началом Дороги процессий. Сводчатый вход фланкировали две высокие массивные квадратные в плане башни, украшенные симметрично расположенными рельефами из глазурованного кирпича: на синем и зеленовато-лиловом фоне выделялись белые и золотисто-желтые фигуры идущих быков, львов и драконов.

101

Переиначенный (в оригинале: «Я был царь Вавилонский, а ты…») рефрен из баллады английского поэта Уильяма Эрнста Хенли (1849–1903).

102

Цитата из произведения Джона Мильтона «Потерянный рай».

103

«Комус» — поэтическо-драматическое произведение Джона Мильтона в жанре музыкальной пасторали.

«Седлерс Уэллс»— лондонский королевский оперный театр.

105

Марго Фонтейн (р. 1919) — крупнейшая английская балерина, ученица Г. Гончарова и Ф. Астафьевой.

106

Хлороформ — бесцветная жидкость, входит в составы некоторых медицинских препаратов, в очищенном виде используется в качестве наркоза.

107

Тамариск — род деревьев и кустарниковых. Используют для закрепления песков, посадок на засоленных почвах.

108

Начальные буквы латинской формулы: Reguiet in pacem — да почиет в мире.

109

Благодарение Аллаху *(араб.)*.

110

Сагиб — наименование знатного лица, преимущественно европейца.

111

Антрополог специалист, занимающийся наукой о происхождении и эволюции человека.

112

Тель — холм из остатков древних строений и напластований культурного слоя; археологический термин *(араб.)*.

113

Ассирийская керамика — керамические изделия, относящиеся к XIV–VI вв. до н. э. и обнаруженные на раскопках в районах современного города Мусул, а также Пимруде и Ниневии.

114

Парфянская керамика — керамические изделия, относящиеся к III в. до н. э. — II в. н. э. и обнаруженные на территории Ближнего и Среднего Востока, в основном на территории современной Сирии.

115

Касситский период (1595–1157 до н. э) — период завоевания Вавилону касситскими племенами.

116

Принц-консорт — титул мужа правящей королевы.

117

Дизраэли Бенджамин (1804–1881) — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 годах, лидер консервативной партии, писатель.

118

Трансиордания — до 1946 года название Иордании.

119

Мертвое море — бессточное озеро с большим содержанием солеи; на Ближнем Востоке, в Иордании и Израиле, в тектонической впадине Гхор. Органическая жизнь практически полностью отсутствует, вода Мертвого моря имеет лечебные свойства.

120

Амман — столица Иордании.

121

Зиккурат — в архитектуре древней Месопотамии культовая башня. Зиккураты имели 3–7 ярусов из кирпича-сырца, соединявшихся лестницами и пандусами. Яркий пример зиккурата — Вавилонская башня.

122

Пузу укрепленное поселение на севере Мессопотамии, датируемое серединой II тысячелетия до н. э.

123

Культурные наслоения, по которым возможно датирование археологических находок.

124

Лоуренс Томас Эдвард (1888–1935), «Лоуренс Аравийский» — бршанский разведчик, агент, орпенгалисг, археолог, автор записок, герой популярного голливудского кинофильма.

125

Кашгар — город в Китае.

126

«Как упал ты с неба… сын зари!» — строка из библейской Книги Пророка Исайи, XIV, обращенная к царю Вавилонскому.

127

Святой Антонин (ок. 250–356) — основатель христианского монашества, вел жизнь отшельника в Египте.

128

Романы Чарлза Диккенса (1859), Джейн Остен (1813), Джорджа Эллиота (I860).

129

Оппенгейм Эдвард Филипс (1866–1946), Ле Ке Вильям (1864 1927) английские писатели, авторы криминальных романов.

130

Богарт Хамфри — знаменитый американский киноактер 1930—1940-х годов.

131

Герцог Эдинбургский титул мужа английской королевы.

132

Зигфрид — герой германо-скандинавской мифологии и эпоса, подвиги которого были воснегы в многочисленных немецких и скандинавских памятниках литературы — в «Песни о нибелунгах», «Старшей Эдде», «Младшей Эдде» и др.

133

Ларингит — воспаление слизистой оболочки гортани.

134

Хорейшио Боттомли — мошенник, «прославившийся» организацией крупной аферы с государственными облигациями. Скупал их у населения по 1 фунту (официальная цена 5 фунтов), а на остальные 4 устроил «лотерею». В результат ему удалось «прикарманить» 5 млн. фунтов стерлингов. В 1922 году приговорен к 7 годам каторги.

135

Миссис Харрис — вымышленная приятельница одного из персонажей в романе Диккенса «Мартин Чезлвит».

136

Ахилл — согласно «Илиаде» Гомера, один из храбрейших греческих героев. Его мать — богиня Федита, чтобы сделать сына бессмертным, окунула его, когда он был младенцем, в священные воды Стикса, лишь пятка, за которую она его держала не коснулась воды и осталась уязвимой. Ахилл погиб от стрелы Париса, поразившей его в пятку. Отсюда выражение «Ахиллесова пята» — уязвимое место.

137

Последователи христианского учения, возникшего во второй половине 1-го века в восточных провинциях Римской империи, подвергались в первые века нашей эры жестоким преследованиям со стороны римских императоров, в том числе их кидали на растерзание диким зверям.

138

Стратификация — слоистое строение.

139

Перевранная цитата из «Потерянного рая» Джона Мильтона, у Мильтона Сатана утверждает прямо противоположное.

140

В авторском переводе. «Умножай, смейся, радуйся, приближай, оказывай милости, радуй, одаряй»

141

«Старая бабушка» *(фр.)*.

142

Сохо — район в центральной части Лондона, где сосредоточены рестораны и увеселительные заведения, часто сомнительного или криминального характера и где в начале XX века часто селились иностранцы.

143

Улитки «Старой бабушки» *(фр.)*.

Рогалики *(фр.)*.

145

Второй завтрак *(фр.)*.

146

Обед *(фр.)*.

147

Мой дорогой *(фр.)*.

148

Мой дорогой, дорогой друг! *(фр.)*.

149

Шафтсбери-авеню — улица в центральной части Лондона, на которой находятся несколько театров и кинотеатров.

150

Лестер-сквер — площадь в Уэст-Энде, в центре которой разбит сквер к расположено мною кинотеатров театров, в старину была излюбленным местом дуэлей.

151

Гренадин? Ментоловый ликер? Бенедиктин? Ликер какао?., *(фр.)*.

152

Выйти на пенсию (фр.).

153

Хорошо *(фр.)*.

Секач — топорик для рубки, сечки.

155

Девон — графство на юго-западе Англии.

Дорогой *(фр.)*.

157

Льеж — город в Бельгии, административный центр провинции Льеж.

158

Ну, знаете ли. Это уже чересчур! *(фр.)*.

159

Гинея — денежная единица, имела хождение до 1971 года. До 1813 года монета в одну гинею чеканилась из золота, привозимого из Гвинеи, откуда и название.

160

Ничего себе! *(фр.)*.

161

Пожалуйста *(фр.)*.

162

Афоризм американской поэтессы Эллы Уиллер Уилкокс.

163

«Ньюс ов зи уорлд» — воскресная газета бульварного толка; часто публикует сенсационные материалы неполитического характера; основана в 1843 году.

164

«Санди компэниэн» — воскресная газета бульварного толка; основана в 1931 году.

165

Маргейт — дачное место в графстве Кент, на юго-востоке Великобритании.

166

Ривьера — полоса побережья Средиземного моря; делится на Французскую и Итальянскую, зона отдыха и туризма, международные курорты.

167

Алкалоид — органическое вещество, преимущественно растительного происхождения, отличающееся сильным физиологическим действием.

168

Доминион — название самоуправляющихся бывших колоний, входивших в состав Британской империи, а затем в Британское содружество наций и признающих Английского короля главой своего государства.

169

Аденоиды — разрастание глоточной миндалины, чаще у детей, затрудняют носовое дыхание, часто понижают слух.

170

Шеффилд — город в Великобритании, административный центр графства Саут-Йоркшир.

171

Бродвей — улица в Нью-Йорке, на которой расположены театры, кинотеатры и другие культурно-развлекательные учреждения.

Беркшир — графство на севере Англии.

173

Бакингемшир — графство в Великобритании, в южной Англии, в долине реки Темзы, в так называемой Зеленой области.

174

Сопротивление — название народно-патриотического движения, существовавшего на территориях некоторых стран, оккупированных немецко-фашистскими войсками во время Второй мировой войны.

175

Вильгельм Телль — герой швейцарской народной легенды, отразившей борьбу швейцарцев против Габсбургов в XIV веке. Телль, меткий стрелок из лука, был принужден сбить стрелой яблоко с головы своего маленького сына.

176

Ковент-Гарден — главный лондонский оптовый рынок фруктов, овощей, цветов. Существовал с 1661 до 1977 года; в 1975 году переведен в район Воксхолл и переименован в «Нью Ковент-Гарден».

177

Изящные стулья с лаконично украшенными четырехгранными ножками и ажурной, пышно украшенной в виде цветов, листьев и шнурков, изогнутой спинкой. Напоминали готические и китайские образцы, изготовлялись в мастерских модного краснодеревщика Томаса Чиппендейла.

178

Строки из поэмы «Ивлин Хоуп» английской поэтессы Элизабет Браунинг (1806–1861).

179

Торнадо — название смерчей над сушей в Северной Америке.

180

«Пингвин» — одно из крупнейших издательств; первым начало широкое издание книг в мягкой обложке, выпускает литературу широкого профиля. Основано в 1936 году.

181

Сульфонал — противобактериальный медицинский препарат.

182

Силихемтерьер — мелкая порода норных охотничьих собак, предназначенных для охоты на лис и барсуков.

183

Артрит — воспалительное заболевание суставов.

184

Несколько измененная, ветхозаветная аллюзия (Библия, Исход, 20:5, 20:6).

185

Голсуорси Джон (1867–1933) — писатель, классик английской литературы. Автор множества романов, пьес, рассказов.

Вот! *(фр.)*.

187

Извините *(фр.)*.

188

Теннисон Альфред (1809–1892) — лорд, английский поэт, поэзия которого отличается музыкальностью, живописностью и явно выраженными консервативными традициями.

189

Персия — официальное название Ирана до 1935 года.

Господи *(фр.)*.

191

Пенициллин — лечебный препарат, получаемый из некоторых видов плесневого грибка.

192

Сюрте — традиционное наименование французской уголовной полиции.

193

Музей мадам Тюссо — лондонский музей восковых фигур знахменитых людей. Открылся в 1802 году, назван по имени основательницы.

194

Ист — Энд — большой промышленный и портовый рабочий район к востоку от лондонского Сити.

195

Кардифф — политический и экономический центр Уэллса в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии, порт в Бристольском заливе.

Именно *(фр.)*.

Честное слово *(фр.)*.

198

Оно и видно! *(фр.)*.

199

Цитата из произведения английского писателя Уильма И. Хенли (1849–1903).

Ну да *(фр.)*.

201

Дублин — столица Ирландии, порт на Ирландском море.

202

Ехидна — в греческой мифологии чудовище — полудева-полу-змея, народившая от Тифона — Сфинкса, Цербера, химеру и др. В переносном смысле — злой, коварный человек.

203

Элегантными *(фр.)*.

204

Гейнсборо Томас (1727–1788) — английский портретист, пейзажист, чьи картины отличаются виртуозной легкостью и воздушностью живописи.

205

Бедлам — старейшая психиатрическая лечебница в Лондоне.

206

Лидс — город в Великобритании, главный город графства Уэст-Йоркшир.

207

Секрет Полишинеля *(фр.)*.

208

Йоркшир — одно из крупнейших по территории графств на северо-востоке Великобритании.

209

Викторианская эпоха — эпоха королевы Виктории (правила в 1837–1901 гг).

210

Стиль, господствующий в архитектуре с середины XII по XV–XVI века, которому присуща стрельчатая форма окон и порталов, изящный и сложный орнамент.

211

Символизм — направление в европейском искусстве (в конце XIX— начале XX в), выдвинувшее в качестве основного художественного приема символ, который должен был отображать непостижимую сущность предметов и явлений.

212

Существует традиция — когда в доме покойник принято опускать жалюзи или задергивать шторы.

213

В архитектуре XIX века этап ложной готики, когда каркасную систему готического стиля применяли к современным нуждам.

214

Твид — гладкошерстная полушерстяная ткань саржевого переплетения, идущая на платья и верхнюю одежду.

215

Шабли — известная марка белого французского вина.

216

Капри — остров в Тирренском море, в составе Италии, климатический курорт.

217

Имеются в виду присущие тому времени строгость нравов, мораль и уклад жизни.

218

«Таймс» — ежедневная газета консервативного направления, выходящая в Лондоне с 1785 года.

219

Рединг — город в Великобритании на реке Темза.

220

Примитивизм — направление в живописи конца XIX века, выражало принципиальный отказ от установившихся норм художественной культуры.

221

Дартмур — холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии в графстве Девоншир.

222

Теософия (от *греч.* theos — бог и sophia — мудрость) — мистическая доктрина — эклектическое соединение мистики буддизма и других восточных учений с элементами оккультизма и неортодоксального христианства.

223

Стиль в архитектуре, относящийся к периоду правления четырех королей Георга I (1714–1727), Георга II (1727–1760), Георга III (1760–1820) и Георга IV (1820–1830).

224

Мопс — порода мелких бульдогообразных собак древнего происхождения; выведена в Китае.

225

Правительство, сформированное в результате прихода к власти лейбористской партии (рабочей партии Великобритании) — одной из двух ведущих партий страны, основанной в 1900 году.

Консоме — крепкий бульон из мяса или дичи.

227

Иеремия — пророк, через которого согласно Ветхозаветной традиции Господь предсказал, что за свои грехи иудейский народ будет покорен; после порабощения иудеев пророк Иеремия остался в Иерусалиме, при этом он плакал о грехах своего народа на развалинах города и продолжал учить добру оставшихся жителей (Библия, 4-я Книга Царств, 24–25).

228

Пуи Фюис — марка французского портвейна знаменитой фирмы «Пуи Фюис».

229

Куртон — коктейль из портвейна и других легких охлажденных напитков.

Ну хорошо *(фр.)*.

231

Транквилизаторы — психотропные средства, уменьшающие чувство напряжения, тревоги, страха.

232

Адексолин — болеутоляющее средство, которое входит в состав некоторых лекарственных препаратов.

233

Беркшир — графство на юго-западе Англии.

234

Модернизм — направление в изобразительном и прикладном искусстве и архитектуре конца XIX и начала XX века, противопоставившее себя искусству прошлого.

235

Клематис — кустарниковое вьющееся растение с яркими крупными цветами.

236

Бретань — историческая область во Франции — на полуострове Бретань.

237

Ленч — второй завтрак в 12–14 часов дня, часто заменяет обед.

238

Ките Джон (1795–1821) — английский поэт-романтик В его стихах господствовал культ красоты и гармонии, а также символикоаллегорические мотивы.

239

Кейп Алберт (1620–1691) — голландский художник, писавший в основном речные пейзажи, оживленные фигурками людей и животных.

240

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — великий голландский живописец, рисовальщик, офортист, творчество которого отличается особой эмоциональной выразительностью и психологической глубиной.

241

Бартолоцци Франческо (1727–1815) — итальянский гравер, работавший в технике глубокой печати. Его цветные гравюры, в основном на сентиментальные темы, отличались нежностью и теплотой тонов; пользовались большим спросом в Великобритании.

242

Патина — пленка различных оттенков, образующаяся на поверхности меди, бронзы, латуни при специальной обработке.

243

«Даймлер» — марка легкового автомобиля, выпускаемого немецким автомобильным концерном «Даймлер-Бенц».

244

Бойскауты — добровольная ассоциация, объединяющая подростков от 8 до 20 лет и проповедующая здоровый образ жизни, заповеди христианской морали, патриотизм.

245

Букмекер — лицо, принимающее денежные ставки при игре на скачках, на бегах и т. п.

246

Паддингтон — лондонский вокзал западного направления.

247

Оксфордский университет — один из крупнейших и старейших, имеет в своем составе 39 мужских, 5 женских и 5 смешанных самоуправляющихся колледжей, подчиняющихся конгрегации; основан в XII веке.

248

Мэйфер — фешенебельный район лондонского Уэст-Энда; известен дорогими магазинами и гостиницами. В старину был местом весенних ярмарок (букв, майская ярмарка).

Великолепно! *(фр.)*.

Бог мой *(фр.)*.

251

Святая Елена (2527—330 н. э.) — мать императора Священной Римской Империи Константина Великого Была язычницей, приняла христианство и совершила паломничество в Святую Землю.

Только этого не хватало! *(фр.)*.

253

Извините *(фр.)*.

254

Имбирь — тропическое травянистое растение, корневища которого богаты эфирными маслами. Используется как пряность.

255

Соль Аппингтона — популярное в 50-е годы средство для похудения.

256

Колибри — очень маленькая с красивым ярким оперением птичка, обитающая в Центральной и Южной Америке.

257

Риджент-парк — большой парк в северо-западной части Лондона, площадью 180 га, бывшее место королевской охоты, в нем расположен Лондонский зоопарк.

258

Овалтин — порошок для приготовления питательного шоколадно-молочного напитка и сам напиток.

259

Споуд — марка тонкого фарфора из тонкой глины с костяной золой.

260

Дрезденский фарфор — одна из разновидностей саксонского фарфора, изготавливаемого в местечке рядом с Дрезденом. Изделия явно испытывали влияние Мейсена, но были тяжеловеснее, с более грубым декором и меньшим изяществом.

261

Монте-Карло — город в Монако, на Средиземном море, климатический курорт, финансовый и туристический центр; казино.

262

«Наследство Войси» — пьеса английского писателя, театрального деятеля и актера Х. Г. Баркера (1877–1946).

263

Пикет — старинная карточная игра.

264

Королева Мария (р. 1900–2002) — королева-мать, жена короля Георга VI (1895–1952), мать королевы Елизаветы II.

265

Друг мой *(фр.)*.

266

В связи с фактической блокадой Великобритании во время Второй мировой войной и нехваткой нефтепродуктов и электроэнергии, Британское правительство призвало своих граждан ограничить передвижение по стране на любом виде транспорта.

267

Ливерпуль — город в Великобритании, административный центр графства Мерсисайд.

Так вот *(фр.)*.

269

Кент — графство в бассейне Темзы на юго-востоке Англии.

270

Борнмут — город в Великобритании у пролива Ла-Манш. Климатический курорт.

271

Рододендрон — произрастающая в горных местностях альпийская роза, кустарник с неопадающими листьями и красивыми цветами; разводится как декоративное растение.

272

Офелия — персонаж трагедии «Гамлет» Вильяма Шекспира.

273

Харли-стрит — улица в Лондоне, на которой находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов.

27 4

Монте — сокращенное название Монте-Карло, употребляемое в разговорной речи.

275

Бродмур — известная тюремная психиатрическая клиника.

276

Вермеер Дельфский Ян (1632–1675) — голландский живописец, произведения которого отмечаются поэтическим восприятием повседневной жизни, классической ясностью композиции, богатством и тонкостью колорита, живой светотенью.

277

Честер — главный город графства Чешир.

278

«Скетч» (полное название «Дейли Скетч») — ежедневная малоформатная газета консервативного направления; издавалась концерном «Ассошиэйтед ньюспейперз». Основана в 1909 году; в 1971 году слилась с газетой «Сан».

279

«Татлер» — еженедельная газета консервативного направления, рассчитана на массового читателя, публикует много сенсационно-развлекательного материала, издается в Лондоне концерном «Бивербрук-пресс»; основана в 1890 году.